

802-11
279

36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга десятая.

СЕНТЯБРЬ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, выходящій ежемѣсячно 1-го числа, книгами, съ особыми приложеніями, принимается: 1) въ Ковторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василія Петровича Полякова, на Певскомъ Проспектѣ, по лѣви Гостяного Двора, подъ № 17. 2) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цена за годовое изданіе **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За пересылку къ иногороднымъ предлагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

802-11

279

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга девятая.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.
1848.

СПИСОК
ОТВѢСТОВЪ

ЖУРНАЛЪ

ВЪСНОВАНЪ СЪ 1848 ГОДА
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 3-го сентября 1848 года.

Цензоръ *А. Мещеряковъ*.

Цензоръ *И. Срезневскій*.

Редакторъ *К. Масальскій*.

Издатель *К. Жернаковъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Подвиги Русскихъ на рѣкѣ Амурѣ, въ XVII столѣтіи, описанные на основаніи подлинныхъ бумагъ якутскаго и нерчинскаго архивовъ. Соч. *Н. Шукина*. 1—52

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. — Высочайше рескрипты, данныя: на имя почетнаго опекуна с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тучкова. — На имя исправляющаго должность наказнаго атамана войска Донскаго, генералъ-лейтенанта Хомутова 1-го. — Высочайшая Грамата на имя австрійскаго фельдмаршала графа Радецкаго. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 іюля по 15 августа сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Голландія. — Данія. — Франкфуртъ на Майнѣ. — Ганноверъ. — Пруссія. — Австрія. — Война Австріи съ Италіей. — Венгрія. — Церковная область. — Испанія. — Турція. — Египеть. — Марокская имперія 1—86

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пора любви. (Изъ Томаса Мура). *А. Бородина*. 1—2
Пѣсня горемыки. Соч. *Д. Сушкова*. 2—3
Гордость Русскаго. Соч. *А. Соколова*. 4—4
Хандра. Соч. *К. Неудачина*. 5—6
Добро и зло. Романъ. Соч. *П. Фурманна*. Часть вторая. 7—84
Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. *А. М....скаго*. 85—116

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Землемѣръ. Романъ *Купера*. (Окончаніе). 1—66
 Сэръ Аргуръ. Разсказъ *Морица Галлера*. 67—92

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Популярная исторія химіи. Статья III. 1—21
 Шатобрианъ, его замогильныя записки и отрывокъ изъ
 его завѣщанія. Его похороны на берегу Океана . . 22—50

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Альціона. Учено-литературный сборникъ, изданный К.
 Зеленецкимъ. — (Сикстинская Мадонна. Опытъ крити-
 ко-эстетической оцѣнки картины Рафаэля Санціо д'Ур-
 бино.) — Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній
 въ Америкѣ, произведенная лейтенантомъ Л. Заго-
 скинымъ. 1—42

VII. СМѢСЬ.

- Карданъ двоеженецъ. (Повѣсть Мери). — Городъ Пара и
 его окрестности. (Отрывокъ изъ путешествія по Бра-
 зилии.) — Петербургскія моды. — Новыя русскія кви-
 ги. — Новыя французскія книги. — О продолженіи из-
 данія *Сына Отечества* на 1849 годъ. 1—37
 Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская
 картинка модъ.

Всего 30 печ. листовъ.

Русская Исторія.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ НА РѢКѢ АМУРѢ,

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ,

ОПИСАННЫЕ НА ОСНОВАНІИ ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ ЯКУТСКАГО И
 ИРКУТСКАГО АРХИВОВЪ.

Въ южной Сибири пространство земли отъ Яблоноваго хребта къ востоку называлось встарину Дауріею. Это имя произошло отъ небольшого тунгусскаго племени, обитавшаго по рѣкѣ Жи или Зеѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ Амуръ. Якутскіе казаки, посланные для завоеванія народовъ, обитающихъ по рѣкѣ Амуру, прежде всего нашли Дауровъ и всю страну, орошаемую рѣками Онѣномъ, Нигодюю, Шилькою, Аргунью и Амуромъ, назвали Дауріею. Русскіе туземцы уже давно забыли это слово, но въ географіяхъ оно сохраняется вмѣстѣ съ небывалою Татаріею.

Страна, орошаемая рѣкою Амуромъ, нѣкогда принадлежала намъ по праву завоеванія, но уступлена Китаю по праву силъ-

наго. Изъ прежней Дауріи остались за нами только земли, лежащія по теченію рѣкъ Ингоды и Онона до слиянія рѣкъ Шильки съ Аргуною.

Рѣка Амуръ, со впадающими въ нее рѣками, худо извѣстна Европѣ и даже Русскимъ, а потому скажемъ объ ней нѣскольکو словъ, заимствованныхъ изъ географіи китайской, рассказъ Китайцевъ, торгующихъ на Кяхтѣ и еще кое-какихъ бывакъ.

Мы воображаемъ рѣку Амуръ одною полосою воды, происшедшею отъ слиянія рѣкъ Шильки и Аргүни и впадающею въ Охотское море;—на дѣлѣ выходитъ не такъ. Нашъ Амуръ состоитъ изъ трехъ рѣкъ и каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе. Туземцы не знаютъ даже слова Амуръ; отъ чего произошло это ошибочное названіе увидимъ тотчасъ.

Рѣка Ингодѣ и Ононъ, слившись, составили рѣку Шильку, или по туземному Силькаръ. Эта рѣка на пути своемъ принимаетъ рѣку Аргүнь и течетъ подъ прежнимъ названіемъ до впаденія въ большую рѣку Сунгари или Шунгалъ. Сунгари впадаетъ въ рѣку Усури, а послѣдняя вливается уже въ Океанъ.

Русскіе въ первый разъ услышали о рѣкѣ Амуръ отъ народовъ, обитающихъ по берегамъ Охотскаго моря и сообщили о томъ въ Якутскъ, а тамъ все протяженіе водъ отъ моря до рѣки Аргүни назвали Амуромъ, и хотя въ послѣдствіе времени убѣдились въ своей ошибкѣ, но имя присвоенное однажды, осталось неизмѣннымъ. Ни Китайцы, ни Манжуры не смѣшиваютъ трехъ рѣкъ въ одну: у нихъ Силькаръ до впаденія въ Сунгари называется Хэ-лунъ-цзянь: т. е. рѣка чернаго дракона, Сунгари: Хунь-тхунъ-цзянь, а Усури: Ву-су-ли-хэ. Теперь слово Амуръ укоренилось въ книжномъ и разговорномъ языкахъ, станемъ же, для ясности, держаться его *.

Отъ впаденія рѣки Аргүни, гдѣ стоитъ нашъ караулъ *стрѣлка*, до бывшаго города Албазина, Амуръ течетъ между

* Слова наши не новость: въ донесеніяхъ завоевателей амурскихъ народовъ всегда говорится о трехъ рѣкахъ; на Китайскихъ картахъ соединеніе трехъ рѣкъ видно съ перваго взгляда.

горами, такъ что нѣтъ почти мѣстъ удобныхъ для поселенія. Въ горахъ этихъ бродятъ Тунгусы извѣстные подъ именемъ Орочоновъ и Мангировъ. Потому горы начинаютъ удаляться отъ береговъ и оставлять равнины: по косогарамъ показывается мелкой дубякъ и орѣшникъ, деревья неизвѣстныя въ Сибири. Здѣсь встрѣчаются уже хижины при устьяхъ рѣчекъ; Манжуры, здѣсь обитающіе, заготавливаютъ дрова и строевой лѣсъ. Отъ устья рѣки Джи или Зен Амуръ течетъ прямо на югъ, берега его ровны и плодоносны. Жители занимаются преимущественно земледѣіемъ и обитаютъ въ небольшихъ селеніяхъ. Верстахъ въ 50 ниже устья Джи стоитъ единственный городъ на Амурѣ Сахалия—ула хотонъ. Китайцы говорятъ, что онъ тянется по берегу версты на четыре, на обоихъ концахъ имѣетъ по крѣпости. Верхняя состоитъ изъ двухъ рядовъ частокола, а нижняя сдѣлана изъ камня; на стѣнахъ лежатъ небольшія чугунныя пушки. Передъ городомъ островъ, позади котораго легко проплыть ночью, однако жъ для всякаго случая поставлена крѣпость Айгунъ ниже острова на лѣвой сторонѣ Амура; она укрѣплена двойнымъ частоколомъ. Гарнизонъ въ обѣихъ крѣпостяхъ вооруженъ луками и стрѣлами, сабель очень мало, а ружей и совсемъ нѣтъ. Здѣсь растутъ на свободномъ воздухѣ дыни, арбузы и кукуруза, но есть-ли плодоносныя деревья Китайцы не знаютъ.

Далѣе сжимаютъ Амуръ утесы съ обоихъ береговъ; такія мѣста называются въ Сибири цеками. Тѣснина эта продолжается верстъ на сто, а за нею идутъ берега ровные, поросшіе камышемъ и высокою травою. Въ такомъ положеніи Силькаръ, или по нашему Амуръ, впадаетъ въ рѣку Сунгари, выходящую изъ Манжуріи. Отсюда начинаютъ берега совершенно ровные и продолжаются до впаденія Сунгари въ рѣку Усури. Постоянныхъ жителей нѣтъ, но лѣтомъ останавливаются здѣсь Тунгусы для рыбной ловли. Далѣе по ровнымъ берегамъ живутъ Натки небольшими селеніями; они питаются звѣринными и рыбными промыслами. Для зимней ѣзды содержатъ собакъ. Отсюда до моря идутъ берега возвышенные, покрытые листвяною, кедрачи, сосною, елью, то-

полемъ, осиною и березою: тутъ обитають Гиляки, народъ независимый. Амуръ вливается въ заливъ, имѣющей ширины верстъ 30.

Рѣка эта сухододна отъ начала до конца, не имѣетъ пороговъ, изобильна рыбобою, теченіе имѣетъ тихое, такъ что лодки поднимаются вверхъ на веслахъ, дѣло неизвѣстное на прочихъ сибирскихъ рѣкахъ. Земля на берегахъ хлѣбородная, а въ лѣсахъ водятся отличныя соболы и другіе звѣри.

Описавъ по мѣрѣ возможности рѣку Амуръ, расскажемъ какимъ образомъ забрались сюда Русскіе и овладѣли всею рѣкою.

Сибирское царство было уже покорно Россіи отъ горъ Уральскихъ до рѣки Енисея, но далѣе къ востоку была земля невѣдомая и народы незнаемые.

Въ 1620 году казаки изъ Мангазейскаго острога съ рѣки Енисея перебрались черезъ хребетъ на рѣку Вилюю. Рѣка эта выходитъ изъ горъ, сопровождающихъ правой берегъ Енисея, течетъ прямо на востокъ и впадаетъ въ рѣку Лену. Здѣсь нашли неизвѣстный имъ народъ, богатый скотомъ и соболиными шкурами. То были нынѣшніе Якуты, племя турское, переселившееся сюда изъ верховья рѣки Енисея. Казаки по Вилюю выплыли на Лену, и обитающихъ по ней Якутовъ, обложили ясакомъ. Въ 1632 году заложенъ Якутскъ, а въ 1640 году управлялъ имъ уже стольникъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ.

Между тѣмъ завоеванія продолжались все далѣе и далѣе къ востоку. Казаки, плавая по рѣкамъ, находили жителей, облагали ихъ ясакомъ и выспрашивали о народахъ, обитающихъ далѣе. Въ 1636 году одна изъ таковыхъ партій, поднимаясь по рѣкѣ Алдану, поворотила въ рѣку Маю и съ вершинъ этой рѣки перешла черезъ горы на рѣку Улью и спустилась по ней въ Охотское море. Тутъ нашли Тунгусовъ, пришедшихъ съ рѣки Уди, впадающей въ Охотское море южнее Ульи, отъ нихъ услышали вѣсть необыкновенную. Тунгусы рассказывали, что они мѣняютъ своихъ соболей на хлѣбъ народамъ, живущимъ осѣдло по берегамъ рѣкъ Джи и Силимжи, что рѣка Джи впадаетъ въ Силькаръ, этотъ

въ рѣку Мамуръ или Амуръ, а послѣдняя вливается въ море. Потомъ сказывали о народѣ осѣдломъ и земледѣльскомъ, обитающемъ по рѣкѣ Омуту; что народъ этотъ привозитъ къ Наткамъ, обитающимъ въ нижнихъ странахъ по Амуру, золото, серебро, мѣдные котлы, бисеръ, шелковыя и бумажныя ткани, которыхъ однако жъ самъ не дѣлаетъ, а получаетъ отъ другаго народа. Казаки донесли объ этомъ въ Якутскъ, гдѣ изъ показанія столь неяснаго и сбивчиваго составили понятіе о великой рѣкѣ Амуръ, впадающей въ море. Можетъ-быть Тунгусы назвали ее иначе, но Русскіе, мастера на передѣлку иностранныхъ словъ по-своему, сочинили неизвѣстное туземцамъ слово Амуръ и заставили потомковъ углубляться въ изысканія о происхожденіи этого слова. Такимъ образомъ ошибочное названіе рѣки осталось за нею навсегда, и хотя въ послѣдствіе времени завоеватели наши писали якутскимъ воеводамъ, что на Амуръ не слыхали про рѣку Амуръ, но они не находили надобности перемѣнять названіе, къ которому привыкли*.

Извѣстіе о народахъ, у которыхъ есть золото, серебро и шелковыя ткани, взволновало Якутскъ; не знали вѣрить или нѣтъ казакамъ; какъ вдругъ эта вѣсть подтвердилась съ другой стороны и гораздо полнѣе.

Въ 1638 году енисейскій атаманъ Максимъ Перфильевъ посланъ былъ съ партією казаковъ *пробѣдать* руку Витимъ. Рѣка эта выходитъ изъ Яблонова хребта, течетъ на сѣверъ и впадаетъ съ правой стороны въ Лену. Перфильевъ, поднимаясь бичевою по Витиму, не успѣлъ добраться до вершинъ этой рѣки и долженъ былъ зимовать на пустомъ мѣстѣ. На другое лѣто онъ пошелъ впередъ и попалъ въ рѣку Цыпу, вытекающую изъ озера Баунта. Здѣсь узналъ онъ отъ Тунгусовъ, что далѣе за горами течетъ большая рѣка Силькаръ, по ней живутъ Дауры, ими владѣютъ два князя Лавкай и Батога; бой у нихъ *лучной и огненной*. Народъ этотъ

* Можно догадываться, что рѣка, извѣстная намъ подъ именемъ Амуре, носитъ имя это близъ устья своего; вѣроятно слово Мамуръ или Амуръ гиляцкое. Впрочемъ и въ манжурскомъ языкѣ есть похожее на Мамуръ слово *Моморамби*, мелю.

богатъ скотомъ и хлѣбомъ, добываетъ серебро и мѣняетъ его Тунгусамъ на соболей, а ихъ продаетъ другому народу, отъ котораго получаетъ шелковыя ткани и другіе товары.

Пока въ Якутскѣ толковали о томъ какъ бы этихъ Дауровъ, столь богатыхъ, прибрать къ рукамъ, пріѣхалъ воевода Головинъ. Онъ понялъ важность этого дѣла и для покоренія Дауровъ отправилъ двѣ экспедиціи. Первая, подъ начальствомъ письменнаго головы Еналея Бахтеярова, пошла по рѣкѣ Витиму, а другая подъ предводительствомъ атамана Василія Пояркова избрала путь по рѣкѣ Алдану. Бахтеяровъ поднимался по Витиму далѣе Перфильева, но пробраться на Амуръ ему не удалось, вѣроятно потому—что Тунгусы, обложенные имъ ясакомъ, не знали этого пути, или не смѣли указать его. Бахтеяровъ возвратился въ Якутскъ на другое лѣто съ ясакомъ и чертежемъ рѣки Витима.

Вторая экспедиція была счастливѣе. Письменный голова Василій Поярковъ отправился изъ Якутска 15 іюля 1643 года; съ нимъ было 140 человекъ стрѣльцовъ, казаковъ и промышленныхъ. По Ленѣ спустились они до устья рѣки Алдана и по этой рѣкѣ пошли бичевою. Вожатыми ихъ были Тунгусы, которыхъ брали на пути ласками и угрозами. Черезъ четыре недѣли пришелъ Поярковъ къ устью рѣки Учурѣ, впадающей въ Алданъ. По Учурѣ шли они 10 дней и поворотили въ рѣчку Гонамъ, мелкую и порожистую. Пять недѣль мучились казаки въ этой рѣчкѣ: разбирали пороги, запружали рѣчку досками и подавались впередъ, но зима остановила ихъ дѣятельность. Удалцы построили зимовье, ходили на охоту, дѣлали сани или нарты для предстоящаго путешествія: о возвратномъ пути никто не думалъ. Въ концѣ зимы, Поярковъ оставилъ здѣсь часть своей команды, провіантъ и воинскіе снаряды, а самъ съ небольшою партіею пошелъ на лыжахъ черезъ Яблоновый хребетъ. Тяжести вели казаки на саняхъ. Три недѣли шли они по глубокому снѣгу, перевалились черезъ горы и вышли на рѣку Бранду, впадающую въ рѣку Джи или Зею. Въ ожиданіи вскрытія рѣкѣ построили судно и полою водою спустились въ рѣку Пжи. Продолжая путь по рѣкѣ, они въ первый разъ увидѣ-

ли осѣдлыхъ жителей на устьѣ рѣчки Умлекана, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Люди эти назывались Даурами (Дагуръ).

Здѣсь остановились Русскіе въ ожиданіи своихъ товарищей, оставшихся на рѣчкѣ Гонамъ. Дауры приняли ихъ благосклонно, снабдили съѣстными припасами, но вскорѣ изменили свое обращеніе. Можеть-быть гости и сами въ томъ были виноваты. Начались непріязненные отношенія. Поярковъ былъ малосилентъ, Дауры принудили его отступить и защищаться, провіанту не было: онъ потерялъ до 50 человекъ отъ голоду и болѣзней.

Отъ Дауровъ получены свѣдѣнія болѣе положительныя о народахъ, обитающихъ по рѣкѣ Амуру. Казаки узнали, что кромѣ извѣстныхъ имъ князей Лавкая и Батоги, есть ханъ Борбой; онъ живетъ въ городѣ, обнесенномъ деревянною стѣною и землянымъ валомъ. Ему подчинены все окрестныя народы. На непокорныхъ посылаетъ онъ по двѣ и по три тысячи войска. У побѣжденных беретъ Аманатовъ. *Бой у него лучшей и огненной*. Съ покорныхъ собираетъ ясакъ соболями; скота и хлѣба у него много; изъ послѣдняго курятъ вино. Князь Лавкай живетъ отъ устья рѣкѣ Джи вверхъ по Амуру.

Поярковъ дождался товарищей своихъ, построилъ судно и поплылъ внизъ по рѣкѣ Джи. На пути онъ видѣлъ небольшіе даурскіе острожки, много пашень и скота. Наконецъ онъ вышелъ и въ давно желанную рѣку Амуръ; берега ея показались ему обѣтованною землею, и не мудрено: Русскіе увидѣли здѣсь пашни, яблоки, груши и орѣхи. Разсказъ о плодородныхъ деревьяхъ сомнителенъ: не разумѣть ли нашъ странствователь сибирскія яблочки и перенки, дико растущіе въ Дауріи.

Въ это время по берегамъ Амура жили мелкія тунгусскія племена, имѣвшія разныя названія по родамъ; ими управляли князьки, платившіе дань манжурскому владѣльцу, обитавшему въ городѣ на рѣкѣ Нони, или по нашему Науну. Этотъ владѣлецъ зависѣлъ отъ хана дома Манжу, тогда усилившагося и занявшаго Китай. Обитатели Амура жили осѣдло,

занимались земледѣіемъ, скотоводствомъ, звѣриными и рыбными промыслами. Владѣльцы ихъ жили въ деревянныхъ городкахъ; огнестрѣльнаго оружія не имѣли.

Поярковъ кажется не думалъ о завоеваніяхъ, а рѣшился только *провѣдать* рѣку Амуръ; онъ пустился по теченію этой рѣки и въ три недѣли пришелъ къ тому урочищу, гдѣ рѣка Амуръ впадаетъ въ рѣку Сунгари, по его Шунгалъ. Поярковъ называетъ Амуръ Силькаромъ и не смѣшиваетъ его съ другими рѣками. Здѣсь онъ остановился, но, чтобъ узнать далеко ли море, послалъ 25 человѣкъ изъ партіи своей вниз по рѣкѣ; изъ нихъ воротились только двое, остальные убиты: Дучерами, тамошними обитателями.

Отсюда плыль Поярковъ 6 дней до рѣки Усури, въ которую впадаетъ Сунгари. Вездѣ жили Дучеры; за ними обитали Натки, а потомъ уже до самаго моря Гиляки. Въ четыре недѣли приплыли они въ устье рѣки Амура и остановились тутъ зимовать. Гиляки, здѣсь обитавшіе, были обложены ясакомъ и объявлены подданными Блага Царя. Поярковъ говоритъ, что народъ этотъ никому неподвластенъ и управляется своими князьями.

Здѣсь провели Русскіе всю зиму, плыть назадъ по Амуру вѣроятно не смѣли, но рѣшились возвратиться въ Якутскъ другою дорогою: имъ извѣстно было, что рѣка Уля впадаетъ въ море, а съ вершинъ этой рѣки можно пробраться черезъ горы въ рѣку Маю, потомъ въ Алданъ и въ Лену. Поярковъ пустился въ море, держась берега: 12 недѣль носило ихъ по Океану и выкинуло на берегъ. Судно разбилось, а странствователи пришли пѣшкомъ на устье рѣки Ули, тамъ стояло зимовье, построенное прежними казаками. Здѣсь провели часть зимы, а потомъ на лыжахъ отправились къ вершинамъ рѣки Маи. До вскрытія рѣки построили судно и по Алдану спустились въ Лену. Въ Якутскъ возвратился Поярковъ въ 1646 году съ 12 сороками соболей, гиляцкими аманатами, огромнымъ описаніемъ своихъ походовъ и чертежемъ рѣкъ, имъ пройденныхъ. Онъ говоритъ, что если на Амуръ отправить 300 человѣкъ и построить три острожка

съ 50 человѣками гарнизона въ каждомъ, достальные покорятъ всѣхъ народовъ, тамъ обитающихъ.

Вотъ первый подвигъ Русскихъ на Амуръ, ознаменованный необыкновенными трудами нашихъ предковъ, но съ другой стороны онъ ползетъ тѣмъ, что мы провѣдали эту рѣку, узнали ея жителей, силу ихъ и произведенія земли; узнали, что непріятель можетъ довольствоваться наше войско хлѣбомъ и скотомъ, а это условіе весьма важно при началѣ войны въ землѣ непріятельской.

Появленіе Русскихъ на Амуръ было для туземцевъ происшествіемъ неожиданнымъ и сверхъ-естественнымъ. Они въ первый разъ увидѣли огромныхъ людей съ длинными волосами и бородами; объ огнестрѣльномъ оружіи они имѣли уже понятіе; но ихъ страшилъ одинъ видъ ужасныхъ прищельцевъ: они не считали ихъ за людей обыкновенныхъ и называли Русскаго Лѣшіемъ (Лѣча) духомъ лѣснымъ. Такъ величаетъ насъ теперь вся сѣверовосточная Азія, такъ называлъ и Китай до-тѣхъ-поръ, пока не ознакомился съ нами совершенно и переименовалъ прежнее названіе на Олосъ, т. е. Оросъ.

Мысль о покореніи амурскихъ странъ сдѣлалась господствующею въ Якутскѣ, но трудность пути и недостатокъ силъ удерживали нашихъ предпринимателей воеводъ. Между тѣмъ какъ продолжалась переписка о рѣкѣ Амуръ съ Москвою, найдена въ Даурію другая дорога, короче прежней. Въ Лену впадаетъ съ правой стороны рѣка Олѣмка; она выходитъ на югъ изъ хребта, который отдѣляетъ систему водъ амурскихъ отъ ленскихъ. Въ 1647 году артель звѣровщиковъ, поднимаясь по этой рѣкѣ, изобилующей соболями, дошла до устья рѣки Тугира. Встрѣтившіеся съ Русскими Тунгусы объявили, что съ вершинъ Тугира переходятъ они черезъ хребетъ на рѣку Уру, а эта рѣка впадаетъ въ Силькаръ, гдѣ живутъ князья Лавкай и Батога. Вѣсть эта была по сердцу якутскимъ воеводамъ, въ томъ же году они отправили на Олѣмку нѣсколько служивыхъ съ тѣмъ, чтобъ они провѣдали путь на Амуръ, построили на рѣкѣ Тугирѣ зимовье и обложили ясакомъ тѣхъ Тунгусовъ, которые попадутся. Въ первое лѣто служилые успѣли только придти на

Тугирь и построить зимовье; на другой годъ перешли за хребетъ и открыли желанную рѣку Уру. * По этой рѣкѣ шли они пѣшкомъ, наблюдая осторожность, чтобъ не попасть на какой-нибудь даурскій улусъ и успѣли пробраться на Амуръ ниже устья рѣки Уры. Здѣсь увидѣли они плотъ; охранявшій его Тунгусъ объявилъ, что на такихъ плотахъ приплываютъ они изъ верховья рѣки Силькара сюда за хлѣбомъ и, купивши его, возвращаются зимою по льду; что до города, въ которомъ живетъ Лавкай, день пути. Казаки не смѣли приблизиться къ Лавкаевой столицѣ, но вымѣряли только глубину и ширину рѣки Амуре и, возвращаясь на Тугирь, дѣлали на деревьяхъ засѣки или замѣтки для будущихъ походовъ.

Въ это время жилъ на Ленѣ, около киренскаго острога, выходецъ изъ Устюга Великаго Ерофей Павловичъ Хабаровъ, человѣкъ богатый и предприимчивый. Сперва онъ занимался хлѣбопашествомъ около Енисейска, но въ 1638 году набралъ 27 человекъ покрученниковъ (работники, которымъ плата дана впередъ), взялъ изъ казны 2000 пудовъ хлѣба, рыболовные сѣти, бархатные кафтаны, суконъ и мѣди въ кускахъ; всего на 1504 рубля и пустился на Лену торговать и ловить соболей. Пребываніе свое устроилъ онъ, какъ можно полагать недалеко отъ нынѣшняго Киренска, въ деревнѣ Хабаровой. Здѣсь онъ развелъ пашни, посылалъ своихъ покрученниковъ на ловлю соболей и недалеко отъ устья рѣки Куты построилъ соловаренный заводъ, который отняли однако жъ въ казну. Неизвѣстно, былъ ли онъ самъ на Олѣкмѣ или его звѣровщики нашли дорогу на Амуръ, только видно, что онъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія о князьяхъ Лавкай и Батогахъ и народахъ, на рѣкѣ Силькару обитающихъ. Старый *опытовщикъ* Ерофей Хабаровъ ** составилъ планъ завоеванія рѣки

* Кажется эта рѣка называлась потомъ Амазуромъ или большою горбицею (Кербече).

** Опытовникъ едва-ли означаетъ предприниматель, аферистъ. Наши юные писатели, не имѣющіе времени заниматься чтеніемъ скучныхъ историческихъ документовъ, отвергаютъ существованіе Хабарова и говорятъ, что онъ извѣстенъ только по преданіямъ. Мы указываемъ на историческіе акты археологической комиссіи и № 1 Сына Отечества 1840 года.

Амура и въ мартъ мѣсяцъ 1649 года явился въ Илимскъ, къ зимовавшему тамъ новому якутскому воеводѣ Францбекову. Онъ подалъ ему челобитную, за своеручнымъ подписаніемъ, въ которой объяснялъ, что въ прошлыхъ годахъ посыланъ былъ на князей Лавкай и Батогу письменный голова Еналей Бахтеяровъ, но онъ не зналъ настоящаго пути на Амуръ, а шелъ по рѣкѣ Витиму. Теперь же Хабаровъ нашелъ прямой путь во владѣнія этихъ князей по рѣкѣ Олѣкмѣ, почему просить о дозволеніи набрать партію въ 150 человекъ, или сколько собрать можетъ; съ ними пойдетъ онъ на Амуръ рѣку противъ князей Лавкай и Батоги, и если удастся покорить тѣхъ захребетныхъ непослушниковъ, то Государю прибыль будетъ большая. Артель свою беретъся Хабаровъ дозволствовать на свой счетъ хлѣбомъ, порохомъ, свинцомъ и оружіемъ, беретъся построить суда, вооружить ихъ; словомъ не просить у казны никакого пособія, кромѣ дозволенія набирать охочихъ людей.

Планъ этотъ найденъ уважительнымъ, и Хабарову дана наказная память (наставленіе), въ которой между прочимъ было сказано: идти ему по рѣкамъ Олѣкмѣ и Тугиру на рѣку Шильку, на государевыхъ непослушниковъ князей Лавкай и Батогу и на ихъ улусныхъ людей. Дорогою идти сторожливо и дѣйствовать вооруженною рукою тогда только, когда иноземцы откажутся отъ добровольнаго покоренія. Во всѣхъ случаяхъ поступать благоразумно, чтобъ Государю было прочно и стоятельно, а покореннымъ не въ тягость. Своихъ же подчиненныхъ отъ всякаго дурна унимать. Когда же придутъ на рѣку Шильку, то въ приличномъ мѣстѣ поставить острожикъ и отсюда ходить въ походы. Если же князья Лавкай и Батога покорятся добровольно, то, обложивъ ихъ ясакомъ, оставить по-прежнему, обнадеживъ покровительствомъ Царя. Собранный ясакъ и людей, давшихъ присягу на подданство, записывать въ книгу. Со всѣхъ рѣкъ пройденныхъ снять чертежи и описаніе народовъ, тамъ обитающихъ.

Предпріятіе Хабарова напоминаетъ намъ завоевателя Мексики Кортеса. На свой счетъ набралъ онъ людей и взялся

довольствовать ихъ, единственно изъ надежды получить богатство силою и обманомъ отъ бѣдныхъ Американцевъ. У Кортца было 500 солдатъ, артиллерія и ружья; но Хабаровъ шелъ противъ народовъ ему неизвѣстныхъ со 150 человекъми и безъ пушекъ. Правда что Кортцъ имѣлъ дѣло съ народомъ воинственнымъ и многочисленнымъ; онъ погибъ бы непременно въ первомъ сраженіи, если бъ не выручила его конница, явленіе необыкновенное для Мексиканцевъ, воображавшихъ человека и лошадь однимъ существомъ. Но и Хабаровъ встрѣтилъ на Амуръ огнестрѣльное оружіе, о существованіи котораго онъ слышалъ. У народовъ бываютъ какіе-то періоды открытій и завоеваній, отъ времени до времени появляются гении, увлекающіе за собою современную толпу. Мы думаемъ, что времена эти прошли, потому-что истошились матеріалы, нѣтъ, матеріалы всегда будутъ и есть; гений найдеть ихъ подъ руками и произведеть чудеса, которыхъ мы не могли и подозревать. Духъ завоеваній и предпріятій господствовалъ у Русскихъ съ половины XVI до начала XIX столѣтія. Теперь онъ приостановился и отдыхаетъ до появленія Ермаковъ, Хабаровыхъ, Дежневыхъ и Шелеховыхъ.

Весною 1649 года, Хабаровъ набралъ 70 человекъ охотниковъ, построилъ суда и по Ленѣ спустился къ устью рѣки Олѣкмы; на пути пристало къ нему еще нѣсколько человекъ. Отсюда начинается трудный путь противъ теченія быстрой и порожистой рѣки Олѣкмы. Какихъ трудовъ стоило провести судно по этой рѣкѣ бичевою, видно ужъ изъ того, что въ продолженіе лѣта онъ дошелъ только до устья рѣки Тугира, гдѣ и долженъ былъ зимовать. Хабаровъ, описывая трудность подъема по рѣкѣ Олѣкмѣ, говоритъ, что въ порогахъ снасти рвало, слопцы ломало и людей ушибало, но Божією помощію и Государевымъ счастіемъ дѣло кончилось благополучно.

Въ январь 1650 года они поднялись съ зимовки и пошли на лыжахъ по льду рѣки Тугира; поклажу везли сами на легкихъ саняхъ (парты) перевалились черезъ хребетъ и вышли на Амуръ выше устья рѣки Урки. Здѣсь начинались владѣнія

князя Лавкай: внизъ по Амuru стояли пять городовъ его одинъ за другимъ; они обнесены были деревянными стѣнами съ башнями, внизу были подлазы, или отверстія для вылазокъ; ровъ и валъ защищали стѣны.

Хабаровъ занялъ эти города безъ сопротивленія одинъ за другимъ: жители, увидѣвъ Русскихъ, сдѣлились на коней и удалялись въ слѣдующій городъ. Внутри городковъ были деревянные дома съ бумажными окнами. Третій изъ Лавкаевыхъ городковъ показался Хабарову надежнѣе прочихъ и онъ избралъ его мѣстомъ своего пребыванія.

Тамъ только Русскіе остановились, какъ подъѣхали къ нимъ верхами пять человекъ. Тунгусъ, переводчикъ, объяснилъ, что одинъ изъ нихъ есть князь Лавкай, а прочіе его родственники; они спрашиваютъ за чѣмъ пришли сюда Русскіе. Хабаровъ велѣлъ сказать, что они купцы и желаютъ торговаться. Нѣтъ, отвѣчалъ Лавкай, я знаю что васъ идетъ 500 человекъ, а позади гораздо больше; вы хотите насъ убить, имѣніе наше отнять, а женъ и дѣтей въ полонъ взять. Тогда объявилъ ему Хабаровъ, что присланъ отъ великаго Царя и приглашаетъ ихъ въ подданство; если они покорятся добровольно и будутъ платить ясакъ, Царь возметъ ихъ подъ свое покровительство. Если такъ, отвѣчалъ Лавкай, желаніе ваше будетъ исполнено. Поворотилъ коня и скрылся.

Хабаровъ думалъ, что Лавкай придетъ къ нему съ ясакомъ, но ожиданіе его не исполнилось. Онъ пошелъ впередъ. Два городка Лавкаевы были пусты, въ послѣднемъ нашелъ онъ старуху, сестру Лавкаеву; она сказала, что была въ плѣну у князя Богдой, но братомъ выкуплена; что князь этотъ богатъ и силенъ, пьетъ и ѣстъ изъ золотой и серебряной посуды; городъ его стоитъ на рѣкѣ Науни, укрѣпленъ землянымъ валомъ, на которомъ стоятъ пушки. Но есть другой царь, которому Богдой подвластенъ и платитъ дань. Получивъ такія свѣдѣнія, Хабаровъ понялъ, что съ его силами нельзя ничего здѣсь предпринимать, а потому возвратился въ избранный имъ городокъ. Тамъ нашли они много хлѣба въ амахъ; бѣжавшіе Дауры не успѣли его взять. Здѣсь оста-

вилъ онъ 70 человекъ своей команды и отправился съ небольшимъ отрядомъ въ Якутскъ, для личныхъ объясненій, куда и прибылъ въ маѣ мѣсяцъ.

Рассказъ Хабарова о благословенныхъ амурскихъ странахъ воспламенилъ воображеніе воеводы Францбекова и дьяка Степанова. Живучи въ Якутскъ, нельзя было слышать хладнокровно о странѣ, которая производила чудесный хлѣбъ, отличныхъ соболей, а въ рѣкахъ водились огромныя рыбы. Государь пріобрѣталъ новыхъ подданныхъ, съ богатымъ ясакомъ, а этотъ ясакъ переходилъ черезъ руки воеводъ. Но Хабаровъ объявилъ, что съ такими средствами, какія у него, нельзя воевать съ народомъ многочисленнымъ, имѣющимъ огнестрѣльное оружіе и города.

Францбековъ понималъ важность этого дѣла, только не въ силахъ былъ исполнить предложенія Хабарова: онъ могъ только снабдить его двумя пушками, порохомъ, свинцомъ и двадцатью стрѣлками; но далъ позволеніе набирать дорогою охотничь и промысленныхъ людей сколько можетъ. При отправленіи вручены были Хабарову двѣ граматки, одна къ князю Лавкаю, а другая къ Багдою. Въ этихъ граматахъ воевода увѣщевалъ ихъ покориться добровольно и платить ясакъ великому Царю, за что обѣщалъ милость и покровительство. Что теперь посылаетъ онъ противъ нихъ приказнаго человека Ерофея Хабарова съ малыми людьми, для посольства и провѣданія, по въ случаѣ непокорности пойдетъ самъ съ 6 тысячами воиновъ, съ пушками и смертію накажетъ непослушныхъ. «А Государь нашъ Царь Алексѣй Михайловичъ силенъ, великъ и страшенъ; но милостивъ и праведенъ, кровей неискатель. А у Государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, въ якутскомъ же острогѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Ленѣ Якуты, Тунгусы и Юкагиры къ ратному бою навичны и бьются не щадя головъ своихъ».

Хабаровъ набралъ 117 человекъ охотниковъ, такъ что вся его команда съ оставленными на Амурѣ простиралась до 300 человекъ, и съ этой-то горстью людей онъ надѣялся покорить Государю второе Сибирское царство. Между тѣмъ оставленные имъ на Амурѣ въ городкѣ товарищи выдержали

нѣсколько осадъ отъ Дауровъ, но отразили ихъ не только удачно, даже успѣли собрать съ окрестныхъ жителей ясакъ, который и послали въ Якутскъ, съ образцами хлѣба, произрастающаго на Амурѣ.

Хабаровъ пришелъ на Амуръ осенью 1650 года и, не теряя времени, пошелъ подъ городокъ князя Албазы. Дауры вышли на вылазку и бой продолжался съ полдня до вечера, но при всемъ томъ Хабаровъ не потерялъ ни одного товарища; стрѣлы ранили только 20 человекъ, за то огнестрѣльное оружіе Русскихъ произвело страшное опустошеніе въ рядахъ непріятельскихъ. Дауры бросились на коней и пустились внизъ по Амуру, а городъ свой оставили побѣдителямъ. Хабаровъ нашелъ тутъ много хлѣбныхъ запасовъ. Городъ показался ему крѣпче другихъ и ближайшимъ къ пути въ Якутскъ, а потому избралъ его мѣстомъ своего пребыванія. Этотъ городокъ, принадлежавшій князю Албазѣ, названъ Албазинымъ городкомъ.

Въ тотъ же день отправилъ Хабаровъ за бѣгущими Даурами 130 человекъ въ погоню, подъ командою Дунай Трофимова и Тренки Ермолина въ легкихъ стругахъ. Всю ночь плыли они, не встрѣчая ни одного селенія, на утро увидѣли городокъ, принадлежавшій князю Атую. Русскіе однимъ появленіемъ навели такой страхъ на жителей, что они городъ свой зажгли и, бросившись на коней, ускакали внизъ по Амуру. Завоеватели пустились въ погоню и около полудня увидѣли непріятеля готоваго на бой. Русскіе ударили на нихъ колонною, произвели страшное опустошеніе и Дауры бѣжали, оставя побѣдителямъ 117 головъ скота. Нашъ уронъ состоялъ изъ девяти раненыхъ. 11 ноября побѣдители возвратились въ Албазинъ.

Спустя нѣсколько времени, Хабаровъ самъ отправился въ походъ: пушки и припасы везли на саняхъ. Девять дней шли они вдоль Амура и только въ десятый увидѣли даурскихъ князей съ огромною конницею. Бой продолжался съ утра до вечера: Дауры бѣжали.

Въ продолженіе зимы Хабаровъ построилъ новый городокъ «въ угожемъ мѣстѣ подъ волокомъ, гдѣ переходить

русскимъ людямъ пьшею ногою только два дня», и въ томъ острогъ оставилъ для пашни двадцать человекъ, да для привода въ покорность Дауровъ и сбора съ нихъ ясака 30 служивыхъ людей.

Трудно понять, о какомъ городѣ онъ говоритъ: тотъ ли этотъ городокъ, въ которомъ жили оставленные имъ товарищи во время поѣздки въ Якутскъ, или князя Албазы, гдѣ Хабаровъ укрѣпился, или онъ построилъ новый острогъ на устьѣ реки Горбицы, по-тогдашнему Уры, который впоследствии сталъ называться по старой привычкѣ Албазинымъ; только дѣло въ томъ, что городъ Албазинъ основанъ Хабаровымъ, а не бѣглымъ полякомъ Черниговскимъ, какъ сказано въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ. Черниговскій возобновилъ только этотъ городъ, разоренный Манжурами, о чемъ будетъ сказано ниже. Донесенія въ Якутскъ, писалъ Хабаровъ самъ, онъ былъ опытовщикъ, а не писака, происшествія у него такъ сливаются, что трудно отличить одно отъ другаго. За то ужъ ничего не пропущено: всѣ подробности изложены съ величайшею отчетливостію; за то въ каждомъ словѣ видна истина. Предки наши не ячшались съ иноземцами, слѣдовательно не имѣли возможности научиться шарлатанству; ложь и обманъ почитали грѣхомъ смертнымъ.

На последнемъ бою взяли въ плѣнъ дѣтей и родственниковъ дучерскаго князя Шилгинея. Плѣнные въ вопросахъ показали, что по Амуру, начиная съ вершинъ, живутъ по порядку слѣдующіе владѣльцы: Лавкай, Шилгинея, Албазъ, Ату, Дезауль, Балбулай, Гагударь, Якорей, Шочканы. Всѣ они платятъ ясакъ богдойскому царю Шамшакану; царь же Шамшаканъ есть посаженникъ царя Алакабатуракана *, и собранный съ подвластныхъ князей ясакъ отсылаетъ къ нему. Шамшаканъ живетъ на рѣкѣ Нони, до жилища его съ Амура черезъ хребетъ двѣ недѣли пути верхомъ, а во-

* Вѣроятно Алаки Батуръ-Ханъ.

дою по Амуру и прочимъ рѣкамъ четыре недѣли. По этимъ рѣкамъ стоятъ города каменные и деревянные съ пушками, но въ сраженіяхъ употребляются стрѣлы, копы и сабли. Во владѣніяхъ царя Шамшакана на рѣкѣ Шулимъ есть гора, въ которой добываютъ серебряную руду. До нея съ Амура верховой ѣзды семь дней. Для охраненія этой горы стоитъ караулъ человекъ 500. Если кто хочетъ изъ руды выплавить серебро, тотъ платитъ хану часть выплавленного металла; дѣломъ этимъ занимаются Арары, обитающіе по рѣкѣ Шилиму. Въ этой же землѣ находятъ жемчугъ и *камне дорогое*. Ниже по Амуру живутъ народы, которые Шамшакану не подвластны и ясаку никому не платятъ. Всѣ обитающіе въ вершинахъ Амура бѣгутъ отъ Русскихъ на низъ къ сильнымъ соседямъ. Тутъ же обитаетъ съ родомъ своимъ князь Гантимуръ-Уланъ, онъ ни отъ кого не зависитъ и съ Русскими драться не станетъ, но будетъ платить ясакъ * Хабаровъ представилъ это показаніе въ Якутскъ съ мнѣніемъ своимъ, что Даурскою землею овладѣть можно и подъ царскую высокую руку привести, и та новая Даурская земля будетъ Государю второе Сибирское царство, а теперь даурскіе люди ждуть себя обороны отъ царей Шамшакана и Алакабатуракана. А если Государь пожелаетъ овладѣть землями царей Шамшакана и Алакабатуракана, то послать въ ту землю большихъ ратныхъ людей, а хлѣба можно получить отъ Дауровъ хотя на продовольствіе 20,000 человекъ.»

Это простое, но правильное описаніе Дауріи и Манжуриі, при всей краткости своей, хорошо объясняетъ политическое положеніе народовъ и произведенія земли. Горы съ серебряною рудою достались потомъ Русскимъ, и это наши нерчинскіе заводы. Аквамарины, тяжеловѣсы и аметисты найдены въ тѣхъ же горахъ. Жемчужныя раковины добываются и теперь по рѣкамъ Манжуриі. Политическій составъ Манжуриі и донынѣ тотъ же: мелкіе владѣльцы подвластны силь-

* Этотъ князь перешелъ потомъ въ Россію съ 300 человекъ своихъ подданныхъ, былъ въ Москвѣ и получилъ княжеское достоинство. Потомки его существуютъ донынѣ.

нымъ владѣтельнымъ князьямъ, а они Богдо-Хану китайскому. Трудно, при нашихъ средствахъ добраться до настоящихъ именъ царей Алакабатурукана и Шамшахана. Ханъ ли это усилившагося тогда владыка Манжу и занявшаго Китай, или въ свою очередь завистель отъ этого дома? Какъ бы то ни было, Хабаровъ описалъ вѣрно тогдашнее состояніе народовъ, съ которыми имѣлъ дѣло.

Не должно забывать, что Хабаровъ отбиралъ вопросы отъ плѣнныхъ чрезъ Тунгуса, своего переводчика, разумѣвшаго, безъ всякаго сомнѣнія, худо по-русски и несовершенно понимавшаго нарѣчіе своихъ соплеменниковъ Дауровъ. Какъ послѣ этого не подивиться вниманію и проницательности нашего героя! *

О дѣлахъ Хабарова писано было изъ Якутска въ Москву въ сибирскій приказъ, а между тѣмъ набрано было 26 человекъ служилыхъ людей, 107 человекъ охочихъ и промышленныхъ съ ружьями, имъ дано пороху и свинцу 30 пудовъ, къ Хабарову посланъ писарь и стопа писчей бумаги. Отрядомъ этимъ командовали до прихода на Амуръ Тренка Чечегинъ и Апаній Руслановъ. Сдавъ команду и припасы Хабарову, они должны были отправиться къ царю Шамшакану съ грамотою отъ якутскаго воеводы Францбекова и дѣяка Степанова; они именемъ Царя Алексѣя Михайловича приглашали его въ подданство, «а въ нынѣшнемъ году подвластные тебѣ князя Лавкай и прочіе хотѣли побить ратныхъ людей Царя Алексѣя Михайловича, но отъ его ратнаго бою ваши люди стоять не могли, и тебѣ Царю Шамшакану не стоять и съ его Государя нашего людьми не биться и Государя нашего тѣмъ не прогнѣвать, а велѣть давать серебромъ, золотомъ, и самоцветными камнями и узурочными товарами, и мягкою ружьядью, что въ вашемъ Государствѣ родится, по вашей силѣ, какъ бы вамъ въ мочь».

* Можно подозрѣвать въ словѣ Шамшаканъ перваго китайскаго императора изъ дома Манжуровъ Шунь-чи-хана, владѣвшаго въ это время всѣмъ китайскимъ государствомъ. Но жилище Шамшакана на рѣкѣ Нони противорѣчить истинѣ. Можетъ-быть толмачи перемѣшали рассказъ плѣнныхъ Манжуровъ.

Посольство это не выполнило своего назначенія: Дауры взяли доставить его къ царю Шамшакану, но дорогою убили посланныхъ.

На другое лѣто Хабаровъ пошелъ внизъ по Амуру на судахъ. Онъ проплылъ мимо выжженнаго даурскаго городка и двухъ пустыхъ улусовъ, вечеромъ приблизился къ тремъ городкамъ, стоящимъ одинъ подлѣ другаго и раздѣлявшимся только стѣнами. Они принадлежали тремъ князьямъ Гогударю, Олюмзѣ и Лютодиму. Князья эти, услышавъ о появленіи страшныхъ людей на Амуръ, собрались въ одно мѣсто и построили три города. Стѣны были деревянныя, двойныя, набитыя внутри землею, кругомъ рвы и въ нихъ изъ городовъ подлазы. Дауры выступили на берегъ съ тѣмъ, чтобъ не позволить Русскимъ выйти на землю, между ними было 50 человекъ Манжуръ съ ружьями, но лишь Русскіе сдѣлали залпъ изъ ружей и повалили 20 человекъ непріятелей, Дауры немедленно добрались въ первый городокъ свой и тамъ заперлись, а Манжуры побѣжали въ поле, откуда спокойно смотрѣли на происходившее, не подавая помощи осажденнымъ и не дѣйствуя противъ Русскихъ. Хабаровъ не обратилъ на нихъ вниманія, но рѣшился взять городъ.

Сперва онъ предложилъ осажденнымъ, чтобы сдались добровольно, но вмѣсто отвѣта они пустили такое множество стрѣлъ, что поле у городка казалось пашнею съ житомъ. Русскіе открыли по городу пальбу изъ трехъ пушекъ и къ утру сдѣлали подлѣ одною башнею проломъ, чрезъ который и ворвались въ городъ. Непріятель отступилъ и заперся въ другомъ городкѣ, который въ полдень былъ взятъ, наконецъ и третій городъ взяли приступомъ и всѣхъ Дауровъ перерубили. Убитыхъ оказалось 661 человекъ, Русскіе потеряли четверыхъ; раненыхъ было 45 человекъ. Въ плѣнъ взято женщинъ 243, дѣтей 118, лошадей 237, рогатаго скота 113 штукъ. Вотъ первая побѣда Хабарова надъ непріателемъ, вдвое, а можетъ-быть и втрое противъ него многочисленнымъ, не имѣвшимъ огнестрѣльнаго оружія и храбрости.

Отъ плѣнныхъ узнали, что 50 человекъ Манжуръ, бывшіе спокойными зрителями происходившаго, суть подданные ца-

ря Шамшакана и живутъ здѣсь постоянно для сбора ясака и торговли, и что противъ Русскихъ они не воевали потому, что не имѣли на то приказанія отъ царя своего. На другой день явился къ Хабарову посланный отъ нихъ; онъ былъ одѣтъ въ шелковое платье и соболью шапку, говорилъ много, но Тунгусъ, толмачъ, могъ перевести только то, что Манжуры желаютъ быть въ мирѣ съ Русскими.

Здѣсь прожилъ Хабаровъ шесть недѣль, собирая ясакъ съ окрестныхъ жителей и приглашая князей въ подданство, но успѣхъ былъ незначителенъ. Онъ рѣшился плыть далѣе, взявъ съ собою лучшихъ лошадей, чтобъ при высадкахъ имѣть конницу. На другой день остановился онъ у пустаго городка и разслалъ во все стороны людей провѣдывать. Отъ плѣнныхъ узнали, что противъ устья рѣки Жи или Зеи есть улусъ, въ которомъ княжить Какорей, а ниже недавно построенъ городокъ, въ которомъ живутъ князья Турунча, Толга и Омутей.

Хабаровъ плылъ до устья рѣки Зеи два дня и ночь; онъ нашелъ здѣсь только пустыя юрты. Подъ вечеръ увидѣли и желанный городокъ.

Онъ построенъ былъ наскоро, когда вѣсть о прибытіи Русскихъ разнеслась по Амуру, и служилъ убѣжищемъ всемъ окрестнымъ владѣльцамъ: сюда свезли они богатство свое и, считая себя въ безопасности, весело пировали на лугу за городомъ. Передовые Хабарова свободно вошли въ городъ, а между-тѣмъ подошли суда съ пушками и конница вышла на берегъ. Немедленно окружены были пировавшіе князья. Дауры бросились—было иные въ городъ, другіе на утекъ, но все были изрублены. Князья заперлись въ юртахъ и начали отстрѣливаться, но посланный отъ Хабарова уговорилъ ихъ сдаться со всеми старшінами улусовъ. Плѣнные отведены были въ городъ, гдѣ, давъ на вѣрность присягу, обещались платить ясакъ съ тысячи человекъ. Князей Турунчу и Толгу оставили у себя аманатами, а Омутей и прочихъ выпустили съ тѣмъ, чтобъ они спокойно жили въ своихъ улусахъ. Три недѣли продолжался миръ и согласіе, Дауры снабжали Русскихъ съѣстными припасами, водили дружбу, по другъ

все убѣжали. Хабаровъ рѣшился, было здѣсь зимовать, но лишился возможности получать съѣстные припасы, долженъ былъ искать мѣста для зимнихъ квартиръ. Сожегши Толгинъ городокъ, взялъ съ собою князей и поплылъ далѣе. Князь Толга на другой день умертвилъ самъ себя.

Черезъ четыре дня приплыли они къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Амуръ пробивается между двумя хребтами; такія мѣста въ Сибири называются щекнами. Черезъ эту тѣснину плылъ Хабаровъ двоя сутки, а потомъ еще два дня до рѣки Сунгари-Ула, или по-тогдашнему Шунгала. Народъ, обитающій выше и ниже щекъ, называетъ онъ Гагулами. Отъ рѣки Сунгари-Ули простираются на недѣлю плаванія жилища Дучеровъ. За ними живутъ Ачаны. Гагулы и Дучеры занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ. Но Ачаны питаются рыбью. Въ сентябрѣ мѣсяцъ онъ рѣшился остановиться на зимовку въ большомъ ачанскомъ улусѣ, отъ котораго до мочевьевъ Гиляковъ считалось 10 дней пути.

Хабаровъ построилъ здѣсь укрѣпленіе, которое назвалъ ачанскимъ городкомъ. Сюда перевезли все что было на судахъ; а какъ въ хлѣбъ чувствовали они недостатокъ, то и отправились 100 человекъ вверхъ по Амуру, 106 остались въ городѣ. Дучеры и Ачаны воспользовались этимъ раздѣленіемъ силъ; собравшись до 1000 человекъ, окружили городъ съ земли и стали зажигать его, но Хабаровъ вывелъ на вылазку 70 человекъ, подъ прикрытіемъ огня съ города изъ пушекъ и ружей, ударилъ на непріятеля и черезъ два часа обратилъ его въ бѣгство. Убитыхъ оказалось 117 человекъ; Русскіе потеряли только одного. Черезъ два дня послѣ сраженія, возвратилась посланная партія съ большимъ запасомъ хлѣба.

Въ продолженіе зимы, Русскіе укрѣпляли свой новый городъ и собирали ясакъ съ жителей. Между тѣмъ разбитые на Амуръ туземцы просили помощи у манжурскаго хана, своего повелителя. Онъ приказалъ подвластному князюки Изиню собрать до двухъ тысячъ войска, по большей части коннаго, и взять Русскихъ живыхъ съ оружіемъ. Шесть пу-

* Полркова Натки.

шекъ и 30 ружей безъ замковъ, но съ тремя и четырьмя стволами, нѣсколько глиняныхъ пинартъ, начиненныхъ порохомъ, для подорванія стѣнъ, были первыми огнестрѣльными орудіями, употребленными здѣсь противъ Русскихъ.

24 марта, рано по утру, когда наши удалцы еще спали, вдругъ пробудились они отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Эти звуки они услышали въ первый разъ на рѣкѣ Амуръ, однако жъ вскорѣ пришли въ себя и стали отвѣчать непріятелю тѣмъ же. Осаждающимъ удалось сдѣлать проломъ и ворваться въ городъ, но, исполняя приказъ своего хана, захватить Русскихъ живыхъ, они сами были убиты, между-тѣмъ Хабаровъ поставилъ въ проломъ мѣдную пушку, изъ которой столь удачно дѣйствовалъ при помощи ружей, что Манжуры отступили отъ города. Послѣ того вышли на вылазку 150 человекъ и сперва взяли двѣ чугунныя непріятельскія пушки, стоявшія ближе къ городу, а потомъ ударили съ саблями въ рукахъ на тѣхъ Манжуровъ, которые стрѣляли изъ ружей. Они были сломлены и изрублены, а остальные бѣжали.

Такимъ образомъ 206 человекъ Русскихъ разбили двухъ-тысячный корпусъ Манжуровъ, имѣвшихъ 6 пушекъ и ружья. Дѣло невѣроятное! Но храбрость и дисциплина всегда оказывали чудеса въ военномъ дѣлѣ. Мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ найдено 676; двѣ пушки, 17 ружей, восемь знаменъ, до 830 лошадей достались побѣдителямъ. Здѣсь уже нельзя сказать, что Русскіе имѣли на своей сторонѣ какой-нибудь вещественный перевѣсъ: оружіе съ обѣихъ сторонъ было равное. Превосходство въ силахъ было на сторонѣ Манжуровъ: они могли, какъ говорится, забросать Русскихъ шапками, но вѣрояно презирали слабыхъ противниковъ своихъ: это ихъ и погубило.

Блестательная побѣда не сдѣлала Русскихъ самонадеянными, а напротивъ показала, что они удалились отъ своихъ пособій. Путь въ Якутскъ лежалъ по рѣкѣ, на берегахъ которой обитатели—народы, не совсемъ еще покоренные и готовые сдѣлаться врагами при первой возможности. Хабаровъ рѣшился возвратиться въ Албазинъ и, дождавшись тамъ подкрѣпленія изъ Якутска, дѣйствовать съ новыми силами. По-

строено было нѣсколько дошаниковъ, на которыхъ въ апрѣль мѣсяцъ пошли вверхъ по Амuru бичевою. Въ этомъ походѣ Русскіе погибли бы непременно: одно счастье спасло ихъ. На устьѣ рѣки Сунгари-Ула стояло 6,000 Манжуровъ и подвластныхъ имъ народовъ; они посланы были съ тѣмъ, чтобъ не позволять Русскимъ укрѣпляться на Амурѣ и раззорять построенные ими города. Манжуры, узнавъ, что Русскіе вышли изъ Ачанскаго городка и тянутся вверхъ по Амuru, караулили ихъ въ удобномъ мѣстѣ. Хабаровъ не зналъ о томъ, но фортуна была на его сторонѣ. Сдѣлался попутный вѣтеръ, и русскіе суда прошли мимо устья Сунгари-Ула на парусахъ по срединѣ рѣки.

Выше шекъ, о которыхъ уже было сказано, встрѣтился Хабаровъ съ посланнымъ къ нему изъ Якутска подкрѣпленіемъ, отправленнымъ подъ командою казаковъ Чечегина и Петриловскаго.

Чечегинъ зимовалъ на Амурѣ въ пустомъ Бембулаевомъ городѣ и въ началѣ весны, когда рѣка вскрылась, послалъ казака Ивана Нагибу съ 26 человекъ внизъ по Амuru искать Хабарова. Нагиба на пути своемъ по островамъ оставлялъ записки о своемъ пребываніи, но вѣрояно ночью развѣхался съ Хабаровымъ. Приключенія Нагибы занимательны.

На четвертый день плаванія, окружили его Дауры въ лодкахъ; конница стояла по берегамъ; однако жъ напасть на него не смѣли. Въ кочевьяхъ Натковъ сказали ему, что Хабаровъ въ нижнихъ странахъ Амуре. Нагиба поплылъ далѣе. Черезъ три недѣли онъ пришлылъ въ землю Гиляковъ и былъ окруженъ ихъ лодками до такой степени, что не могъ идти ни взадъ, ни впередъ. Двѣ съ половиною недѣли стоялъ онъ на якорѣ посреди рѣки. Голодъ принудилъ его выйти на берегъ; убивши до 30 человекъ непріятелей, онъ пробился до ихъ юртъ и, захвативъ сушившуюся тамъ рыбу, пошелъ на судно своимъ далѣе. На третій день онъ достигъ устья Амуре. Идти назадъ вверхъ по рѣкѣ онъ не смѣлъ. Рѣшено было построить судно и плыть моремъ до устья рѣки Ули, гдѣ стоялъ русской острожикъ. Тринадцать дней плыли они благополучно подлѣ береговъ, но сильнымъ вѣтромъ унесло ихъ

въ море и черезъ десять дней выкинуло на берегъ; судно разбилось и утонуло со всѣмъ имуществомъ и воинскими снарядами. Пять дней шли они по берегу, питаея травою, ягодами, пересиками и выброшенными изъ моря мертвыми тюленями и моржами «и тѣмъ душу свою осквернили.» На устьѣ одной рѣчки построили они судно и пошли опять по морю до рѣчки Учальды, гдѣ встрѣтили Тунгусовъ и Гиляковъ, и тутъ остановились зимовать. Отсюда перебрались они на рѣчку Тугуръ, впадающую въ Охотское море. Здѣсь обложили ясакомъ Тунгусовъ и построили тугурской острогъ. Нагиба оставилъ тутъ 20 человекъ своей команды, а самъ, съ 5 человекъ, спустился по Тугуру въ море и по немъ пришелъ къ устью Нантары. По этой рѣкѣ онъ поднялся до стаюваго хребта, перешелъ черезъ него на рѣчку Ваганъ. Здѣсь построилъ онъ судно, спустился въ рѣку Ман, потомъ въ Алданъ и наконецъ добрался до Якутска.

Мы привели это происшествіе, какъ образецъ твердости, терпѣнія и послушанія нашихъ предковъ, но подобныхъ примѣровъ множество въ исторіи завоеванія Сибири. Завистники говорятъ, что одна корысть была двигателемъ нашихъ предковъ. Бѣдняжки, вы не имѣете понятія о русской удали. Русской, оградивъ себя знаменіемъ креста, бросается на смерть съ крикомъ: двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, полковникъ или покойникъ! Гдѣ же тутъ корысть вещественная?

Съ новымъ подкрѣпленіемъ, Хабаровъ смѣло продолжалъ путь вверхъ по Амуру, собирая ясакъ съ жителей; онъ рѣшился непременно поставить новый городъ противъ устья рѣчки Зей, но происшествіе, совсемъ неожиданное, помѣшало исполнить это намѣреніе.

Трое изъ сослуживцевъ его, Степанъ Поляковъ, Константицъ Ивановъ и Логинъ Васильевъ всбунтовались, подобрали себѣ партію, лестью и угрозами, и, въ числѣ 136 человекъ, отправились внизъ по Амуру на трехъ дощаникахъ искать приключеній. Объ участи ихъ молчатъ архивныя бумаги; но есть основанія думать, что бѣглецы эти частію возвратились, частію побиты, и частію попались въ плѣнъ Манжу-

рамъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ отпискахъ въ Якутскъ весьма часто упоминается о Русскихъ, живущихъ въ Богдойскихъ владѣніяхъ.

Такимъ образомъ, у Хабарова осталось 212 человекъ; онъ отложилъ намѣреніе построить новый городъ и пошелъ вверхъ по Амуру. Последнее его донесеніе въ Якутскъ было отъ 5 августа 1652 года. Хабаровъ просилъ подкрѣпленія и увѣрялъ, что 6,000 человекъ Русскихъ разобьютъ всякую дурекую армию и въ короткое время покорятъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ. Но такого количества невозможно было собрать въ Якутскъ. Посланные отъ Хабарова отправлены были въ Москву, для личныхъ объясненій; но тамъ уже сдѣлано было распоряженіе по первымъ донесеніямъ якутскихъ воеводъ. На Амуръ назначенъ былъ князь Лобановъ-Ростовскій, а съ нимъ до 3,000 стрельцовъ и казаковъ. Хотя намѣреніе это не исполнено, однако жъ въ мартъ мѣсяцъ 1652 года, посланъ былъ на Амуръ, предварительно для обозрѣнія, дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ. Здѣсь кончаются подвиги знаменитаго Хабарова; можно только полагать, что вскорѣ послѣ отправленія посланныхъ въ Якутскъ, онъ ходилъ къ устью рѣчки Хамары, гдѣ заложилъ камарскій острогъ, бывшій потомъ главнымъ помѣщеніемъ Русскихъ на Амурѣ. Съ Хабаровымъ поступлено жестоко, какъ съ человекомъ, который ничего не сдѣлалъ и нанесъ важныя убытки казнѣ. Зиновьевъ дѣйствовалъ на Амурѣ самовластию. Ему поручено было объявить амурскимъ завоевателямъ царскую милость, раздать золотыя монеты, поощрить на новыя предпріятія и подкрѣпить ихъ свѣжими силами, порохомъ и свинцомъ, собрать полныя свѣдѣнія о тамошней странѣ, силахъ и средствахъ непріятеля, заготовить помѣщеніе и продовольствіе для 3,000 стрельцовъ и казаковъ, которые должны были отправиться туда подъ командою князя Лобанова-Ростовскаго.

Сообщеніе между Москвою и рѣкою Амуромъ тогда было самое трудное; посланные изъ Москвы въ Якутскъ вхали цѣлый годъ, болѣею частію по рѣкамъ вверхъ противъ теченія. Зиновьевъ въ первое лѣто своего пути выбрался только на Лену и зимовалъ на Чечуйскомъ волокъ, ниже

нышняго города Киренска. На слѣдующее лѣто продолжая плаваніе внизъ по Ленѣ, оставилъ команду свою на устьѣ рѣки Олѣкмы, съ тѣмъ чтобъ она поднялась сперва по этой рѣкѣ, а потомъ по Тугиру и на волокъ, гдѣ должно переходить чрезъ хребетъ на амурскія покати, построили острогъ, а самъ отправился далѣе въ Якутскъ.

Въ это время русская населенность по рѣкѣ Ленѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ была такъ ничтожна, что двѣ, три избы считались уже чѣмъ-то значительнымъ, за тысячу верстъ отъ нихъ стояли опять двѣ, три избы. Самая густая по-тогдашнему населенность была влѣво отъ Лены по небольшой рѣкѣ Илиму, впадающей въ Ангару. Съ Лены пробирались на эту рѣку волокомъ, по Илиму спускались въ Ангару, потомъ въ Енисей. Отсюда волокомъ перебирались на рѣки, текущія въ Обь, и слѣдовали далѣе. Посланные изъ Якутска съ вѣстями въ Москву разглашали объ амурскихъ странахъ чудеса, показывали соболей, шелковое платье, тамъ приобрѣтенныя, и воспламеняли воображеніе легковѣрныхъ. Можетъ-быть и нужно было хвастать, чтобъ привлечь на Амуръ болѣе народу. Илимъ и верховья рѣки Лены взволновались, побросали дома, женъ и дѣтей и пустились на благословенный Амуръ. Даже плотники, строившіе суда на рѣкѣ Кути для князя Лобанова-Ростовскаго, бросили не конченное дѣло и ушли на Амуръ. За бѣглецами посылали погони, но случилось и такъ, что преслѣдователи соединялись съ бѣглецами и шли на Амуръ. Зиновьевъ, оставя Якутскъ, пошелъ вверхъ по Ленѣ и въ устьѣ рѣки Олѣкмы на острову нашель 100 человекъ бѣгловцевъ: онъ долженъ былъ присоединить ихъ къ командѣ своей.

Зиновьевъ выбрался на Амуръ въ августъ мѣсяцъ и нашель Хабарова съ партією на устьѣ рѣки Зеи. Уполномоченный царскою властію и 200 человекъ команды, онъ сталъ поступать самовластно и круто, Во-первыхъ оподозрилъ Хабарова въ утайкѣ царскаго ясака, требовалъ отъ него отчета и дерзость свою простеръ до того, что плевалъ Хабарову въ лицо, дралъ за бороду и вооружилъ противъ себя товарищей героя. Но, кажется, главнѣйшею причиною неудо-

вольствій была то, что онъ возложилъ на команду Хабарова обязанность построить три городка: первый на устьѣ рѣки Урки, второй на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ князь Лавкай, а третій на устьѣ рѣки Зеи; требовалъ, чтобъ занялись земледѣліемъ и приготовили хлѣба для той команды, которая придетъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Можно ли было принудить къ труду и осѣлости людей, привыкшихъ жить на чужой счетъ! Наконецъ Зиновьевъ оставилъ въ тугирскомъ острогѣ порохъ и свинецъ, въ которыхъ терѣли на Амуръ страшную нужду. Кончивъ свои дѣла, Зиновьевъ похалъ обратно и чтобъ разомъ уничтожить на Амурѣ духъ партій, онъ взялъ съ собою любимаго вождя Хабарова, едва ли не скованнаго, и потомъ представилъ его въ Москву, гдѣ несчастный былъ хотя оправданъ и пожалованъ сыномъ боярскимъ, но его не возвратили на Амуръ, а сдѣлали прикащикомъ Государевымъ надъ поселеніями по рѣкамъ Илиму и Ленѣ. Хабаровъ погребенъ въ илимскомъ острогѣ. Потомки его служатъ въ Сибири, а поселеніе, гдѣ онъ занимался земледѣліемъ и торговлею, и теперь называется Хабарово.

Въ бумагахъ якутскаго архива попадаются иногда свитки, объясняющіе характеръ и нѣкоторыя черты изъ жизни Хабарова. Можно полагать навѣрное, что онъ зналъ грамотъ. обладалъ физическими силами, имѣлъ твердую непреклонную волю, не любилъ противорѣчій и къ убѣжденіямъ слова иногда прибавлялъ дубину. Любилъ прекрасный полъ и былъ богатъ. Точно таковъ былъ и Кортесъ, завоеватель Мексики. Въ необыкновенные люди имѣли сильныя страсти и величайшее благоразуміе. Наши Европейцы улыбнутся сравненію Хабарова съ Кортесомъ. Какъ можно уподоблять, скажутъ они, героя, въ богатомъ испанскомъ одѣяннѣ, мужику, одѣтому въ бархатный кафтанъ, подпоясанный шелковымъ кушакомъ, и въ соболиной шапкѣ. Важность не въ одеждѣ, а въ головѣ. Конечно Кортесъ, сынъ благородныхъ родителей, превосходилъ образованіемъ какого-нибудь устюжскаго крестьянина, но умъ даетъ намъ Богъ, а не порода или воспитаніе; школа свята есть лучшее образованіе природнаго ума. Дѣло въ томъ, что характеръ Кортеса и его под-

виги описаны подробно, а матеріалы для жизнеописанія нашего героя скрываются въ изданныхъ бумагахъ якутскаго архива, откуда понемногу выказываются на свѣтъ. Кортца знаетъ вся модная Русь, а кому изъ нихъ известенъ Хабаровъ? Если подвиги Хабарова не произвели выгодныхъ послѣдствій для государства, онъ не виноватъ въ этомъ. Ему не позволили кончить дѣла, важность котораго онъ понималъ и при ничтожныхъ средствахъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи. Потомство должно внести этого человѣка въ списокъ великихъ людей и благоговѣть при воспоминаніи объ немъ.

Командующимъ на Амуръ сдѣланъ Онофрій Степановъ; о происхожденіи и званіи этого человѣка молчатъ тогдашнія дѣловые бумаги. Мы не находимъ въ нихъ даже имени казака, но все отправляемое на Амуръ называются или стрѣльцами или служилыми людьми, охочими и промышленными. Былъ ли Степановъ стрѣлецъ, или просто охочій, пришелъ ли онъ съ Зиновьевымъ или съ Хабаровымъ, только имя этого человѣка достойно памяти. Онъ былъ герой, не уступающій ни въ чемъ предѣстнику своему Хабарову.

Первымъ подвигомъ Степанова былъ походъ внизъ по Амuru; на рѣкѣ Сунгари-Ула досталъ онъ хлѣба и расположился зимовать въ землѣ Дучеровъ. Здѣсь построили повѣя суда и, когда рѣки вскрылись, пошли вверхъ по Амuru и повернули въ рѣку Сунгари-Ула, гдѣ Русскіе еще не были. Три дня шли вверхъ на парусахъ, какъ вдругъ окружили ихъ съ воды и съ берега Манжуры. Степановъ не оробѣлъ, но приказалъ сдѣлать залпъ по судамъ непріятельскимъ. Манжуры ретировались немедленно. Степановъ, не имѣя ни пороха, ни свинцу, не смѣлъ напасть на двухъ-тысячный корпусъ, стоящій на берегу, почему и долженъ былъ спуститься по Сунгари-Ула въ Амуръ.

Въ продолженіе этого лѣта ничего важнаго не сдѣлано: партія нуждалась въ хлѣбѣ и воинскихъ припасахъ. Между-тѣмъ Русскіе пробрались на Амуръ другимъ путемъ, гораздо кратчайшимъ и удобнѣйшимъ. Сотникъ Петръ Бекетовъ по рѣкамъ Енисею и Ангартъ пришелъ на озеро Байкаль, переплылъ черезъ него и, поднимаясь далѣе по Селенгѣ, вошелъ

въ рѣку Чикой, съ вершинъ которой перебрался на рѣку Ингоду, а по ней спустился въ Амуръ. Здѣсь, въ 1654 году встрѣтился онъ со Степановымъ, и оба остановились зимовать въ камарскомъ острогѣ, раззоренномъ по уходѣ Хабарова туземцами.

Въ октябрь мѣсяцъ, Степановъ началъ укрѣплять свой городокъ. Сдѣланъ былъ четырехъ-угольный валъ съ быками по угламъ (батареями). Земля была уже мерзла, но ее растаивали разведенными на ней огнями, рубили кирками и носили на валъ. Ниже вала былъ ровъ глубиною въ сажень, а шириною въ двѣ сажени. Все пространство около него усыпано было чеснокомъ: то были желѣзные колючки съ шестью ножками или спицами; брошенная на землю, она становилась на три ножки, а три остальные торчали и вонзались въ ноги лошалямъ и людямъ. Чеснокъ засыпали слегка древесными листьями или рыхлою землею. На дѣланіе его употреблены копейцы изъ непріятельскихъ стрѣлъ, или кибиріи. Внутри города сдѣлано было изъ земли возвышеніе раскатами на все стороны, тутъ поставлены пушки, изъ которыхъ можно было стрѣлять черезъ валъ въ непріятеля. Выкопанъ колодезь и отъ него проведены желоба во все стороны, на случай пожара. На валу стоялъ двойной частокъ, съ насыпаннымъ внутри крупнымъ пескомъ.

13 марта 1655 года, пришелъ подъ городъ десятитысячный корпусъ Манжуровъ, съ 15 пушками и другими огненными снарядами, лѣстницами, баграми, легтемъ, соломою, щитами, обитыми войлоками и кожею и т. п.

Русскихъ было не больше 500; 20 человѣкъ, строившіе суда внѣ крѣпости, были пойманы непріятелемъ и убиты. Вышедшіе на первую вылазку подверглись той же участи, дорого продавши свою жизнь.

Манжуры построили передъ городкомъ двѣ батареи и кромѣ того поставили на утесъ другаго берега Амura пушки,

* Рѣка Хумаръ-бира впадаетъ въ Амуръ съ правой стороны ниже Албазина: Она приходится на половинѣ пути между Албазиномъ и устьемъ рѣки Джи.

и 20 марта открыли стрельбу по городу, но ядра их никакого вреда не сдѣлали, почему и рѣшились взять городъ штурмомъ. Ночью на 25 марта они пошли на приступъ, сраженіе продолжалось до разсвѣта безъ успѣха для осаждающихъ. Они отступили въ свой лагерь, а Русскіе, сдѣлавъ вылазку, многихъ убили и отняли двѣ пищали и нѣсколько мѣшковъ съ порохомъ.

Этотъ поступокъ, столь отважный, произвелъ большое вліяніе на Манжуровъ: они отступили отъ города въ свой лагерь, откуда стрѣляли по городу на удачу, вѣроятно для того, чтобъ осажденные не забывались. 4 апрѣля Манжуры удалились во-свояси, не сдѣлавъ ничего, но потерявъ множество народу и оружія.

Но уходить непріятеля, Степановъ послалъ собранный ясакъ уже не черезъ Якутскъ, какъ бывало прежде, но прямо въ Москву, по рѣкамъ Ингодъ, Селенгъ, черезъ Байкаль и такъ далѣе. Обстоятельство это имѣло въ послѣдствіи большое вліяніе на дѣла амурскія. Якутскіе воеводы стали чуждаться Дауріи, какъ не принадлежащей ихъ вѣдомству. Тщетно завоеватели просили у нихъ подкрѣпленій, воеводы молчали; писали въ Москву, но бумаги ихъ доходили туда черезъ годъ.

Якутскъ думалъ однако жъ о Дауріи: тамошніе соболы нравились воеводамъ, но Степановъ, посаженникъ Зиновьева, былъ имъ не по сердцу. Чтобъ вознагражить сколько-нибудь пропавшее, они послали 50 человекъ, подъ командою сына боярскаго Федора Пушина на рѣку Аргунь, для покоренія Тунгусовъ, тамъ обитающихъ. Артель эта не имѣла никакихъ успѣховъ: на рѣкѣ Уркѣ потонуло ихъ судно съ воинскими и съѣстными припасами. Однако жъ Пушинъ добрался до Аргуни и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта соединяется съ Шилькою, построилъ ясачное зимовье; живущіе по берегамъ рѣки Тунгусы все разбѣжались. Пушинъ поднимался далеко вверхъ по Аргуни, однако жъ не встрѣтилъ ни одной души. Въ съѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ, и вся артель положила отправиться на Амуръ къ Степанову, котораго и нашли они на устьѣ рѣки Сунгари-Ула.

Оба предводителя пошли вверхъ по этой рѣкѣ и получили въ добычу множество хлѣба, однако жъ далеко углубляться не рѣшились, но выплыли на Амуръ и пошли къ Гилякамъ. Хотя этотъ народъ обложенъ былъ ясакомъ еще Полковнымъ, но Хабаровъ не былъ въ землѣ ихъ, а присылаемые изъ Якутска казаки черезъ Охотскъ поступали съ туземцами столь несправедливо, что Гиляками были не разъ умерщвляемы. Для прочнаго утвержденія русской власти, Степановъ построилъ здѣсь острогъ, который называлъ косогорскимъ. Отказавшихся отъ повинности Гиляковъ и Дучеровъ, которые, предъ прибытіемъ Степанова, убили 30 человекъ охотскихъ казаковъ, наказалъ и привелъ въ послушаніе; собралъ съ нихъ ясаку 120 сороковъ и наступившею весною пошелъ обратно вверхъ по Амуру. Пушинъ, въ отпискѣ своей въ Якутскъ, говорить, что теперь на Амуръ только съ однихъ Гиляковъ можно собирать ясакъ, и если верхнія страны Амура отойдутъ отъ Россіи подъ власть Китая, за то нижнія останутся за нами, потому-что Гиляки народъ независимый и никогда не платилъ ясаку владѣльцамъ амурскимъ.

Изъ отписки Пушина видно, что жители береговъ Амура были частію разорены сборомъ ясака и съѣстныхъ припасовъ партіями Русскихъ, частію разбѣжались, а остальные, по распоряженію правительства, переселены во внутренность Манжуріи. Благословенный Амуръ опустѣлъ: куда не приставали Русскіе, вездѣ находили сожженные жилища туземцевъ, и наши завоеватели должны были прийтись за соху, чтобъ не умереть съ голода. Безпорядки эти произведены не столько партіями Хабарова и Степанова, сколько бѣглецами съ Илимъ и другихъ рѣкъ сибирскихъ, привлеченными на Амуръ слухами о богатствахъ, наиримѣръ, въ 1655 году, братья Михайло и Яковъ Сорокины набрали самовольно партію бѣглецовъ въ Верхоленскъ и на Илимъ и, въ числѣ 300 человекъ, отправились внизъ по Лень къ устью рѣки Олѣкмы; по дорогѣ они грабили и разоряли все, что имъ попадалось. Они успѣли пробраться на Амуръ, но здѣсь погибли частію отъ стрѣлъ туземцевъ, частію умерли съ голо-

да. Можно судить, какимъ неистовствамъ предавалась на Амурь такая ватага людей, которая не щадила своихъ единовърцевъ и соотечественниковъ.

Пушинъ отправился въ Якутскъ, а Степановъ пошелъ на легкомъ суднѣ вверхъ по Сунгари-Ула, но вездѣ встрѣчалъ одну пустоту. Степановъ писалъ, что онъ не знаетъ, какъ продовольствовать свою команду, и готовъ оставить Амурь. Отправляя съ сотникомъ Бекетовымъ ясакъ, подъ прикрытіемъ 50 человекъ, просилъ чтобъ людей этихъ къ нему не возвращали.

Между-тѣмъ Зиновьевъ прибылъ въ Москву съ радостными вѣстями. Амурь обратилъ вниманіе правительства. Степанову послана милостивая грамота, но она принесла мало пользы: завоеватели нуждались въ существованіи.

Въ Москвѣ рѣшено было учредить въ Дауріи прочное управленіе: избранъ былъ енисейскій воевода Афанасій Пашковъ, заслужившій умными своими распоряженіями любовь народа и вниманіе начальства. Онъ писалъ въ Москву, что на рѣкѣ Шилькѣ нужно построить укрѣпленіе, которое бы служило основаніемъ военнымъ дѣйствіямъ въ цѣлой Дауріи. Такимъ образомъ можно приобрести второе Сибирское царство. Мысль его одобрена, и Пашковъ отправился на Амурь съ тѣмъ, чтобъ принять начальство отъ Степанова, построить на Шилькѣ городъ. Оружіемъ и порохомъ приказано было снабдить его изъ Тобольска; съ нимъ было служилыхъ, охотныхъ и промышленныхъ 563 человекъ. Онъ шелъ сперва вверхъ по Ангарѣ, потомъ чрезъ Байкаль, потомъ вверхъ по рѣкѣ Селенгѣ, изъ нея поворотилъ въ рѣку Хилокъ и поднялся до иргеньскаго острога. Отсюда сухимъ путемъ перешелъ на рѣку Ингоду, а ею вышелъ въ рѣку Шильку и при устьѣ рѣчи Нерчи основалъ въ 1658 году нерчинскій острогъ. Между-тѣмъ провіантъ и военные припасы отправлены были по старой дорогѣ Леною и Олѣкмою; провозавшіе не торопились въ пути, безпрестанно ожидая, что Пашковъ ихъ догонитъ. Они захвачены были морозомъ на рѣкѣ Олѣкмѣ. Хорошо, что Пашковъ, зимою на Ангарѣ въ братскомъ острогѣ, приказалъ доставить себѣ 225 четвертей муки изъ Илимска.

Военные припасы изъ Тобольска не приходили, тогда вспомнили о порохѣ, зарытомъ Зиновьевымъ въ тугирскомъ острогѣ. Хабаровъ посланъ былъ съ Лены для указанія мѣста, но тамъ найденъ былъ только деревянный крестъ, съ объясненіемъ, что порохъ взятъ былъ партией Сорокина, бѣжавшаго на Амурь.

Изъ Нерчинска послалъ Пашковъ 30 человекъ на Амурь къ Степанову съ тѣмъ, чтобы ему объявить о главномъ своемъ начальствѣ и о присылкѣ къ нему въ Нерчинскъ 100 человекъ, а съ остальными чтобъ приступилъ къ постройкѣ города Албазина. Но Степановъ не въ состояніи былъ исполнить приказанія. Этотъ герой увлекался уже рокомъ своимъ. Духъ неповиновенія оказался между его подчиненными: недостатокъ пропитанія и добычи разочаровали многихъ. Партии самовольныхъ пришельцовъ разсѣвали заразу, исчезло единодушіе и стремленіе къ одной цѣли, каждый думалъ о себѣ.

Къ довершенію несчастія Манжуры на 47 лодкахъ окружили Степанова ниже устья рѣки Сунгари-Ула. Хотя Русскихъ было около 500 человекъ, но это было уже не тѣ герои, которые безобоязненно ударили на десяти-тысячный корпусъ Манжуровъ и заставили ихъ съ большою потерей отступить въ укрѣпленный лагерь. Теперешніе товарищи Степанова частію бѣжали до начала сраженія, другіе добровольно сдались Манжурамъ, и Степановъ съ 270 вѣрныхъ пропалъ безъ вѣсти. Неизвѣстно, палъ ли онъ на сраженіи или захваченъ въ плѣнъ. Бѣглецы сообщили только вѣсть о началѣ битвы и потерянныхъ 80 сорокахъ соболей. 180 человекъ изъ нихъ встрѣтились съ посланнымъ отъ Пашкова, отняли у нихъ провіантъ и прогнали въ Нерчинскъ, а сами пустились опять внизъ по Амуру и зимовали на устьѣ его у Гыляковъ, гдѣ собрали ясаку 18 сороковъ. Весною пошли въ камарской острогъ и дорогою присоединились къ нимъ 47 человекъ изъ ушедшихъ отъ Степанова. Тутъ раздѣлились они на двѣ партіи: 107 человекъ пошли на Лену и разбрелись по домамъ своимъ, кромѣ семи человекъ, доставившихъ ясакъ въ Якутскъ, а потомъ въ Москву. Оставшіеся

120 человекъ въ камарскомъ острогѣ пошли на рѣку Зею и тамъ разсѣялись. Нѣкоторые изъ нихъ въ 1666 году пришли въ Якутскъ, а остальные явились къ Пашкову съ покорною головою въ иргенскій острогъ. Пашковъ послалъ—было ихъ съ сыномъ своимъ противъ ослушныхъ Тунгусовъ, но они лишь вышли на Ингоду, тотчасъ составили заговоръ и ночью уплыли внизъ по рѣкѣ на плотахъ. Въ Нерчинскъ они захватили судно и на немъ вышли на Амуръ, и сухимъ путемъ отправились на Лену. Тамъ встрѣтилъ ихъ сынъ боярскій Толбузинъ, вѣхавшій на смѣну Пашкова: онъ повелъ ихъ обратно.

Послѣ разбитія Степанова Амуръ былъ совершенно оставленъ Русскими; о завоеваніи его перестали уже и думать, какъ вдругъ неожиданное происшествіе заставило обратить вниманіе на эту рѣку.

Въ киренскій острогъ на рѣку Лену съѣзжались купцы и промышленники торговать. Для сбора съ нихъ десятинной пошлины, суда и расправы прибѣгалъ обыкновенно ближайшій воевода изъ Илимска. Въ 1655 году лѣтомъ воевода Обуховъ, кончивъ свои дѣла, возвращался по рѣкѣ Ленѣ въ Илимскъ, на него напали разбойники, ограбили и убили.

Полякъ Никифоръ Черниговскій, бывшій въ последнее время смотрителемъ устькутскаго солонвареннаго завода, былъ атаманомъ этихъ разбойниковъ. Опасаясь наказанія, онъ съ шайкою своею пустился по Олкъмъ на Амуръ, куда пришелъ уже пѣшкомъ зимою. Партія его состояла изъ 84 человекъ. Города, построенные Русскими на Амурѣ, были все разорены Манжурами, и Черниговскій рѣшился возобновить Албазинъ. Построивъ острогъ, онъ сталъ собирать ясакъ съ тѣхъ жителей, которыхъ могъ отыскать, и послалъ его въ Нерчинскъ, гдѣ вѣроятно не знали о сдѣланномъ имъ смертоубійствѣ. Въ 1671 году заложенъ недалеко отъ Албазина, на брусяномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Въ 1672 и 73 году переведено сюда нѣсколько крестьянъ изъ Нерчинска и началось производиться земледѣліе.

Устроивъ дѣла свои, Черниговскій отправилъ челобитную въ Москву, подписанную 101 человекомъ о прощеніи. По

первому приговору, Черниговскій съ сыномъ и семью заговорщиками осужденъ на смерть, а 46 человекъ его шайки на жестокое тѣлесное наказаніе. Но два дня спустя объявлено имъ прощеніе и послано 2,000 рублей награжденія. Но чтобъ упрочить наши поселенія на Амурѣ, отправленъ былъ изъ Москвы посланникомъ къ манжурскому хану переводчикъ посольскаго приказа Грѣкъ Спафаріи. Онъ добѣждалъ только до города Цицикара, стоящаго на рѣкѣ Ношнѣ, по-тогдашнему Науни. Кажется, онъ призналъ наше обладаніе Амуромъ неправильнымъ, это доказывается тѣмъ, что на возвратномъ пути онъ посылалъ изъ Нерчинска наказныя памяти въ Албазинъ, чтобъ ни по Амуру, ни по рѣкѣ Джи водою не плавали и съ живущихъ Тунгусовъ ясаку не требовали, а въ Албазинѣ жили спокойно, остерегаясь нападенія Манжуровъ. Спафарій вѣроятно убѣдился, что съ силами столь ничтожными трудно нашимъ ратовать противъ народа многочисленнаго.

Но прежде полученія этого приказанія, Русскіе построили уже ясачное зимовье при устьѣ рѣчки Гимоя, въ Джи впадающей, а потомъ основали свои заведенія и на рѣкѣ Салимѣ, впадающей въ Джи, такъ что въ этой сторогѣ было нѣсколько русскихъ острожковъ. Успѣхъ былъ значителенъ, потому-что слабыя тунгускія племена, здѣсь кочевавшія, не смѣли противиться Русскимъ.

Въ это же время упоминается о какомъ-то городѣ Аюнхунѣ, построенномъ къ-то на сѣверномъ берегу Амура, на полдня пути выше устья рѣки Джи. Онъ обведенъ былъ землянымъ валомъ длиною въ 400, а шириною во 100 сажень. По срединѣ была цитадель. Кто основалъ этотъ городъ и почему онъ оставленъ, свидѣній нѣтъ. Вѣроятно дѣло идетъ о манжурскомъ городѣ Айгунѣ.

Въ 1681 году нерчинскій воевода Воейковъ послалъ въ Албазинъ сына боярскаго Никифора Свюотрусова съ тѣмъ, чтобъ онъ набралъ тамъ партію охотниковъ и съ ними отпра-вился бы внизъ по Амуру до устья, осмотрѣлъ бы морскіе берега и наложилъ бы ясакъ на тѣ народы, которыхъ най-

детъ. Сынотрусовъ набралъ въ Албазинъ 18 человекъ, но чѣмъ кончилось это предпріятіе не извѣстно.

Городъ Албазинъ зависѣлъ тогда отъ нерчинскаго воеводы, который посылалъ туда управителей, и хотя строго наказывали имъ удерживать всѣхъ желающихъ распространять русскую власть на Амуръ, чтобъ сохранить миръ съ Манжурами, но партіи безпрестанно разъѣзжали по рѣкамъ, грабили и тревожили обывателей, а весьма часто и сами пропадали. Между-тѣмъ Манжуры не покидали мысли вытѣснить новыхъ пришлецовъ изъ владѣній своихъ. Они укрѣпили городъ свой Айгунъ и начали собирать въ немъ войско. Въ это время послана была изъ Албазина партія, подъ командою Григорья Мыльникова, на смѣну служившей въ острожкѣ на одной изъ рѣкъ, въ Амуръ впадающихъ. Партія эта дошла только до города Айгуна. Здѣсь окружили ее до 300 судовъ. Русскіе должны были пристать къ берегу. Манжурскій воевода позвалъ къ себѣ Мыльникова, для переговоровъ, и задержалъ его. Товарищи частію сдались, частію разбѣжались по лѣсамъ. Мыльниковъ приведенъ былъ въ Пекинъ и принятъ ласково и, какъ человекъ предприимчивый, тотчасъ предложилъ китайскому правительству проектъ о постройкѣ русскихъ мельницъ и мыловарни, но, чуждые всѣхъ нововведеній, Китайцы едвали уважили это предложеніе.

Въ это время Манжуры владѣли уже Китаемъ, и ханъ ихъ царствовалъ въ Пекинѣ. Жалобы изъ Манжуріи на раззореніе, претерпѣваемое отъ Русскихъ, тревожили правительство; пекинскій дворъ утвердилъ мнѣніе выжить Русскихъ съ Амура вооруженною рукою, но сперва послали въ Албазинъ увѣщательную грамоту, чтобъ Русскіе сдались добровольно. Въ Айгунъ наши переметчики и плѣнные перевели грамоту на русскую языкъ и въ этомъ видѣ передали ее въ Албазинъ. Управитель прочелъ грамоту вслухъ, однако жъ никто не прельстился на обѣщанія Китайцевъ, но всѣ клялись защищать городъ до послѣдней капли крови.

Хотя Албазинцы безпрестанно писали въ Нерчинскъ, Енисейскъ и Тобольскъ о присылкѣ имъ помощи, но первый городъ былъ тогда весьма малолюднъ, а два послѣдніе от-

стояли на большое пространство и не могли вскорѣ исполнить требованія. Въ Москвѣ тоже разсуждали о трудномъ положеніи города, столь далеко высунувшагося въ чужія владѣнія. Рѣшено было во-первыхъ усилить власть его, а вторыхъ послать туда регулярный полкъ изъ казаковъ и охочихъ, набранныхъ въ Сибири. Въ Албазинъ учреждено воеводство и данъ городу гербъ, изображающій орла съ распростертыми крыльями, въ лѣвой ногѣ у него лукъ, а въ правой стрѣла. Воеводою сдѣланъ Алексѣй Толбузинъ; онъ приѣхалъ въ Албазинъ 1684 года. Для образованія регулярнаго полка, посланъ былъ въ Сибирь плѣнный Нѣмецъ Афанасій Фонъ Бейтонъ, служившій прежде въ польскомъ войскѣ. Шестисотный полкъ былъ набранъ въ Тобольскъ и съ артиллеріею, ружьями, порохомъ и прочими снарядами отправленъ воюю. Все это медленно подавалось впередъ, а между-тѣмъ Манжуры сперва истребили всѣ острожки, построенныя Русскими, жителей увели въ плѣнъ, а въ 1685 году подступили и подъ Албазинъ. Сто судовъ, по 50 человекъ на каждомъ, приплыли по рѣкѣ, а 10,000 человекъ пришли сухимъ путемъ. Полевой артиллеріи было 100 пушекъ и 50 большихъ осадныхъ.

Воевода манжурскій прислалъ въ Албазинъ отъ имени своего хана три грамоты: одну на манжурскомъ, другую на польскомъ, а третью на русскомъ языкѣ съ увѣщаніемъ, если Русскіе сдадутъ городъ добровольно, то будутъ приняты благосклонно. Двое Русскихъ, перебѣжчиковъ, исправляли должность переговорщиковъ. Осажденные не отвѣчали: Манжуры открыли пальбу по городу.

Воевода Толбузинъ собралъ изъ окрестныхъ деревень всѣхъ жителей и сожегъ обывательскіе дома, стоящіе за городомъ. Всѣхъ людей было у него 450 человекъ, 3 пушки и 300 ружей. Съ этими ничтожными средствами онъ рѣшился обороняться отъ 15,000 корпуса.

Въ первые два дня потеряли осажденные болѣе 100 человекъ. Стѣны и башни были сильно повреждены. Наконецъ порохъ и свинецъ весь вышелъ; обороняться не было возможности. Иеромонахъ Спасскаго монастыря и священникъ го-

родской церкви съ обывателями стали просить воеводу Толбузина, чтобъ предложилъ китайскому командующему войсками о сдачѣ города и свободномъ пропускѣ жителей въ Нерчинскъ. Китайцы позвали сперва всѣхъ жителей въ свой лагерь и тутъ уговаривали ихъ передаться; но этотъ вызовъ подѣйствовалъ только на 25 человекъ, остальные, отдавъ все имущество свое Китайцамъ, пошли въ Нерчинскъ. Въ числѣ добровольно перешедшихъ къ Китайцамъ былъ вѣроятно и священникъ, можетъ-быть онъ согласился на просьбы нашихъ перебѣжчиковъ; но какъ бы то не было, а поколѣніе русскаго священника до-сихъ-поръ продолжается въ Пекинѣ, между солдатами русской сотни, взятыми въ плѣнъ на Амурѣ.

Вышедшіе изъ Албазина встрѣтили на другой день 100 человекъ съ двумя мѣдными и тремя чугунными пушками, съ 300 ружей и принадлежностію. Это подкрѣпленіе послалъ изъ Нерчинска воевода Власовъ. Китайцы наблюдали за Русскими верстъ 200, до послѣднихъ албазинскихъ деревень.

Послѣ этого происшествія, столь невыгоднаго для Русскихъ, казалось, что мы потеряли опять Амуръ на-всегда, но воевода нерчинскій не такъ думалъ.— Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ онъ послалъ 70 человекъ, на легкихъ стругахъ, провѣдать, что дѣлается на Амурѣ. Посланные возвратились съ извѣстіемъ, что Албазинъ и русскія деревни сожжены, а посвященный хлѣбъ стоялъ на пашняхъ: его насчитали болѣе 1,000 десятинъ. Между-тѣмъ собрался въ Нерчинскъ и полкъ Афанасья Бейтона. Воевода Власовъ отправилъ предварительно на мѣсто, гдѣ былъ Албазинъ полковника Бейтона съ 200 человекъ, а за нимъ пошли многіе изъ прежнихъ жителей съ тѣмъ, чтобъ сперва сжечь созрѣвшій хлѣбъ, а потомъ построить городъ съ лучшими противъ прежняго удобствами. Толбузинъ, по желанію обывателей, назначенъ былъ опять воеводою, а Бейтону велѣно быть подъ его начальствомъ. Всѣхъ, отправившихся въ Албазинъ, было 671 человекъ, пять пушекъ мѣдныхъ и три чугунныя.

Въ августъ мѣсяцъ пришелъ Толбузинъ на мѣсто. Сперва

принялись жать хлѣбъ, а потомъ строить городъ. Рѣшено было вырыть колодезь, но воды не оказалось, почему городъ хотѣли поставить на другомъ мѣстѣ, однако жъ удобнѣе прежняго не нашли. Сдѣлали валъ изъ дерна глины и кореньевъ, вышиною въ три, а въ основаніи въ четыре сажени. Построили домъ для воеводы и нѣсколько домовъ внѣ крѣпости. Засыпано нѣсколько десятинъ хлѣба, но успѣху работъ мѣшала недостатокъ желѣза! Его доставили изъ Телембинска, за нѣсколько сотъ верстъ.

Осенью показались легкіе отряды Манжуровъ, въ Албазинъ пришло нѣсколько Тунгусовъ съ ясакомъ, но это были лазутчики, подосланные Манжурами.

Толбузинъ откомандировалъ полковника Бейтона на устья рѣки Камары съ тѣмъ, чтобъ тайно присматривать за движеніями Манжуровъ и стараться *достать лязковъ*. Вскорѣ показался небольшой отрядъ, но онъ бѣжалъ при видѣ Русскихъ. Бейтонъ преслѣдовалъ его и съ большимъ трудомъ схватилъ одного человека: Манжуры оборонялись отчаянно. Плѣнный показалъ, что они посланы для наблюденія, что дѣлается въ Албазинѣ. Манжуры намѣрены осадить этотъ городъ, не прежде однако жъ весны 1687 года, а между-тѣмъ осенью легкіе ихъ разъезды будутъ препятствовать Русскимъ убирать хлѣбъ. Что Манжуры построили новой городъ на Амурѣ ниже устья рѣки Джи на день пути *. Вся армія, пришедшая изъ-подъ Албазина въ прошломъ году, стоитъ тамъ. Въ городѣ 30 пушекъ, но мелкаго огнестрѣльнаго оружія мало. Назначено построить другой городъ на рѣкѣ Нонни (Наунъ), впадающей въ Сунгари, но къ работамъ еще не приступили.

Въ іюль мѣсяцъ Манжуры подступили опять подъ Албазинъ. Пѣхота приплыла на 150 судахъ, а конница въ числѣ 3,000 пришла берегомъ. Русскіе убрались въ городъ, а для житія выкопали землянки. У Толбузина было всего на все 736 человекъ, однако жъ онъ рѣшился противустать Манжурамъ и немедленно далъ знать о положеніи своемъ въ Нерчинскъ.

* Хе-лунъ-дзянь-ченъ, онъ стоитъ и теперь.

Манжуры прикрыли себя частоколомъ, позади котораго на-мѣтали много срубленнаго сыраго лѣсу. Но это укрѣпленіе сгорѣло отъ каленыхъ ядеръ, пушенныхъ съ крѣпости, а наваленный сырой лѣсъ взорванъ подкопомъ. Послеъ этого сдѣлали они вокругъ Албазина валъ и на немъ поставили до 30 пушекъ. До перваго сентября продолжалась только ко-нопада, въ этотъ же день они ходили на приступъ, но от-биты съ большимъ урономъ. Послеъ того Русскіе пять разъ выходили на вылазку и много неприятелей убили, и въ плѣнъ взяли. Между-тѣмъ, отъ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеній въ землянкахъ, появилась цынга и поразила болѣе нежели не-приятель. Но главная потеря осажденныхъ была та, что храб-рый ихъ воевода Толбузинъ убитъ ядромъ въ концѣ сен-тября. Послеъ него принялъ начальство полковникъ Бейтонъ.

Въ бумагахъ тогдашняго времени описывается Бейтонъ *навычнѣмъ ратиному дѣлу и zelo хитрымъ*. Въ самомъ дѣлѣ онъ успѣлъ съ горстью людей сдѣлать ничтожными все по-кушенія многочисленной манжурской арміи. Въ концѣ ноября начались морозы, и осада перемѣнена въ облежаніе. 6 мая 1787 года неприятель отступилъ отъ города на 4 версты, и осажденные могли свободно выходить изъ города и посылать отписки въ Нерчинскъ. Манжуры вызвались прислать въ Албазинъ своихъ лекарей для леченія больныхъ, лишь бы имъ объявили о числѣ страждущихъ, но Бейтонъ отвѣчалъ, что команда его здорова и ни въ чемъ не нуждается, въ удо-стовереніе чего и послалъ манжурскому воеводѣ пирога въ-сомъ въ пудъ. Хотя у Бейтона осталось въ живыхъ только 60 человекъ, а 600 погибли отъ жестокой цынги, но онъ не терялъ болрости.

Наконецъ въ августъ мѣсяцъ Манжуры удалились въ свои мѣста, а Русскіе принялись за пашни.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій произошло отъ начавшихся переговоровъ между дворами московскимъ и пекинскимъ. Въ 1685 году отправленъ былъ изъ Москвы канцеляристъ посольскаго приказа Никифоръ Венуковъ, а за нимъ другой канцеляристъ Иванъ Логиновъ съ извѣстіемъ, что нашъ по-солъ выѣхалъ уже изъ Москвы. Въ слѣдствіе этого послѣдо-

валъ указъ китайскаго богда-хана о выводѣ всехъ войскъ, расположенныхъ около Албазина.

Предложеніе о мирѣ сдѣлано со стороны московскаго дво-ра. Вѣроятно тягостное положеніе Албазина, столь отдален-наго отъ главныхъ силъ, и трудность подавать ему скорую помощь были тому причиною. Дворъ московскій полагалъ, что Китайцы уступятъ намъ рѣку Амуръ, или берега ея раз-дѣлятъ пополамъ: съверный будетъ за нами, а южный за Китаемъ, однако жъ посолъ былъ уполномоченъ определять границы по усмотрѣнію и сдѣлать величайшую уступку, слѣдствія которой чувствуемъ донынѣ.

Съ русской стороны назначены были посланниками околь-ничій, брянскій намѣстникъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, стольникъ, нерчинскій воевода Иванъ Астафѣевичъ Власовъ и дьякъ Семенъ Карницкій. Свиту ихъ составляли дворяне: Алексѣй Сенявинъ, Федоръ Ушаковъ, Степанъ Коровинъ, Ва-силій Лутовиновъ и Ларіонъ Сенявинъ. Съ ними былъ пяти-сотный стрѣльцкій полкъ, подъ командою полковника Скрипи-цына, а двумъ полковникамъ Павлу Грибову и Антону Сма-ленбергу велѣно набрать въ Сибири два пятисотные полка.

Головинъ выѣхалъ изъ Москвы 20 января 1686 года и 24 марта пріѣхалъ въ Tobольскъ. Здѣсь взялъ онъ 600 ново-набранныхъ драгуновъ. Второй же полкъ собранъ былъ въ провѣздъ чрезъ города Енисейскъ и Илимскъ.

Изъ Tobольска отправилось посольство по Иртышу и Оби до Маковского волока, гдѣ сухимъ путемъ перевозятъ на рѣку Енисей. Въ Енисейскъ получено извѣстіе объ осадѣ Албазина, и, для поправленія дѣлъ, отправленъ былъ въ Нерчинскъ подполковникъ Богатыревъ.

Изъ Енисейска отправилось посольство опять водою, спер-ва вверхъ по Енисею, а потомъ по Ангарѣ. Здѣсь застгли ихъ морозы, и надо было зимовать. На другую весну пошли далѣе по Ангарѣ и 1 августа пришли въ Иркутскъ. Пере-правились чрезъ Байкалъ и по рѣкѣ Селенгѣ поднялись до верхнеудинскаго острога. Отсюда отправился посланникъ сухимъ путемъ, посылая подать помощь утѣсненному Алба-зину, однако жъ, узнавъ отъ нарочно посланнаго, что Манжу-

ры отступили отъ Албазина, возвратился въ Селенгинскъ. Отсюда отправилъ въ Пекинъ дворянина посольства Коровина, съ уведомленіемъ о прѣздѣ своемъ, предоставляя на волю Китайцамъ назначить мѣсто для съѣзда и переговоровъ.

Въ это время Монголы осадили Селенгинскъ и разсыпались до самаго удинскаго острога; у посланника была только рота стрѣльцовъ, а прочее войско стояло на квартирахъ по деревнямъ, ниже по рѣкѣ Селенгѣ. Но въ двухъ сраженіяхъ Монголы были разсѣяны.

Возвратившійся изъ Пекина дворянинъ Коровинъ объявилъ, что китайскій ханъ сперва назначилъ для переговоровъ городъ Селенгинскъ и уполномочилъ двухъ знатныхъ вельможъ Сонготу и Тунъ-Ке-Кана, которые со свитою отправились въ Монголію, но въ это время начинались непріятельскія дѣйствія между Монголами и Зюнгарами, и послы воротились въ Пекинъ. Тогда богдо-ханъ избралъ мѣстомъ свиданія городъ Нерчинскъ, куда можно было прѣхать чрезъ Манжурію, минуя Монголію. Послы набрали въ Манжуріи 15,000 войска и съ этими силами приближались къ Нерчинску. При посольствѣ были переводчиками два іезуита Францискъ Жербильонъ и Томасъ Перейра.

Послѣ этого извѣстія, столь неблагоприятнаго, Головинъ усумнился въ дружескомъ расположеніи Китайцевъ. Тутъ кажется онъ понялъ, что сдѣлалъ ошибку, предоставивъ Китайцамъ назначить мѣсто свиданія. Нерчинскъ, окруженный непріятельскимъ войскомъ, не могъ уже имѣть никакихъ сообщеній съ Албазиномъ. Этотъ городокъ отрывался совершенно отъ Россіи и былъ во власти Китайцевъ. Головинъ отправилъ немедленно двухъ дворянъ, одного къ идущимъ Китайцамъ, съ предложеніемъ, что мѣстомъ для переговоровъ назначаетъ онъ Албазинъ; другому же посланному велѣно плыть въ Албазинъ и приказать Бейтону, чтобы остановилъ идущихъ по Амуру къ Нерчинску Манжуровъ, но Головинъ поздно схватился за умъ. Нерчинскъ назначенъ былъ самимъ богдо-ханомъ, и никто не осмѣлится войти къ нему съ докладомъ о перемѣнѣ мѣста. Предложеніе Головина оставлено безъ уваженія.

21 іюля 1689 года прибыло къ Нерчинску посольство китайское и остановилось въ палаткахъ на лугу ниже города. Черезъ три недѣли прѣхалъ сюда и Головинъ со всею свитою.

Для введенія переговоровъ устроенъ былъ шатерь; одна половина его была русская, другая китайская. Русская половина убрана была дорогими турецкими коврами, столъ накрытъ былъ персидскимъ ковромъ, на немъ стояла чернильница и дорогіе часы. За столомъ сидѣли на креслахъ Головинъ и Власовъ, а подлѣ нихъ на стулѣ дьякъ Корницкій. Въ китайской половинѣ не было никакихъ украшеній, послы китайскіе сидѣли на низкой скамьѣ, устланной полстями.

Съ общаго согласія, положено было, чтобъ у каждаго шатра стояло по 260 солдатъ, да въ отдаленіи по 500 воиновъ съ каждой стороны. Это постановленіе соблюдалось во все продолженіе переговоровъ. Русскіе не вѣрили Китайцамъ, зная ихъ коварство, а Китайцы не знали европейскаго закона, что посла не куютъ, не рубятъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Головинъ хотѣлъ предъявить свой кредитивъ, но Китайцы не имѣли отъ своего хана письменнаго полномочія, а потому не хотѣли видѣть и русскаго. Головинъ зналъ по-латыни, и объясняться ему черезъ іезуитовъ было легко. Положено не говорить ни о ссорахъ, прежде бывшихъ, ни о взаимныхъ неудовольствіяхъ, но заняться опредѣленіемъ границъ между обоими государствами. Головинъ предложилъ, чтобъ рѣка Амуръ была границею, лѣвая сторона по теченію принадлежала бы намъ, а правая Китаю, потому-что многіе народы, здѣсь обитающіе, платятъ Россіи дань около 50 лѣтъ. Но Китайцы несогласны были на это предложеніе, они знали, что въ горахъ по сѣверную сторону Амура ловятся отличные соболи, и лишиться этихъ ухожей они не желали. Съ своей же стороны предложили, чтобъ Россія уступила имъ всю земли до озера Байкала, доказывая, что народами, здѣсь обитающими, владѣлъ Чингисъ-ханъ, ихъ повелитель. Нашимъ не трудно было опровергнуть эти доводы тѣмъ болѣе, что и Китайцы предложили ихъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было что уступить на слу-

чай спора и тѣмъ показать свою умѣренность. Насталъ вечеръ, и послы разошлись до завтрашняго свиданія.

На другой день Китайцы согласились считать Нерчинскъ пограничнымъ городомъ, откуда Русскіе могутъ ѣздить для торговли въ Китай; Головинъ благодарилъ ихъ за то, что оставляютъ ему Нерчинскъ, гдѣ можетъ отдохнуть. Китайцы были упорны, Русскіе не уступали имъ, и день кончился ничѣмъ. При этомъ свиданіи не было іезуитовъ, Китайцы подозрѣвали ихъ въ предательствѣ уже потому-что они говорили съ Русскими на латинскомъ языкѣ, имъ непонятномъ въ этихъ переговорахъ. Послы говорили чрезъ монгольскаго переводчика.

Послѣ того наши просили китайскихъ пословъ дать имъ на бумагѣ свои требованія, а взаменъ обѣщались дать свои, чтобъ представить ихъ на разсмотрѣніе государей. Но Китайцы отказались подъ разными предлогами.

Затѣмъ явились къ Головину отцы іезуиты подъ видомъ посещенія. Въ разговорахъ они объявили посланнику, что ханъ китайскій поставилъ въ непремѣнную обязанность посламъ своимъ требовать Албазинъ; если Русскіе не уступятъ его, то нельзя ожидать мира. Что же касается до страны, лежащей къ сѣверу отъ Амура, то гдѣ назначена ханомъ граница они не знаютъ. Впрочемъ Китайцы имѣютъ большое расположеніе къ миру.

На другой день послалъ Головинъ къ Китайцамъ своего дворянина, чтобъ узнать, какое они приняли намѣреніе на счетъ границъ. Китайцы показали ему на картѣ рѣку Кербече или по-нашему Горбицу; она вышла изъ каменныхъ горъ, тянущихся къ сѣверо-востоку; по этимъ-то горамъ они назначали границу, такъ, что весь рѣки, текуція изъ горъ на югъ, принадлежали бы Китаю, а текуція на сѣверъ Россіи. Отъ Горбицы къ западу, назначили рѣку Аргунъ границею между обѣими государствами, потребовали что аргунскій острогъ, стоящій на южномъ берегу рѣки, переселъ былъ на сѣверный. Послѣ того іезуиты опять приходили, безъ чего Китайцы не хотѣли продолжать переговоровъ.

Вечеромъ видѣли изъ Нерчинска большое движеніе въ китайскомъ лагерь; Головинъ послалъ узнать о томъ своего толмача, которому велѣно объявить Китайцамъ, что Русскіе желаютъ толковать о границахъ мирно, а если Китайцы не хотятъ болѣе говорить, то прислали бы письменное уведомленіе. Китайцы отвѣчали, что до письменнаго объясненія имъ нѣтъ дѣла, но отъ требованій своихъ не отступятся; если же русской посолъ тѣмъ не доволенъ, то далъ бы отвѣтъ сей же ночи, далѣе они ждать не хотятъ.

По утру поднялся весь китайскій лагерь, войско окружило Нерчинскъ и по горамъ дѣлало большое движеніе въ виду Русскихъ.

Хотя съ посольствомъ было войско до полутора тысячъ, но Головинъ растерялся: въ это время Монголы онготскаго рода, обитавшіе по рѣкѣ Нерчѣ и недавно присоединенные къ Россіи, вдругъ передались Китайцамъ въ числѣ 2,700 человекъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ околнничій рѣшился на уступку: онъ послалъ къ Китайцамъ сказать, что соглашается на ихъ предложенія.

Три дня шли переговоры. Китайцы, видя нашу уступчивость, усилили требованія свои: вмѣсто прежнихъ границъ по хребту, идущему къ Охотскому морю, они назначили вѣтъ его, идущую къ сѣверу къ рѣкѣ Анадыру и въ Чукотской носъ. Головинъ не отвѣчалъ на это безразсудное предложеніе. Іезуиты же представили китайскимъ посламъ о несообразности требованія. Они объяснили, что отъ Пекина до Чукотскаго носа, по прямой линіи, будетъ болѣе 10,000 ли и на такомъ пространствѣ нѣтъ возможности охранять границъ. Китайскіе послы отступились отъ своего требованія, и наконецъ 27 августа 1689 года совершентъ слѣдующій трактатъ:

«Божіею милостію Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, ихъ Царскаго Величества великіе и полномочные послы Ближней Околнничій и Намѣстникъ Брянской Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, Стольникъ и Намѣстникъ Елатомскій Иванъ Остафьевичъ Власовъ, Дьякъ Семень Корницкой, будучи на посольскихъ

сѣздахъ близъ Нерчинска великихъ Азіятскихъ странъ повелителя, Монарха Самовластивѣйшаго межъ премудрѣйшими вельможи Богдайскими, закона управителя, дѣль общества народа Китайскаго хранителя и славы, настоящаго Богдойскаго и Китайскаго Богдыханова Высочества съ великими послы Самгута, надворныхъ войскъ съ начальникомъ и внутрення палаты съ Воеводою, Царства Советникомъ Даstumке Камомъ, внутрення жъ палаты съ Воеводою перваго чину Княземъ и Ханскаго знамени съ Господиномъ, и Ханскимъ дядею Илалтомъ, одного жъ знамени Господиномъ и прочими постановили, и сими договорными статьями утвердили:

«1. Рѣка именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвья стороны, близъ рѣки *Черной*^{*}, рубежъ между обоими Государствами постановить; также отъ вершины тоя рѣки каменными горами, которыя начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ, даже до моря протяженныхъ, обихъ Государствъ державу тако раздѣлять, яко всемъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которыя съ полудневныя стороны съ ихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ, быти подъ владѣніемъ Хинскаго Государства; также всемъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою Царскаго Величества Россійскаго Государства; прочія жъ рѣки, которыя лежатъ въ срединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго Государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣніа Хинскаго Государства и впадаютъ въ море, и всякія земли посреди сущія межъ тою вышепоянutoю рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы подлежатъ, неограниченны нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченіе великіе и полномочные послы, немѣюще указу Царскаго Величества, отлагаютъ неограниченны до инаго благополучнаго времени, въ которомъ при возвращеніи съ обихъ сторонъ пословъ Царское Величество изволить и Богдыханово Высочество похочетъ о томъ обслатися послы или посланники любительными пе-

* Вѣроятно Амуръ, который на китайскомъ, манжурскомъ и монгольскомъ языкахъ называется Черною рѣкою.

ресылки, и тогда или чрезъ грамоты, или чрезъ пословъ тѣмъ назначенныя неограниченныя земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничити могутъ.

«2. Также рѣка, реченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако, яко всемъ землямъ, которыя суть стороны лѣвья, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣніемъ Хинскаго Хана да содержатся, правая сторона также все земли да содержатся въ сторонѣ Царскаго Величества Россійскаго Государства и все строеніе съ полудневныя стороны той рѣки Аргуни снести на другую сторону тоя жъ рѣки.

«3. Городъ Албазинъ, которой построенъ былъ съ стороны Царскаго Величества, разорить до основанія, и тамо пребывающіе люди со всеми при нихъ будущими воинскими и иными припасы да изведены будутъ въ сторону Царскаго Величества и ни малаго убытка или какихъ малыхъ вещей отъ нихъ тамо оставлено будетъ.

«4. Бѣглецы, которые до сего мирнаго постановленія какъ съ стороны Царскаго Величества, такъ и съ стороны Богдыханова Высочества были: и тѣмъ перебѣжчикамъ быти въ обихъ сторонахъ безрозмѣнно; а которые послѣ сего постановленнаго мира перебѣгати будутъ, и такихъ бѣглецовъ безъ всякаго умедленія отсылати съ обихъ сторонъ безъ замедленія къ пограничнымъ Воеводамъ.

«5. Какимъ либо ни есть людямъ съ провѣжими грамотами изъ обихъ сторонъ для нынѣшня начатыя дружбы для своихъ дѣль въ обихъ сторонахъ приѣзжати и отъѣзжати до обихъ Государствъ добровольно, и покупать, и продавать, что имъ надобно да повельно будетъ.

«6. Прежде будущія какія ни есть ссоры межъ порубежными жителями до сего постановленнаго мира были и тѣмъ ссорамъ быти немстительнымъ и непамятнымъ; а если съ сего постановленнаго мира для какихъ промысловъ обихъ Государствъ промышленные люди переходити будутъ и разбой или убивство учинятъ: и такихъ людей поймавъ, присылать въ тѣ стороны, изъ которыхъ они будутъ въ порубежные города къ Воеводамъ, а имъ за то

чинить казнь жестокою; будетъ же соединясь многолюдствомъ и учинять такое вышеписанное воровство, и такихъ своевольниковъ перелова, отсылать къ порубежнымъ Воеводамъ, а имъ за то чинить смертная казнь; а войны и кровопролитія съ обѣихъ сторонъ для такихъ причинъ и за самыя пограничныхъ людей преступки не вчинять, а о такихъ ссорахъ писать, изъ которыхъ стороны то воровство будетъ, обѣихъ сторонъ къ Государемъ и разрывать тѣ ссоры любительными посольскими пересылки.

«7. Противу сихъ постановленныхъ о границъ посольскими договорами статей, если похочетъ Богдыханово Высочество поставить отъ себя при границахъ для памяти какіе признаки и подписать на нихъ сии статьи, и то отдаемъ мы на волю Богдыханова Высочества. Данъ на границахъ Царскаго Величества, въ Даурской землѣ при Нерчинскѣ, лѣта 1689, Августа 27 дня.»

Для утвержденія и подписанія трактата собрались посланники въ нашу ставку. Трактатъ былъ подписанъ, печати приложены и утверждены клятвою съ обѣихъ сторонъ. Китайцы хотѣли было клясться передъ образомъ Спасителя, однако жъ наши на то не согласились, дабы *Христианство не давать язычникамъ въ поруганіе*. Послѣ клятвы перемѣнились трактатами: нашъ былъ написанъ по-русски, а китайскій по-манжурски. Латинскій переводъ подписанъ былъ обѣими сторонами и раздѣланъ въ двухъ экземплярахъ одинаковаго содержанія. Послы обнялись при звукахъ трубъ и литавръ. Наши подчивали Китайцевъ винами и закусками; гости разѣхались почью.

На другой день посланники дарили другъ-друга, а на завтра Китайцы отправились въ путь. Бейтонъ очистилъ Албазинъ и пришелъ въ Нерчинскъ, а Манжуры, возвращаясь по Амурю во-своися, сожгли въ Албазинѣ все строеніе.

Такимъ образомъ подвиги на Амурь Хабарова и Степанова сдѣлались бесполезными кровопролитіями. Мы потеряли страну, которою владѣли 40 лѣтъ, потеряли рѣку, соединяющую весь забайкальскій край съ Восточнымъ океаномъ и лишились чрезъ то важныхъ выгодъ.

Потомки могутъ судить о предкахъ своихъ по однимъ фак-

тамъ, безмолвнымъ свидѣтелямъ прошедшаго, постороннія обстоятельства, иногда весьма важныя, ускользаютъ изъ-подъ канцелярскаго пера. Мы видѣли, что посольство наше сдѣлало первую ошибку въ томъ, что не назначило Албазина мѣстомъ переговоровъ, но предложило на волю Китайцамъ избрать это мѣсто, а тѣмъ уже нѣкоторымъ образомъ подчинило себя ихъ капризамъ. Посольство спохватилось о томъ, да поздно. Наши дипломаты не знали азіатскихъ обычаевъ и правила: «проси больше, дадутъ то что тебѣ нужно». Китайцы въ первыхъ переговорахъ назначили границами Байкалъ единственно потому, чтобъ можно было уступить; напротивъ Русскіе, назначившіе съ первыхъ словъ рѣку Амуръ, не подумали что и имъ должно чѣмъ-нибудь пожертвовать; а потому когда уступка съ нашей стороны оказалась неизбежною, мы должны были отказать отъ своихъ уже владѣній, отдать всю рѣку Амуръ, которая никогда не принадлежала Манжуріи, собственно отъ начала до устья. Народы, обитавшіе по этой рѣкѣ, не все платили ясаку манжурскому шамшакану, наприм.: князь Гантимуръ, обитавшій гдѣ-то около устья рѣки Жи, не признавалъ власти Манжуровъ и потомъ перекочевалъ къ намъ съ 500 своихъ подданныхъ. Гиляки, обитающіе на устьѣ Амурса ни прежде, ни нынче не признаютъ китайской власти.

Можетъ-быть мы будемъ оправдывать посланника Головина и тѣмъ, что онъ, имѣя только 15,000 человекъ, окруженъ былъ 15,000 Манжуровъ. Правда численный перевѣсъ былъ на сторонѣ Китайцевъ, но у посланника было регулярное войско съ пушками и ружьями. Мы помнимъ, что Хабаровъ съ двумя сотнями Русскихъ разбилъ 2,000 Манжуровъ, имѣвшихъ ружья, что Степановъ не болѣе какъ съ 500 отразилъ десяти-тысячный корпусъ Манжуровъ, вооруженный пятнадцатью пушками. Нашъ прагматикъ Головинъ былъ дипломатъ, а не воинъ. 15,000 Манжуровъ разбѣжались бы послѣ десяти удачныхъ выстрѣловъ изъ нашей артиллеріи, а остальное кончила бы вылазка.

Головинъ согласился на все статьи, предложенныя ему Китайцами.

Отказавшись отъ Амура, онъ принялъ за границу какія-то каменные горы, идущія на востокъ. Но всякой знаетъ, что въ такой гористой странѣ, какова Сибирь, трудно опредѣлить направленіе горъ. Такъ вышло и въ самомъ дѣлѣ: теперь ни мы, ни поданные богдыхана не знаютъ черты, раздѣляющей два государства на пространство отъ Горбицы до Охотскаго моря. Хорошо еще что рѣдкая тамошняя населенность не подаетъ случая къ спорамъ за переходы, и Тунгусы, не обращая никакого вниманія на границу, кочуютъ по-прежнему съ рѣчки на рѣчку и платятъ ясакъ тѣмъ сборщикамъ, на которыхъ нападутъ.

Трактатъ, подписанный Головинымъ, два раза былъ измѣняемъ послѣ него, но дѣло шло уже не объ Дауріи, а о торговлѣ и перебѣжчикахъ.

Китайцы, желая увѣковѣчить столь выгодный для нихъ договоръ, вырвали его на каменномъ столбѣ, стоящемъ въ началѣ ихъ владѣній на Амурѣ. Этотъ договоръ совершенно переименованъ рукою неопытнаго рысика въ пользу Россіи. Въ подлинникѣ сказано, что вся рѣкъ и рѣчки, текущія отъ Каменнаго хребта на *сѣверъ* принадлежатъ Россіи, а на столбѣ вырвано: всѣ рѣчки, текущія на *югъ*, принадлежатъ Россіи. До-сихъ-поръ Китайцы не замѣтили этой ошибки, а она можетъ сдѣлаться когда-нибудь важною.

Правительство наше, кажется, не роптало на Головина, да и некому было; Петръ царствовалъ тогда съ братомъ своимъ Иоанномъ при вліяніи Софіи. Головинъ занималъ юнаго Монарха разсказами о Сибири и Китайцахъ. Важность потери нашего сообщенія съ Восточнымъ океаномъ тогда не была видима, государство потеряло только новое сибирское царство, а Сибиряки сожалѣли о благословенныхъ странахъ на рѣкъ Амурѣ и твердили, что рано или поздно, а рѣка эта будетъ нашею. Но спустя цѣлое столѣтіе, нужда свободнаго плаванія по этой рѣкъ сдѣлалась существенною. Мы построили два порта на Восточномъ океанѣ, въ Охотскѣ и Камчаткѣ, туда заведено войско, но довольствовать его провіантомъ не имѣли возможности ни Якутскѣ, ни Охотскѣ, ни Камчатка. Хлѣбъ тамъ рѣшительно не родится, не смотря

на постоянные опыты земледѣлія. Въ это же время американская наша компанія завела селенія на сѣверозападномъ берегу Америки и по островамъ Алеутскимъ. Хлѣбъ для продовольствія всего сѣвера и сѣверовостока идетъ съ вершинъ рѣки Лены. До Якутска плавятъ его водою, а отсюда на вьючныхъ лошадяхъ перевозятъ по худой дорогѣ въ Охотскъ. Но эта перевозка сопряжена съ большими тратами и хлѣбъ дорого продается въ Охотскѣ, Камчаткѣ и Америкѣ.

Но если бы рѣка Амуръ принадлежала намъ, половина этихъ затрудненій уничтожилась бы. Вся система рѣкъ, составляющая Амуръ, протекаетъ по странамъ хлѣбороднѣйшимъ и богатымъ скотомъ. Въмѣсто теперешняго Охотска, который существуетъ единственно для Камчатки, мы построили бы портъ при устьѣ рѣки Амура. Барки и плоты, нагруженные хлѣбомъ, и пожалуй живымъ скотомъ, спускались бы по Ингодѣ, Шилькѣ, Аргуни и Онону въ Амуръ и достигали бы амурскаго порта. Здѣсь перегружали бы ихъ на суда и моремъ доставляли бы въ Камчатку и американскія селенія. Забайкальскій край получилъ бы новый сбытъ своимъ произведеніямъ, а Камчатка и колоніи не стали бы нуждаться въ хлѣбѣ и платить за него высокую цѣну.

Кромѣ этого мы давно бы поладили съ Японіею и открыли бы туда сбытъ своихъ произведеній, получая въ замѣнъ что намъ нужно. Проектъ о возвращеніи Амура можетъ когда-нибудь осуществиться, и Китайцы будутъ обязаны сдѣлать его нейтральною рѣкою, для блага обонхъ государствъ.

Впрочемъ мы имѣемъ полное право возвратитъ Гиляковъ, обитающихъ при устьѣ Амура и по берегамъ Охотскаго моря. Они долго принадлежали намъ и платили дань, но забыты послѣ неудачъ нашихъ на Амурѣ и теперь не принадлежатъ ни намъ, ни Китаю.

Вотъ очеркъ дѣяній нашихъ предковъ на рѣкъ Амурѣ; онъ не сдѣлаетъ пятна нашей славы, не замазаетъ страницъ нашей исторіи, но выводитъ на сцену героевъ, о которыхъ къ стыду мы и не знали. Предѣлы журнальной статьи заключи-

ли насъ въ тѣсную раму и мы должны были, при изобиліи матеріаловъ, дѣлать одни абрисы съ едва замѣтными отбѣнками. Подвиги нашихъ предковъ на Амуръ требуютъ отдельной исторіи, факты для нея хранятся въ бумагахъ бывшаго сибирскаго приказа въ Москвѣ. Ими пользовался трудолюбивый Миллеръ, но кому они достались послѣ историографа, неизвѣстно. Ревнитель русской славы отыщетъ ихъ когда-нибудь и покажетъ Европѣ, что еще во времена Царей, предки наши отличались такими добродѣтелями, которыя теперь показались бы выдумками, если бы остатки ихъ не сохранились въ первобытной чистотѣ внутри Имперіи.

Не знающіе подумаютъ: если Китайцы, живущіе на Кяхтѣ, прочитаютъ эту статью, то могутъ произойти худые толки. Изъ Китайцевъ, торгующихъ на Кяхтѣ, ни одинъ не умѣетъ и не хочетъ умѣть читать по-русски. Они не знаютъ даже настоящаго русскаго языка, но объясняются на какомъ-то варварскомъ языкѣ, передѣланномъ изъ русскаго. Они ни сколько не заботятся узнать: какъ разумѣютъ ихъ Русскіе и что объ нихъ толкуютъ въ Европѣ. Размышляя о Китаѣ, не должно мѣрять его европейскимъ аршиномъ: тамъ все на выворотъ противъ нашего.

Н. ЩУКИНЪ.

Современная Японія и Токіюка.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШЕ РЕСКРИПТЫ,

ДАННЫЕ:

На имя почетнаго опекуна С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Дѣйствительнаго Тайнаго совѣтника Тучкова.

Павелъ Алексѣевичъ! Желая изъявить вамъ особенную Мою признательность за ревностные труды ваши по званію почетнаго опекуна здѣшняго опекунскаго совѣта, при другихъ важныхъ обязанностяхъ, довѣриемъ Моимъ на васъ возложенныхъ, Всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемую при семъ табакерку съ Моимъ портретомъ, украшенную брилліантами, пребывая къ вамъ всегда благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ Петербургѣ,
Іюля 1 дня 1848 года.

К. IX. — Ога. II.

На имя исправляющего должность Наказнаго Атамана Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Хомутова 1-го.

Нашему генералъ-лейтенанту Хомутову 1-му. Съ душевнымъ сокрушеніемъ получили мы извѣстіе о кончинѣ наказнаго атамана Войска Донскаго генерала отъ кавалеріи Власова. Ознаменовавъ долголѣтнее поприще свое подвигами неустрашимости во время войны и Государственными заслугами въ продолженіе управленія Войскомъ Донскимъ, сей доблестный старецъ почилъ, стяжавъ право на особенную Нашу признательность.

Издавна зная правоту и неутомимое къ службѣ усердіе ваше, усмотрѣли Мы съ удовольствіемъ при неоднократныхъ командировкахъ вашихъ въ С.-Петербургъ, по войсковымъ дѣламъ, что вы вполне сроднились съ бытомъ Войска Донскаго и что благоустройство онаго составляетъ постоянный предметъ заботы вашей. Это рѣшило Намъ нынѣ назначить васъ исправляющимъ должность наказнаго атамана Войска Донскаго, опредѣляя въ помощь вамъ, исправляющимъ должность начальника штаба сего войска Свиты Нашей генералъ-маіора графа Орлова-Денисова. Принадлежа Дону и по рожденію своему и по чувствамъ, онъ уже давно обратилъ на себя своею службою вниманіе Наше.

Какъ первую изъ важныхъ обязанностей вашихъ, возлагаемъ на васъ: попеченіе о непркосновенномъ охраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ дарованныхъ въ Божь почитающими Нашими предками и Нами Любезно-верному Войску Донскому и неизмѣнное соблюденіе утвержденного для онаго Положенія, коего благотворное на устройство всего края дѣйствіе, уже доказано опытомъ.

Бывъ столь долго ближайшимъ исполнителемъ распоряженій покойнаго наказнаго атамана, вы будете безъ сомнѣнія управлять храбрымъ Донскимъ Войскомъ въ томъ же духѣ; и тогда только исполните вполне желаніе сердца Нашего, когда Войско Донское, какъ Мы надѣемся, найдетъ

въ самомъ назначеніи вашемъ, удостовѣреніе всегдашняго Нашего къ оному благоволенія и особенной о благѣ его попечительности.

Пробываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петербургъ,

3 Іюля 1848 года.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Генералъ-фельдмаршалу Императорско-Австрійской службы, графу Радецкому.

Слѣдя съ постояннымъ вниманіемъ за дѣятели войскъ, вѣранныхъ вашему главному начальству для поддержанія законныхъ правъ вашего Монарха, и узнавъ о блистательныхъ побѣдахъ, одержанныхъ вами при Соммакампаньи и Кустоцѣ, Мы признали справедливымъ пожаловать васъ кавалеромъ ордена *Св. Великомуч. и Побѣдоносца Георгія первой степени*, знаки коего при семъ къ вамъ препровождаемъ. Желая этою высшею въ Нашей Имперіи военною наградою явить новое доказательство отличнаго Нашего уваженія къ долговременному и славному служенію вашему, столь знаменитыми подвигами ознаменованному, прибываемъ къ вамъ навсегда благосклонны.

На подлинной Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петербургъ. 7-го августа 1848 года.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 ІЮЛЯ ПО 15 АВГУСТА СЕГО ГОДА.

Учрежденія государственныя и губерскія.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о преобразованіи герольдіи въ департаментъ правительствующаго сената, *лишьнѣмъ положиь*:

I. Согласно съ предложеніями министра, сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1. Временное присутствіе герольдіи закрыть и дѣла онаго передать въ герольдію.

2. Для сей передачи назначить, со дня изданія настоящаго постановленія, двухмѣсячный срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе онаго временное присутствіе дѣлало исполненія по рѣшеннымъ дѣламъ, и чтобы чиновникамъ сего присутствія производилось получаемое ими содержаніе.

3. По минованіи означеннаго срока преобразовать герольдію, по прилагаемому здѣсь штату, въ департаментъ правительствующаго сената, съ наименованіемъ онаго департаментомъ герольдіи и тогда же открыть его дѣйствія.

4. Департаментъ герольдіи ввести въ составъ перваго общаго собранія правительствующаго сената, которому и именоватья общимъ собраніемъ первыхъ трехъ департаментовъ и герольдіи.

5. Для присутствованія въ семъ департаментъ назначить, съ Высочайшаго соизволенія, сенаторовъ въ числѣ четырехъ изъ тѣхъ правительствующаго сената департаментовъ, гдѣ находится ихъ болѣе сего числа.

Примѣчаніе. Въ департаментъ герольдіи, въ продолженіи вакантнаго времени, соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ 1-мъ департаментъ сената.

6. Герольдмейстеру, съ сохраненіемъ сего наименованія,

присвоить права и обязанности оберъ-прокурора, тремъ его товарищамъ, также съ сохраненіемъ сего наименованія, права и обязанности оберъ-секретарей, прочимъ же чинамъ канцеляріи герольдіи, права и обязанности таковыхъ же чиновъ канцеляріи сената.

7. Предметы занятій департамента герольдіи, въ составъ коего входятъ нынѣшнія три экспедиціи герольдіи, суть: дѣла о дворянствѣ, о почетномъ гражданствѣ, о награжденіи чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку до 1 января 1842 г. и по опредѣленію къ должностямъ ниже VI класса чиновниковъ, утвержденіе коихъ зависитъ отъ правительствующаго сената.

8. Департаменту герольдіи предоставляется право рѣшать окончательно всѣ дѣла, остающіяся въ кругъ занятій герольдіи, кромѣ дѣлъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія и утвержденія; равно пересматривать, въ случаѣ жалобъ, прежнія рѣшенія герольдіи, въ томъ же порядкѣ, какъ пересматривало оныя общее собраніе правительствующаго сената.

9. Дѣла сіи между экспедиціями распределяются слѣдующимъ образомъ: къ 1-й и 2-й экспедиціямъ, относятся дѣла о дворянствѣ, о почетныхъ титулахъ и о перемѣнѣ фамилій, съ предоставленіемъ дальнѣйшаго раздѣленія сихъ дѣлъ между означенными экспедиціями, усмотрѣнію герольдмейстера. Къ 3-й экспедиціи: дѣла по составленію гербовниковъ дворянскихъ родовъ и гербовника городоваго, сочиненію гербовъ, приготовленію грамотъ, дипломовъ и копій съ гербовъ и родословныхъ, веденію списка дворянамъ и лицамъ, лишеннымъ дворянскаго достоинства; о почетномъ гражданствѣ, о выдачѣ патентовъ на чины: о награжденіи пенсіями чиновниковъ, вышедшихъ въ отставку до 1-го января 1828 года; объ опредѣленіи къ должностямъ, ниже VI-го класса, утвержденіе въ коихъ зависитъ отъ сената, и по исполненію Высочайшихъ приказовъ по гражданскому ведомству.

Примѣчаніе 1-е. Дѣла объ изготовленіи грамотъ на жалованья имѣнія, о выдачѣ дипломовъ на дворянскія и почетныя

достоинства, также копии съ гербовъ и родословныхъ, производятся въ 3-й экспедиціи только въ отношеніи самага заготовленія актовъ; разсмотрѣніе же сихъ дѣлъ въ существѣ принадлежитъ 1-й экспедиціи, которая, по воспослѣдованіи окончательнаго опредѣленія о выдачѣ упомянутыхъ актовъ, сообщаетъ о томъ 3-й экспедиціи лишь для исполненія.

Примѣчаніе 2-е. Составленіе для адресъ-календаря списка чиновниковъ, служащихъ по вѣдомству сената и отсылка онаго въ установленное время въ министерство народнаго просвѣщенія, отнесенныя нынѣ къ обязанностямъ герольдіи, возлагаются непосредственно на оберъ-прокуроровъ, подобно тому, какъ они отсылаютъ списки о подвѣдомственныхъ имъ кавалерахъ въ канитулъ орденовъ.

10. Общій порядокъ производства и доклада дѣлъ въ департаментъ герольдіи устанавливается тотъ же самый, какъ и въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената, въ частности же исполняются правила дѣлопроизводства, постановленныя для герольдіи, въ приложеніи къ 439-й ст. учр. прав. сената (св. зак. том. 1), съ такимъ лишь измѣненіемъ: а) чтобы въ каждомъ столѣ входящія реэстры велись по прилагаемымъ здѣсь подъ лит. А, Б и В формамъ, и чтобы въ оный вносились въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ безъ исключенія поступающія въ столъ бумаги; б) чтобы дѣла по запросамъ начальствъ о происхожденіи лицъ, поступающихъ на службу, въ учебныя заведенія или же представленныхъ къ производству въ чины были изъемаемы изъ общей очереди и разрѣшаемы немедленно по порядку поступленія запросовъ; в) чтобы сверхъ входящаго и настольнаго реэстовъ были установлены, по прилагаемой здѣсь подъ лит. Г. формѣ, исходящіе реэстры.

11. При герольдмейстерскихъ дѣлахъ имѣть такія же входящія и исходящія книги, какъ и при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ 1-го департамента, (форма лит. Д и Е, а у протоколиста книгу, установленную статьею 295 учр. прав. сената (св. зак. т. 1) для департаментовъ онаго.

12. Изъ дѣлъ о дворянствѣ и о почетныхъ титулахъ записокъ не составлять, а изготовлять одни родословныя, съ

изложеніемъ существа документовъ и съ обозначеніемъ въ оныхъ: *въ началѣ*, отъ кого и когда представлены документы, изъ коихъ родословныя и описаніе извлечены; *на полѣ* (противъ каждаго документа) рода онаго и страницы дѣла, на которой документъ находится; и *въ концѣ* относящихся къ дѣлу законовъ. Въ случаѣ, если родословная, т. е. поколѣнная таблица именъ, по обширности своей, не можетъ быть изложена на одномъ листѣ съ описаніемъ документовъ, то оная приобщается къ описанію на особомъ листѣ. Къ симъ описаніямъ прилагается, для составленія опредѣленія, резолюція сенаторовъ, съ означеніемъ, когда она послѣдовала и съ прописаніемъ предъ оною законовъ, на кои сдѣлана въ ней ссылка. (форма лит. Ж).

13. Дѣла о почетномъ гражданствѣ, выдачѣ патентовъ и назначеніи пенсій чиновникамъ, вышедшимъ въ отставку до 1 января 1828 г., перемѣнъ фамилій и опредѣленіи къ должностямъ ниже VI класса чиновниковъ, утвержденіе коихъ зависитъ отъ сената, докладываются записками, въ которыхъ излагается сущность документовъ и которыя обрабатываются потомъ, установленнымъ въ сенатѣ порядкомъ, въ опредѣленія департамента герольдіи.

14. Бумаги, не требующія разсмотрѣнія существа дѣла, напримѣръ запросы начальства о дворянствѣ такихъ лицъ, дѣла которыхъ уже рѣшены, вносятся только въ одни журналы, по коимъ и дѣлается надлежащее исполненіе.

15. Журналы остаются на нынѣшнемъ ихъ основаніи; опредѣленія пропускаются установленнымъ въ правительствующемъ сенатѣ порядкомъ, и по пропускѣ оныхъ посылаются указы, сообразно предписаннымъ въ законѣ правиламъ. Отсылка указовъ производится отъ экзекуторскихъ дѣлъ, у которыхъ имѣется для сего особый исходящій реэстръ по формѣ, определенной для подобныхъ реэстровъ въ департаментѣ правительствующаго сената.

16. Сношенія съ департаментомъ герольдіи производятся на основаніи общихъ правилъ, для сношенія съ правительствующимъ сенатомъ постановленныхъ.

II. Проектъ штата департамента герольдіи правительству-

ющаго сената поднести, при мнѣніи государственнаго совѣта, къ Высочайшему утверженію; а слѣдующія къ порядку производства въ томъ департаментъ дѣлъ формы, на благоумотрѣніе Его Императорскаго Величества*.

Мнѣніе государственнаго совѣта и штатъ герольдіи правительствующаго сената Высочайше утверждены 12 мая 1848 года.

— Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената о составѣ общаго присутствія уезднаго суда и магистрата, и соглашаясь съ заключеніемъ сената, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 17 мая 1848 года, положилъ въ дополненіе подлежащихъ статей св. зак., постановить, что общее присутствіе уезднаго суда и магистрата, въ определенныхъ по закону случаяхъ (ст. 3839 и 4243 учр. губери. св. зак. т. II), составляется, подъ предсѣтельствомъ уезднаго судьи или занимающаго его мѣсто, по всѣмъ вообще дѣламъ, кромѣ дѣлъ, въ коихъ участвуютъ лица сельскаго сословія, изъ трехъ членовъ уезднаго суда включительно съ уезднымъ судьей и трехъ старшихъ изъ наличныхъ членовъ магистрата; по дѣламъ же, къ которымъ, кромѣ лицъ городского сословія, прикосвенны и помещане, изъ всѣхъ членовъ уезднаго суда и пяти старшихъ наличныхъ членовъ магистрата.

Уставы о повинностяхъ.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и журналъ рекрутскаго комитета о промышленяющихъ прискваніемъ и сбытомъ охотниковъ въ рекруты, и соглашаясь вполне съ снмъ представленіемъ и заключеніемъ означеннаго комитета, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 5 іюля 1848 года, положилъ постановить:

1. Въ дополненіе ст. 329 рекрутскаго устава (св. зак. тома IV:)

* Штатъ департамента герольдіи правительствующаго сената и формы дѣлъ приложены къ № 52 Санктпетербургскихъ Сенатскихъ Ведомостей.

а) Частные договоры о наймахъ въ рекруты должны быть совершаемы по правиламъ устава рекрутскаго обими сторонами лично. Мѣста, совершающія по тому же уставу сіи договоры, обязаны наблюдать, чтобы при томъ не было никакого принужденія или обмана.

б) При частныхъ наймахъ охотниковъ въ рекруты запрещается принимать на себя какое либо посредство не только въ соглашеніяхъ нанIMATEЛЕЙ съ желающими наняться въ рекруты, но даже и въ приисканіи сихъ послѣднихъ. Сіе запрещеніе распространяется на всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ нанять охотника не для замѣны въ очереди или жеребь рекрутскомъ себя или члена своего семейства, или по крайней-мѣрѣ близкаго своего родственника.

2) Въ дополненіе ст. 604-й рекрутскаго устава: «Винновныи въ нарушеніи вышеозначеннаго запрещенія (п. 1-й бук. б.) подвергается, на основаніи 1589-й ст. уложенія о наказаніяхъ, денежному взысканію не менѣе трехъ сотъ рублей серебромъ. Если онъ сверхъ того, будетъ изобличенъ въ какомъ либо обманѣ для побужденія ко вступленію въ обязательство наняться въ рекруты, или же въ какомъ либо къ сему принужденіи: то подвергается въ первомъ случаѣ, т. е. за употребленіе обмана, наказаніямъ, положеннымъ въ статьяхъ 2200 и 2201-й, а въ послѣднемъ, за принужденіе, тѣмъ, которыя опредѣлены въ статьяхъ 2198 и 2189-й, уложенія о наказаніяхъ».

3. Въ замѣнъ употребленныхъ въ дополненіи ко 2-му пун. ст. 444 рекрутскаго устава (по IV прод. свода), и въ 4-мъ пунктѣ примѣчанія къ ст. 4059-й законовъ о состояніяхъ (тоже по продол. IV-му) словъ: «продать оныя (квитанціи) другому по желанію» сказать: «продать оныя въ казну по общимъ правиламъ 444-й ст. устава рекрутскаго».

3. Въ измѣненіе примѣчанія при пун. 1-мъ ст. 330 и устава рекрутскаго (по прод. VII-му): «Огнущенные на волю дворовые люди съ условіемъ исполнить нѣкоторыя обязанности въ пользу прежняго ихъ владѣльца (св. зак. о соет. ст. 1059-й по прод. IV) не допускаются къ найму въ рекруты за другихъ, буде на самыхъ отпускныхъ актахъ,

или на совершенных при отпуске отдельных договорах, нет письменного удостоверения прежнего владельца или его наследников, что все условия, при отпуске их на волю постановленные, ими уже исполнены. Сии удостоверения владельцев должны быть засвидетельствованы в тех присутственных местах, коим вообще предоставлено свидетельствование отпускных актов, и присутственные места, возвращая отпускной акт или договор в руки волеотпущенному, обязаны объяснить ему, что за сим владельцу не имать уже никакой на него претензии.

5. *Въ поясненіе 2-го пункта статьи 1059-й законов о состояніях (по продолж. IV):* «Условія, на основаніи коих дворовые люди, записанные такими в послѣднюю (8-ю) ревизію, отпущены на волю, должны быть излагаемы съ возможною точностію и подробностію въ самых отпускных актахъ. Если же означеніе всехъ сихъ условий въ самомъ отпускномъ актѣ по чему либо неудобно, или они написаны и совершены отдѣльно въ особомъ отъ него договорѣ, то о существѣ сего договора, времени и мѣстѣ совершенія его должно быть непременно упомянуто въ самомъ отпускномъ актѣ; безъ сего договоръ считается неимѣющимъ силы».

6. *Въ дополненіе ст. 604-й рекрутскаго устава:* «Когда кто либо изъ помѣщиковъ продастъ свою зачетную рекрутскую квитанцію поселянамъ и вообще въ частныя руки, вопреки правилъ 444-й статьи устава, то сверхъ уничтоженія сей продажи и вознагражденія всехъ убытковъ, покупщикомъ понесенныхъ, на счетъ продавца, самая квитанція отбирается и отсылается въ казенную палату и при томъ, применяясь къ 1589-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ, безъ всякаго уже вознагражденія бывшаго владельца квитанціи».

7. *Въ дополненіе пунктовъ 4 и 5 статьи 444-й рекрутскаго устава (свода зак. тома IV):* «Зачетныя квитанціи, кои дозволено продавать въ казну по 3000 р. сереб. (уст. рекрут. ст. 444 пун. 4 и 5-й), а равно и тѣ, кои по постановляемому нынѣ узаконенію (пун. 6-й) должны, въ случаѣ продажи оныхъ помѣщиками въ частныя руки, вопреки пра-

вилъ ст. 444-й рекрутскаго устава, быть отбираемы въ казну, дозволяется палатамъ государственныхъ имуществъ продавать казеннымъ крестьянамъ, по 570 руб. сереб., подобно тому какъ онѣ продаютъ имъ квитанціи за поступившихъ въ рекруты охотою по казенному найму (ст. 349 и 368) съ тѣмъ, чтобы изъ вырученной за каждую квитанцію суммы—300 руб. сер. съ 6-ю процентами, возвращать государственному казначейству, а все остальное обращать на составленіе капитала для отставныхъ солдатъ (ст. 357 рекр. устава.

Уставы казеннаго управления.

Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о магометанскомъ духовенствѣ въ таврической губерніи, мнѣніемъ, Высочайше утверждаемымъ 24 мая мая 1848 года, положилъ: въ поясненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить слѣдующія правила: 1. Всѣхъ занимающихъ въ таврической губерніи духовныя должности магометанскаго исповѣданія, исчисленные въ §§ 13, 14, 18, 20 и 21 положенія 23 декабря 1831 года о таврическомъ магометанскомъ духовенствѣ, оставить, на основаніи существующаго закона, свободными отъ всѣхъ податей и повинностей, равно какъ и тѣхъ, кои отъ духовныхъ должностей уволены за старостию (свыше 60 лѣтъ) и увѣчьемъ. 2. Оставить также свободными отъ податей и повинностей всѣхъ записанныхъ досель и уже перечисленныхъ въ означенное духовенство, хотя бы они духовныхъ должностей и неисполнили, ограничивъ такое преимущество собственно сими лицами, безъ предоставленія онаго ихъ потомству. 3. Дѣтей лицъ высшаго въ таврической губерніи магометанскаго духовенства, и именно: Муфтія, Кади-Эскера и пяти уѣздныхъ Кадіевъ, и духовенства приходскаго: Хатыновъ, Имамовъ, Мулъ и Маязиновъ оставить равномерно свободными отъ податей и повинностей, если только они сами, по собственному желанію, не поступили въ другое состояніе, не распространяя однако сего преимущества на дальнѣйшее ихъ потомство. 4. Всѣмъ прочимъ духовнаго происхожденія

магометанамъ, таврической губерніи, доселе въ духовенство неперечисленнымъ предоставить въ теченіе года, со дня объявленія на мѣсть настоящаго постановленія, избрать родъ жизни. 5, За симъ никакихъ уже новыхъ просьбъ о перечисленіи, по правиламъ происхожденія, въ таврическое магометанское духовенство, безъ исправленія духовныхъ должностей, не принимать.»

Уставы государственнаго благоустройства.

Государственный советъ, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ, относительно облегченія силою закона обряда, существующаго на с.-петербургской биржѣ при производствѣ ссудъ подъ акціи, *мильнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1848 года, *положилъ*: представленіе сіе утвердить, и, въ слѣдствіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить, относительно производства на с.-петербургской биржѣ ссудъ подъ акціи, слѣдующія правила: 1, получающій денежную ссуду подъ залогъ акцій передаетъ оныя дѣлающему такую ссуду, при письмѣ, которымъ предоставляется ему, въ случаѣ неплатежа въ назначенный срокъ капитала и процентовъ, распорядиться тѣми акціями по своему усмотрѣнію, т. е. продать ихъ другому лицу, или оставить за собою по существующей на биржѣ цѣнѣ; а если чрезъ продажу акцій, вся ссуженная сумма съ причитающимися процентами не выручится, то получатель ссуды доплату недостающаго количества принимаетъ на свою обязанность. 2, Дѣлающій же ссуду подъ акціи, съ своей стороны выдаетъ получающему оную также письменное удостовѣреніе въ томъ, что въ обеспеченіе данныхъ въ ссуду денегъ принялъ такія то акціи, которыя, по умалъ обратнo данныхъ подъ залогъ ихъ денегъ, обязывается возратить по принадлежности; въ противномъ случаѣ, если плата не послѣдуетъ, имѣетъ право обратитъ ихъ въ свою пользу или продать, по состоящей на биржѣ цѣнѣ. 3, За тѣмъ, получившій ссуду, соображаясь съ уставами компаній, вмѣстѣ съ теми изъ акцій, кото-

рыя передаются съ переводными надписями, вручаетъ ссудившему и объявленіе, въ правленіе подлежащей компаніи, для перевода такихъ акцій на его имя; другія же акціи передаетъ по бланковымъ надписямъ, а писавшыя на предъявителей безъ всякихъ надписей. 4, Сдѣлки, совершаемыя купечествомъ по предмету ссудъ подъ акціи, писать, согласно 2254 статьѣ учрежд. и уст. торг. (св. зак. т. XI, на гербовой, пятнадцати копѣечнаго достоинства, бумагъ, съ соблюденіемъ формальностей, установленныхъ для маклерскихъ записокъ.

Государственный советъ, разсмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената, по вопросу, о объявленіи купеческихъ капиталовъ родственниками несостоятельныхъ должниковъ, и соглашаясь съ заключеніемъ сената, *мильнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1848 года, *положилъ*: 1, Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить, что сила 15 статьи учреждений торговыхъ (св. зак. т. XI), на основаніи коей купеческіи жены несостоятельнаго должника допускаются къ объявленію особаго капитала и къ запискѣ по этому въ гильдію, не ожидая окончанія конкурса, если само конкурсное управленіе, по положенію дѣлъ, признаетъ сіе возможнымъ, распространяется въ той же силѣ и на дѣтей и родственниковъ несостоятельнаго должника, въ одномъ семейномъ капиталѣ съ нимъ состоящихъ. 2) Соответственно сему (въ разрѣшеніе частнаго случая, изъ коего возникъ настоящій вопросъ) дозволить сыну умершаго Новоладожскаго купца Арапова, Тимоѣю Арапову, объявить особый капиталъ и записаться по оному въ гильдію, если новоладожскій сиротскій судъ, гдѣ разсматривается дѣло о несостоятельности его матери, Татьяны Араповой, удостовѣритъ, что объявляемый капиталъ не подлежитъ на уплату долговъ ея, Араповой.

Законы уголовные.

Государственный советъ, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о мѣрѣ наказанія за ввозъ изъ-за грани-

К. IX. — Отд. II. 2

цы и водвореніе въ Имперіи фальшивыхъ билетовъ польскаго и финляндскаго банковъ, нашель, что подлежащій вопросъ исполнъ разрѣшается яснымъ смысломъ ст. 604 улож. о наказ. Въ статьѣ сей прямо и положительно сказано, что дѣйствию оной подлежатъ виновные въ поддѣлкѣ всякихъ билетовъ кредитныхъ установленій, имѣющихъ въ общемъ обращеніи достоинство денегъ, а какъ съ одной стороны такое достоинство билеты финляндскаго и польскаго банковъ Имперіи имѣють, а съ другой самое Царство Польское и Великое Княжество Финляндское составляютъ неотдѣльные части Государства Россійскаго; то засимъ ни въ какомъ уже новомъ по настоящему предмету постановленіи надобности не представляется. Въ слѣдствіе чего государственный совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 10 мая 1848 года, положилъ: не дѣлая никакого въ ст. 604 улож. о наказ. дополненія, предоставить правительствующему сенату, если бы при разсмотрѣніи въ уголовныхъ судахъ частныхъ случаевъ о привозѣ изъ-заграницы, водвореніи въ Имперіи и поддѣлкѣ фальшивыхъ билетовъ банковъ: Царства польскаго и Великаго Княчества Финляндскаго, встрѣтились какія либо сомнѣнія, разрѣшать оныя чрезъ точное примѣненіе къ симъ случаямъ содержащихся въ упомянутой 604 ст. постановленій».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Изъ 1-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената поднесенъ былъ Его Императорскому Величеству, чрезъ государственный совѣтъ, всеподданнѣйшій докладъ, по дѣлу о губернскомъ секретарѣ Константинѣ Добрынинѣ, сужденномъ за разныя преступленія.

Государственный совѣтъ, при разсмотрѣніи дѣла о Добрынинѣ, остановясь на предположеніи судебныхъ мѣстъ о преданіи его церковному покаянію за намѣреніе къ самоубійству, нашель, что Добрынинъ намѣреніе лишитъ себя жизни выразилъ въ письмахъ къ одной помещицѣ и къ

своей жень, но къ исполненію такого намѣренія вовсе не приступалъ. По 9 и 11 ст. Улож. о Наказ., изъявленіе на словахъ или письменно, или же инымъ какимъ-либо дѣйствіемъ, намѣренія учинить преступленіе, почитается признакомъ умысла; а покушеніемъ на преступленіе признается всякое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе. Въ приведенной же судебными мѣстами 1944 ст. Улож., церковному покаянію подвергаются лишь изобличенные въ покушеніи лишитъ себя жизни, когда исполненіе намѣренія того остановлено посторонними, независѣвшими отъ нихъ обстоятельствами. Посему государственный совѣтъ, сообразивъ въ семъ отношеніи обстоятельства дѣла съ приведенными статьями Улож., призналъ, что подсудимый въ покушеніи на самоубійство не изобличенъ, а потому и церковному покаянію не подлежить.

На семъ основаніи государственный совѣтъ постановилъ мнѣніе, удостоенное Высочайшаго утвержденія.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ С.-Петербургѣ, во всей Литейной части и въ Московской части на всемъ пространствѣ, которое заключается между Фонтанкою и Владимірскою улицею отъ Невскаго до Обуховаго проспектовъ, никакихъ новыхъ деревянныхъ строеній впредь не дозволять.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, представленія генераль-губернатора Западной Сибири,—Высочайше повелѣть соизволилъ, въ г. Тобольскѣ, деревянные дома на улицу, строить всѣ, непременно, на каменныхъ или кирпичныхъ фундаментахъ.

Государь Императоръ, по ходатайству Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы Окружное Правленіе 1-го округа путей сообщенія, имѣло должное наблюденіе, чтобъ обыватели Каменнаго острова, обязанные содержать тамъ

шоссе на свой счет, при исполнении этой обязанности, соблюдали все установленныя въ сѣмъ случаѣ, въ искусственномъ отношеніи, правила.

Дворянство Тамбовской губерніи пожертвовало въ пользу запасныхъ баталіоновъ 3-го пѣхотнаго корпуса 12 труппъ артельныхъ лошадей съ упряжью, и сверхъ того дворянами, проживающими въ Тамбовѣ, пожертвовано въ пользу нижнихъ чиновъ 270 руб. серебромъ.

Государь Императоръ, по прочтеніи донесенія объ этомъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить дворянство за означенныя пожертвованія.

Государь Императоръ, по прочтеніи постановленія дворянства Черниговской губерніи, съ изъясненіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, одушевляющихъ дворянъ по случаю манифеста 14 прошедшаго марта, и о пожертвованіи сѣмъ дворянствомъ на провіантъ для войскъ 100 т. пудовъ муки,—Высочайше соизволилъ: объявить дворянству Черниговской губерніи, что Его Императорское Величество душевно благодарить дворянство за благородныя чувства его.

— Государь Императоръ, прочитавъ съ удовольствіемъ изъясненныя во всеподданнѣйшемъ адресѣ Ярославскаго дворянства выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ къ Престолу и отечеству, Высочайше повелѣть изволилъ: объявить Ярославскому дворянству, что Его Императорское Величество душевно благодарить дворянство за благородныя чувства, его одушевляющія и давно извѣстныя Его Величеству.

Изъ министерства внутреннихъ дѣлъ выдана 20 іюля сего года надв. сов. Вышенскому привилегія на 5 лѣтъ на учрежденіе дилижансовъ, для перевозки пассажировъ отъ Новой-Ладоги до Тихвина, на разстояніи 104 верстъ, съ платою по 1 руб. сер. съ особы.

ОПРЕДЕЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Назначены: мал 30. Предсѣдателемъ владимирской пала-

ты уголовного суда, предсѣдатель таврической гражданской палаты стат. сов. Крашенинниковъ. Чиновникомъ за оберъ-прокурскимъ столомъ въ правит. сенатъ, чиновникъ особыхъ порученій въ V-мъ классѣ при министрѣ юстиціи стат. сов. Торнау. іюня 3. Свиты Е. И. В. генераль-майоръ Пашковъ—вице-директоромъ департ. вибшней торговли и инспекторомъ пограничной стражи, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Іюня 16. Въ должности оберъ-прокуроровъ правит. сената. сост. за оберъ-прокурорскими столами въ сенатъ, статскіе советники: Нефедьевъ въ 1-е отдѣленіе пятаго и Чердышевъ въ 1-е отдѣленіе шестаго департаментовъ сената. Іюля 1. Исправляющему должность предсѣдательствующаго въ С.-Петербургскомъ опекуномъ советѣ Е. И. В. Привнцу Петру Ольденбургскому, Всемиловитвише повелѣно быть предсѣдательствующимъ въ сѣмъ советѣ. Іюля 3. Начальнику штаба войска донскаго генераль-лейтенанту Холупову 1-му, повелѣно быть испр. должн. наказнаго атамана сего войска. Свиты Е. И. В. генераль-майору графу Орлову-Денисову, испр. должн. начальника штаба сего войска, съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В. Іюля 6. Назначенъ вице-директоромъ депар. сельскаго хозяйства, по вѣдом. госуд. имущ., нач. отд. того деп. стат. сов. Миллеръ. Іюля 13. Сост. при мин. внутр. дѣлъ, въ званіи камергера двора Е. И. В., дѣйст. стат. сов. Писареву, повелѣно быть Олонецкимъ гражд. губернаторомъ. Іюля 20. Въ члены комисіи построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, назначенъ сенаторъ генераль-лейтенантъ Бологовской.

Дозволеніе пользоваться баронскимъ титуломъ.

Государственный советъ, по разсмотрѣніи доклада правительствующаго сената о баронскомъ достоинствѣ коллежскаго советника Карла Кистера, принявъ на видъ, что Кистеръ, состоящій нынѣ въ подданствѣ и службѣ Россійской Имперіи возведенъ съ потомствомъ въ баронское достоин-

ство владѣтельнымъ герцогомъ Ангальтъ-Кетенскимъ 16 апрѣля 1832 года, признанъ представленный на означенное достоинство дипломъ соответствующимъ силѣ законовъ о доказательствахъ на почетные титулы, (ст. 53 и прим. 2 къ сей ст. VII прод. IX т. св. зак. о состоян.) а потому *мильнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 2 Іюня 1848 года, *положилъ*: коллежскому совѣтнику Карлу *Кистеру*, съ прямымъ нисходящимъ потомствомъ его, дозволить согласно съ заключеніемъ правительствующаго сената, пользоваться въ Россіи баронскимъ титуломъ герцогства Ангальтъ-Кетенскаго.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему двору.

Іюня 13. Паж: Николай *Игнатъевъ* 1-й, Николай *Чевкинъ*, экстернъ Василій *Паиковъ*, баронъ Андрей *Корфъ* 1-й, экстернъ князь Сергій *Трубецкой* 3-й, экстернъ Алексій *Олсуфьевъ*, Сергій *Авиновъ*, Николай Пилларъ *Фонъ-Пильхау* 1-й, князь Александръ *Трубецкой* 1-й, Алексій *Толстой* 2-й, Иларіонъ *Толстой* 3-й, Александръ *Рылеевъ*, Левъ *Маковъ*, экстернъ Николай Пилларъ *Фонъ-Пильхау* 2-й, Николай *Ланской* и Иванъ *Семіонтовскій*, пожалованы въ камеръ-пажи. Іюня 25. Пажъ графъ Павелъ *Шуваловъ*, пожалованъ въ камеръ-пажи, сверхъ комплекта. Іюня 30. Внука оберъ-камергера графа Строгонова, дѣвица Елена *Черткова*, пожалована во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Іюля 1. Дѣвица Наталья *Хвоцинская*, пожалована во фрейлины, къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Іюля 20 Пензенскій уездный судья, кол. асс. Николай *Кишинскій*, пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера. Іюля 22. Княжна Наталья Салтыкова пожалована во фрейлины къ Е. И. В. Государынѣ Цесаревнѣ.

НАГРАДЫ:

произведены:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ статскихъ совѣтниковъ: Іюня 12. Импе-

раторскаго дерптскаго университета ректоръ орд. проф. *Нейе*. Іюня 25. Чиновники при департаментахъ: при комиссаріатскомъ, *Брискорнъ*; при провіантскомъ 5-го класса *Кириллинъ*. Іюля 3. Московскаго опекунскаго совѣта директоръ при повивальномъ институтѣ воспитательнаго дома *Рихтеръ*. Іюля 7. Правитель канцеляріи главнаго командира черноморскаго флота и портовъ *Кашневъ*.

Въ статскіе совѣтники.

Изъ коллежскихъ совѣтниковъ, *за отличіе*: іюля 19. Чиновникъ особыхъ порученій V-го класса, при статскъ секретарѣ, управляющемъ дѣлами комитета министровъ, камеръ-юнкеръ *Безобразовъ*. Іюня 25. Члены комиссаріатскихъ комиссій: Кіевской-*Жандръ* и Тобольской-*Соболевъ*. *За выслугу лѣтъ*: мая 30. Таганрогскаго коммерческаго суда председатель *Броневскій*. Іюня 2. III-го отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи старшій чиновникъ *Левенталь*. Іюня 16. Состоящій при министрѣ статскъ-секретарь царства польскаго чиновникомъ особыхъ порученій *Гонзаго-Павличинскій*. Іюня 17. Харьковской палаты, по вѣдом. мин. финансовъ, губернскій контролеръ *Ковалевъ*. Іюня 22. Казанской духовной академіи Профессоръ *Беневоленскій*. Іюня 26. С.-Петербургской палаты старшій совѣтникъ, управляющій отдѣленіемъ питейныхъ сборовъ *Лукошковъ*. Іюня 30. Курляндской межевой комиссії, председатель *Киницъ*. Іюля 3. Департ. мануф. и внутр. торговли чиновникъ особыхъ порученій V класса, *Леонтьевъ*. Іюля 7. Причисленный ко II-му отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи баронъ *Корфъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

(Іюня 25)

Св. Равноапостольнаго князя Владимира I-й степени
Генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, кіевскій

военный, подоольскій и волинскій генераль-губернаторъ *Бибиковъ* 1-й.

Св. Александра Невскаго.

Генераль-лейтенантъ, попечитель дерптскаго учебнаго округа, Евстафій *Крафстремъ*. Юля 1. Тайный совѣтникъ, сенаторъ *Ланской*. Тайный совѣтникъ, сенаторъ князь *Оболенскій*.

Благо Ора.

Юля 1. Генераль-лейтенантъ, сенаторъ *Мартиновъ*.

Св. Анны 1-й степени, съ Императорскою короною.

Юня 25. Тайный совѣтникъ *Мариш*.

Св. Анны. 1-й степени.

Юня 8. Королевскій датскій генераль-маіоръ *Оксгольмъ*. Юня 15. Дѣйст. стат. сов. Иванъ *Лазаревъ*. Дѣйст. стат. сов. Христофоръ *Лазаревъ*. Юня 25. Свиты Е. И. В. генераль-маіоръ баронъ *Притвицъ* 2-й. Генераль-маіоръ, попечитель кievскаго учебнаго округа *Траскинъ*. Юля 1. Двора Е. И. В. гофмейстеръ князь *Юсуповъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Юня 19. Дѣйст. стат. сов. первый драгоманъ азіатскаго департамента *Дестунисъ*. Дѣйст. стат. сов. сост. при азіатскомъ департаментѣ, *Тимковскій*. Юня 25. Дѣйст. стат. сов. старшій врачъ при с.-петербургскомъ училищѣ ордена Св. Екатерины *Блюмъ*. Юня 25. Дѣйст. стат. сов. графъ *Хрептовичъ*.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Апрѣля 29. Флигель-адъютантъ Е. И. В. командиръ егер-

скаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, полковникъ князь *Бяратинскій*. Мая 1. Предсѣдательствующій въ попечительномъ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, дѣйст. стат. сов. *Ганъ* и нач. отд. льснаго департамента стат. сов. *Грещицевъ*. Управляющіе палатами госуд. имуществъ: курляндскою—дѣйст. стат. сов. баронъ *Оффенбергъ* и орловскою—стат. сов. *Норровъ*, и нач. отд. 1-го департ. госуд. имущ. стат. сов. *Журавлевъ*. Мая 7. Екатеринбургскій губернскій предводитель дворянства дѣйст. стат. сов. Баронъ *Франкъ*. Нач. отд. почтоваго департ. Кол. совѣт. *Крисковъ*. Юня 11. Статскіе совѣтники: главный лекаръ царскосельскаго военнаго госпиталя *Ведринскій* и старшій докторъ Феодосійскаго военнаго госпиталя *Кайзеровъ*. Юня 12. Нач. отд. комитета призьрннхъ заслуженныхъ гражд. чиновн. стат. сов. *Гейнъ*. Юня 19. Первый драгоманъ въ азіатскомъ департаментѣ. стат. совѣт. *Ярцовъ*. Сост. при департаментѣ Ревизіи отчетовъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій со стороны государственнаго контроля, оберъ-контролеръ кол. сов. *Вороповъ*. Юня 24. Велико-герцогской гессенской службы полковникъ *Тротъ*. Юня 25. Военный губернаторъ города Ярославля и ярославскій гражданскій губернаторъ, Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ *Бутурлинъ* 2-й и флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи коннаго полка полковникъ графъ *Бенкендорфъ*. Нач. отдѣленія строительнаго департамента морскаго министерства, статскій совѣтникъ *Лобановъ*.

Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Мая 4. Маіоры: Ставропольскаго егерскаго полка *Грушинскій* и кубанскаго егерскаго полка *Зергель* и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ баронъ *Сталь*. Юня 6. Самурскаго пѣхотнаго полка маіоръ *Болотниковъ*. Донскаго казачьяго № 22 полка войсковый старшина *Половъ* 15-й, Самурскаго пѣхотнаго полка капитанъ *Смирновъ* 2-й и штабсъ-

капитаны: драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, *Бучицкѣвъ*. Юня 20. Донскаго казачьяго № 39 полка сотникъ *Погожевъ*.

Св. Владимира 4-й степени, безъ банта.

Мая 15. Главный лекаръ шемахинскаго военнаго госпиталя, штабъ-лекаръ надв. Сов. *Чапскій*, младшій ординаторъ тифлискаго военнаго госпиталя, штабъ-лекаръ кол. асс. *Нюодтъ*, старшій ординаторъ лабинскаго военнаго госпиталя, штабъ лекаръ тит. сов. *Золотаревъ* и главный докторъ царско-колдскаго военнаго временнаго госпиталя, штабъ-лекаръ *Роубе*. Юня 6. Полковый штабъ-лекаръ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, кол. асс. *Сергѣевъ* и баталіонные лекари сего же полка: кол. асс. *Васильевъ* и тит. сов. *Соболевскій*.

Пожалованы медалями:

Золотыми, съ надписью: «за усердіе» для ношенія на шеѣ: Юля 24. На *Андреевской* лентѣ: Почетный гражданинъ Московскій 1 гильд. куп. Павелъ *Даниловъ*. Конгурскій 2 гильд. куп. Дмитрій *Бѣловъ*. На *Александровской* лентѣ: юня 6. Воскресенскій градской глава, 2-й гильдіи купецъ *Филимонъ Горлячій*. Юня 11. Оцѣнщикъ драгоценныхъ вещей при С.-Петербур. ссудной казнѣ купецъ 3-й гильдіи *Борисъ Кохендорферъ*. Юля 24. Вильманстрандскій 1 гильд. купеч. сынъ Фотій *Швецовъ*. На *Аннинской* лентѣ: юля 6. Градскіе головы: Серпуховскій 1-й гильд. купецъ Андрей *Солодовниковъ* и бронницкій купецъ Никита *Терентьевъ*. Юня 11. Бѣлгородскій 2-й гильдіи купецъ *Мачуринъ*. *Серебряную*, на *Аннинской* лентѣ: Юня 6. Гласный Воскресенской градской думы, 3-й гильд. купецъ Николай *Бородинъ*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Билль лорда *Джона Росселла*, объ отъѣзѣ на время въ Ирландію закона о личной неприкосновенности, принятый 22 іюля въ нижней палатѣ, 24 числа былъ выслушанъ въ верхней палатѣ, и послѣ нѣкоторыхъ преній также одобренъ и принятъ. 25 числа, было уже получено въ парламентъ утвержденіе королевы, и такимъ образомъ этотъ билль получилъ законную силу.

24 іюля, въ верхней палатѣ, былъ прочтенъ во второй разъ билль о публичныхъ работахъ въ Ирландіи, принятый уже нижнею палатою. Лордъ *Эдленборо* одобрилъ эту мѣру вообще, сдѣлалъ обзорніе положенія Ирландіи и въ концѣ своей рѣчи, совершенно неожиданно, приписалъ постоянныя замѣшательства въ Ирландіи положенію церкви относительно государства. Онъ предложилъ, чтобы католическое духовенство получало отъ казны жалованье и чтобы изъ назначаемыхъ для Ирландіи денегъ была употреблена нужная сумма на постройку домовъ и покупку земель для католическихъ священниковъ. Лордъ *Монтгиль* одобрилъ это предложеніе и сказалъ, что Георгъ III, хотя былъ ревностнѣйшій протестантъ, но считалъ нужнымъ давать жалованье католическимъ священникамъ.

25 числа, былъ прочтенъ въ третій разъ билль о вступ-

леніи въ супружество въ Шотландіи. До настоящаго времени бракъ заключали тамъ такимъ образомъ: мужчина или лучше дитя 14 лѣтъ и дѣвочка 12 лѣтъ давали въ любви мѣсть брачную присягу передъ свидѣтелями, и дѣломъ и оканчивалось. Настоящій же билль требуетъ исполненія нѣкоторыхъ формальностей, именно предварительнаго пребыванія въ приходѣ, объявленія и т. п., и браки въ Шотландіи будутъ считаться законными только тогда, когда заключены въ присутствіи священника и чиновника, на котораго возложено веденіе метрическихъ списковъ.

Большая часть засѣданій палаты въ августѣ была посвящена преніямъ о заграничныхъ дѣлахъ: лимбургскихъ и италіанскихъ, и о томъ участіи, какое принимаетъ или намѣрена принять въ этихъ дѣлахъ Англія.

Въ нижней палатѣ 7 числа, лордъ *Пальмерстонъ*, отвѣчалъ на вопросъ г. *д'Израэли* о лимбургскихъ дѣлахъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Г. *д'Израэли* въ точности изложилъ наши обязанности, которыя возлагаетъ на насъ трактатъ 1839 года. По этому договору, часть люксембургскаго герцогства уступлена Бельгій. Парламенту извѣстно, что люксембургское герцогство составляло часть германскаго союза, и нидерландскій король, въ званіи великаго герцога люксембургскаго, былъ членомъ этого союза. Договоромъ 1839 года было опредѣлено, что за уступку части этого герцогства король получить въ вознагражденіе Лимбургъ. Король могъ владѣть этой областью, какъ великій герцогъ, или присоединить ее къ нидерландскому королевству. По другой статьѣ договора, онъ долженъ былъ вознаградить членовъ нассаускаго дома, за понесенную ими потерю, и Германскій Союзъ долженъ былъ также получить вознагражденіе. Король заключилъ особенный договоръ съ членами своего дома. Статьи этого договора англійскому правительству неизвѣстны. Объ условіяхъ съ Германскимъ Союзомъ Англія тоже официально ничего не знаетъ. На дняхъ посланникъ нидерландскаго короля сообщилъ мнѣ ноту о дѣйствіяхъ франкфуртскаго сейма касательно этой части королевства. Но прежде нежели англійское правительство рѣшить,

до какой степени означенный договоръ возлагаетъ на него обязанность или даетъ ему право вмѣшаться въ эти происшествія, я долженъ былъ потребовать отъ нидерландскаго министерства подробныхъ свѣдѣній о договорѣ, заключенномъ покойнымъ королемъ съ Германскимъ Союзомъ на счетъ этой части нидерландскаго королевства. Этихъ свѣдѣній я еще не получалъ, и потому не могу отвѣчать на сдѣланный мнѣ вопросъ, приметъ ли Англія участіе въ этомъ дѣлѣ и какимъ именно образомъ.»

8 августа, въ верхней палатѣ лордъ *Станлей* предложилъ вопросъ о сицилійскомъ дѣлѣ. Маркизь *Ландсдаунъ* отвѣчалъ:

«Не обинуясь сообщаю почтенному лорду всѣ объясненія, какія только могу сообщить объ интервенціи Англіи въ сицилійскихъ дѣлахъ, если только это можно назвать интервенціею. Это скорѣе выраженіе мнѣнія Англіи о распряхъ, происходившихъ, по несчастію, между Неаполемъ и Сициліею. Я бы хотѣлъ убѣдить палату, что во все продолженіе этихъ дѣлъ, ни на минуту не проявлялось желаніе произвести разрывъ между обѣими частями государства, или даже способствовать, поощрять къ нему. Мнѣ очень пріятно объявить, что Англія была и, надѣюсь, еще долгое время будетъ въ союзѣ съ королемъ неаполитанскимъ. Хотя королевство Сицилія было соединено съ королевствомъ неаполитанскимъ, но съ Сициліей Англія, и независимо отъ своего союза съ Неаполемъ, была всегда въ тѣсныхъ сношеніяхъ, по причинѣ ея конституціи. Въ распряхъ, происшедшихъ между этими двумя странами, Англія постоянно старалась дружескими совѣтами поддерживать союзъ Неаполя съ Сициліею на условіяхъ наиболее выгодныхъ для обоихъ.»

«Такова была цель лорда *Минто*. Наши совѣты приняты были съ доброжелательствомъ и дружественнымъ расположеніемъ. Одно время правительство королевы надѣялось, что цель его интервенціи будетъ достигнута и примиреніе между Неаполемъ и Сициліею произведено. Но при неаполитанскомъ дворѣ произошли перемѣны, которыя замедлили ожидаемое рѣшеніе. Послѣдующія событія еще расширили

брешь, образовавшуюся между Сицилією и Неаполемъ и, безъ всякаго сомнѣнія, событія, совершившіяся во Франціи, сильно подстрекнули духъ сопротивленія. Происшедшую развязку нельзя приписывать ни недостатку усилій правительства Ея Величества, ни недостатку способности лорда *Минто*. Когда сдѣлалось уже очевиднымъ, что Сицилія не будетъ болѣе составлять часть королевства неаполитанскаго, желаніе правительства королевы содѣйствовать выгодамъ короля неаполитанскаго было столь же сильно какъ и прежде. Правительство употребляло сначала свое вліяніе для того, чтобы одинъ изъ принцевъ неаполитанскаго дома былъ избранъ въ короли этого государства, которое сдѣлалось бы въ сущности владѣніемъ независимымъ. Графъ *Минто* употреблялъ всевозможныя усилія для того, чтобы побудить къ тому Сицилійцевъ. По мѣрѣ того какъ событія совершались, сдѣлалось очевиднымъ, что Сицилійцы всѣхъ классовъ, начиная съ аристократіи до черни, твердо рѣшились сохранить свою независимость. Ихъ мужество и рѣшимость упрочили эту независимость.

«Между-тѣмъ правительство долгомъ почло продолжать свои совѣты и могу увѣрить почтеннаго лорда, что эти совѣты не сопровождались никакими угрозами. Правительство королевы не считало своей обязанности вмѣшиваться въ избраніе рода правленія, которое надлежитъ учредить въ Сициліи; но оно не скрывало, что болѣе расположено въ пользу монархическаго, чѣмъ республиканскаго правленія. При нынѣшнемъ положеніи Европы, я думаю, что это добрый совѣтъ, который Англія могла дать, Сицилія могла принять. Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что народъ, свободный въ выборѣ, склоненъ въ пользу правленія монархическаго, надобно было желать, чтобы сицилійскій государь былъ избранъ изъ числа италіянскихъ принцевъ, для того, чтобы не вводить принцевъ чуждыхъ государствъ и чужой крови. Избраніе иностранца могло бы подать поводъ къ иностранному вмѣшательству и повлечь за собою еще большія затрудненія.

«Правительство королевы не имѣло причины сожалѣть о

совѣтахъ, которые подавало въ этомъ случаѣ. Благородный лордъ ошибается, полагая, что сицилійскому народу или сардинскому королю сообщено было, что англійское правительство требуетъ удостовѣренія, что въ короли Сициліи избранъ будетъ герцогъ генуэзскій или будто мы постановили какія-либо условія поведенію, которое Англія будетъ наблюдать въ отношеніи къ Сициліи, какъ къ независимому государству. Англійское правительство говорило только одно, именно что Англіи пріятнѣе будетъ, ежели Сицилія, сдѣлавшись отдѣльнымъ государствомъ, выберетъ государя изъ италіянскихъ принцевъ, а не изъ иностранцевъ».

Что касается до политики Англіи въ отношеніи къ Австріи и Сардиніи, то она ясно обозначена въ одной статьѣ газеты *Times*.

Она состоитъ въ томъ, чтобы признать факты, уже совершившіяся и не компрометировать своего достоинства, поддерживая инсurreкцію противъ законнаго государя. «Это было бы явнымъ нарушеніемъ началъ международной политики, говорить эта газета, если бы Англія стала противиться торжественному шествію фельдмаршала *Радецкого*. Здѣсь надобно примѣнить правила, которыя лордъ *Пальмерстонъ* поддерживалъ въ прошломъ году въ отношеніи къ Швейціи. Дипломатіи нечего дѣлать тамъ, гдѣ уже оружіе рѣшило дѣло. «А главное, говорить *Times*, мы не можемъ нашею политикою поддерживать инсurreкцію въ другихъ странахъ, когда съ такою строгостію возстаемъ противъ духа мятежа у себя, дома; и мы, конечно, должны оказывать торжеству законной власти, по крайней мѣрѣ, такое же уваженіе, какое оказывали правительствамъ, несравненно менѣе правильнымъ.»

Въ засѣданіи нижней палаты 9 числа, лордъ *Джонъ Россель*, въ отвѣтъ своему на вопросы г. *д'Израэли*, объявилъ, что англійское правительство официально признало французскую республику.

16 августа, на совѣтъ г. *д'Израэли* не вступать въ союзъ съ Французами, которыхъ онъ называетъ Якобинцами, лордъ

Пальмерстонъ, защищая дружественныя сношенія съ Франціею, отвѣчалъ между прочимъ слѣдующее:

«Надѣюсь, что наши дѣйствія сохранять въ Европѣ миръ, и желаю того, — миръ, который, благодаря взаимному содѣйствию, продолжался безпрерывно тридцать лѣтъ, и въ послѣднія пятнадцать лѣтъ безспорно поддерживался добрымъ согласіемъ между Англіею и Франціею. Вотъ почему мы вновь присоединились къ Франціи, вотъ почему съ удовольствіемъ соглашаемся съ правительствомъ французскимъ, каково бы оно ни было, для отвращенія ужасовъ войны. Вижу, что почтенный членъ улыбается презрительно. Не смотря на эту насмѣшливую улыбку, я утверждаю, что это такое дѣло, какимъ всякое правительство и особенно правительство англійское, по справедливости, можетъ гордиться. Такъ, мы гордимся тѣмъ, что можемъ это сказать, въ виду грозныхъ происшествій, недавно ниспровергнувшихъ бывшее правительство Франціи и отдавшихъ власть въ руки людей, которые долгое время были ей чужды. — Мы считаемъ за счастье повторить, что не смотря на эти происшества и ихъ послѣдствія, мы почти совершенно увѣрены, что начальники французской націи и часть самой Франціи твердо рѣшились откровенно соединить политику обѣихъ земель. Скажу еще, что изъ происшествій послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ явствуетъ не менѣе важный фактъ — быстрый успѣхъ, который оказала между націями просвѣщенная политика въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Если бѣ происшества, о которыхъ мы говоримъ, случились за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, они возжгли бы войну во всей Европѣ. Но нынѣ, при важныхъ переворотахъ у разныхъ народовъ твердой земли, желаніе мира преобладаетъ у большей части людей. — Утѣшительно видѣть, что люди, служащіе теперь органомъ французской націи, вмѣсто того, чтобъ обратить всѣ дурныя наклонности къ войнѣ, какъ случилось въ первую революцію, занимаются внутренними дѣлами и стараются утвердить порядокъ. Это приносить честь симъ людямъ, каковы бы ни были прежніе ихъ поступки. Доколь Англія и

Франція захотятъ поддерживать миръ въ свѣтъ, изъ этого единогласія произойдутъ только достойныя уваженія послѣдствія, и нѣтъ возможности, чтобы двѣ такія великія націи соединились съ цѣлю, которой нельзя объявить предъ всѣмъ родомъ чelовѣческимъ. И такъ мы вамъ предлагаемъ этотъ союзъ, и дай Богъ, чтобъ мое предложеніе было принято, ибо я думаю, что отъ него произойдетъ только благо для чelовѣчества. Во всякомъ случаѣ, всѣ наши усилія будутъ обращены къ сей цѣли, и каковъ бы ни былъ исходъ ихъ, мы надѣемся, что парламентъ одобритъ старанія наши къ достиженію ея».

Въ засѣданіе нижней палаты 17 августа, происходило сильное преніе по поводу вторичнаго чтенія билля о дипломатическихъ сношеніяхъ Англіи съ папою. *Лордъ Пальмерстонъ* защищалъ этотъ билль и доказалъ, что коммерческія выгоды требуютъ сношеній Англіи съ римскимъ дворомъ. Онъ только поверхностно коснулся пунктовъ англійскаго закона, воспреещающаго эти сношенія, потому-что они теперь не могутъ уже служить основаніемъ дипломатіи, и потому-что въ такомъ случаѣ нельзя было бы Англіи вступать въ сношенія и съ магометанскою державою, опасаясь, чтобъ король или королева Англіи не приняли исламизма. *Г. Эйсти* говорилъ противу билля, и *г. Уркуартъ* поддерживалъ его мнѣніе, однако же оно было отвергнуто большинствомъ голосовъ (125 противъ 46) и билль прошелъ вторично.

— Газета *Times*, разсуждала о рѣчи *г. д'Израэли* объ италіанскихъ дѣлахъ, между прочимъ говоритъ: «Конечно, если бы Францію вызвали на бой, она въ состояніи была бы выставить въ поле огромныя арміи. Поэтому миръ Европы зависитъ оттого, что Франціи не подають ни малѣйшаго повода къ войнѣ, что французская республика вообще хорошо принята другими державами и что большинство Французовъ очень хорошо понимаетъ, до какой степени столкновеніе съ другими народами затруднило бы ихъ положеніе и усилило тяготы, которыми они и безъ того

обременены. Но какъ бы ни важна была эта послѣдняя причина, въ особенности для государственнаго чловѣка, она однако жъ не можетъ заглушить воинственнаго инстинкта этого гордаго и отважнаго народа, если бы кто унижилъ его гордость или оскорбилъ его тщеславіе.

«Конечно, Франція не въ состояніи предпринять политической войны; но это еще не можетъ служить ручательствомъ, что она не устремится, очертя голову, въ непріязненныя дѣйствія, совершенно противныя здравой политикѣ. Что касается до ея средствъ, то они не ниже средствъ другихъ великихъ державъ, за исключеніемъ одной только Россіи, а географическое положеніе Франціи даетъ ей большія преимущества. Положимъ, что она можетъ быть увѣрена въ нейтралитетъ Англіи; тогда Франція со своей африканской арміей можетъ въ самое короткое время сдѣлать набѣгъ на любую изъ южныхъ странъ Европы, и мы желаемъ только одного, чтобы не быть свидѣтелями подобнаго бѣдствія. Объявленіе войны возбудило бы во Франціи энтузіазмъ, котораго не пересылаютъ никакія финансовыя и политическія соображенія. Къ счастью для Европы и для самой Франціи, этотъ революціонный геній еще не проявился, между тѣмъ какъ въ 1793 году онъ извелъ пять армій изъ банкротства и боролся съ непріателемъ на всѣхъ границахъ, даже на равнинахъ Аргоны и въ кустарникахъ Бретани. Но мы не можемъ вполнѣ полагаться на продолжительность этого спокойствія, потому-что еще помнимъ волненіе, которое въ самые спокойные года минувшаго царствованія произвели договоръ объ осмотрѣ кораблей и *Причардовское* вознагражденіе.

«Но г. *д'Израэли* поступилъ весьма несправедливо, сравнивая правленіе генерала *Кавеньяка*, съ которымъ мы находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ, съ тѣмъ, которое онъ называлъ якобинскою партіею. Не надобно забывать, что не революція, а сопротивленіе революціоннымъ партіямъ и началамъ предоставило ему власть. Онъ ознаменовалъ вступленіе свое въ должность пораженіемъ страшныхъ массъ, которыя, съ 24 февраля по 11 июля, были въ сущности полными

властелинами Парижа и страшилищемъ правительства. Сверхъ того, наказаніе анархистовъ онъ возложилъ на военные суды, и эти суды, конечно, накажутъ мятежниковъ строже, чѣмъ когда либо наказывало ихъ французское правительство.

«Франція и національное собраніе окружаютъ генерала *Кавеньяка* своей довѣренностію именно потому, что онъ, какъ они надѣются, спасетъ ихъ отъ пагубныхъ послѣдствій революціи; и онъ заслуживаетъ уваженіе Европы именно по причинѣ надежды, которую возлагаетъ на него его отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что война была бы теперь торжествомъ революціонерной партіи и что предводители красной республики снова пріобрѣли бы расположеніе народа однимъ только крикомъ: «Независимость Италіи».

«Что касается до генерала *Кавеньяка*, то для него война была бы новымъ затрудненіемъ. Если бы онъ самъ принялъ начальство надъ арміею, правительство было бы низпровергнуто и Парижъ остался бы безъ покровителя. Если же онъ предоставилъ бы начальство надъ арміею другому генералу, то подвергъ бы свою репутацію опасному соперничеству, и поколебалъ бы свое могущество, потому-что генералъ, который одержалъ бы первую побѣду, тотчасъ сдѣлался бы первымъ чловѣкомъ во Франціи и рѣшителемъ судьбы ея. Мы имѣемъ ручательство въ искренности миролюбиваго расположенія французскаго правительства и не видимъ, почему мы должны оскорблять сосѣднее государство, учредившее у себя республиканское правительство, точно также какъ не видимъ, почему, сохраняя дружественныя сношенія съ этимъ государствомъ, не могли бы по-прежнему уважать напримѣръ Россію или всякаго другаго вѣрнаго союзника.

«Не знаемъ, продолжительно ли будетъ это согласіе, потому что редакторы *Le National* много лѣтъ сряду возбуждали непримиримую ненависть къ англійской политикѣ, къ англійскимъ учрежденіямъ. Какъ бы то ни было, это не мѣшаетъ намъ изъявлять генералу *Кавеньяку* и его посланнику у насъ, г. *де Бомону*, нашу увѣренность, что благоразу-

міе ихъ поддержитъ начала умѣренности, которыя одни могутъ ручаться за спокойствіе Европы.»

— Верхней палатѣ недавно были сдѣланы сообщенія о состояніи австральскихъ колоній и въ особенности южной Австраліи. Въ этихъ сообщеніяхъ много любопытнаго. Въ 1828 году эти колоніи состояли только изъ южнаго Новаго Валлиса и Фанъ-Дименовой Земли и имѣли 53,000 душъ народонаселенія, въ томъ числѣ 23,000 ссыльныхъ. Теперь пространство Новаго Валлиса съ Портъ-Филиппомъ, втрое болѣе пространства Великобританіи: оно простирается въ длину на 1,000, въ ширину на 300 и по берегу на 1,500 англійскихъ миль. Къ этому надобно прибавить южную и западную Австралію и Новую Зеландію. Народонаселеніе австральскихъ колоній простирается нынѣ до 30,000 душъ, то есть, оно въ пять или шесть разъ больше, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ. Въ отношеніи къ благосостоянію колоніи сдѣлали еще большіе успѣхи. Въ 1828 году вывозъ отсюда простирался только до 181,000 фун. стер., въ 1845 году до 2.189,000. Портъ-Филиппъ созданъ въ послѣдніе шесть лѣтъ: въ 1826 году тамъ было не болѣе 200 жителей; въ 1836—32,800; ввозъ простирался до 205,000 фун. ст., вывозъ до 314,000, доходъ до 185,000. Эта колонія почти ничего не стоила метрополіи. Южная Австралія гигантскими шагами идетъ къ преуспѣянію. У ней есть значительные доходы и капиталы для споспѣшествованія эмиграціи, и народонаселеніе состоитъ не изъ одного рабочаго класса: въ немъ много людей образованныхъ. Австральскія колоніи развились гораздо быстрѣе, чѣмъ старинныя англійскія колоніи въ Америкѣ—доказательство, что нашему времени нельзя отказать въ геніи колонизаціи. Въ американскихъ колоніяхъ было въ 1772 году 2,300,000 жителей, въ австральскихъ въ 1845 только 233,000, и между тѣмъ вторыя получали привозныхъ товаровъ слишкомъ на два милліона фунтовъ стерлинговъ, а первыя только на одинъ; что касается до вывоза, то онъ въ Америкѣ не доходилъ до двухъ милліоновъ фун. ст., а въ Австраліи простирался до 2.185,000. Съ 1846 года въ особенности переселенія въ Австралію чрезвычайно

усилились. Въ нынѣшнемъ году изъ Англій уже отправились въ южный Новый Валлисъ 23 судна съ эмигрантами, въ южную Австралію 11 и всякій мѣсяцъ отправляется круглымъ числомъ 6, такъ что къ концу текущаго года народонаселеніе Австраліи можетъ увеличиться 18,000 душъ.

Ирландія.

Возмутительное движеніе Ирландіи, возбуждавшее столько опасеній, было подавлено почти въ самомъ началѣ. Къ этому способствовали быстрыя и энергическія мѣры, принятыя правительствомъ, и самое положеніе партіи мятежниковъ. Это положеніе отчетливо изображено въ Journal des Débats. «Возмутительная партія вовсе не такъ многочисленна, какъ кажется по ея крикамъ. Она состоитъ изъ одной юной Ирландіи, которая имѣетъ противниками не только Англій, но и почти всю старую Ирландію, т. е. Ирландію О'Коннелла и духовенство. Сверхъ того, съ одной стороны нѣтъ ни какого единства, а съ другой дѣйствуютъ дисциплина и порядокъ. На сторонѣ послѣднихъ 50,000 войска, которые могутъ моремъ быть доставлены на каждый пунктъ возмущенія, и вся партія оранжистовъ и сѣверно-протестантскихъ провинцій. Не должно однако же быть въ заблужденіи на счетъ характера ирландскаго возстанія. Теперь дѣло идетъ уже не о союзѣ репимеровъ. Эта мечта сошла во гробъ вмѣстѣ съ О'Коннелемъ. Сыновья его не въ состояніи поддержать ее. Бѣдный *Джонъ О'Коннель* (сынъ) самъ отчаявается въ своемъ дѣлѣ и, по неимѣнію денегъ и слушателей, принужденъ былъ закрыть свой клубъ Conciliations-Hall, уступивъ сцену дѣйствія безпокойнымъ шайкамъ клуба Music-Hall и пропагандистамъ насильственнаго возмущенія. Эта партія юной Ирландіи, иначе называемая *якобинскою*, находится теперь въ главѣ возстанія. Это движеніе не только республиканское, но вмѣстѣ и коммунистское. Вотъ въ чемъ оно разнится отъ прежнихъ, произведенныхъ О'Коннелемъ, и съ помощію которыхъ онъ исторгъ у Анг-

лиі законъ сравненія правъ католиковъ съ протестантами и множество другихъ реформъ.»

Главную роль въ ирландскихъ возмущеніяхъ игралъ *Смитъ О'Бринъ*. Ближайшими его помощниками были: *Мизгеръ*, *Меджи*, *Дуффи*, *Мертинъ*, *Лалоръ* и *Бренонъ*. Смитъ *О'Бринъ*, человекъ лѣтъ 45. Онъ родился въ Дромелендъ въ графствѣ Клеръ, и происходитъ изъ фамиліи *О'Бринъ*, королевскаго рода, потому-что глава этой фамиліи есть не кто иной, какъ знаменитый ирландскій король *Брианъ Борроимъ* (или *Борю*), который царствовалъ съ 1002 по 1014 годъ. Нынѣшній глава этой фамиліи маркизъ *Томондъ*, дядя *Смита О'Брина*. Братъ его, *Луційсъ О'Бринъ*, лордъ-намѣстникъ клерскаго графства; онъ членъ нижней палаты и подалъ голосъ въ пользу отмены въ Ирландіи закона habeas corpus. *Смитъ О'Бринъ*, который былъ постепенно торі, вигомъ, репимеромъ, наконецъ республиканцемъ, былъ избранъ въ Лиммерикъ и заседалъ въ нижней палатѣ съ 1835 года. *Смитъ О'Бринъ* не богатъ, но его мать, которой онъ единственный наследникъ, получаетъ 5,000 фунт. стерл. дохода.

Какъ скоро былъ полученъ въ Ирландіи билль объ отменѣ закона о личнѣй неприкосновенности, предводители инсургентовъ тотчасъ удалились изъ Дублина. Къ числу причинъ, поддерживающихъ смуты въ Ирландіи, принадлежить между прочимъ то, что масса народа состоитъ тамъ изъ людей, которые ни сколько не дорожатъ жизнію и совершенно равнодушны къ послѣдствіямъ своего поступка, какъ бы ужасны они ни были. Браки по любви, очень частые въ Ирландіи, умножаютъ число нищихъ дѣтей, которыя наконецъ дѣлаются людьми отчаянными. Само собою разумѣется, что подобный народъ всегда къ услугамъ предводителя партіи, который захочетъ имъ воспользоваться. Потому, неудивительно, что возмутители общественного спокойствія всегда находятъ людей, готовыхъ послѣдовать ихъ примѣру.

Къ *Смиту О'Брину* также пристала толпа вооруженныхъ людей, тысячъ до трехъ. 28 іюля онъ явился съ этой колонною въ Типперари, и началъ проповѣдовать возмущеніе, но не удачно, потому-что явился городской священникъ

Коркеранъ, и началъ увѣщевать своихъ прихожанъ и инсургентовъ, чтобы они разошлись по домамъ и не слѣдовали за безумцами, которые ведутъ ихъ къ гибели. Слова пастора произвели обыкновенное свое дѣйствіе на ирландскихъ поселянъ. Отрядъ *О'Брина*, значительно уменьшился, и онъ пошелъ изъ Типперари въ Килькенни. Въ Килленауль онъ встрѣтилъ небольшой отрядъ гусаровъ; инсургенты немедленно устроили баррикаду при входѣ въ городское училище и другую на краю города. *Смитъ О'Бринъ*, съ пикомъ въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой, взобрался на баррикаду и спросилъ солдатъ, не для того ли пришли они, чтобы взять его подъ стражу. Офицеръ, командовавшій гусарами, отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на то никакаго приказанія. Ирландцы тотчасъ разбросали свои баррикады и пропустили отрядъ. *О'Бринъ* скитался нѣкоторое время въ окрестностяхъ Типперари, являлся то въ Килленауль, то въ Фетгардъ, въ Баллигарри, говорилъ народу рѣчи и вездѣ просилъ, чтобы ему помогли. Въ Моллинагонъ онъ объявилъ народу, что его вѣрно взять подъ стражу и если возьмутъ, то повѣсятъ, его, потомка послѣднихъ королей, въ этой самой провинціи, Мюнстеръ, гдѣ царствовали его предки. Онъ прибавилъ, что бросается въ объятія народа и увѣренъ, что народъ его не выдастъ. Послѣ этой рѣчи, принятой очень холодно, *Смитъ О'Бринъ* пошелъ къ полицейскому посту. За нимъ слѣдовала толпа. На немъ была широкая трехцвѣтная лента, зеленая, бѣлая и оранжевая, и поясъ, за которыми были два пистолета. Въ полицейскомъ караулѣ были только сержантъ и шестеро солдатъ. *О'Бринъ* пригласилъ сержанта присоединиться къ народу, увѣряя, что онъ будетъ получать больше жалованья, и что въ службѣ Ирландіи ему вообще будетъ гораздо лучше, чѣмъ въ службѣ Англій. Сержантъ потребовалъ времени на размышленіе, до слѣдующаго утра, и ночью, со своими шестью человеками, укрѣпился въ караулѣ.

Но на другой день *Смитъ О'Бринъ* уже не являлся. По настоятельной просьбѣ моллинагонскаго духовенства, онъ вышелъ изъ этого города и отправился въ Баллигарри, къ

Слейвъ-Ардасскимъ рудникамъ, въ которыхъ, онъ намѣревался, въ случаѣ нужды, скрыться.

Корреспондентъ газеты Times, описывая сцены ирландскаго возстанія, рассказываетъ о дальнѣйшихъ похиженіяхъ *О'Брина* слѣдующее: «Едва было получено изъ Дублина въ Килькенни извѣстіе, что *Смитъ О'Бринъ* и его товарищи объявлены измѣнниками и что головы ихъ оцѣнены, какъ г. *Блекъ*, инспекторъ констеблей графства, рѣшился, во что бы то ни стало, захватить этихъ предводителей мятежниковъ. Узнавъ, что *Смитъ О'Бринъ* провелъ ночь между булагскими рудокопами, онъ далъ знать объ этомъ въ Калленъ, куда собрались констебли изъ окрестностей, и сталъ сзывать войска со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, небольшой отрядъ констеблей, изъ пятидесяти человекъ, подъ предводительствомъ старшаго констебля *Трента*, неустрашимо вступилъ въ самую средину страны, занятой мятежниками. Въ булагской общинѣ нашли они *Смита О'Брина* и его товарищей, расположившихся тамъ съ далеко-превосходнѣйшими силами, во всей готовности къ бою. По приближеніи констеблей, колоколъ ближней церкви загудѣлъ, и со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться поселяне. *Тренту* и его спутникамъ грозила опасность быть окруженными, и потому они бросились въ одинъ крѣпкій домъ, стоящій на возвышеніи. Здѣсь скоро напали на нихъ вооруженныя толпы. *Смитъ О'Бринъ*, съ пистолетами въ рукахъ, подошелъ къ окну и потребовалъ, чтобы констебли выдали свое оружіе, обѣщая имъ полную безопасность и, въ знакъ пріязни, пожимаая чрезъ окно ихъ руки. Между тѣмъ, его приверженцы хладнокровно подкладывали къ дверямъ дома солому и сѣно, собираясь удушить или сжечь находившихся тамъ бѣдниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было терять ни минуты; но констебли не прежде прибѣгли къ оружію, какъ когда уже раздалось нѣсколько выстрѣловъ со стороны мятежниковъ и въ окна были брошены камни. Только тогда констебли начали стрѣлять. Двое изъ толпы были убиты на мѣстѣ; третій, смертельно раненый, скоро испустилъ духъ. Мятежники оробѣли и начали отступать,

не смотря на всѣ убѣжденія *Смита О'Брина*, который угонявалъ ихъ взять домъ приступомъ. Католическій священникъ, пришедшій изъ окрестностей, заклиналъ инсургентовъ не употреблять насилія. *О'Бринъ* и его друзья, видя, что дѣло плохо, обратились въ бѣгство.

Въ Times сообщаютъ еще слѣдующія подробности этого дѣла: «Къ пятидесяти констеблямъ, которые заперлись въ домъ подъ начальствомъ *Трента*, присоединились еще 19, явившихся изъ Кашеля, подъ предводительствомъ под-инспектора *Кокса*. Возмутители, отбитые отъ дому, бросились на этотъ вновь прибывшій отрядъ. Впереди ихъ шелъ человекъ съ пикою. «Стрѣляйте же!» закричалъ *Коксъ*, и предводитель этотъ палъ, какъ подстрѣленный на бѣгу заяцъ. Толпа тотчасъ же разбѣжалась, а выстрѣлы слышались вездѣ за нею. Эти выстрѣлы услышаны были другимъ отрядомъ констеблей въ 90 человекъ, которые и прибѣжали на мѣсто битвы. Тогда *Трентъ* вышелъ изъ своего убежища. Домъ этотъ принадлежитъ вдовѣ *Кормаку*. У нея пятеро дѣтей, и *Трентъ* задержалъ ихъ заложниками. Боясь за ихъ участь, она бросилась отыскивать *О'Брина* и нашла его, лежащаго въ своемъ огородѣ между грядами капусты. Она просила его поговорить съ *Трентомъ* о ея дѣтяхъ и дергала его за воротъ. Но *Смитъ О'Бринъ* боялся выползти оттуда. Наконецъ онъ рѣшился выйти, но его замѣтили вдали, закричали: *вотъ онъ!* и выстрѣлили по немъ. Онъ бросился бѣжать.»

Между тѣмъ генераль-маіоръ *Пепиръ* и полковникъ *Дойль* отправились изъ Типперари въ Тюрь, гдѣ они нашли полкъ шотландской пѣхоты, артиллерійскую баттарею, эскадронъ карabinеровъ, эскадронъ гусаровъ и эскадронъ гвардейскихъ драгуновъ. Всѣ эти силы направлены были на Урлингфордъ. Въ то же время, генераль-маіоръ *Макдональдъ*, прибывшій изъ Дублина въ Килькенни, выступилъ съ своимъ полкомъ, такъ что шайка *О'Брина* очутилась между двумя огнями двухъ отрядовъ, изъ которыхъ и одного было уже довольно, чтобы истребить ее. Съ *О'Бриномъ* было не болѣе 300 человекъ, вооруженныхъ ружьями, у другихъ были только пики и косы. Такъ какъ лордъ *Кларендонъ* предписалъ военнымъ на-

чальникамъ прибѣгать къ оружію только въ крайности и всѣчески избѣгать кровопролитія, принимая между тѣмъ всевозможныя мѣры для поимки главныхъ предводителей мятежниковъ, то соображался съ этими предписаніями, генералъ-майоръ *Макдональдъ* окружилъ войсками округъ, въ которомъ *О'Бринъ* скрылся съ остальными своими приверженцами; но 6 августа, вечеромъ захваченъ въ Тюльмъ и сперва отведенъ въ тюрьму съ конвоемъ войска, подъ начальствомъ генерала *Макдональда*, но тотчасъ же потомъ, подъ прикрытіемъ другаго конвоя, отведенъ въ Дублинъ. Здѣсь посадили его сначала въ казармы, а вскорѣ потомъ въ Кильмайнгамъ, главную дублинскую тюрьму. Это арестованіе *Смита О'Брина* можетъ быть почитаемо окончаніемъ ирландскаго возстанія. Ни одинъ изъ предводителей, укрывающихся досель отъ поисковъ англійской полиціи, не въ состояніи замѣнить его. У нѣкоторыхъ изъ нихъ больше талантовъ, больше способностей, чѣмъ у него; но ни у одного нѣтъ преимуществъ наследственной знатности, вліянія, которое всегда производило на ирландскаго мужика историческое имя и долговременное обладаніе обширными помѣстьями. Толпы, передъ которыми говорили гг. *Мигеръ*, *Догени*, *Диллонъ*, съ энтузіазмомъ рукоплескали имъ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ претендовать на власть, которою безспорно пользовался потомокъ ирландскихъ королей, въ жилахъ котораго течетъ чистая кельтская кровь.

16 августа, предводители ирландскаго возстанія *Мигеръ*, *О'Донне* и *Лейнъ* взяты подъ стражу и отвезены въ Дублинъ, и посажены въ ту же самую тюрьму, гдѣ содержится *Смитъ О'Бринъ*. *Мертинъ*, издатель газеты *Felon*, приговоренъ къ ссылкѣ на десять лѣтъ.

По извѣстіямъ изъ Ирландіи отъ 21 августа, тамъ все спокойно; но вся страна погружена въ глубочайшее уныніе по причинѣ дурной жатвы и плохаго сбора картофеля: кажется, что не только весь картофель погибъ, но и хлѣбъ во многихъ мѣстахъ очень плохъ.

Франція.

Мы говорили уже, что въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для водворенія и обезпеченія общественнаго спокойствія, былъ предложенъ 11 іюля г. *Сенаромъ* проектъ о преобразованіи клубовъ. Этотъ проектъ разсматривала особая коммиссія и съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями представила его общему собранію, которое посвятило на разсужденіе объ немъ четыре дня. Въ засѣданіи 25 іюля, первыя двѣ статьи были приняты безъ преній. Статья 1 состоитъ въ слѣдующемъ: «Всѣ граждане имѣютъ право образовывать клубы и общества подъ условіями, которыя означены въ слѣдующихъ статьяхъ.» Въ статьѣ 2 сказано: «Основатели всякаго клуба или общества гражданъ должны представить объявленіе, въ Парижѣ въ префектуру полиціи, а въ департаментахъ—меру общины или префекту. Объявленіе должно быть подано 40 часами ранѣе открытія клуба и должно содержать въ себѣ означеніе имени, званія и мѣста жительства учредителей, мѣста, дней и часовъ засѣданій. Въ полученіи объявленія выдается свидѣтельство. Клубъ долженъ носить названіе не иначе, какъ по мѣсту своихъ засѣданій. Публичные и общинные дома не могутъ служить мѣстомъ засѣданій ни постояннымъ, ни временнымъ.» Статья 3 подала поводъ къ забавнымъ выходкамъ. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Засѣданія клубовъ должны быть публичные, и клубы не могутъ преобразоваться ни въ какіе тайные комитеты; а для этого, по крайней мѣрѣ, четвертая часть мѣсть должна быть предоставлена постороннимъ лицамъ. Женщины и дѣти не могутъ на быть членами клубовъ, ни присутствовать въ нихъ. Засѣданія не могутъ продолжаться послѣ опредѣленнаго начальствомъ времени для закрытія публичныхъ мѣсть.» Флоконъ вступился за права прекраснаго пола, взошелъ на кафедру бодро и смѣло, закрутилъ себя усы и облокотился на столъ съ благородною небрежностью, какъ на прилавокъ въ кофейнѣ, за которымъ сидитъ хорошенькая хозяйка. «Не соглашаюсь, сказалъ онъ,

чтобъ женщины ставили на одну доску съ малолѣтними!» При этомъ раздался батальный огонь эпитетовъ, прерываемый хохотомъ. «Знаемъ, кричалъ одинъ, что мадамъ или гражданка Флоконтъ уже давно не малолѣтняя!»—«Она совершеннолѣтняя во всѣхъ отношеніяхъ! вопилъ другой. Она училась политикѣ у великаго своего мужа!»—«Но гражданка эта, возражалъ третій, любить компанію гражданъ, клубы, публичныя мѣста!»—«Гражданка, кричали съ трибуны журналистовъ, любить свободу во всѣхъ отношеніяхъ.» Флоконтъ притворялся, что ничего не слышитъ и не понимаетъ, а Паніеръ, покачивая огромною своею головою, опровергалъ его мнѣнія неопровержимыми доводами. «Очень хорошо, говорилъ онъ, что въ республикѣ есть еще два пола. Бѣда была бы, если бъ женщины вздумали взяться за дѣла. Кто сталъ бы заниматься хозяйствомъ, нянчить дѣтей, присматривать за кухней? Неужели самъ мужъ!» Президентъ хотѣлъ подвергнуть балотировкѣ отзыву слова «женщины» (*Возраженіе*). Онъ потребовалъ, чтобы тѣ, которые согласны съ допущеніемъ женщинъ въ члены клубовъ, встали. Встало почти все собраніе. (*Шумъ*). Многіе отозвались, что вопросъ былъ не хорошо понятъ. Приступили къ балотировкѣ, и собраніе рѣшило огромнымъ большинствомъ, что женщины не могутъ быть ни членами клубовъ, ни даже являться въ ихъ собраніяхъ. (*Волненіе въ трибунахъ, гдѣ было много женщинъ*). 4 статья состоитъ въ слѣдующемъ: «Начальство, которому объявлено о намѣреніи открыть клубъ, можетъ нарядить чиновника для присутствованія при засѣданіяхъ клуба; чиновникъ занимаетъ выбранное имъ самимъ особенное мѣсто и долженъ имѣть на себѣ отличительный знакъ.» Статья 5: «Въ концѣ засѣданія долженъ быть составленъ протоколъ и подписанъ всѣми членами бюро. Протоколъ долженъ содержать въ себѣ: 1) имена членовъ бюро; 2) краткое и точное изложеніе всего, что происходило въ засѣданіи. Онъ долженъ быть представленъ начальству для разсмотрѣнія всякій разъ, когда оно потребуетъ. Присутствующій въ засѣданіи чиновникъ можетъ требовать внесенія въ протоколъ всѣхъ обстоятельствъ,

которыя кажутся ему необходимыми, не исключая права внести въ протоколъ и всякое нарушеніе закона.» Всѣ эти статьи, равно какъ и слѣдующія семь, не важныя по своему содержанію, были приняты безъ возраженій. Но дальнѣйшія статьи возбудили сильныя пренія. Въ 13 статьѣ проэкта сказано: «Независимо отъ публичныхъ собраній, граждане могутъ, съ разрѣшенія муниципальнаго начальства и на постановленныхъ имъ условіяхъ, учреждать съ цѣлью политическаго или *иной*, общества или собранія не публичныя.—Администрація всегда можетъ отозвать данное позволеніе и закрывать общества и собранія, существующія безъ позволенія.—Гражданинъ, принимающій участіе въ обществѣ или собраніи недозволенномъ, можетъ быть приговоренъ за это къ уплатѣ отъ 25 до 500 фр. пени.—Президенты, члены бюро и всѣ другіе основатели означенныхъ недозволенныхъ обществъ или собраній, могутъ сверхъ того быть приговорены къ заключенію въ тюрьму срокомъ отъ пяти дней до шести мѣсяцевъ. Означенные приговоры могутъ быть произнесены независимо отъ судебныхъ преслѣдованій за преступленія и проступки, совершенные въ тѣхъ обществахъ и собраніяхъ.» Многіе члены возставали противъ этого постановленія, утверждая, что на основаніи его можно будетъ запрещать самыя позволительныя, самыя безвинныя общества и собранія въ частныхъ домахъ, и требовали исключенія слова *иной* (съ цѣлью политическою или *иной*). Въ отвѣтъ на это, г. *Дюпенъ*, произнесъ пылкую импровизацію. «Я думаю, сказалъ онъ, что сохраненіе этихъ двухъ словъ для правительства важнѣе чѣмъ принятіе всего декрета. (*Слушайте! Слушайте!*) Дѣйствительно, вычеркните эти два слова, и вы ничего не сдѣлали, и вы предали правительство на жертву всѣмъ кознямъ, всѣмъ мрачнымъ замысламъ тайныхъ обществъ. Никогда правительство, какое бы то ни было, не дѣйствовало смѣлѣе нашего; оно допускаетъ политическія разсужденія въ клубахъ; такъ по крайней мѣрѣ надобно предоставить ему право разрѣшать учрежденіе этихъ обществъ, чтобы это право могло слу-

жить противовѣсѣмъ важной уступки, которую оно дѣлаетъ. Вамъ говорятъ, что законъ не можетъ имѣть вліянія на тайныя общества и что бесполезно было бы издавать законы противъ нихъ. Когда эти общества будутъ запрещены, тогда законъ можетъ поразить ихъ. Нарушеніе возбуждаетъ вниманіе юстиціи и можетъ повести ее къ открытію другихъ преступленій, подлежащихъ строгости закона. Размыслите объ этомъ. Тутъ надобно все или ничего. Если вы оставите въ своемъ законѣ хотя малѣйшее отвертіе, сквозь которое могло бы пробраться тайное общество, вы ровно ничего не сдѣлали. Боятся, чтобы не были запрещаемы общества безвредныя, невинныя, даже полезныя. Я болѣе не доверяю тайнымъ обществамъ, чѣмъ правительству. Правительству нужна охрана. Господа, никакое правительство не можетъ защититься отъ подземной работы тайныхъ обществъ; надобно, чтобы республика, порожденная всеобщимъ правомъ выборовъ, была вооружена противъ заговоровъ. Тѣ, которые въ другія времена учреждали подобныя общества, очень хорошо понимаютъ могущество этихъ орудій разрушенія; но, употребивъ ихъ для того, чтобы довести Францію до республики, не должно допускать, чтобы она со временемъ могла быть низпровергнута тѣми самыми средствами, которыя послужили къ ея основанію». (*Одобрительный смѣхъ и продолжительное волненіе*). Послѣ этого, всѣ еще не утвержденныя статьи декрета переданы въ комиссію для соображенія. Послѣ шумныхъ и непристойныхъ споровъ 26 іюля, вся вторая часть проекта, съ этой статьею и многочисленными измѣненіями, снова передана въ комиссію. Эти пренія не кончались и въ слѣдующемъ засѣданіи (27 числа). Собраніе занималось декретомъ о клубахъ во все засѣданіе и дошло только до 16-ой статьи, разсужденіе о которой происходило 28 числа. Содержаніе 16 статьи состоитъ въ слѣдующемъ: «Нарушенія, о которыхъ говорится въ статьяхъ: 2, 3, 4, 5 и 8 перваго параграфа настоящаго закона, имѣютъ быть разсматриваемы полицейскими судами, а преступ-

ки, о которыхъ говорится въ статьяхъ 6, 7, 8 параграфовъ 2, 13 и 14 настоящаго закона, судами присяжныхъ». Этотъ параграфъ, послѣ сильныхъ преній, былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ заключеніе г. *Антони Туре* предлагалъ постановить, что этотъ декретъ издается только по уваженію нынѣшнихъ обстоятельствъ и долженъ быть пересмотрѣнъ въ слѣдующемъ собраніи законодательнаго сословія. Ему замѣтили, что это значило бы издавать законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добавочной статьею, ослаблять нравственную его силу. Противъ этого сильно возсталъ министръ внутреннихъ дѣлъ г. *Сенаръ*, а г. *Ксавье Дюррье* защищалъ предложеніе г-на *Туре*. «Я не хочу, сказалъ онъ, возобновлять сужденій объ этомъ проектѣ; по мнѣ, онъ никуда не годится, это уже извѣстно. (*Смѣхъ*.) Но въ пользу предложенія г-на *Антони Туре* можно привести множество доводовъ. Я бы могъ привести ихъ двадцать; приведу только одинъ: этотъ законъ лишаетъ насъ всей свободы, которою мы наслаждались въ царствованіе Е. В. Короля Людовика-Филиппа. (*Смѣхъ и ропотъ*.) Прошу покорнѣйше г. министра внутреннихъ дѣлъ объяснить мнѣ, какимъ образомъ, подъ вліяніемъ этого закона, онъ устроилъ бы реформистскій банкетъ, бывший въ Шато-Ружъ, въ которомъ и я участвовалъ?»—Г. *Сенаръ*. «Если почтенный г. *Дюррье* полагаетъ, что этотъ законъ направленъ противъ случайныхъ собраній, то я покорнѣйше прошу его подать голосъ въ пользу проекта: въ немъ вѣтъ ничего подобнаго.» (*Смѣхъ*.) Не смотря на всѣ эти шутки и насмѣшки, болѣе или менѣе остроумныя, проектъ декрета наконецъ утвержденъ огромнымъ большинствомъ 629 голосовъ противъ 100.

29 іюля, на очереди былъ проектъ о подвижной гвардіи, котораго единственная статья состоитъ въ слѣдующемъ: «Министерству внутреннихъ дѣлъ открывается на 1848 годъ чрезвычайный кредитъ въ 5.500,000 фр. на издержки для 25 баталіоновъ парижской пѣшей подвижной гвардіи. Этотъ кредитъ вмѣстѣ съ 4.500,000 фр., назначенными декретомъ

временнаго правительства отъ 30 марта и внесенными въ исправленный бюджетъ 1848 года и съ однимъ милліономъ, назначеннымъ декретомъ 1 июля, составляетъ въ сложности одиннадцать милліоновъ на издержки для подвижной національной гвардіи въ продолженіи 1848 года.» Этотъ декретъ принять въ томъ видѣ, какъ представленъ былъ комитетомъ.

30 июля г. *Могенъ* предлагалъ министерству вопросы объ иностранныхъ дѣлахъ, а г. *Прудонъ* въ рѣчи, чтеніе которой продолжалось слишкомъ три часа, развивалъ свое знаменитое ученіе, основанное на знаменитой аксіомѣ, которую этотъ социалистъ безпрерывно повторяетъ въ своихъ сочиненіяхъ. «Право собственности—кража» говоритъ г. *Прудонъ*. Поэтому одному можно судить, какова должна быть система, основанная на подобной аксіомѣ. Но возвратимся къ г. *Могену*. Пренія объ иностранныхъ дѣлахъ не могли представлять большой занимательности, потому что министръ иностранныхъ дѣлъ, г. *Бастидъ*, съ самаго начала объявилъ, что правительство не можетъ вдаваться въ пренія, которыя могутъ повредить его сношеніямъ съ другими государствами. Онъ прибавилъ, что французская республика состоитъ въ мирѣ со всеми иностранными державами, что все иностранныя правительства, какого бы рода они ни были, имѣютъ право ожидать отъ нея честности и добросовѣстности въ поступкахъ въ отношеніи къ нимъ, все народы участія въ судьбѣ ихъ. Не смотря на это объявленіе, г. *Могенъ* произнесъ заранѣе приготовленную рѣчь и, по своему обыкновенію, прогулялся по всей Европѣ. Онъ требовалъ, чтобы французская республика воздерживалась отъ всякой пропаганды, чтобы она основывала свои внѣшнія сношенія и союзы на выгодахъ Франціи, чтобы, по примѣру Англіи и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, она не обращала вниманія на происхожденіе и политическое устройство правительствъ, которыя предлагаютъ ей свою дружбу. Все это было совершенно согласно съ тѣмъ, что говорилъ г. *Бастидъ*; но г. *Могенъ* этимъ не ограничилъ

ся. Онъ намекалъ, что французскіе политическіе агенты дѣйствуютъ несообразно съ этими началами, возбуждаютъ подозрѣнія и недоверчивость иностранныхъ правительствъ. Это вызвало на кафедре президента совѣта министровъ, генерала *Кавеньяка*. Онъ потребовалъ, чтобы г. *Могенъ* высказалъ свои обвиненія яснѣе и подкрѣпилъ ихъ доказательствами. Тогда г. *Могенъ* сказалъ, что агентъ республиканскаго правительства въ Неаполь простеръ забвеніе своихъ обязанностей до того, что возбуждалъ народъ къ возстанію, къ постройкѣ баррикадъ, и потомъ французское правительство потребовало вознагражденія за потери, причиненныя французскимъ гражданамъ этимъ самымъ возстаніемъ. Въ этомъ отношеніи собраніе ограничилось засвидѣтельствованіемъ г. *Бастиды*, что французскій агентъ, бывший въ то время въ Неаполь, опредѣленный не имъ и, въ послѣдствіи, по собственному желанію, уволенный, отнюдь не измѣнилъ своему долгу и не принималъ ни малѣйшаго участія въ возстаніи. Тѣмъ дѣло и кончилось. Потомъ взошелъ на кафедру г. *Прудонъ*. Національное собраніе выказало изумительное долготерпѣніе. Въ безконечной рѣчи своей, г. *Прудонъ* говорилъ такія вещи, которыя, конечно, никогда не были высказываемы въ законодательномъ собраніи; онъ отважно преступалъ за все предѣлы, положенные свободѣ слова въ подобныхъ собраніяхъ; онъ опровергалъ право собственности, уваженіе къ святости контрактовъ, право національнаго собранія управлять дѣлами Франціи, наконецъ самое право гражданъ избирать своихъ представителей. Г. *Прудонъ* старался поколебать все основанія, на которыхъ покоится всякое благоустроенное общество. Рѣчь его выставила разрушительное ученіе социалистовъ во всей отвратительной наготѣ его. Общее негодованіе, возбужденное этой рѣчью, выражалось, въ продолженіи ея, только отдѣльными восклицаніями; никто не хотѣлъ отвѣчать на подобныя, безумныя разглагольствованія, и онъ преспокойно читалъ свою рѣчь по огромной тетрадицѣ, съ которою

взобрался на кафедру, читалъ вяло, монотонно, утомительно, и это чтеніе повредило успѣху, котораго онъ ожидалъ. Многія дамы помѣстились въ трибунахъ, ожидая засѣданія драматическаго, интереснаго и забавнаго; но когда увидѣли нескладную, безобразную фигуру, подлое лице, злобные глаза, прикрытые огромными очками, оратора въ черномъ поношенномъ сертукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ до подбородка, при канікулярномъ жарѣ, любопытныя слушательницы не высидали долѣе часу и, утомленныя скукою, оставили залу. За ними послѣдовали и многіе слушатели. Прудонъ же оставался на кафедрѣ, не смущаясь выраженіемъ нетерпѣнія, досады и презрѣнія всѣхъ присутствующихъ. Это презрѣніе наконецъ было выражено въ мѣнѣніи всего собранія, которое приняло большинствомъ 691 голоса противъ 2 (самаго г. Прудона и его сосѣда, люнскаго работника *Гретто*) слѣдующее опредѣленіе, представленное гг. *Ландренемъ* и *Сенаромъ*: «Принимая въ уваженіе, что предложеніе гражданина Прудона есть ненавистное нападеніе на правила нравственности, что оно глубоко нарушаетъ право собственности и подрываетъ основанія общественнаго порядка, что оно поощряетъ къ доносамъ и содержитъ въ себѣ воззваніе къ самымъ порочнымъ страстямъ; принимая также въ уваженіе, что гражданинъ Прудонъ клеветаетъ на февральскую революцію, дѣлая ее участницею теоріи, которую онъ развивалъ на трибунѣ,—собраніе переходитъ къ другимъ своимъ занятіямъ.»

3 Августа, г. *Бошаръ* представилъ собранію докладъ коммисіи, которой было поручено произвесть слѣдствіе о майскихъ и іюньскихъ событіяхъ въ Парижѣ. Въ газетѣ *Le Constitutionnel* напечатано слѣдующее обзорное этого важнаго документа:

«Донесеніе г. *Бошара* объ анархическихъ событіяхъ, потрясшихъ Францію, начинается не съ 15 мая, но восходитъ гораздо выше, къ источникамъ революціи. Онъ разсматриваетъ происшествія, случившіяся въ продолженіе существованія временнаго правительства. Было, говоритъ онъ,

какъ бы это сказать, четыре движенія послѣдовательныя, и къ сожалѣнію возрастающія въ силѣ: 17 марта движеніе черни, какъ отвѣтъ на худо-понятое движеніе парижской національной гвардіи; 16 апрѣля заговоръ, не удавшійся по причинѣ развитія вооруженной силы гражданъ; 15 мая злоумышленное посягательство на національное собраніе; 23 іюня междоусобная война. Вотъ печальный путь, который мы прошли!

«Докладчикъ оцѣниваетъ эти различныя происшествія и ихъ причины. Беспорядокъ въ умахъ, возбужденія газетъ и клубовъ, анархическая революціонная партія, социалисты, связи нѣкоторыхъ изъ членовъ временнаго правительства то съ первыми, то съ послѣдними, засѣданія люксембургскаго собранія, національныя мастерскія; таковы многочисленныя элементы, изъ которыхъ возникли наши междоусобныя волненія. Всѣ эти вопросы о вещахъ и событіяхъ уже не новы. Любопытство собранія всего болѣе возбуждалъ вопросъ о лицахъ. Четыре представителя поименованы въ донесеніи г. *Бошара*, по разнымъ случаямъ, и обвинены въ разной степени.

«Г. *Ледрю-Ролленъ* обвиненъ въ явныхъ связяхъ съ партіею всеобщаго волненія и общественнаго безпорядка. Противъ него говоритъ назначеніе комиссаровъ, которые все разстроили; отправленіе въ провинціи самыхъ отчаянныхъ анархистовъ изъ парижскихъ клубовъ, которымъ платили по 40 франковъ въ день изъ суммъ секретной полиціи; противъ него 16-й бюллетень республики, проповѣдующій возмущеніе противъ національнаго собранія, если оно не будетъ выраженіемъ «общественной истины»; противъ него политика бельгійской экспедиціи, столь несогласная съ политикою манифеста *Ламартина*. Противъ него, наконецъ, поползновеніе къ диктаторству, замѣченное 16 апрѣля, когда, полагаясь на силы рабочаго народа, говоря словами *Собриэ*, онъ, не смотря на свое званіе министра внутреннихъ дѣлъ, воздержался приказать бить сборъ, хотя видѣлъ явную, всеобщую опасность.

«Таковы обвинения, взводимыя въ докладъ на г-на *Ледрю-Роллена*. По нашему мнѣнію, характеръ ихъ чисто политической. Обвиненія другого рода падаютъ на гг. *Луи-Блана* и *Коссидьера*. Первый сдѣлалъ изъ люксембургскаго дворца горнило междоусобной войны. Рѣчи его, произнесенныя передъ депутатами рабочаго класса, были невѣрно передаваемы въ Монитеръ. Коммиссія вытребовала буквальный переводъ ихъ съ записокъ официальныхъ стенографовъ, которые присягнули въ вѣрности своихъ показаній. Г. *Луи-Бланъ* говорилъ своимъ приверженцамъ, что онъ далъ клятву Аннибала противу состава нынѣшняго общества; онъ заранее протестовалъ противъ результатовъ всеобщаго избирательства; онъ говорилъ рабочимъ, что они одинъ народъ, что они имѣютъ право отнестись свои проекты декретовъ въ національное собраніе и заставить его превратить ихъ въ законы. Утромъ 15 мая, собрались у него нѣкоторые изъ предводителей демонстраціи. Въ минуту нашествія ихъ на собраніе видѣли, какъ онъ ободрялъ ихъ, а послѣ того какъ *Гюберъ* провозгласилъ о распусценіи собранія, *Луи-Бланъ* отправился въ ратушу. Одинъ судья видѣлъ его на Pont au change. Одинъ подполковникъ національной гвардіи, новый свидетель, говорить, что узналъ г. *Луи-Блана* въ одной изъ залъ ратуши, среди прочихъ членовъ мятежнаго временнаго правленія. Накапунъ іюнскихъ дней, предводители національныхъ мастерскихъ дѣйствовали только подъ его вліяніемъ. Гражданинъ *Трела*, прежній другъ его, видить въ немъ теперь величайшаго врага отечества. *Эмилъ Тома*, когда его попросили выехать изъ Парижа, объявилъ, что если бы онъ хотѣлъ послушаться советовъ *Луи-Блана*, то его не такъ легко удалили бы отъ стотысячной его арміи; наконецъ, изъ донесеній видно, что 22 іюня г. *Луи-Бланъ* былъ въ національной мастерской портныхъ, въ Клиши, которые были самыми жаркими и упорными бунтовщиками.

«Противу г. *Коссидьера*, къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя уже пали на него за двусмысленное его поведеніе отъ 15 апрѣля до 15 мая, прибавляютъ теперь, что многіе изъ

іюнскихъ инсургентовъ называли его своимъ предводителемъ, передавали другъ другу его приказанія, и что, наконецъ, его самого видѣли въ улицѣ Св. Антонія, близъ церкви Св. Павла, гдѣ онъ присутствовалъ при постройкѣ баррикады. Такое же обвиненіе взводятъ и на г. *Прудона*.

«Мы не вполне передаемъ обвиненія коммиссіи, изложенныя въ донесеніи. Разумѣется, что многіе изъ фактовъ возбудили энергическіе протесты со стороны обвиненныхъ. Но жестокія выходки *Монтаньяровъ* противъ докладчика кажутся намъ совершенно несправедливыми. Докладчикъ читалъ только то, что составила коммиссія, а слѣдственная коммиссія исполнила добросовѣстно трудную обязанность, возложенную на нее собраніемъ. Слѣдственно ропотъ неудовольствія падаетъ на собраніе. Повторяемъ, что нельзя же было не прочесть донесеніе предъ собраніемъ, прежде нежели допустить чье-либо оправданіе. Надобно отдать справедливость г. *Ледрю-Роллену*: его импровизированное опроверженіе было увлекательно. Онъ одаренъ однимъ изъ первыхъ качествъ политическаго оратора—голосомъ убѣжденія. Пылкость его рѣчи, доходившая иногда до излишества, была тутъ въ мѣру и кстати. И надобно сказать, что въ его способъ защиты замѣтна ловкая тактика. Онъ говорилъ, какъ будто обвиненіе противъ него можетъ имѣть судебныя послѣдствія. Этого совсѣмъ нѣтъ. Его упрекаютъ не въ томъ, что онъ мятежникъ; а въ томъ, что онъ придерживался дурной политики.

«Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи онъ сказалъ: «если бы я и дѣлалъ то, въ чемъ меня упрекаютъ, я бы имѣлъ на это полное право.» По нашему мнѣнію, это совершенно справедливо. Нападали на его политику, а онъ отвѣчалъ какъ министръ, отданный подъ судъ и тѣмъ привлекъ къ себѣ участіе собранія. Совсѣмъ не то было съ *Луи-Бланомъ*. Онъ имѣлъ несчастіе говорить вслѣдъ за г. *Ледрю-Ролленомъ*, и, послѣ пламенной рѣчи предшественника своего, произнесъ рѣчь чисто декламаторскую. Слогъ *Луи-Блана*, какъ и всѣ его идеи—пустой и ложный. Что же касается до г. *Косси-*

дѣла, то онъ, по обыкновенію, заставилъ собраніе смѣяться. Не знаемъ, обезоружилъ ли онъ его, и даже не знаемъ, нужно ли было обезоруживать. Подождемъ подробныхъ разсужденій объ этомъ дѣлѣ.» Собраніе опредѣлило напечатать какъ этотъ докладъ слѣдственной комиссіи, такъ и обвинительные акты.

Въ засѣданіи 5 числа г. *Ледрю-Ролленъ* просилъ, чтобы собраніе назначило день, для разсмотрѣнія доклада слѣдственной комиссіи. Предсѣдатель комиссіи, г. *Одилонъ-Барро* отвѣчалъ, что докладъ и приложенія къ нему еще печатаются и что потому теперь еще нельзя назначить день для преній о докладѣ. Г. *Коссидьеръ* требовалъ, чтобы печатаніе доклада и документовъ было ускорено сколько возможно, и чтобы потомъ, обвиненнымъ дали три дня срока для разсмотрѣнія ихъ. Послѣ того онъ жаловался на пропускъ какого-то письма. «А это опущеніе для меня важное. Наше положеніе вѣдь совсѣмъ не пріятно. Сегодня, напримѣръ, иду я по улицѣ Сентъ-Оноре, и слышу, кто-то говоритъ: Это Коссидьеръ, разбойникъ! (Смѣхъ). Мнѣ нужны нѣтъ; да скажите сами, похожъ ли я на разбойника? (Смѣхъ еще сильнѣйшій). Вы смѣетесь? Такъ у васъ нѣтъ матери, сестры, вы не понимаете, въ какомъ безпокойствѣ теперь наши родные? Я только для нихъ и отвѣчалъ комиссіи. А мнѣ все равно. Сведите меня въ тюрьму: мнѣ уже не привыкать. Пробовалъ я королевскіе казематы, попробую и республиканскіе.» Кончилось тѣмъ, что положено было ускорить печатаніе доклада и приложеній, и потомъ уже назначить день для преній о немъ.

Въ засѣданіи 9 числа, главнымъ предметомъ преній былъ проектъ декрета о журнальномъ залогѣ. Главные противники его, г. *Паскаль Дюпра* и г. *Ледрю-Ролленъ* предложили измѣненіе или, лучше сказать, совершенно новый законъ. Они полагали отменить залогъ; но за то обязать автора всякой статьи непременно выставлять подъ нею свое имя. Одинъ изъ защитниковъ министерскаго проекта, г. *Леонъ Фоше*, въ блестящей рѣчи обличилъ тайную мысль этой системы: она состоитъ въ томъ, чтобы лишить журналы ихъ правствен-

наго вліянія, потому-что тогда важное званіе главнаго редактора уничтожается, журналъ превращается въ сборникъ и мнѣнія его дѣлаются уже не мнѣніями такого-то журнала, но мнѣніями извѣстныхъ лицъ. Противники проекта приводили въ примѣръ между прочимъ американскій журнализмъ, доступный каждому желающему и неограниченный почти никакими законами; отвѣчая имъ, г. *Леонъ Фоше* между прочимъ сказалъ: «Да, правда, въ Соединенныхъ Штатахъ журналы наслаждаются неограниченною свободою, но по мнѣ, это не свобода: свобода неограниченная ничто иное, какъ своеволіе, необузданность. Какіе же результаты принесла эта свобода въ Соединенныхъ Штатахъ. Во-первыхъ, журналы тамъ не могутъ назваться политическими; эти журналы мѣстные, которые мало занимаются дѣлами, а болѣе лицами; журналы, которые питаются злословіемъ и клеветою. Что жъ изъ этого выходитъ? Если примѣръ журналъ проповѣдуетъ уничтоженіе невольничества, чернь собирается и уничтожаетъ его типографію; не рѣдко случается, что журнальная полемика разрывается—чѣмъ бы вы думали?—Дуелью на карабинахъ; человекъ, оскорбленный въ журналѣ, самъ чинитъ судъ и расправу—чѣмъ? просто, ножомъ или пистолетомъ. Однимъ словомъ противодѣйствіе этой безграничной свободѣ заключается въ правахъ, въ томъ что въ западныхъ Штатахъ называется Lynchlaw, то есть самоуправствомъ, отсутствіемъ всякаго закона, возвращеніемъ къ состоянію варварства. Этого я не желаю для моего отечества.» (Общее одобреніе). Рѣчь г. *Леона Фоше* подвѣствовала на собраніи такъ сильно, что предложеніе г. *Паскаля Дюпра* отвергнуто большинствомъ 407 голосовъ противъ 342, и проектъ закона принятъ безъ важныхъ измѣненій, но съ тѣмъ, что дѣйствіе его простирается только до будущаго года, въ томъ предположеніи, что до тѣхъ поръ собраніе утвердитъ общій законъ о свободѣ тисненія.

10 августа, собраніе приступило къ разсужденіямъ о штрафахъ и наказаніяхъ за проступки въ дѣлѣ тисненія. Въ министерскомъ проектѣ находится 8 статей; комитетъ сдѣлалъ

немногія перемѣны, но множество измѣненій предложено было разными членами собранія. Статья 1 состоитъ въ слѣдующемъ: «Всякое нападеніе, означенное въ 1-й статьѣ закона 17 мая 1829, на права и мнѣнія національнаго собранія и членовъ исполнительной власти, а также на учрежденія республики и ея конституцію, влечетъ за собою штрафъ отъ 300 до 6,000 фр. и тюремное заключеніе на время отъ $\frac{1}{4}$ года до 5 лѣтъ. Статья эта принята. Статья 2: «Оскорбленіе національнаго собранія наказывается тюремнымъ заключеніемъ на время отъ одного мѣсяца до одного года и денежнымъ штрафомъ отъ 160 до 5,000 фр.» Принято. Статья 3-я: «Нападенія на религію, на неприкосновенность собственности и семействъ, наказываются тюремнымъ заключеніемъ отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 200 до 4,000 фр.» Совѣщанія объ этой статьѣ произвели сильныя споры. Г. Прудонъ, какъ само собою разумется, говорилъ противъ этой статьи, а г. Жюль Фасеръ краснорѣчиво защищалъ ее. Наконецъ статья была принята. Статья 4-я назначаетъ наказанія за возстанія противъ республиканской формы правленія. Г. Лагранжъ предложилъ включить слова: «противъ начала господства народа и всеобщаго избирательства.» Генераль Кавеньякъ согласился съ этимъ предложеніемъ. Въ засѣданіи своемъ 11 августа, собраніе окончило разсмотрѣніе этого проекта и утвердило его.

Такъ какъ народъ пользуется единственнымъ правомъ, которое ему предоставлено — подавать прошенія, то не можете вообразить, о чемъ просятъ правительство, что ему предлагаютъ, чего требуютъ! На основаніи этого права, всѣ глупцы, всѣ невѣжды, всѣ помышанные въ Шарантонъ (это домъ умалишенныхъ) полоумныя бабы, увядшія дѣвы, заваливаютъ національное собраніе прошеніями, и національное собраніе, отъ бездѣлья, выслушиваетъ всѣ эти вздоры и нелюбости. Поступили, напримеръ, слѣдующія прошенія: N. просить выпустить всѣхъ арестантовъ въ самое скорое время; M. желаетъ возстановленія республиканскаго календаря; P. предлагаетъ ввести многоженство; R., основываясь на правилахъ Прудона, просить сослать въ ссылку его

хозяина, который требуетъ съ него деньги за квартиру. Гражданинъ Дюранъ, сапожникъ въ Карантанъ, предлагаетъ ввести въ моду сапоги съ отворотами, какъ было въ 1793 году. Члены демократическаго клуба въ Лионѣ просятъ, чтобъ сняли съ площади статую Людовика XIV.—Г. Марцелла, директоръ элинскаго общества въ Парижѣ, предлагаетъ, вмѣсто деревъ вольности въ Парижѣ, которыя большею частію не принялись тамъ (неблагодарная земля), развести садики съ трехколерными цвѣтами. Но самое любопытное и чудовищное предложеніе сдѣлано какимъ-то благодѣтелемъ отечества, для обогащенія его безъ большаго труда. Онъ предлагаетъ растопить колонну на вандомской площади, вылитую изъ завоеванныхъ пушекъ, и изъ бронзы ея извлечь серебро и золото, которыя заключаются въ ней въ большомъ количествѣ, на нѣсколько милліоновъ. Проситель увѣренъ, что въ правленіе Наполеона серебряныя пятифранковики были не по чѣмъ, и что чтители славы императора бросали ихъ пригоршнями въ формы, въ которыхъ отливались барельефы и другія части колонны. Многіе генералы, по сказанію его, побросали туда и шитые свои мундиры и шляпы съ галунами. Особенно щедръ были маршалы. Сульть одинъ кинулъ въ растопленную бронзу сто тысячъ франковъ. Наполеонъ случайно вошелъ въ литейную и, узнавъ объ усердіи маршала, подралъ его за ухо и сказалъ: «Жанъ де-Діѣ Сульть! я доволенъ тобою.» Этого недовольно: Наполеонъ вынулъ изъ жилетнаго кармана щепотку табаку и бросилъ въ кипящую бронзу. «Раздробивъ колонну, говорить проситель пресерьозно, вы найдете эту драгоценную пыль, бывшую въ жилетѣ непобѣдимаго. Кто не дастъ за нее милліона! Чтобы избавить національное собраніе отъ необходимости терять время на слушаніе нелѣпыхъ прошеній, г. Вивьенъ, 11 августа, представлялъ, отъ имени комиссіи регламента, проектъ закона о прошеніяхъ, подаваемыхъ въ собраніе. Въ тотъ же день министръ финансовъ, г. Гудшо, взошелъ на кафедру и сказалъ: «Граждане представители, въ засѣданіи вашемъ 14 іюля вы уполномочили меня заключить заемъ въ 177 милліо-

новъ франковъ. Вы опредѣлили, что до нынѣшняго дня, именно до полуночи, въ счетъ займа могутъ быть принимаемы и купоны прежняго займа въ 250 милліоновъ. Долгомъ считаю довести до вашего свѣдѣнія, что, за исключеніемъ самой ничтожной суммы, теперь, въ эту минуту, весь заемъ уже пополненъ». Само собою разумется, что это объявленіе принято было съ большимъ удовольствіемъ. И дѣйствительно, чрезвычайно замѣчательно, что государственный кредитъ, упавшій до такой низкой степени, поднялся вдругъ, какъ скоро правительство отбросило нелѣпыя планы нововводителей.

19 числа происходили выборы президента. Число подававшихъ голоса было 708; изъ нихъ оказалось: въ пользу г. *Мирраста* 611. Такимъ образомъ г. *Миррасть* провозглашенъ президентомъ еще на мѣсяць.—Наконецъ выслушали проектъ закона о прошеніяхъ. Предполагалось представлять собранію только тѣ прошенія, которыя, по мнѣнію пятерыхъ членовъ комиссіи, найдены будутъ дѣльными и заслуживающими вниманія. Собраніе занималось этимъ дѣломъ съ такимъ невниманіемъ, что по одобреніи всѣхъ трехъ статей поодиначкѣ, оно потомъ отрицало весь законъ въ цѣломъ его составѣ. Узнавъ о послѣдствіи балотировки, члены сами тому удивились и не знали, что дѣлать: видно, они мало шары, не думая и не зная куда.

Въ засѣданіи 21 августа, г. *Кретонъ* потребовалъ у правительства отчета въ казенныхъ суммахъ, истраченныхъ во время февральской революціи, спрашивая: изъ какихъ денегъ платили комиссарамъ клубовъ и вооруженнымъ толпамъ, отправленнымъ къ границѣ? «Комиссіа финансовъ не получила еще ни какого отчета объ употребленіи денегъ, назначенныхъ въ выдачу прежнею исполнительною комиссіею. Министръ финансовъ представилъ только донесенія. Этого недостаточно для Франціи. Все доказываетъ, что внутренняя и вѣшняя междоусобная война была производима на казенныя деньги выдачею суммъ комиссарамъ клубовъ. Вотъ что произвело опустошеніе государственной кассы!» (При этихъ словахъ поднялся сильный шумъ въ собраніи.) *Лед-*

рю-Ролленъ объявилъ, что министерство расходовало только то, на что имѣло законныя права, и что тайныя издержки революціи не превосходили произведенныхъ въ 1832 и 1834 годахъ. — Онъ сознался однако, что экспедиціи къ границамъ были произведены изъ суммъ правительства. Министръ финансовъ замѣтилъ, что отчеты представлены въ комитетъ финансовъ, и тотъ объявилъ ихъ удовлетворительными. Продолженіе рѣчи *Кретона* возбудило сильное волненіе и шумъ въ собраніи. Министръ финансовъ отвѣчалъ на эту рѣчь довольно рѣшительно, и все преніе кончилось ничѣмъ, потому-что г. *Гуанъ* предложилъ дожидаться донесенія комитета финансовъ.

Въ засѣданіи національнаго собранія 21 августа, г. *Друэ де-Люи* представилъ докладъ комитета иностранныхъ дѣлъ о прошеніи 30 уполномоченныхъ миланской національной гвардіи. Комитетъ вполне одобряетъ политику правительства и, чтобы не мѣшать производящимся переговорамъ, предлагаетъ только передать прошеніе президенту совѣта. Генералъ *Кавеньякъ* объявилъ, что онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ храбраго италянцакаго народа; но что употребленіе французскаго оружія онъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не считаетъ средствомъ, полезнымъ для Италіи. Поэтому Франція предложила Англіи помочь ей въ посредничествѣ по этому дѣлу, въ достиженіи цѣли мирными средствами; есть надежда, что это средство удастся; но, прибавилъ генералъ *Кавеньякъ*, собраніе понимаетъ, что я не могу сказать ничего болѣе, не подвергаясь опасности повредить производящимся переговорамъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что ему досталась роль не блестящая, потому-что Франція привыкла къ громкимъ рѣчамъ о славѣ и побѣдахъ; но что, по чувству долга, онъ заботится всего болѣе о честномъ мирѣ, потому-что одинъ миръ можетъ упрочить существованіе и благоденствіе французской республики. Но если бы честь Франціи и пользы человечества потребовали, чтобы Франція извлекла свой мечъ, онъ надѣется, что собраніе не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи и тогда только ему позволено будетъ возвратитъ себѣ

къ привычкамъ всей своей жизни. Эта рѣчь возбудила въ собраніи громкое одобреніе.

Членамъ собранія уже розданы документы слѣдственной комиссіи, составляющіе три тома въ четвертую долю листа. Чтеніе этихъ документовъ внушило *Journal des Débats* печальныя размышленія, немножко декламаторскія, но тѣмъ не менѣе поразительныя, въ которыхъ онъ мрачными красками изображаетъ положеніе Франціи: «Объ именахъ и лицахъ мы будемъ говорить осторожно, какъ требуетъ справедливость. Но сквозь открытія и показанія слѣдственной комиссіи мы видимъ не имена, не лица, не партіи, а нравственное состояніе нашего народа, которое извлекаетъ у насъ крикъ ужаса и горести. Напрасно стали бы мы закрывать глаза, чтобы не видѣть страшнаго свѣта, которымъ докладъ слѣдственной комиссіи озарилъ все общество, сверху до низу, съ дворцевъ до берлогъ. Что скажетъ міръ, который на насъ смотритъ? Что скажутъ тѣ, которые указывали народамъ, какъ на страшный, поучительный урокъ, на зрѣлище нашихъ страданій, раздоровъ и нищеты? Какъ! и всѣ эти признанія вырываются изъ устъ предводителей народа, людей, которые съ нимъ росли, съ нимъ жили, вмѣстѣ съ нимъ составляли заговоры и сражались! Неужели правда, что подъ солнцемъ, что въ природѣ есть свирѣпая орда, въ 400,000 человекъ, всегда готовая изпепелить, срыть, стереть съ лица земли городъ, который нѣкогда считался столицей образованности? Есть 400,000 работниковъ, говорите вы, которые скорѣе готовы уничтожить Парижъ, чѣмъ отступить? И этому-то народу говорили: ты будешь имѣть все, ты будешь богатъ, счастливъ, ты будешь первымъ, потому-что ты долго былъ послѣднимъ! И въ тотъ день, когда народъ усталъ ждать, когда онъ увидѣлъ всю лживость этихъ преступныхъ обѣщаній, народъ беретъ за ружья, выворачиваетъ камни мостовой и выпускаетъ красное знамя; мужчины другъ друга убиваютъ; женщины и дѣти плачутъ; работникъ безъ хлѣба, безъ пристанища, безъ Бога, котораго онъ не знаетъ, падаетъ, испуская страшный крикъ, который вы слышали

въ одномъ показаніи: «Отмстите за меня, и грабьте!» и съ этимъ проклятіемъ, душа его улетаетъ въ вѣчность.

«А на верху, посмотрите на верхъ, что вы тамъ увидите? Какое-то всеобщее потемнѣніе; нѣчто въ родъ головокруженія, которое чувствуешь, смотря внизъ съ высокаго балкона или съ вершины башни. Мы не ищемъ преступныхъ посреди этого всеобщаго смутенія; люди поглощаются событіями и свободная воля человека какъ бы подавляется рукою исторіи. Но какое зрѣлище эта страстная, нервическая игра, которая разыгрывается въ высшихъ слояхъ общества! Какой чудовищный ландскнехтъ политической и общественной! Посмотрите, вотъ вокругъ зеленого стола игроки, тревожные, разгоряченные, лихорадочные. У нихъ одна только мысль, одно только слово на устахъ: «Если я и буду увлеченъ, такъ еще успѣю застрѣлиться!» Случай и головокруженіе—вотъ ихъ боги; и когда Сивилла приноситъ два или три листка, берутъ одинъ изъ нихъ на удачу и пускаютъ во все концы страны бюллетень ужаса и анархіи. А свобода, а власть, что дѣлается съ ними посреди этого тревоженія? Онъ распадается лохмотьями въ рукахъ, которыя ихъ одна у другой вырываютъ; а какъ послѣдній, неоспоримый аргументъ является одна и та же угроза: ружейные выстрѣлы. «Созовите своихъ, мы созовемъ своихъ, и выйдемъ на улицу!» Вотъ ихъ послѣднее слово, и это слово повторялось ежедневно. Помните ли вы нѣмецкую балладу, въ которой ученикъ чародѣя, подслушавшій тайну учителя, хочетъ, подобно ему, повѣлывать природою? Онъ приказываетъ палкѣ сходить за водою; послушное орудіе исполняетъ его волю; но оно все ходитъ, все цапашиваетъ воду и скоро затопитъ весь домъ. Несчастный, который вызвалъ эту таинственную силу, тщетно старается остановить ее: онъ забылъ волшебныя слова; въ отчаяніи, онъ поднимаетъ къ небу руки и восклицаетъ: «Господи Боже мой! спаси меня въ этой опасности! Я осмѣлился вызвать духовъ твоихъ и не могу теперь удерживать ихъ!»

«Да, это зрѣлище странное; но не говорите, софисты

что это зрелище высокое. О если бъ это была не существенность, а страшная греза! Но это написано. Читая исторію вчерашняго дня, подумаемъ о завтрашнемъ; пусть страшный свѣтъ прошедшаго озаритъ намъ по крайней мѣрѣ путь будущаго. Время ли теперь заниматься людьми? Всѣ мы во всѣхъ рядахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ партіяхъ, должны подумать о другомъ. Мы должны соединить свои усилія, чтобы очистить, излечить больное общество, котораго мы дѣти, живые, страждущіе члены, чтобы освѣжить воздухъ въ огромномъ нечистомъ вулканѣ, который хвастается взорвать зажигательной спичкой».

Вотъ мнѣніе о томъ же предметѣ другаго журнала, l'Union:

«Всѣ журналы наполнены документами слѣдственной коммисіи. Мы читали этотъ огромный сборникъ показаній и узнали изъ него только то, что уже знали прежде, именно что въ теченіе пяти мѣсяцевъ люди бѣшенные и неспособные угрожали Франціи совершеннымъ низпроверженіемъ, словно, будто жители Шарантона сорвались съ цѣпи.

«Въ этомъ огромномъ безпорядкѣ, въ этой толкотнѣ дурачества, въ этой сходкѣ пошлыхъ бездарностей, въ этомъ соревнованіи бессмысленнаго социализма, мы наконецъ спрашиваемъ себя, гдѣ же серьезныя мысли этой революціи.

«Мы видимъ сумасбродовъ и почти не находимъ честолюбцевъ. Когда подумаешь, что *Собріе* заговорщикъ, что *Бланки* возмутитель, что гг. *Ледрю-Ролленъ* и *Коссидьеръ* оспариваютъ власть у гг. *Барбеса* и *Флотта*, что гг. *Луи-Бланъ* и *Гюберъ* оспариваютъ другъ у друга Францію, мы закрываемъ лицо и падаемъ ницъ на землю.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ волнуютъ то негодованіе, возбуждаемое возмутителями, то живѣйшее соболѣзнованіе къ несчастнымъ, которые служили орудіемъ подобныхъ замысловъ, и мы ищемъ глазами могущества, которому суждено было бы успокоить Францію, защитить ее противъ всѣхъ этихъ преступниковъ и безумцевъ. Какъ! общество предало заговорщикамъ, помѣшаннымъ, бѣшенымъ, иллюминатамъ, больнымъ, и думало, что не произойдетъ вещей, которыя предвѣщаютъ совершенное извращеніе обществен-

наго здравомыслія? Но, Боже мой, это слѣдствіе доказываетъ только то, что и въ безумствѣ можетъ быть логика.

«Это должно показать людямъ, какъ безразсудно искать преобразованій, умученій, усилій въ опытности и здраваго разсудка! Превращать націю въ клубъ и въ этомъ клубѣ спустить умъ съ безуміемъ и потомъ изъ этой борьбы извлечь опытъ правительства—этого еще не видано ни у одного здравомыслящаго народа.

«Пусть по крайней мѣрѣ этотъ урокъ откроетъ глаза Франціи! Въ этомъ отношеніи слѣдствіе принесетъ пользу.»

— Главный штабъ національной гвардіи составлялся прежде по выборамъ; 15 августа генералъ *Касеньякъ* разпустилъ существовавшій штабъ и назначилъ новый самъ, о чемъ главнокомандующій національною гвардіею, генералъ *Шангарнье*, безъ дальнѣйшихъ околичностей, сообщилъ легіонамъ «къ свѣдѣнію и въ потребномъ случаѣ къ исполненію».

— Въ Монитерѣ напечатанъ декретъ исполнительной власти, которымъ назначается нѣчто въ родѣ временнаго государственнаго совѣта изъ 26 государственныхъ советниковъ, подъ предсѣдательствомъ дивизионнаго генерала, г. *Превала*. Совѣтъ долженъ будетъ занять въ сентябрѣ и октябрѣ дѣлами, не терпящими отлагательства.

— Национальное собраніе состоитъ теперь изъ слѣдующихъ партій: общества изъ 380 человекъ, собирающагося въ улицѣ Поатьѣ; общества національнаго дворца, изъ 150 членовъ; общества института, изъ 200 человекъ; наконецъ, изъ демократическаго общества и коммунистовъ.

Г о л л а н д і я.

Въ послѣднее время, дѣйствіе германскаго національнаго собранія въ отношеніи къ герцогству лимбургскому, обратило на себя общее вниманіе. При образованіи нидерландскаго королевства, Люксембургъ былъ присоединенъ къ нему, но какъ отдѣльное герцогство, и притомъ «независимо

отъ его отношеній къ Германскому Союзу». Герцогство Люксембургъ, земля германская, было отдано королю Вильгельму взаменъ правъ его на другія германскія земли. Люксембургъ посылалъ своихъ депутатовъ въ Нидерландскіе Штаты, поставлялъ рекрутъ въ нидерландскую армію, платилъ одинаковые съ другими частями государства подати и налоги; однимъ словомъ составлялъ нераздѣльную часть Нидерландовъ. Связи его съ Германіею состояли только въ томъ, что въ люксембургской крѣпости былъ союзный гарнизонъ, и нидерландскій король, въ качествѣ великаго герцога люксембургскаго, посылалъ въ германскій сеймъ своего представителя. Въ 1830 году, когда Бельгія отделилась отъ Голландіи, Люксембургъ тоже принималъ дѣятельное участіе въ революціи. Крѣпость осталась по-прежнему во владѣніи Германскаго Союза, но люксембургскіе депутаты засылали въ бельгійскихъ законодательныхъ собраніяхъ. Въ 1839 году, когда голландско-бельгійскій вопросъ былъ рѣшенъ договоромъ, валлонская часть Люксембурга была уступлена Бельгіи; другая осталась за Голландіею; но въ вознагражденіе этой потери, Голландіи была предоставлена та часть Лимбурга, которая заключается между границами литтиской провинціи на правомъ берегу Мааса, и еще та, которая лежитъ между лимбургскимъ округомъ, отданнымъ Бельгіи, и севернымъ Брабантомъ, принадлежащимъ Голландіи. При этомъ было постановлено, что первый изъ этихъ округовъ можетъ быть управляемъ отдѣльно, или присоединенъ къ Голландіи; второй долженъ былъ составить часть Голландіи. 29 августа 1839 года, великій герцогъ лимбургскій объявилъ, что онъ со всѣмъ Лимбургомъ присоединяется къ Германскому Союзу, предоставляя однако жъ себѣ право сохранять въ Лимбургѣ голландскіе законы и голландское управленіе. Германскій сеймъ изъявилъ на это свое согласіе. Дѣло оставалось въ этомъ положеніи до созванія франкфуртскаго парламента. Люксембургъ не имѣетъ никакихъ прямыхъ связей съ Голландіею. Голландскій король вмѣстѣ съ тѣмъ и великій герцогъ люксембургскій, вотъ и все; Люксембургъ управляется совершенно отдѣльно, не платитъ

Голландіи податей, не поставляютъ ей рекрутъ. Лимбургъ совсѣмъ въ другомъ положеніи: онъ подлежитъ голландскимъ законамъ, управляется центральной голландскою властію, платитъ голландскія подати и налоги, поставляютъ въ голландскую армію рекрутъ.

Въ последнее время, нѣкоторые Лимбургцы стали утверждать, что это положеніе не нормально. Лимбургъ, говоря оны, уступленъ Голландіи въ вознагражденіе за часть Люксембурга, которая отошла отъ нея: слѣдственно, долженъ быть подчиненъ тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ владѣніе, на мѣсто котораго поступилъ онъ; а Люксембургъ въ политическомъ, финансовомъ и административномъ отношеніяхъ отдѣленъ отъ Голландіи, слѣдственно и Лимбургъ долженъ быть отдѣленъ точно также.

Между тѣмъ какъ подобныя пренія шли въ журналахъ этой земли, открылся въ Франкфуртѣ германскій парламентъ. Король-великій-герцогъ безъ всякаго затрудненія согласился, чтобы Лимбургъ отправилъ туда своихъ депутатовъ, и въ представители Лимбурга выбраны были два рѣшительные приверженца отдѣленія Лимбурга отъ Голландіи.

Эти господа не давали національному собранію покоя, пока оно наконецъ не постановило, что соединеніе герцогства Лимбургскаго съ Голландіею не совместно съ союзною конституціею Германіи; декретъ національнаго собранія отъ 27 іюня, въ которомъ сказано, что статьи частныхъ конституцій разныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германскаго Союза, должны быть согласены съ его общей конституціею, относится и до Лимбурга; что вопросъ объ обязанности Лимбурга: нести часть голландскаго государственнаго долга, долженъ быть рѣшенъ договоромъ, утвержденіе котораго національное собраніе предоставляетъ себѣ. Это рѣшеніе произвело въ Лимбургѣ сильное волненіе, и представители его напечатали въ журналахъ письмо къ своимъ избирателямъ, въ которомъ они говорятъ, что судьба Лимбурга окончательно рѣшена франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ.

Теперь спрашивается: что будетъ дѣлать голландскій король, у котораго это собраніе отнимаетъ часть его владѣній? Голландскій официальный журналъ, выходящій въ Гагъ, перепечаталъ письмо лимбургскихъ депутатовъ, но въ примѣчаніи къ нему замѣтилъ, что еще нельзя сказать утвердительно, что судьба Лимбурга рѣшена окончательно, что на это нужна не одна воля франкфуртскаго собранія.

Тутъ представляется вопросъ чрезвычайно важный. Гамбургъ самъ по себѣ ровно ничего не значитъ; но что будетъ съ голландскими крѣпостями Маастрихтомъ и Ванлоо, если Лимбургъ отойдетъ къ Германскому Союзу? Если Маастрихтъ послѣдуетъ за нимъ, то Германія ступитъ на правый берегъ Мааса, и врядъ ли это будетъ пріятно Франціи. Если Маастрихтъ останется за Голландією, а Лимбургъ отойдетъ къ Германіи, эта крѣпость очутится между нѣмецкимъ княжествомъ и Бельгією; чтобы послать туда провіантъ или подкрѣпленіе гарнизону, Голландія должна будетъ просить позволенія Бельгіи или Германскаго Союза пройти черезъ нихъ владѣнія. Притомъ въ городѣ Маастрихтѣ 25,000 жителей. Окруженные со всѣхъ сторонъ бельгійскими и нѣмецкими таможенными, они совершенно будутъ зависть отъ своихъ сосѣдей. Подобное положеніе нестерпимо. Если голландскій король уступить Лимбургъ, онъ не можетъ сохранять и Маастрихта. А что же будетъ, если онъ не уступить? И что скажутъ великія державы, утвердившія договоръ, которымъ Бельгія отдѣлена отъ Голландіи и опредѣлены границы этихъ обоихъ государствъ?

Нидерландскій король протестовалъ противъ этого произвольнаго отторженія цѣлой области, и губернатору ея поручено объявить жителямъ, что «рѣшеніе, принятое національнымъ франкфуртскимъ собраніемъ, можетъ заставить многихъ думать, будто отдѣленіе этого герцогства отъ Голландіи фактъ принятый и утвержденный; что эта мысль можетъ имѣть слѣдствіемъ нарушеніе спокойствія и непризнаніе законной власти; что Его Величество король нидерландскій обязанъ основнымъ закономъ, присягою и трактатами управлять Лимбургомъ, сообразно

съ существующими законами, и охранять неприкосновенность предѣловъ государства; что законное положеніе Лимбурга, существующее уже восемь лѣтъ срѣду и признанное всѣми, не должно и не можетъ быть измѣнено иначе, какъ съ согласія короля и утвержденія законодательной власти. Въ слѣдствіе сего онъ приглашаетъ жителей оставаться спокойными до новыхъ приказаній».

30-го іюля было, близъ Маастрихта, свиданіе министра *Лихтенфельда* съ барономъ *Шерпенцель-Гейшемъ*, лимбургскимъ депутатомъ при франкфуртскомъ національномъ собраніи и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ отдѣленія этой области отъ нидерландскаго королевства. Цѣль министра состояла только въ томъ, чтобы объявить г. *Шерпенцелью*, не признавая въ немъ никакого другаго званія кромѣ начальника партіи, что правительство рѣшилось поддерживать до послѣдней крайности права свои на Лимбургъ; что послана уже подвижная колонна войскъ для возстановленія порядка и сбора податей; что войско это употребить силу вездѣ, гдѣ это окажется нужнымъ; что польза человечества и жителей требуетъ, чтобы имъ внушать повиновеніе законамъ; что онъ приглашаетъ г. *Шерпенцеля* содѣйствовать съ своей стороны къ этому внушенію, потому-что если отъ его вины произойдетъ кровопролитіе, то предъ Богомъ и людьми кровь эта падетъ на него. Этимъ ограничились слова министра. Г. *Шерпенцель*, съ своей стороны, увѣрилъ въ миролюбивыхъ своихъ намѣреніяхъ, и обязался содѣйствовать къ достиженію этой цѣли.

Въ началѣ августа, въ газетѣ *Times* была напечатана замѣчательная статья, по этому же вопросу о присоединеніи Лимбурга къ Германскому Союзу. Изложивъ событія, *Times* объявляетъ, что державы, принимавшія участіе въ договорѣ: объ отдѣленіи Бельгіи отъ Голландіи, не могутъ не поддерживать Нидерландовъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ; и заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Какія бы причины ни приводили для подкрѣпленія этого вопроса, по во всякомъ случаѣ франкфуртское собраніе поступило весьма неблагоприятно, подливъ его въ настоя-

шее время. Провозглашать новыя права на земли, лежащія на лѣвомъ берегу Рейна, значитъ вызывать къ тому же Францію; притомъ, хотя французское правительство доселѣ и уважало договоръ 1815 года о границахъ, объявляя между тѣмъ, что уже не считаетъ его обязательнымъ, но оно, вѣроятно, очень бы обрадовалось, если бѣ Англія доставила ему предлогъ для окончательнаго измѣненія постановленій этого договора. Вооруженная интервенція на берегахъ Маса имѣла бы для Бельгійцевъ очень подозрительный характеръ, и за нею послѣдовала бы, по всей вѣроятности, такая же демонстрація съ французской стороны. Поэтому если бы германскіе министры и франкфуртское собраніе были такъ неблагоразумны, что сдѣлали бы этотъ вопросъ предметомъ настойчиваго спора, они приобрѣли бы новыхъ противниковъ и возстановили бы противъ себя всѣ окружающія Германію государства, за исключеніемъ одной только Швейцаріи. Австрійцы уже ведутъ войну въ Италіи, войска Германскаго Союза сражаются на берегахъ Адижа и Минчіо; съ другой стороны Пруссаки и десятая часть германской арміи воюютъ въ Даніи, а съ тѣхъ поръ какъ переговоры прерваны, по всему надобно полагать, что Швеція скоро выступитъ на поприще, и Россія готовится отразить набѣгъ на Ютландію. Такимъ образомъ Германіи угрожаетъ опасность съ юга, съ востока и съ сѣвера; распря съ Голландією за Лимбургъ прибавитъ къ этому еще новую бурю съ запада, и притомъ это распря за дѣло, на которое ни Бельгія, ни Франція равнодушно смотрѣть не могутъ. Таковы послѣдствія, въ которыя можетъ быть увлечена нація, которая дѣйствуетъ по какимъ-то внушеніямъ, а не по правиламъ здоровой политики, слушается патріотическихъ разглагольствованій, а не совѣтовъ государственныхъ людей. Мы искренно жемали бы, чтобы соединенная Германія благоденствовала, и потому очень жалѣемъ объ этихъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ повести къ горькимъ разочарованіямъ. Нѣтъ на свѣтѣ націи, какъ бы могущественна ни была она, которая могла бы, безъ помощи союзниковъ, вести войну вдругъ во всѣхъ направленіяхъ, а Германія менѣе всякой другой

могла бы восторжествовать въ подобномъ случаѣ, потому что она окружена сосѣдями воинственными и всѣ границы ея открыты. Франція должна защищать только свои границы на востокъ и со стороны Пиреней; у Россіи непрітели могутъ быть только въ Европѣ; Англія охраняется океаномъ; а у Германіи нѣтъ ни одной границы, которую она могла бы оставить безъ защиты, нѣтъ ни одного сосѣда, которому бы она безнаказанно могла оказать неуваженіе. Политическія ея выгоды требуютъ, чтобы она въ настоящее время состояла въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Данією, съ Швецією и съ Голландією; а Германія вмѣсто того, чтобы искать расположенія этихъ важныхъ морскихъ державъ, первая встревожила, оскорбила ихъ своими необдуманными требованіями, и тѣмъ изъ союзниковъ превратила въ непрітелей. Поэтому почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что распри, которыя она такимъ образомъ вызвала, хотя и второстепенныя, будутъ имѣть самое несчастное вліяніе на упроченіе единства Германіи и на будущее политическое состояніе Европы».

Данія.

Морской министръ объявилъ, что кромѣ портовъ, уже блокируемыхъ, именно: Свинемюнде, Вольгаста, Каммина, Киля съ устьемъ шлезвигскаго канала въ Гольтенау, съ 15 августа будутъ блокируемы еще слѣдующіе: Грейфсвальде и восточный входъ въ Стральзундъ, рѣки Эльба, Везеръ и Яде. Объ этомъ уже сообщено объявленіе посланникамъ всѣхъ союзныхъ и нейтральныхъ державъ при датскомъ дворѣ, и оно будетъ выдаваемо таможенными всякому судну, проходящему черезъ Зундъ и оба Бельта. Никакой другой портъ не долженъ быть почитаемъ состоящимъ въ блокадѣ, пока не издано будетъ объ этомъ особаго объявленія.

— Франція и Англія вмѣшались въ дѣло между Германією и Данією. Это подтверждается въ шведскомъ официальномъ журналѣ «Газета почтовая и внутренняя», которая, сообщая, 4 августа, это извѣстіе, прибавляетъ, что кабинеты па-

рижскій и лондонскій совокупно и формально объявили центральному правительству Германіи, что всякія дальнѣйшія, непріязненныя дѣйствія Германіи противъ Даніи будутъ сочтены объявленіемъ войны Франціи и Англій.—Та же газета сообщаетъ, что въ слѣдствіе этого извѣстія, полученнаго изъ Мальме, гдѣ находится король Оскаръ I, великій маршалъ королевства, президентъ сейма, созвалъ всѣ четыре сословія этого собранія и объявилъ имъ, что застѣданыя, которыя намѣревались уже закрыть, продѣлжались на неопредѣленное время, и что всѣ члены, находящіеся въ отпуску, получаютъ приглашеніе возвратиться. По повелѣнію короля, всѣ государственные совѣтники, находившіеся въ Стокгольмѣ, отправились 3 августа въ Мальме, къ Его Величеству.

Франкфуртъ на Майнѣ.

Эрцгерцогъ Іоаннъ, оставивъ Вѣну 31 іюля и сложивъ съ себя званіе императорскаго намѣстника, прибылъ во Франкфуртъ на Майнѣ, 3 августа, съ супругою и сыномъ своимъ.

— Національное собраніе, 6 августа, большинствомъ 288 голосовъ противъ 146, рѣшило отмѣнить смертную казнь.

Сто двѣнадцать депутатовъ представили національному собранію предложеніе: объ отмѣнѣ безбрачности духовныхъ. Въ слѣдствіе этого три католическихъ епископа и шестьдесятъ пять другихъ депутатовъ представили протестъ, въ которомъ убѣждали собраніе не вмѣшиваться во внутреннія дѣла римско-католической церкви, чтобы не произвести столкновения съ нею, которое могло бы повредить достиженію цели собранія. Въ такомъ случаѣ католическая церковь, то есть римское духовенство и всѣ его приверженцы отказались бы повиноваться правителю имперіи.

— Сообщаемъ статью, которую имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, князь *Лейпцигенъ*, напечаталъ подъ своимъ именемъ въ Аугсбургской всеобщей газетѣ. Она важна потому, что, будучи подписана министромъ эрцгерцога-прави-

теля Германіи, можетъ считаться выраженіемъ мнѣній всего центрального правительства. Заглавіе этой статьи: «*Одно изъ двухъ*».

«Истинное единство можетъ быть только одно, точно такъ же, какъ есть только одна свобода, та, которая основана на законѣ и порядкѣ. Единство значитъ соединеніе всѣхъ частей въ одно цѣлое, такъ чтобы между частями и цѣлымъ не могло быть ни малѣйшей борьбы.

«Всякое другое сліяніе произведетъ не единство, а распри и распаденіе. Поэтому, если германская нація хочетъ единства, то она должна хотѣть не однихъ только средствъ, но, вмѣстѣ съ средствами, и послѣдствій. Въ присутствіи интересовъ германскихъ, не можетъ быть рѣчи объ интересахъ баварскихъ, прусскихъ, саксонскихъ и другихъ, потому что вторые поглощаются первыми. Зависть между отдѣльными государствами, распри между сѣверомъ и югомъ, теперь уже немощны; оппозиція противъ центральной власти и франкфуртскаго національнаго собранія теперь была бы уже преступленіемъ противъ власти націи, измѣною отечеству, измѣною, которая должна быть немедленно наказана.

«Династическіе интересы въ отношеніяхъ къ центральной власти не могутъ быть принимаемы въ уваженіе, какъ скоро нація хочетъ союза и единства. Германскіе государи должны покориться этой волѣ точно такъ же, какъ и всѣ другіе Нѣмцы. Такъ если нація хочетъ, чтобы желаніе ея осуществилось, она должна заставить центральную власть и франкфуртское собраніе принять всѣ нужныя для того мѣры. Созываніе депутатовъ отдѣльныхъ государствъ было бы излишне и опасно, если только оно дѣлается не для того, чтобы облегчить переходъ отъ стараго времени къ новому.

«Если однако жъ теперь, какъ надобно на что-нибудь рѣшиться, нація не можетъ отказаться отъ своихъ сочувствій къ Пруссіи, къ Ганноверу, если она не можетъ пожертвовать ими германскому единству, если старинный духъ распри и отдѣльности еще слишкомъ шевелится, если зависть

между сѣверомъ и югомъ еще не угасла, о! тогда пусть нація возвратится къ положенію федеративному, предоставитъ отдѣльнымъ государствамъ образовать свое правленіе какъ они хотятъ, пусть она распуститъ общее учредительное собраніе, уволитъ правителя имперіи и его правительство.

«Такое федеративное состояніе не исключаетъ возможности образованія, если не Германіи свободной и соединенной, то, по крайней мѣрѣ, германскихъ государствъ, свободныхъ въ своемъ союзѣ и соединенныхъ противъ вѣшняго врага. Но созидать новую имперію и вмѣстѣ съ тѣмъ готовить неизбежную для центрального правительства войну съ отдѣльными государствами; производить несогласіе вмѣсто соединенія, слабость вмѣсто силы, основывать новую имперію, соединяя въ ней все недостатки прежней безъ ея выгоды, это былъ бы неслыханный результатъ революціи, предпринятой съ столькими пожертвованіями и опасностями. Нація должна смѣло предложить себѣ этотъ вопросъ и выбрать то или другое, если она не хочетъ сдѣлаться посмѣшищемъ Европы, провозглашая повсюду единство Германіи и осуществляя совершенно противоположное этому единству. Нація обязана знать, чего она хочетъ. Она одна можетъ рѣшить дѣло. Такъ какъ всякой въ Германіи имѣетъ право высказывать свое мнѣніе, то и нижеподписавшійся долгомъ считаетъ откровенно высказать что думаетъ.

«Я думаю, что Германія должна идти впередъ по пути, который она избрала для того, чтобы создать Германію сильную и соединенную, вмѣсто государства федеративнаго, раздѣленнаго и слабаго. Этого требуютъ честь и долгъ; это же предписываютъ благоразуміе и наши выгоды. Возвращеніе къ федеративному положенію было бы только временемъ переходнымъ, стремленіемъ къ новымъ катастрофамъ, къ новымъ революціямъ. Великія идеи, подобныя тѣмъ, которыя овладѣли Германцами, могутъ дремать нѣкоторое время; но потомъ, рано или поздно, воспрянуть съ новой силой и успѣхомъ.

«Опасность состоянія революціонернаго или даже безпре-

рывной войны въ Германіи слишкомъ велика для насъ, для Европы, для цивилизаціи. Надобно испытать все средства, чтобы устранить ее. Надобно, чтобы центральная власть поглотила верховную власть отдѣльныхъ государствъ, и немедленно приступила къ преобразованію Германіи; надобно, чтобы основывая могущество имперіи, она ослабила власть отдѣльныхъ государствъ.

«Необходимо въ особенности, чтобы центральная власть заступила мѣсто отдѣльныхъ государствъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранцами.

«Центральная власть будетъ оцѣнивать и представлять достоинство и интересы каждаго государства. Она должна усвоить себѣ все силы имперіи и располагать ими по своей волѣ; она должна отодвинуть таможенные границы до предѣловъ имперіи.

«Она не можетъ допустить, чтобы рядомъ съ нею правительства и собранія занимались въ одно и то же время вопросами, которые исключительно подлежатъ вѣдѣнію учредительнаго собранія. Въ случаѣ неповиновенія, центральная власть немедленно должна прибѣгнуть къ прещенію. Она должна имѣть право призывать къ себѣ на судъ непокорныхъ министровъ и генераловъ, распускать собранія и корпуса, которые осмѣлились бы ей не повиноваться. Только этими средствами центральная власть можетъ основать Германію единую и свободную.

«Только этими средствами можно возстановить порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоденствіе. Только этими средствами можно миролюбивымъ образомъ рѣшить социальныя вопросы. Только этими средствами Германія можетъ удержать свое положеніе въ отношеніи къ иностранцамъ, не возбуждая ихъ, какъ теперь, тщетными угрозами. Всякій другой путь поведетъ къ Германіи раздѣленной или къ прежнему федеративному состоянію.»

ГАННОВЕРЪ.

Король ганноверскій отдалъ 6 августа приказъ по арміи, касательно отношеній ея къ правителю государства. Въ этомъ приказъ сказано, что король далъ свое согласіе на избраніе правителя государства, и что ему, правителю, принадлежитъ главное начальство надъ германскими войсками, какое донынѣ принадлежало сейму Союза. Лишь только потребуетъ того оборона отечества, король прикажетъ своимъ войнамъ присоединиться къ прочимъ германскимъ войскамъ, подъ главнымъ начальствомъ правителя государства.

П Р У С С І Я.

Король прусскій издалъ приказъ по арміи, въ которомъ говорить, что для единства Германіи управленіе центральными дѣлами ввѣрено государственному правителю, что онъ призналъ это опредѣленіе не только потому, что эригерцогъ *Юаннъ* личный другъ его, но и потому, что онъ стяжалъ славное имя и въ мирѣ и на войнѣ, и чтобы войска прусскія, когда имъ повелѣно будетъ состоять подъ начальствомъ государственнаго правителя, поддержали славу прусской храбрости и дисциплины.

Король назначилъ государственнаго министра *Кампгаузена* своимъ уполномоченнымъ при центральномъ правительствѣ во Франкфуртѣ.

— Въ Нюренбергскомъ Курьерѣ напечатана нота, сообщенная прусскимъ правительствомъ всѣмъ дворамъ Германіи, чтобы условиться съ ними на счетъ выполненія декрета германскаго сейма отъ 28-го іюня, касательно назначенія полномочныхъ при временной центральной власти. Она предлагаетъ назначить семь полномочныхъ: 1) отъ Австріи, 2) отъ Пруссіи, 3) Баваріи, 4) Саксоніи съ ея герцогствами и княжествами Шварцбургъ и Рейсъ, 5) Виртемберга и Бадена съ княжествомъ Гогенцоллернъ, 6) Ганновера съ Ольденбургомъ, Мекленбургомъ, Брауншвейгомъ,

Гольштейномъ и Лауэнбургомъ, Шаумбургъ-Липпе и Ганзейскими городами, 7) отъ Гессенскихъ владѣній съ Гомбургомъ, Нассау и Франкфуртомъ. Эти семеро уполномоченныхъ должны составить совѣтъ для рѣшенія большинствомъ голосовъ всѣхъ дѣлъ, которыя встрѣтятся между державами и центральной властію. Австрія и Пруссія должны имѣть каждая по три голоса, подаваемые, если это будетъ нужно, тремя отдѣльными уполномоченными.

— Берлинское національное собраніе, въ засѣданіи своемъ 4-го августа, приняло, послѣ продолжительнаго пренія, значительнымъ большинствомъ голосовъ законъ объ уничтоженіи смертной казни.

А В С Т Р І Я.

Императоръ австрійскій 12 августа торжественно въѣхалъ въ Вѣну. Всѣ сословія столицы приняли его съ выраженіемъ искренней любви и преданности. 16 августа императоръ издалъ слѣдующую прокламацію: «Любезнымъ моимъ жителямъ Вѣны! Вчерашній день, въ который я возвратился къ вамъ и въ который вы доказали мнѣ вашу всегдашнюю неизмѣнную любовь, останется на всегда памятнымъ для меня и для членовъ императорскаго дома. Да будетъ онъ въ исторіи воспоминаніемъ торжественнаго союза между свободнымъ народомъ и конституціоннымъ его императоромъ, да царствуютъ впредь миръ, порядокъ и законность, и да способствуютъ они къ устройенію новаго нашего конституціоннаго государства для блага народовъ Австріи. При содѣйствіи представителей и ответственныхъ совѣтниковъ, я надѣюсь исполнить возложенную на меня Провидѣніемъ важную задачу новаго устройства отечества. Фердинандъ.»

Война Австріи съ Италіей.

Въ одной заграничной газетѣ пишутъ: «Когда всѣ власти кажутся теперь въ большомъ упадкѣ, современная исто-

рія представляеть любопытное зрѣлище въ лицѣ стараго фельдмаршала *Радецкаго*, который, не смотря на свои 83 года и на неблагоприятныя обстоятельства, окружающія его, какъ генерала и представителя правительства, не любимаго въ Италіи, однако же сражается храбро, выдерживаетъ мужественно натиски сильныхъ войскъ и искусныя атаки противниковъ, сперва отступаетъ въ совершенномъ порядкѣ, а потомъ нападаетъ съ совокупностью, и наконецъ одерживаетъ верхъ. Кажется, что видишь героя прежнихъ славныхъ временъ, брошеннаго въ столкновение между событіями прошедшаго и настоящаго, — и каковы бы ни были сужденія людей о правотѣ той или другой стороны, конечно во всей Европѣ нѣтъ никого, чье сердце не забилось бы при имени этого старца, возобновляющаго въ нынѣшнемъ разрушающемся обществѣ примѣры мужества, оставленныя намъ въ образецъ прошедшими рыцарскими временами.»

Дѣйствительно, дѣйствія Австрійцевъ въ сѣверной Италіи, подъ предводительствомъ графа *Радецкаго*, представляютъ рядъ славныхъ побѣдъ. 17 іюля, Пиемонтцы занимали еще укрѣпленную позицію при Риволіи и пмѣли сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки Адиджа, посредствомъ летучаго моста. Но Австрійцы, устроивъ батарею на одной изъ высочайшихъ и неприступныхъ скалъ Монте-Пастелло, успѣли разрушить непріятельскія укрѣпленія и летучій мостъ, и принудить Пиемонтцевъ къ отступленію. Вслѣдъ за тѣмъ 23 іюля, при Соммакампань, была одержана Австрійцами блистательная побѣда надъ войсками Карла-Альберта. «Наша армія, писалъ графъ *Радецкій*, одержала блистательную побѣду, выгнала непріятели изъ его ретраншаментовъ и обратила его въ бѣгство. Риволіи, Соммакампанья и Кастельнуово попали въ наши руки. Генералъ *Мантонъ*, его адъютантъ и многіе офицеры взяты въ плѣнъ; сверхъ того у непріятели отбиты шесть орудій, одно знамя, и большое количество боевыхъ припасовъ.»

25 іюля одержана новая побѣда надъ соединенною арміею Карла-Альберта при Кустоцѣ. Пиемонтцы были разби-

ты на-голову, послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося девять часовъ, при 28-ми градусномъ жарѣ.

Императоръ австрійскій, получивъ извѣстіе объ этихъ побѣдахъ, препроводилъ къ фельдмаршалу графу *Радецкому* слѣдующій рескриптъ: «Любезный графъ *Радецкій!* Блистательныя побѣды при Соммакампань и Кустоцѣ исполнили сердце мое удивленіемъ и радостію. Мнѣ кажется, я не могу представить храброй италійской арміи лучшаго доказательства Своей признательности, какъ украсивъ, достойнаго славы, полководца ея большимъ крестомъ Моего военнаго ордена Маріи-Терезіи, знаки котораго препровождаю при семъ съ полковникомъ графомъ *Кренивелемъ*. Пусть еще долго этотъ высшій знакъ отличія воина украшаетъ вашу мужественную грудь, а подвиги ваши служатъ примѣромъ австрійской арміи. Инспрукъ, 28 іюля 1848. (Подпис.) *Фердинандъ*.»

26 и 27 іюля, была одержана еще побѣда при Вольтѣ. То были послѣднія сраженія, данныя только непріятельскимъ арріергардомъ, который хотѣлъ при этомъ овладѣть высотами Вольты и прикрыть отступленіе главнаго корпуса пиемонтской арміи. Въ этомъ дѣлѣ, по выраженію фельдмаршала *Радецкаго*, фельдмаршалъ — лейтенантъ баронъ *фонъ-Аспре* и весь корпусъ его, а также кавалерійская дивизія князя Таксина, покрылись славою. Въ полдень непріятель уже ретировался къ Кремонѣ. 27 іюля, спустя нѣсколько часовъ послѣ сраженія, въ главную квартиру барона *фонъ-Аспре* явились два пиемонтскіе генерала и одинъ полковникъ, предлагая, отъ имени короля, перемиріе, причемъ, Оліо долженъ былъ служить демаркаціонною линіей. Однако жъ, предложенія непріятели были вовсе не таковы, чтобъ фельдмаршалъ рѣшился принять ихъ, и потому, отринувъ предложенное, графъ *Радецкій* предписалъ Пиемонтцамъ другія условія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, объявилъ, что если эти условія не будутъ приняты до 5 часовъ утра 28 іюля, то онъ снова предоставитъ рѣшеніе дѣла оружію, и будетъ преслѣдовать непріятели со всеми своими силами. Условія эти состояли въ слѣдующемъ: сдача

Венеціи, Пескьеры и Озонно и отступленіе Піемонтцевъ за Адду.

Король сардинскій не принялъ условій перемирія, и потому фельдмаршалъ *Радецкій* продолжалъ преслѣдовать его рѣку Оліо до Кремоны. Король *Альбертъ* долженъ былъ наконецъ очистить и Кремону и отступить за Адду, черезъ которую перешель и фельдмаршалъ *Радецкій*, и направился вслѣдъ за непріятелемъ къ Милану. 4 августа, близъ Сенъ-Донато, завязалось сраженіе съ піемонтскими войсками, стоявшими предъ Миланомъ, которыя были биты съ мѣста и преслѣдуемы до городскихъ стѣнъ. Въ тотъ же день было получено въ квартирѣ фельдмаршала извѣстіе, что Павія сдалась Австрійцамъ. 6 августа, въ два часа по полудни, австрійская армія вступила въ Миланъ. *Карль Альбертъ*, переправившись черезъ рѣку Тичино (Тессино), 7 августа прибылъ въ свою столицу.

Фельдмаршалъ графъ *Радецкій* прислалъ въ Вѣну, въ военное министерство, слѣдующее донесеніе, отъ 6 августа: «Миланъ нашъ; онъ поручилъ себя милосердію Его Величества императора, и сегодня въ 12 часовъ утра вступилъ въ этотъ городъ съ храбрыми моими войсками.

«Піемонтская армія вышла изъ Милана нынче ночью и въ слѣдствіе капитуляціи, заключенной еще вчера съ нею и съ городомъ, завтра вечеромъ должна быть на Тессино, слѣдовательно внѣ императорскихъ владѣній.

«Двѣ недѣли тому назадъ армія предприняла наступательное движеніе; въ продолженіе этого времени она одержала победы при Соммакампань, Кустоць, Вольтъ, Кремонѣ, Пиценлертенъ и два дня сряду передъ Миланомъ; поэтому армія и ея предводитель думаютъ, что верно исполнили свой долгъ относительно императора и любезнаго отечества: въ Ломбардіи нѣтъ уже ни одного непріятеля.»

Вышеупомянутая конвенція состоитъ въ слѣдующемъ:

«1) Городъ будетъ пощаженъ. 2) Фельдмаршалъ, сколько это зависитъ отъ него, будетъ обращать справедливое вниманіе на прошедшее. 3) Сардинская армія, какъ это уже условлено съ сардинскими генералами, должна высту-

пить изъ города двумя отдѣльными колоннами. 4) Желающіе могутъ безпрепятственно выѣхать изъ города, до 8 часовъ завтрашняго вечера, и отправиться въ Магенту. 5) Сегодня же, въ 8 часовъ утра, фельдмаршалъ займетъ римскія ворота, а въ полдень вступить съ арміею въ городъ; 6) Перевозка больныхъ и раненыхъ послѣдуетъ равнымъ образомъ во время обоихъ дней выступленія піемонтской арміи. 7) Всѣ эти условія должны быть приняты и Его Величествомъ сардинскимъ королемъ. 8) Фельдмаршалъ требуетъ немедленнаго освобожденія всѣхъ плѣнныхъ австрійскихъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ, находящихся въ Миланѣ. Сенъ-Донато, 5 августа 1848. П. *Басси*, миланскій подеста. Генераль-лейтенантъ графъ *Салиско*, начальникъ главнаго штаба.»

Въ частныхъ письмахъ изъ Милана находятся подробности занятія этого города Австрійцами. Отъ 7 авг. «Фельдмаршалъ *Радецкій* вступилъ вчера въ нашъ городъ съ 60,000 войска и многочисленною артиллеріею. Первая прокламація его состояла въ томъ, что онъ до времени соединяетъ въ рукахъ своихъ и военную и гражданскую власти. Миланъ объявленъ состоящимъ въ осадномъ положеніи. Военнымъ губернаторомъ назначенъ князь *Шварценбергъ*. Всѣ лавки закрыты, и все народонаселеніе находится въ величайшемъ уныніи. Всѣ молодые люди оставили городъ. Еще съ субботы (5-го) начали мы охватываться за участь города, и съ каждымъ часомъ возрастала неизвѣстность: въ состоянн ли будутъ Піемонтцы защитить насъ. *Карль Альбертъ* остановился, съ двумя своими сыновьями, во дворцѣ *Герни*. Узнавъ объ этомъ, народъ окружилъ дворецъ и разставилъ около него рядъ опрокинутыхъ повозокъ, чтобъ не допустить короля выѣхать изъ Милана. Всеобщее волненіе усиливалось каждую минуту. Вездѣ были слышны угрозы Піемонтцамъ. Многіе депутаты говорили королю рѣчи, въ которыхъ выражали свое глубокое отчаяніе. Король былъ въ самомъ горестномъ положеніи. Въместо него, герцогъ савойскій, сынъ его, отвѣчалъ народу: «Именемъ короля объявляю вамъ, что мы будемъ защищать Миланъ до послѣдней

капли крови, и если нужно, то погребемъсь подь его развалинами.» Въ вечеру герцогъ хотѣлъ пройтись по улицамъ, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ встрѣченъ двумя выстрѣлами; сверхъ того три пули попали въ комнату короля. Послѣ этого кавалерія очистила улицы, и около дворца собрался значительный отрядъ войска. Король вышелъ съ обонми сыновьями своими на площадь Бельджойозо, сѣлъ на лошадь посреди своихъ драгунъ, и въ полночь, со всею своею арміею, которая успѣла собраться, выступилъ изъ города. Въ воскресенье поутру весь городъ былъ въ величайшемъ смятеніи. Вышедши въ четыре часа на улицу, я увидѣлъ, что многіе жители съ женами и дѣтьми оставляютъ городъ съ самою малою частію своего имущества. Вся прежнія баррикады были разобраны, и городъ очищенъ для вступленія Австрійцевъ. Въ восемь часовъ явился первый авангардъ, а въ полдень вѣхалъ и самъ фельдмаршалъ. Вступленіе было торжественное, и тотъ же самый народъ, который недавно еще кричалъ: morte ai Tedeschi! (смерть Нѣмцамъ!) теперь возглашалъ фельдмаршалу: evviva! (да здравствуетъ!) Теперь уже 80,000 Австрійцевъ въ городъ, а вскорѣ ожидаютъ еще 20,000, подь командою генерала *фонъ-Вельдена*. Порядокъ и дисциплина, наблюдаемые войскомъ, примѣрны. Не случилось еще ни одного непріятнаго или насильственного происшествія. Ломбардскія войска, отступавшія къ рѣкѣ По, были еще вчера настигнуты. Генералъ *Фанни* былъ окруженъ на одной мызѣ, взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ лагерь. Австрійцы заняли также уже часть провинціи Комо. Въ Туринѣ, по полученіи извѣстія о сдачѣ Милана, произошли безпокойства. Народъ кричалъ: смерть предателямъ! Правительство издало строгія предписанія противу скопищъ.»

Отъ 8 августа: «Нашъ городъ сдѣлался пустынею. Австрійское войско стоитъ лагеремъ на дворцовой площади и на бастіонахъ. Главная квартира находится въ Виллѣ. Городскія ворота отперты. Вчера розданы были прокламаціи, въ которыхъ сообщаютъ, что національная гвардія распускается; что всякое оружіе должно быть сдано австрій-

скимъ начальствамъ въ 24 часа, подь опасеніемъ строгаго наказанія; цѣна на соль сбавлена; частныя имущества остаются неприкосновенными; скопища по улицамъ и неприличные политическія сужденія въ публичныхъ мѣстахъ воспрещаются, и штепельная пошлина будетъ значительно сбавлена.—На городъ наложено 30 милліоновъ лиръ военной контрибуціи. Австрійцы наблюдаютъ строжайшую дисциплину.»

Двѣ трети жителей Милана оставили городъ. Въ кантонѣ тессинскомъ собралось до 30,000 этихъ выходцевъ. Въ Лугано ихъ было такъ много, что нѣкоторые спали подь открытымъ небомъ. Большая часть изъ нихъ не имѣли ни какихъ средствъ къ пропитанію и только снабжены были необходимою одеждою.

Фельдмаршалъ *Радецкий* донесъ 9 августа, что онъ заключилъ съ королемъ сардинскимъ перемиріе на шесть недѣль, на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: демаркаціонною линіею между арміями будетъ граница государства (рѣка Тичино или Тессинъ); крѣпости Пескьера, Рокка д'Ансо и Озоппо должны быть сданы австрійскимъ войскамъ; города Модена, Парма и Пиаченца должны быть очищены піемонтскими войсками въ теченіе трехъ дней; настоящая конвенція распространяется также на Венецію и ея владѣнія, которыя должны быть очищены сардинскими сухопутными и морскими силами.

Въ Газ. Times напечатана слѣдующая статья объ италійскихъ дѣлахъ.

«Капитуляція Милана, естественное послѣдствіе успѣховъ, ознаменовавшихъ шестіе австрійской арміи со времени переправы чрезъ Минчіо, есть событіе величайшей важности въ этомъ году, столь обильномъ событіями. Оно оканчивается ломбардское возстаніе, которымъ началась италіанская война и теперь очевидно, что политическое положеніе этой провинціи можетъ измѣниться только въ слѣдствіе переговоровъ, или правильной войны; оно разрушило честолюбивые замыслы савойскаго дома и принудило короля Карла Альберта возвратиться въ предѣлы сво-

его государства; оно показало, какъ мало можно надѣяться на союзъ италіянскихъ государствъ, даже въ обстоятельствахъ, самыхъ благопріятныхъ для осуществленія этого народнаго желанія; оно доказало еще разъ, какъ безразсудны надежды и тщетны обѣщанія революціонныхъ правительствъ, и что, не смотря на сотрясеніе, послѣдовавшее въ Европѣ, тѣ же непоколебимыя начала, которыя люди слишкомъ поспѣшно отвергли, и понынѣ управляютъ международными сношеніями; оно показало наконецъ, что австрійская имперія, хотя и ослабленная, можетъ еще выставить одну изъ первыхъ армій, подъ предводительствомъ одного изъ искуснѣйшихъ военачальниковъ въ Европѣ, которые совершенно въ состояніи покорить не только сѣверъ Италіи и весь полуостровъ, но и помѣряться съ равной надеждою на успѣхъ, съ противниками, несравненно болѣе страшными.

«При событіяхъ, внушающихъ намъ эти размышленія первое мѣсто, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ фельдмаршалъ *Радецкий*, который, обремененный 80 годами, не переставалъ выказывать во все теченіе этой войны, опытное благоразуміе зрѣлаго возраста и пылкую дѣятельность юности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только взглянуть на блестящіе воинскіе подвиги, ознаменовавшіе окончаніе этой войны, каковы напримѣръ взятіе укрѣпленныхъ высотъ при Кустоцѣ, и энергическое преслѣдованіе непріятели до самыхъ воротъ Милана; или на мужественную неустрашимость, геройскую твердость, выказанныя старымъ воиномъ, когда онъ при началѣ кампаніи держался на берегахъ Ализа и Минчио и оставался непоколебимымъ посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Ему суждено было возстановить свое отечество въ общемъ мѣнѣи и приобрѣсти славу тѣхъ, которые, въ опасныя минуты, спасали государство. Прибавимъ, что вступленіе фельдмаршала въ Миланъ не сопровождалось никакой, даже самой справедливой строгостію, и что австрійскія войска постоянно наблюдали строжайшую дисциплину.

«Не трудно было бы возвысить славу этихъ подвиговъ,

противопоставивъ имъ обманувшуюся самонадѣяность, не удавшіеся планы и бесплодныя усилія, которыхъ примѣры представляютъ намъ сардинскіе прищцы; но не станемъ отягчать судьбу ихъ; отдадимъ полную справедливость ихъ мужеству на полѣ битвы и скажемъ, что не они виновны въ ихъ пораженіи и вступленіи Австрійцевъ въ Ломбардію. Король и его министры думали, что единственное средство предупредить революцію въ Сардиніи, состояло въ томъ, чтобы отвѣчать на крикъ войны противъ Австрійцевъ, раздававшійся по всей Италіи; теперь они наказаны за это нарушеніе началъ, а на Италіи лежитъ стыдъ за то, что она не поддержала національнаго дѣла. Карлъ Альбертъ, оскорбляемый въ Миланѣ тою самою чернью, непостоянною и неблагодарною, которая побудила его приняться за оружіе, представляетъ достопамятный примѣръ награды, ожидающей тѣхъ, кто покоряется революціонерной политикѣ.»

Послѣ взятія Милана, быстро послѣдовало очищеніе другихъ городовъ и крѣпостей Пьемонтцами.

Фельдмаршалъ-лейтенантъ *Гюлай* сообщаетъ о взятіи Болоньи: «Для прикрытія движеній генералъ-маіора князя *Лихтенштейна*, который долженъ былъ съ 6,000 войска двинуться къ Моденѣ, фельдмаршалъ-лейтенантъ *Вельденъ* переправился, 3 числа, черезъ По у Понте-Лагоскуро, и занялъ въ тотъ же день городъ Феррару, откуда непріятель отступилъ частію къ Равеннѣ, а частію къ Болоньѣ. Оставивъ въ городѣ Феррарѣ четыре роты напскихъ гренадеръ, для соблюденія тишины и порядка, баронъ *Вельденъ* перенесъ свою главную квартиру 4 числа въ Бондино, а 5 въ Ченто. Наши передовые посты стояли 5 числа ввечеру къ сѣверовостоку и западу отъ Болоньи, на одинъ часъ отъ нея разстояніемъ. Ворота были заперты. Все было въ величайшемъ смятеніи; лошади были вездѣ забраны заранѣе, чтобъ герои могли скорѣе спастись бѣгствомъ. По полученіи извѣстія о приближеніи нашихъ колоннъ, ворота Болоньи завалили и поставили четыре орудія у воротъ Порто-Галліера. Ввечеру 6 числа наши колонны стояли уже на разстояніи пу-

шечнаго выстрѣла отъ города. Модена была уже очищена отъ непріятелей, о чемъ тамошнее временное правленіе намъ сообщало. Ночью съ 6 на 7 поставили мы баттарю гаубиць на высотахъ Санъ-Микеле, другую со стороны Санъ-Феличе, а третью передъ воротами порта Галлиера. По принятіи сихъ мѣръ, явилась изъ города депутація, и представила барону *Вельдену* удостовѣреніе въ своей покорности и въ совершенномъ очищеніи города отъ скопищъ непріятельскихъ волонтеровъ. Послѣ этого баронъ *Вельденъ* вступилъ въ городъ и занялъ его, какъ военную позицію.»

Но вскорѣ послѣ того, въ Болоньѣ вспыхнуло возстаніе, когда генералъ *Вельденъ*, выступивъ того же 7 числа, изъ города предписалъ барону *Пергласу* выпустить 8 числа. Присутствуя къ исполненію этого предписанія, баронъ *Пергласъ* былъ атакованъ вооруженными толпами въ противность конвенціи, заключенной наканунѣ съ мѣстнымъ начальствомъ; многіе офицеры и солдаты были измѣнически умерщвлены. Баронъ *фонъ-Пергласъ* принужденъ былъ силою отражать атаки противъ своего арріергарда и отступилъ въ порядкѣ послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, при которой онъ принужденъ былъ употребить артиллерію. Въ тотъ же день онъ достигъ Понте ди Рено, 9 числа Кортичетто и Сенъ-Джорджіо, и 10 Ченто.

— Брешиа слалась безусловно фельдмаршалъ-лейтенанту барону *фонъ-Аспру*, не смотря на сопротивленіе 3,000 миланскихъ и павійскихъ студентовъ, которые, по вступленіи Австрійцевъ въ городъ, были обезоружены. 14 числа фельдмаршалъ-лейтенантъ князь *Шварценбергъ* занялъ Бергаму. Піемонтцы, которые, по конвенціи, должны были очистить этотъ городъ, побросали свое оружіе. — Піемонтскій комендантъ Пицигетона взорвалъ эту крѣпость. При этомъ погибло около 400 человекъ; въ томъ числѣ были нѣмецкіе плѣнные, женщины и дѣти. — Комендантъ крѣпости Озонпо отказался повиноваться королю Карлу Альберту и ожидаетъ приказаній изъ Венеціи. Крѣпость Пескьера опять занята Австрійцами. Въ слѣдствіе конвенціи, заключенной 9-го августа фельдмаршаломъ Радецкимъ съ піемонтскимъ

королемъ, гарнизонъ сардинскихъ войскъ вышелъ изъ города. Чтобы принудить Пескьеру къ сдачѣ, Австрійцы построили на обоихъ берегахъ Минчіо четыре баттарей, вооруженныя 52-мя осадными орудіями, въ числѣ которыхъ было восемь 60-ти фунтовыхъ мортиръ. Въ полдень 9-го августа баттарей были готовы, и огонь могъ уже начаться, потому что Австрійцы на требованіе сдачи получили отказъ. Въ семь часовъ онъ дѣйствительно былъ открытъ, и по прошествіи полутора часа, крѣпость была осыпана ядрами, гранагатами и бомбами, такъ что уже была почти совершенно во власти Австрійцевъ. 10-го числа съ разсвѣтомъ возобновленъ былъ огонь еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; наконецъ прибыло извѣстіе о заключеніи перемирія и остановило всѣ непріязненные дѣйствія.

— Фельдмаршалъ-лейтенантъ *Вельденъ* отправилъ въ Венецію парламентаря съ предложеніемъ находящемуся тамъ піемонтскому комиссару сдать городъ на основаніи перемирія, заключеннаго между Австріею и Піемонтомъ; но тамошніе правители-самозванцы на это не согласились; они вновь провозгласили республику и приняли оборонительныя мѣры.

ВЕНГРІЯ.

Въ Венгріи дѣла идутъ такъ, что надобно ожидать величайшихъ катастрофъ и совершеннаго разоренія страны, если скорый миръ не положитъ конца междоусобной войнѣ. Результаты, полученные доселѣ венгерскимъ правительствомъ, извѣстны: богатства уничтожены; венгерское дворянство, если бѣ оно захотѣло платить долги свои, принуждено было бы объявить себя банкротомъ; жатвы гниютъ на поляхъ, потому что нѣтъ рукъ для ихъ уборки, нѣтъ денегъ для уплаты этимъ рукамъ. Междоусобная война свирѣпствуетъ, 30 июля Венгерцы повѣсили маіора *Койтсъ* и *Спраншироковича*, взятыхъ въ плѣнъ при вершецѣ и такимъ образомъ вступили на страшный путь возмездій. Австрійскій сеймъ теряетъ время въ пустыхъ пе-

реговорахъ и нисколько не занимается дѣлами Венгріи. Банъ *Иеллаичъ*, въ прокламаціи, изданной 6 августа, отдаетъ отчетъ въ позды своей въ Вѣну, и въ бесполезныхъ усиліяхъ, дѣланныхъ имъ, равно какъ эрцгерцогомъ палатиномъ и эрцгерцогомъ Іоанномъ для миролюбнаго рѣшенія дѣлъ Венгріи и Кроаціи. Въ заключеніе своей прокламаціи, Банъ *Иеллаичъ* говоритъ: «Въ такихъ обстоятельствахъ намъ остается только ожидать рѣшенія пестскаго сейма на счетъ послѣднихъ нашихъ мирныхъ предложеній, которыя министры, конечно, сообщать ему; потому намъ не остается больше ничего дѣлать, какъ, положившись на нашу силу, на наше единодушіе, защищать свое дѣло, которое, конечно, не будетъ лишено ни участія народовъ Австріи и Европы, ни одобренія Е. В. императора и короля, ни помощи Всевышняго.»

Изъ Аграма отъ 12-го числа пишутъ, что тамъ ожидаютъ важныхъ происшествій. Вся регулярные полки Кроатовъ, въ числѣ 18,000 человекъ, спѣшатъ къ границѣ. Банъ дѣлалъ смотръ пограничнымъ войскамъ, стоявшимъ въ Оттокарь и возвратившимся изъ Пескіеры. «Храбрые воины!» сказалъ онъ имъ: «большая часть Венгріи ожидаетъ насъ какъ избавителей. Черезъ четыре недѣли вы будете опять соединены съ своими семействами. Плодомъ усилій вашихъ будетъ образованіе законной монархіи, сильной противу всѣхъ своихъ враговъ.» Вся силы Бана простираются отъ 80-ти до 90,000 человекъ.

Съ своей стороны, президентъ венгерскаго министерства, графъ *Батиани*, въ циркулярѣ къ начальствамъ странъ, лежащихъ по Дравѣ и Дунаю, напоминаетъ, что кроатскій Банъ, *Иеллаичъ*, въ присутствіи эрцгерцога Іоанна, обещалъ отвести свои войска отъ границъ, если венгерское правительство со своей стороны сдѣлаетъ то же; но не исполнилъ своего обещанія и напротивъ сосредоточилъ значительныя силы на границѣ, въ особенности въ окрестностяхъ Варасдина; почему министръ предписываетъ сформировать и вооружить сколько можно болѣе отрядовъ во-

лонтеровъ и подвижной національной гвардіи, чтобы быть въ состояніи отражать нападенія Кроатовъ.

ЦЕРКОВНАЯ ОБЛАСТЬ.

Въ Римѣ, 19 іюля, царствовало величайшее волненіе; клубы и другія политическія общества не расходились; народъ разсуждалъ на улицахъ и площадяхъ. На другой день, именно 20 числа, народъ подъ вліяніемъ клубовъ и части гражданской гвардіи, огромною массою отправился къ дворцу, гдѣ собираются депутаты, занялъ весь дворъ и всѣ соседнія площади и отправилъ въ палату депутатовъ прошеніе о войнѣ по случаю занятія Австрійцами Феррары. Прошеніе при открытіи засѣданія и было прочтено президентомъ; но какъ палата отложила докладъ и рѣшеніе этого дѣла до слѣдующаго дня, то народъ ворвался въ залу, съ криками: *Да здравствуетъ министерство! Оружія! Оружія!* Засѣданіе было прервано и президентъ съ трудомъ могъ внушить вполне уваженіе къ законодательному сословію. 21 числа папа принималъ депутацію палатъ. Отвѣтъ Е. С. еще неизвѣстенъ. Между тѣмъ въ городѣ происходило сильное волненіе.

Въ Парижской газетѣ l'Union пишутъ изъ Рима отъ 8-го августа: «Положеніе Рима день отъ дня становится печальнѣе и опаснѣе. Со времени возвращенія пяти сотъ человекъ 1-го римскаго легіона, который подвергся постыдной капитуляціи въ Виченцѣ, и которому однако же, вопреки всѣмъ понятіямъ о справедливости, сдѣлали здѣсь торжественную встрѣчу, мы находимся подъ владычествомъ солдатъ, и еще какихъ солдатъ! Они теперь столь же горды и дерзки, какъ были малодушны передъ непріятелемъ. Со времени ихъ возвращенія, умерщвлены двѣ духовныя особы, нѣсколько человекъ подверглись побоямъ, и епископъ-миссіонеръ, который внушилъ бы уваженіе дикарямъ, былъ публично оскорбленъ на улицѣ Корсо.—Въ огорченіи всѣмъ, что вижу, я выражаюсь, можетъ-быть, жестоко, но увѣренъ, что

пятьдесят французских солдат легко сдаться не только съ этими пятьюстами героями, какъ ихъ называютъ, но и со всею городекою гвардіею. Къ сожалѣнію, у папы нѣтъ истинно-преданныхъ людей.—Нѣсколько недель тому назадъ, я находилъ, что въ газетъ l'Univers слишкомъ преувеличенно говорятъ о стѣсненномъ состояніи папы, хотя впрочемъ извѣстія ея и вѣрны, но теперь вижу, что это сушная правда. Первые пораженія *Карла Альберта* представлены были здѣсь въ видѣ побѣдъ. Въ полночь герои овладѣли всеми колокольнями, выломавъ двери, и начали звонить, сопровождая звонъ ружейными выстрѣлами и фейерверочными шутихами. Когда же узнали о пораженіи Пиемонтцевъ, вынудили у палаты адресъ, требующій согласія папы на войну. Палата повиновалась; но, въ ожиданіи отвѣта папы, и вѣроятно, чтобъ испугать его, шайка мятежниковъ расположилась на площади Монте-Кавалло. Когда депутаты вышли отъ папы и объявили отвѣтъ его, непріятный возмутителямъ, они стали кричать: долой кардиналовъ! и даже, долой папу!—Скоро услышимъ мы и другіе крики.—Щежели Франція вступится за этихъ негодяевъ? Они требуютъ войны, и подъ этимъ предлогомъ производятъ всякаго рода безпорядки. Но вотъ уже два мѣсяца, какъ списки волонтеровъ выставлены въ Капитоліи и вписалось только десять человѣкъ.»

Испанія.

Въ одномъ французскомъ журналѣ обнародовано слѣдующее письмо: «Главная квартира *Кабреры* находится въ Бомбренѣ, гдѣ онъ соединилъ войска генерала *Форкаделла* и бригадира *Костелла*. Онъ издалъ къ войскамъ королевы прокламацію, которой спокойныя и умеренныя выраженія противъ рѣчатъ прежней зѣвской славы этого храбраго партизана. Онъ обходится съ пльными очень великодушно, навѣщаетъ ихъ и старается утѣшить слѣдующими словами, за достоверность которыхъ ручаюсь: «Если бь даже *Ногерасъ*,

убійца моей матери, впалъ въ мои руки, я бы и тому предложилъ мѣсто за моимъ столомъ.» Каталонскіе Монтемолиннсты видимо успѣваютъ, наваррскіе очень малочисленны, и занимаются только устройствомъ своихъ отрядовъ. Они теперь формируютъ четыре баталіона. Генераль *Эліо* занимаетъ Сирауки съ колонною въ 1,500 человѣкъ, очень хорошо вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Вы можете почитать неизбѣжнымъ скорое возстаніе всей Наварры. Все прежніе предводители Карлистовъ извѣстили предводителей, что они явятся. И такъ междоусобная война началась. Когда и какъ она кончится?»

Турція.

По извѣстіямъ изъ Бухареста отъ 5 числа, императорскій комиссаръ, сумей-манъ-паша, послалъ изъ Журжево, гдѣ онъ находится съ 12,000 чел., къ временному правительству въ Бухарестъ ультиматумъ. Въ немъ онъ требуетъ возстановленія положенія вещей 1831 года, уничтоженія временнаго правительства и возстановленія князя *Бибеско*, угрожая въ случаѣ отказа явиться съ войсками въ Бухарестъ. Онъ назначилъ сроку 24 часа. Ультиматумъ не исключаетъ совѣщательныхъ преобразованій, но строго держится договора 1831 года. Конечно, въ Бухарестъ и не думаютъ о сопротивленіи. Городъ спокоенъ.

Египетъ.

Ибрагимъ Паша, по случаю ослабленія умственныхъ способностей отца своего, утвержденъ портою въ званіи наследственнаго правителя Египта. По случаю открывшейся въ Каирѣ холеры, *Ибрагимъ Паша* приказалъ учредить карантинныя и больницы, прекратить все утомительныя работы, строго наблюдать за торгомъ съѣстными припасами и запретить ввозъ въ городъ фруктовъ и зелени.

МАРОКСКАЯ ИМПЕРІЯ.

По письмамъ съ марокской границы императоръ находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи и въ открытой враждѣ съ Испаніею. Въ первомъ случаѣ дѣло касается спора между мазагранскимъ пашею и британскимъ генеральнымъ консуломъ; что же касается до Испаніи, то императоръ требуетъ отъ нея возвращенія Зафаринскихъ острововъ.

— 27-го іюля, испанская крѣпость Мелилья, на африканскомъ берегу, была сильно стѣснена Марокцами. По словамъ газеты Herald, самъ императоръ, со 120,000 человекъ пѣхоты и 18,000 конницы находился въ разстояніи двухъ-дневныхъ переходовъ отъ этого мѣста.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И МЕКСИКА.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ обнародовалъ ратификацію мирнаго договора съ Мексикою. Въ то же время сообщилъ онъ конгрессу объ ассигнованіи 20-ти милліоновъ долларовъ, слѣдующихъ по сему трактату Мексикѣ за военные убытки, о назначеніи комиссаровъ для опредѣленія границъ и торговыхъ сношеній съ Мексикою. При этомъ онъ объявилъ, что дальнѣйшее усиленіе войскъ уже не нужно.

— Извѣстія изъ Мексики доходятъ до 27-го іюля. Тамъ произошло сраженіе между *Бустаменте*, предводителемъ войскъ правительства, и *Парадесомъ*, командующимъ инсургентами. Войска правительства одержали побѣду и покорили Гуанилуано. *Ярауте*, одинъ изъ начальниковъ инсургентовъ, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ.

Русская Словесность.

ПОРА ЛЮБВИ.

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА.)

Въ дни юности, когда воля жизни мы не знаемъ,
И счастье новое намъ каждый мигъ сулитъ,
Когда мы свѣтлый міръ блаженства созидаемъ
И все зарей души неопытной блестятъ —
О, вѣрьте, не тогда, безпечно утвая
Въ восторгахъ дѣвственныхъ, способнѣй мы любить:
Веселья и надеждъ эпоха золотая!
Любовь глубокая съ тобою не можетъ жить.

Когда жь умчится въ даль срокъ жизни беззаботной,
Какъ листъ, поавшійся въ бунтующій потокъ,
И въ чашу, гдѣ игралъ напитокъ искромѣтной,
Другаго, горькаго, прибавитъ грезивый рокъ;

Тогда лишь любимъ мы, глубоко, неизмѣнно,
И нѣжныхъ силъ душа прискорбная полна:
Любовь средь радостей, какъ и онѣ, мгновенна!
Питаюсь грустию, она, какъ грусть, вѣрна.

Подъ блескомъ солнечнымъ цвѣты хотя блистають,
Но въ зноѣ лишены всей свѣжести своей,
Лишь тамъ, гдѣ тучи сводъ туманный облекають,
Благоуханіе отраднѣй и сильнѣй!
Когда мы съ жадностью стремимся веселиться,
Любви приюта нѣтъ средь смѣха на пирахъ.
Въ лучахъ веселія ей можно лишь родиться,
Но вся ея душа, всѣ сладости — въ слезахъ.

А. Бородинъ.

ПѢСНЯ ГОРЕМЫКИ.

Съ каждымъ днемъ грустиѣе
Становлюся я,
Каждый часъ сильнѣе
Мучить скорбь меня.

Прежнее постыло,
Новость не влечетъ;
Ничего не мило —
Знаю: все пройдетъ!

Грустно одиноко —
Горе размышлять,
До ночи глубокой
Всё сна не знать.

Грустно—безпрестанно
Думать объ одномъ,
Что, увы, такъ рано
Кажется намъ сномъ!

Плакать-ли захочешь —
Нѣтъ слезы въ глазахъ;
Знай себѣ хочешь
Такъ, что сердцу страхъ.

Хочешь ли молиться —
Не находишь словъ;
Хоть живьемъ ложиться
Между мертвецовъ.

Больно, очень больно
Въ молодость терпѣть,
И душой невольно
О быломъ скорбѣть.

Больно безъ надежды
Счастье призывать,
И, закрывши вѣжды,
Рано смерть желать.

Но мольбы напрасны:
Жизнь себѣ течетъ.
Звать, и смерть къ несчастнымъ
На ихъ зовъ неидетъ!

В. Сушковъ.

ГОРДОСТЬ РУССКАГО *.

Великъ Господень міръ! Народовъ разныхъ много
Живеть повсюду въ немъ; но между царствъ земныхъ,
Святая родина, ты, милостию Бога,
Какъ брилліантъ, горшишь межъ камней дорогихъ.

Чась отъ часу сильнѣй ты Вѣрой Православной,
Любовію къ Царю — и счастливъ нашъ народъ!
Чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣй летитъ орелъ державный,
Стрема подь небеса свой царственный полетъ.

Горжусь, что Богъ судилъ мнѣ Русскимъ въ свѣтъ родиться;
Что въ жилахъ у меня Славяновъ кровь течетъ;
Что сынъ я той страны, которой врагъ страшится,
Которую Господь съ любовью бережетъ.

А. Соколовъ.

* Надѣмся, что доставимъ читателямъ удовольствіе, помѣщая въ нашемъ журналѣ это стихотвореніе, написанное солдатомъ Алексѣемъ Соколовымъ, и считаемъ обязанностью обратить вниманіе всехъ образованныхъ людей на такое замѣчательное дарованіе. Впоследствии помѣстимъ въ нашемъ журналѣ еще нѣсколько стихотвореній того же автора, которыя еще болѣе убѣдятъ читателей въ его талантѣ. — *Ред.*

ХАНДРА.

ПЕЧАЛЬНАЯ ЭЛЕГІЯ НА ГОЛОСЪ РУССКОЙ, ЗАУНЫВНОЙ ПѢСНИ:

*Окъ болитъ, да щемитъ
Ретивое сердце!*

У меня была вчера
Пренесносная хандра!

Думалъ выиграть въ лото,
Оказалось же не то.

Квартъ премножество имѣлъ!
Вдругъ: «довольно!» грибъ и съѣлъ!

Я засѣлъ за преферансъ,
Но и тутъ все скверный шансъ!

Пять ремизовъ, да въ червахъ!
Проигрался такъ, что страхъ!

Восемь! какъ-то я сказалъ,
Да и тутъ въ просакъ попалъ.

Кошелекъ и портъ-моно
Пусты и противны мнѣ!

Съ горя я зашелъ въ буфетъ
Выпить рюмку, — денегъ нѣтъ!

Закусилъ бы хоть въ кредитъ,
Да буфетчикъ-то сердитъ.

Я пѣшкомъ пошелъ домой.
Дождь такой, что Боже мой!

Стихотворенія.

Пусть карманъ, съ небесъ вода,
Ну со всѣхъ сторонъ бѣда!

Не жаглы своихъ я ногъ,
И, какъ губка, я промокъ!

Та же все опять хандра,
И сильнѣе, чѣмъ вчера.

Илья Сеудакинъ.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

...Пишите романы всякіе—историческіе, сатирическіе, правоописательные, а главное, разумѣется, хорошіе. Бросьте свои *личные, задушевные* порывы къ высокому, мути, восторга, свои поэтическія утопіи и философическія грезы о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, которая движется около васъ и которой вы не знаете, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ или мутномъ теченіи, прислушайтесь къ глухому стону окружающахъ васъ страданій, наблюдайте извилистые пути страстей, располагающихъ событиями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непреувеличенныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія, — однимъ словомъ, повторюсъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библи. для Читенія, июль—1846).

ГЛАВА I.

КЛЯТВА МУЖА.

Въ нижнемъ этажѣ дома, бель-этажъ котораго занималъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ, была небольшая квартира; ходъ въ нее съ парадныхъ сѣней.

Она состояла изъ трехъ комнатъ. Въ передней были двѣ двери: одна вела въ довольно обширную, но нѣсколько темную залу, стѣны которой были совершенно закрыты шкафами, наполненными сверху до низу книгами, что придава-

ло этой комнаты еще болѣе мрачный видъ. На шкапахъ стояли глобусы и нѣсколько бюстовъ. Круглый столъ находился посреди этой библіотеки, окна которой выходили на дворъ. Другая дверь изъ передней вела въ красивую, со вкусомъ убранную комнату, которую съ перваго взгляда можно было бы принять за будуаръ, если бъ въ воздухѣ и во всѣхъ предметахъ, наполнявшихъ ее, не запечатлѣлся тонкій сигарный запахъ. Вдоль стѣнъ, оклеенныхъ лоснящимися обоями сѣро-перловаго цвѣта, съ матовыми узорами того же цвѣта, и какъ бы усыпанными мелкими цвѣтками, вдоль стѣнъ тянулся турецкій диванъ, на которомъ лежало нѣсколько подушекъ разныхъ формъ. Противъ оконъ, диванъ примыкалъ съ обѣихъ сторонъ къ камину, сквозь прозрачный экранъ котораго просвѣчивался синеватый огонь горѣвшаго каменнаго угля. По сторонамъ каминна стояло нѣсколько креселъ, придуманныхъ для всевозможныхъ положеній праздной лѣни. Мраморная доска каминна была заставлена изящными бездѣлушками, вазочками, статуэтками. На длинныхъ шелковыхъ шнурахъ, доходившихъ до карниза, висѣли двѣ картины въ золотыхъ рамахъ: *волна* Айвазовскаго и копія съ *почтуля* Момлера. На зеленомъ сукнѣ, покрывавшемъ паркетъ, лежалъ дорогой персидскій коверъ. Второе отъ прихожей окно было отгорожено золоченою рѣшеткой, обвитой густымъ плюшемъ; за рѣшеткой стоялъ письменный столъ, тоже уставленный дорогими бездѣлушками; нѣсколько неразрѣзанныхъ французскихъ романовъ и два-три русскихъ журнала лежали на столѣ.

Стало быть, это былъ кабинетъ хозяина.

Изъ кабинета былъ ходъ въ спальню, убранную съ притомливого роскошью, а оттуда, за перегородкой, доходившей до потолка, находилась, какъ бы для контраста, дверь въ темную, мрачную кухню, единственное окно которой выходило на лѣстницу—*черную*, для квартиръ *на лицо*; *чистую* для квартиръ *во дворъ*. Впрочемъ для настоящаго жильца кухня была, по-видимому, не нужна; кромѣ нѣсколькихъ подсвѣчниковъ, ваксы, да щетокъ, на полкахъ ея ничего не было; а на сѣромъ, холодномъ очагѣ стоялъ

рядъ сапоговъ, да нѣсколько паръ галошъ. Тончая постель, вѣшалка, половья щетки, да трубка, залпленная сургучемъ, вмѣсто мундштука, составляли всю меблировку кухни, превращенной въ лакейскую.

На другой день послѣ тайной, семейной ссоры Александра Матвѣевича съ женою, въ седьмомъ часу утра, въ кабинетъ нижняго этажа видѣлся уже свѣтъ.

Молодой человѣкъ, въ кашмировомъ хаматѣ на мягкомъ заячьемъ мѣху, прохаживаясь взадъ и впередъ по кабинету, бросая безпокойные взгляды на бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ.

Растрепанный лакей, съ заспанными глазами, въ поношенной курткѣ и передникѣ, не привыкшій, по-видимому, къ такому раннему вставанью своего господина, сидѣлъ на корточкахъ и угрюмо подбиралъ соръ, подметенный къ двери прихожей.

Молодой человѣкъ подошелъ къ окну, отогнулъ штору и поднялъ глаза къ третьему этажу противоположнаго дома.

Тамъ не видно было ни малѣйшаго свѣта.

Нѣсколько секундъ глядѣлъ молодой человѣкъ на верхъ, потомъ опустилъ глаза и машинально остановилъ задумчивый взоръ на улицѣ.

Погода была пасмурная, но тихая. Темно-сѣрое небо прояснялось; начинало свѣтать. Магазины были еще закрыты; только въ мелочной лавочкѣ да булочной проявлялась утренняя дѣятельность. Тишину прерывали иногда стукъ саней, проѣзжавшихъ по ухабистой дорогѣ, да раздражительный шумъ лопаты дворника, сгребавшаго съ троттуара приотпанный снѣгъ.

Нѣсколько минутъ простоялъ молодой человѣкъ у окна, опустивъ глаза; прекратившаяся внезапно работа дворника и глухо доходившіе до него звуки повелительнаго голоса заставили молодого человѣка поднять глаза и обратить вниманіе на происходившее на улицѣ.

Подъ самымъ окномъ стоялъ дворникъ, а передъ нимъ городовой. У послѣдняго была въ рукѣ сложенная бумаж-

ка, которую онъ, отдавъ дворнику, сказалъ ему нѣсколько словъ.

Сердце молодого человека дрогнуло; тягостное чувство сдавило грудь его; нахмуривъ брови, онъ судорожно опустил шторы и отошелъ отъ окна. Пройдя еще раза два по комнатѣ, онъ небрежно пожалъ плечами; морщинки между бровями его изгладилась, лицо прояснилось.

Сѣрый, утренній свѣтъ сталъ сквозить черезъ шторы.

— Свѣтаетъ! нетерпѣливо произнесъ молодой человекъ вполголоса. Сказалъ ли ты, чтобы мнѣ принесли кофе? прибавилъ онъ вслухъ, обратившись къ лакею, вернувшемуся въ комнату.

— Не готовъ еще, Николай Александровичъ.

— Ты былъ наверху?

— Сейчасъ отсюда.

— Что тамъ?

— Спать еще. Александръ Матвѣичъ приказалъ разбудить себя въ восемь часовъ.

Молодой человекъ невольно взглянулъ на часы. Было четверть восьмого. Судорожно перекидывая, изъ руки въ руку кисти шелкового шнура, опоясывавшаго плафокъ, сталъ молодой человекъ снова прохаживаться взадъ и впередъ.

Николай Александровичъ, — такъ звали хозяина квартиры, — былъ единственный сынъ Александра Матвѣевича Тучинова, отъ перваго брака.

На десятомъ году своего возраста Николай лишился матери. Эта незамѣнимая потеря имѣла сильное вліяніе на будущность его. До восьми лѣтъ онъ воспитывался дома, то есть, былъ совершенно предоставленъ заботливости гувернантки, дочери бѣднаго дворянина, воспитанной въ одномъ изъ казенныхъ заведеній для дѣвицъ. Гувернантка была добрая, кроткая и умная дѣвушка, но не могла замѣнить Николаю матери, тратившей жизнь свою въ свѣтскихъ развлеченіяхъ.

Отецъ Николая былъ обязанъ всѣмъ своимъ состояніемъ женѣ, вышедшей за него *по любви*, если и не противъ во-

ли своихъ родителей, то, по-крайней-мѣрѣ, не по ихъ выбору. Она была наследница огромнаго состоянія, а у Александра Матвѣевича кромѣ жалованья ничего не было; но, отказавъ ему въ богатствѣ, судьба щедро надѣлила его нѣкоторыми качествами, съ помощію которыхъ легко пріобрѣтается состояніе. Александръ Матвѣевичъ былъ красавецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; природа надѣлила его не тою временною красотою, которую поддерживаетъ только юношеская безпечность и которая исчезаетъ съ лѣтами, уступая заботамъ или внутренней борьбѣ злыхъ, нравственныхъ качествъ. На двадцатомъ году онъ былъ прелестный юноша, стройный, ловкій, граціозный; на сороковомъ, когда вполне развилось богатство мощныхъ, античныхъ формъ его, грація уступила мѣсто *величественной осанкѣ*....

Кромѣ крѣпкой, сильной организаціи, сохраненію красоты Тучинова содѣйствовалъ драгоценный даръ *не принимать ничего близко къ сердцу*; онъ обладалъ самымъ счастливымъ, какъ говорится, характеромъ: горести и заботы скользили по душѣ его быстро, возмущая только на мгновеніе поверхность ея, но не погружаясь, не западая въ нее. Эта же особенность проявлялась и въ умѣ Александра Матвѣевича, отличительную черту котораго составляла легкость, быстрота соображенія; но это блистательное качество легко превращается въ недостатокъ, не будучи развито, не подчиняясь мышленію.... а глубоко мыслить только тотъ, кто глубоко чувствуетъ.

Умъ Тучинова былъ такъ же лживъ, какъ и сердце его.

Никакое дѣло не затрудняло его; немедленно за представленіемъ задачи рождалось въ умѣ его рѣшеніе ея; почти непосредственно за вопросомъ слѣдовалъ отвѣтъ и, вмѣсто того, чтобы пользоваться этици первыми впечатлѣніями, какъ средствомъ, Тучиновъ примѣнялъ ихъ прямо къ дѣлу. На этой легкости труда, на этой быстротѣ соображеній основалась слава Тучинова, какъ необыкновеннаго, дѣловаго человека; нѣсколько удачныхъ, счастливыхъ рѣшеній

упрочили эту славу. Если иногда опыт доказывал непрочность, недействительность необдуманных решений, то Александр Матвеевич бросался из одной крайности в другую, называя поступки свои решительными, энергическими мѣрами. Впрочемъ, въ противоположность высшимъ, болѣе твердымъ, умственнымъ организаціямъ, для которыхъ достигнутая цѣль теряетъ свою важность, и которыхъ неудача, напротивъ, раздражаетъ и доводитъ часто до гениальныхъ соображеній, въ противность этимъ организаціямъ Тучиновъ помнилъ только свои удачи; неудачные случаи, подобно заботамъ и непріятностямъ, на короткое время огорчали его, потомъ вовсе выходили изъ памяти; первая же льстили самолюбію его, и тщеславію, почти неизбежный недостатокъ счастливыхъ характеровъ, бережно собирало эти удачные случаи и росло съ накопленіемъ ихъ...

Александръ Матвеевичъ былъ не честолюбивъ, а тщеславенъ; онъ хотѣлъ только *казаться*, а не *быть*; домогался почестей и гражданскаго значенія не для удовлетворенія жажды ума обширнаго, чувствующаго силу и могущество свое и стремящагося къ расширенію круга дѣйствій своихъ; цѣль—онъ искалъ въ почестяхъ одну только *приятную* сторону ихъ; его льстило уваженіе, сопутствующее имъ, ему были дороги преимущества, сопряженные съ ними. И, надобно отдать справедливость Александру Матвеевичу: онъ прекрасно умѣлъ *казаться* и поддерживать наружное достоинство почетнаго титула и блестящихъ украшеній.

Другой, важный недостатокъ Тучинова былъ, такъ сказать, недостатокъ физической, протекавшей изъ мощнаго тѣлеснаго развитія, которымъ одарила его природа. Умственный трудъ не утравлялъ, не поглощалъ огромнаго избытка физическихъ силъ, и равновѣсіе въ организмъ его нарушилось бы, если бы Тучиновъ не возстановлялъ его, тратя излишекъ силъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Александръ Матвеевичъ былъ *чувствененъ*, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ не имѣлъ страстей,—между послѣдними и чувственностью такая же разница, какъ и

между честолюбіемъ и тщеславіемъ, — Тучиновъ наслаждался спокойно, разсудительно, такъ сказать, съ жадностью вкушая сладость наслажденій и съ эгоизмомъ отстраняя горечь ихъ; онъ никогда не забывался, не увлекался, не вдавался въ крайности, до которыхъ доводитъ слѣпая страсть; умѣлъ удерживать все свои дѣйствія, скрывать все свои поступки въ границахъ круга, описаннаго *свѣтломъ* вокругъ каждаго человека, *принятаго* въ этомъ свѣтѣ. Внутреннее пространство круга называется *семейною*, *частною* жизнію человека, и пока дѣйствія его не выходятъ за черту, за которую никто не имѣетъ права или, лучше сказать, возможности вступить, онъ пользуется уваженіемъ свѣта: малѣйшій же шагъ за нее влечетъ за собою позоръ, поношеніе, изгнаніе....

Похвальное качество, съ помощію котораго при самыхъ позорныхъ поступкахъ можно остаться внутри круга, называется—*лицемѣріемъ*.

Постыдный недостатокъ, завлекающій иногда человека самаго благоразумнаго за черту, именуется—*искренностью*. Это не парадоксъ.

Александръ Матвеевичъ Тучиновъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ *законамъ общества* и — признательное общество составило ему самую прекрасную *репутацию*.

На двадцать второмъ году, Александръ Матвеевичъ платилъ дань сердцу.... Онъ любилъ милую, прелестную дѣвушку, умную и образованную, но—бѣдную. Онъ любилъ и былъ любимъ. Родители ея охотно согласились бы на бракъ молодыхъ любовниковъ, но Александръ Матвеевичъ медлилъ.... даже въ *первой* любви его не было ни страсти, ни увлеченія; онъ любилъ какъ эгоистъ; любилъ, потому что находилъ въ томъ наслаженіе.

Около того же времени онъ былъ введенъ въ одинъ изъ богатыхъ петербургскихъ домовъ. Въ этомъ домѣ была дѣвица-невѣста, и невѣста чрезвычайно богатая. Она была годомъ старѣе Александра Матвеевича, дурна, избалована,

прихотлива.... Не прошло году и бѣдная дѣвушка была забыта, а богатая невеста вышла *по любви* за Тучинова.

Онъ начиналъ понимать жизнь.

Супруги жили, разумеется, очень счастливо. Молодая жена пламенно любила своего мужа за его красоту, льстившую ей тщеславію и возбуждавшую тайную зависть прежнихъ подружекъ ея. Молодой мужъ любилъ жену, какъ источникъ наслажденій, доставленныхъ ему ея богатствомъ. Правда, тщеславіе его иногда страдало, когда онъ сравнивалъ свою жену, далеко не красавицу, съ другими миловидными, свѣтскими женщинами... но блестящій, модный экипажъ, великолепная квартира, роскошные наряды и свѣтскость жены скоро сглаживали непріятное впечатлѣніе.

Два-три мѣсяца продолжалось счастье молодой жены; потомъ первое горе омрачило супружескую жизнь ея.... Она сдѣлалась беременною.

Многія читательницы возстанутъ противъ меня за то, что одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ жизни женщины я называю *горемъ*; а между тѣмъ какъ прикажете назвать болѣзненный періодъ, во время котораго къ физическимъ страданіямъ примѣшивается тайное, непреодолимое опасеніе о результатѣ предстоящаго кризиса? Блаженство, ощущаемое иногда женщиною во время этого тягостнаго періода, чисто духовное, отвлеченное; страданія же—положительныя и простираются изъ эгоистическаго чувства самосохраненія.... Слѣдовательно болѣзнь и опасенія женщины, готовящейся сдѣлаться матерью, извинительны, потому-что естественны; но совершенно другое дѣло горе женщины свѣтской въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Подъ названіемъ *свѣтской*, я понимаю женщину, все существованіе которой раздробляется въ домашняго, семейнаго быта; вся жизнь которой ограничивается двумя дѣйствіями: *сызжаты* и *пришить*....

Такихъ женщинъ немного, скажутъ мнѣ.

Можетъ-быть;—но первая жена Тучинова была вполнѣ *свѣтская* женщина, и беременность, удалявшая ее отъ

свѣта, крайне огорчала ее и заставляла проливать *первыя*, быть-можетъ, горькія слезы въ жизни ея.

Время испытанія прошло благополучно. Родился Николай, и молодая мать съ любовію, съ признательностію поцѣловала ребенка, возвратившаго ей, наконецъ, свободу....

Отказавъ матери новорожденнаго въ красоту, природа надѣлила ее, однако жъ, такимъ здоровымъ, крѣпкимъ сложеніемъ, что если бы она родилась въ бѣдномъ, низкомъ состояніи, то могла бы сдѣлаться прекрасною кормилицею; не смотря на то, она чуть не отказала своему доктору за то, что онъ совѣтовалъ ей, для ея же собственнаго блага, принять на себя тривиальную обязанность кормленія ребенка. Однако жъ, какъ добрая свѣтская мать, она не пощадила никакихъ издержекъ для того, чтобы сынъ ея былъ принятъ *приличнымъ* образомъ при вступленіи его въ свѣтъ; ему отвели особую комнату, подалась отъ покоевъ родителей—(чтобы его или чтобы ихъ не беспокоить)—его окутали батистомъ, кружевами, шелкомъ, бархатомъ; ему наняли дюжую, свѣжую, здоровую кормилицу.

Впослѣдствіи нянька замѣнила кормилицу, гувернантка замѣнила няньку, и шестилѣтній малютка прогуливался по Лѣтнему саду или по Невскому рядомъ съ гувернанткой и въ сопровожденіи ливрейнаго лакея...

Подробности эти могутъ показаться некоторымъ читателямъ мелочными, но онѣ необходимы, ибо въ нихъ заключается разгадка многихъ существованій... Есть люди, одаренные земными благами, надѣленные всеми средствами для достиженія нравственнаго первенства, а между тѣмъ жизнь этихъ людей не рѣдко протекаетъ въ безызвѣстности, не отмѣченная ничѣмъ высокимъ, великимъ... Познанія, для достиженія которыхъ бѣднякъ отдаетъ половину своего насущнаго хлѣба, доступны этимъ людямъ безъ ощутительнаго со стороны ихъ пожертвованія; наука раскрываетъ передъ ними все свои сокровищницы и не рѣдко пристыженная, презренная, проходитъ мимо...

Въ малѣйшемъ проявленіи воли заключается уже энергія,

а совершенное отсутствіе послѣдней есть отличительная черта этихъ людей.

Энергія, слово ввозное, заморское, не имѣющее, однако жъ, у насъ такого сбыта, какъ напримѣръ: устрицы. Причина тому очень простая: понятіе, прикрытое этимъ иностраннымъ словомъ, чисто и преимущественно *русское*.

Жаръ, восторгъ, быстрое увлеченіе, качества южныхъ народовъ, имѣють источникомъ пылкое воображеніе или легко вскипающую кровь. Энергія же—достояніе сѣверянъ, основанное на твердой, желѣзной волѣ, на глубокоу убѣжденіи.

Откуда же происходитъ отсутствіе энергіи въ тѣхъ сѣверянахъ, о которыхъ я упоминалъ? *Ложное воспитаніе* часто заглушаетъ ее.

Ложность *свѣтскаго* воспитанія легче всего доказать отступленіями отъ него, исключеніями, доставляющими государству имена, окруженныя сіяніемъ славы и вписанныя вѣчными, неизгладимыми литерами въ исторіи его.

Николай Тучиновъ воспитывался страннымъ образомъ. Мелкія подробности семейной жизни, сближающія дѣтей съ родителями, близкія, постоянныя сношенія, скрѣпляющія взаимную привязанность ихъ, для него не существовали. Въ положенные часы являлся онъ къ папенькѣ и маменькѣ, произносилъ затверженное привѣтствіе, отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, выслушивалъ похвалы или выговоры и, снабженный конфетами или игрушками, возвращался къ себѣ, прыгая и рѣвывая точно птичка, вырвавшаяся изъ клѣтки.

Любовь—первая потребность сердца дитяти. Сироты, закинутые судьбою въ чужой домъ, гдѣ встрѣчаютъ одну холодность, привязываются всѣмъ сердцемъ къ животнымъ, даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Кровная прозорливость сердца составляетъ прекрасный поэтической вымыселъ, но—увы! не болѣе какъ *вымыселъ*. Какія бы странныя вещи случались, если бъ человекъ, съ самаго рожденія отлученный отъ родителей, узнавалъ ихъ при первой встрѣчѣ!...

Страшно подумать. Ребенокъ любитъ мать свою эгоистически; онъ любитъ ее за то, что она *его* любитъ, что во взоръ ея онъ инстинктивно замѣчаетъ выраженіе особенной нѣжности; за то, что въ попеченіяхъ ея о немъ онъ видитъ терпливое самоотверженіе, на которое способна только мать. Развитіемъ этой первой, святой любви пренебрегаютъ часто даже самыя добрыя матери.

— Дитя полюбитъ меня, говорятъ онъ, когда научится отличать мать отъ наемщицы.

Это сужденіе ошибочно, потому-что ощущенія сердца не повторяются; каждое изъ нихъ имѣетъ свой періодъ, свое время; сердце обладаетъ постоянною способностью любить, но виды этой способности измѣняются съ каждымъ возрастомъ, съ каждымъ годомъ. Только одна любовь къ матери не измѣняется; запавъ въ сердце съ самой той минуты, когда оно начало биться, эта любовь съ непоколебимымъ постоянствомъ тянется черезъ всю жизнь человека, и по святости, по чистотѣ своей опредѣляетъ качество другихъ, второстепенныхъ привязанностей; подобная любовь, будучи развитая въ сердце свѣжемъ, не затрунутомъ, служитъ залогомъ добра; мать же, довольствующаяся второю, мыслящею уже, такъ сказать, любовію ребенка, сама безсознательно кладетъ въ характеръ его первое основаніе *непостоянства*...

Частное перенесеніе привязанности съ одного предмета на другой, отъ одного лица къ другому, ослабляетъ сердце и развиваетъ въ человекѣ жалкую, презрѣнную безхарактерность.

Николай Тучиновъ на восьмомъ году перешелъ уже нѣсколько степеней сердечной привязанности. Онъ зналъ наилучшій коллекціонъ причинъ, по которымъ *должно* любить папеньку и маменьку болѣе другихъ, но въ то же время сердце его лежало къ гувернанткѣ, доброй и кроткой, какъ я уже сказалъ, двушкѣ. Маленькое сердце его, не облагороженное, не освященное истинною дѣтскою любовію къ родителямъ и уже зараженное тѣмъ свѣтскимъ воздухомъ, въ которомъ онъ жилъ, какъ-то странно лежало

къ гувернанткѣ: онъ старался вслѣдствіи угождать ей, грустилъ и радовался съ нею; краснѣлъ, когда она, тронутая какимъ-либо неожиданнымъ угожденіемъ, цѣловала его...

Замѣчательно, что въ натурахъ избранныхъ, одаренныхъ тонкимъ, нравственнымъ, эстетическимъ чувствомъ, рано развиваются нѣкоторыя особенности, называемыя педальновидными, суровыми моралистами *преждевременнымъ развратомъ*. Изъ многихъ примѣровъ, опровергающихъ это ошибочное сужденіе, я упомяну только о жизни Жанъ-Жака Руссо...

Николай любилъ свою гувернантку; то была наивная любовь ребенка.

Ему минуло восемь лѣтъ, когда въ домъ Тучинова произошла внезапная перемена. Мать Николая стала хворать: *свѣтская* жизнь совершенно разстроила нѣкогда крѣпкое здоровье ея. Балы и пирушества прекратились; тишина и уныніе замѣнили прежній шумъ веселья. Сначала покой больной хозяйки были наполнены посѣтителями, но вскоре болѣзнь ея усилилась, сдѣлалась опасною и—минута горькаго возмездія наступила...

До-сихъ-поръ Тучинова для *свѣта* забывала домъ свой, теперь *свѣтъ* забывалъ ее.

Свѣтское тщеславіе заставило ее выйти за Александра Матвѣевича; и когда сердцу ея, удрученному страданіями, впервые понадобилась истинная любовь, она встрѣтила въ мужъ самую безукоризненную *свѣтскую* привязанность. Тучиновъ самъ ѣздилъ за докторами, безпрестанно осведомлялся о здоровьи жены, приказалъ наложить передъ домомъ соломы на поларшина толщины; но тщетно ждала жена одной изъ тѣхъ мелочныхъ услугъ, одного изъ тѣхъ сердечныхъ словъ, которыя такъ невыразимо-благодѣтельно дѣйствуютъ на жесточайшія страданія, которыя душа, готовая отойти въ вѣчность, собираетъ съ жадностью, съ наслажденіемъ...

Испуганная пустотою, образовавшеюся около нея, Тучинова обратила сердце свое къ единственному сыну, но и въ этомъ случаѣ была наказана тѣмъ, чѣмъ погрѣшила.

Почтительно отвѣчалъ Николинька на ласки матери, и на лицѣ его, не приученномъ еще къ притворству, выразилась радость, когда она позволила ему удалиться. Тучинова замѣтила эту радость, и сердце ея болѣзненно сжалось. На другой день она приказала сыну принести съ собою игрушки. Онъ повиновался, но, сидя на коврѣ, игралъ разсыянно, неохотно... Вдругъ, во время одного изъ болѣзненныхъ кризисовъ матери, онъ вскочилъ и зарыдалъ; сердце Тучиновой было такъ бѣдно утѣшительными ощущеніями, что даже эти естественныя слезы произвели на него благодѣтельное впечатлѣніе... Почти съ признательностію протянула она руки къ сыну... но послѣдній задрожалъ, отскочилъ со страхомъ, громко всхлиывая, бросился въ объятія гувернантки и скрылъ лицо на груди ея...

Только истинная, вкоренившаяся любовь побѣждаетъ въ подобныхъ случаяхъ дѣтскій страхъ. Тучинова поняла это, ощутила въ сердцѣ рязкую, острую боль, и безъ чувствъ опустилась на подушки...

Послѣ этого происшествія прошедшее явственно представилось воображенію бѣдной, больной женщины; теперь только поняла она ничтожество легкихъ, *свѣтскихъ* удовольствій, наполнявшихъ досель всю жизнь ея; теперь только поняла она, что есть наслажденія чище и возвышеннѣе, обязанности святѣе *свѣтскихъ*. Съ горестію упрекала она себя въ томъ, что до-сихъ-поръ не угадала этихъ наслажденій, пренебрегала этими обязанностями.

Тѣлесныя страданія очищаютъ, облагораживаютъ душу; послѣ тяжкой, продолжительной болѣзни человекъ возвращается къ жизни съ новыми, свѣтлыми намѣреніями, съ благородными стремленіями.

Изъ зла часто произтекаетъ добро.

Тучинова рѣшилась вознаградить потерянное. Сердцемъ обратилась она къ мужу; въ трогательныхъ словахъ сообщила она ему свои размышленія, свои намѣренія... Мужъ не понялъ ея.

Проясненіе сердца, возвращавшагося къ добру, отдававшему законамъ природы преимущество передъ законами

общества, онъ называлъ *утишиемъ*, въ которое не совѣтовалъ вдаваться. Онъ даже совѣтовалъ ей лучше помышлять о свѣтскихъ удовольствіяхъ, къ которымъ она вернется съ восстановленіемъ здоровья.

Холодно отпрянуло сердце Тучиновой отъ мужа, и нераздѣльно, со всею полнотою новыхъ ощущеній обратилось къ сыну. Нежный голосъ матери всегда найдетъ отголосокъ въ груди дитяти, и нѣсколько дней спустя Николай уже самъ просился въ комнату больной, не пугался страданій ея, но даже смягчалъ ихъ нежными, дѣтскими ласками привязанности, скованной досель свѣтскою почтительностію и пробужденной взаимностію...

Но дни Тучиновой были сочтены. Жизненные силы ея видимо разрушались; выполнение требованій свѣта ускорило законъ природы.

Въ одно весеннее утро Александръ Матвѣевичъ и Николай стояли возлѣ постели умирающей. Полуугасшій взоръ ея былъ неподвижно устремленъ на мужа и сына.

Глубокая, мрачная печаль была написана на лицѣ перваго; второй заглушалъ рыданія... почти въ одно время онъ приобрѣлъ и терялъ мать.

Умирающая пожала руку мужа, съ любовію посмотрѣла на Николая, хотѣла говорить, но языкъ не повиновался ей... Наконецъ она произнесла слабымъ голосомъ одно слово:

— Мачиха!... и съ умоляющимъ видомъ покачала головою.

— Понимаю, — отвѣчалъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ Александръ Матвѣевичъ и, опустившись на колѣни, произнесъ съ чувствомъ и убѣжденіемъ: Клянусь тебѣ, что ни въ моемъ сердцѣ, ни въ сердцѣ Николая никто не займетъ твоего мѣста!...

Небесная радость блеснула на лицѣ умирающей и, нѣсколько секундъ спустя, она унесла съ собою въ другой міръ клятву мужа...

Александръ Матвѣевичъ не произнесъ ни одной жалобы, но грудь его судорожно подымалась отъ заглушаемыхъ ры-

даній... Нѣсколько минутъ спустя, онъ всталъ, поцѣловалъ остывшій лобъ покойницы, освирилъ ее крестнымъ знаменіемъ, потомъ поднялъ на руки сына и прижалъ его къ груди. Лицо Тучинова было блѣдно, и сквозь вынужденную, холодную твердость просвѣчивалась глубокая горестъ...

— Молись, Николинъка! Теперь насъ только двое!...

Выраженіе голоса и лица Александра Матвѣевича было такъ величественно, что ребенокъ готовъ былъ стать передъ нимъ на колѣни, какъ передъ существомъ высшимъ.

Казалось, судьба хотѣла вознаградить Николая за потерю матери, сблизивъ его съ отцомъ....

ГЛАВА II.

СЕРДЦЕ ДИТАТИ.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Тучиновъ выпросилъ себѣ порученія въ нѣсколько отдаленныхъ губерній и уѣхалъ на время изъ Петербурга.

Николай остался у своего дѣда.

Разнородныя ощущенія, перенесенныя Николаемъ въ послѣднее время, имѣли сильное вліяніе на характеръ его. Онъ пересталъ быть ребенкомъ, и на девятомъ уже году ступилъ первый шагъ въ юношескій возрастъ. Горестъ рано развила въ немъ мыслительныя силы, и умъ его требовалъ уже пищи. Въ лѣта Николая наука не удовлетворяетъ этого требованія: умъ не приготовленъ еще къ сухимъ, холоднымъ формамъ ея; ему тоже нужны свои игрушки....

Созданіе этихъ умственныхъ игрушекъ или такъ называемыхъ *дѣтскихъ книжекъ* дѣло чрезвычайно важное. Для него недостаточно одного ума; нужно имѣть сердце. Дѣйствовать прямо на умъ ребенка значитъ готовить его въ педанты или, что еще хуже, въ рецензенты; надобно

избрать посредникомъ сердце, а чтобы быть понятнымъ послѣднему, должно говорить сердцемъ.

Однажды, въ минуту скуки, неясной, безсознательной тоски, часто овлаждавшей имъ, Николай нашелъ на столѣ открытую книгу и машинально заглянулъ въ нее. Это былъ романъ. Прочитавъ нѣсколько строкъ небрежно, Николай задумался; потомъ сталъ читать далѣе; любопытство его возрастало, разсказъ завлекалъ его. Книга, съ которой онъ началъ, была послѣдняя часть, и до конца оставалось нѣсколько страницъ. Съ жадностью дочиталъ Николай до послѣдней страницы; развязка поразила его и пробудила въ немъ желаніе узнать цѣпь событій, предшествовавшихъ развязкѣ, и, въ тотъ же день, скрывшись въ уединенной части сада, онъ сталъ читать первую часть.

Вмѣсто простой, умеренной пищи, потребной дѣтскому уму и сердцу, Николай прямо напалъ на горячительную пищу, служащую иногда для пробужденія совѣсти, отказывающейся исполнять свой долгъ, но вредную сердцу свѣжему; неопытному, и воображеніе Николая воссламенялось, преждевременныя понятія развивались быстро.

Гувернантка, какъ самая близкая изъ особъ, окружавшихъ Николая, хотѣла запретить ему читать романы, вспомнивъ съ какою строгостью въ пансіонѣ преслѣдовали ихъ; но бабушка заступилась за своего внука.

— Пускай читаетъ, говорила она: вѣдь онъ еще *не поимаетъ* того, что тутъ написано.

— Только при огнѣ да на солнцѣ не читай, прибавилъ дѣдушка: а не то какъ-разъ глаза испортишь.

Сложивъ съ себя ответственность, гувернантка не противилась болѣе страсти Николая къ чтенію, и онъ цѣлые дни просиживалъ за книгой.

— Экой прилежный! говорили слуги: все въ книгу смотреть. Будетъ ученый!

Часто гувернантка сама читала вслухъ. Николай, сидя у ногъ ея или возлѣ нея, не пропускалъ ни одного слова. На миломъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ его отражались всѣ событія разсказа, производившія впечатлѣніе на его сердце;

нерѣдко крупныя слезы выступали на темногубыхъ, выразительныхъ глазахъ его....

Иногда гувернантка заставляла его читать, и голосъ Николая понижался, дрожалъ, когда онъ произнесилъ слова: любовь, любить, люблю... Невольно подымалъ онъ глаза, но тотчасъ же, какъ бы испугавшись, опять опускалъ ихъ.

Каждый романъ, выходящій изъ разряда посредственности, заключаетъ въ себя науку *жизни и сердца*. Первая была недоступна понятіямъ Николая, но вторую онъ начиналъ уже понимать въ такой степени, въ какой то было доступно собственнымъ ощущеніямъ его, въ которыхъ онъ уже отдавалъ себѣ отчетъ.

Кто рано началъ жить сердцемъ, тотъ не обвинитъ меня въ преувеличеніи.

Однажды, въ прекрасный лѣтній вечеръ, гувернантка и Николай сидѣли въ бесѣдкѣ. Первая только что закрыла дочитанный романъ, оканчивавшійся всеобщимъ счастьемъ, наказаніемъ зла и вознагражденіемъ добра.

Красноватые лучи заходящаго солнца, пробиваясь сквозь густую зелень, бросали на песокъ аллеи золотистыя пятна, окаймленные синеватою тѣнью. Цветы распространяли въ воздухъ упительныя благоуханія. Вокругъ бесѣдки царствовала глубокая тишина; только за садомъ, въ рошѣ, соловей допѣвалъ вечернюю пѣснь....

Гувернантка задумалась, заслушавшись или засмотрѣвшись; но вдругъ она подняла голову и съ изумленіемъ посмотрѣла на Николая.

Онъ плакалъ.

— Что съ тобою, Николинъка? спросила она заботливо.

Онъ не отвѣчалъ; она обвила шею его одною рукою и съ живѣйшимъ участіемъ повторила свой вопросъ.

Николай поднялъ глаза, на которыхъ блестя слезы, и, посмотрѣвъ на гувернантку, произнесъ тихимъ, почти умоляющимъ голосомъ:

— Я васъ люблю....

— О чемъ же тутъ плакать? сказала она, засмѣявшись. Я

тоже люблю тебя, потому-что ты добрый мальчикъ, умница....

Смѣхъ и послѣднія слова произвели на Николая горестное впечатлѣніе. Ему стало стыдно... Онъ поспѣшно вско- чилъ и убѣжалъ.

.....
 Прошло лѣто. Александръ Матвѣевичъ возвратился въ Петербургъ, и Николай перѣхалъ въ городъ, къ отцу.

При первой встрѣчѣ отецъ и сынъ невольно вспомнили горестную потерю. Николай бросился въ объятія отца и заплакалъ. Александръ Матвѣевичъ молча поцѣловалъ его и прижалъ къ сердцу. Утѣшительное чувство проникло въ душу ребенка, когда онъ замѣтилъ, что и на глазахъ отца его-выступили слезы. Онъ предчувствовалъ, что общее горе сблизитъ ихъ.

Предчувствіе не обмануло его. Сознывая вѣроятно, что на него одного пала теперь обязанность наблюдать за воспитаніемъ сына, Тучиновъ чаще прежняго сталъ заходить въ комнатку Николая, слѣдилъ за его занятіями и спрашивалъ гувернантку объ его успѣхахъ. Съ каждымъ днемъ онъ открывалъ новыя познанія, новыя качества въ ребенкѣ; каждый день благодарилъ онъ гувернантку и осывалъ ее подарками.

Бѣдная дѣвушка робко, почти со страхомъ принимала эти подарки; ей казалось, что вмѣстѣ съ ними она принимала на себя обязанность, которая была уже не по силамъ ея; собственныя познанія ея почти ограничивались тѣмъ, что уже зналъ ея воспитанникъ.

Николаю минуло десять лѣтъ. Родственники покойной матери его совѣтовали Александру Матвѣевичу отдать его въ пансіонъ, но онъ отговаривался тѣмъ, что ему трудно разстаться съ единственнымъ существомъ, привязывавшимъ его еще къ дому; ему совѣтовали нанять хоть гувернера, на томъ основаніи, что десятилѣтнему мальчику неприлично имѣть гувернантку, но Тучиновъ отвѣчалъ, что нѣсколько слабое, нѣжное сложеніе ребенка требуетъ еще женскихъ попеченій.

И двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка, добрая и кроткая, но образованія весьма ограниченнаго, продолжала воспитаніе десятилѣтняго мальчика.

Подобные случаи не рѣдки и тѣмъ болѣе предосудительны. Что бы сказали эти самые родители, если бъ имъ кто-нибудь посовѣтовалъ поручить воспитаніе десятилѣтней дочери двадцатичетырехлѣтнему гувернеру?

— Это совсѣмъ другое дѣло! отвѣтятъ они.

Правда, въ частностяхъ это совсѣмъ другое дѣло, но въ сущности и то, и другое — зло.

Александръ Матвѣевичъ, принимавшій болѣе и болѣе живое участіе въ воспитаніи своего сына и проводившій съ нимъ цѣлыя часы, понималъ, вѣроятно, это зло, ибо, ради приличія, приказалъ поставить перегородку въ дѣтской спальнѣ; но Николай, воспитанный, какъ дѣвочка, былъ и трусливъ, какъ дѣвочка. Гувернантка утѣшила его только тѣмъ, что позволила оставлять дверь отворенною.

Въ одну темную, зимнюю ночь сильный ударъ вѣтра въ окно разбудилъ Николая. Онъ открылъ глаза. Глубокій мракъ былъ непроницаемъ; ночникъ, обыкновенно горѣвшій въ спальнѣ, погасъ.

Николаю стало страшно. Дрожащимъ, боязненнымъ голосомъ позвалъ онъ гувернантку... Отвѣта не было.

Тишина усилила боязнь ребенка. Повторивъ имя гувернантки громче прежняго, онъ скоро соскочилъ съ постели и побѣжалъ за перегородку. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ за дверь, какъ ноги его подкосились отъ испуга, и онъ лишился чувствъ....

Когда онъ пришелъ въ себя, взявъ постели его сидѣлъ Александръ Матвѣевичъ. Зажженная свѣча стояла на полу.

— Легче тебѣ, Коля? тихимъ голосомъ спросилъ Тучиновъ, когда ребенокъ устремилъ на него неподвижный взоръ.

Николай не отвѣчалъ. Онъ припоминалъ случившееся.

— Какъ тебѣ не стыдно! Какой ты трусишка! произнесъ Александръ Матвѣевичъ, принужденно улыбаясь. Напейся воды.

Ребенокъ опорожниль стаканъ, поднесенный ему отцомъ.

— Не надо быть такимъ пугливымъ, продолжалъ послѣдній. Оправился ли ты теперь?

— Оправился, папенька.

— Ну, такъ спи, дружокъ; я засвѣчу ночникъ....

Заботливо закрывъ сына одѣяломъ, Тучиновъ засвѣтилъ ночникъ и на цыпочкахъ удалился.

Николай былъ такъ сильно взволнованъ, что онъ не могъ сомкнуть глазъ. Самыя загадочныя мысли волновали умъ его. Вдругъ странный, тихій звукъ, подобный заглушаемому стону, поразилъ его...

Онъ притаилъ дыханіе, сталъ прислушиваться.

Явственнѣе слышалось за перегородкой заглушаемое рыданіе... Николай убѣдился, что гувернантка плакала, и первымъ движеніемъ его было спросить ее о причинѣ слезъ ея, но онъ промолчалъ, пораженный внезапною мыслию, вполне завладѣвшею всеми умственными силами его: ему показалося, что слезы гувернантки являи связь съ пропущеннымъ, случившимся съ нимъ самимъ... но какую связь?

Онъ слышалъ, какъ гувернантка приподнялась на постель.

— Николинъка, произнесла она дрожащимъ голосомъ.

Онъ не отвѣчалъ и не трогался.

Гувернантка тихо спустилась съ кровати и ступила нѣсколько шаговъ. Николаю казалось, что она подошла къ образамъ и опустила передъ ними на колѣни.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Господи, Господи! произнесла наконецъ гувернантка шопотомъ, и послѣдній звукъ слился съ воплемъ, насильно рвавшимся изъ груди....

Бѣдная дѣвушка заглушила громкій вопль; но, посреди ночной тишины носился, подобный отдаленному завыванію вѣтра, унылый, жалобный, протяжный отголосокъ душевныхъ страданій....

И внезапно новое понятіе мелькнуло въ умъ Николая; рѣзкая, нестерпимая боль проникла въ сердце его....

Нѣсколько минутъ крѣпился Николай, но наконецъ не выдержалъ и зарыдалъ.

Гувернантка поспѣшно встала, накинула большой платокъ и, не утеревъ даже слезъ, вошла за перегородку.

Николай закрылъ глаза и стиснулъ зубы.

— Что съ тобой, Николинъка? спросила гувернантка.

Нѣсколько разъ повторила она этотъ вопросъ и, не получая ответа, взяла руку ребенка. Онъ отдернулъ ее и отвернулся.

— Подите прочь, оставьте меня! произнесъ онъ.

Гувернантка задрожала и невольно ступила шагъ назадъ.

— Маменька, маменька! произнесъ Николай, съ выраженіемъ глубокой горести и, крѣпко схвативъ обѣими руками подушку, скрылъ въ ней свои слезы.

Сердце, внезапно оторвавшееся отъ двухъ существъ, вспомнило о единственной привязанности, которую смерть содѣлала непоколебимою, неизмѣнною....

Послѣднее слово, дважды произнесенное ребенкомъ, поколебало минутную, вынужденную твердость бѣдной дѣвушки. Молча, безъ слезъ, опустила она на полъ и приложила лицо къ кровати....

На другой день у Николая открылась опасная горячка. Долго былъ онъ въ совершенномъ безпамятствѣ и, прійдя въ себя, увидѣлъ возлѣ своей постели дремавшую, незнакому женщину.

Сначала разсматривалъ онъ окружавшіе его предметы, не припоминая ничего; и только появленіе отца, пришедшаго осведомиться о состояніи его, произвело на него тягостное, непріятное впечатлѣніе. Ему показалося, что нѣжное участіе, оказываемое ему Александромъ Матвѣвичемъ, было неискренно; онъ самъ не смѣлъ поднять глазъ на отца, какъ бы опасаясь, что они измѣнятъ ему и выскажутъ его тайную мысль. Николая удивило, что гувернантка во все время его болѣзни не навѣщала его. Это равнодушіе огорчило выздоравливавшаго; за огорченіемъ послѣдовало сильное желаніе увидѣть гувернантку; неисполненіе этого жела-

нiя возбудило безпокойство, тѣмъ болѣе сильное, что никто изъ окружавшихъ его не упоминалъ о бѣдной дѣвицѣ. Наконецъ, желая выйти изъ тягостной неизвѣстности, онъ рѣшился спросить хожалку.

— Учительница? отвѣчала послѣдняя: она перѣехала къ роднымъ.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, сердешный, что она васъ не берегла. Вотъ Богъ ее и наказалъ.

— Богъ ее наказалъ? съ безпокойнымъ изумленiемъ спросилъ Николай. Что съ нею сдѣлалось?

— То сдѣлалось, сердешный, что она сама въ постель слегла. Ужъ вѣстимо, коли себя не умѣла сберечь, такъ и васъ не берегла. Вотъ то-то и есть! продолжала словоохотливая хожалка, понохавъ табаку: — отдають дѣтей на руки молодѣжи, а гдѣ ей знать, что нужно ребенку? И напиться дать не во-время, и покушать дать, чего не слѣдуетъ... Ну, вотъ....

— Такъ она все еще больна? прервалъ Николай хожалку.

— Не могу знать; не спрашивала. Впрочемъ по-дѣломъ ей, впередъ будетъ умѣе; хороши денежки получаешь, такъ хорошо и служи... Чу! два часа; пора лекарство принимать....

Новый урокъ Николаю. Онъ очень хорошо зналъ, что не бѣдная гувернантка была виновницей его болѣзни, а между тѣмъ обвиненiе падало на нее. Какъ бы желая сдѣлать этотъ урокъ болѣе совершеннымъ, хожалка разсыпалась въ похвалахъ родительской заботливости Александра Матвѣевича и великодушiю, оказанному имъ недостойной учительницѣ, которую онъ *отослалъ* не со строгимъ, заслуженнымъ выговоромъ, а со знатнымъ подаркомъ.

— Она-было не хотѣла брать подарка, прибавила хожалка: да Александръ Матвѣевичъ отправилъ его къ ней надомъ.

Самая строгая хула не произвела бы на душу Николая такого тягостнаго, разочаровательнаго впечатлѣнiя, какое производили эти похвалы....

Николай выздоровѣлъ. Сношенiя его съ отцомъ были холодны, неискренны. Александръ Матвѣевичъ сначала старался разсѣять эту холодность подарками, развлеченiями; онъ забывалъ только единственное средство, когорымъ бы могъ еще воротить уваженiе сына, — онъ забывалъ обратиться къ сердцу его. Наконецъ родительская гордость его возмутилась и, не себя, не уважившаго невнимательность ребенка, обвинялъ онъ, а Николая: онъ удивлялся раннему развитiю въ немъ нѣкоторыхъ понятiй, удивлялся дерзости, съ которою ничтожный мальчишка судилъ поступокъ отца, и называлъ холодность его упрямствомъ и, даже, расчетомъ!

Строгимъ голосомъ объявилъ Александръ Матвѣевичъ однажды сыну, что отдастъ его въ пансионъ.

Николай, которому домашняя жизнь становилась со дня на день тягостнѣе, отнесъ это намрение отца къ числу удовольствiй, которыя онъ старался доставлять ему въ послѣднее время. Непритворная радость выразилась на лицѣ его и онъ кинулся цѣловать руку отца.

— Хорошо, хорошо, проговорилъ болѣе прежняго раздосадованный Тучиновъ: — Не нужно! прибавилъ онъ, съ сердцемъ отдернувъ руку и отвернувшись.

Нѣсколько дней спустя Николай поступилъ въ одинъ изъ модныхъ, французскихъ пансионовъ.

Почти во всехъ учебныхъ заведенiяхъ между учащимися существуютъ три, резко отдѣляющiяся, касты.

Къ первой принадлежать *долбилы*, то есть прилежные ученики, добросовѣстно исполняющiе свои обязанности; существа средняго разряда, которымъ природа даровала не блистательныя способности, но неутомимое трудолюбiе, стремящееся къ положенной цѣли. Достигнувъ ея, существа эти останавливаются и пользуются въ обществѣ званiемъ людей *серьозныхъ, полезныхъ*.

Вторую касту составляютъ *бойчилы*, шалуны, одаренные болѣею частью высокими способностями; наука дается имъ

легко, а потому они пренебрегаютъ ею; дѣятельность ихъ начинается только тогда, когда останавливается дѣятельность долбилъ; не будучи утомлены сухимъ, школьнымъ учениемъ, способности ихъ сохраняютъ свѣжесть и силу, которыя ведутъ ихъ къ славнымъ, гениальнымъ подвигамъ, прославляющимъ общество, въ которомъ они живутъ.... Но часто бываетъ и противное. Ко второй же кастѣ присоединяется существа, отличенія либо грубою энергіею, либо физическою силою. Столкновеніе съ послѣдними часто направляетъ способности первыхъ на стезю, ведущую въ пропасть, называемую развратомъ.

Наконецъ къ третьей кастѣ принадлежатъ существа, обиженыя природою и лишеныя способностей къ наукамъ. Но судьба, вѣчно справедливая, возстановляетъ и въ этомъ случаѣ нарушенное, по-видимому, равновѣсіе, ставя этихъ людей подъ покровительство счастья, и—третья каста доставляетъ обществу такъ называемыхъ *добряковъ* и *счастливицевъ*, которымъ все удается.

Между долбилами и бойчилами существуетъ постоянная, непримиримая вражда. Въ школѣ сила на сторонѣ послѣднихъ, и они пользуются дурачками, какъ орудіями, для нанесенія оскорбленій послѣднимъ. Въ обществѣ, сила на сторонѣ людей *полезныхъ* и они, болѣею частію, мстятъ *гениямъ*, отнимая у нихъ средства дѣйствовать и отдавая преимущество *добрякамъ*, безобиднымъ по своему ничтожеству.

Между этими кастами Николая Тучинова ожидала странная участь. Поступивъ по склонности въ число долбилъ, онъ, однако жъ, вскорѣ перешелъ къ противникамъ ихъ, куда переманилъ его одинъ изъ тѣхъ учениковъ, которые въ школѣ пользуются довольно неблагозвучнымъ названіемъ *маклаковъ* и которымъ общество придумало менѣе жесткое имя *паразитовъ*. Маклакъ предложилъ свою дружбу Николаю, потому что замѣтилъ, что у него водились и денежки, и лакомства. Новичекъ вѣтъ сердцемъ предался по-тому чувствованію, пополнившему раннюю душевную пустоту. . по новый урокъ, новое разочарованіе ожидали его.

Николай вскорѣ замѣтилъ, что новый другъ былъ съ нимъ

чрезвычайно холоденъ, когда у него ничего не было. Николай упрекнулъ его однажды въ этой холодности, маклакъ поколотилъ его, друзья поссорились, и—Николай опять присоединился къ прілежнымъ.

Прошло около года съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ пансіонъ; вдругъ однажды, въ будни, отецъ пріѣхалъ за нимъ. Александръ Матвѣевичъ былъ необыкновенно ласковъ. Съѣвъ съ сыномъ въ карету, онъ заговорилъ съ нимъ о его сиротствѣ, о счастіи имѣть мать и, наконецъ, спросилъ:

— Хочешь имѣть маменьку?

— Развѣ можно имѣть другую? возразилъ Николай.

Александръ Матвѣевичъ поморщился, помолчалъ нѣсколько секундъ и, какъ бы досадуя на свое вступленіе, объявилъ напрямки, что намбрень вторично жениться, и что сегодня же представить Николая будущей, второй матери его.

Николай не отвѣчалъ; онъ вспомнилъ клятву, произнесенную отцомъ его у смертнаго одра матери... Слезы выступили на глазахъ его.

Александръ Матвѣичъ замѣтилъ эти слезы; лицо его приняло грозное выраженіе, но онъ поспѣшно отвернулся. Впечатлѣніе, произведенное на Николая этимъ новымъ поступкомъ отца, было бы менѣе сильно, если бъ послѣдній сохранилъ молчаніе; но, со свойственною ему быстротою соображенія онъ разсудилъ, что гораздо лучше прямо объясниться. Онъ самъ напомнилъ Николаю о своей клятвѣ.

— *Общаніе* это было необходимо, сказалъ онъ, потому что разсудокъ твоей матери былъ уже такъ слабъ, что она не могла выкинуть въ... неосновательность своего требованія; если бы она прожила еще нѣсколько дней, то, вѣроятно, сама отказалась бы отъ этого требованія и посоветовала бы мнѣ избрать тебѣ другую, достойную мать...

Александръ Матвѣевичъ все время говорилъ такъ, какъ будто бы имѣлъ въ виду только пользу и счастье сына.

— Я долженъ былъ *дать* это общаніе твоей умирающей матери—царствіе ей небесное! продолжалъ Александръ Матвѣевичъ; но я не могу, не долженъ *сдержатъ* его. Пока она была еще съ нами, отказъ мой могъ огорчить твою мать:

я доставилъ ей утѣшеніе. Теперь, душа ея, очищенная отъ мірскихъ страстей, парить надъ нами, какъ обитательница лучшаго міра, и если бѣ она могла сообщить намъ свою волю, то, вѣроятно, сама бы благословила намѣреніе, которое не причинить ей ни малѣйшаго горя, ни малѣйшаго зла, а намъ... тебѣ принесеть благо...

Это эгоистическое объясненіе успокоило Николая, непонимавшаго еще нерушимость даннаго слова.

Такъ развивалась нравственная жизнь Николая.

Отецъ его женился на дѣвицѣ съ огромнымъ приданымъ.

Сношенія Николая съ мачихой были холодны; въ минуту супружеской доверчивости, она призналась мужу, что холодный, почти строгій взглядъ юноши отталкивалъ ласки ея. Александръ Матвѣевичъ насунулъ брови и отвѣчалъ, что онъ самъ давно уже съ горестію замѣтилъ скрытный и, даже, злобный характеръ своего сына.

И Николай былъ почти исключенъ изъ семейнаго круга, не смотря на то, что отецъ его вступилъ во вторичный бракъ *только* для него. Нѣсколько лѣтъ пробылъ онъ еще въ пансіонѣ, потомъ поступилъ въ университетъ и, наконецъ, на службу...

Читатель увидитъ впоследствии, какое мѣсто приготовило Николаю въ обществѣ воспитаніе, образъ и подробности котораго я старался развить...

ГЛАВА III.

КАКЪ БЛАГОДѢЯНІЕ НАХОДИТЬ НАГРАДУ ВЪ САМОМЪ-СЕБѢ.

Николай Александровичъ нетерпѣливо прохаживался по комнатѣ, какъ вдругъ задрезжавшій въ прихожей колокольчикъ заставилъ его вздрогнуть.

Лакей вышелъ, отворилъ дверь, потомъ вернулся въ кабинетъ и доложилъ:

— Съ книжками пришелъ.

— Ага! сказалъ Николай Александровичъ съ притворнымъ равнодушіемъ, между-тѣмъ какъ сердце его забилось сильнѣе;пусти его.

— Коверъ запачкаеть...

— Слышалъ ты, что я тебѣ сказалъ! вспѣливо вскричалъ молодой человекъ.

— Сказалъ... сказалъ... ворчалъ про-себя лакей, удаляясь: а кому же послѣ коверъ вычистить... Ну, борода! продолжалъ онъ вслухъ, выйдя въ переднюю, вытри хорошенько сапоги о щетку, да ступай къ барину.

Минуту спустя въ кабинетъ вошелъ человекъ съ рыжей бородкой, въ изношенномъ кафтанѣ; подъ мышкой у него былъ мѣшокъ съ книгами.

— Здорово, Кнутовъ! ласково сказалъ Николай Александровичъ: что скажешь?

— Пришелъ, какъ извѣстно вашему благородію, по дѣлу... сказалъ знакомый уже намъ букинистъ, кланяясь.

— Да, да, ты принеся мнѣ новыя книги, поспѣшно перебилъ слова его Николай Александровичъ и, обратившись къ лакею, продолжавшему стирать пыль, прибавилъ: сходи, посмотри, что же мнѣ кофе не несутъ?

Лакей изподлбья посмотрѣлъ на букиниста, вышелъ въ прихожую, затворилъ за собою дверь и преспокойно остановился, чтобы подслушивать.

Лакеи обыкновенно принимаютъ такое живое участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ господъ, какъ будто бы потомство потребуетъ отъ нихъ самой подробной біографіи этихъ господъ. По чутью они узнаютъ стоитъ ли дѣло вниманія или нѣтъ.

— Какія же у тебя книги? спросилъ Николай Александровичъ, когда лакей удался.

— Плохія, ваше благородіе, отвѣчалъ букинистъ, покачивая головой.

Это слово произвело, по-видимому, тягостное впечатлѣніе на молодого человека. Разсчитавъ, что лакей вышелъ уже изъ прихожей, онъ приблизился къ Кнутову и спросилъ его съ безпокойствомъ:

— Не досталъ?

— Ахъ, не говорите, ваше благородіе! отвѣчалъ коварный пройдоха.

Онъ хотѣлъ, какъ говорится, помучить Николая Александровича, чтобы тѣмъ увеличить радость его и извлечь изъ послѣдней пользу себѣ.

— Да говори же, досталъ или нѣтъ? повторилъ Тучиновъ нетерпѣливо и съ возраставшимъ безпокойствомъ.

— Достать-то можно, сказалъ Кнутовъ протяжно, да не знаю, согласитесь ли вы?...

— Соглашусь! отвѣчалъ Николай Александровичъ въ первомъ порывѣ радости, но тотчасъ же, одумавшись, прибавилъ: впрочемъ надобно знать на какихъ условіяхъ...

— Я тоже говорилъ, ваше благородіе, что вы не согласитесь...

— Сколько ты досталъ?

— Да что, ваше благородіе, и говорить не стоить... Вы, кажись, просили полтора ста рублей...

— Двѣсти.

— Двѣсти! Помилуй Богъ! Гдѣ ихъ достанешь; теперь и денегъ-то ни у кого нѣтъ. Плохія времена, ваше благородіе. Сто еще кое-какъ наколотить можно.

— Ста мнѣ мало, возразилъ Николай Александровичъ съ неудовольствіемъ и пожалъ плечами. Похлопочи, постарайся, а я самъ отплачу тебѣ.

— Покоривъше благодарю, ваше благородіе, я не сумѣваюсь, что вы не обидите меня; да я же и стараюсь для васъ такъ, какъ, ей Богу, для себя никогда не старался; ужъ куды я не бѣгалъ, изъ Коломной на Петербургскую, оттуда на Пески... пару сапоговъ истаскалъ; ей Богу, такъ усердствую вамъ и радъ бы душою помочь... будь у меня свои денежки, такъ я бы и не занкнулся; съ душою бы

отдавалъ, ваше благородіе, и документа бы не спросилъ, а то съ такими извергами вожусь, ваше благородіе, что не приведи Господи! Жиды крещѣные, ваше благородіе, ей Богу!

— Ты хотѣлъ побывать у... Опухтина?

Кнутовъ перекрестился и махнулъ рукой.

— Не даетъ? спросилъ Николай Александровичъ.

— Опухтинъ, ваше благородіе, изъ изверговъ извергъ! Такія условія загнулъ, что волосъ дыбомъ всталъ!

— Да даетъ ли онъ, по-крайней-мѣрѣ, деньги?

— Даетъ, ваше благородіе, сто рублей, а беретъ вотъ эдакую цыдулочку.

И съ этими словами Кнутовъ вынулъ изъ-за пазухи замазанный бумажникъ, туго набитый разными бумагами, и отыскалъ въ немъ заемное письмо, о которомъ онъ уже условился съ Захаромъ Ивановичемъ, и подалъ его молодому человеку.

— Заемное письмо! вскричалъ послѣдній, почти радостно.

— Фхію! свиснулъ лакей, отойдя отъ двери: птичка! Видно опять профершился!

И узнавъ, что ему нужно было знать, онъ отправился исполнять возложенное на него порученіе.

Между-тѣмъ Николай Александровичъ быстро пробѣжалъ глазами заемное письмо.

— Триста за сто! вскричалъ онъ съ негодованіемъ.

— Извергъ, ваше благородіе, хладнокровно произнесъ букинствъ.

— Это подло! продолжалъ Николай Александровичъ, бросивъ заемное письмо на столъ. Такихъ людей надобно предавать въ руки правосудія.

— Въ каторгу, ваше благородіе.

— Это язва, продолжалъ молодой человекъ, разгорячаясь, и я считаю долгомъ донести на него.

— Доказательствъ не имѣется, ваше благородіе, произнесъ Кнутовъ со спокойной, коварной улыбкой.

— Ты свидетель!

— Нѣтъ, ваше благородіе; я человекъ сторонній; я ничего не знаю.

Часы пробили восемь.

Николай Александровичъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, судорожно сжалъ обими руками голову и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Господи, Господи! какъ мнѣ быть!... Кнутовъ, достань мнѣ деньги; какъ хочешь, гдѣ хочешь, а достань!...

— Осмѣлюсь доложить, ваше благородіе, что Опухтинъ залога не беретъ... дасть чистыя денежки на одно заемное.

— Повторю тебѣ, что мнѣ ста мало! нетерпѣливо возразилъ молодой человекъ, въ волненіи прохаживаясь взадъ впередъ по комнатѣ.

Кнутовъ почесалъ бороду, покачавъ головой.

— Крѣпко хочется мнѣ услужить вашему благородію... ей Богу, не знаю... вотъ кабы мѣсяца черезъ два, такъ у меня будутъ свои.... Нельзя ли подождать, ваше благородіе?

Николай Александровичъ пожалъ плечами.

— Ахъ ты бѣда какая! продолжалъ Кнутовъ: ужъ коли вамъ такая надобность, ваше благородіе, такъ возьмите сотенку у Опухтина, а остальцыя...

Николай Александровичъ съ надеждой посмотрѣлъ на букиннста, который, скорчивъ кислую мину, продолжалъ:

— Ей Богу, ваше благородіе, сердце болитъ, глядя на васъ; себя обижу, а васъ не оставлю! Нашъ братъ горемыка, мужикъ, а вы, сударь, благородный!... Душу за васъ отдамъ, Николай Александровичъ; ей Богу, отдамъ!

Слова эти кололи гордость Николая Александровича; но гордость его не смѣла жаловаться, потому-что тщеславіе было удовлетворено надеждой выйдти изъ затруднительнаго положенія. Надежда эта была довольно основательна, по-

тому-что *отдать душу* значило у Кнутова *отдать свои* деньги.

— Извольте видѣть, ваше благородіе, продолжалъ букиннстъ: сегодня нужно мнѣ заплатить долгъ, рублевъ въ шестьдесятъ серебромъ... Не заплачу, бѣда! Слѣсть! Такой звѣрь... Развѣ только хорошій залогъ принесу, такъ онъ умилюстивится; а какой у нашего брата залогъ! Конечно книжонки тѣ же деньги, да надобно на охотника папастъ, а то—маклатура!... Помнится мнѣ, ваше благородіе, что вы пзволили говорить, что у васъ найдутся вещицы подъ залогъ....

— Да, да, съ живостію отвѣчалъ молодой человекъ: у меня есть нѣкоторыя золотыя вещи....

— Коли вамъ не противно будетъ пожаловать мнѣ ихъ, такъ я снесу ихъ къ...къ тому, а денежки отдамъ вамъ...

— Спасибо, Кнутовъ, спасибо!

— Не на чемъ, ваше благородіе; ей Богу, сердце болитъ, что нельзя обойдти изверга Опухтина...

— Чтò дѣлать, нужда заставляетъ меня согласиться; я подпишу заемное письмо... и тебѣ отдамъ вещи... давай скорѣе деньги!

— Опухтинскихъ у меня нѣтъ, ваше благородіе; вамъ извѣстно, что надобно засвидѣтельствовать у маклера...

— Какая досада!

— Свои же я сейчасъ вручу вашему благородію; кажись сотенка наберется у меня... Потрудитесь же, ваше благородіе, написать прѣстую расписочку, такъ-съ, для порядку-съ, что-моль состою долженъ такому-то, кои и обязуюсь выплатить по востребованію...

Николай Александровичъ скоро пошелъ къ столу и сталъ писать.

Въ это время лакей вошелъ съ подносомъ, поставилъ его на столъ, лукаво мигнулъ букиннсту и вышелъ.

— Сколько? спросилъ Николай Александровичъ, не оборачиваясь.

— Сколько угодно будетъ вашей милости, отвѣчалъ Кну-

товъ: я съ васъ процентовъ брать не хочу... Это не мое дѣло; я стараюсь служить вашему благородію, по мѣрѣ силъ и возможности...

— Сто пятнадцать довольно?

— Ужъ пишете двадцать, круглымъ счетомъ, ваше благородіе; ей Богу, пару сапоговъ истаскалъ....

Николай Александровичъ продолжалъ писать, посыпалъ написанное пескомъ и, вставъ, подалъ росписку букинсту.

Послѣдній сталъ читать по складамъ, произнося каждый слогъ вслухъ.

— Число выставить изволили позабыть, сказалъ онъ съ пріятной улыбкой. Вотъ такъ-съ! продолжалъ онъ, когда Николай Александровичъ прибавилъ годъ и число: теперь позвольте освидѣтельствовать вещицы.

Тучиновъ отомкнулъ шкапулку, стоящую на письменномъ столѣ, и вынулъ изъ нея золотую цѣпочку и нѣсколько перстней.

Кнутовъ взвѣсилъ ихъ на рукѣ, отыскалъ пробу, потомъ спросилъ:

— Вы, помнится, изволили говорить-съ, что есть еще булабочка съ гранатами?...

Плуть-ростовщикъ, забывшій сколько просилъ у него молодой человекъ, очень хорошо вспомнилъ о булавкѣ, о которой онъ упомянулъ, изчисляя вещи, которыя могъ отдать подъ залогъ.

Николай Александровичъ прошелъ въ спальню и вернулся оттуда съ булавкой.

— Все ли теперь? спросилъ онъ съ видомъ жертвы.

— Все ли исправности-съ; только потрудитесь еще черкнуть на другой бумажкѣ два слова-съ, что-моя продамъ такому-то и упомяните о каждой вещи отдѣльно. Это для порядку-съ, ваше благородіе, а то *онъ* не приметъ у меня вещей и, чего добраго, пожалуй скажетъ еще что краденныя! Помилуй Господи!...

Николай Александровичъ написалъ и другую записку; Кнутовъ также внимательно прочиталъ ее, какъ и первую; собралъ золотыя вещи и вмѣстѣ съ расписками спряталъ за

пазуху, откуда вытащилъ опять свой бумажникъ, вынулъ изъ него пукъ мелкихъ ассигнацій и, поклонивъ пальцы, сталъ класть ихъ, одну за другою, на столъ....

Николай Александровичъ во все это время глядѣлъ на часы.

— Чтѣ это!... Никакъ я обсчитался.... произнесъ, наконецъ, Кнутовъ и снова сталъ считать ассигнаціи, потирая каждую между большимъ и указательнымъ пальцемъ, какъ бы желая раздвоить ихъ.—Фу, ты пропасть! вскричалъ онъ опять, заглянувъ въ свой бумажникъ; потомъ схватился за голову: ахъ, вовсе изъ ума вонь! Три депозитки пятирублевья отдалъ за книги, а одной и безъ того не доставало! Эка бѣда-съ! продолжалъ онъ, почесывая затылокъ: тутъ всего восемьдесятъ, ваше благородіе! Нечего дѣлать, извольте поучить обратно вещи и расписку-съ....

— Нѣтъ, оставь, оставь! восьмидесяти довольно будетъ, если ты сегодня же доставишь остальные сто....

— Безпрѣмьно, ваше благородіе! Извольте пожаловать къ маклеру, что за Свинной, часу во второмъ....

— Хорошо! возразилъ Николай Александровичъ, дрожащими руками схвативъ деньги. Ну, спасибо, спасибо!

— Душевно радъ служить, вашему благородію.... А то-во-съ, книжечекъ не возьмете сегодня?

— Мнѣ теперь некогда, зайди завтра, послѣ завтра....

— Слушаю, ваше благородіе, и, взявъ въ мышокъ на плечо, букинсти прибавилъ съ пріятной улыбкой: холодно, ваше благородіе; напился бѣ за ваше здоровье чайку въ харчевнѣ....

И ростовщикъ, со вздохами и жалобами *сдѣлавшій дѣльцо* въ сто слишкомъ рублей серебромъ, низко и съ признательностію поклонился Николаю Александровичу, когда тотъ сунулъ ему въ руку четвертакъ....

Судя по вышеописанному должно бы полагать, что подобныя *дѣльцы* скоро наживаются огромное состояніе. Конечно, бываютъ случаи, но они довольно рѣдки, потому-что и розы не безъ шиповъ! Жадность къ мелкому выигрышу часто ослѣпляетъ этихъ людей, и они попадаютъ въ руки

пройдохъ, дѣйствующихъ смѣлѣ ихъ, потому-что ни чѣмъ, кромѣ тюрьмы, не рискуютъ.... Но и тюрьму иногда про-вѣтриваютъ, и изъ нея часто выйдти легче, чѣмъ попасть въ нее.

— За тѣмъ счастливо оставаться, ваше благородіе! сказалъ букинистъ: не извольте упрекать Захара Ивановича.... Конечно, ваше благородіе, онъ извергъ; да что прикажете дѣ-лать! при случаѣ и извергъ пригодится.

Кнутовъ удалился. Въ прихожей ждалъ его лакей.

— Чтò? поживился? спросилъ послѣдній, преградивъ ру-ками дорогу.

— Было бы чѣмъ! возразилъ букинистъ, съ неудоволь-ствіемъ пожавъ плечами; но, замѣтивъ по нахально-насмѣш-ливому виду лакея, что онъ исполнялъ свой долгъ, то есть, подслушивалъ, Кнутовъ досталъ изъ кармана широкихъ ша-робаръ кожаный кошелекъ, долго рылся въ немъ и, након-ецъ, съ грубою гордостью *дателл*, подаль лакею мелкую монету....

— Чего? протяжно пропзнесъ лакей, не принимая подач-ки: я, братъ, не *шпарейка*.... гривенничковъ не потреб-ляю.

— Экъ расчванился! Я, братъ, самъ съ четвертачкомъ отъ-бхалъ.

— А покажь-ка чтò за пазухой?

— Эка чортова кукла! возразилъ Кнутовъ, принужденно засмѣявшись; на, вѣтъ!

Лакей удовольствовался полтинникомъ и, взявъ еще въ добавокъ изъ мѣшка книжку почитать, ласково проводилъ букиниста.

ГЛАВА IV.

Мало.... мало.... мало!

Когда букинистъ вышелъ изъ кабинета, Николай Алек-сандровичъ выпрямился, поднялъ глаза къ небу и вдох-нулъ изъ глубины души.

На дворъ было уже совсѣмъ свѣтло.

Николай Александровичъ подошелъ къ окну, поднялъ штору, опять посмотрѣлъ на третій этажъ противоположна-го дома, потомъ сѣлъ къ письменному столу, написалъ ко-роткое письмо, вложилъ его въ конвертъ, вмѣстѣ съ ассиг-націями, запечаталъ и позвонилъ.

— Снесешь это письмо по адресу, сказалъ онъ вошедшему лакею; но сперва дай мнѣ одѣться.

Наскоро напившись кофе, Николай Александровичъ съ особенною заботливостью приступилъ къ своему туалету.

Николаю Александровичу было двадцать четыре года, но казалось едва двадцать. Онъ былъ средняго роста, нѣсколь-ко худощавъ, строенъ и гибокъ; отъ отца перенялъ онъ при-вычку держаться чрезвычайно прямо и отканувъ нѣсколько голову назадъ. Черты блага, нѣжнаго, почти женственнаго лица были правильны, но постоянное небрежно-презритель-ное выраженіе придавало имъ вѣчто непріятное, не распола-гавшее съ перваго взгляда въ его пользу. Впрочемъ это бы-ла одна маска, быть-можетъ, даже невольно заимствован-ная Тучиновымъ у тѣхъ *свѣтскихъ* молодыхъ людей, въ кругу которыхъ онъ жилъ, и считающихъ привѣтливость первѣйшимъ признакомъ мѣщанскаго происхожденія.

Только по временамъ, въ минуты сильныхъ ощущеній, темно-голубые глаза Николая принимали почти черный цвѣтъ, и тогда лицо его теряло приторное, отталкивающее выраженіе.

Употребивъ полтора часа времени на туалетъ, Николай Александровичъ вернулся въ кабинетъ въ щегольскомъ сюр-тучкѣ, въ петличкѣ котораго была небрежно повязана лен-точка. Остановившись передъ зеркаломъ, онъ поправилъ еще галстухъ, пригладилъ природныя, густыя, бѣлокурыя куд-ри и, не переставая смотреть въ зеркало, сталъ надѣвать перчатки.

Сильный звонъ колокольчика заставилъ его отвернуться отъ зеркала.

— Кто тамъ? спросилъ онъ вошедшаго лакея.

— Какой-то человекъ, небрежно отвѣчалъ послѣдній, по-

давая барину четырехугольную бумажку, замывшую, по-видимому, визитную карточку.

Николай Александрович взглянул на имя, написанное на бумажке, невольно вздрогнул и произнесъ въ полголоса:

— Лихаревъ!... Прости, прибавилъ онъ вслухъ.

Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ вошелъ въ кабинетъ. На немъ была довольно поношенная венгерка. Рыжіе усы подпирали красноватый носъ.

— Бонжуръ, моншеръ! закричалъ онъ, протянувъ обѣ руки впередъ и скоро приближаясь къ Николаю Александровичу.

Последній слегка покраснѣлъ, подаль руку и, не смотря на то, что Лихаревъ трясъ ее изо всѣхъ силъ, не отвѣчалъ даже пожатіемъ.

— Пардонъ, моншеръ, что я такъ, безъ сантиментальностей, зашелъ къ вамъ.... да знаете, ѣду мимо, и вдругъ вспомнилъ: Ахъ ты дьявольщина! Тучиновъ тутъ живетъ.... Надобно сдѣлать реверансъ. Знаете, что-то кровное, какая-то симпатія рождается между людьми, которые за зеленымъ столомъ рѣжуются съ благородствомъ....

— Садитесь, пожалуйста, перебилъ его съ судорожною живостію Николай Александровичъ, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на лицѣ лакея, принявшагося опять убирать комнату. Гдѣ письмо? спросилъ онъ отрывисто лакея, и когда послѣдній подаль ему требуемое, продолжалъ: Ступай, я тебѣ тысячу разъ говорилъ, чтобы ты не пылилъ, когда я дома.

— Экой ты, братецъ! Видно недавно лапти силъ! вскричалъ Лихаревъ, безъ церемоніи разваливаясь на диванъ.

Лакей ушелъ, не удостоивъ его даже взгляда.

— Борисъ Астафьевичъ, сказала Николай Александровичъ, подавая письмо Лихареву: вы видите, что я не забылъ васъ.

— Что это? небрежно спросилъ Лихаревъ.

— Это маленькое извиненіе въ томъ, что я не могу выплатить всего долга ранѣе третьяго часа, но вотъ пока болѣе половины ...

— Помилуйте, сосчитаемся! Вы, пожалуй, еще подумаете, что я пришелъ къ вамъ за этимъ долгомъ.... Вы меня обижаете, моншеръ!

— Нѣтъ, серьезно отвѣчалъ Николай Александровичъ; но мнѣ самому крайне стыдно, что я рѣшительно не имѣю возможности заплатить сейчасъ своего долга.... Я знаю, что безчестье падаетъ на того, кто не заплатитъ карточного долга въ сутки, но надѣюсь на вашу снисходительность....

Боже мой! какъ легко люди играютъ словами!...

Не заплатить портному, сапожнику, несчастному труженнику, въ потъ лица зарабатывающему насущный кусокъ хлѣба, не заплатить бѣдняку, у котораго жена и дети зябнуть въ холодной квартирѣ, потому-что не на что купить дровъ; который теряетъ выгодную работу, потому-что не на что купить матеріаловъ; котораго хозяинъ гонитъ со двора, потому-что ему не чѣмъ заплатить *впередъ* за квартиру, не заплатить такому челоуку — *не бѣда*. Какое дѣло до того, что доверчивый бѣднякъ пострадаетъ? Главное то, чтобы не пострадала *честь* должника.

Но, — не заплатить долга карточного, не заплатить челоуку, вовсе не нуждающемуся въ этихъ деньгахъ или проигравшему ихъ въ тотъ же вечеръ, не заплатить подобнаго долга, — *безчестно!*

И на какомъ порядкѣ основанъ этотъ грозный, *святскій законъ*?

Не заплатить карточнаго проигрыша значитъ обидѣть беззащитнаго, безоружнаго, ибо подобный долгъ не обезпеченъ гражданскими законами; ergo — онъ подлежитъ законамъ чести.

Пышное, но нелъное заключеніе.

Природныя, естественныя права каждаго челоука пользуются защитою и покровительствомъ законовъ, — я говорю собственно о законахъ, а не о частномъ примѣненіи ихъ, — ибо природа есть источникъ законовъ.... *Natura est fons juris*. Слѣдовательно только самыя превратныя, скажу болѣе, развращенныя понятія могли подчинить строгому суду чести.

ти *нестественно*е приобрѣтеніе и избавить отъ этого суда *трудо*во.

Такъ, къ сожалѣнію, *свѣтъ* искажилъ самыя простыя, самыя первыя понятія о добръ и злѣ.

— Помилуйте, возразилъ Лихаревъ на извиненіе Николая Александровича: мы, съ вами, я надѣюсь, сразимся еще на пикахъ, поиграемъ на бубнахъ! Ха, ха, ха!... Да какъ вы важно живете! Будуарная роскошь-съ; настоящіи фершампенуазъ!

Николай Александровичъ не зналъ что отвѣчать непрошенному гостю и машинально мялъ одну перчатку.

— Вы одни здѣсь живете или въ складчину съ кѣмъ-нибудь? продолжалъ Борисъ Астафьевичъ.

— Одинъ.

— Важно! Это не по нашей препорціи....

Вѣсто зеркаль, вазъ прекрасныхъ,

На столѣ стоятъ....

мѣдный шандалъ, да бутылка съ квасомъ. Ха, ха, ха! А позвольте узнать, что это за *физикъ*? продолжалъ Лихаревъ, указавъ на статуэтку, стоящую на каминѣ.

— Это Вольтеръ.

— Вдольтеръ? А-а, важно! Читалъ, читалъ: Ивангоз, Пертская красавица.... де-Шаилеть-съ переводилъ.

Николай Александровичъ улыбнулся, но не смелъ за нужное переобразовывать Бориса Астафьевича.

— Это еще что за фантифлюшка? спросилъ опять послѣдній.

— Гдѣ? спросилъ Тучиновъ, которому гость начиналъ порядочно надоедать. Это курильница.

— Ага, фиміамъ, ароматъ, бальзамъ, понимаю. Чортъ ихъ знаетъ, что выдумаютъ! А все Французы; такіе, право, артисты!... А это....

— Извините, Борисъ Астафьевичъ, но мнѣ необходимо нужно идти со двора....

— Я задерживаю васъ! Чтò же вы прямо не скажете? Пожалуйста, моншеръ, разъ на-всегда прошу васъ быть со мною безъ церемоній.... Балахъ и симпатія! вотъ мой девизъ. Если хотите, такъ я доведу васъ.... у меня свой экипажъ.

— Благодарю, я хочу пройтись пѣшкомъ.

— Подъ шляпки заглядывать! Курмахеръ, бонвиванъ! Ха, ха, ха!...

И Лихаревъ безъ церемоніи взялъ Николая Александровича подъ-руку и, громко смѣясь, почти насильно вытащилъ его въ переднюю.

Лакей, не обращая вниманія на гостя, подалъ шубу своему барину, но Борисъ Астафьевичъ преспокойно обождалъ, продолжая говорить и, когда лакей пошелъ отворять дверь, крикнулъ:

— Человѣкъ! Подай же мнѣ шубу!

А шуба Бориса Астафьевича, была не болѣе, какъ истасканная шинель на ватъ, съ рыжимъ, истертымъ, еното-вымъ воротникомъ.

Въ то самое время, какъ Николай Александровичъ и Борисъ Астафьевичъ вышли въ снѣи, съ парадной лѣстницы сходилъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ.

Неожиданное появленіе его произвело и на сына, и на Лихарева странное впечатлѣніе. Николай Александровичъ покраснѣлъ; Лихаревъ насупилъ брови, но тотчасъ же придалъ лицу своему прежнее, безпечное, почти нахальное выраженіе, и смѣло пошелъ впередъ, напѣвая:

Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ,

Изъ трактира въ....

Николай Александровичъ смутился пуще прежняго и, слыша за собою шаги отца, обратился къ Лихареву и, не подавая ему руки, сказалъ съ вѣжливостью, въ которой замѣтно было болѣе замѣшательства, нежели холодности:

— Прощайте, Борисъ Астафьевичъ.... я долженъ съ вами

разстаться.... Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ батюшкѣ....

Лихаревъ поспѣшно обернулся, и какъ бы только теперь увидѣвъ подошедшаго Тучинова, сталъ расшаркиваться, вздергивая плечи и приподымая измятую шляпу, со слѣпившимся шелковымъ пухомъ, и лоснившуюся такъ, какъ будто бы ее выназали яичнымъ бѣлкомъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство, сказалъ онъ съ ужимками: честь имѣю рекомендоваться, я не служащій дворянинъ, задушевный пріятель вашего Николая....

Тучиновъ, высившійся надъ безцеремоннымъ дворяниномъ почти цѣлою головою, гордымъ и холоднымъ взглядомъ окинулъ его съ ногъ до головы. Но взглядъ этотъ нимало не смутилъ Лихарева.

— Вѣроятно, продолжалъ онъ съ прежними ужимками: въ утренній променажъ собираетесь. Се тре шарманъ....

— Николай, мнѣ нужно поговорить съ тобою, сказалъ Тучиновъ, отвернувшись отъ Бориса Астафьевича.

— Пардонъ, моншеръ, мнѣ некогда ждать; я отправляюсь, сказалъ Лихаревъ, ударивъ по плечу Николая Александровича.

Онъ, казалось, съ намѣреніемъ поступалъ съ фамильярностію, болѣе и болѣе смущавшею молодого чловѣка въ присутствіи отца.

— Мое почтеніе, ваше превосходительство, продолжалъ Лихаревъ. Адьо, моншеръ, адьо! прибавилъ онъ, сдѣлавъ ручку Николаю Александровичу.

Выйдя на крыльцо, передъ которымъ стоялъ красивый, двухъестный возокъ Тучинова, Лихаревъ крикнулъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Эй, подавай!

— Здѣсь, баринъ, здѣсь! отвѣчалъ хриплымъ голосомъ ободранный ванькѣ, почтительно отъѣхавшій отъ господскаго экипажа.

Лихаревъ еще разъ обернулся къ сынамъ, произнесъ съ достоинствомъ:

— Мое почтеніе! и сошелъ съ крыльца.

— Что это за чловѣкъ? строгимъ голосомъ и пасупивъ брови спросилъ Тучиновъ сына.

— Я его встрѣчалъ раза два въ обществѣ.... съ замѣшательствомъ отвѣчалъ Николай.

— Хорошо должно быть общество! съ ѣдкимъ презрѣніемъ произнесъ Тучиновъ: ты компрометируешь себя съ этими людьми! Твой знакомецъ очень похожъ на шулера....

Яркая краска бросилась на лице Николая.

— Ты вчера опять не былъ въ должности? продолжалъ отецъ, перемѣнивъ презрительный тонъ на строгій.

— Я былъ на утреннемъ концертѣ....

— Прекрасно! однако жъ надобно же хоть показываться въ должность! Ты думаешь, пріятно мнѣ слышать: Николай Александровичъ не былъ, ждемъ Николая Александровича, Николай Александровичъ не подписалъ! *Мелкія твари* очень рады, что ты, своимъ поведеніемъ, подаешь орудіе ихъ зависти.... Прошу покорно впередъ быть поаккуратнѣе!

И съ этими словами Александръ Матвѣевичъ величественно пошелъ къ крыльцу.

Кучеръ натянулъ уже возжи, лошади зашевелились, лакей отворилъ дверцы кареты, когда Тучиновъ еще разъ обратился къ сыну:

— Куда ты теперь?

— Въ должность.

— Я бы взялъ тебя съ собою, но не хочу, чтобы сказали, что я насильно привезъ тебя.... Въ департаментъ! прибавилъ онъ почти вполголоса лакею, захопывавшему подножку.

— Въ департаментъ! громогласно крикнулъ лакей кучеру, защелкнувъ дверцы.

И красивыя лошади помчали карету такъ быстро, что догнали и чуть не задавили ваньку, на которомъ плелся Борисъ Астафьевичъ.

Съ послѣднимъ произошла странная перемена, когда онъ отъѣхалъ отъ дома Тучинова. Лицо его приняло задумчивое, почти печальное выраженіе.... Вынувъ изъ кармана кон-

верть, въ которомъ заключались ассигнаціи, онъ сосчиталъ послѣднія, прикрываясь шинелью, раздѣлилъ ихъ на три пачки, спряталъ каждую въ особый карманъ и, подумавъ нѣсколько минутъ, произнесъ про себя съ глубокимъ вздохомъ:

— Мало.... мало.... мало!...

Ванька поворотилъ въ Мыщанскую и остановился у входа въ сберегательную кассу.

Полчаса спустя Борисъ Астафьевичъ вышелъ оттуда.

— На Васильевскій! сказалъ онъ извозчику.

На острову онъ остановился у табачной лавочки, самаго скромнаго вида. На окнѣ лавочки были выставлены два портрета, мужской и женскій, написанные масляными красками. Лихаревъ болѣе часу пробылъ въ лавочкѣ и вышелъ оттуда съ веселымъ, радостнымъ лицомъ.

Съ острова онъ поѣхалъ въ Гороховую; остановившись на углу Большой Мыщанской, расчитался съ извозчикомъ и вошелъ въ трактиръ.

ГЛАВА V.

Тайственное письмо.

Нѣсколько времени спустя Татьяна Ивановна зашла къ Юлію Карловичу, понаведаться о здоровьѣ.

Она застала жену доктора въ сильномъ волненіи. Глаза Аннеты были красны, заплаканы. Любопытство Татьяны Ивановны было сильно возбуждено; другая, менѣе любопытная женщина, пустилась бы въ распросы изъ участія, но старая дѣва притворилась, будто бы ничего не замѣчаетъ и затѣяла веселый разговоръ, разсчитывая довольно вѣрно, что если у Юліи Карловны есть какое-нибудь горе, то она выскажетъ хоть часть его, чтобы избавиться отъ пустаго разговора и настроить его на состояніе ея души.

Татьяна Ивановна не ошиблась. Вынужденная веселость

тягостные слезы и жалобъ. Четверть часа спустя послѣ прихода гости, Юлія Карловна обратилась къ дочери, сидѣвшей за пяльцами.

— Аннета, сказала она ей: поди, сыграй намъ что-нибудь.

Молодая дѣвушка, какъ бы угадавъ мысль матери, ушла въ другую комнату и стала играть тихое адажіо, не препятствовавшее Юлію Карловичу и гостямъ продолжать разговоръ, однако жъ столько покрывавшее голоса, что звуки ихъ не могли дойти до фортепіано.

— Я нарочно выслала Аннету, сказала Юлія Карловна, опустивъ глаза на рукодѣлье, которымъ была занята.

— Зачѣмъ? спросила старая дѣва съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я хочу сообщить вамъ весьма непріятное для насъ происшествіе.

— Ахъ, Боже мой! Съ вами случилось несчастье? вскричала Татьяна Ивановна, нарочно употребивъ послѣднее слово, чтобы заставить хозяйку высказать всю истину.

— Нѣтъ, благодаря Бога, не несчастье, а большая непріятность. Зная вашу привязанность къ нашему дому, я почти считаю долгомъ сообщить вамъ это дѣло, тѣмъ болѣе, что вы, вѣроятно, не откажетесь помочь мнѣ советомъ....

— Говорите, говорите, Юлія Карловна! съ живостію возразила Татьяна Ивановна, любопытство которой было возбуждено до-нельзя; не только советомъ, но даже дѣломъ готова помочь вамъ.... Что же случилось?...

Лицо Юліи Карловны приняло строгое выраженіе; глаза ея сверкнули; молча вынула она изъ рабочаго ящика распечатанное письмо и подама его гостямъ.

— Что это? спросила послѣдняя, взявъ письмо, но не раскрывая его.

— Читайте.

Старая дѣва съ жадностію раскрыла письмо и стала читать. Каждое слово, сопровождаемое унылыми звуками фортепіано, поражало ее изумленіемъ, страхомъ.

Содержаніе письма было слѣдующее:

«Я люблю васъ. Вы это знаете, потому-что сердце мое высказалось въ тотъ единственный, счастливѣйшій въ жизни моей вечеръ, когда рука ваша покоилась въ моей рукѣ, когда я, не будучи узнавъ, всматривался въ ваши ангельскія черты, вслушивался въ вашу мелодическій голосъ.... Слова мои возмутили вашу ангельскую невинность; вы удалились отъ меня, не выслушавъ моихъ оправданій и, вѣроятно, сохранили тягостное, непріятное воспоминаніе о человѣкѣ, дерзнувшемъ возмутить на мгновеніе ясную, свѣтлую жизнь вашу. Можетъ-быть вы даже вовсе забыли его.... Последняя мысль для меня горестнѣе первой. Ради Бога, дочитайте это первое и послѣднее письмо до конца; не пугайтесь, вы видите, что я стараюсь удержать порывы сердца, негодующаго на холодныя слова, которыми я прикрываю ощущение его. Я не хочу, чтобы вы приняли это письмо, какъ пошлое, дерзкое изъясненіе; я умоляю объ одномъ: сохраните обо мнѣ воспоминаніе, и да защититъ это воспоминаніе ваше сердце.... Оно должно принадлежать мнѣ, потому-что я первый оцѣнилъ его; оно должно принадлежать мнѣ какъ владыка принадлежитъ рабу, добровольно покорившемуся и принесшему всю жизнь свою въ даръ этому владыкѣ....

Матеріальныя, свѣтскія препятствія разлучаютъ насъ теперь, но я преодолею ихъ. Это цѣль моей жизни. И когда я достигну этой цѣли, этого блаженства, тогда, только тогда, вы получите отъ меня еще письмо;—оно будетъ предвѣстникомъ моего появленія....

Любить—счастіе и горе; быть любимымъ—чистое блаженство. Последнее вамъ, первое мнѣ.»

Подписи не было.

Письмо выпало изъ рукъ Татьяны Ивановны.

— Анна Федоровна! произнесла она съ изумленіемъ, исполненнымъ болѣе упрека, нежели сожалѣнія.

— Аннета сама отдала мнѣ это письмо, съ материнскою гордостью и съ живостью возразила Юлія Карловна, угадавъ подозрѣніе старой дѣвы.

— Сама! повторила послѣдняя почти съ завистью, но тотчасъ же, какъ бы повинувшись другой мысли, прибавила радостно: Стало-быть она не читала?

— Читала, печально отвѣчала мать.

Наступило минутное молчаніе.

Татьяна Ивановна сжала губы и задумалась.

— Вотъ какъ это случилось, сказала хозяйка: мужъ мой, какъ вамъ извѣстно, уѣзжаетъ съ утра и возвращается только къ обѣду; мнѣ самой нужно было вѣхать сегодня утромъ со двора; Аннета осталась одна дома и въ это время получила.... дерзкое письмо, какъ будто бы безъименный сочинитель его выжидалъ этого случая....

— Гм! произнесла старая дѣва и быстрымъ, косвеннымъ взглядомъ окинула сверху до низу противоположный домъ.

— Такъ какъ Аннета нерѣдко получаетъ записки отъ своихъ пріятельницъ, продолжала Юлія Карловна, то, не подозрѣвая ничего дурнаго, распечатала письмо и....

— Разумѣется не дочитала? сказала Татьяна Ивановна, продолжая изучать этажи противоположнаго дома.

— Увлеченная ли любопытствомъ, изумленіемъ или смущеніемъ, но Аннета дочитала письмо до конца. Она сама призналась мнѣ въ томъ.

— Гм! Вы правду говорите, это непріятное, чрезвычайно непріятное обстоятельство.... Кто занимаетъ тутъ, напротивъ, бельэтажъ?

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тучиновъ; онъ занимаетъ и половину нижняго этажа, машинально отвѣчала хозяйка.

— Тучиновъ?.... ага!... Дась, Юлія Карловна, это обстоятельство тѣмъ непріятнѣе, что можетъ имѣть вредное вліяніе на Анну Федоровну....

— Какое вліяніе? съ гордостью спросила курляндская дворянка. Я такъ воспитала свою дочь....

— Кому вы это говорите! Вы, Юлія Карловна, такая мать, какихъ не много.... Это я скажу передъ цѣлымъ свѣтомъ.... Но вы знаете, дѣвчье сердце легко принимаетъ впечатлѣнія, оно мягко какъ воскъ....

— Чѣмъ оно мягче, тѣмъ легче передѣлать его.

— Точно, Юлія Карловна, коли доищешься до него, а то иногда оно такъ глубоко спрятано....

— Отъ постороннихъ, но не отъ матери. Впрочемъ я напрасно спорю, потому-что въ душѣ почти согласна съ вами.... Не можетъ быть, чтобы это несчастное письмо не произвело на нее впечатлѣній....

— Я тоже думаю; извините, Юлія Карловна.... а въ третьемъ этажѣ кто живетъ?

— По правую сторону вдова полковника, а по лѣвую архитекторъ.

— Семейный?

— Да.

— А у вдовы дѣти есть?

— Двѣ племянницы.

— Гм!... Я замѣтила по глазамъ ея, что Анна Федоровна плакала?

— Она проплакала до моего возвращенія и, рыдая, бросилась мнѣ на шею, когда отдала мнѣ письмо, отвѣчала Юлія Карловна, прослезившись.

— Это не хорошій знакъ, Юлія Карловна, возразила Татьяна Ивановна, покачавъ головой.

— Почему?

— Если бы она отдала вамъ письмо, смѣясь, такъ это было бы гораздо лучше.... А то значить, что слова, просьба.... негодя, написавшаго это дерзкое письмо, запали въ сердечко ея. Простите мнѣ, Юлія Карловна, что я такъ смѣло излагаю передъ вами свое мнѣніе, но—коли Богъ мнѣ не судилъ жить сердцемъ, за то я много, много жила умомъ.... а умъ рѣже ошибается, нежели сердце.

Татьяна Ивановна вообще не любила говорить о своемъ безбрачномъ состояніи или говорила о немъ съ ядовитой злобой; въ первый, быть-можетъ, разъ, въ жизнь свою приняла она видъ жертвы судьбы вѣроятно потому, что задумала привести въ исполненіе какую-нибудь идею.

— Говорите, говорите, Татьяна Ивановна, сказала жена доктора; я знаю, что вы искренно любите насъ.... притомъ

же умъ хорошъ, а два лучше; а это письмо такъ смутило меня, что я не знаю на что рѣшиться, что предпринять....

— Понимаю, понимаю, Юлія Карловна.... тутъ по неволѣ растеряешься.... Въ четвертомъ этажѣ тоже, кажется, живутъ люди семейные; я вижу у окна кормилицу и дѣтей....

— Да, отвѣчала жена доктора; потомъ, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на Татьяну Ивановну, спросила: Вы не даромъ спрашиваете меня о жильцахъ противоположнаго дома?...

— Конечно, не даромъ, отвѣчала старая дѣва, улыбаясь. Я уже сказала, что готова служить вамъ не только советомъ, но и дѣломъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сочинитель этого письма живетъ по сосѣдству съ вами....

— Я тоже думаю.

— Прекрасно; постарайтесь же разузнать хорошенько о сосѣдяхъ, а я ручаюсь, что открою между ними виноватаго.

Юлія Карловна задумалась, потомъ покачала головой и спросила печально:

— Къ чему же это поведетъ?

— Какъ, къ чему! съ притворнымъ жаромъ вскричала Татьяна Ивановна: мы изобличимъ его! Федоръ Ивановичъ пойдетъ къ нему, пожуритъ его.... И если онъ заикнется, такъ мы затѣмъ такую исторію, что....

— Нѣтъ, Татьяна Ивановна, съ живостью возразила Юлія Карловна: этого-то я и не хочу! лучше молча перенести оскорбленіе, нежели пустить это дѣло въ огласку.

— И то правда, отвѣчала старая дѣва, покачавъ головой: и то правда!

— Я не хочу, съ гордостію продолжала курляндская дворянка: чтобы имя моей дочери было замѣшано въ одной изъ исторій, потѣшающихъ сплетницъ....

— Справедливо, Юлія Карловна; тѣмъ болѣе, что судьба бѣдныхъ женщинъ такова, что имъ ставятъ въ укоръ оскорбленіе, имъ же причиненное, сказала Татьяна Ивановна съ коварнымъ участіемъ.

— Какъ бы ни была низка любовная интрига, прибавитъ

ла Юлія Карловна съ горечью: свѣтъ всегда почти ставить ее въ честь мужчинъ.

— Точно; и насмѣшки обращаются на бѣдную же женщину.

— О, это низко! вскричала жена доктора, судорожно смявъ записку.

— Никто не повѣритъ, что Анна Федоровна сама отдала вамъ записку.....

Юлія Карловна подняла глаза къ небу.

— Скажутъ, продолжала старая дѣва, что вы перехватили ее.....

— Моя бѣдная Аннета!

— Люди такъ коварны, Юлія Карловна, продолжала Татьяна Ивановна, умственно расположившая ходъ разговора и безжалостно приближавшаяся къ своей цѣли: люди такъ коварны, что, пожалуй, скажутъ еще, что Анна Федоровна сама подала поводъ.....

— Никто не осмѣлится этого сказать! съ негодованіемъ вскричала мать.

— А кто, какой законъ запретить?... Ахъ, Юлія Карловна, плохо вы знаете людей! Признаюсь, я не обдумала дѣла, когда совѣтовала вамъ затѣять исторію. Не дай Богъ! Пусть это дѣло въ огласку, значитъ вмѣсто неприятности накликать тысячу бѣдъ! Никто не осмѣлится, говорите вы, сказать, что Анна Федоровна сама попросилась на письмо?... А кто зажметъ ротъ клеветѣ? Истина? Да кто спросить ее? Кумушки пустятся въ догадки и такую состреляютъ исторію, что доброе имя Анны Федоровны навсегда будетъ замарано!.... Извините, Юлія Карловна, но я, по искренней къ вамъ дружбѣ, говорю прямо, безъ обвиняковъ. Благодарите Бога, Юлія Карловна, до васъ еще не коснулось ядовитое жало клеветы..... между-тѣмъ какъ я,—продолжала старая дѣва, понизивъ голосъ,—уже много, много пострадала отъ нея. Сожгите это письмо, соберите даже пепель, чтобы вѣтеръ не разнесъ его, а не то клевета подхватитъ одну пылинку и изъ нея составитъ цѣлую гору! Клевета не придетъ къ вамъ, не спроситъ васъ: правда ли это?

Нѣтъ! Клевета живетъ догадками, внушаемыми злобой; она боится истины, потому-что истина убиваетъ ее. Клевета, подобно язвъ растеть szybko и, помѣрь распространенія, дѣйствіе ея становится ядовитѣе, смертельнѣе!..... Бойтесь клеветы, Юлія Карловна, бойтесь ее!.....

Слова старой дѣвы, произнесенныя рѣзкимъ, шипучимъ голосомъ, сжали сердце бѣдной матери.

— Боже мой! произнесла она со слезами отчаянія: какъ часто легкомысленный, необдуманый поступокъ разстроиваетъ спокойствіе цѣлаго семейства!....

— Успокойтесь, Юлія Карловна; если вы намѣрены уничтожить это письмо, то клеветѣ не будетъ поживы.

— Письмо уничтожить не трудно, но какъ уничтожить впечатлѣніе его на сердце Аннеты.

— Это дѣло времени.

— Но если онъ напишетъ другое письмо?

— Правда..... я объ этомъ не подумала.

— Я рѣшительно не знаю что дѣлать!....

Татьяна Ивановна заглянула въ сосѣднюю комнату. Аннеты тамъ уже не было.

— Гдѣ Анна Федоровна? спросила старая дѣва шопотомъ.

— Она, вѣроятно, ушла въ свою комнату.

Татьяна Ивановна придвинула свое кресло къ креслу хозяйки.

— Юлія Карловна, сказала она тихимъ голосомъ: я хотѣла подождать еще годикъ, но такъ какъ къ слову пришло, то объяснюсь съ вами теперь.

— Чтѣ такое? спросила хозяйка, удивленная таинственнымъ видомъ гостыи.

— Который годъ Анна Федоровна? спросила послѣдняя.

— Черезъ два мѣсяца будетъ восемнадцать.

— Счастливые годы!.... Думали ли вы о томъ, Юлія Карловна, что не сегодня, такъ завтра вамъ придется разстаться съ Анной Федоровной?....

— Думала, отвѣчала задумчиво мать: но мнѣ кажется, что это время еще далеко..... Аннета еще ребенокъ, не по лѣтамъ, а по характеру, по понятіямъ.

— Справедливо, Юлія Карловна, но въ ея лѣта понятія быстро развиваются; въ ея лѣта клевета слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ ея..... совѣтую вамъ подумать, и подумать серьезно о будущности Анны Федоровны. Чтобы погасить искру, зароненную въ сердце ея этимъ письмомъ, я знаю одно надежное средство,—отдайте Анну Федоровну за мужъ!

И старая дѣва устремила проницательный взоръ на жену доктора.

Последняя улыбнулась.

— Легко сказать, отвѣчала она: но не такъ легко исполнить.

— Отчего? съ живостію возразила Татьяна Ивановна; Анна Федоровна очень хороша собою.

— Да, она не дурна.

— Она прекрасно воспитана, образована.....

— Надѣюсь, что она будетъ добрая хозяйка.

— Она кротка, добра.....

— О! за это я могу поручиться.

— У нея..... будетъ хорошее..... приданое, произнесла старая дѣва, пристально смотря въ глаза хозяйкѣ.

— Лишняго не будетъ, спокойно отвѣчала Юлія Карловна: но въ необходимомъ она не будетъ нуждаться.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Благословите ее, да и подъ вѣнецъ.

— Вы забываете, возразила Юлія Карловна, улыбаясь: что сперва нужно найти жениха.

— Послушайте, Юлія Карловна, сказала старая дѣва шопотомъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: у меня есть женихъ на примѣть.

Жена доктора съ изумленіемъ посмотрѣла на гостью. Последняя продолжала:

— Я знаю, что матери не очень-то любить, чтобы посторонній мѣшались въ ихъ дѣла, а потому никогда не осмѣлилась бы предложить вамъ жениха, если бы я была въ этомъ случаѣ *вообще* посторонняя..... Выслушайте меня: вы за большимъ богатствомъ не гонитесь?

— Нѣтъ; но желаю челоуѣка достаточнаго.

— Прекрасно. При достаткѣ не худо имѣть порядочный, хоть и не большой чинъ..... такъ? Вамъ нуженъ не вертопрахъ какой-нибудь, а челоуѣкъ солидный, доброй нравственности, честныхъ правилъ; не мальчишка и не старикъ, а мужчина въ самыхъ прекрасныхъ лѣтахъ, отъ тридцати до тридцати пяти; красота въ мужчинѣ постороннее дѣло, лишь бы не было никакихъ тѣлесныхъ пороковъ..... Обстоятельства, въ которыхъ вы находитесь, такого рода, что надобно поспѣшить свадьбой, а между-тѣмъ вамъ необходимо нужно короче разузнать будущаго мужа вашей дочери; жениха же, мною предлагаемаго, вы давно знаете, вы удостоиваете его вашей дружбой.....

Юлія Карловна пристально посмотрѣла на Татьяну Ивановну; она почти угадала имя жениха, но ждала подтвержденія. Наконецъ, видя, что старая дѣва молчитъ, она отвѣчала:

— Признаюсь, Татьяна Ивановна, что я, какъ мать, не могу желать Аннетъ лучшаго жениха; но хоть я и намѣрена направить выборъ своей дочери, однако жъ принуждать ее не буду.

— Я въ этомъ никогда и не сомнѣвалась; но, чтобы направить выборъ, надобно пользоваться временемъ; не надобно дать сердцу Анны Федоровны время сдѣлать этотъ выборъ безъ вѣлома матери.....

— Но вы не сказали мнѣ имени вами предлагаемаго жениха?

— Неужели вы не угадали?

— Можетъ-быть догадываюсь, но не угадала.

— Его зовутъ.....

Старая дѣва не договорила, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги Федора Ивановича; Татьяна Ивановна скоро схватила со стола письмо и подала его хозяйкѣ, но та не замѣтила этого движенія, и Татьяна Ивановна поспѣшно спрятала письмо въ свой ридикюль.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ съ докторомъ, старая

дѣва встала, съ особенною нѣжностію поцѣловала Юлію Карловну въ обѣ щеки и простилась.

Хозяйка проводила гостью; послѣдняя пожала ей руки, еще разъ поцѣловала ее и шепнула:

— Подумайте хорошенько о нашемъ разговорѣ; а я скажу вамъ еще по секрету, что женихъ, мною предлагаемый, безъ ума отъ Анны Федоровны!... Вы знаете, братья обыкновенно повѣряютъ сестрамъ свои сердечныя тайны.....

И, вызвавъ на лицо самую нѣжную и пріятную улыбку, Татьяна Ивановна въ третій разъ и крѣпче прежняго поцѣловала хозяйку и удалилась.

— Сладила дѣльцо! шептала она съ торжествомъ, сходя съ лѣстницы.

Юлія Карловна задумчиво вернулась въ гостиную.

Докторъ нетерпливо барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла. Было четверть перваго, а онъ обыкновенно завтракалъ ровно въ полдень.....

ГЛАВА VI.

Потеря и находка.

Татьяна Ивановна побывала еще въ двухъ, трехъ мѣстахъ и, въ исходъ третьяго часа, поспѣшно возвращалась домой.

Въ то самое время, когда она переходила черезъ улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гороховая пересѣкаетъ Большую-Мѣшанскую, изъ трактира, находящагося на углу этихъ двухъ улицъ, вышелъ Лихаревъ.

Шивель его была на распашку; шляпа надѣта на бекрень; лицо его было красно и сіяло самодовольствіемъ человека, плотно пообѣдаваго. Выйдя на троттуаръ, Борисъ Астафьевичъ сталъ осмариваться на обѣ стороны, какъ бы не зная куда идти и гдѣ убить время.

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна, совершенно углубившись въ размышленія о начатомъ сватовствѣ, не замѣтила,

что съ одного конца улицы на нее набѣжалъ тяжелый возокъ, а съ другой сани.

Громкое: *пади!* извозчика въ саняхъ заставило ее очнуться.

Она вздрогнула и отскочила назадъ.

— *Брегись!* закричалъ кучеръ возка, и въ то же мгновеніе старая дѣва услышала почти надъ собою храпѣніе лошадей.

Она растерялась, вскрикнула и бросилась назадъ къ троттуару, но въ поспѣшности и со страху уронила ридикюль. Тяжело ударился патриархальный мѣшокъ обѣ землю; платокъ, связка ключей и нѣсколько мѣдныхъ денегъ выпали изъ него, на потѣху прохожимъ и извозчикамъ, толпившимся у колоды.

Все это совершилось въ одно мгновеніе, такъ что Лихаревъ, узнавшій Татьяну Ивановну, подоспѣлъ къ ней только въ то время, когда она добѣжала уже до троттуара.

— Не испугались ли вы, сударыня? спросилъ онъ, приподнявъ шляпу.

— Ахъ, Боже мой! мой ридикюль! вскричала старая дѣва. Лихаревъ поспѣшно поднялъ мѣшокъ, платокъ, ключи, подобралъ деньги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и шуточки окружавшихъ, и вернулся къ старой дѣвѣ.

Онъ прикидывался въ нее влюбленнымъ, обѣщалъ на ней жениться, выманывалъ у нея деньги взаймы безъ росписокъ и все говорилъ, что обстоятельства не позволяютъ еще ему сдѣлать ей предложеніе. Все это онъ просилъ ее хранить въ глубокой тайнѣ отъ отца ея и брата.

— Покорно благодарю, Борисъ Астафьевичъ, отвѣчала послѣдняя, когда онъ подалъ ей съ поклономъ ея ридикюль.

— Помилуйте, нѣ за что-съ, съ ужимками возразилъ Лихаревъ, потомъ прибавилъ тихимъ голосомъ: позвольте мнѣ имѣть счастье проводить васъ.

— Нѣтъ, уйдите, отвѣчала Татьяна Ивановна, скоро осмотрѣвшись, неравно встрѣтится знакомые.....

— По канавѣ народу мало.....

Зная настойчивость Лихарева и не желая напрасно терять времени, Татьяна Ивановна скоро поворотила къ канавѣ и пошла по троттуару, вдоль домовъ. Тамъ было еще менѣе народу, нежели близъ периль.

Лихаревъ, какъ я уже сказалъ, плотно пообѣдалъ, а потому былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и разсыпался въ нѣжностяхъ. Татьяна Ивановна слушала его разсыпано и, по временамъ, осматривалась съ безпокойствомъ. Наконецъ, не доходя Демидовскаго переулка, она такъ убедительно стала просить Бориса Астафьевича оставить ее, что онъ согласился, назначивъ однако жъ свиданіе въ тотъ же вечеръ. Чтобы избавиться отъ него, Татьяна Ивановна дала слово, и они разстались.

Старая дѣва пошла дальѣ, по направленію къ Средней-Мѣщанской, а Лихаревъ вернулся назадъ.

Возлѣ Каменнаго моста стоялъ столъ пирожника; хозяинъ сидѣлъ на тумбѣ и разбиралъ по складамъ какое-то письмо.

— Како, онъ—ко; глаголь, добро, азъ—гда; когда.... рцы, у—ру; како, азъ—ка; рука.... вѣди, азъ—ва; ша, азъ—ша; ваиа.... покой, онъ—по; како, онъ—ко; иже, люди, азъ—иа; слово, ерь—сь....

Последнее слово было такъ длинно, что соединеніе словъ его нѣсколько затруднило пирожника; въ то самое время, какъ онъ сталъ повторять склады, мимо него прошелъ Борисъ Астафьевичъ.

Пирожникъ машинально поднялъ глаза и, узнавъ Лихарева, поспѣшно сложилъ письмо.

— Баринъ, сказалъ онъ,—это письмо тоже вывалилось изъ мѣшка барыни, да вы не замѣтили. Извольте получить.

Лихаревъ небрежно взялъ письмо изъ рукъ пирожника, кивнулъ ему головою и пошелъ дальѣ. Машинально прочиталъ онъ нѣсколько словъ, и на лицѣ его выразилось изумленіе; потомъ онъ засмѣялся, поспѣшно развернулъ письмо и сталъ читать со вниманіемъ.

День былъ довольно теплый; обильные приемы травничка

и березовки согрѣвали внутренность Бориса Астафьевича, и онъ шелъ, пустивъ шинель на распахку.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, изумленіе его увеличивалось; наконецъ онъ не вытерпѣлъ, перевернулъ письмо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, но—адреса не было; оно, по-видимому, было вложено въ конвертъ.

— Это не къ ней!... Не можетъ быть! произнесъ про-себя Лихаревъ: «ангельскія черты»—хороши должны быть ангелы, если похожи на нее!... «мелодическій голосъ».... какъ же-сь! Филармоническое общество!... «ангельскую невинность».... Нѣтъ, это не къ ней!

Онъ продолжалъ читать.

— Ни адреса! ни подписи! сказалъ онъ, дочитавъ и осмотрѣвъ еще разъ письмо со всѣхъ сторонъ. Экая сантиментальная гемеопатія! проворчалъ онъ, складывая письмо; но, можетъ-быть, это письмо выпало и не изъ ридикюля Татьянички? Все равно, я сберегу его, авось понадобится когда-нибудь написать амурное объясненіе.... Штуки! понимаю теперь.... Татьяна Ивановна подцѣпила гдѣ-нибудь это письмецо какъ документъ... Аттанде-сь! Судьба состроила другой маневръ.... Можетъ-быть моя кралечка хотѣла маленько пожуривать на счетъ репутаціи какой-нибудь бѣдной дѣвушки....

При последней мысли лицо Лихарева приняло серьезное, почти грустное выраженіе.... Богъ знаетъ, куда занесли его мысли.... Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ въ задумчивости, потомъ тряхнулъ головою и, ускоривъ шаги, сталъ напѣвать про-себя:

Не достанься же, моя штатешка,
Ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему....

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна дошла до дому; первотою заботою ея было припрятать письмо.... Безъ намѣренія спрятали она его въ свой ридикюль, но потомъ тайная, коварная мысль заставила ее оставить это письмо у себя....

— Авось пригодится! подумала она.

Велика была досада ея, когда она замѣтила, что письмо пропало; тщетно выбирала она по одиночкѣ всѣ вещи изъ мѣшка, тщетно отряхала платокъ—письма не было.

— Какая досада! проворчала она, мысленно изчисляя всевозможныя выгоды, которыхъ она лишалась съ потерю этого письма.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей сошла она внизъ къ отцу; но, по мѣрѣ приближенія къ комнатѣ послѣдняго, лицо ея прояснилось; все злобное, коварное стиралось.... и, когда Татьяна Ивановна вошла въ комнату старика, сухое выраженіе лица ея уступило мѣсто нѣжной заботливости.

Иванъ Прохоровичъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Изъ-подъ лобья и съ эгоистическимъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ онъ на дочь.

Она подошла къ нему, поцѣловала костлявую, морщинистую руку и поправила шерстяной колпакъ на головѣ его.

— Здравствуйте, тятенька, сказала она, смотря въ глаза старику.

— Гуляйте.... веселитесь.... возразилъ онъ своимъ дрожавшимъ, прерывистымъ голосомъ: бросайте старика.... ладно.... ладно....

— Тятенька, я ходила по дѣламъ....

— Первое дѣло.... дочери.... пещись о родителяхъ....

— Не сердитесь, тятенька; посмотрите, что я вамъ принесла....

И какъ бы утѣшая ребенка, Татьяна Ивановна подала старику десятокъ пятачковыхъ, которые она собирала.... и копилка для него.

Видъ мелкой монеты внезапно разсѣялъ неудовольствіе Ивана Прохоровича. Устрашительная улыбка умножила морщины на лицѣ его, и, протянувъ дрожащую руку къ пятачкамъ, онъ спросилъ:

— Это.... это.... это.... кому?

— Вамъ, тятенька.

Старикъ хрипло засмѣялся и съ жадностію схватилъ деньги; съ судорожною силою сжалъ онъ ихъ въ кулакъ, а другою рукою погладилъ по головѣ дочь.

— Таничка моя.... дитячко.... все тебѣ.... все!... ему ничего!

Старая дѣва заботливо поправила халатъ отца, пододвинула подъ-ноги его скамеечку и съѣла къ окну, возлѣ котораго стоялъ рабочій столикъ.

Старикъ же принялся считать и пересчитывать пятачки.

ГЛАВА VII.

Трудъ и отдыхъ.

Захаръ Ивановичъ вернулся изъ должности угрюмый, сердитый.

Директоръ *распекъ* его за какое-то маловажное упущеніе, и выговоръ начальника имѣлъ на Опухтыва тѣмъ непріятнѣйшее дѣйствіе, что онъ крѣпко дорожилъ репутаціею безпорочнаго чиновника и точнаго исполнителя высшихъ приказаній. До-сихъ-поръ дурное расположеніе духа директора ограничивалось кабинетными замѣчаніями, но сегодня оно разразилось формальнымъ выговоромъ *при всѣхъ*.

Захаръ Ивановичъ былъ глубоко оскорбленъ, но молча и безъ малѣйшаго возраженія, не совмѣстнаго съ его понятіями о служебной дисциплинѣ, проглотилъ обиду.

Только когда директоръ ушелъ, онъ позволилъ себѣ обратиться къ своему помощнику и сказалъ ему тихимъ голосомъ:

— Вотъ, Василій Петровичъ, какъ мнѣ *изъ-за васъ* досталось!...

Этимъ ограничилась жалоба оскорбленной души Захара Ивановича.

Выходя изъ должности въ закопченный часъ, Захаръ Ивановичъ вовсе неожиданно наткнулся на директора, за-

говорившагося съ однимъ изъ начальниковъ отдѣлений, въ парадныхъ сѣняхъ.

Одна бѣда влечетъ за собою другую и даже, часто, много другихъ. Захарь Ивановичъ воображалъ, что директоръ уже за горами, а потому счелъ позволительнымъ выйти изъ должности. Глубоко почувствовавъ все неприличіе своего преждевременнаго выхода, Опухтинъ хотѣлъ-было вернуться и обождать наверху, когда его превосходительство уѣдетъ, но Тучиновъ уже замѣтилъ его,—и отступленіе могло показаться школьной продѣлкой, нимало не согласовавшеюся ни съ характеромъ, ни съ почетнымъ званіемъ Захара Ивановича.

Надобно было идти впередъ.

Придавъ спинѣ надлежащую покатость, лицу приличное выраженіе, Опухтинъ направилъ робкіе шаги къ швейцарской, гдѣ хранилась шуба его.

Сосредоточивъ все свое почтительное вниманіе на особу начальника и готовясь отвѣсить мимоходомъ низкій поклонъ, Захарь Ивановичъ забылъ о существованіи коврика, о который самъ же каждый день усердно и тщательно отиралъ сапоги, для того, чтобы *не внести сора въ избу*; правая нога его, почтительно скользившая по плитному полу, задѣла за край коврика; Захарь Ивановичъ споткнулся и со всего размаха налетѣлъ на его превосходительство.

— Что вы, что вы, Захарь Ивановичъ! вскричалъ Тучиновъ, довольно презрительно улыбувшись.

— Виноватъ, ваше превосходительство.... нечаянно.... не замѣтилъ.... несчастный случай....

Опухтину было очень жалко, что онъ не ударился лбомъ объ полъ или объ уголь; тогда, можетъ-быть, директоръ пожалѣлъ бы о немъ.

Онъ разсуждалъ довольно вѣрно: упасть и убиться до-смерти или, по крайней мѣрѣ, до-крови, называется — *несчастнымъ случаемъ*; споткнуться или упасть безъ вреда называется — *неловкостью*.

Пока Захарь Ивановичъ рассыпался въ несвязныхъ изви-

неніяхъ, Тучиновъ небрежно бросилъ ему слѣдующія слова:

— Тише ѣдешь, дальше будешь, Захарь Ивановичъ! и, отвернувшись, продолжалъ разговаривать съ начальникомъ отдѣленія, не отвѣчая даже на поклонъ Опухтина.

Послѣдній робко пробрался въ швейцарскую и просидѣлъ въ ней до тѣхъ поръ, пока карета директора не отъѣхала отъ крыльца.

Захарь Ивановичъ вышелъ на улицу съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, повторяя про-себя пословицу: Тише ѣдешь, дальше будешь! точно такъ, какъ меломанъ, по выходѣ изъ оперы, невольно повторяетъ мелодію, наибольше понравившуюся ему.

— Его превосходительство изволили пошутить, думалъ Захарь Ивановичъ: а я ужъ думалъ, что будетъ новое распеканье.... Тише ѣдешь, дальше будешь!... Камень съ души свалился.... Тише ѣдешь.... ай, батюшки!

Послѣднія два слова Захарь Ивановичъ произнесъ почти вслухъ; лицо его вытянулось, улыбка исчезла....

Новая, горестная мысль блеснула въ умъ бѣднаго Опухтина.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, повторилъ онъ про-себя,—да это не шутка! Это намекъ.... это новый выговоръ. Зачѣмъ-декать бѣжишь такъ скоро изъ должности? Нѣчто не видишь, что карета у подъезда? А чьи лошади у кареты? Чей кучеръ на козлахъ?... Вотъ тебѣ и тише ѣдешь!... А я поспѣшилъ, да людей насмѣшилъ!... Господи, Господи!...

Вотъ почему Захарь Ивановичъ вернулся домой угрюмый, сердитый.

Молча отобѣдалъ онъ съ сестрицей. Татьяна Ивановна хотѣла-было уже за обѣдомъ заговорить о затѣваемомъ его *отльцѣ*, но, замѣтивъ, что братецъ не въ духъ, удержалась.

Послѣ обѣда Захарь Ивановичъ сошелъ въ свой кабинетъ и принялся за чтеніе газетныхъ объявленій.

Татьяна Ивановна вернулась къ дряхлому старику, повзвела съ нимъ въ шашки, напоила его чаемъ и въ семь часовъ уложила спать.

Старая дѣва никогда не жаловалась на однообразную, тягостную жизнь, которую вела; мелочныя, но постоянныя, безконечныя попеченія объ отцѣ даже не утомили ее; прикованная къ одру полуживаго старика, впавшаго въ дѣтство, прихотливаго, раздражительнаго и упрямаго, она исполняла свои дочернія обязанности съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и, менѣе по чувству строгаго, холоднаго долга, нежели по повинунью голосу сердца....

И, быть-можетъ, въ ту самую минуту, когда нѣжное, сердечное чувство заставляло ее покориться эгоистической прихоти старика, быть-можетъ въ ту самую минуту умъ ея замышлялъ что-либо злобное, коварное противу ближняго....

Странная противоположность, встрѣчаемая ежедневно.

Уложивъ отца спать, Татьяна Ивановна посидѣла еще нѣсколько минутъ у кровати его; потомъ, когда старикъ заснулъ, она осторожно встала, заслонила хорошенько ночникъ и тихо-тихо вошла въ комнату брата.

Наступила глубокая тишина, прерываемая только тяжелымъ дыханіемъ старика да трескомъ свѣтильни въ ночникѣ.

Долго длилась эта тишина.

На верху стѣнные часы пробили восемь ударовъ.

Съ послѣднимъ ударомъ старикъ глубоко вздохнулъ и перевернулся.

Лежа на спинѣ, онъ открылъ свои тусклые, полугасшіе глаза и неподвижно устремилъ ихъ въ потолокъ. Потомъ губы его зашевелились; онъ, казалось, говорилъ, но ни малѣйшій звукъ не прерывалъ тишины.

Болѣе четверти часа пролежалъ онъ въ этомъ положеніи; потомъ тихо приподнялся и осмотрѣлся.

Ночникъ горѣлъ тускло; по временамъ пламя его вспыхивало, и тогда длинныя тѣни, ложившіяся отъ всѣхъ пред-

метовъ, по стѣнамъ, шевелились подобно привидѣніямъ, то растягиваясь, то сокращаясь.

Нѣсколько мгновеній слѣдилъ Иванъ Прохоровичъ за движеніемъ тѣней, потомъ сталъ прислушиваться.

Въ комнатѣ Захара Ивановича слышался тихій говоръ; но онъ не достигалъ до слуха старика.

Бросивъ послѣдній взглядъ на окно, сквозь которое просвѣчивалась синеватая полутьма отъ сарая, по краямъ котораго пробѣгалъ серебристый лунной свѣтъ, Иванъ Прохоровичъ медленно спустилъ ноги на полъ.

Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу его, но онъ не возвращался подъ одеяло, а напротивъ продолжалъ спускаться на полъ.

Опустившись на колѣни, онъ вѣпилъ дрожащими, костлявыми пальцами въ край постели и еще разъ осматрѣлся. Съ особенною боязнію взоръ его остановился на окнѣ, къ которому Татьяна Ивановна, по экономическому расчету, не сочла за нужное повѣсить штору, такъ какъ оно выходило на задворокъ, куда никто не заходилъ.

Кровать Ивана Прохоровича примыкала изголовьемъ къ печкѣ; со стороны кровати, въ уровень съ поломъ, были въ цоколѣ печи двѣ продушины.

Къ одной изъ послѣднихъ протянулъ старикъ руку. Невыразимая боязнь была написана на лицѣ его; рука его такъ сильно дрожала, что онъ долго не могъ попасть въ отверстіе продушины.... Наконецъ онъ коснулся холоднаго изразца и такъ поспѣшно отдернулъ руку, какъ будто бы обжегся....

Тихо обернулъ онъ тряскую голову къ образу, висѣвшему у изголовья кровати, и устремивъ на него жалобный, умоляющій взоръ, сотворилъ крестное знаменіе.

Потомъ наклонился подѣ кровать и вперилъ глаза въ продушину, какъ бы желая проникнуть во внутренность ея.... Опершись локтемъ лѣвой руки въ полъ, сталъ онъ протягивать правую къ продушинѣ; почти до локтя исчезла рука въ черномъ отверстіи и вдругъ остановилась, какъ бы коснувшись до чего-то....

Иванъ Прохоровичъ вздрогнулъ... Голова его тихо опустилась, и на лицѣ появилась улыбка мертвеца, подверженнаго дѣйствию гальванизма....

Между-тѣмъ Татьяна Ивановна съ жаромъ разговаривала съ братомъ.

Захаръ Ивановичъ, прочитавъ газету до послѣдней строки, вздремнулъ. Проспавъ часа полтора, онъ проснулся. Было семь часовъ. Стало быть оставалось три часа до времени, въ которое можно было упокоиться надлежащимъ образомъ.

Куда дѣвать эти три часа....

Вотъ вопросъ, который ежедневно задаютъ себѣ въ Петербургѣ нѣсколько тысячъ людей.

Отъ девяти до трехъ или четырехъ часовъ—трудъ; отъ четырехъ по полудни до девяти утра—отдыхъ. Такимъ милостивымъ распределеніемъ времени *человѣкъ трудящійся* себя очевидно не обижаетъ.

Но—увъ! двѣ трети, по-крайней-мѣрѣ, этихъ трудящихся не знаютъ какъ *убить* половину времени, предоставленнаго отдыху, не по недостатку въ средствахъ, а—по многимъ другимъ причинамъ.

Средства есть: общества, клубы, преферансы, бильярдъ, театры....

Но все это сопряжено съ расходами, превышающими часто приходъ трудящихся....

Театры,—роскошь, которую можно позволить себѣ пять, шесть разъ, не болѣе, въ году, если не посчастливится познакомиться съ фигурантомъ или свести знакомство съ капелъ-динеромъ.

Карты,—прекрасное средство, которому всю душою предается половина отдыхающихъ *труженниковъ*, но оно такъ завлекательно, что другая половина, болѣе безпорочная, боится не только прослыть, но даже сдѣлаться по страсти картежникомъ.

Бильярдъ,—нужно предварительное образованіе, которое обходится болѣею частью дороже университетскаго курса.

Общества,—общества или, пожалуй, вечеринокъ, вече-

ровъ *незванныхъ* у насъ почти нѣтъ; а чѣмъ ограничиваются званья?... Танцами, иногда; картами—всегда. *Бесѣду*, оживленную, веселую, разнообразную и, даже, поучительную можно встрѣтить въ Петербургѣ только въ нѣкоторыхъ избранныхъ домахъ. Счастливы тотъ, кто попадетъ въ одно изъ этихъ немногихъ обществъ.

Повторю, куда же дѣвать время, предоставленное отдыху?

Читать,—*глаза испортишь*; почитать можно, особенно коли интересная книжка попадется, но коли все читать да читать, такъ и надобсть.

Спать,—хорошее дѣло, даже весьма нравственное дѣло: кто спитъ, тотъ не грѣшитъ; да бока отлежишь.

Гулять,—тоже весьма пріятное дѣло; да сапоги денежекъ стоятъ, калоши тожъ.

Списывать стихи,—на это нужна поэтическая потребность сердца. Притомъ же писать, прописавъ цѣлый день,—монотонно.

Чтò же, наконецъ, дѣлать?

Есть еще одно средство не убить, а оживить время, удвоить, утроить каждую минуту....

Это средство называется *трудомъ*.

Предлагать для отдыха трудъ, довольно странно, но, вотъ въ чемъ дѣло:

Если бы человекъ обладалъ познаніемъ добра и зла, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, то человечество было бы совершенно во всехъ своихъ дѣяніяхъ.

Всѣ способности человека суть дары Провидѣнія.

Предполагать неравенство способностей значитъ сомнѣваться въ справедливости Провидѣнія, значитъ допустить безумную идею невозможнаго пристрастія.

Не *неравенство*, а *разнообразіе* существуетъ между способностями.

Между ними такое же сходство, какъ между величественнымъ дубомъ и полевымъ цвѣтомъ,—сходство *совершенства*.

Дубъ, будучи срубленъ и употребленъ, какъ строевой

матеріалъ, теряетъ свое первобытное величіе; сила и польза остались за нимъ, но и та, и другая условны, *не самостоятельны*.

Полевой цвѣтокъ, вплетенный въ волосы молодой дѣвушки, все еще граціозенъ, прелестенъ, но бытіе его сократилось; отлученный отъ того мѣста, на которомъ судила ему быть природа, онъ уже не соответствуетъ таинственному закону ея, по которому малѣйшая былинка въ мірѣ имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе....

Лишите лугъ всѣхъ цвѣтовъ, и видъ его будетъ унылъ, однообразенъ, неграціозенъ; за то тѣмъ очаровательнѣе будетъ видъ *одного* цвѣтка, случайно подняшагося между двумя травками.

Вырубите лѣсъ, и отсутствіе его будетъ имѣть ошутительное вліяніе на окружающую почву и даже на климатъ. И, чѣмъ значительнѣе была польза, которую человекъ извлекалъ изъ этого лѣса, тѣмъ сильнѣе и *нужда*, рождающаяся за отсутствіемъ его, и тѣмъ заботливѣе бережетъ человекъ единственное дерево, случайно уцѣлѣвшее.

Таково, быть-можетъ, происхожденіе тѣхъ громадныхъ, *необъемлемыхъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, деревьевъ, одиноко высіявшихся посреди пустынной равнины и широко разстилающихся свои вѣтвя въ вѣтви.... И усталый путникъ съ наслажденіемъ отдыхаетъ подъ его тѣнію, и любопытные, стекаясь со всѣхъ сторонъ, удивляются величію и силѣ его...

А между-тѣмъ чѣмъ отличило Провидѣніе это дерево? Ни чѣмъ.

Только человекъ, пощадивъ его, далъ ему возможность достигнуть совершеннаго развитія и остаться тѣмъ, чѣмъ судила ему быть природа.

Но *приличія свѣта* заглушили въ человекѣ некоторымъ образомъ естественныя наклонности и побужденія.

Никому не пришло еще въ голову собрать и написать ихъ. Собраніе ихъ возбудило бы паническій ужасъ или гомерическій смѣхъ въ самыхъ усердныхъ служителяхъ этихъ приличій.

Не смотря на то, каждый повинуется имъ, почти каждый подчиняетъ имъ свой естественный, законный произволь, заглушаетъ свои наклонности, покоряясь требованіямъ этихъ приличій и — *природное равновѣсіе нарушается*.

Отличный скотоводъ становится жалкимъ философомъ.

Прекрасный философъ—мелкимъ плутомъ-торгашомъ.

Дѣятельный, хитрый торгашъ—безтолковымъ издателемъ журнала.

Умный издатель журнала—безпечнымъ корректоромъ.

Зоркій корректоръ—рецензентомъ съ нелпыми направленіями.

Доброевѣстный рецензентъ—плохимъ сапожникомъ.

Сапожникъ—портнымъ.

Портной—булочникомъ....

И такъ далѣе.

Пусть каждый, въ минуту отдохновенія, справится со своими наклонностями, испытаетъ свои способности и—время отдыха не будетъ ему въ тягость; праздность не увлечетъ его въ грязный омутъ порока, который не есть еще преступленіе, но отъ котораго до послѣдняго — полшага....

Пусть каждый найдетъ въ себѣ особенное расположеніе къ какому-либо занятію, и тогда этотъ новый, добровольный трудъ будетъ не только пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ, но легкимъ средствомъ къ умноженію благосостоянія; тогда труженикъ настоящимъ образомъ оцѣнитъ и съ радостію проведетъ день воскресный, день всемірнаго отдохновенія отъ труда вольнаго и невольнаго....

Средство это такъ просто, что выгоды и удовольствія его очевидны; оно такъ естественно, что представилось уже нѣкоторымъ прямымъ, здоровымъ умамъ.

Есть чиновники, проводящіе все свободное отъ службы время въ сухихъ компиляціяхъ или утомительныхъ изчисленіяхъ, которыя служатъ иногда драгоценными матеріалами людямъ спеціальнымъ.

Есть чиновники, которые, запершись въ своей скромной квартиркѣ, проводятъ цѣлые часы съ гитарой или чеканомъ въ рукахъ.

Есть чиновники, которые зачитываются за полночь; объ них товарищи говорят, что они читаютъ въ журналахъ *все*, то есть не одну легкую словесность; эти люди пользуются репутацией людей *начитанныхъ* и къ нимъ прибѣгаютъ товарищи, для разрѣшенія какого-либо ученаго или литературнаго спора.

Кому не извѣстно, что есть чиновники—

Занимающіеся изготовленіемъ конвертовъ,

Раскрашивающіе картинки для дѣтскихъ книжекъ и кандидеровъ,

Гравирующіе на деревѣ, камнѣ и мѣди,

Переплетающіе книги,

Дѣлающіе игрушки,

Папиросы,

Продающіе чинѣныя перья?...

Я самъ зналъ нѣкогда чиновника, который мастерски тачалъ дамскую обувь.

Не правда ли, какъ это забавно? Чиновникъ — башмачникъ!

Не лучше ли засиживаться до полуночи въ трактирахъ, шлифовать мостовыя, придумывать разныя хитрости. Не лучше ли, для покрытія расходовъ на буйныя удовольствія, въ которыхъ тупѣетъ умъ и черствѣетъ сердце, не лучше ли прибѣгать къ уловкамъ, продѣлкамъ, не совсѣмъ благовиднымъ? Не лучше ли жаловаться на недостаточность содержанія, вмѣсто того, чтобы употребить свободное время на какое-нибудь честное занятіе и, пожалуй, хоть *ремесло*?

Многіе, къ сожалѣнію, скажутъ, что *лучше*, потому-что вьзяться за ремесло чловѣку служащему—

Стыдно!...

Вѣчно тѣ же превратныя, искаженныя понятія о добрѣ и злѣ.

Душевно желаю, чтобы эти немногія, не пышныя, но искреннія слова, сказанныя въ защиту нѣкоторыхъ честныхъ тружениковъ, робкихъ и кроткихъ по наружности, но исполненныхъ истинной энергіи въ глубинѣ души; чтобы эти слова проникли въ одно изъ тѣхъ скромныхъ убѣжищъ, гдѣ бѣднякъ, скрываетъ занятіе, съ помощію котораго онъ содержитъ честнымъ, благороднымъ образомъ престарѣлую мать, сестеръ, жену или дѣтей...

Я знаю одно изъ подобныхъ убѣжищъ. Конечно, острый юмористъ найдетъ въ немъ много смѣшнаго, каррикатурнаго, но чтобы описать это смешное нужно перо Диккенса и, особенно, *сердце* его...

Юморъ англійскаго романиста вызываетъ смѣхъ и слезы; онъ трогаетъ сердце и заставляетъ любить ближняго, не смотря на каррикатурную оболочку его.

Наши юмористы-натуралисты снимаютъ только шероховатую скорлупу съ орѣха; и герои—ихъ существа смѣшныя, невозможныя...

ГЛАВА VIII.

Ассигнаціи и пяточки.

Захаръ Ивановичъ придумалъ, какъ убить время. Онъ рѣшился идти къ одному изъ своихъ сослуживцевъ, жившихъ по близости, въ той надеждѣ, что авось составитъ преферансикъ.

Онъ сталъ уже одѣваться, когда Татьяна Ивановна принесла ему чай.

— Останьтесь, братецъ, дома, сказала она ему: мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.

Захаръ Ивановичъ, которому было все равно какъ бы ни убить время, повиновался и облекся опять въ халатъ. Уложивъ отца спать, старая дѣва вошла въ комнату брата.

Послѣ довольно продолжительнаго введенія, она, наконецъ, сообщила Захару Ивановичу намѣреніе женить его на хорошенькой дочери доктора.

Опухтину сначала представилось, что сестрица подшучиваетъ надъ нимъ, угадавъ, по своей тонкой проницательности, тайное, скрытое расположеніе его къ Аннетъ; но, убѣдившись, что сестрица говорила очень серьезно, и узнавъ, что она даже приступила уже къ дѣлу, Захаръ Ивановичъ, съ невольнымъ движеніемъ признательности, схватилъ со стола бумажникъ, досталъ изъ него десятирублевую депозитку и втиснулъ ее въ руку Татьяны Ивановны.

— Вотъ вамъ, сестрица, на новое платье! Закажите съ фалбалами, фестонами и всеми штуками! Я еще приплачѹ, коли этого не хватитъ!... Вы, то есть, сестрица, херувимчикъ!... Ну-те, ну-те, расскажите-ка хорошенько, что Юлія Карловна вамъ сказала?... Да сядьте на кресло, душечка, вамъ покойнѣе будетъ, а я стулъ возьму... Ну-те, ну-те!

Старая дѣва стала рассказывать; Захаръ Ивановичъ не пропускалъ ни одного слова и по временамъ, съ выраженіемъ сильнаго удовольствія, потиралъ руки и хлопалъ себя по колѣнямъ.

Разговоръ длился долго.

Татьяна Ивановна сообщила братцу весь свой планъ, давала ему подробныя наставленія какъ вести себя съ докторомъ, его женою и Аннетою; Захаръ Ивановичъ слушалъ внимательно...

Оба были такъ заняты интереснымъ разговоромъ, что не замѣтили легкаго движенія, послышавшагося въ сосѣдней комнатѣ.

Иванъ Прохоровичъ простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, какъ бы подавленный тяжестью чрезмернаго, чувственнаго наслажденія, превышавшаго силы его; потомъ сталъ медленно и съ усиленіемъ вынимать руку изъ продушвы.

Раздался глухой, невнятный звукъ металла; и старикъ снова вздрогнулъ и опять сталъ осматриваться.

Осторожно вытащилъ онъ, наконецъ, грязный, запыленный мѣшокъ; еще разъ погрузилась рука его въ черное отверстіе и вернулась оттуда съ довольно объемистой пачкой, обернутой ситцевымъ лоскуткомъ.

Руки старика почти не дрожали и въ глазахъ его былъ необыкновенный блескъ, когда онъ сталъ развязывать пачку и когда, наконецъ, жадному, нетерпеливому взору его представилась куча плотно-сложенныхъ ассигнацій... Иванъ Прохоровичъ взвѣсилъ ихъ на рукѣ и сталъ считать; но не дойдя до десятка, перевернулъ пачку и сталъ считать съ другаго конца...

Онъ сбился со счету, и только, какъ бы утѣшая себя, произносилъ шопотомъ:

— Все тутъ... все на лицо... все... — и пальцы его продолжали машинально перебирать ассигнаціи.

Иванъ Прохоровичъ и сынъ его одинаково любили деньги; но послѣдній увлекъ прогрессъ; старикъ придерживался того стариннаго правила, что для умноженія состоянія должно копить и конить; средство вѣрное, но медленное. Захаръ Ивановичъ же, напротивъ, твердилъ себѣ, что залежалая копѣйка остается копѣйкой; между-тѣмъ какъ, будучи пущена въ оборотъ, она легко превращается въ рубль; средство быстрое, но невѣрное.

Насмотрѣвшись на ассигнаціи, нащупавшись, Иванъ Прохоровичъ сталъ завязывать пачку; нѣсколько разъ развязывалъ онъ ее, чтобы бросить еще послѣдній взглядъ на свое сокровище; потомъ трижды перекрестилъ пачку и, съ выраженіемъ сожалѣнія на лицѣ, опустилъ ее обратно въ продушину.

Послѣ высокаго наслажденія, оставалось еще мелкое развлеченіе, прихоть; старикъ сталъ медленно развязывать мѣшокъ... холодъ пола, на которомъ все еще сидѣлъ Иванъ Прохоровичъ раздражалъ грудь его; чтобы заглушить кашель, онъ скрылъ лицо въ перинѣ; судорожно подымалась грудь его, и хриплые, свистящіе звуки нарушали тишину.

Ни Татьяна Ивановна, ни братъ ея не обратили вниманія на заглушаемый кашель.

Наконецъ грудь старика успокоилась; только по временамъ она еще судорожно вздрагивала, издавая шипящїе звуки; онъ развязалъ мѣшокъ, съ наслажденїемъ запустилъ въ него руку и вынулъ полную горсть мелкой, серебряной монеты; осторожно положилъ онъ эту горсть на постель, и опять запустилъ руку въ мѣшокъ...

Въ это самое время за окномъ, посреди синеватаго полумрака, показалась черная тѣнь, окаймленная съ лѣвой стороны лучемъ луны, косвенно падавшимъ на задворокъ.

Но старикъ, въ пароксизмъ своего чувственнаго наслажденія, забылъ прежнія предосторожности; съ жадностью погружалъ онъ руку въ мѣшокъ и переложилъ уже нѣсколько горстей гривенниковъ и пятаконъ на кровать...

Тѣнь остановилась за окномъ неподвижно, какъ бы желая разгадать странную сцену, происходившую въ комнатѣ.

— Двѣнадцать лѣтъ... коню!... проговорилъ старикъ про-себя, перекладывая деньги съ кровати обратно въ мѣшокъ и присоединивъ къ нимъ пяточки, подаренные ему Татьяной Ивановной: двѣнадцать лѣтъ... сколько тутъ?... Не знаю... Нѣтъ, знаю, знаю! продолжалъ онъ съ болзнїю; до послѣдней копейки знаю... Захаркѣ ни гроша... все Танькѣ... въ приданое; дай Богъ только... дожить... до свадьбы ея... Танька все побережетъ... она хозяйка... Захарка какъ разъ бы... протранжирилъ... онъ по модѣ... одѣвается... буфонится... а я нѣчто затѣмъ... копилъ?...

И рука старика шарила по постели; онъ хотѣлъ удостовѣриться не осталась ли тамъ еще монета; но привычныя, костлявыя руки его такъ искусно загребали мелкія монеты, что всѣ до одной перешли обратно въ мѣшокъ.

Человѣкъ, стоявшій за окномъ, пораженный изумленїемъ, забылся и почти приложилъ лицо къ стеклу.

Иванъ Прохоровичъ вздохнулъ; потомъ почти съ яростию опустилъ объ руки въ мѣшокъ и сталъ рыться въ себрѣ, прислушиваясь къ тихому звуку его....

Выраженіе лица дряхлаго старика было утрастительно;

ротъ его, съ двумя или тремя уцѣлѣвшими зубами былъ полураскрытъ; глаза неподвижно вытаращились и зрачки были неподвижны, посреди желтыхъ, тусклыхъ бѣлковъ; ноздри расширились... Это было выраженіе высшаго наслажденія въ самомъ отвратительномъ видѣ его....

Татьяна Ивановна кончила разговоръ съ братомъ. Она встала и съ шумомъ отодвинула кресло.

Иванъ Прохоровичъ, воображавшій, что всѣ въ домѣ уже спятъ, услышалъ этотъ шумъ и—внезапный ужасъ выразился на лицѣ его.

Онъ скоро поднялъ голову и взоръ его обратился на окно.

Незнакомецъ стоялъ на задворкѣ въ прежнемъ положенїи.

Старикъ вдругъ выпрямился, какъ бы выброшенный вверхъ лопнушею пружиною.... Онъ протянулъ объ руки къ окну и страшно разинулъ ротъ, но голосъ не повиновался ему....

За нимъ отворилась дверь.

— Господи! вскричала Татьяна Ивановна, съ ужасомъ отскочивъ назадъ.

Протяжный, жалобный вопль вырвался изъ груди старика, руки его опустились, и онъ рухнулъ на полъ....

Незнакомецъ между тѣмъ исчезъ.

Дочь и сынъ бросились къ старику, подняли его и уложили на постель.

Пока Татьяна Ивановна прикрывала отца и ласками старалась привести его въ чувство, Захаръ Ивановичъ поднялъ съ полу тяжелый мѣшокъ и заглянулъ въ него.

— Смотрите-ка, смотрите, сестрица! сказалъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, оставьте!... возразила Татьяна Ивановна, растерявшись и съ искреннимъ состраданїемъ суетясь около безчувственнаго старика.

— Ужъ не умеръ ли онъ? спросилъ Захаръ Ивановичъ болѣе съ изумленїемъ, нежели участїемъ.

Предположеніе это такъ сильно поразило Татьяну Ивановну, что не переставая суетиться, она судорожно, нервичес-

ки зарыдала; грудь ея подымалась, она всхлипывала, но на глазах не было слезинки....

— За докторомъ, братецъ, за докторомъ! вскричала она, наконецъ, бросившись цѣловать холодныя руки старика.

— Я самъ поведу за Фѣдоромъ Ивановичемъ! поспѣшно сказалъ Опухтинъ.

Татьяна Ивановна утвердительно покивала головой, предолжая болѣзненно, судорожно всхлипывать.

Захаръ Ивановичъ скоро одѣлся и ушелъ, не сказавъ сестрѣ утѣшительнаго слова, не по равнодушію, а потому, что есть люди, вовсе лишенные способности *утѣшать*. Это, болѣею частію, люди практическіе, обладающіе необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ чужихъ горестяхъ. Подобные люди, принимая иногда живое участіе въ горести друга, онаквивающаго кончину близкой сердцу особы, находятъ случай подшепнуть другу у какого мастера заказать гробъ....

Минутъ десять спустя послѣ ухода Захара Ивановича, старикъ очнулся.

Безмысленно и не припоминая случившагося, онъ осматрѣлся.

Съ невыразимою нежностію цѣловала Татьяна Ивановна согрѣвавшуюся руку его.

— Таничка... произнесъ Иванъ Прохоровичъ едва слышнымъ голосомъ.

— Какъ вы себя чувствуете, тятенька?

— Ничего... слабъ немножко... спать хочется....

— Спите, тятинька, спите.

— Таничка....

— Что, тятинька?

— Спой мнѣ мою любимую пѣсню... авось я скорѣе усну... Спой «Среди долинъ»....

И тихимъ, дребезжащимъ голосомъ запѣла дочь унылую, но мелодическую пѣсню.

Старикъ заснулъ.

Татьяна Ивановна замолчала; приложила руку къ серд-

цу старика, прислушалась къ дыханію его, вздохнула свободно и перекрестилась, поднявъ глаза къ небу.

Потомъ, не любопытствуя даже заглянуть въ мѣшокъ съ деньгами, она положила его на стулъ, возлѣ постели, чтобы на утро отецъ ея тотчасъ нашелъ его и безъ помѣхи могъ спрятать туда, гдѣ до-сихъ-поръ мѣшокъ скрывался.

Потомъ она пошла къ окну, но вдругъ остановилась съ испугомъ.

Прежній незнакомецъ опять стоялъ за окномъ.

Но Татьяна Ивановна была не пуглива. Смѣло подошла она къ окну, и вдругъ злобное выраженіе сверкнуло въ глазахъ ея....

Оглянувшись, чтобы удостовѣриться, что отецъ ея спалъ, она осторожно, безъ шума отворила форточку.

— Я не могла и не могу выйти къ вамъ; тятенька нездоровъ, сказала она скороговоркой: приходите завтра!....

— Вистъ! отвѣчалъ голосъ на задворкѣ.

Татьяна Ивановна затворила форточку.

Незнакомецъ исчезъ.

ГЛАВА IX.

Дѣла и въ обществѣ.

Подъѣхавъ къ дому, въ которомъ жилъ докторъ, Захаръ Ивановичъ приказалъ извозчику ждать, заплативъ однокоржъ за *одимъ конецъ*, чтобы предоставить произволу извозчика ждать и тѣмъ отнять у него всякое право требовать прибавки.

Въ то самое время, когда за нимъ захлопнулись двери съ разноцвѣтными стеклами, изъ-подъ воротъ противоположнаго дома выѣхалъ щегольской возокъ, запряженный парой красивыхъ, гнѣдыхъ лошадей, и остановился у подъезда.

Докторъ былъ дома. Выслушавъ Захара Ивановича, онъ

поспѣшно одѣлся и, не медля ни минуты, сошелъ съ нимъ внизъ.

Пока они усаживались въ сани, съ противоположнаго, ярко освѣщеннаго крыльца съ живостію сбѣжали лакей. Вслѣдъ за нимъ показалась молодая женщина, въ темнофіолетовой, бархатной мантии, на мѣху и съ капюшономъ.

Свѣтъ отъ фонаря освѣтилъ блѣдное, почти болѣзненное лицо этой женщины; искры блеснули въ глазахъ....

Подобно привидѣнію мелькнула она.

Лакей захлопнулъ дверцы, вскочилъ на запятки, и лошади умчали возокъ.

— Это, никакъ, жена нашего директора? спросилъ Захаръ Ивановичъ, утѣвшись возлѣ доктора и застегивая полость.

— Да, да, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами: очень милая и добрая, но чрезвычайно странная женщина!... Представьте себѣ, недѣлю тому, она не хотѣла ступить шагу изъ своей комнаты, а теперь бросилась въ другую крайность... каждый день утромъ визиты, вечеромъ театры, концерты, балы... А послѣ жалуется! Повѣрю, противу такихъ крайностей не устоитъ и желѣзная натура....

— Значитъ она, тово... немножко капризна?

— Порядочно!... Счастлива она, что вышла за такого прекраснаго, благороднаго человѣка... Впрочемъ, не мнѣ хвалить Александра Матвѣевича; вы его должны знать лучше меня.

— Точно, отличный человѣкъ! отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ не совсѣмъ искренно только потому, что вспомнилъ объ утреннемъ выговорѣ и о колкой шуткѣ своего начальника.

— Но скажите мнѣ, что случилось съ вашимъ старикомъ? спросилъ Федоръ Ивановичъ, по обыкновенію докторовъ, которые, подобно гадальницамъ, иначе не предсказываютъ будущее, какъ не поразузнавъ хорошенько прошедшее.

Захаръ Ивановичъ сталъ рассказывать, что самъ зналъ.

И возокъ, и извозничьи сани скрылись въ ночномъ ту-

манъ, когда новое лицо показалось на парадномъ крыльцѣ дома, въ которомъ жилъ Александръ Матвѣевичъ Тучиновъ.

То былъ мужчина средняго роста, въ старой шинели на истертомъ, епотономъ мѣху, и въ бархатной шапкѣ. Мѣховой воротникъ шинели былъ поднятъ.

Съ живостію сошелъ этотъ человѣкъ съ крыльца и, не оглядываясь, скорыми шагами отошелъ отъ дома. Выйдя изъ круга, описаннаго свѣтомъ фонарей, онъ остановился въ тѣни и осмотрѣлся.

Шагахъ въ двадцати отъ него, по другую сторону улицы ѣхалъ извозникъ.

Несмотря на то, что послѣдній медленно удалялся, незнакомецъ не кликнулъ его, но, ускоривъ шаги, пошелъ за нимъ вслѣдъ.

Догнавъ его, онъ не порядившись вскочилъ въ сани, проговоривъ только:

— Ступай!

Извозникъ остановился, по приказанію съдока, въ концѣ назначенной имъ улицы, передъ двухъ-этажнымъ, каменнымъ домомъ, грязной, некрасивой наружности.

Въ подвалахъ, по сторонамъ воротъ, была съ одной стороны мелочная, а съ другой штофная лавочка.

Въ первомъ этажѣ не было ни малѣйшаго свѣта; по бѣлымъ билетамъ, отдѣлявшимся отъ мрака, господствовавшего за окнами, можно было угадать, что эта квартира отдавалась въ наемъ.

Во второмъ, послѣднемъ этажѣ, въ нѣсколькихъ окнахъ, сквозь плотно опущенные шторы, виднѣлся свѣтъ.

Ворота были заперты.

Заплативъ извознику, незнакомецъ вошелъ въ калитку. Подъ воротами отвратительный, ѣдкій запахъ занялъ духъ его; скорыми шагами пошелъ онъ къ крыльцу, находившемуся подъ воротами и ошупью сталъ взбираться по темной, узкой и крутой лѣстницѣ, придерживаясь сырой стѣны, покрытой неприятною слизью.

Нѣсколько разъ споткнувшись, добрался онъ, наконецъ, до втораго этажа; ошупью отыскалъ дверь и машинально

протянул руку къ колокольчику, но вспомнив, втроитно, объ отсутствіи его, прибѣгнулъ къ средству болѣе просто-му, то есть, постучался въ дверь кулакомъ.

Онъ ждалъ не долго; ключъ шелкнулъ, дверь отворилась, и на порогъ показалась дюжая, краснощекая, деревенская баба со свѣчой въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, заплывшемъ саломъ.

Узнавъ, по видимому, поздняго гостя, она пропустила его, заперла опять за нимъ дверь и, не говоря ни слова, вернулась къ себѣ въ кухню.

Пока гость старался прицепить свою шубу къ нѣсколькимъ шинелямъ, висѣвшимъ уже на двухъ гвоздяхъ, вколоченныхъ въ перегородку, отдѣляющую прихожую отъ кухни, дверь изъ комнаты отворилась и въ отверстіи ея показался Борисъ Астафьевичъ Лихаревъ, съ трубкой въ рукахъ.

— Чтѣ я сказалъ? вскричалъ онъ, обернувшись назадъ: сердце чуяло!

— Онъ?... произнесли нѣсколько голосовъ въ комнату.

— Разумѣется, онъ!... Душа общества! Вотъ что значить симпатія!

И Лихаревъ крѣпко обнявъ одною рукою и чмокнувъ въ щеку новоприбывшаго, продолжалъ съ жаромъ:

— Бонжуръ, эмабль, шарманъ, бонжуръ! Васъ только не доставало... За дѣло, господа, за дѣло! Зачѣмъ золотое время терять....

Лихаревъ и новоприбывшій вошли въ комнату; послышалось шарканье и шумъ передвигаемыхъ стульевъ.

Улицы уже пустыли, когда Федоръ Ивановичъ вернулся домой.

Онъ освидѣтельствовалъ старика и нашель, что онъ сильно взволнованъ, но что впрочемъ никакихъ признаковъ особеннаго разстройства нѣтъ.

Онъ утѣшилъ Татьяну Ивановну и обѣщался захватить утромъ.

Улицы совершенно опустѣли, магазины и лавки были

заперты, свѣтъ въ окнахъ угасалъ, а Катерина Васильевна Тучинова все еще не возвращалась домой.

Она была на балу, въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ совершеннаго уединенія.

Неожиданное появленіе ея было подобно театральному эффекту.

Во-первыхъ, она явилась безъ мужа.

Во-вторыхъ, при свѣтѣ люстръ и посреди женщинъ, сіявшихъ болѣе или менѣе природною свѣжестью, болваненная, синеватая блѣдность ея была устрашительна.

Въ нарядѣ Катерины Васильевны не было ни малѣйшаго проступка противъ вкуса, ни даже противъ моды, а между тѣмъ, по странному случаю, все, до малѣйшихъ подробностей, все въ этомъ нарядѣ было какъ бы придумано для того, чтобы явственнѣе выказать блѣдность и худобу молодой женщины....

Катерина Васильевна какъ бы кокетничала тѣмъ, что другія женщины такъ тщательно скрываютъ.

Она была необыкновенно весела; но веселость ея навѣвала холодъ на окружающихъ ее, сжимала сердце....

Между тѣмъ, какъ Катерина Васильевна предавалась шумнымъ, свѣтскимъ удовольствіямъ, мужъ ея проводилъ вечеръ въ мирномъ, семейномъ кругу.

Онъ провелъ весь вечеръ съ дѣтьми, и, какъ добрый отецъ семейства, легъ спать почти въ одно время съ ними.

Только часу въ двѣнадцатомъ въ окнахъ кабинета его опять показался свѣтъ.

Можетъ быть, онъ забылъ прочитать какое-нибудь важное и спѣшное дѣло и, — голосъ долга разбудилъ его.

Можетъ быть.

Но онъ ни разу не справился о томъ, возвращалась ли жена его.

Катерина Васильевна вернулась во второмъ часу.

Горючія, жгучія слезы согрѣли сердце ея, остывшее въ вынужденной веселости....

Фонари догорали, ранніе труженики столицы начинали уже просыпаться, когда полуразвалившіяся сани ночнаго

ваньки, остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Тучинова.

Тотъ самый мужчина, котораго такъ радужно принялъ Ихаревъ въ грязномъ домѣ *** ской улицы, выскочилъ изъ саней.

Боязливо, точно человѣкъ, преслѣдуемый совѣстію, дошелъ онъ до крыльца, тихо отворилъ дверь на тяжеломъ блокъ, такъ же тихо опустилъ ее и, поворотивъ направо, позвонилъ у квартиры Николая Александровича Тучинова....

Н. Фурманъ.

(Третья часть въ слѣдующей книгѣ.)

РѢШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

— Идешь ты сегодня на службу, Валеріанъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь! Довольно странный отвѣтъ: вотъ уже почти годъ, какъ я живу съ тобою вмѣстѣ, и ты каждый день, аккуратно въ десять часовъ, отправлялся въ департаментъ, а сегодня въ двѣнадцатомъ часу и не думаешь одѣваться. По-крайней-мѣрѣ скажи: обѣдаешь ли дома?

— Не знаю.

— Опять не знаю! Что съ тобой сдѣлалось? Ужъ не проигралъ ли ты въ лото или преферансъ? Если такъ, то право горевать не о чемъ. Ну сколько проигралъ?

— Я не игралъ вчера.

— Такъ отчего же ты такъ задумчивъ и блѣденъ? Кажется, не поздно воротился домой.

— Оставь меня въ покоѣ и поди въ свою комнату.

— Я тебя рѣшительно не узнаю. Ты былъ со мною всегда откровененъ, повѣрялъ мнѣ всѣ свои тайны, а сегодня и

говорить не хочешь. Ты выводилъ меня просто изъ терпѣнія. Даю тебѣ честное слово, что я не выйду изъ твоей комнаты до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не откроешь причины твоей задумчивости. Советую отъ меня не скрываться. Любя тебя, я хочу, я долженъ узнать: что съ тобою случилось. Ведь мы давнишніе друзья. Твой природный характеръ веселый и живой, почему же сегодня ты такъ скученъ и сидишь точно пораженный подагрой. Ужъ не влюбился ли ты вчера?

— Влюбился! За кого ты меня принимаешь; я ужъ не тотъ, что былъ прежде, лѣтъ семь тому назадъ, когда мнѣ было двадцать лѣтъ. Бывало на каждомъ балу непременно влюбилъсь, но эта любовь не западала глубоко въ сердце: она только слегка его касалась и оставалась въ немъ до слѣдующаго бала. Теперь ужъ я остепенился или, лучше сказать, разочаровался: не влюблюсь такъ скоро; если же влюблюсь когда-нибудь, то конечно не вдругъ, но за то на-долго, на-всегда. Развѣ можно влюбиться послѣ перваго свиданія?

— А съ кѣмъ у тебя было первое свиданіе? Неужели у Б** были вчера дѣвицы? Ведь у него играютъ по четвергамъ въ карты, и потому собираются только мужчины.

— Не знаю, какъ это случилось. Когда я прѣѣхалъ къ нему, еще въ передней услышалъ, что въ залѣ поговаривали: куплю, насъ, сыгралъ штукъ семь, въ червяхъ, вистъ и проч. Мнѣ такъ надоелъ этотъ разговоръ, что, не останавливаясь въ залѣ, я прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли хозяйка дома и жена нашего экзекутора. Сказавъ имъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ фразъ, я прошелъ по гостинной и заглянулъ въ диванную. Не такъ возрадовался Христофоръ Колумбъ открытію Америки, какъ я встрѣчъ съ двумя дѣвицами, въ диванной. Одна изъ нихъ показала мнѣ самой обыкновенной наружности, другая же очень понравилась. Нельзя назвать ее красавицей, но всякой, кто ее увидитъ, вѣроятно подумаетъ: какъ она мила! Ея густыя, темно-русые волосы, стройный станъ и томные, голубые

глаза обворожительны. Сколько въ этихъ глазахъ ума, сколько выраженій! Я поклонился, и когда взглянулъ на незнакомку, то какъ-то оробѣлъ и потупилъ неволью глаза. Хотѣлъ что-нибудь сказать, да не клеилъсь фразы. По счастью, явилась въ диванную мадамъ Б** и заговорила со мною. Я оправился, началъ отвѣчать ей, но замѣтивъ, что на меня смотреть незнакомка, опять смутился. Ты знаешь, что я люблю быть въ обществѣ дѣвицъ и довольно находчивъ въ разговорѣ съ ними, но вчера рышительно не удавалось сказать ничего умнаго и занимательнаго...

— Кто же такая эта дѣвица, которая такъ тебя сразила? Неужели ты не узналъ?

— Имя ея—Надежда, фамилія—Лелинская. Она прѣѣхала, какъ мнѣ сказали, вмѣстѣ съ своею матерью, изъ ** губерніи, въ которой находится ихъ деревня. Вотъ все, что я узналъ объ ней. Я не спрашивалъ болѣе, боясь себя окомпрометировать. Но не подумай, дружище, что я уже влюбленъ. Мнѣ хочется только видѣться почаще съ Наденькой, чтобы узнать ее покороче. Наружность ея, какъ я уже тебѣ сказалъ, мнѣ понравилась; если же я найду, что она умна и имѣетъ доброе сердце, то за будущее не отвѣчаю, можетъ-быть и влюблюсь.

— Довольно, довольно, Валеріанъ. Ведь я не упрекаю тебя въ вѣтренности, что жъ ты вздумалъ оправдываться. Расскажи лучше, что ты дѣлалъ у Б**.

— Я уже говорилъ тебѣ, что я сидѣлъ въ диванной съ дѣвицами. Хозяйка дома позвала насъ вскорѣ въ столовую пить чай. Когда мы сѣли за столъ, начался разговоръ, въ которомъ впрочемъ не принималъ я никакого участія. Я былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что со мною не говорили, и дѣлалъ видъ, что слушаю другихъ, а между-тѣмъ не спускалъ глазъ съ Надежды, все смотрѣлъ на нее и не могъ насмотрѣться. Взоры наши часто встрѣчались, такъ что она наконецъ начала потуплять свои глазки и немного краснѣть, и чтобы скрыть свое смущеніе, заговаривала вполголоса съ сидѣвшею подлѣ нея дѣвицею, дочерью нашего экзекутора. Когда мы встали изъ-за стола, хозяйка дома на-

чала просить меня что-нибудь пить. Я сталъ увѣрять ее, что голось мой слабый и не стоить никакого вниманія; что я пою только дома. Между-тѣмъ къ ней подоспѣла на помощь мать Надежды, и онѣ вмѣстѣ дружно напали на меня. Представь себѣ мое мучительное положеніе. Заставляютъ пить, когда знаешь навѣрное, что никакого эффекта не произведешь, а только насмѣшишь или даже осрамишься, особенно съ непривычки пить въ обществѣ. Я никакъ не хотѣлъ пить, но вдругъ явилось къ непріятелю моему подкрѣпленіе, и въ главѣ его—Наденька. Она сказала мнѣ самымъ нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ: «Спойте что-нибудь, я такъ люблю пѣніе.» Непріятель дѣйствовалъ на меня, какъ видишь, очень рѣшительно, я подавался назадъ и—не знаю какъ—очутился вдругъ у рояля. Желая прекратить сраженіе, я попросилъ позволенія сыграть что-нибудь. Мнѣ не противорѣчили; я сѣлъ за рояль, а меня окружили со всѣхъ сторонъ. Когда я кончилъ играть, снова завязалось сраженіе. Мнѣ стало наконецъ совѣстно заставлять себя просить такъ долго: я кашлянулъ и дрожащимъ голосомъ запѣлъ: «Только узналъ я тебя,» извѣстный романсъ Глинки. Не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ я своимъ пѣніемъ? Не думаю, чтобы оно было для меня выгодное, потому-что голось мой не переставалъ поридочно дрожать. Кончивъ этотъ романсъ, я всталъ съ кресель. Меня благодарили, конечно, изъ учтивости, и я принялъ довольно холодно посыпавшіеся на меня со всѣхъ сторонъ комплименты. Но когда Наденька, съ непритворною, выразительною улыбкою, сказала мнѣ: «Благодарю васъ!» я совершенно растаялъ и готовъ былъ спѣть въ эту минуту десять романсовъ, чтобы только услышать еще разъ сказанныя ею два слова. Я вышелъ въ залу. Одинъ изъ игроковъ, общій намъ знакомый, Вальскій, началъ восхищаться моимъ пѣніемъ и увѣрять, что никогда я не пѣлъ такъ хорошо, и что дрожаніе моего голоса придавало особенное чувство пѣнію. Но я ему не вѣрю: онъ, вѣроятно, пришелъ въ восторгъ оттого, что, во время моего пѣнія, ему удалось сыграть восемь, да еще обременить вистовавшихъ.

— Позволь перебить тебя. Ты говорилъ много, а все-таки не объяснилъ причины своей грусти.

— Я объясню тебѣ это сейчасъ, и ты не будешь меня упрекать за то, что я такъ скученъ сегодня. Я... я не надѣюсь больше увидѣться съ Наденькой.

— Какъ такъ!

— Очень просто. Между старушкой Лелинскою и мадамъ Б** вышли вчера какія-то недоразумѣнія, и первая не хочетъ продолжать съ нею знакомства.... Странныя женщины! Въ прошломъ мѣсяцѣ только познакомились, а въ нынѣшнемъ уже поссорились, и вѣроятно изъ пустяковъ. Во всякомъ случаѣ я больше потеряю отъ этой ссоры, нежели онѣ.

— Почему же такъ? Ты, какъ человекъ нерѣшительный, конечно не осмѣлишься сблизиться, безъ чужой помощи, съ Лелинскими: я ужъ тебѣ знаю хорошо; такъ справишься: не биваются ли онѣ еще у какихъ-нибудь твоихъ знакомыхъ.

— Онѣ биваются, и очень часто, какъ мнѣ говорили, у нашего экзекутора, да мнѣ нельзя явиться къ нему въ домъ.

— Отчего же нельзя?

— Вчера, на зло мнѣ, была у Б** дочь нашего экзекутора. Если я явлюсь къ нему въ домъ, то, пожалуй, найдутся люди, которые подумаютъ, что я хочу искать руки его дочери, да и ей, безъ сомнѣнія, придетъ эта мысль въ голову.

— И полно, любезный, ничего не подумаютъ, а если и подумаютъ, такъ что же за бѣда! Нужно только тебѣ осторожно вести себя въ экзекуторскомъ домѣ. Не забудь, что мы живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ которомъ уже не считается странною, если молодой человекъ явится въ какой-нибудь домъ не по приглашенію хозяина его, а по рекомендаціи его знакомыхъ. Вѣроятно, нѣкоторые изъ твоихъ сослуживцевъ биваются у вашего экзекутора. Попроси одного изъ нихъ ввести тебя къ нему въ домъ, да не откладывая этого дѣла: чѣмъ скорѣе къ нему приступишь, тѣмъ будетъ лучше. А прежде спроси Вальскаго: не знакомъ ли

онъ съ Делинскими? Онъ говорилъ мнѣ, что посѣщаетъ какихъ-то Делинскихъ: можетъ-быть это тѣ самые, съ которыми ты вчера видѣлся.

— Воспользуюсь твоимъ совѣтомъ, а между-тѣмъ позволю тебя поцѣловать, за этотъ пріятный и дружескій совѣтъ.

Друзья обнялись. Одинъ изъ нихъ тотчасъ одѣлся и отправился, въ двѣнадцать часовъ, въ департаментъ, не думая о выговорѣ за поздній приходъ свой: такъ доволенъ онъ былъ совѣтомъ своего друга и пріятными мечтами, которыя послѣдній возбудилъ въ немъ. Зябликовъ засѣлъ за дѣло, которое было ему дано начальникомъ *на домъ*, какъ говорится.

II.

Позвольте теперь, любезные читатели, познакомить васъ съ Валеріаномъ Александровичемъ Веньяминовымъ и другомъ его, Константиномъ Ивановичемъ Зябликовымъ, а у васъ, любезныя читательницы, я и позволенія просить не стану: вамъ вѣроятно пріятно будетъ узнавъ ихъ покороче, а особенно Веньяминова. Онъ находитъ особое удовольствіе быть въ вашемъ обществѣ, а это должно заставить васъ полюбить его. Не все молодые люди нынѣшняго вѣка поклоняются прекрасному полу и любятъ безкорыстно, идеальнo: нѣкоторые предпочитаютъ карты, другіе лото, никогда не влюбляются и женятся только по расчетамъ, для поправления своихъ разстроенныхъ финансовъ.

Валеріанъ Александровичъ Веньяминовъ получилъ хорошее образованіе. Отецъ его не жалѣлъ на это денегъ: нанималъ для него гувернера, учителей и наконецъ отдалъ его въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, но, по нежности родительскаго сердца своего, не могъ отказать и себѣ въ удовольствіи присматривать за своимъ сыномъ. Пока Валеріанъ Александровичъ жилъ съ отцомъ своимъ, поступки и дѣйствія его, каждый шагъ его подвергались критическому разбору, иногда и пристрастному, отъ излишняго желанія добра сыну. Это имѣло невыгодное вліяніе на характеръ молодаго человека; сдѣлало его кроткимъ, но

застѣнчивымъ и нерѣшительнымъ. Другъ же его, Константинъ Ивановичъ Зябликовъ воспитанъ былъ другимъ образомъ. Еще въ дѣтствѣ лишился онъ родителей и взятъ былъ роднымъ дядею на воспитаніе, который старался только о томъ, чтобы дать, черезъ другихъ, образованіе племяннику, но самъ не имѣлъ за нимъ большаго попеченія и присмотра, ведя разсыпанную жизнь холостяка. Зябликовъ увидѣлъ, что ему не на кого надѣяться въ жизни, и что онъ самъ долженъ проложить себѣ дорогу трудолюбіемъ и приобретенными познаніями. У него отъ этого образовался характеръ твердый и рѣшительный, съ добрымъ, хорошимъ направленіемъ. Не смотря на различіе характеровъ, однакое образованіе породило дружбу между Веньяминовымъ и Зябликовымъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго разговора между нашими друзьями, Веньяминовъ рѣшился ѣхать къ Вельскому. По распросамъ оказалось, что Вельскій давно уже знакомъ съ Делинскими. Онъ охотно согласился представить Веньяминова къ нимъ въ домъ.

Говорить, что влюбленные бываютъ всегда нетерпѣливы. Я убѣдился въ этой истинѣ, смотря на Веньяминова, который не зналъ какъ дожидаться того вожделѣннаго дня, въ который условился онъ ѣхать къ Делинскимъ. Наконецъ день этотъ насталъ. Еще утромъ началъ думать Веньяминовъ о вечернемъ туалетѣ; въ полдень волосы его, всегда гладкіе, завились въ кудри; съ пяти часовъ началъ онъ одѣваться, подходя безпрестанно къ зеркалу и разсматривая лицо свое впрямь и съ профили. То казалось ему, что онъ очень не дурень и что, вѣроятно, понравится Делинскимъ, то вдругъ находило на него страшное сомнѣніе, отъ котораго дѣлалась съ нимъ лихорадка. Приѣздъ Вельскаго заставилъ его поторопиться туалетомъ. Въ восьмомъ часу они отправились къ Делинскимъ. Во всю дорогу Веньяминовъ безпрестанно снималъ съ головы шляпу, боясь смять свою прическу. Подѣхавъ къ дому, въ которомъ жили Делинскіе, наши молодые люди весьма удивились, что онъ не былъ освѣщенъ. Войдя по лѣстницѣ въ третій этажъ, Вельскій позволилъ,

но дверь не отпиралась; подождавъ немного, онъ позвонилъ погромче, но никакого успѣха! Подумавъ, что Делинскихъ нѣтъ дома, и желая удостовѣриться въ этомъ, онъ зазвонилъ изо всей силы и сталъ прислушиваться. Тотчасъ раздалось въ квартиру шумъ, крикъ и бѣготня, которые, переходя постепенно изъ комнаты въ комнату, все приближались къ передней. Наконецъ дверь отворилась, и наши гости встрѣчены были тремя заспанными физиономіями, изъ которыхъ одна принадлежала горничной, а двѣ лакеямъ.

— Ахъ! это вы, Евгенийъ Федоровичъ! сказалъ одинъ изъ слугъ. Ну ужъ, батюшка, досталось-таки намъ изъ-за васъ: посмотрите, какъ у меня горитъ щека! Куда тяжела ручка нашей барыни. Да что вы такъ поздно пожаловали? Сегодня мы никого не ожидали, такъ и ушли все въ кухню. Сначала побесѣдовали, а потомъ уснули. Смотришь, вдругъ вбѣгаетъ барыня. Я вскопчилъ первый, а она меня и хлопъ. «Не слышите, что звонятъ!» Вотъ мы все трое и бросились въ переднюю.

— Доложи объ насъ, сказала Вельскій, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Сію-минуту; пожалуйста въ залу.

Войдя въ нее, лакей, поставивъ на столъ салыный огарокъ, воткнутый въ мѣдный подсвѣчникъ, пошелъ скорымъ шагомъ въ слѣдующую комнату, которая была не освѣщена, и въ потьмахъ едва не сшибъ съ ногъ своей барыни, которая шла въ залу встрѣтить гостей.

— Тише, медвѣдь! Зажги свѣчи проворнѣе! раздалось въ гостиной.

— Позвольте, Марѳа Абрамовна, началъ Вельскій: представить вамъ моего пріятеля, Валеріана Александровича Веняминава, съ которымъ....

— Очень пріятно, очень пріятно! прервала Марѳа Абрамовна. Прошу садиться. Извините только, что застали насъ въ распλοхъ. Вы, вѣроятно, долго звонили. Я, изволите видѣть, очень сегодня утомилась, съѣла послѣ обѣда въ кресла и заснула. Я это дѣлаю каждый день: и лѣта мои того требуютъ, и хлопоты-то меня утомляютъ. Вѣдь одна

всѣмъ домою распоряжаюсь. Мужъ мой черезъ-чуръ добръ, ни во что не входитъ и даже не рышится сдѣлать выговоръ слугъ; а это ихъ балуетъ. Звонокъ вашъ меня перепугалъ. Я встала, смотрю—ни души въ передней. Все забрались въ кухню! Такая досада! Я думаю, вы долго ждали на лѣстницѣ?

— Нѣтъ! Вы извините насъ, сказалъ Веняминавъ: мы надѣлали вамъ хлопотъ.

— И полноте, что за хлопоты: я къ нимъ привыкла. Совѣстно мнѣ только, что долго простояли вы на лѣстницѣ. Ужъ не взыщите. Да вотъ и со мною тоже дармоуды-то сдѣлали. Вчера поехала я со двора; возвращаюсь домой, звоню—не отпираютъ. Между-тѣмъ мнѣ страхъ хотѣлось попасть скорее въ квартиру: я озляла. Вотъ я звоню, да считаю звонки и думаю сама про себя: ужъ надобно же пугнуть лѣтничевъ. Наконецъ слышу шаги, дверь на лѣстницу отворяется, вхожу—въ передней темно; вижу однако жъ, что стоить передо мной какой-то человекъ. Я ему оплеуху и скроила съ досады, и вдругъ слышу голосъ моего мужа. «Что ты, Марѳа Абрамовна! Это я!» Я разсмѣялась, да и мужъ-то вскоре началъ смѣяться. А вотъ и онъ самъ! Легкокъ на поминъ! Онъ самъ вамъ этотъ забавный случай расскажетъ.

Въ залу вошелъ хозяинъ дома. Молодые люди встали и пошли къ нему на встрѣчу.

— Я привезъ къ вамъ, Яковъ Петровичъ, проговорилъ Вельскій: моего пріятеля, Валеріана Александровича Веняминава.

— Прошу полюбить меня, отвѣчалъ, кланяясь и смутившись, Яковъ Петровичъ: а между-тѣмъ позвольте васъ попросить садиться. Валеріанъ Алексѣевичъ, милости просимъ....

— Ну, такъ и есть! Перевралъ, по своей привычкѣ, отчество, замятила Марѳа Абрамовна. Ужъ, пожалуйста, извините, Валеріанъ Александровичъ: это его недостатокъ, всегда перевираетъ имена. Ужъ такого устройства память.

Яковъ Петровичъ, взглянувъ изъ-подлобья на супругу свою, вздумалъ оправдываться.

— Да развѣ я ошибся, Валеріанъ Ивановичъ, началъ онъ, обращаясь къ Венъяминову.

— Замолчи пожалуйста, сказала рѣшительнымъ тономъ Марѳа Абрамовна. Полно срамиться-то!

Бѣдный Яковъ Петровичъ всталъ со своего стула, вздохнулъ и началъ ходить по залу, закинувъ руки за спину.

— Прикажи-ка, муженекъ, подать намъ чаю.

Яковъ Петровичъ, радуясь этому порученію, дававшему ему возможность уйти изъ комнаты, ускорилъ шаги и скрылся въ передней. Войдя въ нее, онъ снялъ со свѣчки, которая до того нагорѣла, что въ комнату былъ не то, что свѣтъ, и не то, что мракъ, а нѣчто въ родъ известнаго пламени изъ известной поэмы Мильтона. Усмотрѣвъ спящаго на стулѣ лакея, онъ подошелъ къ нему и, взявъ его за плечо, сказалъ: «Григорій, а Григорій! подай намъ, пожалуйста, чаю.» Но Григорій не былъ вовсе расположенъ проснуться. Яковъ Петровичъ собрался съ духомъ и, наклонившись подъ самое ухо лакея, проговорилъ громко: «Вставай, любезный, и подай гостямъ чаю, а не то барыня разсердится.» Слуга вздрогнулъ и, увидѣвъ своего господина, вскочилъ со стула, но, потерявъ равновѣсіе, растянулся на полу. «Что съ тобою?» спросилъ съ участіемъ Яковъ Петровичъ. «Отсидѣлъ ногу!» отвѣчалъ лакей. «Не надо отсиживать,» замѣтилъ Яковъ Петровичъ: «а не то, пожалуй, ушибешься.»

— Что ты въ переднюю-то забился, сказала Марѳа Абрамовна вошедшему въ залу мужу. Ужъ я думала, что ты со двора ушелъ.

— Странный случай меня задержалъ тамъ, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ, указывая пальцомъ на переднюю.

— Самъ ты странный, такъ и мерещится тебѣ вездѣ одно странное, возразила Марѳа Абрамовна. Садись-ка, да принимай гостей. Они вѣрно у насъ скучаютъ.

— Можно ли у васъ соскучиться, отвѣчалъ Венъяминовъ.

— А почему же и нельзя, возразила Марѳа Абрамовна.

— Скука и печаль, началъ Вельскій, по моему мнѣнію, понятия относительныя, и если разобрать философически этотъ предметъ, то....

Марѳа Абрамовна, не желая слышать ученый споръ, котораго боялась она пуще огня, спросила Венъяминова, замѣтивъ, что онъ хочетъ возражать:

— Правда ли, Валеріанъ Александровичъ, что завтра, въ домъ Энгельгардта, будетъ маскарадъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ Венъяминовъ.

— А позвольте васъ спросить: какого возраста люди ѣздить въ маскарадъ. Я никогда въ немъ не бывала.

— Маскарады посѣщаютъ и молодые, и пожилые люди, кромѣ дѣтей, отвѣчалъ Венъяминовъ.

— А что, не поѣхать ли и мнѣ завтра, въ маскарадъ, Марѳа Абрамовна? спросилъ робко Яковъ Петровичъ. И я тамъ никогда не бывалъ.

— Ты, Яковъ Петровичъ, глупъ, возразила ему Марѳа Абрамовна.

— А отчего такъ? спросилъ Яковъ Петровичъ. Развѣ маскарадъ заcludes въ себя что либо непривличное?

— Замѣтите, сударь, что мужа не ѣздить никогда въ маскарадъ, когда ѣдутъ туда жены. Вы, кажется, еще этого не знали, а мнѣ объ этомъ сказывала Дарья Семеновна завѣрное. Полно пустяки-то говорить, сходи-ка лучше въ комнату Наденьки и позови ее къ намъ. Пускай она сыграетъ что-нибудь на рояль.

Вельскій, увидѣвъ, что о преферансѣ и помина нѣтъ, и почувствовавъ, какъ страстный игрокъ, непреодолимое желаніе сразиться, не выдержалъ и, подъ предлогомъ сильной головной боли, вздумалъ ухватъ, надѣясь найти гдѣ-нибудь партію. Выйдя на лѣстницу, въ провожаніи слуги Григорія, онъ былъ имъ остановленъ.

— У меня есть до васъ пребольшая просьба, сказалъ ему лакей.

— Что такое?

— Вотъ что-съ: не пожалуете ли, баринъ, на чай; вы такіе добрые, а васъ уважаю отъ чистаго сердца.

Вельскій положилъ слугъ въ руку серебрянную монету.

— Покоривъше васъ благодарю, проговорилъ лакей скороговоркой. Не говорите только, сказалъ онъ шопотомъ: барынь, а то и мнѣ и вамъ будетъ бѣда.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Вельскаго, явился въ залу вѣрный исполнитель приказаній Марѳы Абрамовны, мужъ ея, вмѣстѣ съ дочерью.

Марѳа Абрамовна взяла послѣднюю за руку и, подведя ее къ Веньяминову, сказала: — Вотъ дочь моя Наденька, единственное утѣшеніе мое въ жизни.

Веньяминовъ поклонился; ему отвѣчали самымъ граціознымъ реверансомъ.

— Вы меня извините, Валеріанъ Александровичъ, что я васъ должна оставить, сказала Марѳа Абрамовна. Мнѣ нужно непременно съѣздить, не болѣе впрочемъ какъ на полчаса, къ одной моей знакомой, отъ которой получила я сейчасъ письмо. Она сдѣлалась больна; долгъ требуетъ навѣстить ее. Меня замѣнять вамъ Наденька и мужъ мой. Они постараются васъ занять.

— Къ кому вы ѣдете, маменька? спросила съ участіемъ Надежда Яковлевна.

— Къ Алексѣю Ивановичу, отвѣчала Марѳа Абрамовна.

— Не къ Алексѣю-ли Ивановичу Добрыньскому? прибавилъ Веньяминовъ.

— Точно такъ, Валеріанъ Александровичъ. А какъ вы его знаете?

— Онъ экзекуторъ въ томъ департаментѣ, въ которомъ я служу. А позвольте спросить: кто у него захворалъ?

— Его супруга, отвѣчала Марѳа Абрамовна.

— Какое несчастіе для бѣднаго Алексѣя Ивановича! воскликнулъ Веньяминовъ.

— Я надѣюсь скоро возвратиться, прервала его Марѳа Абрамовна. Ты сыграй что-нибудь, мой другъ, прибавила она, обращаясь къ дочери. Это, вѣрно, доставитъ удовольствіе Валеріану Александровичу: вѣдь онъ самъ музыкантъ.

Марѳа Абрамовна уѣхала.

По просьбѣ Веньяминова, Надежда Яковлевна сѣла за рояль. Грудь ея сильно колебалась. Она не знала что сыграть; наконецъ взяла нѣсколько аккордовъ и, какъ истинная артистка, скоро воодушевилась и начала фантазировать. Пльнительны были звуки ея фантазіи: въ нихъ отразилась ея прекрасная, невинная душа. Веньяминовъ пришелъ въ восторгъ, слезы выступили на глазахъ его.

— Что съ вами? спросила его Надежда Яковлевна, взглянувъ на него и переставъ играть. Вы плачете?

— Вы сказали правду, но я не стыжусь этихъ слезъ. Плакать отъ восторга позволено и мужчинамъ.

— Конечно позволено; только я думаю, что нельзя прійти въ восторгъ отъ моей игры. У васъ, вѣроятно, нервы слабы, потому и дѣйствуетъ на васъ такъ сильно музыка.

— Я не могу пожаловаться на свои нервы: они выдерживали самые шумные концерты и оперы.

Тутъ разговоръ зашелъ о музыкѣ, отъ нея перешелъ къ литературѣ. Веньяминовъ не переставалъ удивляться начитанности и уму Надежды Яковлевны, забывъ и департаментъ, въ которомъ служилъ, и друга своего, Зябликова, однимъ словомъ все на свѣтѣ.

Яковъ Петровичъ не принималъ почти никакого участія въ разговоръ. Онъ хотя и понималъ немного музыку и игралъ въ молодости русскую пѣсню: «*Выйду я на рѣченьку*», и даже съ варіаціями, но такъ какъ говорили о Бетгове, Моцартѣ, Беллини, Россини, Оберъ и Мейерберъ, о которыхъ онъ слышалъ только мелькомъ, то онъ и боялся попасть въ просакъ съ своими сужденіями. Литературу же онъ не жаловалъ, находя ее бесполезною. Яковъ Петровичъ ходилъ по залѣ, погруженный въ задумчивость. Вѣроятно онъ размышлялъ о разныхъ философскихъ предметахъ.

Наговорившись съ Надеждой Яковлевной, Веньяминовъ распростился съ нею и съ отцомъ ея, не дождавшись возвращенія Марѳы Абрамовны. Съ него взяли слово, что онъ будетъ посѣщать домъ Лелинскихъ, какъ можно чаще.

III.

Веньямпновъ сталъ часто ѣздить къ Лелинскимъ. Онъ замѣчалъ съ удовольствіемъ, что посѣщенія его были пріятны не только для Марѣы Абрамовны, но и для ея дочери. Между тѣмъ любовь его къ Надеждѣ Яковлевнѣ усиливалась съ каждымъ свиданіемъ. Оставалось только признаться въ этой любви и сдѣлать, какъ говорится, формальное предложеніе, какъ вдругъ Марѣа Абрамовна занемогла и, своею болѣзнію, не только отдала это признаніе, но и лишила бѣднаго молодого человѣка возможности видѣться съ предметомъ его любви. Валеріанъ Александровичъ впалъ въ отчаяніе и пересталъ ходить на службу, сказавшись больнымъ. Другъ его, Забликовъ, старался утѣшать его и наконецъ, чтобы доставить ему развлеченіе, уговорилъ его вмѣстѣ прогуляться.

— Да куда мы пойдемъ? печально спросилъ Веньямпновъ своего друга, когда вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дому.

— Ну, конечно, на *** улицу. Мы пройдемъ мимо квартиры Лелинскихъ: авось тебѣ удастся увидѣть Надежду Яковлевну, хоть въ окно. Не скрою отъ тебя, что и мнѣ очень любопытно и пріятно будетъ ее увидѣть, не смотря на то, что я сталъ равнодушенъ къ прекрасному полу. Ты уже знаешь, что я былъ влюбленъ, сватался, и мнѣ забрили затылокъ. Тебѣ нельзя не позавидовать: ты, конечно, не получишь, какъ я, несчастный, отказа, и женишься. Вѣрно, ты въ сорочкѣ родился. Экой счастливецъ!

— Нѣтъ, Костя! или не наслаждаться мнѣ вовсе этимъ счастьемъ, или оно еще очень далеко.

— Да полно хандрить! Собралось маленькое облако на горизонтѣ твоей любви—что жъ за бѣда! Оно, конечно, скоро разсѣется.

— Нѣтъ, оно, вѣроятно, разразится грозою и дождемъ!

— Который окатитъ, какъ изъ ведра, твою пламенную любовь и ее погаситъ, полагаешь ты? Пустяки, любезный другъ! Успокойся! Любовь пожарною даже трубою не погасишь.

— Мать моей Наденьки, можетъ-быть, умретъ, на цѣлый

годъ трауръ, о свадьбѣ и думать въ это время нельзя, а въ годъ мало ли что можетъ сдѣлаться! Подвернется другой, понравится болѣе, чѣмъ я, и тогда прощай Наденька, прощай мое счастье на вѣки!

— Да брось ты эти черныя мысли! Пока бѣды еще нѣтъ, такъ не надо ее накликасть. Скажи мнѣ лучше: умна ли Надежда Яковлевна? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь! Вѣльскій говаривалъ мнѣ, что родители ея самые простые люди и почти безъ всякаго образованія.

— Наденька воспитывалась не дома и можетъ поспорить съ кѣмъ хочешь въ образованности. Она читала всѣхъ лучшихъ авторовъ, прекрасно играетъ на фортепяно, умна, добра, чувствительна...

— И прочее, и прочее. Не трудись перечислять всѣ ея достоинства. Они мнѣ всѣ уже извѣстны!

— Почему же извѣстны?

— Потому, что я давно уже знаю, изъ романовъ и изъ наблюденій жизни, установленную форму, по которой влюбленные хвалятъ предметы любви своей. Скажи лучше: есть ли за нею какое приданое?

— Триста душъ въ *** губерніи, которыя завѣщала ей тетка.

— Заможенныхъ?

— Нѣтъ!

— Bravo! Такъ ты въ помѣщики мѣтнешь! Да это, я тебѣ скажу, прекрасно! А ты не принялъ пріятномъ въ соображеніе, что сочинители повѣстей и фельетонныхъ рассказовъ будутъ осмѣивать тебя и называть дикаремъ и лодоѣдомъ?

— Какіе сочинители?

— Безъ сомнѣнія, безпониѣстные!

— Я тебя не понимаю.

— Ну да Богъ съ нами! Не объ нихъ теперь рѣчь! Обратимся къ нашему дѣлу. Я все удивлялся, какъ ты, съ твоимъ ограниченнымъ жалованьемъ, такъ скоро рѣшился жениться, но теперь вижу, что мое удивленіе было несправедливо. Послушай, Валеріанъ! Сколько разъ я убѣждалъ тебя поторопиться сдѣлать предложеніе, а ты меня все не слушался! Жаль, очень жаль! Вотъ, болѣзнь Марѣы Абрамовны и проучила тебя за

твою робость и нерѣшительность. Ты отъ этого, конечно, не переѣнишься и, вѣроятно, опять будешь медлить, а между тѣмъ можетъ еще случиться что-нибудь, и прощай невѣста и помѣстье! Нѣтъ, уже я этого, по дружбѣ нашей, не допущу. Поручи мнѣ объясниться съ твоею будущею тещею. Я хотя съ нею и незнакомъ, но, посмотри, что исполню это порученіе скорѣе и лучше тебя, и къ полному твоему удовольствію. Согласенъ ли?

— Дай подумать, отвѣчалъ Веньямпновъ. Теперь нельзя же тебѣ ѣхать къ Лелнскимъ: и меня они не принимаютъ.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья и не замѣтили, какъ съ Васильевского острова дошли до той улицы, гдѣ жили Лелнскіе. Они прошли нѣсколько разъ мимо дома, гдѣ обитала Надежда, и внимательно осматривали, съ противоположнаго троттуара, каждое окно ея жилища, но увидѣли только одну моську Марѳы Абрамовны, которая (не Марѳа Абрамовна, а ея моська) сидѣла на окнѣ и глядѣла, съ задумчивою физиономіею, на прохожихъ и проѣзжающихъ.

По совѣту Зябликова, Веньямпновъ зашелъ въ заповѣднѣй для него домъ: навѣдаться о здоровьи Марѳы Абрамовны. Между тѣмъ самъ Зябликовъ, въ ожиданіи своего друга, прохаживался по улицѣ и повстрѣчался со страстующими музыкантами, которыми такъ богатъ Петербургъ. Зябликову пришла мысль остановить ихъ и заставить что-нибудь сыграть, противъ квартиры Лелнскихъ, чтобы вызвать къ окну Надежду Яковлевну. Но онъ рѣшился прежде дожидаться возвращенія своего пріятеля и узнать отъ него: позволить ли здоровье Марѳы Абрамовны привести въ исполненіе его замыселъ. Веньямпновъ скорѣе вышелъ на улицу, очень удивился, увидѣвъ своего друга, окруженнаго музыкантами, и сообщилъ ему радостную вѣсть, что большой гораздо лучше, и что она намѣрена скоро встать съ постели. Помѣстивъ музыкантовъ противъ самого центра дома, въ которомъ жила Надежда Яковлевна, Зябликовъ, за условленную цѣну, приказалъ музыкантамъ какъ можно громче занграть вальсъ Штрауса, а самъ взялъ подъ руку своего пріятеля и началъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по улицѣ.

— Помилуй! Чтѣ ты дѣлаешь!

— Слушаю вальсъ Штрауса.

— Да какъ же можно!

— А чтѣ?

— Ну если....

— Чтѣ если?

— Я уйду.

— А я тебя не пушу.

Уличные зѣваки разнаго возраста и пола вмнѣгъ окружили музыкантовъ. Веньямпновъ былъ на иголкахъ и рвался уйдти, но Зябликовъ его не пускалъ.

У раствореннаго окна явилась Надежда Яковлевна.

— Это она чтѣ-ли?

— Она! отвѣчалъ Веньямпновъ, задыхаясь.

— Хорошенькая, нечего сказать!

— Да пусти меня! Чтѣ она обо мнѣ подумаетъ!

— Не пушу. Поклонись ей! Не разсердится, увѣрю тебя!

Веньямпновъ былъ въ отчаяніи, но вдругъ увидѣлъ, что Надежда Яковлевна, замѣтивъ его въ толпѣ, очень граціозно и пріятливо ему поклонилась.

Бѣдный молодой человекъ жестоко сконфузился и сильно обрадовался. На поклонъ своего предмета любви онъ отвѣчалъ, въ восторгѣ, чуть не земнымъ поклономъ.

Когда Марѳа Абрамовна поправилась, Веньямпновъ началъ опять посѣщать Лелнскихъ, и они принимали его съ прежнимъ вниманіемъ. Но у молодого человека не доставало духу признаться въ любви къ Надеждѣ Яковлевнѣ и просить руки ея: имъ снова овладѣли робость и нерѣшительность. Зябликовъ, видя, что этому конца не будетъ, взялъ на себя объяснить съ Марѳой Абрамовной.

Онъ, какъ извѣстно, медлить не любилъ. Въ тотъ самый день, въ который онъ добился уполномочія Веньямпнова, рѣшился ѣхать къ Лелнскимъ.

— Какъ твое счастье близко, Валеріанъ! сказалъ ему Зябликовъ, замѣтивъ на лицѣ своего друга уныніе. Черезъ часъ я къ тебѣ возвращусь и поздравлю тебя женихомъ твоей мнелень-

кой Наденьки. Предчувствие говорит мнѣ, что тебѣ не откажутъ. Я ужъ улажу это дѣло—не безпокойся!

— Не скрою отъ тебя, Костя, что этотъ часъ будетъ для меня самый мучительный. Я полюбилъ Наденьку безкорыстно, пламенно, и она меня любитъ: въ этомъ я не сомнѣваюсь. О! какъ были бы мы съ нею счастливы! Но что будетъ со мною, если отвергнуть мою любовь, которая слылась теперь съ моимъ существованіемъ, если Наденька—этотъ ангелъ—съ дружимъ подѣ вънецъ пойдетъ. Я не перенесу этого удара! Я умру!

— Пустяки! Не умрешь! Я не позволю.

— Не торопись ѣхать, поговори со мною и утѣшь меня. Не забудь, что я сирота, что, кромѣ тебя, не съ кѣмъ мнѣ раздѣлять мои настоящія чувства, а они переполнили мою душу. Если бѣ живы были мои родители, я бросился бы въ ихъ объятія и на груди ихъ нашелъ бы отраду для своего сердца. Они благословили бы меня, при начпаніи такого важнаго дѣла. Но теперь благословить меня некому. Послушай, Костя, сказалъ съ особеннымъ чувствомъ Веньяминовъ: исполни мое желаніе: сдѣлай то, что сдѣлали бы мои родители, если бѣ они были со мною. Возьми въ моей комнатѣ со стѣны образъ, который принадлежалъ моей покойной матери, и благослови меня имъ.

У Зябликова, при этихъ словахъ, исчезла дружеская усмѣшка, съ которою онъ обыкновенно слушалъ рѣчи своего нерѣшительнаго друга. Онъ отеръ на своей щекѣ выкатившуюся слезу, принесъ образъ и благословилъ своего друга, по его желанію.

Веньяминовъ заплакалъ и бросился въ объятія Зябликова.

— Да, успокойся, пожалуйста, Валеріанъ! Ты развѣ не видишь, что ты и меня расстрогалъ, что и я плачу. Не ловко же мнѣ съ красными глазами явиться къ Лелюшкинъ.

— Теперь поѣзжай! я не буду тебя болѣе удерживать: я успокоился; какъ-то стало легче на сердцѣ.

Зябликовъ отправился къ Лелюшкинъ. Когда онъ пріѣхалъ къ нимъ и позвонилъ, ему отперъ дверь уже извѣстный читателемъ слуга Григорій.

— Кого вамъ угодно? спросилъ онъ, когда Веньяминовъ вошелъ въ переднюю.

— Мнѣ нужно повидаться съ Марою Абрамовной. Дома она?

— Дома-съ, пожалуйста! А какъ объ васъ прикажете доложить? Позвольте узнать вашъ чинъ и фамилію.

— А зачѣмъ тебѣ знать: какого я чина!

— Да какъ же я баринъ-то доложу; вѣдь она, конечно, спроситъ: кто вы такіе. Если не имѣете чина, такъ вы художникъ, купецъ, аль мѣшанинъ какой?

— Да что съ тобой толковать. Ты, какъ я вижу, очень любопытенъ. Веди меня въ залу. Я самъ скажу твоей баринѣ: кто я.

И съ этими словами Зябликовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по передней.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, я васъ не впущу, сказалъ ему слуга, загородивъ ему входъ въ залу. Скажите хоть вашу фамилію. Барыня всегда сердится, когда я докладываю ей о пріѣздѣ гостя и не называю его по фамиліи. У насъ въ домѣ завѣденъ такой ужъ порядокъ, и измѣнить его я не смѣю: мнѣ крѣпко достанется.

— Какой несносный! Скажи, что пріѣхалъ Зябликовъ.

— Какъ вы сказали?

— Зябликовъ.

— Зябликовъ, проговорилъ слуга и усмѣхнулся. Гм! Зябликовъ! Этого, сударь, быть не можетъ. Это не правда.

— Что ты за чепуху мелешь? О своемъ ли ты умѣ?

— Да вы явно изволите подшучивать надо мною. Экъ, съ чѣмъ подѣхали! Не надуете! Я сейчасъ смекнулъ, что вы скрываете вашу настоящую фамилію. Я не такъ глупъ, какъ вы думаете. Пожилъ довольно я на свѣтѣ. Зябликовъ! Я самъ ихъ лавливалъ и сътью, и западнею, и силками. Нѣтъ-съ! Извольте сказать мнѣ настоящую фамилію вашу, а безъ того, воля ваша, не впущу въ залу и баринѣ объ васъ не доложу.

Зябликовъ вышелъ изъ себя и собрался уже затѣять исторію, схвативъ оратора за плечо, но Марою Абрамовна, пока-

завпшсь въ дверяхъ залы, совершенно его обезоружила. Она услышала звонокъ, ждала доклада слуги, наконецъ, потерявъ терпѣніе, заглянула въ переднюю.

— Что вамъ угодно! спросила она, обращаясь къ Зябликову.

— Марю Абрамовну, отвѣчалъ послѣдній.

— То-есть, меня?

— Я имѣю къ вамъ порученіе по очень важному дѣлу.

— По важному дѣлу? Откого это?

— О важныхъ дѣлахъ неудобно объясняться въ этой комнатѣ.

— Правда! Пожалуйте въ гостиную.

Слуга Григорій, оставшись одинъ въ передней, проговорилъ вполголоса: «Боюсь, чтобы этотъ гость не напроказилъ чего! Экой заноза! И говорить-то съ нашимъ братомъ не хочетъ. Ужъ не мазурикъ ли онъ? А впрочемъ, что мнѣ за дѣло! Вѣдь сама барыня его приняла.

Пробормотавъ еще что-то, онъ выразительно махнулъ рукою.

Марѳа Абрамовна вошла съ своимъ гостемъ въ залу, потомъ въ гостиную и пригласила его сѣсть въ кресла, а сама помѣстилась на диванѣ.

— Позвольте спросить, начала она: съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Константинъ Ивановичъ Зябликовъ, пріятель Валеріана Александровича Веньямина. Онъ поручилъ мнѣ переговорить съ вами вотъ по какому дѣлу. Мой другъ любитъ вашу дочь и проситъ у васъ ея руки.

— Довольно странно мнѣ это слышать: я вижу васъ впервые, хотя и слышала уже объ васъ отъ Валеріана Александровича. Ему бы слѣдовало, кажется, самому со мною объясниться.

— У него не достало смѣлости самому признаться въ любви къ Надеждѣ Яковлевнѣ, и онъ довѣрилъ мнѣ открыть вамъ его сердечную тайну. Онъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта.

— Я должна подумать: дѣло слишкомъ важно. Нельзя его

рѣшить въ пять минутъ. Надобно поговорить съ мужемъ, спросить дочь—вы это понимаете, надѣюсь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, Валеріанъ Александровичъ получитъ отвѣтъ. Не скрою отъ васъ, что онъ намъ нравится: онъ хорошій, скромный молодой человекъ, но кто знаетъ: можетъ-быть онъ увлекается приданнымъ моей дочерн.

Зябликовъ сталъ съ жаромъ опровергать послѣднюю мысль Марѳы Абрамовны; потомъ успѣлъ тронуть ее, пересказавъ все, что, предъ отъѣздомъ его изъ дому, другъ его говорилъ и дѣлалъ.

— Такъ онъ, бѣдный, плакалъ! сказала она. Я постараюсь его утѣшить и потороплюсь отвѣтомъ. Теперь я не сомнѣваюсь болѣе въ безкорыстной любви его къ моей Надеждѣ. Я должна посоветоваться только съ мужемъ моимъ. Вѣдь онъ глава всего семейства.

Съ этими словами, она взяла со стола колокольчикъ и позвонила.

Вошелъ слуга Григорій.

— Попроси ко мнѣ барина.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ слуга.

Яковъ Петровичъ не заставилъ себя долго ждать и сейчасъ же явился въ гостиную.

— Рекомендую тебѣ, сказала Марѳа Абрамовна своему мужу: Константина Ивановича Зябликова, пріятеля Валеріана Александровича.

Яковъ Петровичъ подаль руку молодому человеку.

Марѳа Абрамовна, боясь, чтобы мужъ ея не перевралъ, по своей привычкѣ, имени неваго знакомаго, и замѣтивъ, что Яковъ Петровичъ хочетъ что-то говорить, предупредила его:

— Константинъ Ивановичъ привезъ намъ пріятную новость: его другъ дѣлаетъ предложеніе Надеждѣ. Какъ ты думаешь объ этомъ?

Яковъ Петровичъ совершенно растерялся. Ему и въ голову не приходило услышать такую неожиданныю вѣсть.

— Я желаю знать твое мнѣніе, отвѣчалъ покорный мужъ.

— Мнѣ онъ нравится, и я согласна выдать за него Надежду. Она мнѣ на дняхъ призналась, что давно уже полюбила его.

Яковъ Петровичъ не понималъ хорошенько словъ своей супруги, отъ сильнаго волненія, и началъ обнимать Зябликова, воображивъ, что онъ сватается. Къ счастью, Марса Абрамовна поняла причину этой пѣжности и, не давъ ему вымолвить слова, сказала:

— Какъ же ты думаешь, муженекъ. Мнѣ кажется, что Валеріанъ Александровичъ стѣбитъ нашей дочери.

— Я совершенно съ тобою согласенъ, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ, оправившись и выпустивъ изъ своихъ объятій Зябликова. Я полюбилъ его, какъ сына.

— Такъ передайте, пожалуйста, вашему другу, продолжала Марса Абрамовна, обращаясь къ Зябликову: что мы принимаемъ его предложеніе.

Зябликовъ простился съ Лелинскими. Его просили познакомиться съ ними покороче.

— Выйдя на улицу, онъ остановилъ первого, попавшагося ему, извозчика.

— Куда, баринъ?

— На Васильевскій.

— Четвертачокъ.

— Полтинникъ дамъ, только валий живѣе!

Съ необычайною быстротою Зябликовъ понесся по улицамъ. Прохожіе останавливались съ удивленіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ думали, что Зябликовъ гонится за какимъ-нибудь мошенникомъ; другіе же полагали, что онъ самъ мошенникъ, за которымъ гонятся. Мнѣнія людей всегда склонны къ разнообразію и противоположности.

— Поздравляю Валеріанъ! воскликнулъ Зябликовъ, вбѣгая въ комнату. Твое предложеніе принято.

Оба бросились другъ другу въ объятія и долго обнимались молча.

Когда восторгъ ихъ поутихъ, Валеріанъ Александровичъ началъ проворно одѣваться.

— Куда ты собираешься? спросилъ Зябликовъ своего друга.

— Къ Лелинскимъ! отвѣчалъ Веньяминъ и побѣжалъ къ двери, которая вела на лѣстницу.

— Возьми же шляпу и надѣнь галстухъ, разсѣянный! да и

меня прихвати, по праву свата. Мнѣ пріятно будетъ видѣть тебя подлѣ твоей Наденьки.

— Поѣдемъ, поѣдемъ вмѣстѣ! Только поскорѣе!

Черезъ нѣсколько дней, Веньяминъ провозглашенъ былъ женихомъ Надежды Яковлевны.

IV.

Не станемъ описывать чувствъ жениха и невѣсты: они уже описаны во многихъ романахъ и повѣстяхъ, да такъ подробно, живописно и *натурально*, что, просто, мое почтеніе!

Лелинскіе переѣхали на дачу за Лѣсной корпусъ; Валеріанъ Александровичъ оставался по-прежнему на Васильевскомъ острову, съ своимъ другомъ Зябликовымъ. Не смотря на большое разстояніе, которое отдѣляло Веньямина отъ Надежды Яковлевны, счастливый женихъ почти каждый день ѣздилъ къ своей невѣстѣ, то въ дилижансѣ, то на лихачѣ-извозникѣ, а иногда, изъ экономіи, ѣздилъ и пѣшкомъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости, хотя походка его походила, по быстротѣ, на полетъ птицы. Волшебникъ Амуръ подарилъ ему крылья.

Въ одинъ изъ іюньскихъ дней, Валеріанъ Александровичъ собрался ѣхать къ своей невѣстѣ. Онъ тщательно выбрился, умылся, напоялся, надушился, посмотрѣлся въ зеркало и нашелъ, что онъ въ тотъ день былъ необыкновенно милъ и интересенъ. Онъ началъ укладывать въ свою должностную портфель ноты, которыя хвалила каканунѣ Надежда Яковлевна и которыя онъ, какъ догадливый женихъ, тотчасъ же купилъ, чтобы сдѣлать своей невѣстѣ сюрпризъ и подарокъ. Оставалось надѣть шляпу и идти на лѣстницу. Зябликовъ тоже намѣревался отправиться, послѣ службы, къ своимъ знакомымъ, на дачу, чтобы воспользоваться прекрасною погодою, которая такъ рѣдко навѣщаетъ нашу великолѣпную, сѣверную столицу. Въ это самое время раздался стукъ на улицѣ, и къ дому, въ которомъ жили наши друзья, извозничья пролетка привезла молодого

человѣка. Зяблицовъ, изъ любопытства, подошелъ къ окну и, взглянувъ на улицу, узналъ въ прїѣзжемъ Вѣльскаго.

— Вотъ очень кстати пожаловалъ къ намъ незваный гость! воскликнулъ Константинъ Ивановичъ, обращаясь къ Веняминнову. Нелегкая принесла этого спорщика и хвастуна, этого кутялу. Я, впрочемъ, церемониться съ нимъ не стану и сейчасъ же выберусь изъ дому, да и тебѣ, Валеріанъ, совѣтую тоже сдѣлать.

— Да кому это расточаешь ты такія похвалы? спросилъ Веняминновъ.

— Вѣльскому, который сейчасъ къ намъ явится.

— Неужели? Да какъ ты объ этомъ узналъ?

— У тебя, я вижу, нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни ума, ни сердца! Все это теперь находится за Лѣснымъ корпусомъ.

Въ заключеніе Зяблицовъ запѣлъ какимъ-то страннымъ басомъ стихи изъ извѣстной старинной пѣсни:

«О жалкое творенье

«Влюбленный человѣкъ!»

Веняминновъ, не разслушавъ, по разсѣянности, ни словъ, ни пѣсни своего друга, сказалъ:

— Ты очень прїятно поешь! У тебя славный голосъ! А вотъ бы ты послушалъ какъ поетъ моя Наденька, такъ ужъ я тебѣ скажу! И ты бы растаялъ, даромъ, что не охотникъ до музыки.

Зяблицовъ захохоталъ. Въ тактъ его хохоту, раздался сильный звонокъ въ передней. Вздремнувшій слуга въ сильномъ испугѣ вскочилъ съ ларя и проворно отперъ двери. Вошелъ плп, лучше сказать, вбѣжалъ знакомый уже читателямъ Евгений Федоровичъ Вѣльскій. Сбросивъ съ себя поспѣшно пальто, онъ вошелъ въ залу и, не найдя въ ней никого, отправился прямо въ кабинетъ Веняминнова.

— Здравствуй, Валеріанъ! сказалъ Вѣльскій. Я прїѣхалъ тебя поздравить; давно уже узналъ я прїятную новость, да все некогда было къ тебѣ заѣхать. Поздравляю! Отъ души поздравляю!

Вѣльскій началъ цѣловать Веняминнова.

— Очень благодаренъ тебѣ за посѣщеніе и поздравленіе! отвѣчалъ послѣдній, когда прекратились посыпавшіеся на него поцѣлунъ.

— Не мѣшаетъ тебѣ также поблагодарить меня и за то, что ты сдѣлался женихомъ хорошенькой дѣвушки. Вѣдь это все устроилось съ моей легкой руки: я познакомилъ тебя съ Лелинскими. Впрочемъ, не одного тебя я пристроилъ, найдутся и другіе. А что, Зяблицовъ дома?

— Да, онъ дома, отвѣчалъ Веняминновъ.

— Такъ что жъ онъ отъ меня прячется! воскликнулъ Вѣльскій. Зяблицовъ! Гдѣ ты? Куда ты скрылся? Приди въ мои дружескія объятія и дай на себя взглянуть.

Константинъ Ивановичъ, съ нахмуреннымъ лбомъ, вышелъ изъ другой комнаты въ кабинетъ своего друга.

— Да какимъ ты франтомъ сдѣлался! сказалъ Зяблицову Вѣльскій, закинувъ руки подъ фалды своего фрака и отступивъ отъ своего прїятеля на нѣсколько шаговъ. Я тебя не узнаю, рѣшительно, не узнаю. Ужъ не сбѣраешься ли и ты жениться? Если хочешь, я тебя сосватаю. Какъ пить дамъ!

— Не трудись и не бери на себя лишнихъ хлопотъ: позаботься лучше о себѣ, отвѣчалъ, надувшись, Зяблицовъ. Тебѣ нужнѣе жениться: твой образъ жизни, авось, тогда измѣнится.

— А что находишь ты, почтеннѣйшій прїятель, дурнаго въ моемъ образѣ жизни?

— Я не нахожу ничего дурнаго. Поведеніе — твоя полная собственность. Расподряжайся ею, какъ хочешь.

— А да ты, кажется, моралистъ?

Душа Веняминнова была въ это время за Лѣснымъ корпусомъ. Вертя въ своихъ рукахъ портфель съ приготовленнымъ сюрпризомъ, онъ возразилъ въ разсѣянности:

— Кто тебѣ сказалъ, что Зяблицовъ журналистъ? Онъ попрежнему помощникъ столоначальника.

— О какомъ журналистѣ ты толкуешь? воскликнулъ Вѣльскій. Ты, какъ я вижу, не въ своей тарелкѣ сегодня и даже, можно сказать, въ хандрѣ. Утѣшься, нѣжный голубокъ! Ты

сейчас увидишь свою горлицу, страстно заворкуешь и забудешь все на свѣтѣ, даже меня, твоего искренняго друга и свата. Ему говоришь: моралистъ, а онъ толкуетъ: журналистъ и помощникъ столоначальника. Чтѣ съ тобой, Валеріанъ?

— Я право не знаю чтѣ ты во мнѣ замѣтилъ сегодня особеннаго. Я все тотъ же, какъ и всегда.

— Это вѣрно, какъ дважды два четыре! сказалъ Вѣльскій. Замолчи, монъ шеръ, и дай мнѣ кончить мой разговоръ съ почтеннымъ и любезнымъ Зябликовымъ. Ну, чтѣ же скажете вы, господинъ моралистъ? Доскажите вашу мысль и вымойте мнѣ голову, если я въ самомъ дѣлѣ не правъ.

— Пусть вамъ голову вымоетъ банщикъ. Это не мое дѣло. За симъ—мое почтеніе! Мнѣ пора въ департаментъ.

Сказавъ это, Зябликовъ, взявъ свою портфель подъ мышку, ушелъ.

— И мнѣ пора въ департаментъ, но я сегодня не пойду. Я боленъ! Сверхъ того я и тебя не пушу, любезный Валеріанъ! Ты давно, какъ я замѣтилъ, вертись въ рукахъ портфель. Чтѣ въ ней? Бумаги?

— Нѣтъ, ноты.

— Дипломатическія?

— Нѣтъ, музыкальныя.

— Вотъ чтѣ! Да куда же ты ихъ тащишь?

— Къ невѣстѣ.

— Это вздоръ!

— Какъ вздоръ?

— Ты сплесешь къ ней эти ноты завтра.

— Нельзя! Я общалъ ей!...

— Пусти! Мало ли чтѣ мужчины общаютъ и не исполняютъ. Покажи характеръ, монъ шеръ, не ѣзди къ твоей невѣстѣ сегодня и проводи весь день, вплоть до ночи, со мною. Во-первыхъ, этого требуетъ долгъ благодарности къ твоему другу и свату, во-вторыхъ ты покажешь твердый характеръ, ко-

торый всегда уважается женщинами и дѣвушками, въ-третьихъ тебѣ необходимо нужно проститься съ колостою жизнью, передъ вступленіемъ въ бракъ, и покутить на прощаньи съ нею, въ-четвертыхъ я тебя ни за чтѣ на свѣтѣ пзъ своихъ рукъ не выпущу. Покутимъ, передъ твоей свадьбой, въ послѣдній разъ, любезный Валеріанъ, мой драгоценный Валеріанчикъ! Согласенъ?

— Ну, право, оно неловко...

— Вздоръ! Позволительно быть подъ башмакомъ жены; но никогда подъ башмакомъ невѣсты! Я тебѣ этого не позволю. Я этого не спесу, не стерплю, не допущу. Кажется, такъ сказалъ въ древнія времена Цицеронъ не номню кому. А впрочемъ дѣло теперь не о Цицеронѣ, а о томъ, что мы сейчасъ же ѣдемъ съ тобою ѣсть устрицы и пить превосходный, англійскій портеръ, потомъ обѣдать въ лучшую изъ петербургскихъ гостинницъ, потомъ гулять по островамъ, танцовать, ужинать, ну, словомъ сказать, веселиться до разсвѣта. Наживешься съ женой-то. И захочешь погулять со мною, да не пустить! Увѣряю тебя, не пустить!

— Ну, право, нельзя. Она разсердится...

— Ничего! Пусть разсердится! Ты думаешь, что она не будетъ на тебя сердиться впоследствии. Будетъ и съ полнымъ правомъ! Ну, а теперь, покуда у нея права еще нѣтъ на тебя сердиться, обляжи твоего друга и свата: кутнемъ да и закаемся.

— Ну, право, я не знаю....

— Ты ничего не знаешь, нѣжный, сизой голубочккъ, какъ сказалъ, помнится, въ своей пѣснѣ поэтъ Дмитріевъ, а я такъ все знаю!

«Людей и свѣтъ извѣдалъ я,

«Узналъ невѣрной жизни цѣну.

Кажется это сказалъ Пушкинъ, а очень можетъ быть, что я перевралъ его имя и его стихи. Словомъ сказать, ѣдемъ! Я отъ тебя не отстану. Кутнемъ—и баста! А послѣ женись!

— Послушай! Я подамъ тебѣ теперь же бутылку шампанскаго. Разопьемъ ее, а послѣ отпусти меня къ невѣстѣ.

— Шампанскаго? Это дѣло доброе! Подай, а послѣ посмотримъ. Послѣ шампанскаго у всѣхъ бываетъ двойное зрѣніе. Вдвое ставившись дальновидиѣе и проникательнѣе. Подай!

Валеріанъ Александровичъ всталъ съ вольтеровскихъ кресель, вынулъ изъ комода бумажникъ и вышелъ съ нимъ изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ слуга принесъ бутылку шампанскаго и два стакана. Оно было выпито въ четверть часа. На долю Валеріана Александровича досталась половинна шипучаго нектара: настойчивость гостя одержала побѣду надъ сопротивленіемъ Веньяминова.

— Послушай, Валеріанъ, сказалъ Вѣльскій: я съ тобою сегодня ни за какія блага въ мірѣ не разстанусь и не пушу тебя къ невѣстѣ. Мы завтракаемъ, обѣдаемъ, гуляемъ и ужинаемъ вмѣстѣ. А завтра ступай къ невѣстѣ, хоть въ шесть часовъ утра. Я буду спать и тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю.

— Дѣлать съ тобою нечего, я соглашаюсь, только съ тѣмъ, чтобы ты меня отпустилъ къ Наденькѣ хоть часовъ въ семь вечера, сегодня.

— Изволь! Отпущу! Мы впрочемъ объ этомъ успѣемъ поговорить послѣ, а теперь надѣвай пальто, перчатки, шляпу—и маршъ! Не худо завернуть намъ, вечеромъ, и на Крестовскій островъ: сегодня тамъ музыка, большое восхожденіе по канату и блестящій фейерверкъ. Такъ объявлено въ газетахъ. Жаль, что хозяинъ какого-нибудь трактира не попробуетъ объявить когда-нибудь, что при его заведеніи будетъ сожженъ никогда не виданный, мрачный фейерверкъ. Я увѣренъ, что онъ бы заманилъ къ себѣ бездну публики.

— Нѣтъ, ужъ, на Крестовскій, воля твоя, я не поѣду: я опоздаю къ моей невѣстѣ.

— Ну, хорошо, хорошо, какъ хочешь! Поѣдемъ только поскорѣе: золотое время терять не должно.

Веньяминовъ одѣлся, взявъ подъ мышку драгоценную для него пошу—портфель съ нотами, и отправился въ дорогу съ Вѣльскимъ.

Лихачъ-извозчикъ доставилъ скоро молодыхъ людей въ лавку, гдѣ они наѣлись устрицъ и выпили бутылку портера. Потомъ отобѣдали они въ гостинницѣ. По настоянію Вѣльскаго подана была къ обѣду еще бутылка шампанскаго, и половинна ея досталась опять бѣдному Веньяминову, противъ его воли. Съ непривычки, голова Валеріана Александровича, закружившаяся еще немного дома, теперь уже сильно зашамшала.

Отобѣдавъ, наши пріатели отправились кататься. Они обѣхали уже Аптекарскій и Каменный острова, но Вѣльскій этимъ не довольствовался и приказалъ извозчику ѣхать на Крестовскій.

— Сдѣлай милость, отпусти меня! сказалъ Евгенію Федоровичу Веньяминову, услышавъ новый приказъ своего пріателя.

— Ни за что на свѣтѣ! отвѣчалъ послѣдній. Ты можешь не долго оставаться на Крестовскомъ, даже отказаться отъ блестящаго фейерверка. Взгляни только вмѣстѣ со мною на большое восхожденіе и публику, послушай музыку, и потомъ отправляйся на всѣ четыре стороны.

Вѣльскій и Веньяминовъ, не доѣхавъ на Крестовскомъ до русскаго трактира, сошли съ дрожжекъ и начали къ нему пробираться, черезъ толпу народа, чтобы отдать трактирщику для сбереженія, на время ихъ прогулки, портфель Веньяминова, которая вызывала улыбки и удивленіе на лица гуляющихъ. По мѣрѣ приближенія къ тому мѣсту, гдѣ должно было показываться большое восхожденіе, толпа зрителей увеличивалась. Вѣльскій, ведшій подъ-руку Валеріана Александровича, энер-

гически пробирался сквозь толпу и толкал очень неучтиво плечомъ загораживавшихъ ему дорогу. На нашихъ пріятелей сыпался со всѣхъ сторонъ восклицанія и ругательства на разныхъ языкахъ. Наконецъ Вѣльскій далъ сильный толчокъ Нѣмцу, который, разинувъ ротъ, смотрѣлъ съ удивленіемъ на начавшееся уже, при звукахъ музыки, восхождение и сбирался прокричать: браво!

— Какой невѣждъ! сказалъ громко Нѣмецъ, обращаясь къ Вѣльскому.

— Молчи, а не то будетъ тебѣ худо! отвѣчалъ Евгений Ое-
доровичъ, остановившись.

— Мой не будетъ молчать! Если твой меня еще трогаетъ, то твой будетъ получать отъ меня таковой толчокъ, что будешь летать на воздухъ, перепрыгивать канатъ и очутиться въ Цева.

— Пошелъ, хвастунъ! отвѣчалъ Вѣльскій, толкнувъ его и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Самолюбивый Нѣмецъ бросился за Вѣльскимъ, схватилъ его за пальто и остановилъ.

— Нѣтъ стой, голубикъ; мой тебя не будетъ пускать и кочетъ объяснить съ тобою въ сторонка.

— Очень радъ, очень радъ, отвѣчалъ Вѣльскій. Ступай за мной, только не отставай: я дамъ тебѣ себя знать.

Веняминовъ былъ, какъ на иглокахъ, умолялъ, чтобы Вѣльскій отпустилъ его, но тотъ былъ неумолимъ. Держа подъ руку Веняминова и сопровождаемый Нѣмцемъ, онъ началъ выбираться изъ толпы. Наконецъ три дѣйствующія лица начавшейся сцены остановились на такомъ мѣстѣ, гдѣ народу было немного.

— Чтò жъ ты хотѣлъ мнѣ объяснить? спросилъ Вѣльскій Нѣмца. Говори!

— Ты мнѣ обижалъ, и я буду получать сатисфакція.

— Изволь, я не прочь! Давай стрѣляться хоть здѣсь же въ лѣсу, если достанешь пистолеты, а не хочешь, такъ поѣдемъ куда-нибудь подальше. Да вотъ и секундантъ мой, прибавилъ Вѣльскій, указывая на Веняминова.

— Пожалуйста, отпусти меня, я тебя прошу: мнѣ давно пора ѣхать, сказалъ Валеріанъ Александровичъ.

— Еще четверть часа пробудь со мною, отвѣчалъ ему Вѣльскій: и тогда уже я отпущу тебя непременно. Потомъ, обращаясь къ Нѣмцу, прибавилъ: Ну чтò же стопшь, храбрецъ; поидеи въ лѣсъ.

— Зашѣмъ? спросилъ Нѣмецъ.

— Стрѣляться! Вѣдь самъ ты просишь удовлетворенія.

— Стрѣлять? воскликнулъ Нѣмецъ. Нѣтъ, мой туда, въ лѣсъ, никогда не пошелъ; мой не умѣетъ стрѣлять.

— Такъ ты хочешь, можетъ-быть, денегъ. Если такъ, то получиай по три цѣлковыхъ, за cadaго туза, да не ошибись въ счетъ, считаай вѣрнѣе.

И съ этими словами Вѣльскій показалъ Нѣмцу кулакъ.

— Нѣтъ, деньга мнѣ не надо, мой имѣетъ ее довольно.

— Такъ убирайся же скорѣе съ глазъ моихъ, сказалъ Вѣльскій.

— Нѣтъ, мой не уйдетъ. Я хотѣлъ объяснить, что вашъ характеръ прескверный.

Вѣльскій, обидѣвшись, толкнулъ Нѣмца въ плечо. Последній покачнулся, занулся за кочку и упалъ. Въ это время шляпа и парикъ его полетѣли, съ головы его, въ разныя стороны. Собравшаяся около упавшаго небольшая толпа начала смѣяться. Нѣмецъ, увидѣвъ свой парикъ на землѣ, не могъ перенести такого оскорбленія и закричалъ: караулъ!

На крикъ его явился сейчасъ же полицейскій чиновникъ. Онъ разобралъ дѣло и приказалъ двумъ будочникамъ взять Вѣльскаго и Веняминова, вмѣстѣ съ Нѣмцемъ, и отвести въ съѣзжій домъ.

Когда начался блистательный фейерверкъ, Вѣльскій, Нѣмецъ и Веньяминовъ сидѣли уже въ сѣзжемъ домѣ и печально смотрѣли на салютную свѣчу, тускло горѣвшую передъ ними въ подсвѣчникѣ. Портфель съ нотами, которыя Веньяминовъ хотѣлъ подарить своей невѣстѣ, осталась на сохраненіи у трактирщика.

А. М...скій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Иностранная Словесность.

ЗЕМЛЕМѢРЪ.

РОМАНЪ КУПЕРА.

(Окончаніе *.)

XXIII.

Одни, посреди мрачнаго лѣса, они вели жизнь пастушескую, говорили языкомъ сердца; взоры ихъ выражали то, чего не въ состояніи были высказать уста.

Томсонъ.

Положеніе мое было если не совершенно отчаянное, по-крайней-мѣрѣ болѣе чѣмъ критическое. Безпокойство, съ какимъ я прислушивался къ малѣйшему шуму, по которому могъ бы предполагать, что напали на мой слѣдъ, было мучительно. На мину-ту мнѣ показалось даже, что я слышу крики, слышу, какъ приближаются къ мельницѣ, съ намѣреніемъ схватить меня; шумъ этотъ раздавался въ моихъ ушахъ, но въ сущности это было одно лишь представленіе раздраженнаго, большого моего воображенія: только шумъ струившейся воды нарушалъ спокойствіе природы. Мнѣ удалось вздохнуть свободнѣе и осмотрѣться вокругъ.

* См. V, VII и VIII кн. С. О. 1848 года.

Мельница была, как и прежде я сказалъ, постройки грубо и небрежной. Нѣсколько досокъ, набросанныхъ на перекладины, образовали въ верхней части строенія, роль пола: первымъ дѣломъ моимъ было сдвинуть эти доски, потомъ наложить нѣкоторыя изъ нихъ одну на другую, и такимъ образомъ скрыть себя отъ взоровъ тѣхъ, кто приблизился бы къ мельницѣ.

Чтобы видѣть, что происходитъ внѣ мельницы, я просверлилъ ножомъ небольшое отверстіе въ доскѣ; въ него я могъ осматривать мѣстность на довольно обширное пространство.

Поиски продолжались дѣятельно. Сквоттеры очень хорошо знали, что я не успѣлъ еще скрыться въ лѣсъ, и потому были увѣрены, что я нахожусь гдѣ-нибудь вблизи отъ нихъ. Всѣ хитрости были осматрѣны; но никому не приходила мысль взглянуть въ мельницу, потому-что каждый изъ сквоттеровъ былъ вполне увѣренъ, что я скрылся въ совершенно противоположную сторону. Когда обшарены были всѣ углы и всѣ щели, враги мои остановились, не зная куда идти.

Наконецъ, разставивъ мальчишекъ на всѣхъ обсервационныхъ пунктахъ, отецъ собралъ семерыхъ взрослыхъ сыновей своихъ, и медленно пошелъ съ ними къ мельницѣ. Войдя въ нее, они стали въ кружокъ; это позволило мнѣ, не бывъ замѣченнымъ, слышать весь ихъ разговоръ.

— Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, безопаснѣе... нѣтъ лишнихъ ушей и языковъ... сказалъ Мильакръ, сядя на приготовленное для распилки дерево. Странное дѣло, Тоби!... я никогда бы и не подумалъ, что хоть одинъ изъ этихъ городскихъ щеголей, съумѣетъ такъ ловко воспользоваться своими ногами. Куда онъ могъ скрыться?

— Если онъ уйдетъ отъ насъ, проговорилъ Тоби, будетъ худо... тогда все пропало. Возвратясь въ Ревнестъ, онъ непременно начнетъ хлопотать о томъ, чтобы остановить насъ... На Ньюкома плохая надежда... въ бѣдѣ не поможетъ.

— Полно!... напрасно нападаешь на судью, замѣтилъ Мильакръ. Я увѣренъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, извѣститъ насъ, чтобы дать намъ время убраться отсюда.

— Да... я тогда поклонись доскамъ, которыя спущены на воду!... поклонись всему заготовленному лѣсу! Подумай о томъ, что здѣсь нѣтъ куска дерева, который бы не былъ облитъ моимъ потомъ!... Нѣтъ!... легко ихъ не возмуть у меня... съумѣю оборониться!...

— И меня не заставить бросить мой лѣсъ и домъ! вскричалъ съ жаромъ Мильакръ. Мы дрались за свободу съ королемъ Георгомъ, — отъ чего же не драться теперь, не постоять за свое собственное добро? Да и къ чему послужила бы свобода, если бы мы позволили разорять себя?

Всѣ сыновья, единогласно и громко, подтвердили мысль отца, и воинственная отвага выразилась на ихъ лицахъ.

— А что мы сдѣлаемъ съ этимъ молодцомъ, если поймаетъ его? спросилъ Зефанъ.

Я усилилъ вниманіе. Въ этомъ вопросѣ заключался высшій для меня интересъ.

— Оставлять его долго здѣсь—нельзя... его начнутъ отъискивать... Хотя мы и имѣемъ полное право на свое добро... а все же здѣсь, въ этой землѣ, не слишкомъ расположены къ сквоттерамъ.

— Какое мнѣ дѣло до здѣшнихъ! сказалъ съ гордостію Мильакръ. Если имъ нуженъ этотъ Литтлпеджъ, пусть идутъ за нимъ,... приму и угощу! я объявляю: если этотъ сьумабродъ попадется мнѣ въ руки, такъ не вырвется, пока не отдастъ мнѣ законнымъ образомъ двѣсти акровъ земли и мельницу, не требуя ничего за прошедшее время. Вотъ мои условія, и — никакой уступки.

За этимъ формальнымъ объявленіемъ послѣдовало довольно продолжительное молчаніе и тишина; я боялся, чтобы они не услышали тяжелого дыханія моего. Къ счастью, Зефанъ началъ говорить.

— Я слышалъ, сказалъ онъ, что всѣ условія, которыя дѣлаются въ такихъ случаяхъ, не значатъ ничего передъ закономъ. Въ послѣдній разъ, какъ я ѣздилъ въ Ревнестъ, объ этомъ толковалъ Ньюкомъ.

— Вотъ—на! Такъ чортъ же ихъ пойметъ! проворчалъ старикъ сквоттеръ. Пишутъ законы, и хотятъ чтобы всѣ исполнили ихъ; а если представишь въ судъ законное условіе, такъ опять не то!... и законъ не законъ! Я только и думалъ о томъ, какъ бы взять у этого молодого Литтлпеджа законную бумагу на землю,— а ты говоришь, что это ни къ чему не поведетъ! Эхъ, Зефанъ, Зефанъ!... часто ты ѣдешь къ этимъ законникамъ!... не одурѣй самъ, какъ они!...

— Не одурѣю, хоть и съ удовольствіемъ ѣзжу туда. Я ужъ въ той порѣ, что время подумать о женитбѣ; а здѣсь кромѣ

сестеръ монахъ, нѣтъ другихъ дѣвушекъ, такъ, по неволѣ, станешь ѣздить къ сосѣдямъ. Вотъ для чего я бываю въ Ревне-вестѣ... и скрывать не хочу.

— А что же, нашегъ ли чего искалъ? Говори откровенно... ты знаешь: притворства и обмана я не люблю... Кто же она? Согласна ли идти къ намъ въ семейство?

— Ахъ, батюшка!... Три раза я спрашивалъ объ этомъ Урсуду, и каждый разъ она отвѣчаетъ мнѣ, что никогда не согласится... чтобъ я и не думалъ о ней.

— Кто же эта дѣвочка, что вздумала задирать носъ передъ сыновьями Мильякра? спросилъ съ гордымъ видомъ старикъ; хотѣлъ бы видѣть ее!... хотѣлъ бы поговорить съ нею!... Какъ ты назвалъ ее?

— Урсуду Мальбонъ... племянница землемѣра.

— Племянница землемѣра! И ты три раза просилъ ее за себя?

— Да, батюшка,... три раза; и каждый разъ она отвѣчала, что не согласна.

— Хорошо же!... въ четвертый заговорить другое. Нельзя ли увести ее сюда? Она, вѣрно, живетъ въ лѣсу вмѣстѣ со старикомъ Андреемъ?

— Да.

— А любить ли она своего дядю?

— Она любитъ старика Андрея, какъ роднаго отца.

— Такъ отчего же не пойти тебѣ къ ней, Зефанъ, и не сказать, что дядя ей въ опасности, что ты не знаешь самъ, что съ нимъ будетъ, и что ей не мѣшало бы съ нимъ повидаться? А тамъ, когда бы она пришла сюда, такъ ты надѣлъ бы новое свое платье, а мы послали бы за Ньюкомомъ, и, какъ знать, можетъ быть ты женился бы раньше чѣмъ думаешь.

Это предложеніе было принято единодушно, особливо Зефаномъ, до котораго оно преимущественно касалось.

— Батюшка, сказалъ онъ, позовите Лавинію и поговорите съ ней объ Урсудѣ Мальбонъ. Сестра стойтъ, вонъ тамъ, съ женою Тоби и съ матушкой, которая шарить въ капустѣ, какъ будто бы въ ней могъ спрятаться человекъ.

Мильякръ позвалъ свою дочь, и вскорѣ я услышалъ не ровную, робкую походку бѣдной дѣвушки. Она, конечно, думала, что ее звали потому, что считали сообщницею въ моемъ побѣгѣ; эта мысль особенно встревожила ее.

— Поди сюда, Лавинія, сказалъ Мильякръ тѣмъ важнымъ голосомъ, который онъ обыкновенно употреблялъ въ разговорѣ съ своими дѣтьми. Знаешь ли ты Урсуду Мальбонъ, племянницу землемѣра?

— О! слава Богу, батюшка!... какъ вы меня испугали... мнѣ показалось, что вы нашли молодого человека и подумали, что я помогла ему скрыться.

Какъ ни странно могли показаться эти слова, случайно сказанныя, они не возбудили однако никакого подозрѣнія; сначала я думалъ, что этимъ признаніемъ Лавинія подвергнетъ себя строгому допросу и тайна моя откроется; но ни отецъ, ни одинъ изъ братьевъ не обратили вниманія на эти слова.

— Кто тебѣ говоритъ о молодомъ Литтльпеджѣ? сказалъ съ досадою Мильякръ. Я тебя спрашиваю о томъ, знаешь ли ты племянницу землемѣра?

— Что я могу знать объ ней? сказала Лавинія, рѣшась открыть одну тайну, тяготившую ее сердце, чтобы тѣмъ самымъ скрыть другую, болѣе важную; я, пожалуй, скажу вамъ... сегодня я видѣла Урсуду въ первый разъ. Зефанъ часто говорилъ мнѣ про дѣвушку, которая цѣлый мѣсяцъ носила цѣпи старика Андрея, и на которой онъ хотѣлъ бы жениться...

— Ты видѣла ее въ первый разъ! Чтожъ это значитъ? гдѣ же ты ее видѣла сегодня? Кажется, весь родъ человѣческой сговорился сегодня быть у меня на свиданіи!... Отвѣчай же!... гдѣ ты видѣла ее?

— Она была здѣсь, съ своимъ дядей... не подалеку отсюда... и я... я...

— Ну чтожъ ты? говори, не запинаясь!

Я безошибочно могъ бы сказать Мильякру, почему дочь его отвѣчала такъ робко; но она и сама ловко выпуталась изъ своего труднаго положенія.

— Вотъ видите ли что: я пошла сегодня, послѣ полудня, за ежевикой; выйдя на поле, которое у самой опушки лѣса, я увидѣла молодую дѣвушку... это была Урсуда; мы разговорились, и она высказала мнѣ про себя все. Она ждетъ своего дядю, чтобъ возвратиться домой...

— Что? возвратиться домой? вотъ новость, ребята! а гдѣ она теперь? Знаешь ли ты, Лавинія?

— Навѣрное сказать не могу; она сказала мнѣ, что скроется въ лѣсъ, боясь чтобъ ее не увидѣли;... но до заката солнца

да она будетъ у большого каштановаго дерева, которое, вы знаете, растетъ на томъ поле, гдѣ я собираю ежевику.... я обѣщала придти туда, чтобы проводить ее къ намъ или принести ей ужинъ и что-нибудь вмѣсто постели.

Эти слова внушили полную довѣренность; старикъ сквоттеръ рѣшился, кажется, воспользоваться обстоятельствами. Онъ всталъ и сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Теперь ступайте за мною. Мы снова осмотримъ всѣ хижинны, всѣ склады бревенъ, чтобы узнать не успѣлъ ли скрыться этотъ Литтлпеджъ въ то время, пока мы говорили здѣсь. Ты, Лавинія, не ходи съ нами. Вы, дѣвушки, если вамъ поручишь какой-нибудь обыскъ, бѣгаете, какъ угорѣлыя, и только портите дѣло.

Выждавъ мнуну, когда затихли и отдаленные даже шаги, я рѣшился выглянуть въ отверстіе, которое просверлилъ въ доскѣ. Лавинія сидѣла на томъ же деревѣ, на которомъ помѣщался ея отецъ; безпокойный взглядъ ея, казалось, искалъ меня. Наконецъ она тихо произнесла.

— Здѣсь ли вы? батюшка и братья не услышатъ насъ теперь... только говорите тише.

— Я здѣсь, моя добрая Лавинія... я знаю все, что было. Ты видѣла Урсулу Мальбонъ?... Отдала ли ты ей мое письмо?

— Отдала, отдала; она столько разъ прочла это письмо, что, я думаю, вытвердила его навзустъ.

— Да что жъ она тебѣ сказала?... Не просила ли послать къ дяди?... не говорила ли что-нибудь о моемъ письмѣ?

— О, она много говорила, очень много... Вѣдь, вы знаете, молодыя дѣвушки любятъ говорить; мы съ Урсулой говорили болѣе получасу. Теперь мнѣ нельзя вамъ пересказать все... могутъ спохватиться, за чѣмъ я такъ долго остаюсь на мельницѣ.

— Скажи мнѣ только, дала ли она какой-нибудь отвѣтъ на мое письмо?

— О вашемъ письмѣ она не сказала ни слова... О, эта дѣвушка осторожна, когда получаетъ письма отъ молодыхъ людей. Скажите мнѣ, вы находите ее такою же красавицей, какъ и Зефанъ?

Этотъ вопросъ не предвѣщаль ничего добраго; однако надо было отвѣчать, и притомъ такъ, чтобы не разсердить Лавинію, потому-что всю надежду мою я возлагалъ на нее.

— Она не дурна; впрочемъ я видѣлъ многихъ, которыя лучше ее. Но хороша ли она, или дурна, все же она дѣвушка и потому грѣхъ не думать объ ней въ такое опасное время.

— Да, да. Пусть батюшка выгонитъ меня, но я не оставляю ее, сказала съ особеннымъ выраженіемъ Лавинія. Меня утомила эта жизнь сквоттеровъ... я не понимаю, почему не жить бы всегда на одномъ мѣстѣ. Но скажите мнѣ, что было бы лучше для Урсулы? Не будетъ ли она сердиться, если Зефанъ женится на ней.

— Почему ты спрашиваешь меня объ этомъ? развѣ ты что-нибудь видѣла или слышала подобное, разговаривая съ нею? Скажи мнѣ, что она съ тобой говорила?

— Боже мой! мало ли что; но больше о старикѣ землеѣрѣ. А вашего имени она не произнесла ни разу.

— Я думаю, что ее болѣе всего беспокоитъ дядя... Что же она думаетъ дѣлать?... она будетъ ждать тебя у каштановаго дерева?

— Она ждетъ меня у скалы, неподалеку отъ этого дерева... ее не трудно отыскать.

— Что дѣлается у васъ теперь? Нельзя ли мнѣ выйти изъ мельницы... добѣжать до рѣки, и окольной дорогой дойти до Урсулы, чтобы извѣстить ее объ опасности, которая ей угрожаетъ?

Лавинія молчала; я думалъ, что можетъ-быть разсердилъ ее; нѣсколько минутъ она объ чемъ-то думала, потомъ подняла голову и на лицѣ ея я не замѣтилъ и тѣни гнѣва.

— Конечно, было бы жестоко принуждать Урсулу выйти за мужъ за Зефана, если она не любитъ его, сказала съ чувствомъ Лавинія. Въ самомъ дѣлѣ, лучше извѣстить ее обо всемъ, что здѣсь происходитъ, пусть она выбираетъ сама, что для нея лучше.

— Да, она говорила мнѣ, отвѣчалъ я хладнокровно, что рука ея отдана уже другому; а потому, конечно, не хорошо принуждать ее идти замужъ не за того, кого она любитъ.

— Да, этого не будетъ, сказала Лавинія такимъ голосомъ, который почти испугалъ меня.

Не ожидая моихъ возраженій, она тотчасъ же сказала мнѣ, что я долженъ былъ предпринять, чтобы достигнуть своей цѣли.

— Видите ли вы эту тропинку, которая вьется отъ угла мельницы? сказала торопливо Лавинія. По ней вы дойдете до той скалы, съ которой падаетъ вода. Вы безопасно, никѣмъ не за-

мѣченные, достигнете этого мѣста... Васъ будутъ прикрывать строенія. На этой скалѣ, вы увидите лѣсокъ; онъ доведетъ васъ до рѣчки, черезъ которую перекинуть деревянный мостъ. Перейдя его, ступайте на-лѣво, опушкой лѣса, тутъ вы и встрѣтите каштановое дерево.

Я съ жадностію слушалъ эти наставленія. Лишь только Лавинія замолчала, я былъ уже на тропинкѣ, но не смѣлъ идти впередъ, и ждалъ минуты, когда она скажетъ мнѣ, что я могу слѣдовать по назначенному пути.

— Не торопитесь, сказала она, поникнувъ головою и дѣлая видъ будто ищеть чего-то у ногъ своихъ; батюшка и Тоби идутъ съ этой стороны; они прямо противъ мельницы. Тише!... остерегитесь... они, кажется, повернуть въ другую сторону... точно... они уходятъ. погодите минутой.. Ну, теперь, скорѣй!... Но смотрите, мы должны увидѣться.

Послѣднія слова Лавиніи я услышалъ, добѣгая уже до конца тропинки. Передъ тѣмъ, чтобы спуститься, я осмѣлился взглянуть на окружавшіе меня предметы. Въ ста шагахъ отъ меня, стояли Мильакръ и Тоби, отдѣлившись отъ толпы; они, казалось, совѣщались о чемъ-то. Я быстро спустился съ утеса и достигъ рѣчки, черезъ которую переброшено было дерево. До самаго перехода черезъ этотъ мостъ, я былъ въ виду монахъ преслѣдователей, еслибы они только обратили вниманіе въ эту сторону. Перебѣжавъ мостъ и скрывшись въ зелени лѣса, я остановился, перевелъ дыханіе и сталъ наблюдать за тѣмъ, что происходило у сквоттеровъ.

Часть семейства Мильакра стояла на томъ же мѣстѣ; онъ же, съ своимъ сыномъ Тоби, ходилъ взадъ и впередъ. Пруденція стояла у дверей отдаленной хижины, окруженная, какъ и всегда, роемъ ребятишекъ, и съ жаромъ разговаривала съ своими дочерьми. Лавинія, выйдя изъ мельницы, ходила, въ отдаленіи отъ своихъ родныхъ, по пригорку, съ котораго ясно могла видѣть мой путь. Замѣтивъ, что она была совершенно одна, я осмѣлился кашлянуть такъ громко, чтобъ обратить на себя ея вниманіе. Сдѣлавъ знакъ, чтобъ я шель дальше, она побѣжала къ своей матери.

Я думалъ объ одной только Урсулѣ. Что мнѣ было до того, что она любитъ другаго! Она не могла, не должна была принадлежать какому нибудь Зефану. Я думалъ только о томъ, какъ бы сократить время, и этимъ самымъ спасти ее. Мысль эта

дала мнѣ крылья. Минуты черезъ три я былъ уже у каштановаго дерева. Во время пути, мнѣ вздумалось еще разъ обратить вниманіе на своихъ враговъ; прежде чѣмъ повернуть въ сторону, я взглянулъ на ихъ жилище. Видно было, что Мильакръ и Тоби предприняли какія-то мѣры, потому-что кромѣ мальчика, стоявшаго на часахъ у магазина, и нѣсколькихъ дѣтей, не видно было ни одного сквоттера. Даже Сускуэауэсъ, который съ самой минуты освобожденія не переставалъ бродить около жилища сквоттеровъ — вдругъ скрылся. Пруденція, съ своими дочерьми, торопливо перебѣгла изъ одной хижины въ другую. Разсмотрѣвъ все это, я побѣжалъ дальше. Миновавъ поле и войдя въ лѣсъ, я вдругъ услышалъ чьи-то шаги. Осмотрѣвшись вокругъ, я увидѣлъ Джана, который шель ко мнѣ на встрѣчу, неся на плечахъ два карабина.

— Ахъ, это ты, мой вѣрный Джанъ! вскричалъ я, протягивая руку къ карабину. Ты подоспѣлъ кстати;... проводи меня къ Урсулѣ Мальбонъ.

— Съ удовольствіемъ, сударь. Миссъ Урсула близехонько; мы какъ разъ будемъ тамъ. Она поставила меня здѣсь на караулъ... у меня два карабина... одинъ землемѣровъ, а другой — мой... Миссъ боится огнестрѣльнаго оружія. Откуда вы, сударь, бѣжите такъ скоро?

— Все узнаешь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Теперь надо спасать миссъ Урсулу. Она, я думаю, очень беспокоится о своемъ людѣ?

— Беспоковтса! она все плачетъ; а бываетъ, однако, время, что въ ней вдругъ является львиная смѣлость; тогда она такъ храбра, какъ мой старой господинъ, когда онъ, бывало, ходилъ съ своимъ полкомъ въ штыки; большаго труда стоило уговорить ее, чтобы она не приближалась къ хижинамъ Мильакра. А про васъ-то, сударь, разъ сто въ день она заговариваетъ.

— Про меня! вскричалъ я; но потомъ, опомнившись, я старался скрыть мое волненіе. Я замолчалъ. Мнѣ не хотѣлось дѣлать Джана повѣреннымъ моеи тайны. Я посѣдшилъ къ Урсулѣ, и, руководимый своимъ слугою, скоро отыскалъ ее. Негръ, исполнивъ свою обязанность, снова отправился на прежнее мѣсто, взявъ съ собою оба карабина.

Никогда не забуду взора, какимъ встрѣтила меня Урсула. Этотъ взоръ былъ вѣрною порукой расположенія ея ко мнѣ. Нѣсколько, дурно скрытыхъ, слезъ дрожали еще на ея рѣсницахъ.

цахъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ упоеніемъ я держалъ и прижималъ къ своему сердцу маленькую ея ручку, которую она подала мнѣ, съ трогательнымъ участіемъ.

— Убѣжимъ, милая Урсула! вскричалъ я, убѣжимъ отъ этихъ грабителей!

— Убѣжать, и оставить въ ихъ рукахъ лядюшку! сказала съ упрекомъ Урсула. Вы ли мнѣ это совѣтуете?

— Простите меня: но это необходимо;... этого требуетъ ваша безопасность,... нельзя терять ни минуты. У этихъ злодѣевъ ужасный замыселъ: они хотятъ похитить васъ, чтобъ этимъ самымъ спасти себя.... оправдать себя во всѣхъ своихъ преступленіяхъ.... повторяю еще разъ: вы въ опасности... нельзя терять ни минуты.

Невыразимая улыбка мелькнула на лицѣ Урсулы. Въ этой улыбкѣ было столько прелести, и вмѣстѣ столько грусти!

— Мордоунтъ! проговорила она, помните ли, что я сказала, разставаясь съ вами?

— Мнѣ ли забыть ваши слова, Урсула! Не они ли довели меня до отчаянія? Не они ли были причиной всѣхъ этихъ неприяностей?

— Не говорила ли я вамъ, что рука моя принадлежитъ другому? Вспомните, не повторяла ли я вамъ, что не могу принять благороднаго, лестнаго предложенія вашего? Связанная общапіемъ, я должна была думать только объ одномъ!

— Конечно; но для чего вы хотите снова растравить раны моего сердца?

— Если я говорю объ этомъ, такъ потому только, что человекъ, которому принадлежитъ вся жизнь моя, живетъ здѣсь, вблизи... я не смѣю покинуть его.

— Боже мой!... Урсула!... Неужели вы любите Зефана Мильакра... любите сквоттера?

Взоръ Урсулы, обращенный ко мнѣ, выразилъ удивленіе. Я упрекнулъ себя въ неумѣстной откровенности. Мнѣ самому стало стыдно; я хотѣлъ бы провалиться сквозь землю въ ту минуту, когда замѣтилъ на лицѣ Урсулы это уныніе, эту мертвенную блѣдность... Я лучше бы хотѣлъ принести самъ себя въ жертву, чѣмъ вызвать горькія, жгучія слезы на ея глаза. Съ минуту мы стояли молча. Наконецъ она сказала мнѣ твердымъ голосомъ:

— Ваши слова унижаютъ меня!... но я васъ, прощаю, Мор-

доунтъ, потому-что вы сострадали мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ, и въ настоящихъ обстоятельствахъ вы имѣли право думать, что ваши предположенія вѣрны. Но какъ бы то ни было, всякое сомнѣніе должно исчезнуть между нами: человекѣтъ, которому я предана, которому принадлежить вся жизнь моя... знаете ли кто?... это мой дядя. Если бы въ первый день нашего откровеннаго разговора вы не убѣждали отъ меня такъ скоро, я бы пересказала вамъ все это.... я была бы откровенна съ вами....

— Урсула!... миссъ Мальбонъ!... что вы говорите!... Такъ у меня нѣтъ соперника?

— Никто, во всю жизнь мою, не говорилъ мнѣ о любви, кромѣ этого грубаго сквоттера и васъ, Мордоунтъ.

— Какъ! такъ ваше сердце свободно?... такъ никто изъ постороннихъ не заставлялъ его биться сильнѣе?...

Урсула взглянула на меня, и, помолчавъ не много, сказала:

— Можетъ быть, я должна была бы отвѣчать вамъ «нѣтъ», чтобы защитить права моего пола, особливо, когда со мной говорятъ такъ нецеремонно; но ...

— Но что же? Бездѣльная Урсула? говорите откровенно, не мучьте меня сомнѣніемъ.

— Правду я предпочитаю кокетству; да къ тому же было бы не понятно, если бы я, послѣ всѣхъ вашихъ доказательствъ привязанности ко мнѣ, осталась бы не чувствительною. Повѣрьте мнѣ, Мордоунтъ, если бы мы находились даже и въ большомъ кругу людей, я и тогда предпочла бы васъ всѣмъ. Какого же соперника вы ищете себѣ здѣсь, среди этихъ лѣсовъ, среди этой пустыни, въ которой я живу?

Передавать читателю всѣ подробности послѣдующаго разговора, я считаю лишнимъ; довѣрю одно лишь необходимое. Все время разговора пролетѣло какъ одна упительная минута. Урсула призналась въ любви своей ко мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ откровенностію настоящей Американки, она созналась въ своей бѣдности. Въ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, отношеніи, мы имѣемъ преимущество передъ всѣми другими націями. Если гдѣ-нибудь разность состоянія можетъ разрушать счастье влюбленныхъ, то по-крайней-мѣрѣ у насъ, въ Америкѣ, бѣдность, никогда не представляетъ препятствій; особливо когда хотя одинъ изъ супруговъ имѣетъ возможность обезпечивать семейство.

Обнявъ Урсулу и приклонивъ ея голову къ своему плечу, я

вкусалъ, преждевременно, сладость будущей жизни; но вдругъ мы были вызваны изъ этого сладкаго забвенія крикомъ:

— Вотъ онъ!... Вотъ она!...

Подавшись впередъ, я очутился лицомъ къ лицу съ Тоби и Зефаномъ; поодаль отъ нихъ шла Лавинія. Лицо перваго выражало злость; лицо втораго—ревность и досаду; лицо Лавини было покрыто мертвою блѣдностью. Минуту спустя, насъ окружилъ Мильакръ съ остальными своими сыновьями.

XXIV.

Та, которую я люблю—молода; но много есть дѣвъ молодыхъ; моя прекрасна, но есть красивѣе ея. Но не въ каждомъ лицѣ найдете вы такое небесно-прекрасное выраженіе; а потому, если вы встрѣтите дѣвуху съ такимъ выраженіемъ лица, то въ ней вы узнаете ту, которую я люблю.

Честность.

Никогда, кажется, счастье человѣка, не нарушалось такъ мгновенно, такъ ужасно и неожиданно,—какъ рушилось мое. Я слишкомъ хорошо зналъ все предшествовавшее, чтобъ оцѣнить вполне опасность настоящаго; Урсула же только смѣшалась, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ каждая дѣвушка, пойманная въ минуту завѣтной ея тайны. Она устыдилась той привязанности, которую бы, мѣсяцъ спустя, послѣ торжественныхъ обѣщаній, она могла бы гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ; но въ эту минуту она растерялась. Впрочемъ, причиною этому была и грубая встрѣча сквоттеровъ; Урсула не знала еще настоящаго ихъ характера; все желаніе ея состояло въ томъ, чтобъ увидѣться съ своимъ дядей. Но Мильакръ не преминулъ показать намъ обонь, какъ далеко онъ былъ отъ шутокъ.

— Такъ-то, господинъ маіоръ, вы понааетесь снова въ то гнѣздышко, откуда вылетѣли! Выбирайте любое! или убирайтесь отсюда, куда вамъ угодно, или вы будете связаны и брошены въ лѣсъ, какъ дикій звѣрь. Если вамъ вздумалось скрыться отъ насъ, такъ это доказывать, что вы худо знаете Миль-

акра и его семейство.... не забудьте, что около насъ растетъ лѣсъ слишкомъ на двадцать миль... Трудно убѣжать!

Я покорила необходимости. Окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, сквоттеры приказали намъ идти, не запрещая, впрочемъ, мнѣ говорить съ Урсулой. Урсула, какъ женщина, твердо переносила всѣ неприятности. Можетъ-быть, многіе не повѣрятъ мнѣ, но я смѣло могу увѣрить, что не смотря на это новое для насъ несчастіе, мы вполне были довольны судьбой, имѣя возможность говорить другъ съ другомъ.

— Будьте смѣлѣе, милая Урсула! сказалъ я тихо, приближаясь къ амбару: во всякомъ случаѣ, эти негодяи не позволятъ себѣ никакой дерзости; хоть худо, но все же они знаютъ, что на нчхъ есть судъ и расправа.

— Я спокойна.... я близъ васъ.... близъ дядюшки теперь, сказала, улыбаясь, Урсула... вѣроятно, мы скоро увидимъ Франка, потому-что я забыла сказать вамъ, что онъ отправился въ Ревнснестъ требовать управы на этихъ сквоттеровъ. Онъ отправился почти въ одно съ нами время. Я думаю, теперь онъ возвращается уже къ намъ.

Я съ чувствомъ пожалъ руку Урсулы; но не рѣшался пересказать ей всю опасность, которой я ожидалъ; впрочемъ это было бы лишнимъ: ее напрасно бы стали принуждать идти замужъ за Зефана; я зналъ твердый характеръ Урсулы, и потому былъ увѣренъ, что если она дала мнѣ обѣщаніе, то уже ни какія силы не могли бы заставить ее согласиться на предложенія другаго.

Я разстался съ нею у дверей первой хижины. Урсула была поручена надзору жены Тоби, достойной половины своего супруга. Ей не было сдѣлано ни малѣйшей неприятности; напротивъ, предоставили полную свободу, однакожъ съ тѣмъ, чтобы одна изъ женщинъ постоянно слѣдила за нею.

Такъ какъ мы возвратились новымъ путемъ, то землемѣръ уже черезъ меня узналъ объ арестѣ своей племянницы. Онъ и не подозревалъ, что я второй разъ попадаюсь въ плѣнъ. Сускузусъ же, по обыкновенію, не обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія.

— Что, мой любезный Мордоунтъ! Я зналъ, что вы усѣли скрыться отсюда и, признаюсь, боялся, что вы снова попадете въ руки этихъ сквоттеровъ, вскричалъ Андрей, иля ко мнѣ на встрѣчу и дружески протягивая руку. Вотъ мы опять всѣ трое

вмѣстѣ; благодарю Бога, что мы добрые пріятели, иначе келья наша была бы и тѣсна и не удобна. Индѣецъ снова, по доброй волѣ, сдѣлался плѣнникомъ, когда узналъ, что я сижу здѣсь одинъ; впрочемъ ему была предоставлена свобода. Теперь ты можешь снова обнажить оружіе противъ сквоттеровъ; не правда ли, Сускузузусъ?

— Конечно. Миръ конченъ. Сускузузусъ такой же плѣнникъ, какъ и другіе; онъ возвратилъ свое слово Мильякру; онъ свободенъ теперь.

Я повалъ, желаніе Онондаго. Онъ хотѣлъ сказать, что отдавшись снова въ руки сквоттеровъ, этимъ самымъ онъ уничтожалъ данное слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ, удалялся отъ убійственнаго нейтралитета. Къ счастью, Джапъ успѣлъ скрыться; я могъ надѣяться, что онъ скоро соединится съ Франкомъ, который, вѣроятно, вмѣстѣ съ вооруженной силою, былъ не далеко отъ насъ. Надо было, однако, подумать о томъ, что сквоттеры не поддадутся легко, и что поэтому можно было ожидать, на вѣрное, дѣла довольно серьезнаго. Въ такомъ семействѣ, каково было семейство сквоттера, женщины вполне замѣняли мужчинъ: въ нихъ столько же было отваги и отчаянія.

— Одинъ Богъ знаетъ, Мордоунтъ, что изъ этого выйдетъ, сказалъ землемѣръ, спокойно закуривая трубку; успѣхи каждой войны сомнительны; это вамъ подтвердитъ Сускузузусъ, какъ человѣкъ опытный; да вы и сами это знаете, потому-что, не смотря на молодые годы, вы не разъ бывали уже въ огнѣ. Мой Франкъ тоже не изъ хладнокровныхъ людей; онъ не позволитъ шутить сквоттерамъ; мы всѣми силами должны стараться поддержать его.

— Но развѣ вы увѣрены, что Ньюкомъ, этотъ короткой пріятель старика сквоттера, исполнитъ требованіе Франка?

— Этотъ же самый вопросъ, любезнѣйшій Мордоунтъ, я задавалъ себѣ не разъ. Мнѣ кажется, что Ньюкомъ успѣетъ извѣстить во время Мильякра. Часто правосудіе идетъ не такъ быстро, какъ неправда; по-крайней-мѣрѣ, правый человѣкъ всегда имѣетъ болѣе перевѣсу. Это я чувствовалъ съ самаго малолѣтства: а вполне убѣдился въ этомъ, съ тѣхъ поръ, какъ возвратился сюда, и живу съ Урсудой. Этотъ ребенокъ научилъ меня всему, о чемъ я прежде не имѣлъ понятія. Вы отъ души порадовались бы, если бы послушали, какъ она говоритъ каждое воскресенье съ однимъ старикомъ, который безвыходно живетъ въ

лѣсу; какъ просто и ясно толкуетъ она ему законы религіи, какъ сильно убѣждаетъ любить и бояться Бога.

— Какъ! Урсуды исполняютъ это? Я уважалъ ее за одну привязанность и расположеніе къ вамъ, но новость, которую вы сообщили теперь, показываетъ еще большую доброту въ миссъ Урсудѣ.

— Да, этого ребенка съ разу не узнаешь. Вы не повѣрите, сколько скрыто прекраснаго въ ея душѣ и сердцѣ. Надо долго жить съ нею, чтобы оцѣнить всю привязанность, всю доброту, всю чистоту ея души. Впрочемъ, я увѣренъ, любезнѣйшій Мордоунтъ, что для васъ настанетъ когда-нибудь время, подмѣтитъ и повѣритъ мои слова.

— Когданибудь? Помилуйте! Я теперь уже люблю ее такъ, какъ никого въ жизни не любилъ! Я вижу только ее, объ ней только думаю! она постоянно въ моихъ мечтахъ; не скрою отъ васъ, отъ нея я получилъ уже согласіе...

Старикъ Андрей удивился, слушая, съ какимъ жаромъ я говорилъ; даже Индѣецъ обратился ко мнѣ съ лицомъ, на которомъ выражалась радость. Увлекаемый непреодолимой силой, я наговорилъ еще болѣе.

— Да, сказалъ я, схвативъ руку землемѣра, я исполню ваши желанія, о которыхъ вы мнѣ такъ часто говорили. Вспомните, какъ часто вы повторяли, что все ваши желанія заключались въ томъ, чтобы я женился на вашей племянницѣ. Сегодня, болѣе чѣмъ когда-нибудь, я хочу воспользоваться вашими словами, назвать васъ дидей.

Къ величайшему моему удивленію, землемѣръ не обнаружилъ никакой радости. Впрочемъ, я давно замѣтилъ, что, съ самаго дня пріѣзда въ Ревнсность, онъ не говорилъ мнѣ никогда ни слова о своемъ любимомъ предметѣ; а теперь, когда я вполне согласенъ былъ исполнить его желаніе, онъ былъ совершенно хладнокровенъ. Я не могъ дать себѣ отчета въ этомъ, и съ безпокойствомъ ожидалъ его объясненія.

— Мордоунтъ, Мордоунтъ! сказалъ Андрей, глубоко вздохнувъ; я не хотѣлъ бы слышать этого отъ васъ. Я васъ люблю, столько же, какъ и Урсуду; но мнѣ неприятно слышать о желаніи вашемъ жениться на ней.

— Вы огорчаете, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляете меня, мой добрый другъ. Вы всегда желали одного: чтобъ я узналъ нашу племянницу, чтобъ полюбилъ ее и женился на ней; а теперь,

когда я узналъ и полюбилъ ее, вы отказываете мнѣ въ ея рукѣ, какъ будто я недостойнъ ее.

— О, нѣтъ, мой другъ! нѣтъ. Вы знаете, что я о васъ не могу такъ думать; тутъ совсѣмъ другая причина. Я помню все, что говорилъ прежде. Что же дѣлать! Я былъ старый шутъ, болтунъ, который не видѣлъ далѣе своего носа; служилъ я тогда въ арміи; мы были капитанами; тогда мнѣ казалось, что мы съ вами равны, и потому я смѣлъ думать, что для васъ будетъ большая честь жениться на моей племянницѣ; но съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я возвратился въ лѣса, и снова взялся за цѣпи, чтобы выработывать этимъ средствомъ насущный хлѣбъ, — ахъ, съ тѣхъ поръ, многое измѣнилось. Повѣрьте мнѣ, что Урсула Мальбонъ не пара сыну генерала Литтлпеджа!

— Все, что вы мнѣ сказали, Андрей, совершенно противорѣчитъ вашимъ постояннымъ правиламъ и вашему характеру; эти мысли не принадлежатъ собственно вамъ; вы ихъ отъ кого-то заимствовали.

— Я и не спорю, и не защищаюсь; все это наговорила мнѣ Урсула.

— Урсула! А почему она могла думать, что я посватаюсь за нее, когда-нибудь?

— Садитесь, любезнѣйшій Мордоунтъ, я расскажу вамъ всю исторію. Скукузусъ, за чѣмъ ты удаляешься отъ насъ? Оставайся, ты можешь слушать насъ. Садись-ка на прежнее свое мѣсто, вотъ здѣсь, подлѣ меня. Я отъ тебя ничего не скрываю. Вотъ въ чемъ все дѣло, Мордоунтъ. По возвращеніи изъ лагеря, когда голова моя кружилась еще отъ дыма славы, отъ воспоминанія объ эпогетахъ, я принялся говорить объ васъ Урсулѣ, то же самое, что говорилъ вамъ про нее. Я говорилъ ей о вашей красотѣ, храбрости, безкорыстіи, честности, о вашемъ умѣ и веселомъ характерѣ; вспоминалъ при ней о томъ, какъ часто вы веселили всѣхъ насъ въ то даже время, когда мы шли на приступъ, однимъ словомъ, говорилъ ей все, что можетъ и долженъ говорить преданный вамъ другъ; и эти разговоры повторялись не разъ и не два, а двадцать или тридцать разъ, увѣряю васъ, Мордоунтъ!

— Мнѣ хотѣлось бы узнать, что отвѣчала на это Урсула?

— Ея-то отвѣты и просвѣтили меня. Сначала она смѣялась, шутлила, слушая меня; но однажды, когда я снова сталъ говорить ей про васъ, она вдругъ задумалась и потомъ сказала, что,

бѣдной сиротѣ не слѣдуетъ и думать о подобномъ замужествѣ; что ваши родные никогда на это не согласятся; короче, что наслѣдникъ генерала Литтлпеджа никогда не женится на бѣдной племянницѣ землемѣра.

— И вы, мой добрый Андрей, повѣрили всему этому?

— А, какъ же? Посмотрѣлъ бы я, что слѣдали бы вы на моментъ мѣстѣ! Если бы вы послушали, какъ она говорила, — вотъ такъ и западаетъ въ сердце каждое слово ея! И тогда, Мордоунтъ, вы, какъ и я, ничего не отвѣтили бы ей.

— Скажите же мнѣ, Андрей, неужели вы серьезно не хотите отлать за меня Урсулу?

— Это зависитъ не отъ меня, а отъ Урсулы. Ваше положеніе не измѣнилось: она по прежнему племянница землемѣра, а вы — сынъ генерала. Поговорите съ ней: увидите, что она вамъ скажетъ.

— Я говорилъ ужъ съ ней, и она ничего подобнаго мнѣ не сказала.

— Удивительно!... Такъ васъ не заставили ретироваться?

— Ни мало. Мнѣ остается теперь получить одно лишь согласіе родителей.

— Странно!... Я всегда былъ холостымъ, Мордоунтъ, и, признаюсь, дурно читаю въ женскихъ сердцахъ; но мнѣ кажется, надо читать въ нихъ такъ, что если разъ прочтешь *блгое*, въ другой разъ слѣдуетъ говорить — *черное*. А все же Урсула племянница бѣдняка землемѣра.

— Андрей!... Клянусь вамъ, когда бы мнѣ предложили жениться на дочери самаго Вашингтона, если бы, конечно, у него была хоть одна дочь, то и тогда, я предпочелъ бы слѣзаться вашимъ племянникомъ. Но замолчимъ. Сюда идутъ сквоттеры. Не забудьте, что я сказалъ про Урсулу.

Андрей дружески пожалъ мнѣ руку. Онъ не зналъ, что мнѣ былъ извѣстенъ весь разговоръ въ мельницѣ, и потому не волнѣ постигалъ мои опасенія. Я не боялся того, чтобы Урсула уступила просьбамъ, и стала женою Зефана; но ее могли заставить рѣшиться на это жестокимъ обращеніемъ съ ея дядей и со мной; а этого легко можно было ожидать. Критическая минута наступала; я съ наружнымъ спокойствіемъ ждалъ развязки.

Солнце садилось и кругомъ насъ становилось все темнѣе и темнѣе; въ это время, къ дверямъ нашей темницы подошелъ Тобя съ своими братьями, и сказалъ мнѣ и землемѣру, чтобы

мы шли за нимъ; Сускузуза онъ не беспокоилъ. Мы поспѣшно вышли изъ амбара, желая подышать хоть чистымъ воздухомъ. Насъ окружили вооруженные люди; не обращая на нихъ вниманія, мы думали только о той минутѣ, когда увидимъ Уреулу.

На половинѣ дороги, Андрей вдругъ остановился, и попросилъ позволенія поговорить со мною наединѣ.

Сначала Тоби не зналъ на что рѣшиться, — наконецъ, разставивъ братьевъ своихъ большимъ кругомъ около насъ, онъ согласился исполнить просьбу землемѣра.

— Мнѣ хочется сообщить вамъ одну мысль, которая пришла мнѣ въ голову, сказалъ тихимъ голосомъ Андрей. Мальбонъ не замедлитъ явиться съ подкрѣпленіемъ; а потому, не сказать ли намъ этимъ мошенникамъ, что сегодня мы не въ состояніи говорить съ ними, а хотѣли бы отложить это до утра.

— Гораздо же лучше, Андрей, продолжить разговоръ съ ними, потому-что въ случаѣ, если подоспѣтъ Франкъ, здѣсь мы будемъ свободны, чѣмъ въ амбарѣ. Почему знать, можетъ быть намъ удастся убѣжать отсюда съ нашими друзьями.

Андрей, въ знакъ согласія, кивнулъ головою, мы пошли далѣе. Темнота такъ была велика, что Мильакръ рѣшился на этотъ разъ засѣдать въ дому, приставивъ къ дверямъ значительную стражу.

Расположеніе американскихъ домовъ очень однообразно. Двѣ трети занимаетъ главная комната, въ которой помѣщается и печь; эта комната служитъ въ одно время и кухней и пріемной; остальная треть дома подраздѣляется на три части: спальню, чуланъ для масла и комнатку, въ которой находится лѣстница, ведущая на чердакъ и въ подвалъ. Трудолюбивый работникъ не на долго остается въ такомъ тѣсномъ и скромномъ домѣ, и вскорѣ замѣняетъ свое жилище двухъ-этажнымъ домомъ, съ пятью окнами на лицо; нѣкоторые же деревенскіе дома имѣютъ до осьми оконъ; но это рѣдкое исключеніе.

Въ лѣсу нью-йоркского штата, особливо въ мѣстахъ, нѣскольکو обработанныхъ, вечера бываютъ очень холодные, даже посреди лѣта. Тотъ вечеръ, когда насъ вели изъ темницы, холодъ былъ особенно великъ, даже морозило; а потому Пруденція развела въ печи большой огонь. При свѣтѣ яркаго пламени, который постоянно поддерживался сухимъ хворостомъ, происходила сцена, которую мнѣ остается рассказать.

Войдя въ домъ, мы нашли все семейство въ большой комнатѣ, о которой я уже говорилъ. Не доставало только жены Тоби и одной или двухъ ея сестеръ; вѣроятно, они были при Уреулѣ. Лавинія съ грустнымъ выраженіемъ лица стояла у печки. Пусть не обвиняютъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что встрѣча съ молодымъ человѣкомъ, хорошо сложеннымъ, съ благородными манерами, который во всемъ превосходилъ тѣхъ съ которыми Лавинія должна была жить, произвела впечатлѣніе, не скажу на сердце, покрайней-мѣрѣ на воображеніе молодой дѣвушки. Это предположеніе ясно подтверждалось обращеніемъ и вниманіемъ, какое оказывала мнѣ Лавинія.

Мильакръ попросилъ насъ сѣсть. Разсмотрѣвъ лица этого арестанта, я замѣтилъ что выраженіе ихъ было теперь гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ то время, когда насъ заключали въ амбаръ. Мнѣ казалось, что намъ сдѣлаютъ какія нибудь мирныя предложенія, и не ошибся: первыя произнесенныя слова были въ этомъ родѣ:

— Пора, землемѣръ, кончить намъ это дѣло, сказалъ Мильакръ. Оно мѣшаетъ моимъ ребятамъ заниматься работою и ставить все вверхъ дномъ у меня въ домѣ. Я разуслительнъ и не люблю пугать дѣла. Сколькихъ враговъ я примирилъ въ моей жизни!... и теперь готовъ сдѣлать тоже. Но однихъ я мирилъ добрымъ словомъ, а другихъ иначе. Одинъ или два раза только я былъ побѣжденъ числомъ и истерзанъ вашимъ проклятымъ правосудіемъ; во тогда я былъ молодъ, неопытенъ, а опытъ лучшій учитель. Я прожилъ семьдесятъ лѣтъ и потому знаю, что всегда надо выжидать терпѣливо случая, а когда онъ явится, то слѣдуетъ держаться за него крѣпко, и всѣ дѣла обдѣлывать кругомъ. О тебѣ, землемѣръ, я всегда думалъ также, какъ думаю и о себѣ: ты человѣкъ разсудительный, опытный и стоворчивый. Мнѣ кажется, что небольшого труда стоило бы намъ окончить наше дѣло теперь же, чтобъ этимъ прекратить ссору и брань. Вотъ мое желаніе, такъ ли вы думаете?

— Если ты говоришь со мною такъ учтиво, такъ миролюбиво, Мильакръ, я готовъ слушать тебя и отвѣчать тѣмъ же, сказалъ Андрей; каждый человѣкъ, а особливо старикъ, непременно долженъ быть умѣренъ. Что же касается до сходства между нами, о которомъ ты говорилъ, то я не нахожу слишкомъ большого, развѣ по однимъ лѣтамъ. Мы съ тобой довольно прожили, чтобъ вполне понимать великія истинны, которыя на-

ходятся въ Библии... Видишь ли что, Ааронъ: эту книгу рѣдко читаютъ здѣсь, въ лѣсу, а потому мало и знаютъ ее. Я, впрочемъ, хвалиться не хочу; если я и знаю что, такъ за это благодарю мою племянницу Урсулу. Она толкуетъ лучше всякаго ученаго. Я желалъ бы, чтобъ ты, Пруденція, послушала ее. Вы учились бы отъ нея многому доброму и полезному. Она, кажется, не далеко отсюда, и...

— Близехонько; я очень радъ, что ты произнесъ имя своей племянницы; я самъ только-что хотѣлъ начать говорить о ней. Я вижу, что у насъ съ тобой однѣ даже мысли о молодой дѣвушкѣ,—можетъ быть, благодаря ей, мы снова примиримся и станемъ добрыми друзьями. Я послалъ за нею; она сейчасъ придетъ съ женою Тоби, которая тоже очень полюбила ее.

XXV.

Да, Гастингъ, если кто заслуживаетъ любовь отечества, такъ это тѣ благородныя и великодушныя сердца, которыя понимаютъ требованія чести и свободы.

Аkensi de

Послѣ этого предисловія, никто не нарушалъ тишины и молчанія. Все собраніе ожидало Урсулу Мальбонъ и полудикую ея спутницу, которая до того полюбила Урсулу, что ни на одну минуту не теряла ее изъ виду. Наконецъ, сидѣвшіе у входа зашевелились, дверь отворилась; Урсула вошла въ комнату и остановилась по серединѣ. Лицо ея было одушевлено; на минуту она прикрыла глаза рукою, чтобы защитить ихъ отъ сильнаго свѣта выходившаго изъ печи. Потомъ, она взглянула на меня, и однимъ этимъ взоромъ, я уже былъ награжденъ за всѣ страданія.

Послѣ этого Урсула оборотилась въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ землемѣръ, быстро подошла къ нему и, съ слезами на глазахъ, упала въ его объятія.

Это движеніе было невольно; оно доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ жизни: юность, въ полномъ блескѣ красоты, искала

подпоры на груди старика, черты котораго уже поблекли отъ долгихъ и тяжкихъ годовъ, проведенныхъ въ трудѣ и заботахъ.

Самый разительный контрастъ существовалъ между свѣжимъ и розовымъ личикомъ Урсулы и загорѣлымъ лицомъ землемѣра, между длинными русыми локонами молодой дѣвушки и рѣдкими клочками волосъ на головѣ старика; но этотъ контрастъ имѣлъ въ себѣ что-то трогательное, поразительное. Такъ иногда ва свѣтѣ, по необъяснимымъ законамъ природы, два, видимому совершенно различныхъ существа, привязываются другъ къ другу и какъ бы составляютъ одно существо, одно недѣлимое!...

Впрочемъ, Урсула только на одну минуту подчинилась вліянію сердца. Не смотря на странническую жизнь, проведенную въ лѣсахъ, она въ первый разъ попала въ подобное собраніе, гдѣ главную роль играли сквоттеры, эти дикіе приверженцы свободы, живущіе средѣ обширныхъ, непроходимыхъ дубровъ сѣверо-американскихъ штатовъ. И между тѣмъ, я никогда не видѣлъ ее болѣе прелестною, какъ въ эту минуту. Катя и сама Присилла Бэйярдъ должны бы были отдать ей пальму первенства, не смотря на то, что сама судьба предоставила имъ такъ много преимуществъ. Онѣ не подвергались вліяніямъ непогоды, какъ Урсула, не испытывали, подобно ей, что значить быть подъ дождемъ, не видя вокругъ себя защиты и убѣжища отъ грозы, не знали скитальческой жизни въ дѣвственныхъ лѣсахъ, и, наконецъ, могли украшать себя всѣми прихотями роскошнаго туалета...

Послѣднее не было доступно для Урсулы....

Мильакръ наблюдалъ ревнивымъ взоромъ за всѣми движеніями Урсулы, но ничего не говорилъ, чтобы остановить порывъ ея чувствительности. Вырвавшись изъ объятій своего дяди, молодая дѣвушка сѣла на скамью, которую я подвинулъ къ ней, такъ что она могла занять мѣсто подлѣ землемѣра. За это мѣсто было заплачено вѣжной улыбкой, возбужденной, какъ я замѣтилъ, негодованіе въ старомъ сквоттерѣ, который мрачно нахмурилъ брови. Я понималъ, что нужно быть осторожнымъ, чтобъ еще болѣе не преувеличить опасности.

Прибытіе Урсулы замедлило наши объясненія. Наконецъ, Ааронъ началъ первый:

—Мы собрались здѣсь, чтобы кончить всѣ наши споры, сказалъ онъ съ важностью, которая бы очень шла судѣ, открывавшему

засѣданіе. И если во всѣхъ насъ есть желаніе прекратить эти несогласія, то мы скоро сойдемся въ большей части спорныхъ пунктовъ. Для меня, первое дѣло справедливость.

— Это хорошо, Мильакръ, это дѣлаетъ тебѣ честь, отвѣчалъ холодно Андрей.

— Я презираю, продолжалъ сквоттеръ, тѣхъ людей, которые упорствуютъ въ своихъ мнѣніяхъ и не хотятъ отступить ни на шагъ отъ того, что было уже положено разъ. Согласны ли вы со мной, капитанъ?

— Не совсѣмъ: есть мнѣнія, которыми не слѣдуетъ дорожить, но также есть и такія, которыя стоятъ дороже жизни. Да! Можно скорѣе потерять жизнь, чѣмъ отказаться отъ нихъ!

Мильакръ выпучилъ свои большіе глаза, услышавъ эти слова; онъ не понималъ, что можно умереть за мнѣніе.

— Кто говоритъ о потерѣ жизни? возразилъ онъ; наше дѣло не будетъ имѣть кровавыхъ послѣдствій. Пускай правосудіе дѣлаетъ, что ему угодно, сквоттеръ уже привыкъ ко всевозможнымъ бѣдствіямъ и ничего не испугается. Мое правило дѣлать то, что хорошо, не думая о законахъ, и вотъ на этомъ-то правилѣ я хочу основать нашу мировую сдѣлку.

— Ну! говори, какія твои условія! вскричалъ землемѣръ, едва удерживая свое нетерпѣніе. Мы слушаемъ.

— Въ добрый часъ, такъ я всегда люблю начинать свои дѣла. Вотъ видите ли: есть два рода правъ на землѣ: одно изъ нихъ я называю королевскимъ правомъ, откуда происходятъ контракты и тому подобныя изобрѣтенія; другое же — есть право каждого человѣка владѣть землею, потому-что она дана всѣмъ людямъ, а не нѣкоторымъ изъ нихъ на выборъ. Это есть право, которое опредѣляетъ собственность. Очевидно, что фактъ долженъ стоять выше всѣхъ писемъ. Впрочемъ, я не объявляю себя открытымъ приверженцемъ того или другаго, а только хочу поставить ихъ на одну ливню, согласить оба эти условія, потому-что я человѣкъ миролюбивый. Неправда, друзья, вы одобряете сказанное мною, вы также желаете мира и согласія?

Шепотъ одобренія раздался между присутствующими. Впрочемъ, нѣкоторые изъ собранія, казалось, не одобряли такого миролюбиваго расположенія духа стараго сквоттера.

— Да, вотъ мои правила! продолжалъ Мильакръ, хлебнувъ перлачный глотокъ сидра, а потомъ вѣжливо поднося кружку землемѣру. Генералъ Литтльпеджа и его сынъ представляютъ

писмена, а мы факты. Откуда выходятъ затрудненія, которыя должно уничтожить. Теперь, дѣло касается тебя, землемѣръ, которой стороны держишься ты? какое предпочитаешь право?

— Я не долженъ на это отвѣчать, потому-что я только бѣдный землемѣръ, который не можетъ подавать своего голоса. Моя обязанность размежевывать земли. Но вотъ единственный сынъ генерала Литтльпеджа; онъ имѣетъ уполномочіе....

— Разорить насъ! прервалъ Мильакръ съ досадою, не согласовавшеюся съ миролюбивымъ расположеніемъ его духа до этой минуты. Нѣтъ! Мильакръ скорѣе сослался видѣть свою прогнанную покрытую гремучими змѣями, чѣмъ страдать отъ одного уполномоченнаго!...

— Успокойся; онъ не таковъ, какимъ ты его считаешь. Это храбрый молодой человѣкъ, который сражался, какъ и я — за отечество.

— Прекрасно! Если онъ любитъ столько отечество, то за чѣмъ онъ хочетъ обладѣть земляковъ. Если отецъ его и онъ истинные друзья справедливости, пусть они не претендуютъ на землѣ, которыя имъ не нужны.

— Ты что-то умѣренъ, Мильакръ; почему не сказать, что человѣкъ имѣетъ право на все, чего ему не достаетъ? Если для тебя свобода значитъ отнимать земли у другихъ, то почему же ты не простираешь правъ независимаго человѣка на кошелькъ его ближняго, что присвоить еще легче... Не слѣдуетъ дѣлать дѣла въ половицу.

— Ты зашелъ уже далеко; деньги приобрѣтаются самимъ человекомъ, и онъ можетъ сохранять ихъ, ни у кого не спрашиваясь; но земля для всѣхъ необходима: всякій имѣетъ на нее право.

— Но съ помощью денегъ покупаютъ земли, и присвоить деньги не значитъ ли приобрѣсть средство достать и самыя земли? Нѣтъ, Мильакръ, ты несправедливо рассуждаешь. По моему, отнять золото простиительнѣе, чѣмъ присвоить чужія земли. Первое изъ одного кошелька переходитъ безирестанно въ другой, между тѣмъ какъ землю нельзя перенести съ одного мѣста на другое. Она остается тамъ, гдѣ она есть. А кто не любитъ, — скажи откровенно, Мильакръ, своихъ родныхъ лѣсовъ, полей и скалъ, кто отдастъ ихъ похитителямъ, особенно если эти имущества уже давно принадлежатъ фамиліи владѣтеля?

— Кто хочет быть моим другомъ, тотъ не долженъ говорить худо про сквоттеровъ! сказалъ Мильакръ, любъ котораго еще болѣе покрылся морщинами. Видно было, что сквоттеръ началъ терять терпѣніе. Все, что говорили мы до сихъ поръ, продолжалъ онъ, было одно пустословіе: пора приступить къ дѣлу. Вотъ чего хочу я: чтобы меня оставили на этомъ мѣстѣ, чтобы я могъ располагать всѣми срубленными деревьями, не отдавая ни кому отчета. За постройки же, какія я сдѣлаю, я плачу, что слѣдуетъ.

— Мордоунтъ, это предложеніе относится къ вамъ. Моя же обязанность вымѣрять вырубленной мѣсто, и я это сдѣлаю, вѣчно бы то ни стало.

— Вымѣрять! вскричалъ Тоби, съ угрожающимъ видомъ. Нѣтъ, землемѣръ! не найдется ни одного человѣка, который бы рѣшился явиться сюда съ цѣпью.

— Ошибаешься, любезный; этотъ человѣкъ найдется; его зовутъ Андрей Козманъ или, если угодно, землемѣръ. И повѣрь, ничто не попрятаетъ ему исполнить свою обязанность.

Лицо Мильакра помрачилось еще болѣе. Однакожъ онъ удерживался.

— Оставь насъ, Тоби, сказалъ онъ, порѣшить это дѣло между собою. Дѣта охладили нашу кровь и мы можемъ говорить спокойно. Я понимаю, землемѣръ, что ты хочешь сдѣлать съ прогальной, вымѣривъ ее. Впрочемъ, мѣряйте ее сколько вамъ угодно, только оставьте меня владѣть ею. Это мнѣ пранесетъ еще пользу для будущихъ моихъ построекъ. Но что отвѣтите вы мнѣ на мое предложеніе?

— Вотъ что отвѣчу, сказалъ я вѣсиваясь въ разговоръ, (до тѣхъ поръ я не принималъ въ немъ участія, чтобы дать время подоспѣть Франку Мальбону къ намъ на выручку), не смотря на все желаніе принести вамъ пользу, я долженъ сказать одно, что не принимаю твоихъ условій. И еслибъ я вынужденъ былъ насильно согласиться на нихъ, то, получивши свободу, снова призналъ бы ихъ ничтожными.

— Каково! вскричалъ сквоттеръ, такъ знайте же, что я не хочу слышать о вашихъ законахъ и не намѣренъ поступать по нимъ. Послушай, землемѣръ, прибавилъ онъ съ нетерпѣніемъ, я не могу говорить о нашихъ дѣлахъ съ этимъ молодымъ горожаниномъ. Онъ жилъ постоянно въ городахъ, у него свои пра-

вила, свой языкъ, котораго я не понимаю. Ты же житель лѣсовъ; подадимъ другъ-другу руки и заключимъ союзъ; вѣдь наши владѣнія всегда перемишаны вмѣстѣ. Согласенъ ли ты помогать мнѣ?

— Во всемъ, что только справедливо.

— И такъ по рукамъ. Вотъ что я хочу предложить тебѣ. Мой сынъ Зефанъ ищетъ для себя жены, а мои дѣти, какъ вамъ известно, далеко превышаютъ всѣ надежды отца... Скажи, гдѣ найти въ нашей сторонѣ лучше ихъ? У тебя есть племянница, Урсула Мальбонъ, которая теперь передъ нами. Говорятъ, что Зефанъ и Урсула сотворены другъ для друга. Уже не въ первый разъ они вилятся; а это значить, что они довольно знакомы, чтобы вступить немедленно въ бракъ. Я пошлю за судьей и лишь только онъ придетъ, мы, не теряя времени, женимъ молодыхъ людей. Послѣ того, намъ уже не трудно будетъ согласиться съ генераломъ, тѣмъ болѣе, что вы съ нимъ хорошіе друзья. Тогда, пожалуй, я сдѣлаю нѣкоторыя уступки. Неправда ли, ты согласенъ принять мое предложеніе, которое для всѣхъ насъ сдѣлается залогомъ мира?

Я видѣлъ ясно, что сперва землемѣръ, и даже сама Урсула, которая предугадывала планы стараго сквоттера, не понимали, что хочетъ сказать Мильакръ. Но когда сквоттеръ заговорилъ о немедленномъ вступленіи въ бракъ, когда онъ предложилъ послать за судьей, тогда истина открылась вполне передъ нами. Отступить, или отдѣлаться пустыми обѣщаніями не было ни какой возможности. Нужно было идти на прямикъ. Вскорѣ мѣсто удивленія, которое сперва выразилось на лицѣ землемѣра, заступила уязвленная гордость. Мысль, видѣть Урсулу за-мужемъ за такимъ существомъ, какъ Зефанъ; отдать ее въ семейство сквоттеровъ—возмутила его душу. Между тѣмъ, Мильакръ считалъ свое предложеніе, какъ нельзя болѣе естественнымъ. Люди, подобные ему, только по кошельку различаютъ людей. Для нихъ, образованіе, умъ, душевныя качества—одни пустыя слова, которыхъ не стоить брать въ расчетъ.

— Я начинаю васъ понимать, Мильакръ, сказалъ Андрей, поднимаясь со стула и заслоня собою молодую дѣвушку; вы имѣете дерзость говорить мнѣ, чтобы я выдалъ Урсулу за вашего сына и этимъ самымъ выхлопоталъ бы для васъ у генерала Литтлпеджа и полковника Фоллока дозволеніе продолжать ваши хищничества.....

— Берегись, старикъ! не говори такъ.

— Если ты хочешь, я скажу иначе: благодарю за честь, сдѣланную мнѣ и Урсулѣ; но повторяю еще разъ, что никогда моя племянница не будетъ за твоимъ сыномъ.

— Отчего ты не позволяешь молодой дѣвушкѣ отвѣчать самой? вскричалъ Мильакръ, прерывающимся отъ бѣшенства голосомъ. Зефанъ не изъ числа тѣхъ, которыхъ можно презирать. Я горжусь имъ, я его отецъ....

— Зефанъ примѣрный сынъ, прибавила Пруденція, въ порывѣ материнской гордости; не знаю, какая бы дѣвушка не согласилась отдать ему свою руку.

— Хвалите вашъ товаръ, какъ вамъ угодно, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, отвѣчалъ спокойно землемѣръ, — вы въ правѣ это дѣлать, но я никогда не измѣню своей обязанности. Никогда это бѣдное дитя не выйдетъ за сына Мильакра, сквоттера; будущій мужъ ея долженъ имѣть характеръ сходный съ ея характеромъ, не говоря уже объ образованности и душевныхъ качествахъ.

Между присутствовавшими раздался ропотъ. Но эти голоса покрылись звонкимъ голосомъ Мильакра.

— Берегись землемѣръ, вскричалъ онъ, повторяю еще разъ; всякое терпѣніе можетъ лопнуть.

— Я не имѣю нужды въ тебѣ, Мильакръ, и ни въ комъ изъ твоихъ сыновей, отвѣчалъ тихо Андрей, обнявъ Урсулу, которая смѣло смотрѣла на толпу и какъ бы этимъ поощряла своего дядю... Посторонитесь, я вамъ приказываю, не смѣйте останавливать брата, который спасаетъ дочь своей сестры... Назадъ! говорю я вамъ, потому-что я не хочу болѣе оставаться здѣсь. Чрезъ часъ или два, несчастный, ты поймешь всю цѣну своего низкаго поведенія и будешь жалѣть, что не поступалъ, какъ слѣдуетъ честному человѣку.

Въ эту минуту, шумъ усилился до того, что не возможно было понять ни одного слова. Мильакръ ревѣлъ, какъ разъяренный волъ, испуская проклятія и ругательства. Молодые сквоттеры подражали ему. Они столпились около двери, къ которой медленно подходилъ землемѣръ.

Вдругъ, посреди этого смятенія, раздался выстрѣлъ, и Андрей Коэмансъ, раненный, упалъ на полъ.

XXVI.

Ночныя тѣни! разлейте на всю природу свой непроницаемый мракъ! Приближается смерть.... почтите ее.... внушите печальныя думы, боязливый страхъ — этихъ двухъ стражей могилы.

Маллетъ.

По закону природы, излишекъ страсти всегда успокоиваетъ сердце. Человѣкъ предается бѣшенству только до тѣхъ поръ, пока слѣдствіе его — преступленіе, не откроетъ глазъ виновному и не возвратитъ его на истинный путь, и это-то совершенное преступленіе останавливаетъ руку, охлаждаетъ чувства и возбуждаетъ совѣсть. Тоже самое было съ сквоттерами. Глубокое молчаніе заступило мѣсто прежняго шума, такъ что можно было слышать прерывистое дыханіе Урсулы, которая въ онемѣніи, какъ бы пораженная громомъ, стояла подлѣ тѣла своего дяди. Никто не говорилъ, никто не покушался выйти, всѣ были неподвижны, какъ статуи. Трудно было отгадать, кто выстрѣлялъ въ землемѣра. Сперва, мои подозрѣнія обратились на Теби, отъ котораго можно было ожидать подобнаго поступка. Но потомъ они пали на Мильакра, что казалось болѣе вѣрнымъ. Впрочемъ, это были одни догадки. Открыть истину могли одни сквоттеры, но они не измѣнили бы себѣ. Они рѣшились или вмѣстѣ спастись, или вмѣстѣ погибнуть.

Едва я пришелъ въ себя, моимъ первымъ движеніемъ было, схватить Урсулу на руки и бѣжать съ нею. Это я успѣлъ бы сдѣлать, потому-что всѣ были поражены такимъ неожиданнымъ случаемъ и не обратили бы на насъ вниманія. Но Урсула не хотѣла и думать о бѣгствѣ въ подобную минуту. Вырвавшись изъ моихъ объятій, она упала на колѣни подлѣ своего дяди.

— Онъ еще дышитъ! сказала она прерывистымъ голосомъ; благодарю тебя, Боже! онъ еще дышитъ! Рана, можетъ-быть, не очень опасна, если только не медля подать помощь.

Тутъ Урсула показала всю энергію своего характера. Поднявшись быстро, она подошла къ сквоттерамъ, которые молчаливо поглядывали на трупъ землемѣра. Впереди ихъ стоялъ Мильакръ — мрачный и какъ-бы волнующий тревожными чувствами.

— Неужели изъ васъ никто не поможетъ мнѣ спасти того, кто былъ для меня вторымъ отцомъ?... Неужели всѣ вы одинаково жестоки и нечувствительны? сказала Урсула съ жаромъ, который какъ бы передался въ сердца окружавшихъ молодую дѣвушку, потому-что всѣ они начали со вниманіемъ и даже съ участіемъ слушать ее.

— Помогите мнѣ, продолжала она, поднять его и перенести на кровать, гдѣ майоръ Литтльпеджъ осмотритъ его рану. Вы не откажете мнѣ, Мильакръ, въ этой просьбѣ; вспомните, что и съ вами случилось тоже самое или, по-крайней-мѣрѣ, можетъ случиться....

Зефанъ подошелъ первый, и, при помощи его, Урсулы и Лавиніи, я положилъ землемѣра на кровать Пруденціи, стоявшую въ главной комнатѣ.

Сквоттеры, посоветовавшись между собою, вскорѣ скрылись одинъ за другимъ и въ домѣ остались только Мильакръ, его жена и Лавинія. Последняя помогала Урсулѣ привести въ чувство несчастнаго землемѣра; что жъ касается до стараго сквоттера, то онъ усѣлся въ углу, подлѣ огня, между тѣмъ какъ Пруденція заняла мѣсто въ другомъ—противоположномъ.

Мильакръ, казалось, взвѣшивалъ свое преступленіе и то наказаніе, какому онъ могъ подвергнуться. Не смотря, однакожъ на то, онъ совершенно владѣлъ собою и искусно скрывалъ чувства, обуревавшія его душу.

Но Пруденція не стѣмѣла превозмочь себя; она безпрестанно вздрагивала и несвязныя слова, вырываясь изъ ея груди, обнаруживали, такимъ образомъ, беспокойное состояніе ея духа. Я уже насмотрѣлся на раны во время моей военной жизни и могъ по первому взгляду судить смертельны ли онѣ, или нѣтъ. Тутъ нечего было сомнѣваться: рана землемѣра влекла за собою неминуемую смерть. Пуля прошла насквозь и на пути повредила весь органъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, мой старшій другъ приведенъ былъ въ чувство.

— Благодарю, Мордоунтъ, благодарю за всѣ ваши попеченія, сказалъ онъ. Сквоттеры ранили меня, но я прощаю имъ. Они грубы, они эгоисты, а я задѣлъ ихъ за живое. Но какъ перенести хладнокровно оскорбленіе, нанесенное Урсулѣ?

Такъ какъ Зефанъ былъ тутъ же въ комнатѣ, не очень далеко отъ кровати, то я поспѣшилъ переменить разговоръ и спросилъ землемѣра, какъ онъ чувствуетъ себя.

— Худо, Мордоунтъ, смерть не далеко, отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ. Пуля прошла насквозь.... моя жизнь приходитъ къ концу.... Но что же?... вѣдь я пожилъ довольно, развѣ шутка семдесятъ лѣтъ?... я готовъ пуститься въ дорогу, лишь только повелѣно мнѣ будетъ свыше. Но вотъ о чемъ сожалѣю, мой другъ, почему я не окончилъ своего межеванія.... не заплатилъ вполне генералу за все, что онъ сдѣлалъ для меня....

— Не говорите объ этомъ, Андрей; вы знаете, что отецъ мой готовъ былъ бы пожертвовать лучшимъ изъ своихъ имѣній, чтобъ только видѣть васъ снова здоровымъ.

— Вѣрю вамъ, мой другъ, вѣрю тѣмъ болѣе, что генералъ всегда былъ привязанъ ко мнѣ. Мордоунтъ, я хочу вамъ сообщить тайну, которую я до сихъ поръ не открывалъ никому, потому-что вашъ отецъ хотѣлъ, чтобъ я затаялъ ее навсегда.

— Вы устали, добрый Андрей, лучше усните, а тайну эту оставьте до другаго времени.

— Нѣтъ, нѣтъ майоръ, я чувствую, что моя рана смертельна и что мнѣ не долго остается жить. Покуда есть время, я буду говорить. И такъ, слушайте.... Вы знаете, что я никогда не зналъ математики, а почему именно? этого я самъ не понимаю, тѣмъ болѣе, что мой дѣдушка былъ отличный математикъ.... Но какъ бы то ни было, я не былъ посвященъ въ таинства этой науки и не могъ-бы занимать мѣста капитана, еслибъ мнѣ не помогалъ вашъ батюшка. Онъ дѣлалъ за меня всѣ счеты, писалъ за меня, и, въ продолженіе цѣлой кампаніи, не открывалъ никому, что несетъ мои обязанности на себѣ.... Между тѣмъ, всѣ удивлялись мнѣ, всѣ осыпали похвалами, которыхъ я не заслуживалъ и которыми единственно былъ обязанъ генералу Литтльпеджу.... Да! скажите ему, что я до послѣдней минуты вспоминалъ объ его благодареніяхъ.

— Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, но только, ради Бога, отдохните немного.

— Если вы хотите этого—я согласен; на несколько минут я углублюсь в себя, потому-что знаю, что мне осталось жить несколько часов.

Тяжело было слышать человека, который с такою уверенностью говорил о близкой смерти. Голова моя кружилась, сердце замирало в груди. Я чувствовал необходимость подышать свежим воздухом.

Вышел из дома, я осмотрелся кругом. Недалеко от двери стояли три молодых сквоттера и перешептывались между собой. Очевидно, что они наблюдали за всем происходившим во внутренности дома. Однако, никто из них не говорил со мной,—и я уже подумал, что совершенное преступление развело все их враждебные мысли, и что я могу поступать, как мне угодно. Вдруг, я почувствовал, что кто-то схватил меня за руку. Я отступил и увидел Лавинию, которая притаилась около двери.

— Не отходите далеко от дома, прошептала она мне на ухо. Злой дух овладел сегодня Тоби и он поклялся умертвить вас, и Урсулу. «Могила не говорит», сказал он. Я никогда еще не видала его возбуженным до такой степени, как сегодня, хотя он и часто выходит из себя.

Сказав эти слова, молодая девушка убжала в дом и я снова увидел ее подлѣ Урсулы.

Ночь была темна; в двадцати шагахъ, уже нельзя было различить никакого предмета. Еслибъ я хотѣлъ бѣжать, то мнѣ не трудно бы было проскользнуть вдоль стѣны и, пользуясь мракомъ ночи, обмануть бдительность молодыхъ сквоттеровъ. Но эта мысль не приходила мнѣ въ голову.... Я никогда бы не рѣшился оставить Урсулу, а тѣмъ болѣе землемѣра въ послѣднія минуты его жизни.

Между тѣмъ, сквоттеры, казалось, подозревали меня, потому что закричали мнѣ, когда я немного удалился в сторону, чтобъ я не смѣлъ отходить отъ дома далѣе двадцати шаговъ. Съ своей стороны, я увѣрилъ ихъ, что не думаю о бѣгствѣ и что вся цѣль моей прогулки—подышать чистымъ воздухомъ.

Мои объясненія вполнѣ удовлетворили ихъ.

Каждый разъ, проходя около дома, я заглядывалъ в полуотворенную дверь и наблюдалъ за Урсулою. Она сидѣла у изголовья дяди, молчаливая и недвижная, какъ будто ангельской смерти, пришедшей принять душу праведника.

Я уже сдѣлалъ около осьми круговъ и въ девятый разъ подходилъ къ концу завѣтныхъ двадцати шаговъ, какъ вдругъ услышалъ не далеко отъ себя легкое шипѣние. Передо мной возвышалось дерево; и мнѣ казалось, что это шипѣние неслое сверху. Я подумалъ, что тутъ скрывается змѣя и отступилъ на несколько шаговъ; но мое беспокойство продолжалось не долго.

— Отчего вы не хотите остановиться подлѣ деревомъ? сказалъ тихо Сускуэзусъ. Я хочу вамъ кое-что сказать.

— Подожди немного, я сейчасъ возвращусь, только сдѣлаю одинъ или два круга, отвѣчалъ я осторожно, и продолжалъ свой путь. На другомъ концѣ, я остановился на минуту и оперся на дерево, какъ будто желая отдохнуть. Это повторилъ я три раза. Наконецъ, остановился на томъ концѣ, гдѣ скрывался Сускуэзусъ.

— Какимъ образомъ ты здѣсь, Сускуэзусъ?... Откуда ты взялъ оружіе?

— У землемѣра.... славный карабинъ....

— Ты знаешь, что здѣсь случилось? Андрей раненъ смертельно....

— Это худо!... нужно отомстить.... бѣдный другъ!... отличный другъ!... должно умертвить убійцу.

— Брось эти мысли!... расскажи лучше, какъ попалъ ты сюда?

— Джалъ разломалъ дверь.... Негръ силенъ; онъ сдѣластъ то, что захочетъ.... онъ принесъ мнѣ карабинъ....

— Мы увидимъ, что будетъ дальше!

Не благоразумно было бы продолжать разговоръ.

Я снова началъ прогуливаться, разсуждая о всемъ, что произошло въ эти два дня.

Черезъ несколько минутъ, я подошелъ къ Онондаго и попросилъ его остаться на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ нужно. Выразительное: хорошо! было мнѣ отвѣтомъ.

Успокоившись съ этой стороны, я отправился в домъ. Тамъ все было по прежнему.

— Послушай, Мильакръ, сказалъ я, обращаясь къ старому сквоттеру. Дѣло-то плохо, нужно поправить его.... Какъ ты думаешь, не послать ли за докторомъ въ Ревинсестъ?

— Доктора не помогутъ, молодой человекъ, ударъ былъ вѣренъ. Притомъ, я не хочу, чтобъ они являлись въ мой домъ, потому что они доведутъ на меня.

— Посланный отъ тебя скажетъ, что я раненъ печально. Я дамъ ему денегъ, чтобъ только онъ привелъ сюда лекаря. Быть можетъ, онъ облегчитъ страданія несчастнаго землемѣра.

— Тѣ, которые живутъ въ лѣсахъ, возразилъ грубо Мальакръ, не должны пользоваться городскими удобствами. Безопасность моего семейства для меня выше всего! Ни одинъ лекарь не войдетъ сюда!

Что было дѣлать съ этимъ звѣрскимъ существомъ? Всякое чувство добра было заглушено въ его сердцахъ.

Въ негодованіи, я отошелъ отъ него. Въ эту минуту послышались крики около жилища и, вслѣдъ за ними, раздались нѣсколько выстрѣловъ. Я бросился къ двери. Недалеко отъ меня пробѣжало нѣсколько человѣкъ. Темнота воспрепятствовала мнѣ видѣть ихъ лица. Однакожъ, я могъ замѣтить, что вблизи дома происходила схватка и что одна юющая сторона, вѣроятно побѣжденная, обратилась въ бѣгство.

Я оставался въ этомъ тягостномъ недоумѣніи пять или шесть минутъ, стараясь разъяснить себѣ, что такое могло происходить здѣсь. Шумъ шаговъ постоянно отдавался, крики слабѣли и снова тишина заступила мѣсто этой внезапной тревоги. Я уже хотѣлъ-было воротиться въ комнату, какъ вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ человѣкъ и схватилъ меня за руку. Это былъ Франкъ Мальбонъ.... Освободители явились, и я уже болѣе не пѣтень!

— Слава Богу! вы живы и здоровы! вскричалъ Мальбонъ. Но гдѣ моя бѣдная сестра?

— Она у кровати своего умирающаго дяди.... Не раненъ ли кто изъ васъ?

— Право, не могу сказать. Негръ былъ нашимъ проводникомъ. Онъ такъ искусно привелъ насъ сюда, что мы успѣли бы окружить сквоттеровъ и захватить ихъ всѣхъ. Но въ ту минуту, когда планъ нашъ подвигался къ концу, съ этого дерева раздался выстрѣлъ.... Сквоттеры пустили въ насъ нѣсколько пуль; мы отвѣчали имъ тѣмъ же... и они убѣжали.

— Тѣмъ лучше, по-крайней-мѣрѣ не пролито крови. Но какъ великъ вашъ отрядъ?

— Тридцать человѣкъ.... Мы можемъ быть совершенно спокойны.... Еслибъ мы знали получше дорогу, то явились бы сюда нѣсколькими часами раньше....

Увы! этихъ нѣсколькихъ часовъ было бы достаточно, чтобы спасти жизнь бѣднаго землемѣра!...

Но зло неисправимо никакими человѣческими средствами; все кончилось въ этомъ мѣрѣ для Андрея Коэманса.

Съ душевнымъ умилениемъ смотрѣлъ я на сцену радостнаго свиданія брата съ сестрою. Урсула, со слезами, бросилась въ объятія Франка. Въ это время я стоялъ на порогѣ. Замѣтивъ меня, она подала мнѣ руку съ нѣжной, хотя и печальной, улыбкой. Франкъ, казалось, удивился этой короткости. Но разсуждать было некогда. Нужно было поспѣшить къ землемѣру, который не терпѣливо желалъ узнать причину перестрѣлки.

— Что тутъ было, Мордоунтъ? спросилъ онъ меня; не раненъ-ли кто?

— Никто, любезный Коэмансъ; по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ передалъ Франкъ Мальбонъ, который здѣсь, передъ вами; онъ привелъ съ собою отрядъ для выручки насъ, и они-то стрѣляли по сквоттерамъ.

— Благодарю тебя, Боже! я могу еще передъ смертью проститься съ Франкомъ и поручить ему сестру его! Вообрази себѣ, Франкъ, сквоттеры предложили мнѣ выдать Урсулу за одного изъ нихъ, какъ будто она можетъ быть женою грубаго и необразованнаго человѣка!...

— Теперь опасаться нечего, отвѣчалъ Франкъ. Притомъ, я знаю Урсулу: она не боится угрозъ и отъ нея едва ли возможно получить согласіе на подобный бракъ.

— Кстати, Франкъ, я хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ о твоей сестрѣ, пользовалъ тѣмъ, что она ушла въ сосѣдную комнату, вѣроятно, поплакать на свободѣ.... Вотъ Мордоунтъ Литтльпеджъ, объявилъ мнѣ, что любитъ Урсулу болѣе всего на свѣтѣ.

Франкъ вздрогнулъ и слегка нахмурилъ брови.

— И понятно, что если онъ до такой степени влюбленъ, то не можетъ жить безъ твоей сестры и потому просить ея руки.

Лице Франка снова прояснилось. Увидѣвъ, что я протянулъ къ нему руку, онъ пожалъ ее дружески.

— Безъ сомнѣнія, Мордоунтъ отличная партія для Урсулы, продолжалъ землемѣръ, потому-что онъ молодъ, богатъ и уменъ; но согласятся ли его родственники принять въ свой домъ бѣдную дѣвушку, которая можетъ принести въ приданое компасъ, цѣпь, буссоль, да нѣсколько ничтожныхъ бездѣлокъ?... Но прискиваютъ ли они ему болѣе блестящую партію? Нѣтъ! Для чести Козмансовъ и Мальбоновъ этотъ бракъ не долженъ состояться... Мы не должны отдавать дѣвушку въ домъ, гдѣ не будутъ заботиться о ней!...

Съ трудомъ я выслушалъ эти слова, которыя для меня были ужаснѣе удара грома. Но по счастью, они не произвели большаго вліянія на Франка, который смотрѣлъ на меня по прежнему. Онъ, казалось, не раздѣлялъ мнѣнія своего дяди.

Я задумался на минуту. Нужно было постараться уговорить землемѣра, чтобъ онъ не вооружался противъ моего брака съ Урсулой, или по-крайней-мѣрѣ, чтобъ онъ держалъ нейтралитетъ въ этомъ дѣлѣ. Иначе его слова могли бы произвести вліяніе на Урсулу.... А если бы Урсула приняла какое намѣреніе, то ее уже ни чѣмъ нельзя бы было поколебать. Мои разсужденія были прерваны глухимъ крикомъ, вырвавшимся изъ груди стараго сквоттера.

Я и Франкъ невольно вздрогнули и обернулись въ ту сторону, гдѣ стояла печь. Мѣсто Пруденціи было не занято. Она скрылась изъ комнаты при первомъ шумѣ. Но Мильакръ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Только я замѣтилъ, что онъ держался не такъ прямо, какъ два часа тому назадъ. Онъ согнулся, такъ что голова его почти склонилась на грудь.

Подойдя къ нему ближе, я увидѣлъ что, на полу возлѣ него была кровь. Я взглянулъ пристальнѣе на сквоттера: Мильакръ былъ безъ чувствъ. Пуля прошла насквозь его тѣла, только тремя линіями выше бедра.

XXVII.

Его печаль вылилась въ жалобныхъ и медленныхъ звукахъ... Это было странное пѣніе, навѣвающее на душу тяжкую скорбь... Иногда эти звуки дѣлались порывистѣе и заключали въ себя что-то дикое.

Коллиисъ.

Мильакръ былъ пораженъ первымъ выстрѣломъ. Онъ одинъ только былъ раненъ въ этой перестрѣлкѣ, не говоря о Тоби, который, какъ я узналъ послѣ, тоже не увернулся отъ пули. У него была раздроблена нога, такъ что онъ долженъ былъ на всю остальную жизнь остаться калѣкой. Участь, постигшая отца и сына, была причиною, что-мы не были обезпкоены сквоттерами. Они всѣ, даже маленькія дѣти, оставили свои жилища и скрылись гдѣ-то въ лѣсу. Только одна Лавинія изъ всего семейства осталась въ домѣ, чтобы исполнять печальныя обязанности при своемъ отцѣ.

Я догадывался кѣмъ и когда былъ раненъ старій сквоттеръ. Выстрѣлъ въ него былъ направленъ, при началѣ суматохи, сквозь полу-отворенную дверь.

Это Сускузусъ, подумалъ я, отомстилъ за смерть своего друга, по индѣйскому обычаю. Однакожъ, я никогда не могъ добиться, чтобъ Онондаго открылъ мнѣ эту тайну, хотя нѣсколько словъ, вырвавшихся у него въ первую минуту, вполне подтверждали мои догадки.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы съ Мальбономъ узнали о печальной участи Мильакра, отрядъ, приведенный Ньюкомомъ, началъ собираться вокругъ дома, который можно было принять теперь за госпиталь. Этотъ отрядъ, довольно многочисленный, былъ разведенъ по другимъ домикамъ.

Не было никакой надежды спасти землемѣра и стараго сквоттера. Однакожъ, на всякій случай, мы послали за челоукомъ, который называлъ себя докторомъ и жилъ въ Ревненестѣ.

Справедливо говорятъ, что одна унція практики стодитъ цѣлаго фунта теоріи.

По-крайней-мѣрѣ ревненестскій эскулапъ вполне оправдывалъ эту поговорку. Сперва, онъ морилъ людей, но тѣмъ шелъ далѣе, тѣмъ боѣе вымечивалъ больныхъ.

Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія въ нашемъ госпиталѣ, я сказалъ Урсулѣ, что оставляю ее съ Лавиніею подлѣ постели больныхъ, а самъ не надолго отправлюсь осмотрѣть завоеванныя нами жилища. Франкъ Мальбонъ занялъ мѣсто часового, недалеко отъ двери.

— Лавинія будетъ смотрѣть за своимъ отцомъ, между тѣмъ вы, Урсула, не забудете вашего дялюшку. Вотъ вода...давайте ему понемножку пить, это самое лучшее средство, чтобъ сколько-нибудь облегчить его страданія.

— Пустите меня! раздался въ это время глухой голосъ.

И женщина, не смотря на усилія державшихъ ее людей, стремительно вбѣжала въ комнату.

— Я жена Аарона, и мнѣ сказали, что онъ раненъ. Само Провидѣніе повелѣло, чтобъ жена никогда не оставляла своего мужа. Будь онъ убійца, или несчастная жертва,—онъ все-таки отецъ моихъ дѣтей!

Въ словахъ этой женщины было что-то трогательное.

Сначала, она посмотрѣла на кровать, гдѣ лежалъ землемѣръ; но не тутъ заключалось драгоцѣнное ея сердцу.

Вскорѣ глаза ея перенеслись на другой смертный одръ, на которомъ томился старый сквоттеръ.

Долго глядѣла она на него, какъ будто не узнавала своего мужа.

Вдругъ, глаза ея заблестали, станъ выпрямился и она горло обернувшись къ намъ, вскричала ужаснымъ голосомъ:

— Кто сдѣлалъ это? кто убилъ моего мужа? Кто осмѣлился сдѣлать меня вдовою, а дѣтей моихъ спротами, противъ закона и правосудія? Я оставила его здѣсь живаго, а нахожу мертваго! Богъ за насъ, и мы увидимъ кого осудить законъ!

Пруденція сдѣлала шагъ впередъ, какъ бы нища человѣка, на котораго могло бы пасть ея мщеніе. Невольный трепетъ пробѣжалъ по моему тѣлу. Но въ это время Мильякръ глубоко вздохнулъ. Пруденціи, при этомъ вздохѣ, повяла, что мужъ ея не умеръ. Куда дѣвалось ея бѣшенство, пропала даже и жажда мщенія: она пришла въ себя и стремительно кинулась къ постели мужа. Все было употреблено ею, чтобъ только улуч-

шить состояніе раненаго. Она удобнѣе положила его на постели, обмочила его губы и лобъ холодною водою, поправила подушку, однимъ словомъ, сдѣлала то, что могла, что было въ ея силахъ.

Я былъ убѣжденъ, что теперь нечего бояться за Урсулу и поспѣшилъ выйти изъ комнаты.

Франкъ остановилъ меня на дорогѣ.

— Будьте спокойны, сказалъ онъ, я всегда приму вашу сторону.

Люди, приведенные Ньюкомомъ, расположились въ домикахъ, принадлежавшихъ семейству Мильякра. Ночь была холодная и потому вездѣ были разведены огни, которые придавали этой пустынѣ видъ несравненно веселѣе прежняго.

Для меня, Франка Мальбона и Ньюкома была оставлена хижина, гдѣ мы могли провести ночь. Мои избавители въ это время ужинали; а нѣкоторые уже ложились спать.

Въ отведенномъ намъ домикѣ, я нашелъ одного Ньюкома. Я не считаю здѣсь ни Онондаго, который молчаливо сидѣлъ въ углу подлѣ печки, ни моего вѣрнаго Джана, дожидавшагося меня у двери.

Я устиво раскланялся съ Ньюкомомъ, который, казалось, подозрѣвалъ, что я знаю его сношенія съ сквоттерами. Вѣроятно, потому онъ не смѣлъ мнѣ прямо посмотрѣть въ глаза.

— Могъ ли я ожидать, что найду маіора Литтльпеджа въ рукахъ Филлестимлянъ и въ подобномъ мѣстѣ? вскричалъ онъ, бросаясь ко мнѣ на встрѣчу. Я слышалъ, что сквоттеры шатаются здѣсь, но это такая обыкновенная вещь, что я и не хотѣлъ говорить маіору про нихъ.

Прежде, въ Англіи, люди низшаго сословія, обращаясь къ старшимъ, любили разговаривать въ третьемъ лицѣ. Нынѣ ушитожилося тамъ это обыкновеніе, но оно еще существуетъ въ Америкѣ, между людьми подобными Ньюкому. Эти люди готовы падать ницъ, когда вы стоите предъ ними; но лишь только обернитесь,—они не медля вамъ покажутъ языкъ.

Я не хотѣлъ шутить съ Ньюкомомъ, но уколотъ его, задѣть его совѣсть—было первымъ моимъ желаніемъ. Теперь благоприятный случай представился, благодаря самому судьѣ.

— Мнѣ кажется, мистеръ Ньюкомъ, началъ я, что въ числѣ условій, заключенныхъ вами съ владѣльцами Ревненеста, было также и то, чтобъ смотрѣть за землями Музериджа?

— Правда, полковник или, лучше сказать, генералъ, поручить мнѣ наблюдать за обоими владѣніями, но развѣ маіору не извѣстно, что Музериджъ не назначенъ въ продажу?

— Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ земли были предоставлены хищничеству. Можно было надѣяться, что нашъ агентъ, для выгоды владѣльцевъ, не позволитъ сквоттерамъ поселиться здѣсь,—а между тѣмъ, что слѣзали вы?

— Маіоръ не понялъ меня. Я не говорю: что я зналъ, что сквоттеры перебрались сюда, а сказалъ только, что сквоттеры шатаются по окрестностямъ, и что слухи объ этомъ дошли до меня. Притомъ, эти люди, въ нашей сторонѣ, такъ обыкновенны, что никто на нихъ не обращаетъ вниманія.

— Все таки, мистеръ Ньюкомъ, вы не должны бы были пропускать мимо ушей подобныхъ слуховъ. Кромѣ того рассказываютъ, что Мильакръ уже давно извѣстѣнъ въ этой сторонѣ и что съ молодыхъ лѣтъ онъ пользуется чужими лѣсами. Неужели вы не встрѣчали его никогда, живя двадцать-пять лѣтъ вблизи его?

— Я никогда не встрѣчалъ его! Что вы говорите, маіоръ? Кто не знаетъ здѣсь этого старика. Его вы встрѣтите повсюду, даже въ судѣ, хотя законъ для него не необходимая вещь.

— Такъ почему же вы не предупредили меня? Я же не могъ изучить этого человѣка, не выходя изъ амбара, куда онъ заперъ меня, полагая, вѣроятно, что я буду одно и тоже для него, что хлѣбъ и соль и тому подобныя припасы, которыя онъ кладетъ въ этотъ амбаръ.

— Маіоръ не говоритъ ли о старомъ амбарѣ? спросилъ Ньюкомъ съ безпокойнымъ видомъ. (Читатель долженъ вспомнить, что противъ этого амбара происходилъ дружескій разговоръ между сквоттеромъ и нашимъ агентомъ, изъ котораго я не проронилъ ни слова.)

— Давно ли вы здѣсь, маіоръ?

— Не очень давно, хотя мнѣ это время показалось вѣкомъ.

— Безъ сомнѣнія, со вчерашняго утра?

— Да, мистеръ Ньюкомъ, да. Но вотъ чего только я не понимаю, какимъ образомъ хотѣли сквоттеры провести лѣсъ въ Альбани?. Неужели они думали, что на такомъ огромномъ пространствѣ не будутъ пойманы агентами, которые славятся въ этой сторонѣ честностью и вѣрностью къ владѣльцамъ?.. Если воровство производится здѣсь въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, то

понятно, что оно должно имѣть надежную поруку и быть организовано систематически.

— О, я полагаю, что маіору извѣстно, какъ дѣлаются подобныя вещи въ мірѣ; ему, вѣроятно, также извѣстно, что нельзя виѣшиваться въ чужія дѣла.

— Почему такъ? я думаю напротивъ...

— Виѣшаться можно въ меньшія дѣла; но едва ли позволительно принимать участіе тамъ, гдѣ послѣдствія такъ важны, какъ это мы видимъ здѣсь.

— Странное дѣло!... Ласкать человѣка и между тѣмъ не сказать ему, что его обкрадываютъ!... Странная вещь! видѣть какъ человѣкъ воруетъ у своего ближняго и не обратить вниманія на это воровство!

Ньюкомъ понималъ мой характеръ и потому переѣхалъ разговоръ.

— Этотъ Мильакръ былъ, дѣйствительно, опасный человѣкъ, маіоръ, судя по рассказамъ о немъ, и я радуюсь, что наша страна избавилась отъ него. Говорятъ, что старшій сквоттеръ убить и что все семейство его скрылось.

— Такъ говорятъ; но это не совсѣмъ вѣрно. Мильакръ только раненъ смертельно. Правда, сыновья его разбѣжались, но жена его здѣсь съ одною изъ своихъ дочерей.

— Пруденція здѣсь! вскричалъ Ньюкомъ, забывъ свою обычную осторожность.

— Да вы, кажется, хорошо знаете семейство Мильакра. Да же имена всѣхъ ихъ вамъ извѣстны.

— Я узналъ это по необходимости, потому-что судья должны быть коротко знакомы всѣ сосѣди; посудите сколько просьбъ и жалобъ поступаютъ къ нему со всѣхъ сторонъ... Такъ вы вчера утромъ попались въ руки этихъ негодяевъ?

— Вчера утромъ, до восхода солнца. Послѣ того, до самой этой минуты, я нигде не выходилъ отсюда.

Длинная пауза послѣдовала за этими словами. Ньюкомъ догадался, что я знаю все и, вѣроятно, придумывалъ какую-нибудь отговорку, чтобы ловче вывернуться изъ этой запутанной и очень невыгодной для него исторіи.

Я предоставилъ ему свободу принскать эту увертку и пошелъ къ Сускуэзусу. Онъ въ это время закуривалъ трубку. Трудно было подумать, взглянувши на него, что онъ принималъ участіе въ кровавыхъ сценахъ этого дня. На лицѣ его

была начертана философическая важность и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое спокойствіе.

— Добрый вечеръ, Безслѣдный, сказалъ я, протягивая къ нему руку, я очень радъ, что вижу тебя на свободѣ....

— Амбаръ плохая была тюрьма. Джапъ сломалъ замокъ, какъ пукъ соломы. Неповятно, какимъ образомъ Мильакръ не могъ ожидать этого.

— О, ему въ этотъ вечеръ нужно было подумать о другомъ, поважнѣе твоей тюрьмы. Теперь, я думаю, онъ ужъ болѣе не встанетъ.

Оногдаго прежде чѣмъ отвѣчать, отнялъ трубку ото рта.

— Да, ему пришелъ конецъ.

— Жалко, что нашъ добрый землеобръ погибъ въ этомъ низкомъ дѣлѣ.

— Низкомъ, ваша правда.. я тоже говорилъ самъ себѣ.... Если сквоттеръ убилъ землеобръ, то развѣ другъ землеобръ не могъ убить въ свою очередь сквоттера?

— Ты разсуждаешь, какъ Индѣецъ, Безслѣдный; но у Блѣдныхъ лицъ въ мирное время не позволяется мстить кровью за кровь; такое мщеніе идетъ у нихъ наравнѣ съ преступленіемъ.

Сускузавъ продолжалъ курить, не отвѣчая ни слова.

Потомъ, онъ поставилъ трубку въ сторону и погрузился въ размышленія. Видно было по его лицу, что онъ былъ доволенъ своимъ рѣшеніемъ.

Джапъ, съ своей стороны, ожидалъ моего привѣтствія. Онъ никогда не осмѣливался начинать разговора первый, не смѣтрян на короткость, существовавшую между нами. Но лишь только я обращался къ нему съ однимъ словомъ, онъ отвѣчалъ не принужденно, не стѣсня себя.

— Благодарю тебя, Джапъ; ты исполнялъ свое дѣло прекрасно. Никто искусилъ тебя и скорѣе не проведетъ бы сюда отрядъ и не освободилъ бы Индѣйца..

— О мы сдѣлали бы еще больше, еслибъ судья позволялъ намъ стрѣлять съ перваго шагу.... Я думаю, половина изъ нихъ не ушла бы отъ насъ.

— Ньюкомъ поступилъ прекрасно. Къ чему проливать кровь въ мирное время?

— А зачѣмъ пролили кровь землеобръ?

— Все это разберетъ правосудіе... Оно разсудитъ, кто правъ, кто виноватъ...

— Но, по-крайней-мѣрѣ, я радуюсь тому, что одинъ изъ этихъ сквоттеровъ будетъ помнить меня дѣлою жизнью.. Да, онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе о Джапѣ Сатанстоэ... Неправда ли это хорошо?

— Хорошо! сказалъ Оногдаго съ энергіею.

На возвратномъ пути, я нашелъ Франка на прежнемъ мѣстѣ. Онъ объяснилъ мнѣ всѣ подробности моего освобожденія. Лишь только землеобръ, Урсула и Джапъ узнали о моемъ плѣнѣ отъ Индѣйца, то тотчасъ же отправились къ Мильакру, между тѣмъ какъ Франкъ пустился въ Ревнестъ, чтобъ собрать тамъ какъ можно больше людей и идти съ ними ко мнѣ на вырчку. Молодой мой другъ, въ первую минуту душевнаго волненія, написалъ о моемъ плѣнѣ къ генералу, который былъ тогда въ Фискиллѣ, у старшей сестры моей. Гонецъ былъ отправленъ, наканунѣ, ночью. Такъ какъ разстояніе между Фискиллемъ и Ревнестомъ было не болѣе ста сорока миль и по большей части водою,—и къ тому же вѣтеръ благопріятствовалъ путешествію; то можно было полагать, что въ ту минуту, какъ я слушалъ этотъ разсказъ, вся наша фамилія была недалеко отъ Ревнеста — или по-крайней мѣрѣ она могла прѣхать туда въ одно время со мною. Франкъ занялъ мѣсто Урсулы подлѣ раненаго, а я, съ полчаса, прогуливался съ нею передъ домомъ. Я снова началъ говорить ей о моихъ надеждахъ, и между прочимъ сказалъ, что большая часть моего семейства или на пути, или уже прѣехала въ Ревнестъ. При этой новости рука ея, лежавшая на моемъ плечѣ, задрожала.

— Я этого совершенно не ожидала, сказала она спустя нѣсколько минутъ. Признаться вамъ, я боюсь предстать на судъ вашего семейства.... У меня нѣтъ никакихъ достоинствъ, я племянница бѣднаго землеобръ, не знаю общества, мнѣ знакомы одни лѣса, гдѣ я таскала дѣнь, между тѣмъ какъ они...

— Ахъ, не говорите, не мучьте меня этими словами. Да, Урсула, что можетъ быть прочнѣе той дѣни, въ которую вы заковали мое сердце!... И пусть свѣтъ говоритъ, что ему угодно, я буду носить эту дѣню до послѣдней минуты моей жизни. О, не бойтесь ничего, Урсула... Мой отецъ—человѣкъ справедливый; что же касается до матери, то я опасюсь одно-

го только, чтобъ она, увидѣвъ васъ, не полюбила больше чѣмъ своего сына.

— Я боюсь вѣрить вамъ, Мордоунтъ, отвѣчала молодая дѣвушка, лицо которой сдѣлалось немного веселѣе.... Но войдемте въ комнату. Я стану читать молитвы, — эта странная женщина просила меня не забыть также ея мужа.... нужно исполнить обѣщаніе.

Урсула поставила свѣчку на ящикъ недалеко отъ кровати Мильакра, и, ставъ на колѣна, развернула книгу.

Черезъ минуту, умиленные слова молитвы, раздались по комнатѣ. Пруденція и Лавинія, стоя подлѣ стѣны, внимали голосу Урсулы, который одинъ только нарушалъ общую тишину. Суевѣрный обычай запрещалъ имъ преклонять колѣна. Франкъ и я остались у двери и также молились.... Никогда молитвы не были такъ искренни и горячи, какъ въ эту ночь.

XXVIII.

Вотъ мы подошли къ мрачному царству Плутона. Повсюду безлюдныя пустыни и дикія равнины; повсюду крики, вопли и вздохи....

Савиль.

Такъ прошла ночь, которой я никогда не забуду. Оба раненыхъ спали. По временамъ, мы смачивали водою ихъ запекшія губы. Передъ утромъ, я убѣдилъ Урсулу отдохнуть немного. Бѣдная дѣвушка изнемогала, какъ нравственно, такъ и физически. Совѣтъ могъ подкрѣпить ея слабѣющія силы. Чтожъ касается до Пруденціи, она провела всю ночь подлѣ постели своего мужа въ томъ же мрачномъ безмолвіи.

Наконецъ наступило утро. Меня извѣстили, что Ньюкомъ уѣхалъ ночью, вѣроятно, обезпокоенный тѣмъ, что я догадался о его предѣлкахъ.

Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что человѣкъ, объявляющій себя громко другомъ народа, постоянно обманываетъ его изъ своей личной пользы.

По мѣрѣ того, какъ разсвѣтало, землемѣръ и сквоттеръ вы-

ходили изъ того забвенія, въ которое они были погружены ночью. Хотя жизнь погасала въ нихъ мало по малу, но мысли ихъ все-таки были обращены къ землѣ, на тотъ театръ, гдѣ они были актерами нѣскольکو десятковъ лѣтъ.

— Дядюшка пришелъ въ себя, сказала Урсула, подходя къ двери, онъ зоветъ васъ обоихъ, особенно васъ Мордоунтъ. Онъ хочетъ поговорить съ вами въ послѣдній разъ.

Мы хотѣли войти въ комнату, но остановились на порогѣ, услышавъ голосъ Андрея, который въ это время заговорилъ со старымъ сквоттеромъ.

— Мильакръ! сказалъ землемѣръ, повысивъ голосъ, можешь ли ты отвѣчать мнѣ. Мы оба собираемся въ дальнюю дорогу, а не хорошо пускаться въ этотъ путь съ сердца, отягощенными дурными помыслами и чувствами. Еслибъ у тебя была такая племянница, какъ моя Урсула, то ты, вѣроятно, легче бы разстался съ землею и съ радостію бы перенесся въ тотъ міръ, куда идемъ мы теперь.

— Онъ знаетъ, что такое смерть и вѣчность, прошептала Пруденція, я увѣрена, что это ему извѣстно... У него были благочестивые предки.

— Видишь ли, Пруденція, какъ хорошо имѣть благочестивыхъ предковъ, но еще лучше раскаться въ своихъ грѣхахъ, потому-что тамъ будутъ судить насъ по нашимъ дѣламъ, а не по поступкамъ предковъ.

— Отвѣчай ему, Ааронъ, прибавила Пруденція, чтобъ мы знали въ какомъ состояніи духа ты перешелъ въ вѣчность. Послушайся землемѣра, онъ человѣкъ добрый...

До сихъ поръ сквоттеръ не говорилъ ни слова. Я уже думалъ, что у него отнялся языкъ. Но къ величайшему моему удивленію, онъ заговорилъ твердымъ и попрежнему звонкимъ голо-сомъ.

— Еслибъ не было землемѣра, сказалъ старый сквоттеръ, не было бы границъ и межей. Я бы не лежалъ здѣсь, при послѣнемъ издыханіи.

— Забудь все это, какъ должно доброму христіанину, возразила Пруденція, самъ Богъ повелѣлъ прощать врагамъ... Да, прости землемѣру, потому-что въ тотъ міръ нельзя переступить со злобою въ сердцахъ.

— Мильакръ сдѣлаетъ еще лучше, сказалъ Андрей, если онъ будетъ просить прощенія у Бога за свои собственные грѣхи...

Впрочемъ, не подумайте, что я пренебрегаю его прощеніемъ... Я могъ обидѣть его, потому-что мы всё грубые люди, не видавшіе общества... И съ своей стороны, я прощаю его также охотно, какъ принимаю его забвеніе моихъ обидъ.

Глухой вопль вырвался изъ широкой груди сквоттера. Это было какъ бы невольнымъ признаніемъ въ совершенномъ преступленіи.

— Да, прибавилъ землемѣръ, благодаря Урсулѣ...

— Я здѣсь, дядюшка! вскричала Урсула, желая замаять слова Андрея Коэманса.

— Да, благодаря моей племянницѣ, продолжалъ землемѣръ, я нѣмѣннѣе въ послѣднее время.

— Это не я, а само Провидѣніе, по вѣчной милости своей, просвѣтило вашъ умъ и сердце.

— Милое дитя, я понимаю, что судьба послала ангела на землю, чтобъ быть наставникомъ бѣднаго Голландца, невѣжды, который ничего не зналъ, даже правилъ своей религіи... Да, Мильакръ, я съ радостью принимаю твое прощеніе, потому-что легко будетъ умирать, не оставляя послѣ себя ни одного врага.

— Я надѣюсь, прощенталъ Мильакръ, что въ мірѣ, куда идемъ мы, нѣтъ ни закона, ни уполномоченныхъ.

— Ошибаешься, Ааронъ. Тамъ весь законъ, и все правосудіе.

— Хорошо вамъ разсуждать такъ спокойно, никакого зла не случилось съ вами, не говоря уже о томъ, что мы шли въ жизни совершенно различными путями. Мои всё расчелы пропали. Срубленный лѣсъ, который я намѣревался отослать въ Альбани, сгнѣтъ на мѣстѣ. Дѣти мои разбѣжались, и, къ довершенію всего, я умираю, и ничѣмъ не могу помочь имъ!

— Оставь свой лѣсъ въ покоѣ, сказала тихо Пруденція, забудь землю и обрати свои глаза на то, что предстоитъ тебѣ впереди. Всѣ минуты твои сосчитаны.

— Неужели ты хочешь, чтобъ я забылъ тебя, Пруденція, прервалъ Мильакръ, тебя мою жену, которая провела со мною сорокъ лѣтъ, которую я взялъ молодою и прекрасною, которая принесла мнѣ столько дѣтей и была такъ вѣрна, трудолюбива и послушна? неужели ты хочешь, чтобъ я забылъ тебя, Пруденція?

Эти слова, вырвавшіяся во время агоніи, заключали въ себѣ что-то торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное. Они

ярко выказались посреди этихъ дѣкихъ и грустныхъ сценъ, разыгрывавшейся предъ нами драмы.

Урсула была тронута. Съ участіемъ она подошла къ старымъ супругамъ, которые никогда не разлучались въ жизни. И несмотря на то, что Мильакръ былъ убійцею ея дядя, она была готова, еслибъ только было въ ея силахъ, облегчить его страданія. Самъ землемѣръ поднялъ голову и съ душевнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на эту группу.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты забылъ меня, отвѣчала Пруденція, прерывающимся голосомъ, потому-что нѣтъ закона, который бы этого требовалъ. Я и ты одна душа и одна плоть, и вѣроятно Провидѣніе не захочетъ разлучить насъ!... Я не долго останусь здѣсь на землѣ, Ааронъ, и скоро послѣдую за тобою.... Тамъ, я надѣюсь мы не найдемъ ни лѣсовъ, ни земель, которыя такъ возмущаютъ твою душу.

— Я жестоко поступилъ съ этимъ лѣсомъ, прощенталъ сквоттеръ, который снова возвратился къ своему любимому предмету, да, жестоко, Пруденція. Пускай Литтльпеджъ объявляетъ свои претензіи, на все что найдетъ онъ здѣсь. Только деревья въ футъ вышиною, вотъ и всё... потому-что лучшія деревья я и мои сыновья обратили въ прекрасныя, ровныя доски, какихъ едва ли гдѣ можно найти въ другомъ мѣстѣ.

— О, не объ томъ ты долженъ думать теперь, Ааронъ. Припомни, что время и вѣчность для тебя сливаются въ одно и тоже.

— Я умру спокойно, Пруденція, если землемѣръ скажетъ, что человекъ, срубившій дерево, распилившій его на доски, имѣетъ законное право владѣть имъ.

— Къ твоему огорченію, Мильакръ, я не могу этого сказать, пваче, я лишусь уваженія всѣхъ честныхъ людей... послушайся лучше твоей жены, потому-что для насъ каждая минута драгоцѣнна. Я старый солдатъ, товарищъ, и много на своемъ вѣку видѣлъ раненыхъ. Сколько людей умирало вокругъ меня! Я могу сказать положительно, мы не проживемъ ночи. Поскорѣе нужно стараться свести всѣ земные счета и спокойно пуститься въ дорогу. Тамъ отъ каждаго спросятъ, что сдѣлалъ онъ добраго на землѣ. Если твоя жена не совсѣмъ свѣдуща въ религіи, то обратись къ моей племянницѣ. Она научитъ тебя не хуже всякаго пастора, что нужно дѣлать.

Мильакръ пристально посмотрѣлъ на Урсулу. Въ его душѣ

происходила тяжелая борьба. Не желая приводить въ смущеніе молодую дѣвушку, мы переступили черезъ порогъ, и заперли за собою дверь.

Еще прошло два часа, два томительныхъ часа. Къ концу ихъ, къ намъ подошла Урсула.

— Идите, дядюшка хочетъ говорить съ вами.

Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Но она сдѣлала надъ собою усиліе, печально улыбнулась и прибавила:

— Слушайте его терпѣливо, Мордоунтъ, потому-что онъ заступаетъ мнѣ мѣсто отца.... я должна повиноваться ему.

Видно было, что Урсула произвела свое дѣйствіе, потому-что Пруденція, казалось, не много утѣшилась и въ самомъ Миллакрьѣ замѣтила значительную перемену. Взоръ его не оставлялъ молодой дѣвушки, онъ какъ будто видѣлъ въ ней ангела, посланнаго самими небомъ вразумить его. Но не долго я могъ слѣдить за нимъ. Мое вниманіе было привлечено къ другой постели.

— Подойдите сюда, Мордоунтъ, и ты также, Урсула, мое дорогое дитя. Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, хочу проститься съ вами... Не прерывайте меня, я чувствую, что конецъ мой приближается.... Мордоунтъ сказалъ мнѣ прямо, что онъ любитъ Урсулу и намѣренъ на ней жениться. Съ своей стороны, Урсула такъ уважаетъ и любитъ Мордоунта, что готова сдѣлаться его женою. Все это прекрасно и было время, когда бы я почелъ за счастье слышать эти взаимныя слова любви. Вы знаете, мои дѣти, что я равно люблю васъ обоихъ и что, по моему мнѣнію, въ цѣлой Америкѣ нѣтъ прекраснѣе пары. Но высказавъ одно, я не долженъ забывать и другаго. Генералъ Литтлпеджъ былъ моимъ начальникомъ. Честный и добрый человекъ къ своимъ подчиненнымъ, онъ долженъ и отъ нихъ ожидать подобнаго же возмездія. Что же скажетъ онъ въ этомъ случаѣ? Я знаю госпожу Литтлпеджъ. Она дочь Германа Мордоунта, одного изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ въ нашей странѣ.... Ей, воспитанной въ большомъ свѣтѣ, можетъ ли понравиться невѣста, племянница бѣднаго землемѣра, носившая, какъ это вамъ извѣстно, Мордоунтъ, цѣны по полямъ и помогавшая своему дядѣ во всѣхъ его трудахъ. Это еще болѣе увеличиваетъ цѣну Урсулы въ моихъ глазахъ, но не то заговорить съѣтъ....

— Моя мать добрая женщина, съ благороднымъ сердцемъ и

чувствительною душею!... Она полюбитъ Урсулу! вскричалъ я, увлеченный порывомъ.

Эти слова, а еще болѣе выраженіе голоса, которымъ были произнесены они, произвели глубокое впечатлѣніе на слушателей. Молнія радости на минуту озарила лицо Урсулы. Землемѣръ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ бы желая читать въ моей душѣ. Что жъ касается до Франка, то онъ оборотилъ голову въ сторону, чтобы скрыть слезы, вырывавшіяся изъ его глазъ.

— Еслибъ я могъ этому вѣрить, я началъ бы надѣяться, продолжалъ землемѣръ; утѣшеніе пролилось бы въ мое сердце въ минуту разлуки съ вами. Я не сомнѣваюсь въ генералѣ Литтлпеджѣ, потому-что онъ всегда былъ добрый человекъ.... Я только боялся вашей матушки... Сказанное вами немного измѣняетъ мои мысли и планы. Однакожъ, мои любезныя дѣти, я хочу потребовать у васъ обѣщанія....

— Остановитесь, Андрей, вскричалъ я, прерывая его, остановитесь прежде, чѣмъ вырвать у Урсулы неосновательное. ослѣлось сказать, жестокое обѣщаніе, которое можетъ сдѣлать насъ обоихъ несчастными. Не вы ли первый одобряли мою любовь.... а теперь, когда я послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, вы хотите потушить пламя и заставить меня принести жертву выше моихъ силъ.

— Я рѣшаюсь на это, мой другъ, потому-что надѣюсь, что Богъ, за благое намѣреніе, проститъ мою ошибку, если она будетъ сдѣлана. Мы съ вами говорили, Мордоунтъ, но знаете ли, что сама Урсула оуждала мое поведеніе въ отношеніи къ вамъ. доказывала мнѣ такъ ясно, какъ солнце, что я долженъ былъ вмѣсто того, чтобы одобрить васъ на подобную любовь, избѣгать всякихъ разговоровъ объ ней. Какимъ образомъ это сдѣлалось, дитя мое, что ты забыла все это, и что ты теперь восхищаешься тѣмъ, что прежде оуждала?

Урсула поблѣднѣла, потомъ, щеки ея покрылись румянцемъ. Она упала на колѣни и, скрывъ свою голову подъ грубымъ одеяломъ, прошептала:

— О, я тогда еще не видала, мой добрый дядюшка, Мордоунта!

Я сталъ на колѣни подлѣ Урсулы и прижалъ ее къ своему сердцу. Но она тихо вырвалась изъ моихъ объятій и ближе подошла къ землемѣру, который снова заговорилъ.

— Я вижу, что природа спльнѣе разума, и что сердце выше разсудка... Но слушайте, мой дѣти: исполните просьбу умирающаго; дайте мнѣ слово, что вы не вступите въ бракъ безъ позволенія генерала, его жены и бабушки?

— Я это обѣщаю вамъ, сказала Урсула съ увлеченіемъ; я общаюсь, я клянусь въ томъ нашею любовью... Я была бы несчастлива, еслибъ вступила въ семейство, гдѣ бъ меня не любили.

— Урсула, драгоценная Урсула, подумайте, что вы сказали? Не ужели я ничего не значу предъ вашими глазами?

— Я буду страдать, если потеряю васъ, Мордоунтъ, но по крайней-мѣрѣ я могу имѣть утѣшеніе, что исполнила свой долгъ; между тѣмъ какъ съ другой стороны—я не въ силахъ буду перенести несчастій, справедливаго наказанія за мою неосторожность.

Я былъ увѣренъ въ своемъ отцѣ и матери; только одна моя бабушка внушала мнѣ серьезные опасенія. Ея планъ женить меня на Присилѣ Бэйярдѣ, могъ погубить мое счастье.

— Не принуждайте ее, Мордоунтъ, отказаться отъ клятвы. Она исполнила послѣднее желаніе умирающаго. Теперь, мой дѣти, я довольно поговорилъ о житейскихъ дѣлахъ, нужно подумать и о будущемъ. Оставьте меня. Будете ли вы женаты или нѣтъ, я призываю на васъ благословеніе Всевышняго и когда-нибудь, снова увижусь съ вами на томъ свѣтѣ, въ нашемъ общемъ жилищѣ.

За этимъ благословеніемъ послѣдовало долгое молчаніе, которое вдругъ было нарушено страшнымъ крикомъ, вырвавшимся изъ груди Мильakra. Всѣ мы обернулись къ другой кровати, которая представляла разительную противоположность съ тихою и умирительною сценою прощанія нашего стараго друга. Одинъ я подвинулся впередъ, чтобъ помочь Пруденціи; но ужасъ овладѣлъ мною, и я, какъ пораженный параличемъ, не въ силахъ былъ сойти съ мѣста.

Мильакръ, обложенный подушками, почти сидѣлъ на своей кровати. Его глаза были открыты и блистали какимъ-то дикимъ, безумнымъ огнемъ. Губы его, сжимаясь отъ предсмертныхъ конвульсій, придавали его лицу сардоническую улыбку, ввухавшую страхъ. Въ эту минуту, онъ былъ неподвиженъ и черты его сохраняли ужасающее спокойствіе. Я зналъ, что ему остается только испустить послѣдній вздохъ и ждалъ его,

смотря на сквоттера, какъ смотритъ бѣдная птица, очарованная и убитая взглядомъ змѣи. Этотъ послѣдній вздохъ, вырывався мало-по-малу, расширялъ его ротъ, такъ что зубы выказались наружу. Я не могъ переносить долѣе и закрылъ лицо руками. Когда я открылъ его, то увидѣлъ уже мертвую оболочку, въ которой столько лѣтъ обитала душа стараго сквоттера.

Пруденція была подлѣ трупа и закрывала ему глаза, которые, не смотря на то, что были тусклы, все еще имѣли въ себѣ что-то свирѣпое... Никогда я не видѣлъ болѣе отвратительнаго трупа!

XXIX.

Тихо и спокойно, какъ дитя, которое, наклонившись къ плечу матери, засыпаетъ съ улыбкой, отдалъ онъ душу свою небу, а тѣло завѣщалъ землѣ.

Гартъ.

Я видѣлъ, что землемѣръ и Урсула старались не смотрѣть на постель Мильakra, съ тѣхъ поръ какъ этотъ упорный грѣшникъ пересталъ существовать, и потому приказалъ перенести его трупъ въ другой шалашъ. Пруденція послѣдовала за нимъ, не оставляя его ни на одну минуту. Лавинія была подлѣ нея. Между людьми, приведенными Ньюкомомъ, было нѣсколько столяровъ. Одни сдѣлали гробъ, куда положили тѣло Мильakra, другіе же выкопали яму, посреди обширной равнины, на которой старшій сквоттеръ уже засѣялъ нѣсколько участковъ рожью. Дожидались только прибытія судьи, чтобъ начать погребеніе.

Между тѣмъ, въ хижинѣ гдѣ лежалъ землемѣръ, царствовало умирительное спокойствіе. Мой старшій другъ ослабѣвалъ все болѣе и болѣе и почти не говорилъ ни слова. Впрочемъ, онъ сохранилъ память до послѣдней минуты своей жизни. Урсула почти весь день провела въ молитвѣ, подлѣ его постели. Къ вечеру, мы убѣдили ее отдохнуть не много. Когда она ушла, старикъ Андрей заговорилъ со мною.

— Я чувствую, Мордоунтъ, что смерть приближается; но

пусть она придетъ, я приму ее съ улыбкой, потому-что она послана самимъ Создателемъ. Смерть для меня не страшна.

— Да, вы должны привыкнутьъ къ ней, капитанъ Коэмансъ, выдержавъ столько сраженій.

— Прежде, моимъ первымъ желаніемъ было умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Монгомери, какъ Варренъ, погибшіе на полѣ битвы. Теперь эти желанія миновались. Я похожъ на путешественника, который, перейдя обширную равнину, встрѣчаетъ на концѣ ея пропасть, и чрезъ нее-то онъ долженъ перешагнуть, чтобъ продолжать свою дорогу. И что наша жизнь, съ ея трудами и заботами, предъ вѣчностью? Но я не пугаюсь вѣчности, потому-что Богъ просвѣтилъ мой умъ, и въ сердцахъ моихъ одна только любовь къ Создателю... Ахъ, Мордоунтъ, не покажется ли вамъ скучнымъ, что я говорю объ этомъ?

— Нисколько, нисколько. Говорите, я буду васъ слушать. Ваши слова для меня были всегда драгоценны, а тѣмъ болѣе въ эту торжественную минуту.

— Благодарю, Мордоунтъ, благодарю отъ всего сердца. Вы знаете, мой другъ, какъ прошло мое дѣтство. Я уже это вамъ часто рассказывалъ, помните, когда мы еще вели бивуачную жизнь. Оставшись очень молодъ отъ отца и матери, не имѣя ни защитника, ни покровителя, я не зналъ своего Бога и обязанностей своихъ къ Нему... И что же, дитя меня научило этимъ обязанностямъ, научило понимать религію. Все измѣнилось во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ слѣдовать совѣтамъ Урсулы. Она меня преобразовала совершенно. Прежде я часто пилъ ромъ, водку и другіе крѣпкіе напитки; теперь же замѣтили ли вы когда-нибудь меня со стаканомъ вина въ рукѣ. Это слѣдствіе тѣхъ разговоровъ, какіе я имѣлъ съ нею. Вамъ нравится Урсула, но послушайте, какъ она рассказываетъ о Богѣ, объ искупленіи міра... Вы тогда найдете ее еще прелестнѣе, вы примете ее тогда за ангела, посланнаго съ неба для счастья и утѣшенія людей.

Землемѣръ предвидѣлъ минуту своей смерти. Никогда я не видѣлъ людей, которые бы умирали такъ спокойно, какъ онъ. Впрочемъ, до предсмертныхъ минутъ, онъ еще чувствовалъ страданія, но старался затанцовать ихъ. Мнѣ онъ, впрочемъ, сказалъ, что испытываетъ жестокаго мученія.

— Только не говорите Урсулѣ, прошепталъ онъ, пусть она ничего не знаетъ... къ чему усиливать ея скорбь?

Къ вечеру страданія утихли, и землемѣръ могъ уснуть нѣсколько времени.

Передъ разсвѣтомъ, онъ пробудился, чтобъ вскорѣ заснуть вѣчнымъ сномъ. По временамъ, на него находило забытѣе. Онъ повторялъ одни и тѣже вопросы, на которые мы уже не разъ отвѣчали, спрашивалъ, гдѣ Урсула? между тѣмъ какъ молодая дѣвушка стояла подлѣ самой его постели.

— Я здѣсь, дядюшка, отвѣчала Урсула дрожащимъ голосомъ, я стою передъ вами.

— Франкъ, позови ее... я хочу, чтобъ она была подлѣ меня въ послѣднія минуты моей жизни.

— Мой добрый дядюшка, это я сжимаю вамъ руки, отвѣчала Урсула громче, чтобъ землемѣръ могъ услышать ея слова. Неужели вы думаете, что я оставлю васъ?

— А! это ты, сказалъ землемѣръ, поднимая руку и дотрогиваясь до Урсулы... Ты не забудешь, милое дитя мое, своего обѣщанія на счетъ Мордоунта... Если онъ получитъ позволеніе отъ своего семейства, выйди за него, моя дочь... прими мое благословеніе... Обними меня Урсула... О, какъ твои губы холодны!... Они не то, что сердце... обними меня также, Мордоунтъ... Ахъ... теперь хорошо... Прощай Франкъ, прощай мой другъ, я твой должникъ, но сестра твоя заплатитъ за меня... Скажите генералу Литльпеджу и женѣ его, что я умираю, вспоминалъ о нихъ... Прощай, Франкъ... прощай, Урсула.. О мой Спаситель, прими душу мою!...

Это были послѣднія слова, произнесенныя землемѣромъ; съ ними пресѣклась его жизнь.

Нужно было подумать о приготовленіи къ похоронамъ. Урсула, въ сопровожденіи Лавиніи, была отведена въ другой шалашъ, пока мы клали тѣло Андрея въ гробъ, приготовленный тѣми же руками, которые сдѣлали гробъ для сквоттера. Къ полудню, пріѣхалъ судья. Всѣ формальности были совершены. Въ свидѣтельствѣ о смерти двухъ покойниковъ было написано, что землемѣръ былъ умерщвленъ неизвѣстно кѣмъ, а Мильякръ былъ убитъ нечаянно. Хотя это свидѣтельство было совершенно ложно, потому-что большая часть изъ насъ знали, кто умертвилъ землемѣра, а я, съ своей стороны, справедливо догадывался отъ чьей руки получалъ ударъ старшій сквоттеръ, однакожъ оно было подписано всѣми нами единодушно.

Въ тотъ же вечеръ, мы погребли Мильякра. Изъ всего его

многочисленного семейства, только Пруденція и Лавнія присутствовали при этой печальной церемоніи. Погребеніе совершенно было скоро. Могила засыпала и потомъ покрыли сверху дерномъ: все кончилось для стараго сквоттера! Когда мы тихо удалялись отъ послѣдняго жилища его, гробовое молчаніе царствовало между нами: мы не осмѣливались говорить; такъ наши сердца были полны самыхъ разнородныхъ чувствъ.

Вдругъ, это молчаніе прервалось звучнымъ голосомъ Пруденціи: мы остановились.

— Братья, вскричала эта женщина, представлявшая странную смѣсь пороковъ и добродѣтелей, братья, благодарю за ваше вниманіе къ тому, кто уже не существуетъ болѣе для меня въ этомъ мірѣ... Благодарю, что вы помогли мнѣ похоронить покойника.... Простите меня, что я называю васъ такъ; но сосѣдями я не могу васъ назвать, а неприятелями—не хочу!

Эти слова, произнесенныя неожиданно, заставили насъ невольно содрогнуться.

Когда печальный обрядъ кончился, и всѣ разошлись въ разные стороны, я подошелъ къ могилѣ, подлѣ которой стояла Пруденція.

— Ночь холодна, сказала я ей, ты лучше сдѣлала бы, еслибъ вошла въ домъ.

— Вошла въ домъ!... А гдѣ онъ?... Съ кѣмъ пойду я въ него? Аарона нѣтъ болѣе, а дѣти мои скрылись.... осталась одна Лавнія, но я не считаю ее дочерью, потому—что она болѣе любитъ всѣхъ вашихъ, чѣмъ свое семейство.... Могила,— вотъ что для меня теперь драгоценнѣе всего на свѣтѣ!... Послушайте, маіоръ, прибавила Пруденція, послѣ минуты молчанія, я хочу попросить васъ, чтобъ вы позволили мнѣ взять отсюда кое-какія вещи, которыя еще могутъ быть полезны моимъ дѣтямъ.... Законъ, какъ кажется, не имѣетъ на это права и не можетъ отнять у насъ.... Я еще попрошу у васъ, чтобъ вы отвѣли мнѣ небольшое мѣстечко подлѣ этой могилы, куда бы я могла возвратиться, когда придетъ мой конецъ!... Я не долго проживу послѣ потери Аарона.

— Не думай, Пруденція, отвѣчалъ я, чтобы я былъ намѣренъ притѣснять васъ. Вы можете свободно взять свои вещи и я даже прикажу перенести ихъ туда, куда вамъ угодно. Мнѣ кажется, тамъ лодка, на рѣкѣ, вблизи мельницы?

— Вы не ошибаетесь.... Тому назадъ два года, мои дѣти построили ее.

— И прекрасно! Все, что принадлежитъ вамъ, будетъ перенесено на лодку. Мои люди это сдѣлаютъ за васъ, завтра утромъ. Негръ и Индѣецъ проведутъ ее за нѣсколько тысячъ шаговъ внизъ. Тамъ вы можете нагрести ее, чѣмъ вамъ угодно.

Пруденція казалась удивленною и даже тронутую этимъ предложеніемъ. Однакожъ, недоувѣренность не оставила ее.

— Могу ли я положиться на маіора Литтльпеджа? спросила она съ сомнѣніемъ. Теби и его братья никогда не простятъ мнѣ, если я завлеку ихъ, понадѣявшись на васъ, въ нарочно поставленную западню?

— Теби и его братья не должны опасаться измѣны съ моей стороны. Неужели вы не довѣряетесь слову честнаго человѣка?

— Для меня достаточно этого слова, я вѣрю вамъ.... Да награждать васъ Богъ за это доброе дѣло и да исполнитъ Онъ всѣ ваши желанія. Прощайте, мы не увидимся болѣе.

— Неужели ты не хочешь провести ночь въ одномъ изъ этихъ домовъ?

— Нѣтъ! Эти жилища не заключаютъ болѣе въ себѣ того, что я любила.... Я буду счастливѣе въ лѣсахъ....

— Ночь холодна и ты можешь простудиться.

— Въ этой могилѣ еще холоднѣе, отвѣчала Пруденція, показывая печально на насыпь, покрывавшую остатки стараго сквоттера. Я привыкла жить въ лѣсахъ, и притомъ я должна найтти своихъ дѣтей. Меня не остановятъ въ этихъ поискахъ—ни холодъ, ни вѣтеръ. И такъ прощайте, маіоръ. Благодарю еще разъ.

— Но ты забыла о своей дочери.... Чтò сдѣлалось съ нею?

— Лавнія любитъ Урсулу Мальбонъ и не можетъ разстаться съ нею; я оставляю ее на волю судьбы. Когда же она захочетъ покинуть новыхъ друзей: мать слова приметъ ее въ свои объятія и вездѣ найдетъ ее....

Этимъ кончился нашъ разговоръ. Пруденція сдѣлала прощальный знакъ рукою и медленными шагами пошла по направленію къ лѣсу. Вскорѣ она скрылась за кустами. Болѣе я никогда не видалъ ее. На другой день, я узналъ, что сквоттеры, пользуясь моимъ позволеніемъ, забрали большую часть срубленнаго лѣса и удалились изъ нашей страны. Лишь только показалось солнце, мы занялись приготовленіями, чтобъ перенести тѣло землемѣра въ Ревнеспестъ.

Урсула отправилась впередъ съ Лавніею и братомъ, чтобы

приготовить все къ нашей встрѣчѣ. Они прибыли туда въ часть по полудни. Но мы, шли очень медленно, потому-что день былъ чрезвычайно жаркій и солнце некло ужасно, и явились въ Ревисность не ранѣе вечера. Подходя къ нему, я замѣтилъ нѣсколько телѣгъ и лошадей въ сторонѣ отъ дороги. Я сперва полагаю, что это приѣхали фермеры, чтобъ отдать землемѣру послѣдній долгъ уваженія; но ошибся; истина скоро открылась.... Приѣхавшіе были мои родные. Впереди всѣхъ шли къ намъ на встрѣчу генералъ и матушка, за ними слѣдовали полковникъ Фоллокъ, Катя, Приссила Бэйярдъ, а братъ и старшая моя сестра.... Позади всѣхъ, сколько позволяли силы, тащилась моя бабушка.

Тутъ было собрано все наше семейство и всѣ искренніе, короткіе друзья. Франкъ былъ вмѣстѣ съ ними. Онъ, вѣроятно, предувѣдомилъ ихъ о смерти землемѣра, потому-что они не показали удивленія, увидя нашъ похоронный кортежъ.

Катя мнѣ говорила послѣ, что эта процессія представляла величественный видъ. Впереди всѣхъ шли Сускузусъ и Джапъ, оба вооруженные. Послѣдній несъ топоръ. Потомъ шли носильщики, а далѣе отрядъ, тянувшійся въ правильномъ порядкѣ. У всѣхъ блестяли карабины на плечахъ, а сзади походныя сумки. Трое невольниковъ Козманса шли за гробомъ своего господина. Они несли комшась, цѣпи и другіе знаки званія землемѣра.

Шествіе на минуту замедлилось на дворѣ, гдѣ мы поставили гробъ и отдохнули немного. Потомъ, оно продолжалось въ прежнемъ порядкѣ, но съ прибавленіемъ новыхъ лицъ. Генералъ Литтлпеджъ, по просьбѣ Тома Бэйярда, взялъ на себя обязанность читать молитвы, требуемая обычаемъ. Такъ какъ уже было темно, то Сускузусъ и Джапъ, открывавшіе шествіе и на этотъ разъ зажгли факелы. Мы всѣ подражали имъ. Эти факелы были ничто иное, какъ простыя, смолистыя лучины.

Джапъ, кромѣ того, несъ въ рукахъ лопату, — потому-что онъ долженъ былъ зарывать въ землю трупъ землемѣра.

Несмотря на эту остановку, я не сказалъ ни слова ни съ кѣмъ изъ родныхъ, желая сперва исполнить свои обязанности въ отношеніи къ старому другу, а потомъ уже предаться радости свиданія.

Генералъ Литтлпеджъ шелъ за гробомъ съ книгою въ рукахъ. За нимъ слѣдовала Урсула, одѣтая въ траурное платье и

опираясь на руку своего брата, далѣе—Приссила и Томъ Бэйярдъ и наконецъ я, поддерживая Катю.

Она нѣжно пожимала мою руку, какъ бы желая выразить этимъ ту радость, какую она чувствовала, видя меня невредимымъ и внѣ всякой опасности.

Могилы была выкопана не далеко отъ скалъ. На этомъ мѣстѣ произошло одно изъ самыхъ памятныхъ происшествій въ жизни генерала, происшествіе, въ которомъ Джапъ и Сускузусъ играли оба чрезвычайно важную роль.

Ни одни похороны, какія только случалось мнѣ видѣть въ жизни, небыли такъ величественны какъ эти. Голосъ моего отца дышалъ особенною важною, молитвы были произносимы внятно и трогательно, онѣ прямо доходили до души. Впрочемъ, могло ли быть иначе, когда генералъ былъ не только другъ покойника, но и истинный христіанинъ?

Сердце мое сжалось, когда первая горсть земли упала на гробъ землемѣра; но размышленіе успокоило меня. Съ этой минуты Урсула стала для меня вдвое драгоцѣннѣе прежняго. Я чувствовалъ, что долженъ былъ замѣнить ей дядю. Ни одно рыданіе не вырвалось у Урсулы во все время похоронной процессіи. Безъ сомнѣнія, она проливала слезы, но эти слезы текли въ молчаніи, потому-что молодая дѣвушка не хотѣла выказывать предъ всѣми свою печаль, но рѣшилась скрыть ее въ глубинѣ души. Когда все было кончено, мы возвратились въ Ревисность.

Франкъ и Урсула хотѣли остаться одни и прошли въ отдѣльный домъ. Вскорѣ къ нимъ присоединилась Приссила, которая хотѣла поговорить и утѣшить свою подругу. Черезъ полуотворенное окно, мы увидѣли ихъ въ объятіяхъ другъ-друга.

Теперь я былъ свободенъ и могъ дѣлать то, что повѣло мое сердце. Съ восторгомъ я прижалъ къ груди своей матушку, которая нѣжно обнимала меня, не замѣчая того, что слезы текли ручьемъ изъ ея глазъ.

Потомъ, я перешелъ въ объятія сестеръ и наконецъ очередь дошла до бабушки, которая начала сердиться, что я такъ долго не являюсь къ ней принять ея родственныя ласки. За это она помучила меня больше всѣхъ.... Но эти мученія были такъ пріятны! желалъ бы всегда испытывать ихъ!...

Насъ позвали ужинать. Всѣ соединились за столомъ, исклю-

чая Франка, Урсулы и Присилы Бэйярдъ. Мы не видѣли, какъ шло время. Послѣ ужина я рассказалъ всѣ свои приключенія.

— Вотъ каковы эти янки! вскричалъ полковникъ, когда я окончилъ. Они всѣ на одинъ покрой!... Держу пари, что едва ли кто нагрѣшалъ въ жизни такъ много, какъ этотъ Милларкъ... И чортъ возьми! я увѣренъ, что онъ воровалъ изъ страсти къ воровству, а не по нуждѣ...

— Безчестные люди, возразилъ мой отецъ, существуютъ вездѣ, какъ въ Нью-Йоркѣ, такъ и въ Новой Англіи... Сквоттеры чистю зависятъ отъ страны. Когда владѣнія не оберегаются тщательно, то понятно, что кто будетъ уважать ихъ неприкосновенность, особенно же если сердце человѣка не наштапо правдами чести?... Не отъ парода происходитъ это зло, и повѣрь, вездѣ бы происходили подобныя хищничества, если бы земля была оставлена на произволъ судьбы, какъ это дѣлается здѣсь...

— Ну! попалась мнѣ хотя одинъ сквоттеръ, прервалъ полковникъ, съ угрожающимъ видомъ (какъ истый Голландецъ, онъ имѣлъ постоянное предубѣжденіе противъ янковъ) я бы содралъ съ него кожу, не спрашиваясь судей!

— Это значить — впасть въ крайность, не менѣ пагубную, отвѣчалъ мой отецъ.

— Кстати, вскричалъ я, желая прервать этотъ разговоръ, я узналъ любопытную вещь, — и какъ бы вы думали о комъ?... о вашемъ старомъ знакомомъ — Ньюкомъ...

И тутъ я рассказалъ все, что зналъ про достойнаго судью. Генералъ слушалъ меня спокойно; но полковникъ щурилъ глаза, ворчалъ про себя и кончилъ тѣмъ, что началъ смѣяться.

— Вотъ вамъ другой янка!

— Опять за старое, Диркъ!... Вы, кажется, хотите свалить всевозможные пороки на нашихъ бѣдныхъ сосѣдей. Если я доверялъ этому человѣку, то потому, что считалъ его честнымъ. Но что же дѣлать?... я обманулся... Все-таки, это не заставить меня сказать, что причиною его низкаго поведенія было мѣсто рожденія его, и что онъ оттого подлець, что родился янкой...

— Какъ хотите, такъ и думайте, но за чѣмъ внушать сыну вашему эти ложныя мысли?... Впрочемъ, я увѣренъ, что рано или поздно предъ нимъ откроется истина.

— Я буду глубоко огорченъ, если мой сынъ будетъ вѣрять предразсудкамъ. Последняя война дала мнѣ случай познако-

миться со множествомъ офицеровъ изъ Новой Англіи, и я нашелъ, что всѣ они были отличные люди.

— Уважайте янковъ, я не прекословлю вамъ, но только скажу разъ и навсегда, что эти проклятые завладѣютъ всѣми нашими землями.

Эта маленькая война продолжалась еще нѣсколько времени. Потомъ, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, всѣ отправились спать.

XXX.

— Побѣда за вами, сэръ?

— За нами. Она была славна и вполне увѣчила насъ. Пожалѣемъ о мертвыхъ; чтожъ касается до живыхъ, то всѣ наши помыслы будутъ направлены къ ихъ счастью.

Бомонъ и Флешеръ.

Усталость удержала меня въ постели долѣе обыкновеннаго. Передъ завтракомъ, я вышелъ прогуляться и увидѣлъ издали тетюшку Мери, которая стояла подлѣ оврага и, казалось, была погружена въ тяжелыя воспоминанія. Въ этомъ мѣстѣ, тому назадъ двадцать-пять лѣтъ, былъ убитъ ея женихъ, — и она въ первый разъ послѣ того увидѣла окрестности, гдѣ случилось это печальное происшествіе.

Уважая ея душевное волненіе, я обошелъ ее стороною и вскорѣ встрѣтилъ на дорогѣ генерала и матушку, которые прогуливались, взявши другъ друга за руку, и, вѣроятно, также вспоминали прошлое.

— Мы говорили о тебѣ, Мордоунтъ, сказалъ мнѣ генералъ, когда замѣтилъ меня; вотъ прекрасное имѣніе, оно годъ отъ году становится все лучше и лучше. Чудная была бы вещь, еслибъ ты женился и поселился здѣсь. Ты бы выстроилъ вблизи этихъ мѣстъ каменный домъ и перешелъ бы въ него жить съ своею женою. Какія бы благодѣтельныя послѣдствія произошла отъ этого! Ничто не можетъ быть такъ выгодно для цивилизаціи страны, какъ присутствіе семейства владѣльца,

жизнь и обычаи котораго могут служить для всѣхъ образцомъ.

— Я всегда былъ расположенъ, батюшка, слѣдовать вашимъ совѣтамъ; но не такъ легко выстроить домъ... Откуда взять столько денегъ, чтобъ рѣшиться на подобное дѣло?

— Мы тебѣ поможемъ, мой другъ. Притомъ, издержки далеко не такъ велики, какъ ты думаешь. Материалы здѣсь дешевы, а въ рукахъ недостатка также не будетъ. У насъ отъ экономіи осталась небольшая сумма, которую мы отладимъ тебѣ. Ты выбери мѣсто, заложь фундаментъ этой же осенью, такъ чтобъ къ Рождеству 1785 года зданіе было совершенно готово. Мы встрѣтимъ праздникъ у тебя, а тамъ недалеко и до свадьбы.

— Развѣ случилось что-нибудь важное, что вы понуждаете меня скорѣе жениться?.. Мнѣ кажется, что домъ и свадьба для васъ двѣ вещи, которые постоянно сливаются вмѣстѣ.

Генералъ улыбнулся и значительно посмотрѣлъ на мою мать. Въ это время, къ намъ съзади подошла бабушка и облокотилась на руку генерала.

— Признаюсь, сынъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ, я не понимаю, какимъ образомъ ты, принадлежа къ фамиліи Литтлпеджей, хладнокровенъ до такой степени, что не хочешь умереть отъ любви къ прекрасной дѣвушкѣ, которую ты видѣлъ почти каждый день?

Бабушка и мать моя приведены были въ смущеніе. Онѣ испугались этого быстрого нападѣнія, которое, могло испортить все дѣло. Что касается до меня, то я рѣшился дѣйствовать смѣло.

И въ самомъ дѣлѣ, когда бы мнѣ представился случай болѣе благоприятный открыть мою тайну?

— Я не хочу таиться предъ вами, батюшка; я достойный сынъ Литтлпеджа. Не ужели вы думаете, что я такъ нечувствителенъ, что на меня не дѣйствуютъ прелести молодой дѣвушки, которую я вижу каждый день? Мое желаніе жениться такъ велико, что я не надѣюсь даже дожидаться окончанія постройки новаго ревнестскаго дома.

Восхищенія послѣдовавшія за этимъ объясненіемъ, чуть не свели меня съума, потому-что я вполне понималъ ошибку моихъ драгоценныхъ родителей.

Я рѣшился немедля вывести ихъ изъ заблужденія.

— Я боюсь одного, сказалъ я въ смущеніи, что вы меня не поняли.

— Напротивъ, мой сынъ, напротивъ. Ты любишь Приссипу Бэйярлъ, но еще не осмѣлился объявиться съ ней. Къ чему такая робость, Мордоунтъ? Безъ сомнѣнія, осторожность всегда похвальна, но не слѣдуетъ доводить ее такъ далеко... И повѣрь мнѣ, если достойный молодой человекъ сдѣлалъ выборъ, онъ можетъ тотчасъ же раскрыть свою душу, потому-что всякій отецъ почтетъ за счастье принять его въ свое семейство и всякая дѣвушка согласится отдать ему свою руку.

— На этотъ счетъ я не могу упрекать себя, потому-что я подвинулся впередъ, еще не спросивши согласія моихъ родителей. Я долженъ вамъ признаться, что чувствую къ миссъ Бэйярлъ одну только искреннюю дружбу, и увѣренъ, что она на мое предложеніе отвѣтитъ отказомъ.

— Почему ты думаешь такъ, Мордоунтъ? сказала бабушка, вмѣшавшись въ нашъ разговоръ. Нельзя судить о молодыхъ дѣвушкахъ, какъ вы судите о своихъ товарищахъ. Подобныя партіи рѣдкость въ наше время. Я поговорю съ нею отъ твоего имени, Мордоунтъ, и увѣрена, что она не сдѣлаетъ такой глупости, чтобъ не принять твоего предложенія. О! я знаю, она дѣвушка умная и съ добрымъ сердцемъ. Правда, мнѣ не извѣстны ея чувства къ тебѣ; но если ея сердце свободно, я убѣждена, что она охотно согласится сдѣлаться твоей женой... Скажите, кто можетъ быть лучше маіора Литтлпеджа?

— Но вы забыли, бабушка, если уже допустить, что все сдѣлается такъ, какъ вы говорите, что есть еще одно важное препятствіе: я люблю другую!...

Продолжительное молчаніе наступило за этими словами. Каждый придумывалъ, что начать говорить.

Читатель, можетъ-быть, не забылъ, что въ наружныхъ стѣнахъ дома были сдѣланы небольшія бойницы, которыя въ настоящее мирное время служили простыми окнами. Теперь мы были подъ однимъ изъ этихъ оконъ, и такъ какъ разговаривали тихо, то никто не могъ подслушать насъ сверху. Вдругъ откуда раздался пріятный, нѣжный голосъ, напѣвавшій индійскую пѣсню. Посмотрѣвъ въ сторону, гдѣ была могила землемъра, я увидѣлъ тамъ Сускуэзуса. Я понялъ подъ какимъ впечатлѣніемъ пѣла Уреула эту пѣсню, слова которой мнѣ были объяснены. Въ ней описывалась смерть воина.

Моя мать положила палецъ на губы, чтобы заставить насъ молчать. Ея прелестный взглядъ, однимъ словомъ все лицо ея

выражало удовольствие. Но когда пѣвица, кончивъ индѣйскій романсъ и почти не переводя духа, запѣла гимнъ на англійскомъ языкѣ, исполненный благочестія и надежды, глаза моей матери и бабушки наполнились слезами и самъ генераль, не смотря на свою твердость, не могъ скрыть душевнаго волненія. Звуки скоро прекратились и очарованіе исчезло.

— Кто это пѣлъ, Мордоунтъ, такъ восхитительно? спросилъ отецъ.

— Это та, которую я люблю и которая должна быть моей женой... Иначе я не женюсь.

— А, понимаю, ты говоришь объ Урсулѣ Мальбонъ, о которой мнѣ рассказывала Приссила такъ много хорошаго, сказала матушка, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло; я не удивляюсь теперь этимъ похваламъ.

Едва ли кто имѣлъ мать лучше моей. Къ качествамъ свѣтской дамы, она присоединяла великодушіе и христіанское благочестіе. Однакожь, какъ бы не были хороши родители, въ дѣлѣ женитьбы своихъ дѣтей, они большею частію увлекаются расчетами. Мой отецъ и мать, въ этомъ отношеніи, не составляли исключенія. Они думали, что племянница землемѣра, носившая цѣпь по полямъ, не можетъ быть приличною партіею для единственнаго сына генерала Литтльпеджа. Они не высказали мнѣ положительно своихъ мыслей, но я догадывался по первымъ словамъ, какія были произнесены моимъ отцомъ послѣ этого рѣшительнаго объясненія.

— Какъ мнѣ должно понять твое поведеніе, Мордоунтъ? сказалъ онъ важнымъ голосомъ... ты уже сдѣлалъ предложеніе этой молодой дѣвушкѣ?

— Урсула Мальбонъ, по своему рожденію, по своему воспитанію, вполнѣ достойна вступить въ домъ любой знатной фамиліи... И позвольте мнѣ увѣрить васъ, что этотъ союзъ не только не стыдитъ насъ, но даже дѣлаетъ намъ честь...

— Какого рода было твое предложеніе, сдѣланное Урсулѣ?

— Я ей сказалъ, что люблю ее, что прошу ея руки и умру, если она оттолкнетъ меня отъ себя и не согласится принять фамиліи Литтльпеджей. Простите мнѣ, батюшка, что я это сдѣлалъ, не посоветовавшись ни съ вами, ни съ матушкой... Но трудно противиться страсти!... Безъ сомнѣнія, батюшка, въ свое время, вы имѣли болѣе твердости и силы характера, (легкая улыбка, показавшаяся въ это время на губахъ матушки,

ясно показала, что генераль Литтльпеджъ не болѣе меня имѣлъ право на эту похвалу)... Не смотря на то, я надѣюсь, вы извините слабость сына, который не могъ удержать порывовъ своего сердца.

— Говори скорѣе, Мордоунтъ... куда довела тебя страсть, ты уже не женатъ ли?

— Боже меня сохрани отъ подобнаго поступка!... Могу ли я рѣшиться сдѣлать что-нибудь противъ воли моихъ родителей... она сама приняла мое предложеніе, только съ условіемъ...

— Съ какимъ условіемъ?

— Что все наше семейство будетъ согласно на бракъ. Я знаю, что Урсула меня любитъ, и что она отдастъ мнѣ съ радостью, свою руку, если увѣрится, что понравилась вамъ. Въ противномъ случаѣ, ничто не измѣнитъ ея рѣшенія.

— О, это показываетъ, что молодая дѣвушка имѣетъ твердый характеръ и благородную душу. Вотъ, кто-то идетъ сюда.

Это были Франкъ Мальбонъ и Приссила Бэйрлѣ. Молодая дѣвушка оперлась на руку племянника землемѣра, и казалась веселою. Они такъ были заняты своимъ разговоромъ, что совершенно не замѣтили насъ. Можно было принять ихъ за птичекъ, вырвавшихся изъ клѣтки, которыя радуются, видя себя на свободѣ.

— Посмотрите на нихъ, сказалъ я, вотъ вамъ доказательство, что Приссила не слишкомъ заботится обо мнѣ.

— Это странно, въ самомъ дѣлѣ! вскричала бабушка въ смущеніи. Кто этотъ молодой человѣкъ, не племянникъ ли землемѣра?

— Да, отвѣчалъ генераль. Это, премилый молодой человѣкъ. Онъ разговаривалъ со мною, и я нашелъ, что онъ разсуждаетъ чрезвычайно умно... Какъ мнѣ кажется, мы всѣ обмануты или, вѣрнѣе сказать, сами постарались обмануться.

— Вотъ Катя, прибавилъ я, увидавъ сестру, которая приближалась къ намъ. По ея лицу, я вижу, что она хочетъ сказать намъ что-то важное.

Въ самомъ дѣлѣ, Катя была занята какою-то мыслию, которая, повидимому, поглощала весь ея умъ. Приблизясь къ намъ, она взяла, не говоря ни слова, меня за руку и повела къ скамейкѣ, которая стояла подлѣ дерева. Всѣ остальные послѣдо-

вали за нами. Когда же мы съѣли на скамейку, бабушка, первая, прервала молчаніе.

— Посмотри, Катя, туда, вниз; видишь ли ты тамъ Приссилу, которая прогуливается съ Франкомъ?

— Вижу, бабушка, отвѣчала Катя, нѣсколько лукаво.

— Не можешь ли ты объяснить намъ, что это значитъ?

— Съ удовольствіемъ, бабушка, если братъ позволитъ.

— Говори, Катя, говори смѣло... Я готовъ все выслушать.

Безъ сомнѣнія, мой спокойный и веселый видъ подѣйствовалъ на сестру.

— Вотъ, что узнала я, начала она съ живостью: этотъ молодой человекъ называется Франкъ Мальбонъ; онъ женихъ Приссилы, да! не смотрите на меня такими глазами: тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Миѣ все, до малѣйшей подробности, рассказала сама Приссила Бэйрлдъ.

— Можешь ли ты повторить намъ то, что она тебѣ сообщала? спросилъ генералъ.

— Могу, потому-что Приссила не хочетъ держать этого въ тайнѣ. Нѣсколько уже лѣтъ, какъ она познакомилась съ Мальбономъ и какъ они полюбили другъ друга. Одно препятствіе мѣшало вступить имъ въ бракъ: это недостатокъ въ деньгахъ. Господинъ Бэйрлдъ ни за что не соглашался отдать свою дочь за бѣдняка. Но, можетъ-быть, вы помните, что недавно пронеслись слухи о смерти старой мистриссъ? Эти слухи справедливы, она скончалась въ Батѣ, въ Англїи, и теперь Бэйрлды носятъ по ней трауръ.

— Да, она была теткою Бэйрлдъ; я зналъ ее задолго до эмиграціи. Мужъ ея служилъ полковникомъ, и былъ отчаяннымъ торя. Жену звали Приссилью, она была крестною матерью миссъ Бэйрлдъ.

— Да, это правда. Послѣ смерти, она оставила своей крестной дочери десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Теперь участь Приссилы обезпечена; она хочетъ непременно выйти замужъ за Франка, и родители ея не противятся болѣе. Они знаютъ, что она можетъ располагать собою... безъ ихъ посредства. И кромѣ того, Франкъ Мальбонъ единственный наследникъ одного богатаго родственника.

— Вотъ, видите ли, я правъ, вскричалъ я, миссъ Бэйрлдъ утѣшится легко, если узнаетъ, что я люблю Урсулу. Вы, вѣроятно, моя миленькая сестрица, догадывались объ этой любви?

— Точно такъ, милый братецъ. Скажу вамъ болѣе, я видѣла Урсулу и послѣ этого не могу удивляться вашему выбору. Аннеке и я провели съ нею сегодня цѣлыхъ два часа... Аннеке отъ нея въ восхищенїи!

— Драгоценная, милая Аннеке! тебѣ было довольно одного взгляда, чтобъ оцѣнить мою Урсулу.

— Вотъ какія вещи происходятъ здѣсь, вскричалъ генералъ, кто бы могъ ожидать этого?

— Намъ нечего говорить 'о выборѣ миссъ Бэйрлдъ, сказала матушка потому-что она вольна располагать собою, и притомъ родители одобряютъ ея выборъ. Что же касается до Мордоунта, то мы должны подумать не много, и сперва познакомиться съ Урсулой, а потомъ уже сказать свое рѣшеніе.

— Болѣе я ничего не желаю, добрая маменька. Я уже угадываю это рѣшеніе.

Не знаю, повторять ли весь этотъ разговоръ, который такъ занималъ меня?... Я убѣдился, что мои родители были также добры и свисходительны, какъ благородны.

Несмотря на то, я невольно вздрогнулъ, когда лакей извѣстивъ, что завтракъ готовъ, и что миссъ Урсула ожидаетъ насъ въ столовой. Я боялся, чтобы встрѣча ея съ моими родителями не произвела на нихъ того впечатлѣнія, какого я ожидалъ?

Она плакала почти цѣлую недѣлю. Наканунѣ, я видѣлъ ее, когда хоронили землемѣра; она была блѣдна и убита горемъ.

Съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ я въ столовую. Тамъ, кромѣ Урсулы, насъ дожидалась Аннеке, Приссила, тетушка Мери и Франкъ. Но при первомъ взглядѣ на нее, я совершенно успокоился: никогда не видалъ я ее прелестнѣе. Ея русые волосы, розовыя щечки, блестящіе глаза, составляли живую противоположность съ ея траурнымъ платьемъ. Черты ея приняли снова прежнюю свѣжесть и очаровательность.

Удивленіе выразилось на лицахъ моихъ родителей, когда они увидѣли миссъ Мальбонъ. Она съ увѣренностью поднялась со стула и граціозно поклонилась намъ. Урсула чувствовала, что должна была обращаться теперь, не какъ племянница землемѣра, но какъ дѣвица хорошей фамиліи, вполне понимающая свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, участь Мальбоновъ совершенно измѣнилась. Дядя извѣщалъ Франка о смерти единственнаго сына своего и призывалъ его къ себѣ съ Урсулою. Онъ писалъ въ своемъ письмѣ, что усыновляетъ ихъ и дѣлаетъ наследниками своихъ богатствъ.

Мать моя была восхищена этимъ поклономъ. Правда, она положила уже себѣ заранѣе обходиться съ Урсолою, какъ съ дочерью. Даже самъ генераль, который думалъ иначе, долженъ былъ слать на капитуляцію свое сердце.

Спусти два часа послѣ завтрака, бабушка отвела меня въ сторону.

— Послушай, Мордоунтъ, теперь когда я узнала Урсуду Мальбонъ, я могу сказать тебѣ: женись на ней... Это будетъ отличная партія, если притомъ старый Мальбонъ не перемѣнитъ своего рѣшенія.

Добрая бабушка! Она до послѣдней минуты своей жизни думала, что она была виновницею моего брака съ Урсолою.

Генераль Литтльпеджъ и полковникъ надолго задержали насъ въ Ревнестѣ, потому-что они непремѣнно хотѣли лично осмотрѣть все свои имѣнія. Маменька и тетюшка Мери не жаловались на это и жили весело, тѣмъ болѣе, что эта мѣстность напоминала имъ прошедшее. Франкъ ухажалъ къ дядѣ. Въ его отсутствіе все было приготовлено къ моей свадьбѣ съ его сестрою. Наконецъ, прошло два мѣсяца послѣ смерти землемѣра, траурное время кончилось и мое счастье наступило. Насторъ пріѣхалъ изъ Альбани благословить насъ.

Мать моя не выпускала изъ своихъ объятій Урсуду, и я, къ величайшей своей радости, замѣтилъ, что будущая жена моя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обворожала наше семейство.

— Никогда не была я такъ счастлива, какъ нынѣ! сказала мнѣ однажды Урсуда, прогуливаясь со мной по лугамъ; до сихъ поръ я не знала, что значить имѣть мать; правда, мой дядя-землемѣръ любилъ меня до чрезвычайности и дѣлалъ все, что мнѣ было угодно, но его ласки не вполне удовлетворяли меня: я искала чего-то другаго и теперь нашла это на груди твоей матери!.. Благодарю тебя, Мордоунтъ, за эту участь, приготовленную мнѣ, за то, что ты далъ мнѣ отца, далъ мнѣ мать и сестеръ... Кто не позавидуетъ мнѣ? Я обожаю всѣхъ ихъ, потому-что онѣ замѣнили мнѣ цѣлый міръ; для меня это лучшія и драгоценнѣйшія существа въ этой жизни.

— Очень радъ, Урсуда, что ты находишь себя счастливою... Но только я одного боюсь, чтобъ ты не забыла меня среди милыхъ для твоего сердца...

Урсуда улыбнулась, и этой улыбкой заставила меня откинуть въ сторону все мои опасенія...

Наконецъ мы были обвиняемы... церемонія происходила рано утромъ. Обѣдъ былъ молчаливъ, потому-что всякій былъ занятъ своими мыслями. Маменька осыпала Урсуду поцѣлуями и материнскими благословеніями. Генераль присоединился къ ней на помощь.

Моя молодая жена была растрогана до глубины души, и слезы неволью текли изъ ея глазъ.

— Мордоунтъ прекрасной малой! вскричалъ батюшка, онъ любить, какъ нельзя болѣе... Но если онъ осмѣлится на вашемъ лицѣ отразить хотя малѣйшую тѣнь печали, тогда скажите мнѣ: я распоряжусь съ нимъ.

— Вамъ нечего бояться за Мордоунта, сказала бабушка, онъ настоящій Литтльпеджъ, — а все Литтльпеджи превосходные мужья. Мордоунтъ вылитый дѣдушка, когда тотъ былъ еще молодъ... Богъ да благословитъ васъ, моя дочь; когда вы пріѣдете осенью въ Сатанстоу, я покажу вамъ портретъ моего генерала.

Къ концу медоваго мѣсяца, я замѣтилъ, что люблю Урсуду болѣе, чѣмъ прежде... Я никогда не думалъ еще, что это можетъ случиться... Впрочемъ, такія ли вещи творятся въ мірѣ!... Изъ Ревнесты, мы отправились въ Дилаксбушъ, гдѣ я имѣлъ удовольствіе ввести мою жену въ свѣтъ....

Она тотчасъ же заняла въ немъ мѣсто, приличное ея достоинству.

Между тѣмъ, новый домъ подвигался къ концу. Въ слѣдующую зиму, мы отпраздновали въ немъ Рождество.

Наше семейство увеличилось тогда еще однимъ членомъ: Урсуда родила мнѣ сына.

Нужно ли прибавлять, что Франкъ и Приссильла, Томъ и Катя женились вскорѣ послѣ насъ, — и что они были также счастливы какъ я съ Урсолою?

Старый Мальбонъ умеръ зимою и оставилъ все свое богатство двоюродному брату. Франкъ хотѣлъ раздѣлить его съ сестрою, но я воспротивился этому. Я взялъ Урсуду только для нея самой, и сердце ея было для меня выше всѣхъ сокровищъ. Какъ я думалъ въ 1785 году, такъ я думаю и теперь.

Мнѣ кажется, что я не сдѣлалъ злоупотребленія изъ даровъ, вѣщанныхъ мнѣ Провидѣніемъ; но изъ всѣхъ этихъ даровъ я болѣе дорожилъ однимъ—это Урсолою.

Я долженъ также сказать нѣсколько словъ о Джашѣ и Сускуэзусѣ.

Оба они еще живутъ до-сихъ-поръ—въ Ревнестѣ. Я выстроилъ для Индѣйца, въ небольшомъ разстояніи отъ дома, маленькую хижину, на краю знаменитаго рва. Вотъ двадцать лѣтъ, какъ онъ живетъ здѣсь и надѣется тутъ же умереть. Онъ уже сдѣлался старъ, но все еще силенъ и бодръ, такъ что я надѣюсь, что онъ достигнетъ весьма легко ста лѣтъ. Старый Джапъ не уступаетъ Индѣйцу и до-сихъ-поръ держится прямо. Онъ никогда не разлучается съ Сускуэзусомъ. Даже зимою они отправляются вмѣстѣ на охоту и никогда не приходятъ безъ добычи.

Джапъ живетъ въ нашемъ домѣ, но проводитъ половину дня въ вигамѣ Индѣйца: такъ мы называли его жилище. Оба друга иногда ссорятся между собою, но эти ссоры всегда оканчиваются мирною.

Большую частію эти споры происходятъ за различіе мнѣній въ нѣкоторыхъ пунктахъ нравственной философіи и въ нѣкоторыхъ взглядахъ на прошедшее и будущее.

Лавинія осталась при насъ и потомъ вышла за одного изъ моихъ фермеровъ. Въ первые мѣсяцы, послѣ моей свадьбы, она казалась мнѣ печальною и задумчивою.

Вѣроятно, она тосковала тогда по своему семействѣ... Но теперь эта тоска прошла и она сдѣлалась веселою и счастливою. Она наша сосѣдка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрная подруга моей жены, которая очень любитъ ее. Особенно, она оказала намъ услугу, когда захворалъ нашъ сынъ.

Упомянуть ли о Ньюкомѣ? Онъ дожилъ до глубокой старости и умеръ недавно. До послѣдняго конца жизни, его считали самымъ честнѣйшимъ человѣкомъ.

Но судьба не оставила его безъ наказанія. Увлеченный корыстію, онъ пустился въ разныя спекуляціи и совершенно разорился. Дѣти его, которые живутъ недалеко отъ насъ, во всемъ похожи на него.

Больше, кажется, ничего не остается сказать... Да, позабыли тетущка Мери скончалась отъ оспы. Свое имѣніе она оставила моимъ сестрамъ и госпожѣ Тинъ-Эйкъ, которая была двоюродною сестрою ея незабвеннаго жениха. Маленька долго плакала о смерти своего друга, и мы вполнѣ раздѣляли ея печаль. Мы имѣли утѣшеніе, что она будетъ счастливѣе тамъ.

Я поставилъ на могилѣ землемѣра красивенькій памятникъ. Дѣти мои каждый день приходятъ къ нему и читаютъ простую надпись, вырѣзанную на немъ. Они всегда съ уваженіемъ произносятъ имя своего дяди-землемѣра.

СЭРЪ АРТУРЪ.

РАЗСКАЗЪ МОРИЦА ГАЛЛЕРА.

(Переводъ съ Нѣмецкаго.)

Въ 1837 году, я пріѣхалъ въ Берлинъ, съ намѣреніемъ продолжать мои теоретическія занятія, которыя я, съ такимъ усердіемъ, началъ въ другихъ университетехъ южной Германіи, и, не имѣя въ этомъ большомъ городѣ ни одного знакомаго мнѣ человѣка, я очень обрадовался случаю, который меня сблизилъ съ профессоромъ М.... Его домъ привлекалъ къ себѣ многихъ ученыхъ и молодыхъ путешественниковъ; познаніе языковъ, обширныя свѣдѣнія и любовь къ наукамъ и искусствамъ поставили его въ постоянное сношеніе съ писателями и учеными, и въ назначенный для пріема гостей день, зала его наполнялась всегда множествомъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ можно было всегда найдти людей, составлявшихъ, въ тогдашнее время, славу и гордость Германіи.

Въ числѣ иностранцевъ, посѣщавшихъ профессора М.... болѣе всѣхъ обратилъ на себя мое вниманіе молодой Англичанинъ, котораго я уже встрѣчалъ нѣсколько разъ, но не имѣлъ до того времени случая съ нимъ познакомиться. Онъ былъ настоящимъ представителемъ англійскаго джентльмена; будучи высокого роста, съ свѣтлорусыми волосами и блѣднымъ цвѣтомъ лица, сэръ Артуръ отличался прекраснымъ обращеніемъ, но былъ молчаливъ, холоденъ ко всему, и не имѣлъ, какъ казалось, никакой цѣли и надежды въ этой жизни. Онъ оказывалъ расположение только къ музыкѣ и къ естественнымъ наукамъ, которыми занимался съ большимъ прилежаніемъ. Профессоръ М... какъ врачъ, былъ однажды къ нему приглашенъ, для освидѣтельствованія его болѣзни, и убѣдился, что его страданія происходили не отъ разстройства тѣла, но имѣли основаніемъ моральныя причины. Въ намѣреніи вылечить его, онъ далъ ему случай заняться съ большимъ прилежаніемъ физіологіей, ботаникой и минералогіей, полагая, что разсѣяніе и занятія скорѣе прекратятъ его страданія, чѣмъ всякія другія средства. Съ своей стороны, сэръ Артуръ съ необыкновеннымъ прилежаніемъ сталъ изучать эти науки и, чувствуя особое расположеніе и довѣріе къ профессору, постоянно являлся къ нему по вторникамъ, въ день, назначенный для приѣма гостей, но въ здоровьѣ своемъ поправлялся медленно, и даже съ каждымъ днемъ дѣлался еще мрачнѣе и суровѣе.

Однажды вечеромъ, мы сидѣли втроемъ, именно: сэръ Артуръ, профессоръ М... и я. Молодой Англичанинъ говорилъ мало, и голосъ его казался болѣе меланхолическимъ, чѣмъ прежде; изъ устъ его вырывались иногда несвязныя фразы, послѣ которыхъ онъ опять погружался въ мрачную задумчивость. Мы съ сожалѣніемъ и участіемъ смотрѣли на молодого человѣка, который отличался добротою сердца, былъ скромный, великодушный и оказывалъ большія дарованія, но, по причинѣ, неизвѣстнаго намъ, душевнаго его страданія, видимо приближался къ могилѣ.

Зная, что онъ любитъ музыку, я предложилъ ему прослушать пѣсню, которую я исполнялъ довольно хорошо, и которая, какъ я зналъ, была сочинена Англичанкою. Приблизившись къ фортепiano, я началъ пѣть и, окончивъ пѣсню, хотѣлъ обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ вдругъ замѣ-

тилъ, что онъ находится въ безпамятствѣ и что профессоръ М.... и его жена употребляли всѣ средства для приведенія его въ чувство. Прийдя въ себя, онъ долго не понималъ своего положенія, озирался вокругъ себя мутными глазами и наконецъ, въ смущеніи, сталъ извиняться передъ профессоромъ въ слабости, которую онъ считалъ недостойною себя, но которой подвергся противъ воли и какъ бы непреодолимою силой.

— Я вамъ долженъ объяснить причину моего обморока, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, показался вамъ не только страннымъ, но даже смѣшнымъ; въ особенностн же вамъ, прибавилъ онъ, обратившись ко мнѣ, потому-что вашнз пѣніемъ вы безъ всякаго намѣренія разстроили мои сердечныя раны. Ваше пѣніе напомнило мнѣ одну англійскую пѣсню, которая была въ большомъ употребленіи у моихъ соотечественниковъ во время моихъ дѣтскихъ лѣтъ; эту пѣсню я люблю и до сихъ-поръ, хотя она возбуждаетъ во мнѣ самыя грустныя воспоминанія... Если вы мнѣ позволите рассказать вамъ исторію моей жизни и моихъ страданій, то вы увидите причину моей слабости, и, надѣюсь, извините меня великодушно.

Мы, конечно, не опустили случая узнать его душевныя тайны и изъявили готовность слушать его, и онъ сталъ намъ рассказывать слѣдующее:

I.

«Я принадлежу къ благородной, но бѣдной фамиліи. Мой отецъ, флотскій офицеръ, умеръ на сороковомъ году жизни, въ то время, какъ мнѣ было всего восемь лѣтъ; моя мать послѣдовала за нимъ въ скоромъ времени, и я остался на свѣтѣ круглымъ и беззащитнымъ сиротой. Въ это время, одинъ изъ братьевъ моего отца подаль мнѣ руку помощи и, заботясь о моей участи, помѣстилъ меня въ воспитательный институтъ, недалеко отъ Лондона, согласившись ежегодно платить за мое воспитаніе небольшую сумму. Дядя мой Вилліамъ былъ также не богатъ; служа во флотѣ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, онъ, въ

молодыхъ еще годахъ, женился по любви; не имѣя достаточныхъ средствъ для содержанія семейства, онъ сверхъ того, долженъ былъ оставить службу изъ-за одной дуэли и жить только процентами съ небольшого капитала, который онъ помѣстилъ у одного лондонскаго банкира. Рана, полученная имъ на дуэли, привѣчила его до того, что онъ не могъ уже надѣяться снова поступить на службу и долженъ былъ поэтому удалиться въ небольшое имѣніе, гдѣ онъ велъ тихую и уединенную жизнь. Сельскій домикъ, въ которомъ онъ жилъ, имѣлъ невзрачную и бѣдную наружность, но заключалъ въ себѣ сокровища добродѣтели, любви и незабвеннаго счастья.

Воспитательный институтъ, въ который я былъ помѣщенъ, находился на разстояніи десяти миль отъ мѣста жительства моего дяди. Когда учителя бывали довольны моимъ прилежаніемъ, то мнѣ разрѣшалось по воскресеньямъ посѣщать моего дядю, и это обстоятельство заставляло меня, всего болѣе, учиться хорошо. Я не зналъ большаго удовольствія, какъ посѣщать маленькій домъ своего дяди, который я считалъ отеческимъ кровомъ, и гдѣ былъ увѣренъ всегда найти самый ласковый и радушный приемъ. На порогѣ встрѣчала меня обыкновенно моя двоюродная сестра Мери, которая изъ своего окна замѣчала меня уже издалека. Сэръ Вилліамъ встрѣчалъ меня всегда пожатіемъ руки, а тетенька моя заготовляла для меня разныя сласти. Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался бегать, т. е. уже около шести мѣсяцевъ, я предавался разнымъ удовольствіямъ, чтобы хоть нѣсколько себя разсѣять, но сердце мое оставалось холодно, и я охотно отказался бы отъ наслажденій, представляемыхъ роскошью, чтобы одинъ только разъ, одинъ день, провести еще въ маленькомъ домикѣ съ моею двоюродной сестрою.

Мери во всемъ походила на свою мать; съ каждымъ днемъ появлялись въ ней новыя достоинства. Четырнадцати лѣтъ она была такого же роста, какъ и я, но стройна, граціозна и до крайности учтива и предупредительна. Я былъ тремя годами старше ея, и мы обходились другъ съ другомъ, какъ родные братъ и сестра.

Достигнувъ девятнадцатилѣтняго возраста, я кончилъ курсъ воспитательнаго института и, получивъ прекрасный аттестатъ, поѣхалъ немедленно къ моему дядѣ для извѣщенія

его о такомъ радостномъ для меня событіи. Приѣхавъ къ нему въ домъ, я узналъ, что дядя вмѣстѣ съ теткой отправились куда-то, а двоюродная сестра моя оставалась дома. Съ самаго начала, я былъ пораженъ задумчивымъ ея видомъ, и узналъ въ скоромъ времени, что ея мать больна и что врачъ опасается развитія у нея чахотки, отъ которой, по его мнѣнію, можно было излечиться или по-крайней-мѣрѣ получить значительное облегченіе въ болѣе умѣренномъ климатѣ южной Франціи; сырой же климатъ Англіи для ея болѣзни, по увѣренію врача, составлялъ медленный, но вѣрный ядъ. Когда докторъ удалился, сэръ Вилліамъ сталъ разсчитывать издержки, необходимыя для переѣзда во Францію, и убѣдился, что его доходы далеко недостаточны для осуществленія такого предположенія; это такъ огорчило стараго моряка, что онъ нѣсколько времени проливалъ самыя горькія слезы и, по увѣжденію самой больной, для разсѣянія себя, рѣшился сдѣлать небольшую прогулку.

Этимъ извѣстіемъ Мери поразила меня при самомъ моемъ приѣздѣ; съ своей стороны, и я сообщилъ ей затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находился по случаю выхода изъ заведенія, и необходимость избрать для себя занятія, которыя бы могли обезпечить мою жизнь. Опасеніе о моеи будущности и страхъ незвѣстности отразились на лицѣ Мери, и еще болѣе увеличили ея грусть и задумчивость. Я сѣлъ подлѣ нея, и мы нѣсколько времени говорили на-единѣ. Служить во флотѣ или въ арміи, Мери мнѣ не совѣтовала, потому-что знала очень хорошо какого рода эта служба и какъ мало она обезпечиваетъ человѣка; званіе купца не представлялось мнѣ привлекательнымъ, и я не чувствовалъ никакого къ нему расположенія. Посвятить себя изученію медицины, казалось для меня всего лучше, но для этого не доставало мнѣ тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя необходимы въ моемъ отечествѣ для слушанія полнаго медицинскаго курса. Но долгомъ разсужденій, мы наконецъ рѣшили, чтобы я испыталъ свое счастье на литературномъ поприщѣ; я надѣялся въ скоромъ времени приобрести извѣстность, постояннымъ своимъ трудомъ зарабатывать деньги и, составивъ себѣ небольшой капиталъ, возвратиться сюда и доставить средства Мери и ея родителямъ ѣхать въ Италію, гдѣ теплый и благодѣтельный воз-

духъ могъ бы имѣть самое благодѣтельное вліяніе на здоровье моеи тетушки.

— Ты увидишь, любезная Мери, сказала я ей: ты увидишь, какъ я буду трудиться! Въ скоромъ времени я составлю себѣ маленькій капиталъ, и тогда я съ тобою уже болѣе не разстанусь.

При этомъ увѣреніи, я пожалъ ей обѣ руки и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза; я замѣтилъ, что щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ и чувствовалъ, что я самъ находился въ какомъ-то невольномъ положеніи, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета.

Въ это же время вошелъ въ комнату мой дядя, посмотрѣлъ на насъ и нахмурилъ брови. Узнавъ предметъ нашего разговора, онъ похвалилъ мое рѣшеніе испытать свои способности на литературномъ поприщѣ, потому-что гордость его не позволяла ему согласиться, чтобы я принялъ званіе, не соответствующее дворянскому достоинству, а недостаточныя его средства не позволяли ему помочь мнѣ. Притомъ поприще, которое я для себя избралъ, подавало мнѣ большія надежды на скорый успѣхъ. На другое утро, я отправился въ Лондонъ, послѣ трогательнаго прощанія.

— Мы увидимся въ скоромъ времени и не разстанемся болѣе никогда, говорили мы другъ другу; настанетъ время, когда мы будемъ болѣе счастливы, чѣмъ теперь.

Въ Лондонѣ, я остался опять совершенно одинокимъ, какъ и прежде въ институтѣ; я не имѣлъ ни одного человѣка, который бы позаботился обо мнѣ и помогалъ мнѣ въ дѣлахъ моихъ, и поэтому послѣдствія были совсѣмъ не таковы, какъ ихъ я ожидалъ. Литераторы, которымъ я былъ рекомендованъ, приняли меня чрезвычайно вѣжливо и ласково, но не читали моихъ драмъ; редакція газеты, въ которой печатались мои статьи, не платила мнѣ денегъ, и мои мечты проходили и исчезали одна за другою.

Два года уже прошло, а мои дѣла все еще не устранивались, и я не получалъ ни одного письма отъ моего дяди. Наконецъ онъ меня извѣстилъ, что Мери груститъ, а ея мать все болѣе и болѣе приближается къ смерти и теперь находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Получивъ это письмо, я не въ состояніи былъ болѣе заниматься и наконецъ рѣшился идти къ своимъ родственникамъ, у которыхъ я провелъ столько

счастливыхъ и радостныхъ дней, и куда меня теперь влекла какая-то непреодолимая сила. Пѣшкомъ отправился я въ дорогу и думалъ только о радостяхъ свиданія съ Мери, по чѣмъ ближе подходилъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ болѣе расположеніе моего духа становилось мрачнымъ и меланхолическимъ и какой-то непонятный страхъ и тяжкое предчувствіе овладѣло мною. Съ высоты холма, я увидѣлъ наконецъ этотъ домикъ, но онъ мнѣ показался мрачнымъ и молчаливымъ обыкновеннаго, и сердце мое спльно забилось.

Мери отворила мнѣ дверь; она такъ перемѣнилась, что я едва узналъ ее. Увидѣвъ меня, она вскрикнула отъ изумленія, но, въ скоромъ времени, со слезами на глазахъ, сообщила мнѣ, что ея мать находится въ опасномъ положеніи. Послѣ того, она пошла извѣстить своихъ родителей о моемъ приѣздѣ, и я вошелъ въ комнату. Мой дядя сидѣлъ у изголовья больной и, не сходя съ своего мѣста при моемъ входѣ, сдѣлалъ мнѣ только знакъ, чтобы я сѣлъ; большая же напротивъ радовалась моему прибытію, протянула ко мнѣ обѣ руки и привѣтствовала меня радостными слезами. Я схватилъ ея взохшія руки, покрылъ ихъ поцѣлуями и заплакалъ, какъ при близкой потере родной матери.

Нѣсколько дней я оставался у моихъ родныхъ. Все время почти мы проводили въ комнатѣ больной и хранили глубокое молчаніе. Наконецъ врачъ объявилъ, что тетушка находится въ опасности, и это извѣстіе такъ обрадовало всѣхъ, что сэръ Вилліамъ бросился въ его объятія, Мери заплакала отъ радости, а я смотрѣлъ на него, какъ на спасителя и избавителя. Въ это время, тетушка попросила Мери принести ей молитвенникъ и, потомъ обратившись къ врачу, сказала ему слабымъ голосомъ:

— Моя молитва и молитва моеи дочери будутъ вамъ сопутствовать вездѣ; въ знакъ благодарности, прошу васъ принять отъ меня эту книгу. Она составляетъ для меня самое драгоценное воспоминаніе дружбы, и я желала бы, чтобы и вамъ она напоминала о томъ поступкѣ, который вы оказали благодарному семейству!

Врачъ не хотѣлъ обидѣть тетушку отказомъ и взялъ отъ нея книгу, которую она подала дрожащими руками; но, по выраженію ея голоса, онъ тотчасъ же догадался, что она этимъ

подаркомъ приносить ему большую жертву. Поэтому онъ принялъ прежде всего мѣры для успокоенія больной, потомъ раскрылъ ея книгу, вынулъ изъ нея небольшую бумажку, на которой было написано нѣсколько стиховъ изъ Библии, служащихъ молитвою больнымъ и немощнымъ, и, обратившись къ Мери, сказалъ:

— Этотъ листокъ я сохрани въ знакъ воспоминанія, но книгу прошу васъ оставить у себя; вы въ ней найдете священные слова, которыми ежедневно можете благодарить Того, Который спасъ теперь вашу мать; я оказывалъ ей только попеченія, а воззвалъ ее къ жизни одинъ Онъ!

Этотъ разговоръ и обстоятельства, о которыхъ я узналъ послѣ того, какъ первая впечатлѣнія радости немного разсѣялись, открыли мнѣ вдругъ ужасное, беспомощное состояніе моего дяди. Для доставленія нужныхъ средствъ своей женѣ, онъ долженъ былъ тронуть свой капиталъ, издержавъ кромѣ того доходъ за два года. Такимъ образомъ небольшое его состояніе разстроилось еще болѣе, такъ что, въ послѣднее время, врачъ долженъ былъ отпускать лекарства безъ платы. Оказывать болѣе помощи онъ не могъ, потому-что самъ былъ недостаточнаго состоянія, а кромѣ него, ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ не принималъ въ несчастномъ семействѣ никакого участія. Вы не знаете, господа, какое отчаяніе овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ страданій и беспомощнаго состоянія тѣхъ, которыхъ онъ болѣе всего любитъ и уважаетъ—страданій, происходящихъ единственно отъ недостатка денегъ.

Я въ скоромъ времени убѣдился, что составляю тягость для моихъ родныхъ, потому по неволѣ долженъ былъ отказаться отъ счастья пробывать у нихъ въ домѣ еще нѣсколько времени. Я собрался, они меня не удерживали, хоть и оказывали ту же нелицемѣрную преданность, которую они ко мнѣ всегда питали. Мери проводила меня довольно далеко, и тогда только, на-единѣ, рѣшилась спросить меня, какъ идутъ мои дѣла и имѣю ли я надежду составить въ скоромъ времени какое-нибудь состояніе. Я не имѣлъ духа открыть ей всю горькую истину.

— Милый братъ Артуръ, сказала она въ заключеніе: я горевала при послѣднемъ нашемъ разставаньи, но имѣла все-

таки надежду увидѣть тебя въ скоромъ времени; а теперь и эта надежда меня оставила.

Я старался ее успокоить, но слова утѣшенія невольно замирали на моихъ устахъ.

По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, я былъ обрадованъ болѣе благоприятнымъ извѣстіемъ. Мое послѣднее твореніе имѣло значительный успѣхъ, и издатель, въ первый разъ, выплатилъ мнѣ за то порядочную сумму, которая составляла все мое богатство. Эти деньги я тотчасъ же отправилъ къ моимъ роднымъ для доставленія имъ средствъ къ удовлетворенію необходимымъ потребностей жизни, и признаюсь, что никогда не чувствовала такого удовольствія и радости, какъ при полученіи письма моего дяди, въ которомъ онъ благодарилъ меня за оказанную ему помощь. Съ этого времени я принялся за работу съ новымъ усердіемъ и скоро имѣлъ случай еще отправить нѣсколько денегъ, изъ полученныхъ мною за другое сочиненіе. Мой дядя благодарилъ меня опять, но изъ письма его я замѣтилъ въ немъ какую-то безнадежность и отчаяніе, которыя до крайности огорчили меня.

«Любезный другъ, писалъ онъ мнѣ между прочимъ, не женясь до тѣхъ поръ, пока достаточно не обеспечишь своего состоянія. У меня сердце обливается кровью, при видѣ страданій, меня окружающихъ. Если бъ я былъ одинъ, то терпѣливо могъ бы перенести нищету, но страданія моей жены и моей единственной дочери приводятъ меня въ отчаяніе; безъ тебя они должны были бы умереть голодною смертію. Богъ воздастъ тебѣ за твои дѣла! Съ своей стороны, прошу тебя объ одномъ: никогда не женись по одной склонности и любви, но помни примѣръ роднаго дяди, который отъ нищеты дошелъ до самаго ужаснаго состоянія!»

Здоровье тетушки поправлялось довольно медленно. Я съ намѣреніемъ нѣсколько времени не посѣщалъ ее, чтобы не потерять драгоценнаго времени, которое я могъ употребить съ большею пользою. Наконецъ я получилъ письмо отъ Мери, въ которомъ она меня извѣщала, что врачъ снова совѣтуетъ тетушкѣ отправиться въ южную Францію, теплый и здоровый климатъ которой могъ быть полезенъ какъ для нея, такъ и для дяди. Деньги, посланные мною въ послѣдній разъ, доставляли имъ средство отправиться въ дорогу, а сэръ Вилліамъ

надѣлся, по прибытіи во Францію, употребить въ дѣло свои таланты и познанія, для обезпеченія своего семейства.

Это письмо меня очень испугало; машинально я прочелъ его нѣсколько разъ, и тысяча мрачныхъ мыслей родились въ моей головѣ. При всемъ томъ, я все еще не вѣрилъ, чтобы это предположеніе было приведено въ исполненіе, потому-что мысль о разлукѣ съ Мері для меня казалась дѣломъ несбыточнымъ. Я отправился къ дядѣ и нашелъ всѣхъ ихъ въ страшныхъ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ предназначенной поѣздкѣ. Мері была покрыта смертною блѣдностію и не произносила ни слова, но, казалось, предалась вполне своей судьбѣ; я, напротивъ, не могъ оставаться равнодушнымъ и представлялъ дядѣ всѣ затрудненія путешествія. Вместо отвѣта, онъ только указалъ мнѣ на голыя стѣны, смоченныя дождемъ, который медленно стекалъ на полъ. Послѣ того я хотѣлъ обратиться къ тетускѣ, чтобы уговорить ее остаться, но, при взглядѣ на нее, слова замерли на моихъ устахъ, и я вполне понималъ всю необходимость этого путешествія. Тогда я предложилъ себя въ ихъ спутники, надѣясь быть имъ полезнымъ во время дороги, но они представили мнѣ всю неосновательность и необдуманность такого предложенія. Наконецъ я собралъ все свое мужество и признался сѣру Вилліаму въ любви своей къ Мері, безъ которой я не могъ болѣе существовать. Дядюшка, сказалъ я ему если Богу угодно, чтобы мы съ вами разстались, то прошу васъ объ одномъ, еще до вашего отъѣзда, отдать мнѣ руку вашей дочери, потому-что безъ нея жизнь для меня есть мученіе!

— Безумный, отвѣчалъ дядя, ты самъ не знаешь, чего просишь. Я скорѣе желалъ бы видѣть Мері мертвою и тебя также, чѣмъ согласиться на твое неосновательное предложеніе.

При этихъ словахъ, несчастная дѣвушка невольно опустила на колѣни передъ матерью, которая заключила ее въ свои объятія, а я остался на мѣстѣ какъ окаменѣлый.

— Ты насильно хочешь идти по моимъ слѣдамъ! Развѣ ты не знаешь, что уже слишкомъ три года я нахожусь въ самомъ безпомощномъ состояніи? Развѣ ты желаешь жениться на Мері для того только, чтобы видѣть какъ она день ото дня будетъ увядать и приближаться къ ранней могилѣ... Ты, вѣроятно,

желаешь имѣть дѣтей для того, чтобы они проклинали тебя за свое существованіе и умерли бы голодною смертію? Если ты желаешь меня еще когда-нибудь увидѣть, если ты боишься моего проклятія; то никогда не долженъ говорить объ этомъ бракѣ.

Оглушенный какъ громомъ, я вышелъ изъ дому въ сопровожденіи Мері.

— Ты видишь какое дѣйствіе произвели надъ мной отцомъ нужда и страданія; мы сами не узнаемъ его теперь, какъ онъ прежде былъ добръ и заботливъ. Приди опять завтра, по не помниай ничего о моемъ предложеніи. Мы снова будемъ, цѣлую недѣлю, съ тобою счастливы, а послѣ того положимъ всю свою надежду на Бога, Который услышитъ наши молитвы и, по милосердію Своему, исполнитъ наши желанія!

Я послѣдовалъ совѣту Мері и возвратился на другой день въ домъ сэра Вилліама, который меня принималъ съ тѣмъ же расположеніемъ какъ и прежде, забывъ какъ будто о сдѣланномъ мною предложеніи. Тетуска также оказывала мнѣ прежнее вниманіе, а присутствіе Мері доставляло мнѣ такое блаженство, о какомъ я никогда не могъ и мечтать.

Цѣлая недѣля прошла, какъ сладкій сонъ, въ безмятежной тишинѣ и безъ мысли о будущемъ. Въ эти счастливые дни я написалъ въ молитвенникѣ Мері старую пѣсню, которую въ недавно пропѣли въ переводѣ и которая мною переложена въ слѣдующіе стихи:

There is a flower, which oft unheeded grows
Beneath the radiance of a summer's day,
And though this little flower no magic discloses,
Yet will it tell thee all I wish to say.
And when we are parted by the raging sea,
And when I know not what may be the lot,
I'll send this flower a messenger to thee,
And it shall whisper thus: «Forget me not.»

* Есть цвѣтокъ, который незаметно цвѣтетъ при сіяніи солнечныхъ лучей жаркаго лѣтнаго дня; этотъ цвѣтокъ хоть и не обладаетъ никакимъ волшебнымъ качествомъ, но можетъ тебѣ высказать все то, что я желаю тебѣ переложить. Если насъ и раздѣлитъ бурное море, если я и не буду знать о твоей участи, то этотъ цвѣтокъ будетъ для тебя вѣстникомъ моей судьбы и скажетъ тебѣ: «не забудь меня.»

Вы видите теперь, продолжалъ сэръ Артуръ, обратившись ко мнѣ, сколько воспоминаній заключаютъ въ себѣ эти стихи, которые вы мнѣ пропѣли, и потому надѣюсь, будете снисходительнѣе къ моей слабости.

— Я и не думалъ упрекать васъ въ слабости, сказалъ я ему: но желалъ бы знать, что случилось съ вами послѣ.

— Я этого и не скрываю, отвѣчалъ онъ; я провелъ еще нѣсколько дней съ моей кузиною и старался покориться своей участи. Въ полдень, мы отправлялись съ нею гулять, пользуясь первыми весенними лучами солнца. Мы вмѣстѣ удивлялись безоблачному небу, пѣнистымъ струямъ водопада, раннимъ цвѣткамъ, распускавшимся подъ прикрытiемъ высокихъ скалъ, и свѣжей зелени, которою деревья уже стали покрываться. Попеременно, то я читалъ ей мои стихи, то она восхищала меня своими пѣснями, и мы слушали другъ друга и были счастливы. Ея чистый и звучный голосъ раздавался на далекое пространство. Величiе и безмятежность природы составляли для насъ новую прелесть при сознанiи той высокой любви, которую мы питали другъ къ другу. По временамъ мрачная мысль о скорой нашей разлукѣ приходила намъ на память и заставляла насъ задумываться, но она скоро исчезала передъ мыслию о настоящемъ кратковременномъ счастiи, которое мы вполне цѣнили. Эти незабвенныя прогулки вѣзались съ того времени въ мою память, и я до-сихъ-поръ припоминаю себѣ ландшафты, въ виду которыхъ мы передавали другъ другу наши мысли и чувства и клялись въ вѣчной и неизмѣнной любви. Если мнѣ случается теперь услышать пѣсни, которыя пѣла Мери, то невольная дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу; и въ моихъ глазахъ навертываются слезы при видѣ тѣхъ цвѣтковъ, изъ которыхъ она вила мнѣ вѣнки.

Наши прогулки дѣлались съ каждымъ днемъ продолжительнѣе и намъ каждый разъ стоило большихъ трудовъ разставаться. Каждое утро я назначалъ для себя временемъ отъѣзда, но, при восходѣ солнца, мы снова отправлялись гулять, желая воспользоваться послѣдними минутами счастiя, которыя мы могли проводить вмѣстѣ....

Извините меня, что я такъ распространился при воспоминанiи о прежитыхъ минутахъ счастiя; онѣ составляютъ для меня

точку сiянія, а послѣдующая моя жизнь только тѣнь моихъ воспоминанiй. Часть разлуки наконецъ настала. Мы сидѣли за завтракомъ и, ни я, ни Мери не могли приняться за чашку чая. Давно ожидавшая минута приближалась все болѣе и болѣе и мы не рѣшались даже бросить взгляда другъ на друга, чтобы не предаться отчаянiю. Вдругъ часы пробили 9 и каждый ударъ молотка отозвался въ моемъ сердцѣ болѣзненнымъ образомъ. Молчаливо встали мы изъ-за стола и въ скоромъ времени Мери машинально вошла въ карету, которая увлекла отъ меня мое счастiе и разсѣяла всѣ мои надежды.

Сэръ Виллиамъ увѣдомилъ меня о прибытiи своемъ въ Марсель, и извѣщалъ по временамъ, въ продолженiе цѣлаго года. Послѣ того, письма сдѣлались рѣже и рѣже и наконецъ прекратились вовсе; это обстоятельство меня обезпокоило тѣмъ болѣе, что, для отправленiя писемъ, дядя долженъ былъ франкировать ихъ до Кале, и что неполученiе ихъ я приписывалъ единственно недостатку денегъ. Для полученiя какихъ-либо о немъ извѣстiй, я отправился къ его банкиру и тогда только узналъ всю ужасную истину: этотъ человекъ былъ объявленъ банкротомъ и съ небольшимъ состоянiемъ отправился въ Америку, разоривъ такимъ образомъ и тѣхъ, которые вручили ему свои капиталы. По несчастному стеченiю обстоятельствъ, и я долженъ былъ въ это же время испытать ударъ судьбы, потому-что газета, которою я занимался, прекратилась. Нѣсколько мѣсяцевъ я былъ въ ужасномъ безпокойствѣ о судьбѣ моихъ родныхъ; наконецъ я принялъ рѣшительное намѣренiе отправиться также въ южную Францію, чтобы получить извѣстiе о тѣхъ, которые для меня были всѣхъ дороже на свѣтѣ.

Я уже совершенно приготовился къ отправленiю въ Кале, какъ вдругъ получилъ извѣстiе, что младшiй братъ моего отца, служившiй въ остъ-индской компанiи, въ Бенгалѣ, умеръ бездѣтенъ и оставилъ моему дядѣ и мнѣ, какъ ближайшимъ наследникамъ, значительное состоянiе. Послѣ полученiя этого извѣстiя, я тотчасъ же купилъ себѣ дорожную карету и отправился въ южную Францію, съ твердымъ намѣренiемъ не прекращать до тѣхъ поръ моихъ розысковъ, пока я не найду моихъ родныхъ, безъ которыхъ жизнь для меня составляла страданiя. До того времени, я нигде рѣшительно не ѣздилъ и по-

этому воображалъ себя въ совершенно другомъ мѣрѣ. Лица тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ на пути, мнѣ казалось, сіяли радостію, потому-что мысль о скоромъ свиданіи съ Мерси и ея родителями, равно и радость ихъ при полученіи извѣстія о доставшемся имъ наслѣдствѣ, не оставляла меня ни на минуту. Когда я на пути встрѣчалъ прекрасныя мѣстоположенія и очаровательные виды, то воображалъ себя виѣсть съ Мерси наслаждающимся всеми прелестями богатства и думалъ, что наша жизнь отнынѣ впредь будетъ самая счастливая. По временамъ, при наступленіи ночи, мрачныя мысли овладѣвали мной, но, при первомъ сіяніи лучей восходящаго солнца, онѣ разсѣвались и улыбающаяся природа давала мнѣ другое, радостное направленіе.

Наконецъ я пріѣхалъ въ городъ Геръ, гдѣ жилъ дядя. Съ ужасомъ получилъ я извѣстіе, что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ покинулъ его и выѣхалъ неизвѣстно куда. Такимъ образомъ надежды, которыми я себя обольщалъ, дали мѣсто отчаянію, а счастье, которое я себѣ представлялъ такъ близко, показалось для меня навсегда недостижимымъ. Все, что я могъ узнать, состояло только въ нѣкоторыхъ показаніяхъ о бѣдности и недостаточномъ состояніи моего дяди, но достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, куда онъ отправился, я не могъ получить ни отъ кого. Одинъ говорилъ, что онъ отправился въ Парижъ, другіе—въ Германію и именно въ Берлинъ, гдѣ постоянно жилъ одинъ изъ нашихъ родственниковъ. Я рѣшился отыскивать его прежде всего въ Германію, куда отправленіе его казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Я поѣхалъ сюда, но все мои старанія отыскать ихъ остались до-сихъ-поръ безуспѣшными. По прибытіи въ Берлинъ, я узналъ, что родственникъ нашъ цѣлый годъ тому назадъ ужъ умеръ и семейство его возвратилось въ Англію. Для полученія извѣстій о моемъ дяди, я обратился къ этому семейству, но не получилъ никакого положительнаго отвѣта. Я конечно не остался бы въ Берлинѣ такъ долго, если бы душевныя страданія, разстроившія совершенно мое здоровье, не заставляли меня остановиться здѣсь до моего выздоровленія. Теперь я уже получилъ значительное облегченіе, и поэтому, чрезъ нѣсколько дней, отправлюсь въ Парижъ, для отысканія сэра Вилліама и его несчастнаго семейства.»

Этими словами молодой человекъ окончилъ свой рассказъ, произведшій на насъ глубокое впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько времени, онъ дѣйствительно отправился въ Парижъ и я за нимъ въ скоромъ времени туда же послѣдовалъ. Встрѣтивъ его тамъ, я узналъ отъ него, что все старанія его отыскать семейство сэра Вилліама остались безъ всякаго успѣха и что онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, объявить о томъ въ газетахъ, съ обѣщаніемъ выплатить значительную сумму тому, кто укажетъ ему на слѣдъ сэра Вилліама и извѣститьъ объ его участи.

II.

Однажды, это было въ началѣ зимы, я возвращался изъ больницы и, переходя новый мостъ, замѣтилъ на набережной книжнаго торговца, который нѣсколько разъ поставлялъ мнѣ книги. Увидѣвъ меня, онъ предложилъ мнѣ купить пѣсни Беранже, которыя я давно уже велѣлъ ему принести. Купивъ этотъ томикъ, я обратилъ вниманіе на небольшую книжечку въ новомъ кожаномъ переплетѣ и узналъ, что это былъ молитвенникъ англиканской церкви.

— Не правда ли хорошенькая книжечка? сказала мнѣ торговецъ.

Съ этими словами, онъ раскрылъ книгу, и я замѣтилъ испанскую страницу, на которой начертаны были извѣстные уже намъ англійскіе стихи, а внизу прежнее мѣсто жительства сэра Вилліама. Я увидѣлъ, что здѣсь была написана вся пѣсня, которую намъ читалъ сэръ Артуръ, и удостовѣрился вполне, что книжка эта есть та самая, про которую онъ намъ рассказывалъ. Я поспѣшилъ ее купить и просилъ торговца сообщить мнѣ, какимъ образомъ она ему досталась, потому-что я хотѣлъ вполне увѣриться въ истинѣ прежде, чѣмъ уведомить моего друга о такомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ.

— Я зашелъ вчера въ одинъ домъ, гдѣ мнѣ предложили купить старыя ненужныя книги, сказалъ торговецъ; въ то время, какъ я условливался въ цѣнѣ, ко мнѣ подошла молодая дѣвушка

и со слезами на глазах предложила мнѣ купить эту книгу. Я согласился на покупку только потому, что переплеть ее мнѣ до крайности понравился и что этимъ я, какъ казалось, могъ сдѣлать ей большое одолженіе, видя ее въ большой нуждѣ.

— Гдѣ же этотъ домъ? спросилъ я его петербургиво.

— Въ улицѣ Гренель, № 103, отвѣчалъ мнѣ торговецъ.

Это извѣстіе поразило меня до крайности. Нѣсколько дней тому назадъ, я заходилъ съ докторомъ Ройеромъ въ этотъ же домъ, для посѣщенія несчастной больной, занимавшей небольшую комнату на чердакѣ. За нею ухаживала молодая дѣвушка, вѣроятно, ее дочь, которая, какъ и ее мать, говорила мало и весьма худо по-французски и очень обрадовалась, когда я началъ разговоръ на ее природномъ языкѣ и сообщилъ ей утѣшительныя извѣстія о состояніи здоровья ее матери. Теперь только я понималъ всю важность этой встрѣчи и упрекалъ себя въ томъ, что не полюбопытствовалъ узнать ее фамилію. Я уже не сомнѣвался, что попалъ на слѣдъ именно той, которую сэръ Артуръ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отыскивалъ съ такою неутомимостію и постоянствомъ, и представлялъ себѣ его радость при свиданіи съ Мери и ее матерью.

Черезъ четверть часа, я остановился въ кабриолетѣ у указанного торговцемъ дома, постучалъ въ дверь и стремглавъ бросился на лѣстницу.

— Куда вы спѣшите и кого вамъ угодно? вскрикнула мнѣ старая привратница, высовывая голову изъ своей канурки.

— Къ двумъ Англичанкамъ, сказала я, въ четвертый этажъ.

— Англичанкамъ? У насъ Англичанокъ никакихъ нѣтъ, отвѣчала она недовѣрчиво.

— Однимъ словомъ, къ бѣдной женщины, которая живетъ съ единственною своею дочерью, блондинкою, отличающеюся изъяснимымъ и прекраснымъ личикомъ.

— Теперь я понимаю, кого вы спрашиваете; но вы уже

пришли слишкомъ поздно. Старушка и ее дочь еще вчера вечеромъ выѣхали отсюда и отправились Богъ знаетъ куда. Онѣ чрезвычайно бѣдны, въ комнатѣ своей не имѣли ни стула, ни кровати и часто по цѣлымъ днямъ оставались даже безъ всякой пищи. Я нѣсколько разъ давала имъ свой супъ, изъ опасенія, чтобы онѣ не умерли съ голоду. Такого пароду у насъ въ домѣ довольно.

— Но не знаете ли вы, куда онѣ отсюда отправились?

— А Богъ ихъ знаетъ, отвѣчала привратница хладнокровно: намъ некогда объ этомъ справляться.... А впрочемъ, говорить вамъ объ этомъ еще нечего: вы пойдете въ Парижъ и не одну блондинку, которая будетъ въ тысячу разъ лучше этой.

Съ досадою оставилъ я домъ, въ которомъ не могъ добиться удовлетворительнаго отвѣта; тѣмъ болѣе мнѣ это было неприятно, что я уже напередъ себѣ представлялъ радость сэра Артура при свиданіи его съ двоюродною сестрою. Всѣ мои предположенія рушились мгновенно, какъ сладкій сонъ. Придя домой, я остановился на мысли, что молодая дѣвушка не двоюродная сестра сэра Артура, потому-что объ отцѣ ее не было и рѣчи.

Между тѣмъ, желая въ этомъ увѣриться, я на другое утро отправился къ сэру Артуру. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и тѣмъ болѣе радъ былъ свиданію со мною, что здоровье его было чрезвычайно слабо. Поговоривъ съ нимъ о разныхъ вещахъ, я наконецъ навелъ разговоръ на предметъ его страсти и спросилъ между прочимъ: не русые ли волосы у Мери и не голубые ли у нея глаза?

— Почему вы это такъ хорошо знаете, спросилъ онъ, нѣсколько развеселившись: я вамъ этого до-сихъ-поръ не говорилъ.

— Конечно говорили, сказалъ я ему, иначе какъ бы мнѣ объ этомъ знать?... Я васъ спрашиваю объ этомъ, рѣшительно безъ всякой цѣли и намѣренія.

Сэръ Артуръ оставилъ мою руку, которую онъ до того вре-

менн судорожно сжималъ и погрузился опять въ свои мрачныя мысли. Но, съ своей стороны, я вполне удостоверился, что молодая дѣвушка и ея мать были его родственницы и поэтому принялъ рѣшительное намѣреніе отыскать ихъ, во что бы то ни стало. Мои старанія оставались тщетны. Даже докторъ Ройеръ не могъ мнѣ дать свѣдѣнія о несчастной больной, которую онъ нѣсколько времени посѣщалъ и пользовалъ.

Нѣсколько дней сряду, я старался открыть слѣды родственницъ Артура, но безъ всякаго успѣха. Однажды утромъ, я зашелъ къ доктору, чтобы слушать у него лекціи, и въ передней замѣтилъ нѣсколькихъ паціентовъ, которые ожидали доктора, надѣясь воспользоваться его совѣтами для облегченія своихъ болѣзней. Въ это время, совершенно для меня неожиданно, и къ величайшему моему удивленію, вошла въ переднюю молодая Англичанка. Увидѣвъ ее, я вскопчилъ съ мѣста и этимъ движеніемъ привелъ ее въ трепетъ; но я скоро успокоилъ ее, заговоривъ съ нею на природномъ ея языкѣ.

— Какъ я радъ что васъ вижу, сказалъ я; вы не могли придти сюда болѣе кстатн. Скажите, пожалуйста, какъ здоровье вашей матушки и гдѣ вы теперь живете?

— Маменька очень больна, отвѣчала она со слезами на глазахъ и этимъ отвѣтомъ привела меня въ большое смущеніе; если бъ ей не угрожала опасность, то я ни за что бы не рѣшилась придти сюда...

— Утѣштесь, сударыня, и благодарите Бога за то, что онъ привелъ васъ сюда! Теперь можно надѣяться, что ея страданія прекратятся совершенно!.....

— Что вы говорите? неужели для спасенія моей матери нѣтъ уже никакихъ средствъ? спросила она въ ужасномъ страхѣ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, отвѣчалъ я ласково, вы должны надѣяться на лучшее, и я долженъ вамъ сообщить радостныя вѣсти. Но скажите прежде всего, гдѣ вашъ отецъ?

— Мой отецъ?... Такъ вы знали его?.....

— Неужели онъ умеръ? спросилъ я.

Мери, въ знакъ согласія, кивнула головою, и запласъ горькими слезами.

— Скажите же, что съ вашей матушкой? продолжалъ я.

— Ея здоровье стало-было уже нѣсколько поправляться, но насъ выгнали изъ квартиры, которую мы занимали въ четвертомъ этажѣ, и теперь нужда и горести снова увеличили ея страданія. Она такъ слаба, что я рѣшилась придти сюда и на колѣняхъ просить доктора освѣдѣтельствовать ея болѣзнь и подать ей руку помощи. Я думаю, что она можетъ еще выздороветь, если намъ дадутъ только средства возвратиться на родину.

— Вы имѣете тамъ родственниковъ? спросилъ я ласково?

— Только одного, который сдѣлалъ бы для насъ все что въ его силахъ... но можетъ быть, его уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, потому что мы уже нѣсколько мѣсяцевъ не получаемъ отвѣта на наши письма!

— Быть можетъ, онъ куда-нибудь уѣхалъ; можетъ быть, онъ отправился въ дорогу, чтобы отыскивать васъ, можетъ быть онъ теперь и здѣсь!

При этихъ словахъ Мери устремила на меня свои глаза и, съ немовѣрнымъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ, ожидала продолженія начатаго разговора.

— Между вашими соотечественниками, живущими въ Парижѣ, я имѣю многихъ знакомыхъ, и въ состояніи вамъ отъ себя предложить, на-время, средства, чтобы обезпечить вашу матушку. Чувствуете ли вы въ себѣ силу поручить мнѣ себя, и повѣрить мнѣ всѣ ваши тайны?

— Силу? сказала она съ удивленіемъ; несчастіе приучило меня ко всему, и я смѣло и рѣшительно всегда дѣйствую, когда дѣло идетъ о пользѣ моей матери. Но неужели насъ ожидаютъ еще новыя испытанія?

— Нѣтъ, успокойтесь; я требую отъ васъ силы только для перенесенія радостныхъ извѣстій, которыя я вамъ долженъ сообщить..... Знакома ли вамъ эта книжка?

При этомъ я вынулъ изъ кармана молитвенникъ и раскрылъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рукою сэра Артура написаны были стихи. Увидѣвъ ее, она едва устояла на мѣстѣ и чуть не упала въ обморокъ.

— Боже мой! воскликнула она, какимъ образомъ эта книжка попала въ ваши руки?

— Успокойтесь, пожалуйста! Я ожидалъ отъ васъ болѣе присутствія духа. Какъ мнѣ сообщить вамъ еще болѣе радостныя извѣстія, если вы не чувствуете себя въ страхъ перенести ихъ!

— Какія радостныя вѣсти вы мнѣ можете еще сообщить!... Единственное мое желаніе состоитъ только въ томъ, чтобы доставить нужныя средства моей большой матери и имѣть способы возвратиться на родину. Большаго я требовать и ожидать не могу!

— Чтò касается до этого, то я могу васъ вполне успокоить: вашей матушкѣ будетъ оказана помощь и попеченіе, и вы будете имѣть значительную сумму для возвращенія на родину и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все для васъ полезное и необходимое. Если вы испытываете радость, узнавъ отъ меня, что я вамъ сообщилъ, то вы должны по крайней мѣрѣ оказать мнѣ столько довѣрія, чтобы прослушать меня до конца! но прежде всего я прошу васъ рассказать мнѣ все, что было съ вами со времени вашего отъѣзда изъ Англіи. Я знаю уже часть исторіи вашей жизни, но я долженъ узнать все до конца. Будьте откровенны и помните, что я откажусь отъ всякаго содѣйствія, для улучшенія вашихъ обстоятельствъ, если вы отъ меня скроете хоть самыя незначительныя вещи!

Молодая дѣвушка уже болѣе не плакала, но смотрѣла на меня стыдливо и съ безпокойствомъ, чтò меня до крайности огорчало; двусмысленныя слова привратницы невольно пришли мнѣ на умъ, и я задрожалъ вѣтмъ тѣломъ.

— Вы меня подмаете, надѣюсь, сказалъ я строго; вы должны быть откровенны и повѣрить мнѣ всѣ ваши тайны, а иначе я оставлю васъ въ томъ же положеніи, въ которомъ вы теперь находитесь.

— Я не знаю здѣшнихъ законовъ, и, можетъ быть, не должна бы была вамъ повѣрять того, что вы отъ меня требуете; но если вы уже непременно желаете узнать исторію нашей жизни, то, пожалуй я вамъ расскажу ее только съ условіемъ, чтобы вы никому не говорили о томъ.

— Я вамъ даю въ этомъ честное слово, отвѣчалъ я; говорите все безъ всякаго опасенія.

— Вамъ, конечно, уже извѣстно, что мы выѣхали изъ Англіи для того, чтобы поселиться въ южной Франціи, гдѣ благотворенный и теплый климатъ могъ оказать благотвѣтельное вліяніе на здоровье моей матери. Сначала мы поселились въ городѣ Гіерѣ, но жили чрезвычайно ограниченно и въ большой нуждѣ, потому-что мой отецъ, отставной морской офицеръ, пользовался только незначительнымъ доходомъ, а болѣзни моей матери стоила большихъ суммъ. Не смотря на ограниченныя наши средства, здоровье моей матери, благодаря теплему южному климату, стало мало-по-малу поправляться. По прошествіи нѣкотораго времени, отецъ мой обратился къ своему банкиру съ просьбою прислать ему деньги, но, къ ужасу, узналъ, что этотъ банкиръ объявленъ банкротомъ и, скрывся въ Америку. Это извѣстіе было для насъ смертнымъ приговоромъ, потому-что уже нѣсколько мѣсяцевъ мы жили въ кредитъ, истощивъ послѣднія наши средства.

Послѣ этого отецъ мой не рѣшился оставаться долѣе въ этомъ городѣ и переѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ Марсель, гдѣ онъ надѣялся получить работу въ гавани; но въ первый же день, по прибытіи туда, полученный имъ отказъ, довелъ его до отчаянія и онъ возвратился домой, съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностію и съ такимъ выраженіемъ, которое у меня никогда не изгладится изъ памяти. Матушка старалась утѣшить его, но онъ заставилъ ее молчать; я хотѣла его нѣсколько успокоить выраженіемъ любви и привязанности, но онъ меня оттолкнулъ. Несчастіе, которое надъ нами тяготѣло, дошло до высшей степени, и измѣнило совершенно кроткій характеръ моего отца. Я съѣла подлѣ матушки и проплакала цѣлый день; но матушка не могла даже плакать.

При наступлении ночи, матушка ласково сказала моему отцу:

— Виліамъ, не можешь ли ты продать пистолеты, которые ты получилъ въ подарокъ отъ адмирала? Мери цѣлый день ничего не ѣла.

Отецъ молча всталъ съ мѣста, снялъ пистолеты со стѣны и долго смотрѣлъ на нихъ, между тѣмъ крупныя слезы катились по его щекамъ. До того времени я видѣла его въ слезахъ только одинъ разъ, когда онъ былъ до крайности несчастливъ; увидѣвъ его слезы, я невольно вскричала:

— Нѣтъ, не продавайте этихъ пистолетовъ, я теперь уже не чувствую голода и могу заснуть спокойно!

Не сказавъ ни слова, онъ вышелъ изъ комнаты; мы думали, что онъ пошелъ продавать пистолеты.

Прошло полночь, а онъ не возвращался. Я находилась въ ужасномъ безпокойствѣ, но матушка старалась меня утѣшать.

— Успокойся, Мери, и постарайся заснуть! говорила она, твой отецъ не пашелъ, вѣроятно, открытыхъ лавокъ и не хочетъ возвратиться безъ хлѣба, чтобы не быть свидѣтелемъ нашихъ страданій; засни, мое дитя, завтра уже онъ доставитъ тебѣ случай позавтракать!

Я очень хорошо понимала, что моя матушка нуждалась въ томъ утѣшеніи, которымъ она меня желала успокоить; я замѣтила, что, при малѣйшемъ шорохѣ и шумѣ, она судорожно содрогалась, дыханіе ея становилось отрывистѣе и это безпокойство ея пугало меня еще болѣе.

Такимъ образомъ прошла цѣлая ночь—ночь самыхъ страшныхъ ожиданій и невыразимыхъ мученій. Утромъ отецъ возвратился домой, бросилъ на столъ кусокъ хлѣба, и сказалъ:

— Вотъ вамъ, по-крайней-мѣрѣ, чернаго хлѣба.

Послѣ того онъ сѣлъ въ уголъ комнаты и заснулъ, какъ казалось, вслѣдствіе утомленія тѣлесныхъ силъ. Во время безпокойнаго его сна, мы замѣтили пистолеты, которые выкалывались изъ-подъ его платья, и это обстоятельство растре-

вожило насъ еще болѣе и заставило опасаться за самоубійство.

Цѣлая недѣля прошла такимъ образомъ; каждый вечеръ мой отецъ отправлялся изъ дому и приносилъ намъ на слѣдующее утро пищу, и во все это время хранилъ глубокое молчаніе и не терпѣлъ нашихъ ласкъ и нашего участія. Въ девятый день наконецъ, онъ возвратился домой въ полночь въ ужасномъ волненіи.

— Пойдите, сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ, мы должны отсюда бѣжать!

— Бѣжать, спросила я, по куда же?

— Не спрашивайте меня, сказалъ онъ отрывисто; мы не имѣемъ времени!

При этомъ онъ взялъ меня подъ руку, матушку подъ другую, и увлекъ насъ за собою. Нашъ выѣздъ совершился въ нѣсколько минутъ, потому-что намъ нечего было съ собой брать; все наше состояніе составлялъ старый комокъ, который носила матушка...

Была холодная, туманная ночь. Мы странствовали безъ плана вдоль длинныхъ улицъ, не произнося ни слова. Вдругъ, мы услышали конскій топотъ, крики людей и звукъ оружія; отецъ приказалъ намъ повернуть въ небольшой переулокъ; но едва мы сдѣлали нѣсколько сотъ шаговъ, какъ наткнулись на отрядъ жандармовъ. Въ одно мгновеніе, отецъ высвободилъ свои руки, раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ онъ за-мертво упалъ на землю, прострѣливъ себѣ голову. Мы бросились къ нему, и онъ испустилъ послѣднее дыханіе въ нашихъ объятіяхъ. Тогда только мы узнали о преступленіи, на которое онъ долженъ былъ рѣшиться, чтобы сохранить наши дни и избавить насъ отъ голодной смерти.

Жандармы подняли его тѣло и приказали намъ слѣдовать за ними. По счастливому стеченію обстоятельствъ, мы предстали предъ судью, который отличался челоѣколюбіемъ; онъ доставилъ намъ средства похоронить несчастнаго самоубійцу. Послѣ того, мы рѣшились переѣхать въ Парижъ, откуда думали писать къ нашимъ родственникамъ, чтобы возвратиться на родину; но и эта надежда скоро покинула насъ. Съ этого времени удары судьбы, одинъ за другимъ, раздражались надъ нами, и мы дошли до крайности и самаго безпомощнаго со-

стоянія. Тогда я рѣшилась просить участія знатныхъ и богатыхъ лицъ; нѣсколько разъ перо выпадало изъ моихъ рукъ, по мысли, что я дѣлаю это единственно для матери, для доставленія ей пищи, и нужныхъ лекарствъ, поддерживала меня въ принятомъ рѣшеніи и дала мнѣ силу обращаться ко многимъ лицамъ. Но немногія мои просьбы имѣли успѣхъ: иногда меня отталкивала прислуга, а иногда и сами богачи оставляли меня безъ всякаго пособія. Скудныя средства, которыя я приобрѣтала женскими работами и многостыня поддерживали нашу жизнь до сихъ поръ.

— Такимъ образомъ въ этомъ заключается вся ваша исторія? спросилъ я ее. Скажите мнѣ откровенно, не имѣли ли вы другихъ побочныхъ средствъ къ своему содержанию и не дѣлали ли вамъ какнхъ-нибудь предложеній?

— Нѣтъ, отвѣчала она, нисколько не смутившись и не отвѣдая своихъ глазъ отъ моего испытующаго взора. Я все вамъ рассказала.

— Если такъ, то я вамъ обещаю не только временную помощь, но и такое счастье, котораго вы вовсе не ожидаете, — счастья самаго для васъ драгоценнаго!... вашъ другъ въ Парижѣ!

— Какъ? кто? Артуръ?... такъ вы знаете его? вскрикнула она съ выраженіемъ радости, и щеки ея покрылись прекраснымъ румянцемъ. Прошу васъ, говорите скорѣе: Артуръ здѣсь? Вы его знаете? Вамъ извѣстенъ его адресъ?

— Да, я знаю его адресъ и поведу васъ сейчасъ къ нему; и онъ также много страдалъ и былъ очень несчастливъ!

Это извѣстіе погрузило Мери въ прежнюю задумчивость; она сѣла на стулъ и заплакала слезами; я не хотѣлъ мѣшать ей. Потомъ вдругъ она встала и сказала мнѣ:

— Это извѣстіе такъ растрогало меня, что я даже позабыла про мою бѣдную мать, которой прежде всего слѣдовало бы сообщить эти новости.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте вмѣстѣ со мною.

Сказавъ это, я подалъ ей руку, и мы пошли какъ давнишніе знакомые. На улицѣ я нанялъ карету, запасся впрочемъ и нѣсколькими холодными блюдами, и поѣхалъ въ улицу Сент-Доминикъ. Здѣсь мы остановились у стараго, обветшалаго дома и взобрались по лѣстницѣ до самаго верхняго этажа.

Извѣстіе о состояніи, которое ей досталось, и о близости сэра Артура, чрезвычайно поразило больную, но самымъ благоприятнымъ образомъ; когда первыя впечатлѣнія разсѣялись, она сложила руки, подняла свой взоръ къ небу и произнесла:

— Возблагодаримъ прежде всего Господа Бога! теперь насталъ конецъ нашимъ страданіямъ, и я могу умереть спокойно.

Въ короткихъ словахъ я рассказалъ имъ все, что зналъ о молодомъ человѣкѣ и вызвался привести его къ нимъ.

Я, конечно, принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не поразить Артура извѣстіемъ о неожиданной радости; тѣмъ не менѣе однако, рассказъ мой привелъ его въ такое восторженное состояніе, что я серьезно боялся, чтобы онъ не сошелъ съ ума. Пріѣхавъ въ домъ, въ которомъ жили Мери и ея мать, онъ не имѣлъ силы взойти на лѣстницу и я долженъ былъ ему помочь. Жалкое состояніе комнаты, въ которой онъ нашелъ своихъ родственницъ, глубоко его огорчило.

Мы тихо открыли дверь въ то время, какъ обѣ женщины стояли еще на колѣняхъ и молились. Мери первая оглянулась и, увидѣвъ Артура, бросилась къ нему на шею; за этимъ послѣдовала сцена, которую словами описать невозможно. До сихъ поръ сердце у меня бьется при одномъ воспоминаніи объ этомъ радостномъ событіи.

Въ то же время вошелъ въ комнату докторъ Ройеръ, котораго я мимоходомъ пригласилъ къ больной; онъ освидѣтельствовалъ еще разъ ея болѣзнь и изъявилъ надежду спасти ее при перемѣнившихся обстоятельствахъ, если она проведетъ нѣкоторое время въ Италіи.

Нѣсколько недѣль спустя, сэръ Артуръ отправился изъ Парижа со своею молодою супругой и тещею къ сардинскимъ горамъ на приготовленную для него виллу, которую онъ за-благовременно велѣлъ нанять чрезъ своего повѣреннаго. Онъ и жена его вели со мною постоянную переписку и оба настоятельно просили меня, посѣтить ихъ, когда они возвратятся въ Англію. Но этого я до сихъ поръ не въ состояніи былъ исполнить. Въ прошлое лѣто, при вторичной поѣздкѣ въ Италію, они сами заѣхали ко мнѣ, съ четырьмя своими дѣтьми. Наша радость при свиданіи была невообразима. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, Мери сказала мнѣ:

— Каждый вечеръ, мы заставляемъ нашу старшую дочь чи-

татъ молитвенникъ, который вы мнѣ возвратили нѣкогда и который, съ того времени, сдѣлался какъ бы святынею нашего семейства! Какъ часто говоримъ мы о васъ, и всегда жальемъ, что не можемъ раздѣлять съ вами нашего счастья и вмѣстѣ вспоминать о происшествіяхъ прежняго времени, которыя теперь намъ кажутся какимъ-то тяжелымъ спомъ. Мы пользуемся настоящимъ нашимъ счастьемъ скромно и благодарно, и знаемъ ему цѣну, потому-что достигли его послѣ ужасныхъ лишеній и страданій.

=

Науки и Художества.

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ ХИМИИ *.

Статья III.

Наступаетъ третья эпоха въ химіи, блистательно открываемая Лавуазье. О заслугахъ его для наукъ и наконецъ о самой жизни намъ говорить совершенно не нужно, потому-что все это уже было высказано г. Дюма. Мы повторимъ только, что со времени этого великаго ученаго, химія получаетъ надлежащую форму определенной науки и идетъ по пути истины и неизмѣннаго опыта. Съ этихъ поръ, она не уклоняется въ сторону, не смѣшивается съ другими предметами человѣческихъ знаній, но становится вполне самостоятельною наукою. Лавуазье, давши химіи определенныя формы, вдвинулъ ее въ систему тѣхъ наукъ, изученіе или, по крайней мѣрѣ, поверхностное знаніе которыхъ необходимо для всякаго образованнаго человѣка. Съ Лавуазье, химія дѣлается доступною для массы, по простотѣ коренныхъ правилъ, которыя, между-тѣмъ, удивляютъ огромнымъ

* См. III книгу *Сына Отечества* 1848 года.

своимъ приложеніемъ ко всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Словомъ химія съ этихъ поръ была поставлена на ту высокую степень, какую занимаетъ она нынѣ. Во Франціи, Англіи и Германіи поняли весьма хорошо всю важность химіи, и посмотрите до какой степени развита она тамъ: всякій образованный человѣкъ считаетъ необходимою знать, по крайней мѣрѣ, существенные ея законы; ученый изучаетъ ее, хотя бы она и не принадлежала къ числу тѣхъ наукъ, которыя составляютъ главный предметъ его занятій, потому-что посредствомъ химіи онъ можетъ повѣрить себя и ясне объяснить законы природы; фабрикантъ за первую обязанность считаетъ познакомиться съ химіей, потому-что она даетъ ему средства усовершенствовать техническіе процессы, которые безъ нее дѣлаются на удачу. Когда Дюма читаетъ въ Парижѣ свои лекціи, залы наполнены слушателями.

Впрочемъ, со времени Лавуазье — многое что измѣнилось. Теорія горѣнія его отвергнута; слову кислота дано болѣе обширное значеніе, и въ число кислотъ помѣшены такія, которыя, кислотными свойствами своими, одолжены не кислороду. Это доказываетъ, что химія, ставши на твердый фундаментъ, уже много испортившихся камней въ зданіи замѣнила совершенно новыми и такимъ образомъ получила болѣе крѣпости и основы.

Между сотрудниками Лавуазье, въ огромномъ дѣлѣ преобразованія химіи, должно считать главными Фуркруа и Бертолета.

Антоній-Франсуа Фуркруа родился, въ Парижѣ, 1755 г. Получивши званіе профессора химіи въ Королевскомъ Салу, онъ удивлялъ своихъ слушателей яснымъ изложеніемъ предмета и настоящимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ. Это-то краснорѣчіе, оцѣненное вполнѣ, и было причиною, что во времена республики, Фуркруа былъ призванъ на другое поприще. Онъ былъ избранъ (1792 г.) въ депутаты въ національный конвентъ; потомъ, ему поручили главное управленіе комитетомъ народнаго образованія. Онъ написалъ всѣ постановленія и правила, касающіяся этой части, устроилъ медицинскія школы въ Парижѣ, Монпелье и Страсбургѣ, завелъ болѣе 30 лицеевъ и около 300 коллегій.

Впадъ въ немилость у главы республики, Наполеона Бонапарте, Фуркруа былъ потрясенъ до глубины души и вскорѣ умеръ отъ апоплексическаго удара (1809).

Главное сочиненіе это есть *Système des conuissances chi-*

miques, переведенное на русскій языкъ Каменскимъ, подъ заглавіемъ *Химическая Философія* (1799), гдѣ онъ излагаетъ законы химіи съ новой точки зрѣнія. Это сочиненіе, не смотря на всѣ свои ошибки, которыхъ и нельзя было избѣгнуть въ то время, драгоцѣнно по многимъ отношеніямъ. Въ немъ, положено начало нынѣшней химіи и весьма искусно опровергнуты мифы защитниковъ флогистической теоріи. Кромѣ того, Фуркруа написалъ около 150 мемуаровъ, касающихся разныхъ предметовъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, гдѣ онъ говоритъ о разложеніи сѣрпистыхъ водъ, объ отдѣленіи мѣди отъ олова и т. д. Палис де-Бовуа, въ 1810 году, издалъ особенную книжку, гдѣ подробно описываетъ его жизнь и, между прочимъ, разсматриваетъ сущность трудовъ его по части химіи.

Клавдій-Людвигъ Бертолетъ родился 9 декабря 1748 года, въ Талуарѣ, близъ Аннеси въ Савойѣ. Онъ происходилъ изъ благородной, французской фамиліи, оставившей свое отечество во время религиозныхъ войнъ. Кончивъ курсъ въ туринскомъ университетѣ, онъ получилъ, въ 1768 году, званіе доктора. Спустя четыре года, онъ явился въ Парижѣ, гдѣ нашелъ друзей, которые доставили ему мѣсто лейбъ-медика при герцогѣ Орлеанскомъ. Здѣсь онъ продолжалъ свои занятія по медицинѣ и химіи, которая особенно тогда начала привлекать его. Вскорѣ Бертолетъ познакомился съ Лавуазье, и это самое было причиною, что, чрезъ нѣсколько времени, онъ оставилъ флогистическую теорію и съ жаромъ принялся за разработываніе новыхъ идей. Въ 1780 году, Бертолетъ заступилъ мѣсто Буке въ академіи наукъ. Въ 1784 году, онъ занялъ должность Манера, умершаго тогда, должность директора красильныхъ заведеній, что было поводомъ изданія *основаній красильнаго искусства*.

Во время революціи, Бертолетъ оставался вѣрнымъ своему благородному характеру, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла и не являясь на поприщѣ, упитанномъ кровію и запечатленномъ жестокостію и звѣрскими поступками. При основаніи *нормальнаго училища*, когда наконецъ буря утихла и возстановилось нѣкоторое спокойствіе, Бертолетъ является однимъ изъ первыхъ его профессоровъ.

Подобное мѣсто ему было предоставлено въ политехническомъ институтѣ, который былъ учрежденъ подъ названіемъ *центрального училища публичныхъ занятій*. Въ 1796 году, Монжу и Бертолету поручили привезти изъ Италіи произведенія

изящныхъ искусствъ, доставшіяся Французамъ по праву побѣды и наслія. Это порученіе было исполнено ими какъ нельзя удачнѣе. Съ этого времени, Бертолетъ вступая въ тѣсную дружбу съ Наполеономъ, который беретъ у него уроки и даже навѣщаетъ его иногда, въ его скромномъ жилищѣ.

Во время египетской экспедиціи, знаменитый химикъ повсюду сопровождаетъ будущаго императора. Въ морскомъ сраженіи при Хебреисѣ, Бертолетъ оказалъ невозмущаемое хладнокровіе. Въ продолженіе этой морской битвы, онъ началъ наполнять свой карманъ камнями, и когда его спросили, для чего онъ дѣлаетъ это? онъ отвѣчалъ спокойно: «Для того, чтобы не выплыть на поверхность, когда меня убьютъ.» Каирскій институтъ, осажденный возмущившимися жителями, былъ спасенъ только мужествомъ Монжа и Бертолета, которые защищали его до тѣхъ поръ, пока подошла помощь. Такимъ образомъ, инструменты, книги и всѣ сокровища этого института остались въ совершенной сохранности. Когда французскія войска вступили въ Сирію, Монжъ и Бертолетъ сопровождали ихъ. Первый вскорѣ сдѣлался боленъ, но усиленными пощеченіями своего друга былъ возвращенъ къ жизни. Однимъ словомъ, эти два ученые были не разлучны между собою, такъ что въ арміи многіе думали, что они составляютъ одно и то же лицо. Наполеонъ, возвращаясь во Францію, взялъ Монжа и Бертолета съ собою. Онъ не могъ разстаться съ ними, до такой степени привыкъ онъ видѣть ихъ всегда подлѣ себя. Осыпанный милостями императора, Бертолетъ могъ спокойно проводить свои дни, посвященные преимущественно химіи. Его аркельскій домъ былъ сборищемъ ученыхъ, которые считали за честь посѣтить знаменитаго химика. Дени, Воластонъ, Гумбольтъ, Томсонъ, Уаттъ, Берцелиусъ, Тенантъ—и сколько еще другихъ знаменитостей, не упомянутыхъ нами, почитали первою необходимостью побывать въ аркельскомъ домѣ, этомъ мирномъ убѣжищѣ Бертолета. Полный воспоминаніями объ египетскомъ походѣ, Бертолетъ украсилъ свой кабинетъ въ египетскомъ вкусѣ: овивскіе зодіаки были изображены на потолкѣ; маленькіе свинскіе и остатки древняго величія страны Фараоновъ рисовались по угламъ этой комнаты. Этажерки были полны разныхъ бездѣлокъ, вывезенныхъ отъ подножія пирамидъ, изъ которыхъ каждая напоминала что-нибудь въ жизни ученаго.

По возстановленіи Бурбоновъ, Бертолетъ былъ возведенъ въ

званіе пера и вскорѣ послѣ того избранъ въ члены медицинско-академіи. Привыкнувъ переносить лишенія, заколенный въ походахъ, Бертолетъ до самой старости наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ. И казалось, можно было думать, что онъ проживетъ еще долго, но, къ визанной горести друзей и всѣхъ знавшихъ Бертолета, горячка неожиданно постигла его. Доктора были позваны въ то время, когда было уже поздно. Черезъ нѣсколько времени, онъ скончался (1822 г.). Множество народа сопровождало его до могилы. Всѣ оплакивали его съ непритворною горестью, потому-что онъ былъ постоянно благороденъ въ своихъ дѣлахъ, добръ и великодушенъ къ всѣмъ своимъ подчиненнымъ и ко всѣмъ несчастнымъ.

Скромный памятникъ, воздвигнутый ему, украшенъ былъ не mehr скромною надписью. На памятникѣ вырѣзана только фамилія Бертолета, день его рожденія и смерти. Въ институтѣ, бюстъ его былъ поставленъ подлѣ бюста Лагранжа, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства, не упоминая о томъ, что родился, подобно ему, въ Франціи.

Теперь рассмотримъ, въ чемъ заключались заслуги Бертолета по химіи.

Защищая сперва флогистизмъ, впоследствии Бертолетъ сдѣлался отчаяннымъ его противникомъ. Мемуаръ его, изданный въ 1785 году (занимающійся изслѣдованіемъ свойствъ хлора), окончательно поразилъ эту переходную теорію. Бертолетъ писалъ по всѣмъ частямъ химіи. Но польза, оказанная имъ, главно заключается въ томъ, что онъ умѣлъ въ некоторые химическіе процессы примѣнить къ техническимъ производствомъ. За одно это потомство останется ему всегда благодарнымъ. Лучшее сочиненіе Бертолета собственно по теоріи химіи, выражающее весь духъ его, безъ сомнѣнія есть *химическая статика* (Essai de Statique chimique, Опытъ химической статикі), сочиненіе, которое и до сихъ-поръ еще драгоцѣнно для химика. Правда и тутъ, многое что опровергнуто нынѣ, но главное остается безъ перемѣны, потому-что основано на петигѣ.

Въ своей статикѣ Бертолетъ излагаетъ остроумныя замѣчанія на счетъ силы химическаго средства. Но прежде, чѣмъ рассмотримъ эти замѣчанія и отдадимъ имъ полную справедливость или по крайней мѣрѣ вѣрную оцѣнку, мы скажемъ нѣсколько словъ, какимъ образомъ пошмали до Бертолета химическое средство и какія дѣйствія придавали ему. Слово: *средство* (affinité) введе-

но было въ науку въ первый разъ Бархузеномъ, который употреблялъ въ своемъ сочиненіи *Pugosoria*, выданномъ въ свѣтъ въ 1698 г.

Какъ и всѣ химики той эпохи, Бархузенъ принялъ четыре элемента: соль, масло, воду и землю. Но, допустивши эти начала, онъ прибавляетъ, что не нужно ихъ смѣшивать съ тѣми веществами, какія намъ извѣстны въ общежитіи подъ подобными именами. «Невозможно,» далѣе говоритъ онъ, «отдѣлить начала и получить ихъ въ чистомъ состояніи, потому-что они всегда тѣсно связаны съ землястыми или другими какими-нибудь веществами, по силѣ взаимнаго сродства». Вотъ какою фразою слово сродство увоплось химіи.

Весьма понятно, что Бархузенъ подъ сродствомъ разумѣлъ совсѣмъ не то, что разумѣемъ мы нынѣ. Онъ хотѣлъ этимъ словомъ выразить, что изъ обыкновенной воды потому трудно выдѣлать чистую воду, составляющую элементъ, что обѣ онѣ представляютъ между собою такое сходство, что реагенты дѣйствуютъ на нихъ совершенно одинаковымъ образомъ.

Чтобы наконецъ приблизиться къ болѣе вѣрному понятію о химическомъ сродствѣ, перейдемъ къ сочиненію Боэргавы *Elementa chymiae* (1733), гдѣ, въ урокъ о растворяющихъ веществахъ, дано довольно опредѣлительное значеніе этой силѣ. Боэргавъ, нужно замѣтить, не увлекался воображеніемъ, но болѣею частью основывался на опытахъ, и вотъ что въ этомъ урокъ говоритъ онъ:

«Нальемъ въ стаканъ немного *селитренаго духа* (т. е. азотной кислоты); онъ остается въ покоѣ. Но лишь только бросимъ въ стаканъ небольшой кусочекъ желѣза, происходятъ замѣчательные феномены: жидкость начинаетъ кипѣть и подыматься, отдѣляется особенный воздухъ, и все это сопровождается шумомъ, острымъ дымомъ и возвышеніемъ температуры. Но до которыхъ поръ продолжаютъ эти феномены? До тѣхъ только, когда наконецъ желѣзо исчезаетъ и селитряный духъ соединяется со всеми частями металла. Потомъ, все снова успокоивается. Вотъ что тутъ нужно замѣтить. Растворяющее вещество дѣйствуетъ, разъединяя частицы твердаго тѣла; но лишь только оно приведетъ его въ это состояніе, то удерживаетъ частицы въ растворѣ. Чему же, какъ не *сродству* должно приписать это дѣйствіе, это соединеніе растворяющаго и растворяемаго тѣла въ одну однородную массу?»

Желая объяснить болѣе понятнымъ образомъ стремленіе же-

лѣза соединиться съ азотною кислотою, Боэргавъ прибавляетъ, что между этими двумя тѣлами существуетъ любовь, которую они хотятъ осуществить на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, онъ сравниваетъ ихъ соединеніе съ супружествомъ, которое празднуется съ шумомъ и самымъ церемоніальнымъ образомъ. Такимъ образомъ, Боэргавъ, опредѣливъ сущность химическаго сродства, обращаетъ также вниманіе и на тѣ явленія, которыя происходятъ при соединеніи тѣлъ между собою т. е. на отдѣленіе жара, шипѣніе и т. д.

При жизни Боэргавы, появилось другое сочиненіе, занимавшее этимъ-же самымъ предметомъ. Это сочиненіе есть *Таблицы химическаго сродства* Жофруа. Не смотря на нѣкоторые любопытные факты и наконецъ даже на вѣрность въ нихъ мѣстахъ, эти *таблицы* принесли чрезвычайно много вреда для науки. Авторъ ихъ, не обративъ вниманія на частные случаи разложеній, даже не отдѣливъ разложеніе сухимъ путемъ отъ мокраго, хотѣлъ между-тѣмъ быть точнымъ руководителемъ при анализахъ. Этимъ самымъ, онъ ввелъ въ огромныя ошибки тѣхъ, кто руководствовался его таблицами. По предположенію его, углекислый амміакъ должеъ былъ разлагаться постоянно сѣрвокислою известью. Это дѣйствительно и происходило такъ, когда дѣйствуютъ растворами; но лишь только прибѣгнуть къ разложенію сухимъ путемъ, — подобная реакція не имѣетъ мѣста, потому-что углекислый амміакъ, какъ летучее вещество, тотчасъ отдѣлится. Точно также многія вещества, не смотря на малое сродство съ какимъ-нибудь тѣломъ, соединяются съ нимъ и вытѣсняють сильнѣйшее, если только они обладаютъ болѣею растворимостью, болѣею огнестойкостью или вообще другими благоприятными при этой реакціи свойствами. Такъ напримѣръ, борная кислота, слабѣйшая сѣрпой, вытѣсняетъ ее изъ соединеній, при значительномъ накаливаніи, потому-что она несравненно огнестойкѣе.

Между-тѣмъ, *таблицы Жофруа* произвели всеобщій восторгъ. По мнѣнію тогдашнихъ химиковъ, это былъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ задачъ въ наукѣ, всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ.

Вскорѣ, появилось множество другихъ таблицъ, впрочемъ мало чѣмъ отличающихся отъ первыхъ. Изъ нихъ, Гресса вышедъ въ свѣтъ 1730 г., Геллерта въ 1750 г., Рюдигера въ 1756 г., Лимбурга въ 1758 г. и т. д.

Вопросъ о сродствѣ занималъ всѣхъ. Химики подраздѣляя

его на агрегационное средство, то что наше сцепленіе, и *составное*, это есть собственно понимаемое нами средство.

Впослѣдствіи, химики, замѣтивъ невѣрность таблицъ Жо-Фруа и измѣненія степеней сродства частными обстоятельствами, придали этимъ измѣненіямъ дѣйствія особенныхъ силъ и соотвѣтствующія названія. Такимъ образомъ, исключенія изъ общаго правила, зависящія отъ различной растворимости, летучести, огнепостоянности и другихъ свойствъ тѣлъ, образовали собою вѣчто цѣлое. Химическое средство раздѣлилось на множество силъ, получившихъ самыя странныя имена; появились *растворяющее средство, средства разложенія и осажденія, сложное средство, взаимное, предрасполагающее* и т. д. Химики приведены были въ замѣшательство. Допуская многіе роды сродства, они путались въ подробностяхъ; приводя же ихъ къ дѣйствію одной силы, они оставались въ недоумѣніи, потому-что имъ не доставало фактовъ, которые могли бы объяснить сущность химического сродства.

Ньютономъ допускалъ дѣйствія притяженія и въ химіи. О кислотахъ онъ сказалъ: это тѣла, которыя сильно притягиваютъ къ себѣ и сами притягиваются. Также въ его сочиненіяхъ въ одномъ мѣстѣ сказано: «Во всякомъ растворѣ, частицы растворимаго тѣла имѣютъ болѣе притяженія къ частицамъ растворяющаго, чѣмъ другъ къ другу.» Изъ этихъ словъ Ньютона видно, что онъ всѣ химическіе феномены объяснялъ дѣйствіями силъ. Но тутъ онъ остановился, слѣдующіе же за нимъ ученые пошли дальше и положительно объявили, что химическое средство происходитъ или, лучше сказать, есть часть всеобщаго притяженія. Бюффонъ, утверждая то же самое, принималъ, что если притяженіе между небесными тѣлами не зависитъ отъ формы ихъ, по причинѣ огромнаго разстоянія, то въ химическихъ явленіяхъ, на оборотъ, такъ какъ это разстояніе совершенно ничтожно, форма имѣетъ особенное вліяніе на силу химического сродства.

Вотъ какимъ образомъ выражается знаменитый натуралистъ въ своемъ *Второмъ взглядѣ на природу*:

«Фигура небесныхъ тѣлъ не оказываетъ никакого дѣйствія на законы притяженія, потому-что разстояніе весьма велико; но форма дѣлаетъ все или почти все, если разстояніе чрезвычайно мало, или равно нулю. Уму человеческому предстоитъ совершить еще путь огромной. Мы не знаемъ фигуры частей, со-

ставляющихъ тѣла; но наши потомки, при помощи вычислений, откроютъ обширное поле неразработанныхъ свѣдѣній. Когда они найдутъ законъ частичныхъ притяженій, при посредствѣ многочисленныхъ опытовъ, то имъ будетъ уже легко опредѣлить форму составныхъ частей.»

Бергманъ, принимавшій за начало химическихъ дѣйствій силу всеобщаго притяженія, приписываетъ не только формѣ частицы, но и ихъ положенію, существенную роль во всѣхъ реакціяхъ.

Къ этому, Макеръ прибавляетъ объемъ и плотность,—дополненіе, какъ кажется, совершенно излишнее. Но какъ бы то ни было, подвинуто ли было понятіе о силѣ химическаго сродства этими изысканіями?... Почти нисколько, кромѣ того, что была отыскана новая сила, производящая замѣчательныя явленія, да дано ей названіе.

Бергманъ, подражавшій, какъ мы уже сказали, Ньютону, впалъ въ огромную ошибку, принесшую чрезвычайно много вреда, но которая впрочемъ была поправлена Бертолетомъ: вотъ одна изъ важныхъ заслугъ этого ученаго! Бергманъ считалъ сродства постоянными, рѣдко допуская исключенія изъ этого правила. И его таблицы химическаго сродства были основаны на томъ же законѣ. Посмотрите, что же вышло. Для сѣрной кислоты поставлено сильнѣйшимъ основаніемъ баритъ и однимъ изъ слабѣйшихъ окись серебра. Это и справедливо. Но по закону постоянности сродствъ и для соляной кислоты баритъ и окись серебра расположены въ томъ же порядкѣ....

Мысль, что поваренная соль (хлористый натрій) разлагается баритомъ, вышедшая изъ того же источника, имѣла слѣдующій результатъ:

Во время первой французской революціи, такъ какъ привозъ соды изъ чужихъ странъ былъ затруднителенъ, рѣшились найти ее внутри самой Франціи. Напали на идею, повѣренную таблицами химическаго сродства, разложить поваренную соль баритомъ. Эта идея, найденная весьма основательною, а главное легко проводимою къ исполненію, тотчасъ же пушена была въ дѣло. Устроились особенные заводы, для приготовленія барита и уже было изготовлено вѣскольکو квинталовъ этой щелочи.... Казалось, проэктъ долженъ быть удачно доведенъ до конца.... Но въ чемъ же встрѣчалось затрудненіе?... Бездѣлица! Не смотря на таблицы, баритъ никакимъ образомъ не разлагалъ поваренной соли.....

Бертолету было предоставлено исправить ошибки Бергмана. И действительно, французскій химикъ на первомъ же шагу далъ противное направленіе понятію о химическомъ средствѣ. Постоянныя средства, по его мнѣнію, подтвержденному множествомъ опытовъ, весьма рѣдки и не могутъ никогда быть предвидимы; измѣняющіяся же средства представляются каждую минуту. Тѣла дѣйствуютъ въ такомъ только случаѣ другъ на друга (продолжаемъ извлеченіе существенныхъ правилъ Бертолета о химическомъ средствѣ) когда они приведены въ соприкосновеніе.

Если къ раствору азотнокислаго кали прибавить сѣрной кислоты, то по-видимому въ жидкости не произойдетъ ничего особеннаго, а все останется по-прежнему. Совсѣмъ нѣтъ! отвѣчаетъ Бертолетъ, лишь только тѣла привелся въ соприкосновеніе, они начали дѣйствовать другъ на друга и въ жидкости находится не два тѣла, а цѣлыхъ четыре, именно: азотная кислота, сѣрная, азотнокислое кали и сѣрнокислое кали.

Двѣ кислоты раздѣлили между собою основаніе, въ отношеніи своихъ количествъ; избытокъ же ихъ остался въ растворѣ. Но лишь только на жидкость начнетъ дѣйствовать новая сила, которая нарушитъ равновѣсіе, реакція возобновится съ прежнимъ упорствомъ. Положимъ, посредствомъ нагрѣванія, часть азотной кислоты отдѣлилась. Свободная сѣрная кислота, значить, въ растворѣ остается въ большомъ количествѣ противъ свободной азотной. Тотчасъ же она начнетъ дѣйствовать на азотнокислое кали и превращать его въ сѣрнокислое. Дѣйствіе это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока равновѣсіе снова возстановится, т. е. когда количество отдѣлившейся азотной кислоты отъ азотнокислаго кали будетъ равно количеству сѣрной, находящейся въ свободномъ состояніи въ жидкости. Если теперь опять чрезъ нагрѣваніе отдѣлить известную часть азотной кислоты, тотъ же самый процессъ повторится. И такимъ образомъ, мало-по-малу, все азотнокислое кали превратится въ сѣрнокислое, и въ жидкости останутся два тѣла: соль и сѣрная кислота. Если двѣ соли могутъ разлагаться взаимно, не тотчасъ произойдетъ это разложеніе, но сперва въ растворѣ образуются четыре переходныя соли, которыя тогда только превратятся въ двѣ, когда равновѣсіе нарушится какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствомъ.

Впрочемъ, эти мнѣнія въ иныхъ случаяхъ не могутъ быть допущены вполнѣ.

Даже скорѣе можно сказать, что раздѣленіе одного основанія нѣсколькими кислотами, или, на оборотъ, одной кислоты нѣсколькими основаніями, происходитъ при такомъ только обстоятельствѣ, когда кислоты или основанія почти одинаковой силы. Но если дѣйствуютъ двѣ кислоты, неравномѣрныя своею силою, то всегда сильная прямо беретъ для себя все количество основанія, выгоняя слабѣйшую. И при взаимномъ разложеніи солей происходитъ то же самое: сильная кислота выбираетъ для себя сильное основаніе, а слабыя кислоты соответственные имъ основанія. Что наконецъ раздѣлъ, придуманный Бертолетомъ, не всегда осуществляется, доказывается слѣдующимъ опытомъ. Если къ раствору сѣрнокислаго натра прибавить борной кислоты, то, слѣдуя Бертолету, должно произойти разложеніе и въ растворѣ образоваться четыре тѣла: свободная борная и свободная сѣрная кислоты, борнокислый и сѣрнокислый натръ. Избытокъ сѣрной кислоты дѣйствуя на лакмусовую бумажку, погруженную въ жидкость такимъ образомъ, долженъ былъ бы измѣнить ея виннокрасный цвѣтъ, полученный отъ борной кислоты, въ луковокрасный. Между-тѣмъ, этого тутъ не происходитъ.

Но все равно, куда опытъ намъ не скажетъ ничего положительнаго, принимаемъ ли мы мнѣніе Бертолета на счетъ этого раздѣла или нѣтъ, мы должны признаться, что изысканія его о измѣняемости средства летучестью, различною растворимостью и т. д., какъ нельзя болѣе согласуются съ истиной.

Проидемъ молчаніемъ о другихъ сочиненіяхъ Бертолета по части теоретической химіи, потому-что они не такъ важны, но повторимъ еще, что слава его существенно заключается въ искусномъ примѣненіи химическихъ процессовъ къ нѣкоторымъ техническимъ производствомъ. Въ этомъ духѣ, написаны его сочиненія *о теоріи желѣза* (1786), *о теоріи стали* (1795), *о способѣ бѣленія хлоромъ*. Остановимся на последнемъ. Прежде, употребляли весьма несовершенные способы бѣленія, которое состояло въ простомъ промываніи тканей въ водѣ. Потомъ, ткани кипятили въ водѣ, въ которой были разварены нѣкоторыя растенія, обладающія мыльвыми свойствами, и, наконецъ, дошли до того, что открыли настоящее мыло, открыли способъ готовить щелокъ, и такимъ образомъ процессы бѣленія начали производиться уже гораздо совершеннѣе, хотя все-таки требовали много времени. Растиланіе на лугу, окисленныя жидкости и нѣкоторыя другія усовершенствованія подвинули бѣленіе далеко впередъ... Примѣ-

веніе хлора къ бѣленію окончательно возело это искусство ва высокую степень совершенства. Изъ младенческаго состоянія оно перешло теперь въ полную степень развитія. Вотъ какую выгоду представляетъ бѣленіе хлоромъ предъ простымъ луговымъ бѣленіемъ:

1. Бѣлится большее число кусковъ и въ скорѣйшее время.

2. Бѣленіе хлоромъ не задерживается ни какою погодою и производится во всякое время года.

3. Требуется меньшее помѣщеніе, потому-что ткани не раскладываются на лугахъ; если это и производится иногда, по мѣрѣ надобности, то на весьма короткое время.

4. Хлоръ дѣйствуетъ не такъ разрушительно на ткани, какъ повторенное дѣйствіе щелочей, воздуха и влажности.

Бертолетъ заслуживаетъ благодарность потомства за это удачное примѣненіе хлора къ бѣленію. Наконецъ сочиненіе его: *Объ основаніяхъ красильнаго искусства* увеличиваетъ цѣлое зданіе. Въ немъ онъ устанавливаетъ опредѣленные правила крашенія и показываетъ необходимость химіи въ большей части красильныхъ процессовъ.

Красильное искусство имѣетъ цѣлю, помощію извѣстныхъ средствъ, окрашивать различныя вещества въ требуемые цвѣта и краски. Эти вещества суть: шерсть, шелкъ, бумага, пенька, ленъ, дерево, камни, бумага и т. д.

Если красильные пигменты наносятся только на поверхность ткани, то это просто дѣло малярнаго искусства, или дѣло *набиванія, печатанія*. Въ малярномъ искусствѣ, краски поверхности ткани распредѣляются кистью; въ дѣлѣ же набиванія формами.

Но собственно красильное искусство основано на химическомъ соединеніи выкрашиваемаго вещества съ пигментомъ, при чемъ пигментъ совершенно проникаетъ выкрашиваемое вещество.

Чтобы произвести это химическое соединеніе, или иначе чтобы окрасить ткань, должно, чтобы красильное вещество находилось въ жидкомъ состояніи. Его приводятъ въ это состояніе, растворяя въ водѣ или въ другой соотвѣтственной жидкости. Подобные растворы называются *красильными банями* или *ванями*.

Въ нихъ-то погружаются ткани, или вообще вещества, предназначенныя къ окрашиванію. Но чтобы краски утвердились на

ткани, необходимо, чтобы эти ткани были совершенно чисты и лишены постороннихъ веществъ, которыя, располагаясь на ихъ поверхности, окрашиваютъ, или, лучше сказать, загрязняютъ ихъ. Поэтому, предъ крашеніемъ производится предварительная операція, называемая *бѣленіемъ*.

Бѣленіе, какъ уже самое слово показываетъ, есть искусство придавать бѣлый цвѣтъ тканямъ, или вообще тѣмъ веществамъ, тѣмъ матеріаламъ, изъ которыхъ онѣ дѣлаются.

Способы бѣленія бываютъ различны, судя по роду взятаго вещества. Такъ напримѣръ, льняныя и бумажныя ткани бѣлятся иначе, чѣмъ шерстяныя и шелковыя.

Бѣленіе льняныхъ тканей бываетъ двухъ родовъ: простое, луговое (воздухомъ) и искусственное, химическое (хлоромъ). Последнее представляетъ гораздо больше выгоды, потому-что требуетъ несравненно менѣ времени, не зависитъ отъ погоды и наконецъ ограничивается меньшимъ помѣщеніемъ. Поэтому, бѣленіе хлоромъ почти повсюду вытѣснило луговое, по крайней мѣрѣ тамъ гдѣ проникло образованіе, или гдѣ для бѣленія устроены заведенія въ огромныхъ размѣрахъ. У насъ, въ Россіи, полотва бѣлится самими производителями, т. е. крестьянами, и потому бѣленіе хлоромъ не введено во всеобщее употребленіе. И самое луговое бѣленіе производится весьма не совершенными средствами.....

Предварительно ткань *мочится*. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы удалить шлихту и другія случайныя нечистоты. Моченіе заключается въ томъ, что ткань кладется на нѣсколько дней въ нагрѣтую воду до 20° Р. и потомъ хорошенько вымывается. За *моченіемъ* слѣдуетъ такъ называемое *бученіе*.

Ткань кладутъ въ чанъ, сверху покрытый толстымъ холстомъ. На холстъ насыпается зола. Потомъ, поливаютъ золу теплою водою, которая проникаетъ сквозь холстъ и растворенной въ себѣ щелочью начинаетъ дѣйствовать на ткань.

Полотно оставляется въ такомъ положеніи на 12 часовъ для того, чтобы дать время щелоку растворить въ себѣ красящее вещество и отдѣлить отъ ткани всѣ нечистоты.... Щелокъ потомъ выпускаютъ, а ткань сушатъ нѣкоторое время на воздухѣ. Эту операцію повторяютъ нѣсколько разъ, и наконецъ приступаютъ къ настоящему бученію, отличающемуся отъ *предварительнаго* тѣмъ только, что щелокъ дѣлается гораздо крѣпче. И именно, на 3 части щелочной соли берется 1,000 ча-

стей воды, между-тѣмъ какъ прежде на такое же количество воды употреблялось въ двое менѣ щелочной соли т. е. поташа. И наконецъ щелокъ нагревается сперва до 30° и потомъ до 70°, между-тѣмъ какъ въ предварительномъ бученіи послѣдняя температура его никогда не восходитъ болѣе 50°.

Вторичное бученіе повторяется отъ 8 до 10 разъ. Окончательно полотно вышоласкивается, выжимается или выколачивается и сушится на солнцѣ. Для тонкихъ полотень, бѣленіе этимъ же заканчивается. вмѣсто послѣдняго высушиванія, мокрую еще ткань кладутъ въ слабый растворъ сѣрной кислоты и, послѣ промывки чистою водою, разстилаютъ на лугу, гдѣ она подвергается вліянію росы и дождя, которые содѣйствуютъ бѣленію. Роса и дождь содержатъ въ себѣ воздухъ, богатый кислородомъ, который окисляетъ жирныя и красильныя вещества ткани и, такимъ образомъ, превративъ ихъ въ кислоты, дѣлаетъ способными растворяться въ щелокъ. Обыкновенный атмосферный воздухъ вѣроятно дѣйствуетъ такимъ же образомъ...

Окончательно, ткань смачивается въ слабомъ щелокѣ (1 фунтъ паташа на 400 мѣръ воды) и, послѣ повторенныхъ нѣсколько разъ подобныхъ операций, вышоласкивается и сушится въ особенной сушильнѣ. Вообще весь процессъ такого бѣленія требуетъ не менѣе 10 или 12 недѣль.

Мы сказали, что крестьяне бѣлятъ полотно весьма несовершеннымъ способомъ. Дѣйствительно, вмѣсто просторныхъ чановъ для бученія, они берутъ небольшіе горшки или корчаги, въ которые входитъ только до 25 или 30 аршинъ. Слѣдовательно, полотно, сотканное обыкновенно въ 60 или 70 аршинъ, приходится разрѣзывать на двѣ и даже три части. При томъ, эти горшки ставятся въ обыкновенную печь, гдѣ нельзя соразмѣрить температуру надлежащимъ образомъ. Понятно, чтобъ достигъ достаточной бѣлизны тканей, при такихъ способахъ, необходимо долгое время. Но крестьяне дѣлаютъ все поспѣшно, и потому полотна ихъ не отличаются никогда хорошою добротою. Разумѣется, здѣсь мы не беремъ исключеній и также не причисляемъ сюда иногда довольно хорошія заведенія у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, для выдѣлки льняныхъ тканей, гдѣ онѣ болѣею частью бѣлятся прекрасно, не смотря на то, что употребляется простое луговое бѣленіе.

Бѣленіе шеромъ производится слѣдующимъ образомъ:

Ткань сперва также мочится, потомъ подвергается дѣйствию

щелока или бучится и растилается на лугу на извѣстное время. Далѣе ее кладутъ на 12 или 24 часа въ жидкую *хлорную известь*, которая получается, если пропускать чрезъ гашеную известь хлоръ.

Какъ можно лучше вышолоскавъ ткань, ее погружаютъ въ слабый растворъ сѣрной кислоты. Потомъ послѣ вторичнаго вышоласкиванія, ткань снова бучится и растилается дня два на воздухѣ, при чемъ ее поливаютъ изъ лейки водою. Эта операція повторяется до тѣхъ поръ, пока полотно будетъ совершенно бѣло.

Обработанныя такимъ образомъ, льняныя ткани, а особенно грубый холстъ теряютъ до 20 и даже болѣе процентовъ по вѣсу.

Бумажныя ткани, которыя до бѣленія подвергаются такъ называемому *опаливанію* для того, чтобъ уничтожить пушистыя волокна, бѣлятся почти такимъ же образомъ, какъ и льняныя. Существенное различіе заключается въ томъ только, что для льняныхъ тканей требуется болѣе число повтореній однихъ и тѣхъ же операций. Для примѣра приводимъ, какъ производится способъ бѣленія миткаля и обыкновеннаго бумажнаго кипера.

Но прежде замѣтимъ, что послѣ каждой операціи должно промывать ткани и высушивать на воздухѣ. Промываніе производится или человѣческими руками, или посредствомъ парочно устроенныхъ промывальныхъ машинъ.

Бѣленіе миткаля и бумажнаго кипера.

1-я операція: Моченіе въ горячей водѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

2-я операція: Выколачиваніе и промываніе посредствомъ машинъ.

3-я операція: Кипяченіе въ известковомъ молокѣ въ продолженіе 12 часовъ.

4-я операція: Бученіе, около 14 или 18 часовъ (1^о/₂).

5-я — Вторичное бученіе.

6-я — Погруженіе въ слабый растворъ сѣрной кислоты на 20 минутъ (1^о/₂).

7-я операція: Погруженіе въ хлорную известь на 3 часа (2°).

8-я — Вторичное вышоласкиваніе въ окисленной банѣ, въ продолженіе 3 часовъ (4°).

9-я операция: Третье выщелачиваніе.

10-я — Хлорная баня.

11-я — Окисленная баня.

12-я — Накрахмаливаніе.

13-я — Просушваніе и каландрованіе*.

Накрахмаливаніе производится двумя способами, или погружая ткань въ крахмальній растворъ и потомъ выжимая излишнее количество крахмала между двумя гладкими брусками, или посредствомъ особенныхъ машинъ, при чемъ производство идетъ скорѣе и успѣшнѣе.

Для просушки, матерія пропускается черезъ цѣлый рядъ пустыхъ стальныхъ цилиндровъ, нагрѣваемыхъ раскаленными плитками или водяными парами.

Каландрованіе употребляется съ тою цѣлю, чтобы придать ткани лоскъ. Оно заключается въ томъ, что матерію пропускаютъ между деревяннымъ и металлическимъ валомъ, изъ которыхъ послѣдній пустъ и нагрѣвается вкладываемою въ него плиткою.

Для легкихъ тканей, какъ напримѣръ муселиновъ, не нужно кипяченія въ известковомъ молокѣ. Щелокъ готовится изъ углекислаго натра (соды) и наконецъ часто, вмѣсто бученія, употребляютъ только промывку въ мыльной водѣ.

Впрочемъ, каждая фабрика ситцевъ имѣетъ свой собственный способъ бѣленія.

Въ Англіи, тому 9 лѣтъ назадъ, начали бѣлить по американскому способу Фримена и Райта.

Американскій способъ введенъ также и на многихъ французскихъ фабрикахъ. Годри, въ Руанѣ, особенно усовершенствовалъ его. Если гдѣ горючій матеріалъ дешевъ, то этотъ способъ весьма выгоденъ; иначе онъ не приноситъ особенной пользы. Вѣроятно, это обстоятельство и было причиною, что онъ не усвоенъ повсемѣстно.

При бѣленіи шерсти и вообще шерстяныхъ издѣлій, агентами бѣленія принимаются не хлоръ и щелочи, потому-что эти вещества вреднымъ образомъ измѣняютъ шерсть и растворяютъ ее, но сѣрнистая кислота. Кстати упомянемъ о по-

* Если бумажныя ткани назначаются для окрашиванія, то онѣ не крахмаливаются и не мылятся.

выхъ способахъ узнавать подмѣсь бумаги въ шерстяныхъ тканяхъ, которая часто употребляется для личвыхъ выгодъ продавецвъ, ко вреду публики. Прежде узнавали этотъ обманъ довольно несовершеннымъ образомъ, а именно подносили концы ткани къ пламени свѣчи. Шерстяныя нити при этомъ начинаютъ медленно и съ трудностью горѣть, тотчатъ потухая, лишь только онѣ отнимаются отъ свѣчки, и производя притомъ неприятный смрадный запахъ сжигаемаго рога. Между-тѣмъ, бумажныя нити горятъ быстро, испуская запахъ воспламененной бумаги. Нынѣ придумали болѣе вѣрные способы, основанные на свойствахъ шерсти растворяться въ щелочахъ, на свойствахъ, которымъ не обладаютъ какъ бумага, такъ ленъ и пенька. Вотъ какимъ образомъ поступаютъ при испытаніи. Кусокъ испытываемой матеріи кипятятъ въ продолженіе двухъ часовъ въ растворѣ какой-нибудь щелочи. Если шерстяная ткань была чиста, она совершенно растворится и образуетъ мыло, которое соберется на поверхности. Это мыло проходитъ сквозь тонкое сито, при процеживаніи кипящаго раствора. Но если матерія содержала въ себѣ бумагу, то она не растворится совершенно. При процеживаніи, на ситѣ осадеть бумага въ видѣ волокнистой массы. Высушивъ этотъ осадокъ и сѣвнувъ его, можно опредѣлить содержаніе бумаги въ шерстяной ткани. Для этого, нужно только узнать предварительно вѣсъ взятаго куска испытываемой матеріи. Другой способъ, предложенный въ 1843 году г. Ласенемъ, заключается въ слѣдующемъ. Кусокъ испытываемой матеріи мочатъ въ обыкновенной азотной кислотѣ и выставляютъ на 7 или 8 минутъ на солнце, если это дѣлается лѣтомъ, или по крайней мѣрѣ ткань нѣсколько нагрѣваютъ въ печи, если испытаніе производится въ зимнюю пору. Вскорѣ, матерія (въ томъ случаѣ, если она содержала бумагу) принимаетъ два цвѣта: желтый и бѣлый. Шерстяныя нити окрашиваются въ желтый цвѣтъ, между-тѣмъ какъ бумажныя сохраняютъ свой бѣлый. Такимъ образомъ простымъ глазомъ, или съ помощью микроскопа, можно сосчитать приблизительно, сколько нитей въ пробномъ кускѣ матеріи шерстяныхъ или бумажныхъ.

Если ткань окрашена, усиливаютъ дѣйствіе азотной кислоты, которая разлагаетъ красильное вещество.

Послѣ этого краткаго отступленія, возвратимся къ нашему предмету.

Шерстяныя ткани иногда бѣлятся въ разведенной водою сѣрнистой кислотѣ, но чаще окуриваются сѣрою. Во второмъ случаѣ, бѣленіе производится слѣдующимъ образомъ:

Устраиваютъ особенную камеру, которая можетъ сообщаться съ наружнымъ воздухомъ только посредствомъ двери и двухъ отверстій, расположенныхъ на противоположныхъ концахъ. Внутри этой камеры протянуты жерди, вышиною на 3 метра отъ пола. На нихъ, развѣшиваются ткани, смоченныя водою. Потомъ, въ камеру ставятъ глиняный сосудъ съ сѣрою, которая зажигается. Отверстія тщательно замазываются. Сѣра на счетъ кислорода воздуха, заключающагося въ камерѣ, превращается въ сѣристую кислоту. Эта послѣдняя, соединяясь съ водою, которою были смочены ткани, дѣйствуетъ на красильное вещество и разрушаетъ его. Черезъ 24 часа, отворяютъ окна и дверь; наружный воздухъ вторгается въ камеру, изгоняетъ избытокъ сѣристой кислоты и высушиваетъ ткань. Если же операція была производима зимою, то вскорѣ запираютъ окна, а сущеніе совершается посредствомъ особенныхъ жаровень. Обыкновенно послѣ этого окуриванія, ткань вымываютъ въ мыльной водѣ, чтобы предать ей болѣе мягкости. Такъ какъ шелкъ окрашивается болѣею частью въ видѣ сырца и рѣдко въ видѣ ткани, то и самое бѣленіе основано на подобныхъ же условіяхъ.

Предварительно, шелкъ обезкамедивается т. е. лишается бѣлковины, жирныхъ и студенистыхъ веществъ. Эта операція заключается въ томъ, что шелкъ, положенный въ холщевыя мѣшки, варится въ мѣдныхъ котлахъ съ распущеннымъ въ водѣ марсельскимъ мыломъ. Вареніе продолжается до тѣхъ поръ, пока шелкъ лишится постороннихъ веществъ и пріобрѣтетъ бѣлый цвѣтъ. Если шелкъ не требуетъ совершенной бѣлизны, то берутъ количество мыла не болѣе 20 процентовъ.... Но если шелкъ назначается къ окраскѣ въ синій, пунцовый и другіе цѣльные цвѣта, гдѣ требуется совершенной бѣлизны, потому-что иначе окрашиваніе не вполне достигнетъ своей цѣли (чѣмъ шелкъ бѣлѣе, тѣмъ цвѣта выйдутъ лучше), то въ такомъ случаѣ увеличиваютъ количество мыла до 30 частей на 100 шелка. Наконецъ шелкъ для настоящаго бѣленія, какъ это дѣлается въ Лионѣ, окуриваютъ сѣрою. Операція производится такимъ же образомъ, какъ мы уже сказали выше, при бѣленіи шерсти. Шелкъ, назначенный для обьяриваемыхъ матерій, не окуривается сѣрою, потому-что въ этомъ случаѣ каландрованіе идетъ неуспѣшно.

Ту же самую предосторожность должно имѣть и для шелка, предназначаемаго на вязаніе, иначе онъ будетъ развѣдаться желѣзные и стальные инструменты, употребляемые для этой цѣли.

Осѣренный шелкъ худо красится, но это неудобство легко исправляется, если только смочить его нѣсколько разъ въ теплой водѣ.

Шелкъ, идущій на дѣланіе блондъ, газа и нѣкоторыхъ другихъ легкихъ матерій, не подвергается совершенному обезкамедиванію, чтобы не потерять бѣлковины, которая придаетъ ему крѣпость и эластичность.

Въ подобномъ случаѣ, берутъ шелкъ, сколько возможно бѣлый, погружаютъ въ горячую воду и потомъ подвергаютъ окисленію сѣрою. Эта операція повторяется нѣсколько разъ. Что жъ касается до желтаго шелка, то Боле совѣтовалъ погружать его на 48 часовъ въ алкоголь, крѣпостью въ 36°, съ прибавленіемъ небольшого количества хлористоводородной кислоты. Шелкъ дѣлается бѣлымъ и получаетъ прекрасный лоскъ. Впрочемъ этотъ способъ не вездѣ введенъ въ употребленіе, потому-что слишкомъ дорогъ. Гораздо дешевле тотъ способъ, гдѣ вмѣсто алкоголя употребляютъ азотную кислоту, которая въ соединеніи съ хлористоводородною, что составляетъ такъ называемую царскую водку (4 части хлористовод. на 1 часть азотной). Шелкъ погружаютъ въ царскую водку на извѣстное время, послѣ чего онъ пріобрѣтаетъ требуемыя качества.

Въ Китаѣ, для бѣленія шелка, употребляютъ совершенно другіе способы. Слѣдуя г. Груббену, жившему долгое время въ Кантонѣ, тамъ бѣлятъ шелкъ, погружая его въ баню, составленную изъ 25 частей ключевой воды, 6 частей пшеничной муки, 5 поваренной соли и 5 частей особеннаго рода бобовъ.

Разсказавъ вкратцѣ всѣ эти способы бѣленія, разсмотримъ съ химической точки зрѣнія, въ чемъ заключается дѣйствіе щелочныхъ солей, сѣристой кислоты, воздуха и хлора. Щелочныя соли, употребляемыя для бѣленія, суть поташъ и сода. Первая изъ нихъ есть соединеніе кали съ углекислою, вторая же натра съ тою же самою кислотою. Поташъ добывается изъ золы обыкновенныхъ растений, сода же изъ пепла морскихъ. Щелочныя соли растворяютъ жирныя и красильныя вещества ткани и такимъ образомъ измѣняютъ ихъ видъ. Этому свойству они обязаны единственно щелочамъ: кали и натру. Чтобы сдѣлать щелокъ болѣе ѣдкимъ, прибавляютъ немного извести, ко-

торая отнимает углекислоту от поташа и соды и этимъ самымъ предоставляет щелочамъ полную силу, удерживаемую до того въ ограниченныхъ предѣлахъ нейтрализующимъ дѣйствіемъ кислоты. Бѣлильщики были долгое время въ заблужденіи и даже нѣкоторые еще до-сихъ-поръ остаются въ немъ, приписывая извести способность разрушать, сжигать ткань. Если щелокъ и дѣйствовалъ подобнымъ образомъ, то именно отъ того, что онъ былъ слишкомъ сгущенъ, что въ немъ щелочи (кали и натръ) были уже не агентами бѣленія, но разъѣдали ткань.

Чтобы остановить это энергическое дѣйствіе щелока, должно только разбавить его водою. И такъ щелочныя соли обязаны своимъ бѣлильнымъ свойствами кали и натру, которые разрушаютъ жирныя вещества ткани, растворяя ихъ и образуя особеннаго рода соли (мыла), легко отмываемыя водою.

Неизвѣстно еще въ точности, какимъ образомъ дѣйствуетъ сѣрнистая кислота. Нѣкоторые полагаютъ, что она раскисляетъ красильныя вещества, другіе же (въ числѣ ихъ и Гротусъ), что она соединяется съ ними и образуетъ новые безцвѣтные составы. Словомъ, этотъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно.

Должно предполагать, что воздухъ дѣйствуетъ такимъ образомъ на красильныя вещества, что отнимаетъ у нихъ своимъ кислородомъ водородъ и превращаетъ ихъ въ составы кислые, легко растворимые въ щелочахъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что сѣнгъ, содержащій въ растворѣ много воздуха, весьма богатаго кислородомъ, совершаетъ подобное дѣйствіе.

Жирныя вещества, находящіяся на тканяхъ, равнымъ образомъ поглощаютъ кислородъ воздуха и превращаются въ жирныя кислоты, которыя весьма легко растворяются и образуютъ съ щелочами мыла.

Хлоръ, имѣющій большое сродство съ водородомъ, вѣроятно отнимаетъ его у красильныхъ веществъ ткани и черезъ то превращаетъ ихъ въ новые составы, которые или совершенно безцвѣтны, или по крайней мѣрѣ имѣютъ слабый желтоватый оттѣнокъ.

Мы нѣсколько разъ повторяли, что для бѣленія употребляется хлорная известь. Понятно, что тутъ представится вопросъ: отчего же не выгоднѣе употреблять прямо хлоръ, не переводя его въ состояніе хлорной извести?

Но вотъ почему хлорная известь предпочитается хлору: во-первыхъ, она издаетъ менѣе живой, менѣе удушливый запахъ:

во-вторыхъ, дѣйствіе ея медленнѣе, продолжительнѣе, послѣдовательнѣе, а главное оно можетъ быть увеличено до извѣстныхъ предѣловъ по мѣрѣ надобности, въ-третьихъ, примѣненія ея къ дѣлу несравненно проще, и наконецъ въ-четвертыхъ, хлорная известь лучше сохраняется и перевозится гораздо удобнѣе.

Хлорная известь не разлагается сама собою. Она издаетъ тогда только хлоръ, когда приводится въ соприкосновеніе съ воздухомъ, потому-что въ этомъ случаѣ углекислота, заключающаяся въ атмосферѣ, разлагается, соединяясь съ основаніемъ (известью). То же самое производятъ и кислоты, не содержащіяся въ атмосферѣ и взятая отдѣльно, именно для того только, чтобы разложить хлорную известь. Вотъ почему въ бѣленіи, послѣ бани хлорной извести, всегда слѣдуетъ баня сѣрной кислоты, которая изгоняетъ хлоръ.

=

ШАТОБРИАНЪ, ЕГО ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ И ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЕГО ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ предыдущей книгѣ *Сына Отечества* мы сообщили нашимъ читателямъ извѣстіе о смерти знаменитаго, французскаго писателя Шатобриана и краткій обзоръ его жизни. Сообщаемъ теперь болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія, заимствованныя нами изъ сочиненія *Людвика Ломени*, на двѣхъ здѣсь полученнаго изъ-за границы. Вотъ что говоритъ этотъ писатель о Шатобрианѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до февральской революціи, небольшое общество короткихъ пріятелей, всегда однихъ и тѣхъ же, являлось каждое утро у г. Шатобриана. Когда всѣ члены этого общества соберутся, дверь заперлась, и мы, въ глубокомъ молчаніи, слушали чтеніе записокъ, появленіе которыхъ въ свѣтъ будетъ печальнымъ вѣстникомъ для Франціи. Этотъ загробный памятникъ покажетъ, что Франція лишилась благороднаго и независимаго генія, который около половины столѣтія составлялъ ея славу, и что человѣчество потеряло въ немъ послѣдняго быть можетъ самаго великаго изъ четырехъ исполиновъ, которые дали свое имя и отпечатокъ литературѣ повѣйшихъ временъ; мы разумѣемъ Байрона, Гёте, Вальтеръ-Скота, Шатобриана.

Изображеніе смерти, являющееся на заглавномъ листкѣ книги, первую страницу которой занимаетъ завѣщательное предисловіе съ слѣдующимъ эпиграфомъ, взятымъ изъ Иова: *Sicut nubes... quasi naves... velut umbra*; гармоническій и важный

голосъ, который казался выходящимъ изъ гроба; чудныя пѣсни юности и любви, иногда прерываемыя грустными звуками, какъ напримѣръ: «читатель, котораго я никогда не узнаю, помни, что пылкая молодость моя прошла совершенно; что отъ меня теперь осталось только то, что могло перейти къ живому Богу, который будетъ судить меня»; пространная исторія великаго чловѣка и эпохи, богатой событіями, которая раскрывается передъ вами и проходитъ быстро, мгновенно, какъ слово читателя; и наконецъ впечатлѣніе, произведенное этою мыслию: вотъ чловѣкъ, увѣщанный славою, который въ послѣдній разъ вызываетъ событія всей своей жизни: все это придавало нашимъ собраніямъ характеръ грустной, трогательной торжественности.

Послѣ восьмидесятилѣтней дѣятельной жизни, могучая организациія автора «Рене» еще сильно боролась съ усиліями времени, этого великаго разрушителя. Подавленная снаружы жизнь его, казалось, сосредоточилась, такъ сказать, въ головѣ и въ сердцѣ. Чтобы возбудить чувство въ этомъ благородномъ сердцѣ и заставить его биться какъ двадцатилѣтнее, достаточно было нѣсколькихъ словъ, одушевленныхъ благородною или трогательною мыслию, нѣсколькихъ прекрасныхъ стиховъ Корнеля или Расина, сказанныхъ съ чувствомъ, или еще того болѣе, воспоминанія о прошломъ—чтенія Записокъ. Ничего нѣтъ поразительнѣе, какъ видъ этой впечатлительности, этого увлеченія юности въ старикѣ.

Уединенное жилище знаменитаго писателя находилось въ улицѣ Бака, въ нижнемъ этажѣ. Пройдя довольно обширную гостиницу, вы входите въ простую и скромную комнату, какъ келья,—это его спальня. Въ глубинѣ комнаты,halbwegs отъ входа, стоитъ желѣзная кровать съ бѣлыми занавѣсками; между занавѣс виситъ на стѣнѣ распятіе; прямо противъ кровати два окна, выходящія въ небольшой, тѣнистый и уединенный садъ; противъ камина одна изъ лучшихъ картинъ Рафаэля, Святое Семейство Франциска I, копія Миньярда: это главное или, лучше сказать, единственное украшеніе комнаты; на каминѣ двѣ статуэтки, представляющія одна Фиц-Джемса, другая Веледу, нѣсколько книгъ и наконецъ, между спивкой кровати и стѣной, деревянный некрашеный сундукъ съ испорченнымъ замкомъ, который не запирается.

Въ этомъ сундукѣ заключалось единственное сокровище чловѣка, который былъ министромъ и посланникомъ, который сво-

нимъ перомъ поставлялъ и уничтожалъ министровъ, восстанавливалъ и потрясалъ троны; человѣка, который открылъ новое литературное поприще и оставилъ благородный примѣръ генія, способнаго ко всѣмъ родамъ занятій, исключая тѣхъ, которые имѣютъ предметомъ богатство. «Жизнь моя,» говоритъ авторъ Замогильныхъ Записокъ, «въ ряду людей, которыхъ называютъ счастливыми, была бы лишена того, что составляетъ ея главный характеръ и достоинство: борьбы, бѣдности, независимости.» Въ этомъ сундукѣ съ испорченнымъ замкомъ хранилось не золото, но бумаги, которыя, можно сказать, стоили золота; эти бумаги, въ зеленыхъ картонахъ, были Записки, то есть сочиненіе въ десять или двѣнадцать томовъ, въ которомъ авторъ «Рене», казался, хотѣлъ соединить всю прелесть, все разнообразіе, все могущество своего генія.

Когда мы присутствовали на чтеніяхъ въ улицѣ Бака, июльская монархія, казалось, стояла на твердомъ основаніи. Самые рѣшительные ея враги, считая побѣду невозможною, откладывали борьбу. Одна только Шатобрианъ въ своемъ уединеніи предсказывалъ паденіе Людовика Филиппа и осуждалъ его на это паденіе.

Когда мы пришли возвѣстить Шатобриану, что Франція сдѣлалась республикой, онъ принялъ насъ съ улыбкой, которая означала: Я говорилъ вамъ; я прежде смерти долженъ былъ увидѣть это.

И такъ Шатобриану суждено было коснуться двухъ противоположныхъ пунктовъ нашей современной исторіи. Онъ родился въ концѣ стараго вѣка, умеръ при вступленіи въ новый; всѣ перевороты этого бурнаго, безпокойнаго общества имѣли отголоскъ въ его жизни и отразились въ его сочиненіяхъ.

Памятныя Записки г. Шатобриана писаны въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ положеніяхъ его жизни, что даетъ автору случай, всякой разъ, какъ онъ принимается за работу, помѣщать прекрасные прологи, дѣлать неожиданные обороты и разнообразить до невѣроятія свой предметъ. Онъ началъ ихъ въ 1811 году, продолжалъ, просматривалъ и переправлялъ безпрестанно до послѣдняго времени. Все сочиненіе можно раздѣлить на пять отдѣловъ. Первая часть начинается отъ рожденія автора до пріѣзда его изъ Англіи, то есть отъ 1768 до 1800 года; вторая часть заключаетъ въ себѣ время консульства и имперіи; третья есть не что иное, какъ жизнь Наполеона, обрисованная мастерскою рукою художни-

ка. Поэтъ беретъ своего героя еще въ колыбели и доводитъ его до 1814 года. Тутъ есть прекрасная картина русской кампаніи. Начиная съ 1814 года, авторъ описываетъ свою собственную жизнь въ связи съ исторіей своего времени. Этотъ рассказъ отъ 1814 до 1830 составляетъ четвертую часть; здѣсь, между прочими прекрасными мѣстами, есть настоящая поэма объ островѣ Св. Елены и окончательное сужденіе о Наполеонѣ. Наконецъ пятая часть есть исторія послѣднихъ годовъ жизни Шатобриана отъ 1830; потомъ общее заключеніе о Замогильныхъ Запискахъ и прекрасное сочиненіе о будущей судьбѣ міра.

Если бы спросили теперь, къ какой категоріи, къ какому роду литературныхъ произведеній принадлежатъ Замогильныя Записки Шатобриана, мы были бы въ большомъ затрудненіи, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Сколько мы ни искали въ прошедшемъ, мы ничего не нашли, что могло бы дать хоть приблизительное понятіе объ этомъ исключительномъ въ своемъ родѣ сочиненіи. Въ немъ слѣшиваются, гармонически сливаются всѣ роды возможныхъ сочиненій. Тутъ и исторія во всемъ своемъ величій, не исключая того, что называютъ нынче философскою исторіею; тутъ біографія, полемика, поэзія въ прозѣ со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, начиная отъ диаматрибы до элегии или идилліи; тутъ вы найдете игривую фантазію, томную мечтательность, цѣлую галерею картинъ историческихъ, семейныхъ, портретныхъ, морскихъ, цѣлую коллекцію пейзажей, тутъ и ѣдкая сатира, наконецъ есть и карикатуры и даже самыя лучшія. Вообразите себѣ панораму, которая бы представляла вамъ попеременно и безъ разпогласія видъ греческаго храма, христіанской базилики, венеціанскаго дворца, виллы на берегахъ Арно, ферму на берегахъ Мѣзы, мечеть, индійскую пагоду, китайскій кіоскъ; вообразите что каждая картина обставлена собственными ей сценами и предметами; сдѣлайте рамкой всему этому морю, неизмѣримое море, которое такъ страстно любилъ Шатобрианъ, называя его гдѣ-то своею «старою любимницею», и вы будете имѣть еще неясное понятіе объ эффектѣ сочиненія, прелесть котораго состоитъ въ величій и красотѣ, соединенныхъ въ безконечномъ разнообразіи.

Всѣмъ извѣстно, что Шатобрианъ былъ революціонеръ въ литературѣ, что колоритъ его сочиненій отразился болѣе или менѣе на всѣхъ современныхъ сочиненіяхъ. Съ нимъ случилось то же, что бываетъ и со всѣми великими нововводителями: сна-

чала подражали ему, потом все преувеличили, обезобразили, такъ что онъ остался позади своихъ подражателей. Многие могли обвинить его въ этомъ всеобщемъ наводненіи напыщенности. Но онъ хладнокровно разсуждаетъ объ этомъ. «Испуганный,» говоритъ онъ, «я напрасно кричу моимъ дѣтямъ: не забывайте французскаго языка! они мнѣ отвѣчаютъ, какъ Лиможанинъ Пантагрюсю, что они идутъ изъ знаменитой академіи, которая прозывается Лютеція.» Что отвѣчалъ бы, дѣйствительно, теперь Пантагрюсю, лиможскій школьникъ, который хотѣлъ бы поэтизировать? Онъ отвѣчалъ бы: я иду изъ великаго города, который въ своихъ обширныхъ пѣдрахъ располагаетъ будущностью, изъ города, гдѣ всходятъ на гору мысли, черезъ которую проходитъ духъ разума.» Не въ этомъ ли родѣ мы теперь поэтизируемъ? Напыщенность, гипербола, эти болѣзни народовъ младенческихъ и старыхъ, были ли когда-нибудь сильнѣе развиты во Франціи? Не угрожаетъ ли водяная нашему языку? Гдѣ теперь тонкость мысли, изящество вкуса?

Теперь намъ вѣскогда думать о вкусѣ; мы торопимся писать, чтобъ заработать какъ можно болѣе денегъ, и насъ читаютъ наскоро занятые люди. Въ этой толкотнѣ, кто успѣетъ вызвать вниманіе разсѣянаго читателя и поразить его, тотъ и правъ. Есть книги, заключающія въ себѣ много хорошаго, но обязанныя успѣхомъ именно тому, что въ нихъ есть отвратительнаго. Кто не слыхалъ двадцать разъ сужденій даже людей, считающихъ себя степенными: это нелѣпно, это неестественно, это безвкусіе, это странно, это несообразно, но это занимательно! И это послѣднее качество давало успѣхъ книгѣ. Но это грустно! это унижительно! унижительно, что искусство писать, имѣвшее прежде цѣлю представлять все прекрасное высокое, направлять умы, теперь сдѣлалось потѣхой въ родѣ пляски и не имѣетъ другой цѣли, какъ разсѣять, въ продолженіе одной или двухъ часовъ, замысловатыми скачками дѣловыхъ людей, мысли которыхъ заняты другими предметами.

Въ слогѣ г. Шатобріана, какъ замѣчаетъ г. Сенъ-Бѣвъ, есть почти всегда «здравый смыслъ даже въ самой напыщенности, скромность въ отвѣгѣ, тактъ и соразмѣрность въ величіи.» Кромѣ того въ немъ есть неисчерпаемое богатство тоновъ и красокъ. Уже всѣмъ извѣстно, какъ одно и то же лицо могло писать такимъ различнымъ слогомъ въ трехъ сочиненіяхъ: Мученики, Путевыя

Записки и Хартійская монархія; но только сдѣлается извѣстнымъ по выходѣ въ свѣтъ Замогильныхъ Записокъ, до какой степени патріархъ нашей литературы превосходитъ всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ изяществомъ, разнообразіемъ, гибкостью формъ, и какъ онъ придерживается, не смотря что былъ нововводитель, основныхъ правилъ французскаго языка.

Вольтеръ сказалъ: «совершенство состояло бы въ умѣнн приравнивать всегда слогъ къ предмету, о которомъ говорить, но кто можетъ идти на перекоръ привычкѣ и располагать своимъ гениемъ по своему произволу? «Вотъ это самое и должна быть задача, къ которой стремился знаменитый авторъ Замогильныхъ Записокъ: располагать по произволу сложнымъ гениемъ, который сочувствуетъ каждой мысли, каждому ощущенію, прибавить безъ усилія каждому тону вѣрную ноту, каждому отгѣнку свою краску, каждой мысли сообразный ей слогъ. Если г. Шатобріанъ не рѣшилъ недоступную задачу совершенства, легко можетъ статься, что въ этой обширной симфоніи найдутся слабыя части, преувеличенія, незрѣлыя мысли или разногласіе, но можно смѣло утверждать, что онъ такъ приблизился къ своей цѣли, что его любимое сочиненіе останется рѣдкимъ памятникомъ французскаго языка и неисчерпаемымъ предметомъ удивленія и изученія для людей, одаренныхъ воображеніемъ и вкусомъ.

Мы уже имѣемъ нѣкоторое понятіе о первой части Замогильныхъ Записокъ; мы вѣсколько разъ слышали отзывы о прекрасныхъ страницахъ, въ которыхъ г. Шатобріанъ описываетъ свое дѣтство на песчаномъ берегу Сенъ-Мало, свою безпечную, пылкую и мечтательную молодость. Кто не представлялъ себѣ старій замокъ, опасанный дѣсомъ, строгаго и суроваго хозяина, милую и боязливую мать, задумчивую сестру и этого ребенка, самого Шатобріана, и всѣ эти семейныя сцены, послѣдній остатокъ феодальной жизни, передъ революціей!

На ряду съ этими картинами, писанными темными красками Ванъ-Дика, насъ поразила особенно одна—это дѣтство Шатобріана, проведенное имъ въ деревнѣ Планкузъ, у г-жи Беде, его бабушки, съ матерней стороны.

«Бабушка моя,» говоритъ онъ, «занимала въ окрестностяхъ аббатства домъ съ садомъ, спускавшимся террасою по холму, изъ котораго билъ ручей, окруженный ивами. Г-жа Беде не могла ходить, но, исключая этого, она не имѣла другихъ недостатковъ

свойственныхъ старости. Это была милая старушка, полная, бѣлая, чистая, величественная, съ благороднымъ и пріятнымъ обращеніемъ; она носила старинное, сборчатое платье и черный кружевной чепчикъ. Умъ ея былъ образованный, разговоръ пріятный, характеръ серьезный. За ней ходила сестра ея дѣвица Буатильель, которая имѣла общаго съ ней только доброе сердце. Г-жа Буатильель была маленькаго роста, сухошава, весела, болтлива, насмѣшлива. Она любила въ молодости своей какого-то графа Тремигона, который долженъ былъ на ней жениться и не сдержалъ своего обѣщанія. Моя двоюродная бабушка часто пѣвала, надѣвъ очки на глаза и вышкывая манжетки сестрѣ, слѣдующій апологъ:

Un epervier aimait une fauvette,
Et, ce dit-on, il en était aimé.

Эта пѣсня кончалась слѣдующимъ припѣвомъ:

Ah! Tremigond, la fable est-elle obscure?
Ture, lure, lure, etc....

«Сколько на свѣтѣ вещей оканчиваются, какъ любовь моею бѣдной двоюродной бабушки: Ture, lure lure!

«Г-жа Буатильель распорядилась хозяйствомъ; бабушка обѣдала въ одиннадцать часовъ утра, потомъ отдыхала; въ часъ ея будили и переносили на террасу въ садъ подъ нвы ручья; тамъ она вязала, окруженная сестрою, дѣтми своими и внучатами. Въ то время старость считалась достоинствомъ; нынче она бремя. Въ четыре часа бабушку переносили въ залу; Пьеръ, лакей, ставилъ игорный столъ; г-жа Буатильель ударяла щипчиками по доскѣ камнемъ, и нѣсколько минутъ спустя приходили три другія пожилыя дѣвнцы изъ сосѣдняго дома. Фамилія ихъ была Вильде-Нс. Дочери бѣднаго дворянина, онѣ не хотѣли раздроблять небольшое свое имѣніе и пользовались имъ вмѣстѣ, никогда не разставаясь и не выѣзжая изъ родительскаго дома. Связанныя дружкой съ бабушкой съ самаго дѣтства, онѣ жили рядомъ съ нею и по поданному знаку приходили составить партію; игра начиналась; дамы находили случай поссориться: только въ это время и нарушалась обыкновенная ровность ихъ характера. Въ восемь часовъ, за ужиномъ, все снова было мирно. Часто дядя мой Бедъ съ сыномъ и тремя дочерьми ужиналъ у бабушки. Эта по-

слѣдняя припоминала тысячу разказовъ о старомъ времени; дядя въ своей чередѣ разказывалъ о фонтеюской битвѣ, въ которой онъ участвовалъ лично, и въ заключеніе приводилъ нѣсколько вольныхъ анекдотовъ, отъ которыхъ добрыя дѣвнцы помирали со смѣху. Въ девять часовъ кончался ужинъ; лакей убирала столъ; потомъ все становилась на колѣни, и г-жа Буатильель читала вслухъ молитву. Въ десять часовъ все въ домѣ спало, исключая бабушки, которая заставляла свою горничную читать ей вслухъ до часу. Это общество, которое я увидѣлъ впервые, первое и исчезло въ глазахъ моихъ. Смерть не пощадила этого мирнаго и благословеннаго жилища; я видѣлъ, какъ оно мало-по-малу пустѣло, какъ запиралась одна комната за другою, чтобъ никогда не раствориться. Я видѣлъ, какъ бабушка принуждена была отказаться отъ партіи за недостаткомъ привычныхъ партнеровъ; я видѣлъ, какъ уменьшалось число постоянныхъ друзей ея; бабушка умерла послѣдняя. Она дала слово сестрѣ не пережить ее и сдержала его. Г-жа Буатильель опередила ее только нѣсколькими мѣсяцами. Я быть-можетъ единственный человѣкъ, который зналъ о существованіи этихъ людей. Сколько разъ послѣ этого я дѣлалъ то же самое замѣчаніе; сколько разъ общества составлялись и распадались около меня. Эта невозможность прочности и продолжительности въ человѣческихъ привязанностяхъ; это глубокое забвеніе, которое слѣдуетъ за нами, это неизмѣнное молчаніе, окружающее нашу могилу и переходящее на жилище наше, все это дѣлаетъ для меня уединеніе необходимою.»

Въ этой послѣдовательности, въ этомъ неисчерпаемомъ разнообразіи и состоитъ вся прелесть Замогильныхъ Записокъ. Многіе читатели, быть-можетъ, воображаютъ найти въ этой книгѣ безконечную элегію; какъ они будутъ удивлены, удостоверяясь, что изъ всехъ современныхъ писателей, Шатобрианъ владѣлъ лучше всехъ даромъ пріятной шутки. Приведемъ картину примиренія поэта съ аббатомъ Морелле, во время представленія его членамъ академіи. «Я дѣлалъ,» говоритъ онъ, «обычные визиты членамъ академіи. Г-жа Вентимиль свезла меня къ аббату Морелле. Мы застали его въ креслахъ передъ огнемъ; онъ уснулъ и Путевыя Записки, которыя онъ читалъ, выпали изъ рукъ его. Пробужденный внезапно, когда лакей доложилъ ему о моемъ приѣздѣ, онъ приподнялъ голову и вскричалъ: Очень растянуто! Я ему сказалъ смѣясь, что я въ этомъ удостоверялся лично и

непрѣмѣнно сокращу новое изданіе. Онъ былъ любезенъ и обѣщаль подать голодъ въ мою пользу.»

Картина французской революціи 1792, удаленіе автора въ Англію и жизнь его во время эмиграціи представляютъ самую занимательную смѣсь веселости, восторга и грусти. Поэтъ-воинъ при осадѣ Тіонвилля моетъ при громѣ пушекъ свою единственную рубашку и, во время военныхъ дѣйствій, любитъ тихимъ теченіемъ воды, или слушаетъ пѣснь жаворонка, раздающуюся послѣ пушечныхъ залповъ. Тутъ пастухъ — нищій съ сумой, молится у подножія статуи Богородицы, спрятанной въ дубравѣ. Вотъ ночь на бивуакахъ, ночь веселая, когда всѣ собираются въ кружокъ около бочки, на которой стоитъ зажженная свѣча, и слушаютъ шутовскіе рассказы неутомимаго болтуна, серьезнаго шута, Диназара; онъ никогда не смѣется, но на него смотрѣть нельзя безъ смѣху, когда онъ рассказываетъ фантастическую, страшную и смѣшную исторію о Зеленомъ Рыцарѣ и женщинѣ большихъ собраній, которая есть самая смерть. Эта исторія и бивуачныя сцены написаны превосходно. Дальше борьба старой Франціи съ новою. «Одинъ разъ я былъ съ дозоромъ въ виноградникѣ; въ двадцати шагахъ отъ меня стоялъ охотникъ, старый дворянинъ и билъ концомъ своего ружья по винограднымъ лозамъ, какъ будто желая выгнать зайца, потомъ съ живостію по-сматривалъ вокругъ, не бѣжитъ ли патріотъ».

Во время снятія тіонвильской осады, прусское войско отступаетъ, французское, распущенное, разсѣвается, кто куда попалъ. Нашъ герой, больной оспою, раненый въ ногу, съ пустымъ карманомъ, съ палкой въ рукѣ, странствуетъ по арденскому лѣсу. Тутъ можно ожидать плача и рыданій, а выходитъ напротивъ, это одна изъ самыхъ веселыхъ частей Замогильныхъ Записокъ. Шатобріанъ говоритъ въ своемъ предисловіи: «Мнѣ случалось часто, въ счастливое время моей жизни, говорить о моихъ несчастіяхъ, а во время неудачъ вспоминать о счастливыхъ дняхъ.» Это самое и придаетъ его сочиненію видъ того измѣчиваго разнообразія, которое свойственно только ему одному. Въ томъ видѣ, какъ мы уже сказали, молодой эмигрантъ заблудился въ лѣсу. Онъ проводитъ ночь подъ деревомъ и когда занялась заря, онъ всталъ, чтобъ привѣтствовать ее. «Она была прекрасна, говоритъ онъ, а я былъ отвратителенъ». Онъ встрѣчаетъ Цыганъ, которые позволяютъ ему погрѣться у разведен-

наго ими огня; описываетъ Цыганъ и продолжаетъ свою дорогу; вотъ засвѣталъ снѣгирь, и онъ присвистываетъ ему и идетъ, напѣвая старинный романсъ Казота:

Tout au beau milieu des Ardennes,
Est un château sur le haut d'un rocher.

Вотъ проѣзжаютъ мимо какіе-то купцы; вотъ дровосѣкъ съ своимъ топоромъ. Тутъ поэтъ предается грусти: «Онъ долженъ бы, говорить раненый, принять меня за мертвый сукъ и срубить»; но эта грусть скоро исчезаетъ: жаворонки и зяблики, порхая между кустовъ, развлекаютъ его. Вотъ подвижной шалашъ пастуха, «Я нашелъ въ немъ» говоритъ нашъ Улпесъ, «только кошечку, которая бросилась ласкать меня. Пастухъ стоялъ въ отдаленіи посреди поля». Вотъ охотники, пересѣкающіе тропинку, вотъ ручей, журчащій среди зелени: это тотъ ручей, у котораго Роландъ увидѣлъ хрустальный дворець, полный дамъ и рыцарей. «Если бы паладинъ, вскричалъ раненый, оставилъ своего коня на берегу ручья, онъ былъ бы мнѣ очень полезенъ.» Его силы, дѣйствительно, все болѣе и болѣе ослабѣвали; оспа скрылась и начала душить его. Онъ ложится въ ровъ; ослабѣвшіе глаза закрылись съ послѣдними лучами заходящаго солнца. Тутъ проѣзжали фургоны принца де-Лини; его избросили на тельгу. Въ Намурѣ женщины принесли ему хлѣба, вина и подарили ему шерстяное одѣяло; я носилъ намурское шерстяное одѣяло, завязывая его у шеи; оно служило мнѣ вмѣсто плаща. И есть молодые люди, которые жалуются на бремя жизни! Вотъ что было съ Шатобріаномъ въ двадцать пять лѣтъ. Въ Лондонѣ было ему еще хуже. Тутъ бѣдность преслѣдуетъ его съ яростію, доводитъ его до голода, почти до голодной смерти, однако жъ въ разсказахъ объ этомъ ужасномъ времени замѣтно больше веселости, чѣмъ грусти: никто такъ безпечно не смѣялся надъ превратностями счастья. Однажды, желая осмотрѣть Вестмин-

стерь, изгнанникъ даетъ сторожу мертвыхъ послѣдній шиллингъ, который долженъ былъ служить на пропитаніе живаго; но потомство выиграло прекрасное описаніе этого мѣста. Забытый сторожемъ, онъ проводитъ ночь одинъ въ старомъ пантеонѣ древней Англій. Онъ разсматриваетъ своихъ собесѣдниковъ при лунномъ свѣтѣ и наконецъ засыпаетъ на саркофагѣ лорда Чатама. Переверните листъ и вы найдете его въ своей свѣтлѣкѣ на чердакѣ въ улицѣ Мари-Ле-Бонъ. «Постель моя,» говоритъ онъ, «состояла изъ матраца и одѣяла. Простыни не было. Когда было холодно, платье мое и стулъ, положенные на одѣяло, согрѣвали меня. Двоюродный мой братъ Ла-Бутарде, выгнанный изъ избушки Ирландца, за несостоятельность платежа, не смотря что оставилъ въ залогъ скрипку, пришелъ ко мнѣ просить, чтобъ я укрылъ его отъ преслѣдователей. Ла-Бутарде былъ совѣтникомъ въ бретонскомъ парламентѣ и бѣжалъ, не взявъ съ собою даже самаго необходимаго бѣлья; однако онъ бѣжалъ съ оружіемъ и багажемъ, то есть онъ взялъ съ собою свою четырехугольную шапку и красное платье. Онъ былъ весельчакъ, зналъ хорошо музыку и имѣлъ прекрасный голосъ; вечеромъ, когда намъ не спалось, онъ садился на свою кровать безъ всякаго платья, надѣвалъ свою шапку и пѣлъ романсы, акомпанируя себя на гитарѣ, у которой не доставало струны».

Это то же самое перо въ Замогильныхъ Запискахъ написало прекрасную главу, подъ названіемъ Сильфида, это первая любовь юноши, прекрасная поэма возвышенной чистоты чувства. Приведемъ въ примѣръ начало этой главы, гдѣ авторъ описываетъ первое бѣненіе своего шестнадцатилѣтняго сердца:

«Я составилъ себѣ идеалъ женщины изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ; ея станъ, волосы, улыбка напоминала мнѣ незнакомку, которая обласкала меня; я ей далъ глаза одной деревенской дѣвушки, свѣжесть лица другой. Я замѣтывалъ черты лица у портретовъ знатныхъ дамъ временъ Франциска I, Генриха IV и Людовика XV, даже похищалъ прекрасное съ изображеній святыхъ. Эта очаровательница слѣдовала вездѣ за мною невидимо; я съ ней разговаривалъ какъ съ живымъ существомъ; она перемѣнялась смотря по моему желанію; Афродита безъ покрывала, Діана въ свѣтлой ризѣ зюира, Талія съ улыбкой на устахъ, Геба съ кубкомъ молодости, часто она становилась волшебницей, которой покорялась вселенная. Я безпрестанно перемѣнялъ что-нибудь въ моей картинѣ; замѣнялъ

однѣ черты лица другимъ, измѣнялъ также и одежду, замѣтывалъ ее у всѣхъ народовъ, у всѣхъ вѣковъ; потомъ когда картина была вполне изящная, я снова перемѣнялъ рисунокъ и краски; мой идеалъ женщины превращался во множество женщинъ, въ которыхъ я восхищался красотой».

Тотъ же самый художникъ выразилъ послѣ съ такою же прелестью и всѣ оттѣнки чувства и страсти.

Вотъ семейная картина въ родѣ Гольдсмита. «Въ графствѣ іоркскомъ, въ одномъ изъ англійскихъ селеній жилъ пасторъ, жена его и красавица-дочь, пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Шарлота, своимъ пѣніемъ услаждаетъ сонъ старика отца, а молодой, неизвѣстный и бѣдный изгнанникъ, по имени Шатобрианъ, облокотясь на уголъ фортепіано, слушаетъ ее въ молчаніи и предаваясь все болѣе и болѣе тихому наслажденію душевной привязанности.» Мы не будемъ говорить, какія препятствія встрѣтила эта любовь въ самомъ началѣ ея развитія, ни о горестяхъ разлуки, ни о возвращеніи изгнанника въ Лондонъ, который ѣдетъ, какъ говорила одна остроумная и живая Ирландка, раненый въ сердце: все это можно прочесть въ Замогильныхъ Запискахъ.

Въ другой главѣ находимъ его въ Римѣ, въ ноябрѣ 1803 года. Авторъ услаждаетъ послѣднія минуты жизни несчастной женщины, которая не хочетъ жить и боится умереть. Это тоже трогательная исторія, но совершенно въ другомъ родѣ. Послѣдняя сцена, горестная, раздирающая сердце, сцена смерти, писанная въ 1838, спустя тридцать пять лѣтъ, совершенно снята съ натуры и такъ живо представлена, что невольно вызываетъ слезы.

Но сердце измѣняется, какъ жизнь. Вотъ воображаемая въ пятнадцать лѣтъ Сильфида является уже въ зрѣломъ возрастѣ, вотъ и пылкая молодость, которая, кажется, возражается со всеми своими призраками. Въ этой великой базиликѣ Замогильныхъ Записокъ, въ этой художической базиликѣ, составленной изъ чувства поэзии и исторіи, есть небольшая часовня, украшенная прекрасными картинами. Вы увидите тамъ знаменитаго министра, который, отрываясь отъ дѣлъ, идетъ наслаждаться спокойствіемъ и счастьемъ въ свое любимое убѣжище. «Когда запыхавшись,» говоритъ авторъ, «поднявшись въ четвертый этажъ, я входилъ вечеромъ въ свою келью, я былъ въ восхищеніи,» и тогда поэтъ предавался вполне вдохновенію музъ.

Посреди столь разнообразныхъ вдохновеній этой музы, то на-

смѣшливой, то страстной, то могучей, звучитъ время отъ времени и любимая нота, предпочитаемый мотивъ, мотивъ меланхолии и грусти. Но, какъ мы уже замѣтили прежде, могущество этихъ аккордовъ не вредитъ нисколько звучности сѣлаго. И къ тому же, не въ укоръ будь сказано партизанамъ старой веселости французской, не всё же могутъ смотрѣть на жизнь глазами Рожера Бошана или Жюкопда. Надо сознаться, что во всё время, начиная отъ Юва до Шатобриана, были люди, мучимые жаждою недостижимаго и безконечнаго, которые не могутъ свыкнуться съ жизнью, гдѣ все проходитъ, все вянетъ, измѣняется, молодость, любовь, дружба, честолюбіе, богатство, даже слава; пустота и неизвѣстность славы внушали поэту самыя трогательныя модуляціи. Этотъ геній эпохи, зараженной невѣріемъ, имѣетъ предъ своими учениками то преимущество искренности, что онъ не довѣряетъ даже самому себѣ. Тягость этого чувства замѣтна въ Замогильныхъ Запискахъ, и этимъ объясняются нѣкоторыя черты его характера, которыя дали поводомъ обвинять поэта въ эгоизмъ и гордости. Что касается до грусти, внушенной непостоянствомъ земнаго счастья и измѣчивостію нашихъ привязанностей, что можетъ быть прекраснѣе этихъ строкъ: «Бѣдность нашей природы такъ велика, что мы принуждены, для выраженія новыхъ страстей нашихъ, употреблять слова, уже истертые въ прежнихъ привязанностяхъ. Есть однако слова, которыя надо было бы употреблять одинъ разъ въ жизни; ихъ оскверняютъ, повторяя такъ часто.»

Эта борьба поэта-христианина съ самимъ собою продолжается до того дня, когда, восторжествовавъ надъ грозою, онъ покоряется волѣ Божіей, восклицая: «Боже великій и милосердый! ты не бросилъ насъ на эту землю для ничтожныхъ огорченій и жалкаго счастья. Наше неизбѣжное разочарованіе доказываетъ намъ величіе назначенія нашего. Какъ бы ни были велики наши заблужденія, если мы сохранили душу правдивую и прибѣгали къ Тебѣ во время нашихъ искушеній, мы перенесемъ, по благодати Твоей, когда кончится время нашего испытанія, въ предѣлы вѣчной любви.»

Мы разсмотрѣли поэтическую и психологическую сторону Замогильныхъ Записокъ. Теперь разсмотримъ ихъ въ отношеніи историческомъ, особливо въ отношеніи французской революціи.

Записки г. Шатобриана не заключаютъ въ себѣ полной и подробной исторіи революціи, въ нихъ вы только найдете собра-

ніе картинъ и портретовъ, писанныхъ очевидцемъ и перемѣшанныхъ съ общими выводами.

Сначала посмотримъ картины и портреты. Знаменитый писатель видѣлъ старый свѣтъ въ послѣдніе его дни. Ему было 18 лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Версаль, и въ февралѣ 1787 подалъ случай напечатать въ Gazette de France слѣдующую ноту: «Графъ Карль д'Отеейлъ, баронъ Сепъ-Марсо и кавалеръ де-Шатобрианъ, которые на дняхъ были представлены ко двору, имѣли честь 19 числа сего мѣсяца слѣдовать за королемъ въ экипажахъ его королевскаго величества и провожать его на охоту.» Изъ этихъ трехъ дворянъ остается теперь одинъ г. д'Отеейлъ, который присутствовалъ на похоронахъ своего знаменитаго версальскаго товарища. Разлученный съ нимъ въ продолженіе долгаго времени, онъ съ своей стороны сдѣлалъ описаніе представленія своего ко двору Людвига XVI и упомянутой охоты; это же самое составляетъ одну изъ занимательнѣйшихъ главъ заграничныхъ записокъ. Что касается до основанія, оба разсказа во всемъ согласуются; это надо замѣтить для того, что многіе, читая блестящія картины Шатобриана, могутъ думать, что онъ увлекался воображеніемъ и не придерживался истины. Тѣ, которые путешествовали съ его Путевыми Записками, увѣряютъ, что знаменитый авторъ изъ числа очень немногихъ артистовъ-писателей, пейзажи которыхъ можно узнать на мѣстѣ; и такъ можно надѣяться, что онъ соблюдалъ эту точность и въ описаніи людей и происшествій, и это качество придаетъ сочиненію еще болѣе цѣны, когда мы примемъ въ соображеніе ту странную безпечность, съ которою нынче пишутъ исторію.

Мы видимъ въ Замогильныхъ Запискахъ картину того пысканнаго, пустаго, дряхлаго общества, которое играло на краю могилы; мы видимъ ее, начертанную мастерскою рукою, съ главными ея лицами, начиная отъ нерѣшительнаго робкаго короля и королевы «которая, казалось, вполне счастлива жизнью и съ такою граціею держала скипетръ столькихъ королей, потомъ принуждена была въ темницѣ чинить лохмотья жены сторожа» и до послѣднихъ и жалкихъ представителей философической и литературной школы.

Описавъ людей, Шатобрианъ описываетъ вещи, съ тѣмъ превосходствомъ историка, который представить вамъ очеркъ происшествія въ нѣсколькихъ строчкахъ. «Въ это время (1787) все было въ разстройствѣ, умы и нравы—признакъ близкой рево-

люціи. Судьи пренебрегали своею должностью и смѣлялись надъ важностію своихъ предковъ; жены президентовъ не хотѣли быть почтенными матерями семейства, оставляли свои скромныя жилища, чтобъ сдѣлаться блестящими искательницами приключеній; министры осуждали одинъ другаго, власть у всѣхъ выпадала изъ рукъ. Хорошимъ тономъ считалось быть въ городѣ Американцемъ, при дворѣ Англичаниномъ, въ полку Пруссаконъ, однимъ словомъ, быть всѣмъ, исключая Француза. Все, что дѣлали, что говорили, представляло рядъ несообразностей. Хотѣли оставить аббатовъ, но не хотѣли имѣть религіи; никто не могъ быть офицеромъ, не будучи дворяниномъ, между-тѣмъ вооружались противъ дворянства; вводили равенство въ салоны и удары палокъ въ полку.» Но вотъ декорация перемѣняется, распадающееся зданіе трещитъ со всѣхъ сторонъ, земля начинаетъ дрожать. Авторъ замогильныхъ Записокъ переноситъ насъ въ Бретань, въ то бурное собраніе, въ которомъ демократія, предводимая Моро, молодымъ студентомъ, прославившимся потомъ въ исторіи, осаждаетъ аристократію.

Вотъ начинается 1789 годъ «достопамятный годъ,» говорить Шатобрианъ, «въ нашей исторіи и въ исторіи всего человѣчества.» Молодой бретонскій офицеръ отправляется въ Парижъ; на пути онъ видитъ во всѣхъ городахъ, селеніяхъ, деревняхъ, ропотъ, безпокойство въ народѣ, готовность къ возстанію.

Посреди всеобщаго потрясенія, которое слѣдуетъ за паденіемъ Бастиліи, уже показывается это ужасное племя варваровъ, выходящихъ изъ нижняго слоя общества, это племя палачей и разбойниковъ, которые обезславили революцію:

Знаменитый авторъ Замогильныхъ Записокъ всегда порицалъ рѣзню революціи; если бы его здравый умъ и не могъ вполне разгадать всю цѣлѣность, несправедливость и опасность нѣкоторыхъ переворотовъ, то характеръ его не позволилъ бы ему унизиться до такого рода популярности, и Шатобрианъ въ своихъ сочиненіяхъ, даже въ самыхъ разнородныхъ, сохраняетъ что-то особое, что составляетъ его характеръ. Умъ Шатобриана подвергался также измѣчивости того времени: будучи нѣсколько разъ застигаемъ бурей, онъ удержался на якорѣ. Изучая его вблизи, легко замѣтить неподвижныя точки, мнѣнія или, лучше сказать, предѣлы мнѣній, которыя не измѣняются. Эти непереходимые предѣлы зависятъ отъ характера, а не отъ соображеній ума. То же самое точное, но твердое чувство

чести, справедливости, которое руководило имъ и смягчало аристократическія идеи автора «*О монархіи и о хартии*», руководить также и болѣе демократическими идеями автора *Замогильныхъ Записокъ*. То же самое чувство преобладаетъ и при ужасныхъ сценахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Мрачныя картины революціи, къ счастью, перемѣшаны съ картинами въ другомъ родѣ. Отъ 1789 до 1791, насиліе и убійство появлялись еще, какъ вещь случайная. Авторъ списываетъ съ натуры живую и движущуюся фязіономію этого взволновавшаго общества, довѣрчиваго къ будущему, и въ которомъ сталкиваются съ безпечностію старинныя и новыя обычаи. Вездѣ литературныя собранія, политическія общества и спектакли; по улицамъ безпрестанно проходятъ взадъ и впередъ народныя депутаціи, пикеты и патрули; возлѣ чело-вѣка, во французскомъ платьѣ, съ напудренной головой, со шпагой на боку и шляпой подъ мышкой, вы видите другаго, съ обстриженными волосами и безъ пудры, въ англійскомъ фракѣ и американскомъ галстухѣ. Въ театрѣ актеры объявляютъ новости; въ партерѣ раздаются патріотическіе куплеты. Отъ висѣлицы бѣгутъ въ оперу слушать пѣніе Вигано-ни. Бульваръ Итальянцевъ и аллея тюльрійскія наполнены разряженными женщинами, посреди которыхъ блестятъ три молоденькія племянницы Гретри, бѣлыя, розовыя, какъ наряды ихъ. Посреди роскошной, еще существовавшей тогда аристократіи, Шатобрианъ указываетъ на сапожника въ офицерскомъ мундирѣ національной гвардіи, который на колѣняхъ снимаетъ бѣрку съ вашей ноги; на доминиканца, который въ пятницу былъ въ своемъ черномъ или бѣломъ платьѣ, и надѣлъ въ воскресенье круглую шляпу и свѣтскій кафтанъ; въ толпѣ веселыхъ женщинъ важно сидитъ абесса, изгнанная изъ своего монастыря, и любопытные посѣщаютъ эти монастыри, открытые для свѣта, какъ путешественники посѣщаютъ въ Гренадѣ оставленныя залы Альямбры.

Потомъ авторъ ведетъ въ засѣданіе полномочнаго учредительнаго собранія и даетъ намъ эскизъ этой извѣстной общественной фабрики, гдѣ разрушался старый и возобновлялся новый свѣтъ. Шатобрианъ останавливается особенно на одномъ лицѣ, которое господствуетъ надъ всѣми прочими—это Мирабо; онъ по-

свящаетъ великому оратору портретъ во весь ростъ, въ которомъ видѣтъ тотъ яркій колоритъ, который онъ ввелъ впервые во французскую литературу. Три дня послѣ смерти Мирабо, въ апрѣлѣ 1791 Шатобрианъ отправляется въ Америку. Знаменитый и мужественный старикъ Малербъ склонилъ его на это путешествіе и говорилъ молодому мечтателю, сдѣлавшемуся его родственникомъ и другомъ: «если бъ я былъ моложе, я поѣхалъ бы съ вами, я избавился бы отъ мученія видѣть столько преступленій, подлостей и сумасбродствъ, но въ мои лѣта надо умереть тамъ, гдѣ мы находимся.»

Годъ спустя, въ 1792 г. Шатобрианъ снова въ Парижѣ, въ эпоху революціи. Авторъ, послѣ краткаго обзора историческихъ происшествій, случившихся въ его отсутствіе, заставляетъ насъ снова присутствовать при всѣхъ сценахъ новаго акта драмы, въ которомъ все уже переменялось, потому-что годы въ такое время равняются столѣтіямъ. «Парижъ, говоритъ Шатобрианъ,» въ 1792 уже былъ не тотъ, что въ 1789 и 1790; это уже была не начинающаяся революція, но народъ, стремящійся, въ какомъ-то омыненіи къ своей несчастной судьбѣ, черезъ пропасти и по непроходимымъ дорогамъ. На улицахъ встрѣчались только испуганныя или жестокія лица людей, которые или прокрадывались вдоль домовъ, чтобъ не быть замѣченными, или бродили, ища добычи; робкіе и опущенные глаза, боявшіеся встрѣтиться съ вашими или смотрѣвшіе на васъ съ суровою пронзительностію, чтобъ разгадать и проникнуть въ васъ... Къ парижскому народонаселенію присоединилось еще другое — южные разбойники. Авангардъ изъ Марсельцевъ, которыхъ Дантонъ привлекаетъ къ 10 августу и сентябрьскимъ убійствамъ, можно было отличить по лохмотьямъ и сумоглому цвѣту ихъ лицъ, по подлому и преступному виду.»

Въ этой рамкѣ являются новыя лица, которыхъ революціонная буря подпыла на поверхность общества, Маратъ, Дантонъ, Камилъ Демуленъ, Фабръ д'Эглантенъ, Фуше Шометъ, всѣ участники клуба Кордельеровъ, самаго страшнаго изъ двухъ народныхъ собраній, которыя уже наводили ужасъ на Францію. Шатобрианъ не видѣлъ въ 1792 г. клуба Якобинцевъ, гдѣ начиналъ господствовать Робеспьеръ. Эту послѣднюю знаменитость онъ видѣлъ въ собраніи два года прежде, въ 1790

году, и потому обрисовываетъ его очень кратко. «Въ концѣ сильнаго спора», говоритъ онъ, «взошелъ на каеэдру депутатъ очень обыкновеннаго вида; его сѣрое и бездушное лицо, порядочная прическа, опрятное платье придавали ему видъ управляющаго хорошимъ домомъ или деревенскаго нотаріуса. Онъ сказалъ длинную и скучную рѣчь; его не слушали; я спросилъ его имя,—это былъ Робеспьеръ.»

Въ галереѣ портретовъ 1792, мы не находимъ Робеспьера или, лучше сказать, онъ показывается на второмъ планѣ; но мы извлечемъ изъ портрета Дантона слѣдующій отрывокъ: «Дантонъ былъ выше Робеспьера. Надобно оцѣнивать характеръ по поступкамъ людей: преступники съ пылкимъ воображеніемъ, какъ Дантонъ, кажутся, по ихъ преувеличеннымъ рѣчамъ и отчаянному увлеченію, распутіе и преступіе хладнокровныхъ, а на дѣлѣ они гораздо невиннѣе.»

Потомъ мы присутствуемъ на засѣданіяхъ клуба Кордельеровъ. Шатобрианъ представляетъ членовъ этого клуба такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ, и надо сознаться, что они не красивы. Маратъ безобразенъ; Шометъ также; Дантонъ дурень, Фуше дурень; даже Камилъ Демуленъ не хорошъ; этотъ послѣдній былъ болѣе сумасбродный, чѣмъ злой человекъ, какъ ни пагубно было его сумасбродство; мы желали бы слышать не столь строгій приговоръ объ немъ. Впрочемъ авторъ говоритъ съ краснорѣчивымъ правосудіемъ о прекрасной смерти Камилъ Демулена, которою онъ загладилъ проступки своей жизни. «Несправедливо было бы забыть,» говоритъ онъ, «что Камилъ Демуленъ осмѣлился идти противъ Робеспьера и мужествомъ своимъ выкушилъ свои заблужденія. Онъ подалъ сигналъ противодѣйствія терроризму. Молодая и прекрасная женщина, которую онъ любилъ, силою своего характера сдѣлала его способнымъ къ добродѣтели и самопожертвованію. Негодованіе внушило краснорѣчіе неустранимому и безвѣчному оратору; онъ съ достоинствомъ возсталъ противъ эшафотовъ, которые самъ помогъ воздвигнуть.»

Что касается до партера клуба Кордельеровъ, онъ отвратительнѣе даже самыхъ актеровъ. Чтобъ списать съ природы эту

лабораторію преступленій и ужасовъ, гдѣ совершились сентябрьскія убійства, Шатобрианъ не брезгаетъ обмакнуть свою кисть въ мѣстную краску и дать слогу своему всю вольность, требуемую обстоятельствами.

Описавъ революцію, какъ артистъ, авторъ обсуживаетъ ее, какъ мыслитель. Мы не можемъ утверждать, что потомство подтвердитъ всѣ сужденія, которыя могутъ встрѣтиться въ этомъ сочиненіи.

Знаменитый писатель желалъ заслужить любовь народную. Какой геній не желаетъ этого? Но есть жертвы, на которыя бы онъ никогда не рѣшился, и если онъ въ частныхъ подробностяхъ не всегда былъ одинаковъ, то онъ имѣлъ полное право сказать: «Главные линии моего существованія не изогнулись» потому-что онъ умѣлъ удерживать себя въ непреложныхъ предѣлахъ, налагать на себя обязанности, выполнять ихъ съ точностію, жертвовать для этихъ обязанностей не только личными выгодами, что для подобныхъ людей ничтожно, но всеобщимъ одобреніемъ. Его обширному уму была доступна каждая новая мысль; мы найдемъ въ его Замогильныхъ Запискахъ самую смѣлую мысль объ организаціи будущихъ обществъ, мысли, которыя уже проявлялись пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ у молодаго автора въ одномъ изъ его сочиненій; но всякое ученіе, основанное на уничтоженіи правъ, на насиліи, навсемъ томъ, что онъ называлъ поклоненіемъ пороку, подвергается имъ строгому осужденію: эти правила всегда были ненавистны Шатобриану. «Всякое преступленіе», говоритъ онъ, «содержитъ въ самомъ себѣ признакъ неспособности и зародышъ несчастія; и такъ будемъ дѣлать добро, чтобы быть счастливыми, и будемъ справедливыми, чтобы быть искусными.»—«Никогда,» восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о теоріяхъ 93 года, «никогда убійство не будетъ въ глазахъ моихъ предметомъ удивленія и доказательствомъ свободы; ничто не можетъ быть ниже, презрѣннѣе, подлѣе, неадекватнѣе террориста. Я видѣлъ, возвратясь во Францію, весь этотъ рядъ Брутовъ на службѣ у Цезаря и его полиціи; уравниатели, возобновители, разорители были превращены въ прислужниковъ, шпионовъ и лазутчиковъ, а потомъ пожалованы въ разные почетныя званія. Какое варварство!»

Въ послѣднее время своей жизни, когда онъ все болѣе и болѣе становился равнодушнымъ ко всему земному, ложныя си-

стемы и особенно ложная демократія, демократія притѣсненія и насильства, только и могла его разшевелить, оживить, привести въ негодованіе; онъ выходилъ изъ себя и, будучи болѣею частью молчаливымъ, говорилъ много и сильно.

Шатобрианъ скончался въ то самое время, когда заблужденія и софизмы, противъ которыхъ онъ возставалъ всю свою жизнь, были поводомъ протія цѣлыхъ рѣкъ крови на улицахъ Парижа. Іюньская битва, это ужасное потрясеніе, которое угрожало уничтоженіемъ всего народонаселенія Парижа, была мученіемъ послѣднихъ дней его жизни. Сидя у открытаго окна, чувствуя предсмертную слабость, блѣдный, печальный, съ поникшею головою, онъ внималъ дальнему звуку междоусобной войны: при каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ, онъ вздрагивалъ, и на глазахъ его навертывались слезы.

ЗАВѢЩАТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЗАМОГИЛЬНЫМЪ ЗАПИСКАМЪ ШАТОБРИАНА.

Парижъ, 4 декабря 1855.

Такъ какъ я не могу предвидѣть, когда настанетъ послѣдній день моей жизни, и какъ въ мои лѣта, дни, дарованные человѣку, надо принимать какъ особенную милость или лучше испытаніе, то, боясь быть достигнутымъ смертію неожиданно, я хочу объявиться на счетъ труда, разсѣявшаго скуку послѣднихъ дней моихъ, которымъ никто не позавидуетъ и съ которыми не знаешь что дѣлать.

Записки, въ главѣ которыхъ будетъ написано это предисловіе, обнимаютъ, или будутъ обнимать время всей моей жизни; онѣ начаты были въ 1811 году и продолжались до нынѣшняго дня. Я разсказываю, въ томъ, что уже кончено, и буду разсказывать, въ томъ что только еще набросано, мое дѣтство, воспитаніе, молодость, вступленіе въ службу, пріѣздъ въ Парижъ, представленіе ко двору Людовика XVI, первыя сцены революціи, мое путешествіе въ Америку, возвращеніе въ Европу, эмиграцію въ Германію и въ Англію, возвращеніе во Францію во время консульства, занятія мои и работы во время имперіи, поѣздку въ Иерусалимъ, занятія и работы во время реставраціи, наконецъ полную исторію этой реставраціи и ея паденія.

Я встрѣчалъ почти всѣхъ людей, которые, въ мое время, играли большую или малую роль въ чужихъ краяхъ и въ моемъ отечествѣ, начиная отъ Вашингтона до Наполеона, отъ Людовика XVIII до Императора Александра, отъ Пія VII до Григорія XVI, отъ Фокса, Бурке, Питта, Шеридана, Лондондерри, Капо-д'Истрія, до Малерба, Мирабо, отъ Нельсона, Боливара, Мегемета, египетскаго паши, до Суфрена, Бугенвилля, Лаперуза, Моро. Я составлялъ триумвиратъ, который не имѣлъ подобнаго: три поэта, противоположные по интересамъ и по различію націй, были почти въ одно время министрами иностранныхъ дѣлъ, я во Франціи, г. Каннингъ въ Англіи, Мартинесъ де-ла-Роза въ Испаніи.

Я прошелъ послѣдовательно пустыя годы моей молодости, непроеденные годы республиканской эры, время Бонапарте и легитимистскаго времени.

Я проѣзжалъ по всѣмъ морямъ и океанамъ, и былъ во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта. Я жилъ въ шалашѣ Ирокеза и въ палаткѣ Араба, въ вигвамѣ Гурона, въ разрушенныхъ Аонвахъ, въ Иерусалимѣ, въ Мемфисѣ, въ Кароагенѣ, въ Гренадѣ, у Грека, у Турка и Мавра, среди льсовъ и развалинъ; носилъ изъ медвѣжьей шкуры плащъ дикаря и шелковый кафтанъ Мамелюка; испытывалъ бѣдность, голодъ, жажду и изгнаніе, и былъ возведенъ въ министры, потомъ сдѣланъ посланникомъ, ходилъ въ золотѣ, непременный орденами и лентами, садился за столъ королей, бывалъ на праздникахъ у принцевъ и принцессъ, и снова впалъ въ бѣдность и испытывалъ тюремное заключеніе.

Я былъ въ сношеніяхъ со многими знаменитыми людьми, военными, духовными, политиками, судьями, учеными и художниками. У меня множество матеріаловъ, болѣе четырехъ тысячъ частныхъ писемъ, дипломатическія корреспонденціи моихъ разныхъ посольствъ, переписка при моемъ переходѣ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Я носилъ ружье солдата, палку путешественника, посохъ странника; какъ у пловца, мои судьбы управлялись непостоянствомъ моего паруса; какъ альціона, я свилъ гнѣздо свое на волнахъ.

Я управлялъ дѣлами и въ мирное, и въ военное время, подписывалъ договоры, протоколы, и печаталъ мимоходомъ много сочиненій. Я былъ посвященъ въ тайны партій, двора и государства; я видѣлъ вблизи самыя рѣдкія несчастія, самое высочайшее счастье, самыя великія почести. Я присутствовалъ при осадахъ, на конгрессахъ, на конклавахъ, при возстановленіи и разрушеніи престоловъ. Я писалъ исторію и могъ писать ее; и моя уединенная, мечтательная, поэтическая жизнь проходила по этому міру дѣйствительностей, переворотовъ, бури и шума, съ сынами моихъ думъ Шахасомъ, Рене, Эвдоромъ, Абенъ-Гаметомъ; со дочерьми моихъ мечтаній, Аталой, Амеліей, Бланкой, Велледой, Симодосеей. Я не-хотя и не стараясь, быть-можетъ, имѣлъ на мой вѣкъ тройственное вліяніе, религіозное, политическое и литературное.

Теперь осталось около меня не болѣе пяти современниковъ, пользующихся продолжительною извѣстностью. Альфиери, Канова и Монти исчезли. Италия отъ своего блестящаго времени сохранила только Пиндемонте и Манцони; Пеллико провелъ свои прекрасные годы въ шпильбергскихъ темницахъ; дарованія отечества Данте осуждены на молчаніе, или принуждены томиться въ иностранныхъ земляхъ; лордъ Бейронъ и Кэмпбелль умерли молодыми; Вальтеръ-Скоттъ оставилъ насъ; Гёте умеръ, непополненный славы и лѣтъ. Франція почти ничего не сохранила отъ своего богатаго прошедшаго; она начинаетъ новую эру; я остаюсь одинъ, чтобъ похоронить мой вѣкъ, какъ старый священникъ, который во время безъерскаго грабежа долженъ былъ звонить въ колоколъ, ожидая своей смерти, пока не падетъ послѣдній гражданинъ.

Когда смерть станетъ между мною и свѣтомъ, то увидятъ, что моя драма раздѣляется на три акта.

Отъ первой моей молодости до 1800 г. я былъ воинъ и путешественникъ; отъ 1800 до 1814, во время консульства и имперіи, моя жизнь была литературная; отъ реставраціи до нашего времени политическая.

На всѣхъ трехъ поприщахъ я имѣлъ въ виду какую-нибудь особенную цѣль: какъ путешественникъ, я стремился къ открытію полярнаго міра; какъ литераторъ, я старался возстановить религію на ея развалинахъ; какъ государственный человѣкъ, я желалъ показать истинную, монархическую, представительную систему съ ея различными преимуществами. Если я иногда не успѣвалъ въ моихъ предпріятіяхъ, судьбы мои не были ко мнѣ благосклонны. Иностранцы, которые брались за тѣ же самыя предпріятія, имѣли на своей сторонѣ счастье; у нихъ были могущественные друзья и спокойная родина; я былъ лишенъ этого счастья.

Изъ новѣйшихъ французскихъ авторовъ моего времени я чуть ли не одинъ, жизнь котораго отражается въ его сочиненіяхъ. Путешественникъ, воинъ, поэтъ, публицистъ, я въ лѣсахъ воспѣвалъ лѣсъ, на кораблѣ описывалъ море, въ лагерѣ говорилъ о войнѣ, въ изгнаніи узналъ изгнаніе, при дворахъ, въ дѣлахъ, въ собраніяхъ изучалъ принцевъ, политику, законы и исторію. Греческіе и римскіе ораторы принимали участіе въ дѣлахъ государства и раздѣляли его участь. Въ Италиі, въ Испаніи, въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху возрожденія, первые гениі писатели и артисты участвовали въ общественномъ дви-

женіи. Какая бурная, по прекрасная участь Данте, Тасса, Камониса, Эрсильи, Сервантеса.

Во Франціи наши древніе поэты и историкъ пѣли и писали во вретя странствованія и посреди сраженій; Тибо, графъ Шампань, Вильгарденъ, Жуанвилъ занимствовали красоту своего слога изъ жизни полной приключеній; Фруассаръ знакомится съ исторіею на большихъ дорогахъ и узнаетъ ее изъ рассказовъ рыцарей и аббатовъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ и съ которыми продолжаетъ путь. Но начиная съ царствованія Фраициска I, наши писатели стали людьми изолированными, дарованія которыхъ могли быть выраженіемъ ихъ ума, а не происшествіи той эпохи.

Если мнѣ назначено жить, я представлю въ моемъ лицѣ, избраженномъ въ моихъ Запискахъ, правила, идеи, происшествія, перевороты, эпоею моего времени; тѣмъ болѣе, что я видѣлъ конецъ и начало свѣта, и что противоположные характеры этого конца и начала смѣшиваются въ моихъ сужденіяхъ. Я очутился между двухъ столѣтій, какъ при слияніи двухъ рѣкъ. Я погружался въ ихъ мутныя воды, удаляясь съ сожалѣніемъ отъ стараго берега, гдѣ я родился, и плывя съ надеждою къ неизвѣстному, куда стремились пристать новыя поколѣнія.

Замогильныя Записки, раздѣленныя на книги и на части, писаны въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ; это самое ведетъ къ отступленіямъ, напоминающимъ происшествія, случившіяся въ послѣднее время при описаніи мѣста, гдѣ я долженъ продолжать нить моего разсказа.

Разнообразныя происшествія и измѣчивыя виды моей жизни также сливаются; мнѣ случалось въ дни моего благоденствія говорить о моихъ несчастіяхъ; а въ тяжкое время описывать дни счастья.

Различныя чувства разныхъ возрастовъ моей жизни, молодость, проникающая въ старость, тяжесть опытныхъ лѣтъ, опечаливающая мои безпечные годы, лучи моего солнца, начинающаго отъ своего восхода до заката перестѣкающіеся и сливающіеся, какъ разбѣянные отблески моего существованія, придаютъ моему труду родъ неопредѣленнаго единства; моя колыбель сливается съ моей могилой, моя могила съ колыбелью; страданія становятся удовольствіями, удовольствія огорченіемъ; такъ что не отгадываешь, въ какомъ возрастѣ писаны эти Записки, молодымъ ли человѣкомъ или сѣдымъ старикомъ.

Я говорю это не въ похвалу себѣ, потому-что не знаю, хорошо ли это. Я говорю то что есть, что было.

Съ особенною отеческою поличительностію принялся я за сочиненіе этихъ Записокъ; я желалъ бы воскреснуть, въ часъ свидѣній, чтобъ держать ихъ корректуру: мертвые проворны!

Многіе изъ друзей моихъ просили меня напечатать теперь часть моихъ Записокъ; я не могъ исполнить ихъ просьбу. Во-первыхъ я буду, противъ своего желанія, не такъ откровененъ и не такъ правдивъ; и къ тому же я писалъ, воображая себя сидящимъ въ могилѣ. Сочиненіе поэтому приняло какой-то религіозный характеръ, который я не могу переѣмнѣть, не повредивъ цѣлому; мнѣ трудно было бы заглушить этотъ дальній голосъ, который выходитъ изъ могилы и слышится въ продолженіе всего разсказа. Пусть извинятъ мнѣ мою слабость, мою излишнюю озабоченность о судьбѣ бѣднаго сироты, который долженъ остаться послѣ меня на землѣ. Если я довольно страдалъ въ этомъ мірѣ, чтобъ быть въ другомъ счастливою тѣнью, то пусть нѣсколько слабыхъ лучей, освѣтивъ мою послѣднюю картину, смягчатъ недостатки живописца; жизнь мнѣ не къ лицу, смерть пойдеть быть-можетъ лучше.

ПОХОРОНЫ ШАТОБРИАНА.

Юля 22, въ Сень-Малѣ происходило погребеніе бранныхъ остатковъ Шатобриана. Множество народу изъ города и изъ всей страны присутствовали при этой величественной церемоніи. По порученію Французской академіи, г. Амперъ былъ главнымъ ея представителемъ при печальномъ торжествѣ. Надгробная рѣчь, имъ произнесенная, соотвѣтствовала чувствамъ дружбы и всеобщей печали, и произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Возвышенность, величіе, составлявшее въ особенности характеръ генія Шатобриана, увѣнчали и его похороны. Мы переедемъ здѣсь рѣчь, произнесенную г. Амперомъ:

«Господа,

«Французская академія не могла не участвовать въ этой торжественной горести, въ этомъ необыкновенномъ почтеніи, которое вы такъ справедливо воздаете тому, кто составлялъ

лучшую ея славу. Голоса болѣе краснорѣчивые и имена болѣе извѣстныя должны были бы быть здѣсь ея представителями; но я одолженъ моею настоящею ролюю—постоянной благосклонности, которую удостоивалъ меня великій человекъ, теперь нами оплакиваемый; воспоминаніе теперь горестное о правѣ, которое я имѣлъ называться искреннимъ его другомъ, будетъ гордостью моей жизни.

«Въ продолженіе двадцати лѣтъ, почти каждый день я проводилъ по нѣскольکو часовъ съ г. Шатобрианомъ.

«Подъ покровительствомъ дружбы, о которой имѣю право здѣсь напомнить, потому-что она была неизмѣнна до послѣдняго часа, я имѣлъ счастье удивляться вблизи тому, слава котораго наполняла свѣтъ, и любить его, удивляясь ему. Исполняя смиренный долгъ мой, я буду говорить о великомъ геніи, какъ о человѣкѣ. Впрочемъ они нераздѣльны, и мнѣ довольно будетъ только упомянуть о рѣдкихъ душевныхъ качествахъ и характерѣ г. Шатобриана, чтобъ дать вамъ понятіе о главнѣйшихъ чертахъ его генія, какимъ онъ проявился въ безсмертныхъ твореніяхъ; эти творенія были лучезарнымъ отблескомъ его самого. У великихъ писателей, какъ и у всѣхъ людей, нравственная сила есть источникъ и причина ихъ твореній.

«Религія занимаетъ первое мѣсто въ литературной славѣ г. Шатобриана. Нужно ли говорить, что авторъ Генія Христіанства, Мучениковъ и Путевыхъ Записокъ, былъ христіаниномъ и католикомъ, искреннимъ католикомъ. Болѣе убѣжденный по сердцу, чѣмъ по разуму, онъ вѣровалъ потому, что плакалъ. Я вѣрую съ закрытыми глазами, говорилъ онъ. Вѣра этого прекраснаго генія была вѣра простосердечная его дѣтства и его матери. Великій защитникъ христіанства говорилъ еще, (я слышалъ это изъ его собственныхъ устъ), что онъ сдѣлался бы съ радостію мученикомъ.

«И въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому-что никто не показывалъ столько готовности жертвовать собою, чтобъ остаться неизмѣннымъ своимъ правиламъ, какъ онъ; никто съ такою поспѣшностію не подтверждалъ своихъ словъ дѣломъ, не останавливаясь опасностію.

«Я ссылаюсь здѣсь на многочисленныя пожертвованія, которыя онъ сдѣлалъ во вторую половину своей жизни; честь была необходимою его нравственнаго бытія. «Если надобно что-

нибудь предпринять, говорилъ г. Шатобрианъ, то я дѣйствую по побужденію чести.»

«Это было то великодушное чувство, которое его вызвало изъ пѣдръ американскихъ лѣсовъ на мѣсто битвы, которое заставило его смѣло выйти въ отставку послѣ убійства герцога Англенскаго, и позже, по случаю опредѣленія гибельнаго министерства. Послѣ смутныхъ дней 1830 года, въ которые побѣдители носили его съ триумфомъ, опять честь предписала ему отказаться отъ всего, отъ почестей, богатства, политическаго вліянія. Связанный уваженіемъ къ присягѣ болѣе, чѣмъ обольщенный мечтами надежды, преданный своей независимости и вѣрности, онъ сохранилъ всеобщее уваженіе, не смотря на противоположныя начала разныхъ партій.

«Онъ всегда могъ уважать самого себя, а это рѣдкое достоинство для человѣка, безпристрастнаго къ самому себѣ; и когда годы отягчили его голову, одинъ годъ заставили его преклонить это смѣлое и ничѣмъ не запятнанное чело, которое не унижалось ни предъ какой несправедливостью.

«Въ Діеппѣ я находился съ нимъ въ то время, какъ онъ узналъ о публикаціи извѣстныхъ июльскихъ декретовъ. Я еще теперь слышу голосъ негодованія его; какъ будто теперь вижу его, величественнаго въ своемъ гнѣвѣ, передъ этимъ моремъ, которое намъ внимасть, между-тѣмъ какъ великолѣпное, закатывающееся солнце, на которое и въ ту минуту, онъ, какъ поэтъ, не могъ не любоваться, освѣщало его благородное лицо.

«Франція, которая въ своихъ лѣтописяхъ, мало насчитываетъ сыновъ, которыми бы она могла гордиться, не имѣла никогда болѣе преданнаго сына. Когда шла рѣчь о Франціи, голосъ г. Шатобриана имѣлъ всегда особенное выраженіе; онъ былъ исполненъ волненія и гордости. Старое знамя было его знаменемъ. Все, что придавало блескъ нашему отечеству, находило въ немъ сочувствіе.

«Въ его Замогильныхъ Запискахъ, которыя кажутся какъ будто писанными изъ-за гроба, и которая смерть сдѣлаетъ извѣстными, увидятъ, что Наполеонъ, могущественный и самовластный, имѣлъ въ г. Шатобрианѣ смѣлаго и горячаго врага, когда еще борьба длилась; но за то ревностный противникъ имперіи, усмиранный временемъ и особенно обезоруженный несчастіемъ, нашелъ превосходныя, умилительныя слова о великомъ

ватерлооскомъ побѣжденномъ и великомъ узникъ острова Святой Елены.

«Не трудно было бы указать въ литературныхъ сочиненіяхъ г. Шатобриана отпечатокъ чувствъ религіозныхъ, чувствъ чести, независимости и патриотизма, которыя жизнь его намъ показала. Но здѣсь не время и не мѣсто для подобныхъ сближеній.

«Обыкновенная жизнь г. Шатобриана не заключала въ себѣ никакой торжественности, которая проявляется въ его слогѣ, и не имѣла мрачнаго характера, который часто встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Мечтательный геній пѣвца разваливъ уступалъ мѣсто разуму чистому и свѣтлому и даже довольно положительному, однимъ словомъ исполненному самыхъ лучшихъ качествъ. Его языкъ, такъ же какъ и его обращеніе, былъ чрезвычайно изящень и также совершенно простъ. Грусть Рене оставалась въ высшей сферѣ его фантазій; можетъ-быть не скрывалась ли она въ тайныхъ глубинахъ его души, но она никогда не смущала пріятности его бесѣды. Тѣ, которые приходили къ г. Шатобриану, прочитавъ прежде его творенія и постигнувъ его ослѣпительную славу, были изумляемы печальностью, встрѣчая въ немъ тихую веселость, очаровательную снисходительность и постоянное спокойствіе, которое не было нарушаемо ни временною скорбью, ни приближеніемъ смерти. Но увы! она пришла, эта смерть, которою онъ часто пренебрегалъ и о которой мысль, сроднившаяся съ нимъ, была его любимой мечтой. Достоянная подруга его жизни, опередившая его, какъ будто предсказала его близкую кончину. Его могущественная старость постепенно разрушалась. По мѣрѣ, какъ онъ приближался къ этому роковому предѣлу, казалось, онъ собиралъ мысли и заключался въ самого себя въ печальномъ величіи молчанія, которое представлялось наступающимъ молчаніемъ могилы. Однако онъ не былъ чуждъ того, что происходило вокругъ него. Все, что касалось религіи, преданности, храбрости, его трогало. Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ проливалъ слезы, послѣднія слезы, услышавъ о геройской смерти парижскаго архіепископа, и слушая рассказы о подвигахъ молодыхъ воиновъ. Эти волненія потрясали его безмолвную душу, какъ клики, долетающіе съ поля сраженія, потрясаютъ безмолвную арфу Оссіана, висящую въ покинутыхъ залахъ Теморы.

«Если г. Шатобрианъ соединялъ вѣру христіанства, честь рыцаря, патриотизмъ гражданина, если онъ всегда имѣлъ сердце

Француза, онъ также былъ совершеннымъ типомъ Бретонца, праводушнымъ, искреннимъ, независимымъ и нѣсколько дикимъ. Бретань была ему всегда дорога. Съ нею связаны воспоминанія его дѣтства, мечты юности, творенія его музы.

«Въ кобургскихъ лѣсахъ онъ жилъ жизнью Рене; на сумрачныхъ скалахъ Арморика ему явился очаровательный призракъ Велледы. Наконецъ онъ еще разъ доказалъ свою привязанность къ Бретани и въ особенности къ вашему городу, къ этой могучей странѣ, исполненной поэзии; на этихъ скалахъ, посреди волнъ, вы узнаете колыбель г. Шатобріана, и тутъ же онъ звѣщалъ себѣ могилу.

«Да почтеть онъ, этотъ великій смертный, въ пристанищѣ, имъ самимъ избранномъ, подъ свѣю креста, имъ воздвигнутаго при шумѣ родныхъ волнъ любимаго имъ моря. Гранитная могила сохранить свой драгоценный залогъ; но въ чемъ я болѣе увѣренъ, имя Шатобріана, неразрушимѣ вашихъ гранитныхъ береговъ, будетъ возвышаться надъ великимъ приливомъ вѣковъ, который безпрестанно поднимается за нами, и который подъ своимъ уровнемъ, всегда возрастающимъ, поглощаетъ каждый день новую вершину прошедшаго и уноситъ въ потокъ забвенія. Мы можемъ смѣло сказать, что намъ остается одно земное утѣшеніе, которое можетъ усладить нашу скорбь: жизнь славы великихъ людей, которой достигъ г. Шатобріанъ, пройдя самое блестящее и безкоризненное поприще; эта жизнь славы, начинающаяся для него вмѣстѣ съ безсмертіемъ небеснымъ, которому мы поклоняемся съ благоговѣніемъ, молитвами и слезами, не прекратится до тѣхъ поръ, пока наша планета не разрушится или послѣдніе слѣды человѣческіе не будутъ стерты съ лица земли.»

Кривука и Бислиографія.

Альціона. Учено-литературный Сборникъ, изданный Константиномъ Зеленецкимъ. Выпускъ первый. Въ 8 д. 54 страницы. Одесса. Въ типографіи Т. Неймана и комп. 1848.

Отъ 1831 до 1833 года издавалъ я, здѣсь въ С. Петербургѣ, Альманахъ, для котораго придумалъ я небывалое дотошъ въ главѣ альманаховъ, журналовъ и сборниковъ имя *Альціоны*, сообразно съ тѣмъ, что выходъ нашихъ тогдашнихъ альманаховъ — въ декабрь мѣсяцъ, къ наступавшему новому году — совпадалъ со временемъ насиванія птицы этого имени (*alcedo isprida*, по-русски *зимородокъ*): за семь дней до кратчайшаго дня и семь дней послѣ того, по сказанію Аристотеля. Извѣстно, что альціона любитъ уединеніе морское и даже выплываетъ своихъ птенцовъ на-морѣ, въ глызды, зыблемыя волнами, какъ говоритъ Овидій, на концѣ своей сказки:

Perque dies placidos hyberno tempore septem
Incubat Halcyone pendentibus aequore nidis.

Это семидневное, или двухнедельное, *безвѣтріе* — *dies placidi* — называлось у древнихъ *alcedonia* (sc. *tempora*) или *dies alcyonei*, т. е. красивые, праздничные дни, когда море спокойно. Въ то время, когда я издавалъ свою *Альціону*, въ нашей словесности были эти *альціонные дни*; въ моемъ альманахѣ участвовали своими трудами

Жуковский, Пушкинъ, Марлинскій, Гнѣдичъ, Баратынскій, Ф. Н. Глинка, Языковъ, Подолинскій—имена, заветныя для русскихъ музъ! Съ году на годъ все труднѣе дѣлалось составленіе порядочнаго альманаха... я прекратилъ изданіе, отнюдь не на-всегда, но только до *прихода* новыхъ альціонныхъ дней въ нашей литературѣ. Видя съ сожалѣніемъ, что эти красныя денечки долго не приходятъ, я, для *охраненія своихъ правъ* на счастливое мое *изобрѣтеніе* имени *Альціоны*—(сказалъ же Пушкинъ, разумѣется шутя, какъ и мы шутимъ здѣсь: «Г-нъ Българинъ геній, пбо *изобрѣлъ* имя *Выжшница*»)—и повторяю, по сказанной причинѣ, развилъ свои поэтическія крылья и пропѣлъ чисто-анакреонтическую пѣсню: *Кѣрилосъ*, увѣренный, что ея охранилъ на-всегда, по крайней мѣрѣ до конца моихъ дней, исключительное право свое на имя «Альціоны». Посудите сами: была ли то увѣренность неосновательная? Вотъ моя охранительная пѣсня:

Кѣрилосъ.

Старикъ подагрой ногу своихъ лишенъ,
Но разговорчивъ, ласковъ, милъ и веселъ;
Поэтъ въ душѣ—старикъ Анакреонъ—
Бесѣдою насъ всѣхъ плѣняетъ онъ
И радуется своихъ страдальныхъ креселъ.
Не чудно ли? Живительнымъ умомъ
Преодолялъ онъ плоти бытъ печальный,
И грація ума такъ живо въ немъ
Напоминаетъ возрастъ идеальный!
Его обстали дѣвщины вѣнцемъ,
Чьихъ матерей бывалъ онъ идолъ бальный.
Онъ съ ними шутитъ и ласкаетъ ихъ,
И свѣтлый рой красавицъ молодыхъ
Вокругъ него, заигрывая, вьется,
Шумитъ, шалитъ, и съ искрами въ очахъ,
При звонкомъ, бѣгломъ говорѣ въ устахъ,
Катитъ его на креслахъ и смѣется,
И такъ и поситъ старца на рукахъ!
И радостенъ и молодъ старецъ хилый,
И дѣвщинамъ съ улыбкой говоритъ:
«Такъ Кѣрилосъ, самецъ альціонидъ,
На старости, когда уже нѣтъ силы,
Когда ему, въ разлетахъ временныхъ,

Уже не служатъ собственныя крылы,
Несомъ на крыльяхъ самокъ молодыхъ!»

Скажите: чье ледяное сердце не растопится—или не растопилось—отъ элинскаго дуновенія этого умилятельнаго анакреонтизма? Могъ ли я, послѣ этой пѣсни, не надѣяться, что и *меня*, на старости—безногаго и безкрылаго Кѣрилоса—понесетъ на своихъ крылышкахъ моя юная *Альціона*, мое единственное сокровище литературное, доставившее мнѣ нѣкоторую извѣстность и вспоминаемое съ похвалою даже недругами мовми. Что было мнѣ пользы отъ всѣхъ моихъ писаній? А между тѣмъ я стремился къ высшему въ искусствѣ, въ моемъ романѣ «Сидонскій», въ двухъ моихъ послѣднихъ трагедіяхъ: «Дочь Іоанна III» и «Гелимеръ, послѣдній царь Вандаловъ». Еще мнѣ неизвѣстно, какъ принять *публикою* мой «Сидонскій», помѣщенный въ V и VI № № нашего журнала за текущій годъ; только знакомые, встрѣчные и поперечные, горько упрекаютъ меня окончаніемъ моего романа: «Зачѣмъ вы не кончили *свадьбою*: тогда романъ вашъ былъ бы хорошъ! ужели не будетъ *второй части*?» Преклоняю повинную голову, извиняюсь и отвѣтствую безмолвіемъ на послѣдній вопросъ. А за «Альціону» никто не бранилъ издателя; для всѣхъ она была милая гостыя—а это-то сокровище мое, эту единственную овечку бѣдняка отнялъ теперь у меня человекъ богатый, г-нъ Зеленецкій, у котораго *цѣлое стадо* овечекъ, а именно:

«Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. Четыре книжки. Москва, 1835—36, in 8°.»

«Изслѣдованіе значенія, построенія и развитія слова человѣческаго и приложеніе сего изслѣдованія къ языку русскому. Москва, 1837, in 8°.»

«Система и содержаніе философскаго языкоученія. С. Пб. 1841, in 8°.»

«О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. Одесса, 1846, in—4°.»

«Исследование о риторикѣ въ ея наукообразномъ составѣ и въ отношеніяхъ ея къ логикѣ и къ наукѣ о словѣ. Одесса, 1846, in—8°.»

«Объ особенностяхъ языка русскаго и объ отношеніи его къ языкамъ западно-европейскимъ. Одесса, 1848, in 4°.»

Огромное стадо, простирающееся отъ Финскаго залива до Чернаго моря—отъ С. Петербурга черезъ Москву до Одессы! Кроме шутокъ: ужели авторъ толковыхъ глубокихъ исследованийъ, трактатовъ и диссертаций не могъ выдумать новаго собственного, *другимъ* еще не употребленнаго имени для своего Сборника? Вообще замѣчаютъ, что у глубоко-ученыхъ людей мало бываетъ воображенія, потому-что огромный перевѣсъ на сторонѣ ума; но много ли требуется воображенія, или памяти, чтобы выдумать, или выбрать—хоть изъ славянской мифологіи—новое имя для учено-литературнаго труда? Вѣроятно, г-ну Зеленецкому полюбилась милая птичка, витающая въ пустыняхъ морской и свивающая свое гнѣздо на-морѣ. Она темно-синяго цвѣта, отливающаяся пурпуромъ и зеленью; пѣніе ея мелодически-жалобное; величиною она съ жаворонка. Но, если полюбилась птица, то въ такомъ случаѣ издатель могъ бы взять себѣ русскія ея наименованія: *зимородокъ*, *ледешникъ* или *иванокъ*; или названіе французское: *Мартынь-рыболовъ* (Martin-pêcheur); или—наконецъ, если греческое имя милѣе, то хоть *Гальціона*, какъ находимъ у Жуковскаго, въ его переводѣ Овидіевой сказки. Я предпочелъ произношеніе іоническое: *Альціона*—и г. Зеленецкій перехватилъ у меня *Альціону*, можетъ-быть, не зная моего охранительнаго *Керілоса*. Какъ бы то ни было, публика на-вѣрное не одобритъ этого неудачнаго замѣтованія. Гораздо удачнѣе, эффектнѣе, заманчивѣе было бы, напримѣръ заглавіе: «*Мартынь-Рыболовъ*, учено-литературный Сборникъ.» Ни съ какой стороны не было бы претензій, и такое оригинальное названіе учено-литературнаго Сборника, изданнаго столь почтеннымъ ученымъ, сильно подстрекнуло бы любопытство публики. Жаль! Чтò касается до меня, то я, вы-

сказавъ свое неудовольствіе въ предисловіи, рассмотрю уже безъ *сердца* эту одесскую «Альціону.»

Странно, что нѣтъ предисловія, никакой вѣсти о томъ, сколько будетъ выпусковъ? Въмѣсто предисловія, находимъ изъ Вильмена эпиграфъ, который переведемъ по-русски: «Какъ въ художествахъ, такъ и въ жизни, есть вѣчная истина и переходящія формы.... Истина—то, что доходитъ до глубины сердца чело-вѣческаго; все прочее только покровъ, измѣняющійся по времени года и по прихотямъ употребленія.» Эпиграфъ очень хорошъ, но ничего не объясняетъ, на счетъ «Сборника учено-литературнаго,» и не имѣетъ никакого отношенія къ черноморскому «Мартину-Рыболову,» какъ находимъ мы, по прочтеніи всѣхъ его статей. Ихъ пять: I. Сикстинская Мадонна. II. Изъ дневника Оттиліи. III. Классицизмъ и Романтизмъ въ своемъ историческомъ значеніи. IV. Нѣсколько словъ о западѣ. V. Афоризмы и стихи.

«Сикстинская Мадонна. Опытъ критико-эстетической оцѣнки картины Рафаэля Санціо д'Урбино: *Madonna di san Sisto*, хранящейся въ дрезденской картинной галлерей.»

Какое педанство! Какая напыщенность и чопорность! Не лучше ли было сказать по-просту: «Нѣсколько словъ о сикстинской Мадоннѣ?» Всякій знаетъ, что она—картина Рафаэля и *идь* она находится; всего болѣе подобаетъ намъ *просто*, въ виду возвышеннаго, священнаго предмета! «Опытъ критико-эстетической оцѣнки картины Рафаэля!» Уже ли авторъ нашъ воображалъ себя въ состояніи *оцѣнить* столь дивное созданіе генія? Мы можемъ говорить только о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на насъ гениальнымъ созданіемъ; но кто его *оцѣнитъ*? Разсмотримъ же этотъ опытъ критико-эстетической оцѣнки: «Многіе думаютъ, что это подлинное произведеніе кисти Рафаэля; другіе, напротивъ, считаютъ эту картину *противеніемъ*, *едьмь* *нѣмымъ* *ученикомъ* его Джуліо Романо. «*Противень!*» Какой изумительный пуризмъ; но этотъ опытъ критико-эстетическаго пуризма насмѣшилъ съ перваго шагу: авторъ крѣпко зашнур-

за архаизмъ и потѣшилъ насъ «сдѣланнымъ ученикомъ!» Если бы, вмѣсто противня, стояло обыкновенно слово *копія*, то не было бы *сдѣланнаго ученика*, т. е. оборота, смѣшнаго отъ соединенія этихъ двухъ словъ и—въ добавокъ—несвойственнаго русскому языку. Такія обмолвки простибельны въ журналахъ, въ срочной работѣ; иная статья дописывается наканунѣ 1-го числа, когда долженъ выйти новый номеръ журнала: не успѣешь пересмотрѣть написанное! Но опытъ критико-эстетической оцѣнки картины Рафаэля Санціо д'Урбино пишется не къ сроку и, въ продолженіе цѣлаго года (какъ видимъ изъ означеннаго подъ статью числа) можно бы выправить всѣ недосмотры. Чтѣ же имѣется новаго въ этомъ критико-эстетическомъ опытѣ? Ничего! Авторъ говоритъ то же самое, что говорили и другіе, т. е. чтѣ въ этой картинѣ нѣтъ ничего земнаго, чисто-человѣческаго; нѣтъ никакой страсти, никакой конечной суетной мысли; нѣтъ ни красоты, ни граціи, ни улыбки любви (*материнской*—надо бы было прибавить), ни материнскаго умиленія, ни печали, ни собогъзнованія, ни женской стыдливости и проч. Однимъ словомъ: это *небесная* о Мадоннѣ *мечта* выпренняго генія, олицетворенная *небеснымъ* образомъ, т. е. безо всякой примѣси земнаго. То, что земной художникъ могъ, въ этой картинѣ, сложить съ себя все земное, содѣлать ее, въ этомъ родѣ, небывалымъ еще чудомъ искусства; это чудо тѣмъ замѣчательнѣе, что переходитъ за предѣлы изящнаго! потому мы менѣе плѣняемся этою картиною, нежели влечемся ею къ молитвѣ, возносимся къ небесамъ. Одни *ангелы* могутъ глядѣть на сикстинскую Мадонну съ тѣмъ чувствомъ, какое ощущаемъ мы передъ другима Мадоннами Рафаэля и прочихъ великихъ мастеровъ. Если же отважиться на «опытъ *критико-эстетической* оцѣнки» этого дивнаго произведенія, если свести оное подъ горизонтъ земнаго искусства и судить по чувствамъ и понятіямъ чисто-человѣческимъ, то какъ же не сознаться, что именно это совершенное отсутствіе всякаго земнаго выраженія, и любви, и умиленія *материнскихъ*, какъ-то не согласуется съ присутствіемъ

емъ божественнаго младенца на рукахъ Мадонны и ни сколько не походитъ на божественный первообразъ Богородицы, изображенный въ Св. Евангеліи. *Одна, безъ младенца на рукахъ*, сикстинская Мадонна долѣе плѣняла бы насъ, бѣдныхъ, ограниченныхъ жильцовъ этого міра—тѣмъ совершеннымъ отсутствіемъ всѣхъ чисто-человѣческихъ чувствъ, даже материнскихъ любви и умиленія, которыхъ мы отнюдь не признаемъ чѣмъ-то суетнымъ и конечнымъ. Вотъ это былъ бы, по крайней мѣрѣ, новый взглядъ, оправдываемый съ точки зрѣнія *критико-эстетической*.—На концѣ своей статьи, авторъ, насмотрѣвшись на сикстинскую Мадонну, «обратился на право и увидѣлъ двѣ другія картины, на которыхъ также изображена была Богоматерь.»—«Признаюсь,» продолжаетъ онъ, «и это не выдумка—я *устыдился самого себя* (!!!), устыдился того впечатлѣнія, которое произвели на меня эти картины, той мысли, которую онѣ родили во мнѣ, не смотря на всю ея невинность» (какъ можно стыдиться совершенно невинной мысли?)—«непорочность сказать нельзя, ибо возлѣ меня былъ образъ непорочности вѣчно-дѣвственной. Я увидѣлъ лица женщинъ, которымъ произвольно дали значеніе Пречистой Дѣвы. Чувство мое и мысль моя созерцали земное. Я прочелъ имя художника—и это былъ Антоніо Аллегри, прозванный *Корреджіо!*»

Какъ? Авторъ *устыдился самого себя* передъ Мадонною Корреджіо, яко бы недостойною близости сикстинской Мадонны! Вотъ одна изъ несноснѣйшихъ аффектацій трансцендентальности, оскорбляющихъ здравый, чистый умъ и такъ и напрашивающихся на ѣдку сатиру. Повторяемъ: сикстинская Мадонна есть *небесная мечта* художника, углубившагося въ священную мечтательность, дивнымъ образомъ олицетворенная на холстѣ—предметъ удивленія для ангеловъ, но *намъ, земнороднымъ*, насколько не напоминающая святой Первообразъ Богородицы въ Евангеліи. Сикстинская Мадонна выражаетъ идею позднѣйшую, которая была вовсе неизвѣстна первымъ Христіанамъ—идею совершеннаго отчужденія всякихъ чувствъ земныхъ. Напротивъ,

въ Св. Писаніи, Богородица всегда является нѣжною Матерью! Въ послѣдній разъ мы видимъ ее при Крестѣ распятаго Бого-человѣка. Только Св. Богоматерь могла имѣть столько небеснаго величія души, чтобы присутствовать при медленной, мучительной казни своего Божественнаго Сына! Вотъ преображеніе *материнства*, какъ Благовѣщеніе было преображеніемъ пречистой дѣвственности! Не удивляйтесь же чистѣйшимъ чувствамъ земнымъ на священномъ ликѣ *дщери* изъ царственнаго дома Давида, осѣненіемъ Духа Святаго поставленной въ Богоматери и въ Царицы Небесныя; и подавно *не устыжайтесь самого себя* передъ ликомъ тѣхъ Мадоннъ, на которомъ художникъ сдумѣлъ выразить восхитительное согласіе природы человѣческой съ небесною. При сужденіи о Мадоннахъ славныхъ живописцевъ, держитесь всегда глубокой *истины* и преобразенной *природы*, которыми дышитъ Святое Писаніе. Очень жаль, что авторъ этою аффектаціею, этимъ перетоненіемъ чувства посадилъ на мель, у самого входа въ гавань, свой критически-эстетическій корабль, шедшій на полныхъ парусахъ. Безъ этого неудачнаго окончанія, статья была бы очень порядочна: она читается легко и пріятно.

Въ началѣ второй статьи, авторъ, рассказавъ содержаніе Гётева романа: «Избирательныя Сродства» (*Die Wahlverwandtschaften*), продолжаетъ такъ: «Чтобы познакомить читателя съ характеромъ Оттиліи (геронни романа), мы извлекли изъ ея дневника нѣсколько мыслей и, слѣдуя аналитическому направленію вѣка, пытались *разложить* ихъ и привести къ прозаическому сознанію. — Авторъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ бы лучше, если бы, безо всякихъ комментариевъ, перевелъ бы изъ дневника Оттиліи столько, сколько могъ бы помѣстить въ своемъ Сборникѣ. Гёте одинъ изъ тѣхъ индуктивныхъ умовъ, которые синтетически схватываютъ свой предметъ съ удивительною вѣрностью, и которыхъ мысли о частномъ — поэтому — такъ прозрачны и опредѣленны, что сами собою разлагаются передъ читателемъ и сознаются имъ, отнюдь не нуждаясь въ

постороннемъ разложеніи и въ толкахъ чужаго мастера. Вотъ тому доказательство:

(Текстъ Гётевъ) «Мы никогда не довольны портретами тѣхъ лицъ, которыхъ знаемъ и особенно тѣхъ, которые близки къ намъ. Поэтому, я всегда сожалею о портретныхъ живописцахъ. Отъ людей вообще рѣдко требуемъ мы невозможнаго; а отъ художниковъ этого рода хотимъ именно того, что невозможно. Портретистъ долженъ передать намъ лицо, близкое къ намъ, не такъ, какъ оно является ему, а въ тѣхъ чертахъ, коими оно говоритъ собственно нашему воображенію, нашему сердцу, нашей душѣ». (Эта фраза передана невѣрно: *Sie sollen einem jeden sein Verhältniss zu den Personen, seine Neigung und Abneigung mit in ihr Bild aufnehmen; sie sollen nicht blos darstellen, wie sie einen Menschen fassen, sondern wie jeder ihn fassen würde.*) «Я не удивляюсь, что живописцы этого рода мало-помалу *становятся простыми ремесленниками*» (этого нѣтъ у Гёте), дѣлаются своерравными и равнодушными къ своему занятію. Ихъ напрасныя усилія, передать намъ лицо близкое, ничего не значили бы однако жъ, если бы отъ этого не исчезали для насъ на портретѣ выраженія и черты, которыя такъ дороги намъ—если при этомъ не терялась душевная бесѣда наша съ любимымъ лицомъ». (Признаемся, что эта безпорядочная фраза заставила насъ приняться за подлинникъ, для повѣрки перевода, и мы находимъ, что эта фраза переведена еще невѣрнѣе, чѣмъ вышеозначенная! Вотъ точный переводъ: «Пусть бы изъ этого вышло, что угодно, если бы только мы именно черезъ *то* не лишились портретовъ многихъ дорогихъ намъ особъ»).

Посмотримъ теперь, какъ авторъ нашъ *разлагаетъ* эту мысль и приводитъ къ прозаическому сознанію:

— Лучи душевнаго бытія человѣческаго заражаются въ умѣ болѣе или менѣе сознательною мыслию и жизненно трепещутъ въ сердцѣ. Они пробиваются сквозь *тѣло* человѣческое, но *нигдѣ* въ *семи* послѣднемъ не останавливаются и не выражаются съ такимъ разнообразіемъ и опредѣлительностью, какъ въ лицѣ

его.» — (Въ чьемъ лицѣ? тѣла *человѣческаго*? тутъ нѣтъ инаго *подлежащаго*!)

Неужели, безъ того, не знали мы, что лицо есть *зеркало души*? Неужели текстъ Гётевъ, самъ собою, не представляетъ намъ гораздо лучшаго и полнѣйшаго толкованія? *Новость* для насъ только то, что *лучи душевнаго бытія* пробиваются сквозь тѣло, стало-быть и въ спину, поясницу, бока и такъ далѣе? да, *пробиваются*, но только мимоходомъ, и не съ такимъ разнообразіемъ и съ такою опредѣлительностью, какъ въ *лицѣ тѣла человѣческаго*. Вотъ какъ разлагаютъ мысли Гётевы и приводятъ къ *прозаическому* сознанію! Прекрасная проза! Можно ли *такъ* поступать съ великимъ *Гёте*, такъ переводить его? Гёте вообще несчастливъ на Руси: по изящной простотѣ его рѣчи не догадываются о гениальномъ величій его, и съ нимъ обходятся за панибрата. Если бы вразумились въ пластичеккую оконченность его прозы, то не иначе какъ съ благоговѣйнымъ страхомъ держали бы на переводѣ ея. Стихотворенія же его просто не переводимы; самъ Жуковский не имѣлъ въ томъ полного успѣха! А между-тѣмъ нѣкто, съ удивительною, истинно-юношескою смѣлостью принялся за переводъ *Римскихъ элегій* Гётевыхъ и сообщилъ мнѣ образчикъ своего перевода. Будучи мало знакомъ съ нимъ, я находился въ большомъ затрудненіи; но, замѣтивъ, что переводчикъ не выразумѣлъ *пентаметра* и считаетъ его тѣмъ же гекзаметромъ, только укороченнымъ на концѣ, вся моя критика сосредоточивалась на пентаметрѣ; я толковалъ переводчику этотъ стихотворный размѣръ, тутъ же сочинялъ пентаметры, чтобы запугать переводчика трудностью этого размѣра. Напрасный трудъ! Черезъ нѣсколько времени вышелъ въ печать переводъ «Римскихъ элегій» Гётевыхъ, и въ немъ, вмѣсто пентаметра, нашелъ я ту же путаницу, что и въ рукописи. Переводъ между тѣмъ удостоился похвалы чуть ли не во всѣхъ нашихъ современныхъ изданіяхъ. — Возвратимся къ одесской «Альціонѣ».

«Классицизмъ и Романтизмъ въ своемъ историческомъ значеніи». Боже мой, опять *ученая* статья! Когда же будетъ *литературная*? Черноморскій *Мартынъ-Рыболовъ* вѣдь называется учено-литературнымъ Сборникомъ! Названіе очень несчастное! Когда ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не удавались эти учено-литературные Сборники, то, конечно, еще менѣе удадутся въ *Одессѣ*. *Именъ* нѣтъ въ этомъ Сборникѣ: изъ чего должно за-

ключить, что всѣ пять статей принадлежать издателю, Ужели въ наше время нашелся еще *человѣкъ*, толкующій серьезно о такомъ подержанномъ, избитомъ предметѣ, каковъ бывший французскій классицизмъ и новѣйшій французскій лжеромантизмъ, да еще объ ихъ историческомъ значеніи? Англія всегда чуждалась этого классицизма? Германія весьма не долго была подъ влияніемъ его. У насъ, первые драматическіе писатели болѣе ему рабствовали, и мы благословили бы влияніе его, если бы оно произвело у насъ хоть одно драматическое твореніе, которое выдержало бы сравненіе съ піесами Корнеля, Расина, Вольтера. Назовите, какъ угодно, ихъ классицизмъ, но все-таки произведенія ихъ—чисто классическія, образцовыя. Лучшимъ изъ нашихъ прежнихъ трагиковъ считаютъ Озерова. Неужели повредила ему школа французская? Нисколько! Напротивъ, эта классическая форма еще кое-какъ спасаетъ его піесы. Если бы Озеровъ былъ подражателемъ Шекспира, то повѣрьте, недостатокъ или малый ростъ таланта его выказывался бы гораздо рѣзче. Гдѣ же историческое значеніе этого классицизма? А новѣйшій лжеромантизмъ рѣшительно остается въ предѣлахъ одной Франціи, не отзываясь ни въ одной изъ другихъ европейскихъ литературъ: стало-быть, это мыльный пузырь, который тамъ и лопнетъ, и еще менѣе, чѣмъ классицизмъ имѣетъ историческое значеніе.—Авторъ, на 46 страницѣ, называетъ *Федру* Расинову—*бездушною*! Кто не вразумился въ это мастерское произведеніе, можетъ ли тотъ судить о французскомъ классицизмѣ?

Четвертая статья Сборника, все еще не *литературная*, а политическая. Въ ней, между прочимъ, сказано: «За нѣсколько лѣтъ передъ *этими* (передъ *симъ*?) въ Москвѣ явилось мнѣніе, что западъ устарѣлъ и клонится къ упадку. Въ порывѣ убѣжденія, мнѣніе это было высказано довольно рѣзко словами: «Западъ *гниетъ*!» Надъ *этими* начали смѣяться. Мало того, Москвичей называли, «Славианофилами» и иногда подсмѣивались надъ ними, правду сказать, довольно оскорбительно. Вышло однако жъ, что въ Москвѣ не совсемъ ошиблись. Событія трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ показываютъ, что на западѣ, въ основахъ его гражданственности, обнаружился въ самомъ дѣлѣ *какой-то провалъ*, показывающій,» (сейчасъ передъ *этими* было *показываютъ*) пусть говорятъ, что хотять—своего рода гніеніе тѣхъ нравственныхъ началъ, которые поддерживаютъ и скрѣпляютъ общество.»

Не вдаваясь въ разборъ этой статьи, перейдемъ къ слѣдующей.

Статья V. *Афоризмы и стихи*. И послѣдняя статья этого Сборника не литературная! Зачѣмъ же возложилъ онъ на себя наименованіе *учено-литературнаго*? Неужели думаетъ онъ, что нѣтъ на Руси людей, которые выведутъ его на свѣжую воду и упрекнутъ титулярнымъ его названіемъ? Взглянемъ на афоризмы.

«Люди твердятъ о безкорыстіи; но есть ли хотя одинъ человекъ, который бы вполне былъ безкорыстенъ? онъ требуетъ за свою услугу по крайней мѣрѣ благодарности. Развѣ благодарность не то же возмездіе, не та же плата, а самотребованіе не та ли же польза?»

Неправда! благодарность, нѣчто не вещественное, не есть *корысть*! А кромѣ того, есть и люди, вовсе не требующіе благодарности! Я, первый, не требую ея отъ критикуемыхъ мною авторовъ и издателей плохихъ сборниковъ, хотя, по своимъ понятіямъ, и оказываю имъ не малую услугу тѣмъ, что безмездно указываю на ихъ недостатки! Это меня отнюдь не тѣшитъ, но огорчаетъ.

«Больно однако жъ найти въ человекѣ, которому сдѣлали мы добро, неблагодарность,—больно не за себя; не за лишеніе той или другой выгоды со своей стороны, но за *него самого*. Больно видѣть, какъ въ этой неблагодарности унижается то сердце, которое, въ минуту благодаренія, считали мы достойнымъ соболъзнанія, считали человѣческимъ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.»

Припомните же, г-нъ Зеленецкій, *эти слова*, по прочтеніи нашей критики на вашу Альціону!

Стиховъ мы не приводимъ, по причинѣ отсутствія въ нихъ поэтическаго достоинства.

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ, произведенная лейтенантомъ Л. Загоскинымъ, въ 1842, 1843 и 1844 годахъ. Съ меркаторскою картою, гравированною на мѣди. 2 части. С. Петербургъ. 1848.

Лейтенантъ Загоскинъ предпринялъ трудное и не безопасное путешествіе въ дикихъ и почти безвѣстныхъ странахъ Америки,

по порученію главнаго правленія русскихъ колоній въ Америкѣ. Цѣль его странствованія составлялъ обзоръ бассейновъ рѣкъ Кихтхака и Кусковима.

Четвертаго мая 1842 года, г. Загоскинъ, вмѣстѣ съ избранными имъ спутниками, оставилъ Новоархангельскъ, метрополію нашихъ колоній. Послѣ благополучнаго плаванія по водамъ Восточнаго океана, бригъ Охотскъ, на которомъ находился г. Загоскинъ, 27 іюня вечеромъ, прошелъ между островами Святаго Лаврентія и Чукотскимъ Носомъ и на утро, обогнувъ сѣверную оконечность острова, спустился къ острову Азіаку. 29 іюня, когда бригъ заштилѣлъ въ густомъ льду, г. Загоскинъ увидѣлъ одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя, въ холодныхъ странахъ сѣвера, такъ отрадны для взора, утомленнаго однообразіемъ видовъ, и такъ заманчивы для смѣлыхъ промышленниковъ. «Множество моржей, съ своими малютками, говоритъ нашъ путешественникъ: оглушая насъ ревомъ, то царапались на судно, то кувьркались, то вылѣзая на ближнія льдины, какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на чуждаго сосѣда. Мы не имѣли времени заниматься ими, иначе могли бы пастрѣлять и наколотъ штукъ до сотни.» Въ тотъ же день, къ вечеру, бригъ, съ помощію веселъ и легкаго южнаго вѣтра, выбрался на вольную воду, и потомъ десять сутокъ, болѣею частію при пасмурной погодѣ, плылъ между островомъ Святаго Лаврентія и материкомъ Америки, подходя почти каждодневно къ сплошному ледяному полю, которое тянулось отъ мыса Азагачьякъ, черезъ весь заливъ Нортона, къ мысу Родней. Наконецъ 9 іюля, бригъ вошелъ въ заливъ Нортоновъ и на слѣдующій день спустился къ редуту Св. Михаила. Этимъ и оканчивается морское плаваніе г. Загоскина. До 1 августа онъ пробылъ въ редутѣ, команду котораго составляютъ двадцать девять человекъ, включая въ то число управляющаго и двухъ старостъ или лоцмановъ. Отсюда, на байдарѣ онъ отправился въ селеніе или, какъ называютъ компанейцы, жило туземцевъ, Киххтагукъ, не далеко отъ редута.

«Отъ редута до Киххтагука, берегъ состоитъ изъ ноздреватаго базальта, и такой же обгорѣлой лавы; на мысахъ такіе камни, отъ одного до десяти квадратныхъ футовъ величиною, нагроможденные одинъ на другой безъ всякаго порядка, представляютъ довольно странныя фигуры. Самыи берегъ утесистъ, футовъ до двадцати высоты. Прибрежные отлогіе холмы, отъ

150 до 200 футовъ высоты, весьма разнообразятъ мѣстоположеніе и служатъ пастбищемъ оленей. За ними мильяхъ (миль считаются итальянскія, по 60 въ градусѣ) въ тридцати отъ берега, возвышается настоящій хребетъ горъ. Отдѣльныя сонки отъ 500 до 1,000 футовъ высоты имѣютъ всѣ на своихъ вершинахъ котловины. По словамъ туземцевъ, на нѣкоторыхъ сопкахъ находятся озера. Жило Кикхтагукъ расположено на небольшомъ выдавшемся къ сѣверу мысѣ. На жилѣ четыре зимника (зимнія жилища) и двадцать восемь душъ обоего пола. Мѣсто это въ торговомъ отношеніи важно, какъ пунктъ ближайшаго сообщенія побережья съ квихнакскимъ бассейномъ, посредствомъ рѣчекъ Нынгвильнукъ и Анвигъ.»

Рѣчка Нынгвильнукъ впадаетъ не далеко отъ Кикхтагука, въ Нортоновъ заливъ. При ея устьѣ, въ песчано-глинистыхъ берегахъ бухты находятъ кости ископаемыхъ слоновъ и мастодонтовъ. Посѣтивъ эти мѣстности, г. Загоскинъ вскорѣ возвратился въ редутъ и около трехъ мѣсяцевъ употребилъ на приготовленіе къ путешествію къ рѣкѣ Квихнакъ, посвящая при этомъ досужее время на обозрѣніе страны и на собраніе свѣдѣній объ образѣ жизни туземцевъ и особенно объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ между собою. Мы напередъ познакомимся съ мѣстностію американской квартиры г. Загоскина.

Редутъ Св. Михаила основанъ въ 1833 году, на островѣ, называемомъ теперь островомъ Св. Михаила. Въ немъ находятся слѣдующія строенія: домъ для управляющаго редутомъ, казарма для служителей, два магазина, товарный и провіантскій, амбаръ для складки туземныхъ товаровъ, баня и кухня въ одной связи. Всѣ эти строенія на пространствѣ двадцати пяти квадратныхъ саженъ обнесены деревяннымъ заборомъ въ пять аршинъ вышиною. Двѣ будки, на противоположныхъ сторонахъ ограды, вооружены шестью трехъ-фунтовыми пушками. Въ ограды находятся кузница, кажимъ для прибѣжающихъ туземцевъ и часовня. Всѣ эти зданія расположены на склонѣ небольшого мыса, имѣющаго болѣе 30 футовъ высоты надъ поверхностію моря. Кругомъ стелется тундра, поросшая мхами и другими свойственными тундрамъ растеніями. Эта почва доставляетъ обитателямъ редута шакшу, морозку, голубику, бруснику, княженику, петрушку, шавель и крапиву. По побережью попадаетъ стелющійся березнякъ и тальникъ толщиною въ гусиное перо; вотъ все богатство растительнаго царства. Весь ост-

ровъ усѣянъ озерами, которыя оживляются въ августѣ стадами перелетныхъ птицъ; въ эту пору, равно какъ въ апрѣлѣ и маѣ, когда гуси, лебеди и журавли, безчисленными вереницами, тянутся къ берегамъ Ледовитаго моря, хорошій стрѣлокъ набиваетъ штукъ по пятидесяти въ день. Во многихъ озерахъ водятся выдры и выхухоль.

Жители сѣверо-западныхъ береговъ Америки, описываемые нашимъ путешественникомъ, принадлежатъ къ семейству монгольскихъ племенъ. Окладомъ лица они сходны съ Чукчами и Камчадалами. Мужчины на оконечностяхъ рта, подъ нижнею губою, прокалываютъ отверстія, въ которыя вставляютъ корольки и другія костяныя и каменныя украшенія. Изъ женщинъ нѣкоторыя украшаютъ носъ и нижнюю губу стеклярусомъ или бисеромъ. Мужчины или стригутся подъ гребенку или брѣвѣтъ голову. Женщины расчесываютъ рядъ по серединѣ головы, заплетаютъ двѣ косы и обвиваютъ ихъ вокругъ уха, прикрѣпляя костяной или изъ китоваго уса иглой, къ верхушкѣ которой привязываютъ небольшіе обрѣзки волчьей шкуры. Одежда ихъ состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ, въ особенности изъ оленьихъ; какъ мужчины, такъ и женщины носятъ парки, верхнее платье до колѣнъ, и штаны. «Женщина въ чукотскихъ шитыхъ торбасахъ (сапогахъ), бѣлыхъ изъ домашняго оленя штанахъ, малейгитской паркѣ, узоръ которой весьма сходенъ съ латами древнихъ рыцарей, и въ свѣжемъ туземномъ головномъ уборѣ, — говоритъ г. Загоскинъ, — не покажется отвратительною и глазу ко всему приглядывающаго Европейца.» Впрочемъ этотъ нарядъ не надолго скрашиваетъ не изящныя отъ природы черты этихъ женщинъ. «Рѣдкая туземка, замѣчаетъ авторъ *Описи*, въ двадцать пять лѣтъ не старуха.» Это происходитъ, выражаясь словами автора, «отъ усиленнаго поклоненія богинѣ любви, въ первыхъ годахъ юности.»

Главное богатство туземцевъ Нортонова залива составляютъ море и тундра. Это арена ихъ улаьства и источникъ ихъ пропитанія. «Вотъ что придумалъ питомецъ сѣвера, для удовлетворенія своихъ нуждъ, прихотей и вкуса: зимою, когда волкъ становится выходнымъ и глубокіе не слегшіеся свѣга не позволяютъ ему гоняться съ усѣхомъ за оленями, онъ приближается къ жиламъ и для своего пропитанія высматриваетъ собакъ. Туземецъ, считая собаку членомъ своего семейства и высоко уважая волчій мѣхъ, беретъ нѣсколько тонкихъ, плоскихъ китова-

го уса прутиковъ, около двухъ футовъ длиною, заостряетъ ихъ концы, свиваетъ оборота въ три, и обмотавъ малячьимъ жиромъ, бросаетъ въ разныхъ мѣстахъ, близъ своего жилища. Волкъ падохъ на жиръ; съ голоду глотаетъ два, три комка цѣликомъ; жиръ варится скоро; усъ выпрямляется и колетъ желудокъ волка, и приводитъ къ вѣрной смерти. На утро охотникъ по слѣдамъ доходить до пропавшаго звѣря.» Туземцамъ также доставляютъ богатую добычу олени, которые стадами бродятъ въ тундрахъ: ихъ ловятъ петлями или стрѣляютъ изъ лука. Послѣдній способъ требуетъ особенной ловкости и искусства, и потому стрѣлковъ между туземцами не много. Петлями же ловятъ слѣдующимъ образомъ: замѣтивъ тропу, по которой олени ходятъ на водопой, къ какому-нибудь ручью, или нарочно прорубивъ узкую просѣку въ густомъ кустарникѣ, на ближайшей вѣтви настораживаютъ ременные петли, концы которыхъ привязываютъ къ деревьямъ, такъ что когда олень заденетъ эту петлю, она непременно затягивается. Случается, что этимъ способомъ промышленникъ добываетъ въ одну ночь два или три десятка оленей.

Что касается до морскихъ промысловъ, то они доставляютъ туземцамъ рыбу, тюленей, сіучей и маляковъ. Тюленей и маляковъ добываютъ тремя способами: ихъ стрѣляютъ изъ лука, ловятъ ременными сѣтями и наконецъ колютъ стрѣлами. Въ послѣднемъ случаѣ туземцы прибѣгаютъ къ хитрости: чтобы скрыть себя отъ звѣря, они наваливаютъ на берегу кучи льду, а сами одѣваются въ бѣлыя оленинѣ парки или полотняныя рубахи. Любопытно описаніе бѣлужьяго промысла, въ которомъ обнаруживается смѣтливость и изобрѣтательность туземцевъ. «Въ половинѣ іюля, собираются, въ назначенномъ мѣстѣ, всѣ приморцы южной части Нортонова залива. Выбравъ тихій день, на приливѣ, выѣзжаютъ въ море; при этомъ бываетъ байдарокъ до ста и болѣе. Бѣлуги, съ іюля мѣсяца, съ своими маленькими, ила вслѣдъ за рыбой, появляются во множествѣ передъ устьями Квихака. Во все время своего слѣдованія впередъ, туземцы сохраняютъ совершенную тишину и молчаніе; но, отъѣхавъ на определенное разстояніе, по знаку одного изъ избранныхъ стариковъ поднимаютъ всевозможный шумъ; бьютъ въ бубны, колытутъ веслами по байдаркамъ, не кричатъ, а ревутъ, и тихо, осмотрительно, при началѣ отлива, подаются къ берегу. Стада бѣлугъ, оставенныя въ покоѣ при проѣздѣ въ море, какъ бы

оглушенныя шумомъ, спѣшатъ къ берегу, отмелому на значительное разстояніе; вода сбываетъ; сначала животное перестаетъ нырять, потомъ выказываетъ хребетъ, вслѣдъ за тѣмъ лишается способности двигаться; наконецъ вовсе обсыхаетъ. Въ хорошій годъ болѣе ста штукъ бѣлугъ приходитъ къ рукамъ охотниковъ за одинъ выѣздъ.»

Познакомимся теперъ съ архитектурою жилищъ прибрежныхъ обитателей Нортонова залива. Эти жилища раздѣляются на зимнія и лѣтнія.

«Постройка и устройство какъ тѣхъ, такъ и другихъ, слѣдующая: на избранномъ для зимника мѣстѣ вынимается земля на аршинъ и болѣе; по угламъ ставятся приличной толщины столбы отъ одной съ половиною до двухъ сажень высоты; стѣны набираются изъ колотыхъ плахъ, которыя также ставятся стойма и вровень съ угловыми столбами; сверху, въ разстояніи сажени и болѣе отъ угловъ, смотря по величинѣ зимника, накатываются на стѣны толстыя бревна, которыя составляютъ первый вѣнецъ горизонтальныхъ стропилъ; сверху ихъ врубается второй вѣнецъ параллельно стѣнамъ жилища, но нѣсколько отступя отъ нихъ внутрь; далѣе опять вѣнецъ параллельный первому, но также нѣсколько отступя внутрь. Такимъ образомъ пирамидально возводится вся крыша. Въ отверстіе, оставшееся на серединѣ, вставляется особый небольшой люкъ или рама, которая обтягивается кишками морскихъ животныхъ и замѣняется огно. Стропила снаружи обставляются досками или карбасникомъ, потомъ все строеніе засыпается землею такъ, что издали зимники туземцевъ представляются путнику въ видѣ небольшихъ холмовъ. Для входа въ зимники выкапывается въ землѣ узкій и низкій корридоръ, сажени въ полторы или двѣ длиною. Корридоры, или, вѣрнѣе, сѣни, обставляются тыномъ и также обваливаются землею. Проходъ въ зимникъ черезъ такіа сѣни не иначе возможенъ, какъ ползкомъ по нечистотѣ, невообразимой для просвѣщеннаго человѣка и невыразимой словами: тутъ собачій калъ, замерзшая человѣческая урина, пепель, кости, шерсть и прочее, и прочее, и прочее.

«Внутреннее расположеніе зимниковъ очень просто и одинаково у всѣхъ туземцевъ. Выползла изъ сѣней черезъ продолговатую дыру, завѣшанную кускомъ медвѣжьей или какой другой шкуры, если поторошишься, попадешь на огнище, — квадратную яму, находящуюся прямо противъ свѣтлаго люка. Остальное

пространство застилается досками, составляющими полъ. По обѣимъ сторонамъ отъ входа въ полтора футахъ отъ полу, во всю длину зимника настланы нары, не шире четырехъ футовъ. Это столы, диваны, кровати туземцевъ. Травяныя рогожи или шерсть, развѣшныя поперегъ наръ, указываютъ на отдѣленія семействъ одного отъ другаго. Въ передней сторонѣ, на полкахъ и подъ ними, сохраняются пузыри съ жиромъ, котлы, кондаки, калуги и всякій домашній скарбъ. Нѣсколько дыръ въ половыхъ доскахъ передъ нарами означаютъ мѣста сошекъ, на которыя ставятся жирники.

Лѣтники строятся прямо на почвѣ. Наружная ихъ форма сходна съ нашей деревянной избой, то-есть передняя и задняя стѣны сведены къ вершинѣ угломъ; бока крыши застилаются сплошнымъ карбасникомъ и засыпаются землею. Въ лѣтникахъ огня не разводятъ и потому онѣ сверху не имѣютъ оконъ, свѣтъ самопроизвольно входитъ черезъ щели и дверь, — эллиптическое отверстіе, дѣлаемое на передней сторонѣ жилища. Чтобы знать, что дѣлается въ окружности или не быть захвачену врасплохъ, съ передней и боковыхъ сторонъ прорѣзываютъ небольшія окна, затыкаемыя или доскутомъ шкуры или задвигаемыя ставеньками. Половъ въ лѣтникахъ не настилаютъ. Остальное внутреннее расположеніе одинаково съ зимними жилищами. Пространіе трехъ саженъ въ квадратѣ ни зимнихъ, ни лѣтнихъ жилищъ у туземцевъ побережья мнѣ не удавалось видѣть.

«Кладовыя или кормовыя бараборы всѣхъ племенъ народа Кангюлитъ утверждаютъ на четырехъ столбахъ, футахъ въ десяти отъ поверхности земли, въ предохраненіе отъ лисицъ, волковъ, мышей и собакъ. Передняя стѣна кладовой разбирается по надобности, и потому доски этой стороны ставятся стоймя. Обшивка остальныхъ стѣнъ набирается лежащими плахами. Плоскій потолокъ, засыпанный землею, замѣняетъ крышу. Длина и ширина кладовыхъ не бываетъ болѣе восьми футовъ, высота пяти футовъ. Отверстіе, замѣняющее дверь, заставляется особой доской или закладывается полѣньями. Отправляясь съ жила, туземцы складываютъ въ кладовыя всѣ свои пожитки и нѣтъ примѣровъ, чтобы кто другой чѣмъ-нибудь воспользовался.

«На каждомъ туземномъ жилѣ есть общественное зданіе, извѣстное намъ по кадыакскому произношенію подъ названіемъ

кажима. Кажимы строятся сходно съ зимниками, но въ болѣе-большихъ размѣрахъ: нынѣ по десяти саженъ въ квадратѣ и четыре или пять высоты; вмѣсто наръ и полокъ, по всѣмъ ихъ сторонамъ протягиваются лавки и въ нѣкоторыхъ кажимахъ на Квихпакѣ и Кускоквимѣ въ два и три яруса; сверхъ обыкновеннаго хода изъ сѣней такихъ же узкихъ и низкихъ какъ у зимниковъ, въ кажимахъ устраивается до четырехъ футовъ глубиною. Кажимы свидѣлствуютъ давнее заселеніе туземцевъ этого края: плахи лавокъ, часто слишкомъ два съ половиною фута шириною едва замѣтно, что были колоты и обтесаны каменными топорами, такъ онѣ сглажены и выложены нѣсколькими поколѣніями жителей.

«Въ кажимахъ мужичны производятъ всѣ свои домашнія работы: выдѣлываютъ шкуры, плетутъ морды, связываютъ нарты; въ кажимахъ производятся и рѣшаются всѣ совѣщательныя дѣла жителей; кажимъ замѣняетъ гостиную при пріемѣ гостей, столовую при угощеніи ихъ, залу при общественныхъ играхъ, спальни вообще всего мужскаго народонаселенія, исключая младенцевъ, наконецъ бани, которыя составляютъ одно изъ первѣйшихъ наслажденій всего племени народа Кангюлитъ.»

Что касается до игръ и увеселеній, отираемыхъ въ этихъ кажимахъ, г. Загоскинъ сообщаетъ много любопытныхъ объ нихъ подробностей.

«Независимо отъ большихъ празднествъ, принадлежащихъ къ религиознымъ обрядамъ, на которые собираются всѣ жители окружающихъ селеній, туземцы поморья коротаютъ вечера глубокой осени и начала зимы на такъ называемыхъ игрушкахъ или вечеринкахъ. Какъ во всей поднебесной, такъ и у нихъ, пѣсни, пляска и угощенія составляютъ предметъ такихъ увеселеній, но все это въ своемъ родѣ: злѣе не семья семью приглашаетъ къ себѣ на вечеринку, но или все народонаселеніе жила участвуетъ въ игрушкѣ, или женщины приглашаютъ мужичинъ и потчуютъ ихъ изъ своихъ запасовъ, или тѣ угощаютъ женщинъ своими. Для разнообразія бываютъ переряжанья или своего рода маскарады. Въ такомъ случаѣ женщины, дѣлая вечеринку, являются въ мужскихъ паркахъ, усахъ, съ подвязанными подъ нижнюю губу королями и пляшутъ по мужскому; мужичины на оборотъ представляютъ женщинъ.

«По разности повода игрушекъ, и пляски бываютъ различны, но напѣвъ пѣсенъ, равно какъ и тактъ ихъ единственнаго инструмента, бубна, всегда одинаковы, именно: одинъ ударъ или возгласъ, пауза, потомъ два удара второй сильнѣе или выразительнѣе перваго, пауза; опять два удара, пауза и такъ далѣе, что весьма утомительно для уха.

«Пѣсни въ общихъ игрушкахъ поются женщинами и бубенистами, впрочемъ и нѣкоторые изъ плясуновъ имъ подтягиваютъ, особенно уставщикъ пляски, который къ избранной пѣснѣ нерѣдко примѣшиваетъ речитативомъ свои импровизаціи. Уставщиками бываютъ или шаманъ или уважаемый всѣми старикъ или промышленникъ.

«Всѣ общественныя или частныя увеселенія устроиваются въ кажимахъ. Въ общихъ игрушкахъ плясуны, мужчины и женщины, становятся вокругъ ямы огнища, и подъ звуки бубенъ и пѣсенъ мужчины дѣлаютъ различныя тѣлодвиженія съ прыгиваніемъ съ ноги на ногу, но не перемѣняя мѣста: искусство плясуна выражается гибкостью и подвижностью мускуловъ. Женщины съ потушенными и нерѣдко вовсе зажмуренными глазами, тихими, плавными движеніями рукъ, представляютъ куколь или какъ бы раму движущейся картины, и чѣмъ менѣе плясуны показываютъ въ себѣ жизни, тѣмъ она считается совершеннѣе въ искусствѣ. Въ пляскахъ туземцевъ поморья ничего нѣтъ сладострастнаго.

«Чтобъ познакомить читателя съ порядкомъ обыкновенныхъ туземныхъ вечеринокъ, я здѣсь прилагаю описаніе двухъ, мужской и женской, въ томъ видѣ, какъ онѣ были записаны мною въ дневникѣ.

«Вечеринка женская. 11 октября 1842 года на жилѣ Агахлакъ, близъ редута Святаго Михаила.

«Когда мы пришли въ кажимъ, обыкновеннымъ путемъ изъ сѣней, гости, то-есть мужчины и женщины съ другихъ жилъ, находились въ сборѣ. Хозяекъ не видали ни одной. По тремъ лавкамъ, передней и боковымъ, горѣло по жирнику. Яма огнища была застлана досками, но въ среднѣе оставалось незакрытымъ небольшое круглое отверстіе, чрезъ которое подлежало выходить хозяйкамъ. Предъ нимъ на полу горѣло еще два жирника. Гости, составляющіе хоръ, подъ звукъ двухъ бубенъ, пѣли различныя припѣвы. Двое туземцевъ содержали порядокъ, давая ра змѣръ или тактъ небольшими палочками, къ которымъ

привязаны были волчій хвостъ и крылья чайки. Такъ прошло добрыхъ полчаса. Изъ припѣвовъ толмачи перевели мнѣ, что одинъ изъ уставщиковъ подсмѣивается надъ женщинами, сказывая, что видно у нихъ ничего нѣтъ, когда онѣ такъ долго не показываются; другой, напротивъ, выхвалялъ досужество своей жены, ожидалъ съ нетерпѣніемъ ея появленія съ толкушей изъ оленьяго сала и морошки, которой ему весьма хотѣлось отвѣдать. Наконецъ, когда жена его появилась изъ-подъ полу въ оставленное отверстіе, онъ съ энтузіазмомъ принималъ, что исполняются его ожиданія; что вскорѣ всѣ убѣдятся въ мастерствѣ его жены. Жена его точно показала первая, но силась выказаться болѣе, по причинѣ своей дородности, завизла, — всѣ захохотали, и та со стыдомъ скрылась и болѣе не показывалась. Вслѣдъ за нею явилась другая. Бубны забили сильнѣе, голоса затянули свое однообразное ай... л... ай, но слова пѣсни были иныя: выставляя по поясъ, въ пантомимахъ и мимикѣ, легко, понятно, выразительно, она показывала, какъ сбивала жиръ, какъ клала въ него различныя приправы, потомъ, поднявъ надъ головой кодакъ съ желаннымъ кушаньемъ, приглашала жестаи всѣхъ присутствующихъ приблизиться; продолжая пляску, внятно изображала пышность, сладость толкуши; наконецъ, деревянной ложкой начала одѣлать ею всѣхъ мужчинъ, окружившихъ подполье, клая прямо на полъ, на которомъросло близъ $\frac{1}{4}$ дюйма гризи; по окончаніи раздачи, наклонясь вторично, достала чавычью юколу, похвалила ея вкусъ, запахъ, свѣжесть, потомъ вышла изъ подполья, подала юколу мнѣ и отошла къ прочимъ женщинамъ.

«Появилась другая, и у этой была толкуша, но съ иными приправами; третья пѣла кодакъ съ брусничкой; наконецъ послѣдняя одѣлала табакомъ; слова въ ея пѣснѣ содержали похвальное слово Русскимъ, что они даютъ приморскимъ жителямъ много табаку. Плясуны съ большимъ искусствомъ представляла всѣ степеніи упоенія или, вѣрнѣе, одуренія курящихъ и нюхающихъ. По окончаніи дѣлежа, одни принялись за ужинъ, другіе продолжали пѣть, но собственно вечеринка была окончена. Всѣ женщины хозяйки были въ мужскихъ паркахъ.

«Вечеринка мужская, 12 октября 1842 года, на томъ же жилѣ.

«Порядокъ убранства и освѣщеніе кажима было одинаково со вчерашнимъ. Одна изъ женщинъ, шаманша, управляла хоромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ припѣвахъ поминали русскихъ сво-

ихъ знакомыхъ, вызывая ихъ дѣлать табакъ, кольца и прочее, со всѣмъ тѣмъ, между ними, какъ и вездѣ между женщинами, примѣтна была разладица: то не такъ сидятъ, то бубенъ бьютъ не въ надлежащую мѣру. Предъ началомъ игрушки мужчины въ подпольи вѣли хоромъ: «Что ловы, промысла и торговля худыя, что дѣлать имъ нечѣмъ, и что развѣ пляскою онѣ могутъ потѣшить своихъ женъ». На это женщины возражали имъ, что онѣ заранѣе знали, что мужья ихъ лѣнтая, только парятся, да трубки курятъ, но ни какъ не ожидали, чтобъ они были такіе сидни, что и на первую вечеринку не припасли ничего для угощенія, что поэтому не лучше ли разойтись всѣмъ спать. — Мужчины отвѣчали, что отправляются на промыслы, и вслѣдъ за отвѣтомъ появился одинъ изъ подполья. Мимика туземцами приморья доведена до нес plus ultra. Пласунъ, одѣтый въ женскую парку, съ продѣтымъ сквозь носовой хрящъ бисеромъ, въ пукляхъ изъ россомашьяго мѣху, въ браслетахъ, съ неподражаемымъ искусствомъ и комизмомъ передразнивалъ женщинъ, какъ тѣ сбиваютъ толкушу, какъ производятъ различныя женскія работы и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развлекаются посторонними предметами. Гости шушукались отъ удовольствія. Наконецъ тотъ, сбросивъ съ себя парку и прочія маскерадныя украшенія, весьма ловко началъ представлять, какъ промышленляютъ макляковъ и какъ перевернувшись справляются съ опрокинутой байдаркой. Угощеніе его заключалось въ дѣломъ вареномъ маклякѣ. Я на свою долю получилъ горло. Другіе представляли охоту за оленями, птицею и прочимъ, и дѣлили бѣлужій жиръ, выдѣланныя маклячьи кишки для камлеекъ, оленьи жилы, подошвы. Одному молодому спротѣ совершенно не чѣмъ было угощать, онъ вынесъ кондакъ воды, наинялся и покусился—было остатками окатить женщинъ, но былъ тѣми остановленъ. Впрочемъ случается, что ловкіе любезники во время дѣлежки изъ спрятаннаго пузырька обливаютъ женщинъ или жиромъ или жидкостью, которую туземцы употребляютъ вмѣсто мыла. На такіе фарсы никто не сердится.»

Г. Загоскинъ былъ также свидѣтелемъ нѣкоторыхъ религиозныхъ празднествъ, отправляемыхъ туземцами въ честь духовъ и въ память предковъ. Туземцы вѣрятъ, что каждую стихію завѣдываетъ особый духъ, и что также у каждаго народа есть свой главный духъ. Посредниками между собою и міромъ невидимымъ они признаютъ тунгаконъ или духовидцевъ, кото-

рые входятъ въ сношенія не только съ своимъ духомъ, вчиняякъ, но и съ духами иноплеменными. Такъ, многіе изъ нихъ, при поселеніи Русскихъ въ Михайловскомъ редутѣ, хвастались передъ своими земляками, что вошли въ сношеніе съ духомъ Русскихъ, который съ тѣхъ поръ почитается сильнѣйшимъ. Г. Загоскинъ описываетъ торжество, совершаемое туземцами ежегодно въ честь духовъ земли и моря:

«По утру 22 октября 1842 года, меня увѣдомили, что у туземцевъ будетъ вечеромъ игрушка, представленіе дьяволовъ, какъ выразился толмачъ. Съ закатомъ солнца мы отирались въ кажимъ. Мужчины только-что выпарились и принимались разрисовывать другъ у друга на спиѣ различныя фигуры. Двумъ мальчикамъ, по именамъ ихъ, намалевали вѣрона и ястреба. Вмѣсто краски они употребляли толченый уголь, разведенный на квашеной уринѣ. Когда совершенно смерклось, то вымазавъ себѣ окончателю лица, послали насъ къ женщинамъ въ зимники. Минутъ десять спустя послышались глухой вой, гуканье, мычанье, и вскорѣ съ тяжкимъ храпѣніемъ ввалились оборотни, поднимая головы, нюхая и фыркая какъ тюлени. Поистинѣ невозможно было отличить полной человѣческой фигуры: иной тащился ногами впередъ, другой ползъ вверхъ брюхомъ, голова третьяго выказывалась промежъ ногъ слѣдующаго: всѣ перевились какъ гряда змѣй въ зимнее время. Лица выражали звѣрство. Оборотни хватились за все, но болѣе старались тормошить женщинъ, которымъ предстояло только одно средство,—откупаться поларками: сидя передъ жирниками, онѣ имѣли при себѣ кондаки, толкуши, бѣлужій жиръ и другіе съѣстные припасы. Каждому подползающему клали въ калуги, которыя они таскали за собою. Собравъ дань, ватага духовъ поумаялась, развеселилась. Дѣти и прежде того забыли свои роли и, чтобъ скорѣе воспользоваться лакомою толкушей, подходили прямо къ матерямъ и сестрамъ. Такія продѣлки производились въ каждомъ зимникѣ минутъ по пятнадцати, потомъ мужчины возвратились въ кажимъ, вымылись и принялись доѣдать остатки. Между нами, во время игрушки, находилась дѣвочка лѣтъ тринадцати, дѣвственница, которая ради этой причины и была допущена къ представленію духа.

«Я обращался къ туземцамъ, прибавляетъ г. Загоскинъ: прося изъясненія видѣннаго мною представленія, и получилъ въ отвѣтъ: «Почему мы это дѣлаемъ, сами не знаемъ: такъ приня-

ли отъ стариковъ. Женщины представляютъ все наше племя, потому-что онѣ родятъ и мужчинъ и женщинъ. Подарки или приношенія, которыя онѣ дѣлаютъ, это не намъ, духамъ.»

Самое важное изъ религіозныхъ торжествъ, вѣроятно, есть празднество въ честь морскаго духа, потому-что оно справляется жителями поморья въ продолженіе цѣлаго мѣсяца:

«Каждый промышленникъ въ продолженіе года изъ всякаго животного, добытаго исключительно стрѣлою, старается сохранить пузырь: мать съ заботливостью прячетъ все пузыри куличковъ, мышей и другихъ звѣрковъ, которые застрѣлены ея малолѣтними дѣтьми. Въ началѣ декабря все пузыри надуваются, раскрашиваются различными красками и узорами и вѣшаются въ кажимѣ. Между ними туземцы размѣщаютъ разныя фантастическія фигуры птицъ, звѣрей и рыбъ. Фигуры эти, какъ нѣкоторыя автоматы-куклы, поводятъ глазами, киваютъ головой, хлопаютъ крыльями и прочая, что доказываетъ способность туземцевъ къ механическимъ искусствамъ. Предъ ямой огнища ставится коль, обвязанный сухою травою, *Superoides*. Во весь день фигуры не оставляются безъ движенія, а въ вечеру послѣ обычной пляски, одинъ изъ туземцевъ беретъ нѣсколько обвитой около кола травы и дымомъ ея окуриваетъ пузыри и фигуры, которыя послѣ того до слѣдующаго утра оставляются въ бездѣйствіи и самый коль отставляется къ сторонѣ. Вечеромъ, въ день настоящаго празднества, послѣ обыкновенной пляски передъ пузырями, они снимаются и вьсутся мужчинами въ нарочно для того приготовленную проруби. Женщины съ зажженными лучинами и оглушительнымъ воемъ имъ сопутствуютъ. Передъ прорубью иривзывается къ пузырямъ камни и по опущеніи ихъ въ воду, туземцы прислушиваются и смотрятъ, какъ и съ какою скоростью тѣ пойдутъ ко дну. По пузырькамъ и кругамъ на водѣ замѣчаютъ объ уснѣхахъ улова морскихъ звѣрей на слѣдующее лѣто».

Къ празднествамъ подобнаго рода надо отнести еще поминки умершихъ. Туземцы уважаютъ память покойниковъ, которыхъ они или жгутъ или, просто завернувъ въ рогожу, относятъ на кладбище и заваливаютъ дровами. Передъ могильною кучею ставятъ оленью голову, втыкаютъ стрѣлы или кладутъ сломанную байдарку покойника. Поминки по умершимъ совершаются три раза въ годъ: весной, осенью и зимою. Сверхъ того, мужчины во время ежедневнаго паренья съ воемъ и плачемъ вспо-

минаютъ о своихъ предкахъ и ихъ славныхъ дѣлахъ. Г. Загоскинъ имѣлъ случай присутствовать на годичныхъ поминкахъ умершихъ:

«За день до праздника, въ ближайшихъ жилахъ собрались гости, числомъ до семидесяти человекъ, исключая дѣтей. Въ день игрушки справлятели поминковъ ходили на свое кладбище, подновляли памятники и отнесли туда оленью голову съ рогами, нѣсколько крашеныхъ калугъ и другихъ вещей въ память покойниковъ. Въ вечеру, когда мы пришли, кажимъ былъ полонъ народъ, но глубокое молчаніе не нарушалось. По числу поминующихъ семей, вокругъ ямы огнища, на сошкахъ, горѣло семь жирниковъ. Дѣйствіе началось тѣмъ, что совершавшіе поминки, мужчины и женщины, одѣтые въ лучшую свою одежду, принесли вещи, назначенныя для раздачи въ память своихъ родственниковъ. Предметы эти состояли въ стрѣлахъ различныхъ видовъ; кишечныхъ камлейкахъ, байдарочныхъ лавтакахъ, веслахъ и обтяжкахъ, ножахъ, топорикахъ, кольцахъ, табакѣ, цедрлахъ и другихъ туземныхъ рукодѣляхъ. Каждый поминующій по очереди выкликалъ громогласно того, кому предназначена была вещь и подавалъ ее при общемъ молчаніи. По окончаніи раздачи, празднователи поминковъ раздѣлились на четыре группы по угламъ кажима: одинъ изъ пріѣзжихъ стариковъ съ женщинами-гостями затянулъ на особый голосъ рюмованную пѣсню, нарочно для этого случая составленную шаманшею, совершающей поминки. Голосъ пѣсни былъ заунывный, въ бубня не били. Поминатели, не сходя съ мѣсть и не приподнявъ погъ, въ тихой, плавной, размѣренной пацтоминной пляскѣ представляли души своихъ родственниковъ. Я забылъ на ту пору грубые обычаи дикарей, видѣлъ въ нихъ людей, и что-то грустное невольно западало въ душу. Послѣ пляски, продолжавшейся съ четверть часа, поминатели вторично удалились. Еще черезъ четверть часа, весь полъ кажима заставленъ былъ различными яствами: тутъ были горы толкуши, цѣлые варенья макаки, ворохи различной юколы, но что особенно обратило мое вниманіе, это были небольшія калужки съ чистой водой и различными кушаньями. Предъ нѣкоторыми изъ поминующихъ такихъ калужекъ было до пятнадцати. Вскорѣ все объяснилось. Осмотрясь и найдя въ числѣ присутствующихъ нѣкакого поминки по умершимъ своимъ родственникамъ, совершающей поминки по-давалъ ему калужку воды, тотъ взявъ и обмакнувъ пальцы, три

раза стряхивалъ капли всторону въ щель пола, приговаривая тихо: «Идите, наши умершіе»; потомъ, когда подавали ему другую калужку съ пищей, то взявъ по частицѣ отъ каждаго кушанья, также бросалъ въ подполье, съ приговоромъ: «Примите, умершіе изъ запасовъ нашихъ и помогайте намъ тайно въ слѣдующее лѣто»; послѣ чего началъ ѣсть самъ и подчивать другихъ. Осна обезюдила край и малыя калуги наиболѣе подаваемы были дѣтямъ. Умилно было смотрѣть, съ какимъ попеченіемъ одна женщина ухаживала за едина начинающимъ ходить ребенкомъ. По окончаніи этой церемоніи, началось общее угощеніе изъ большихъ калугъ, потомъ обыкновенная пляска.

«Нѣкоторые при такихъ поминкахъ раздають все свое имѣніе. Случается, что на подобное празднество приглашаютъ гостя, съ самыхъ дальнихъ жилищъ, лишь бы онъ носилъ имя поминаемаго; одѣваютъ его съ ногъ до головы дарятъ бобрами, выдрами и всѣмъ, что ни есть драгоценнѣйшаго для туземцевъ».

Въ Михайловскомъ редутѣ, г. Загоскинъ прожилъ до 4 декабря 1842 года. Въ этотъ день онъ, съ своею командою, отправился въ путь по направленію къ рѣкѣ Квихпакъ, путь трудный и утомительный, потому-что надо было идти болѣею частию нѣшкомъ; хотя экспедиція и имѣла нарты, запряженныя собаками, но нарты были заняты съѣстными припасами. То поднимется мятель, то выпадетъ глубокій снѣгъ; то нарты провалятся въ болыню на рѣкѣ или завязнутъ въ узкихъ просѣкахъ; все это представляло затрудненія нашимъ путникамъ. При томъ морозы были такъ жестоки, что ртуть въ термометрѣ замерзала. На этомъ пути, г. Загоскинъ посѣщаль встрѣчавшіяся ему жилища туземцевъ, состояща изъ зимниковъ и лѣтниковъ, и вездѣ находилъ радушный пріемъ. Въ его дневникѣ 3 января 1843 года, находимъ характеристическую картину изъ туземнаго быта:

«Въ вечеру соединился съ нами Улукагъ-мюгъ (т. е. изъ племени этого имени) Мускуа, слѣдующій со своимъ семействомъ для покупки пушныхъ промысловъ по квихпакскимъ жиламъ: онъ идетъ на двухъ варточкахъ, изъ которыхъ одну тянетъ старуха, собака и мальчикъ лѣтъ тринадцати; другую его жена съ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати, самъ Мускуа съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за плечами и пальмой, насаженной на древо, въ рукѣ, помогаетъ гдѣ нужно. Годовая дѣвочка сидитъ у матери въ нартѣ; два мальчика шести и восьми лѣтъ идутъ по

слѣду на лапкахъ (родъ лыжъ), Мускуа везетъ пузырь бѣлужьяго жиру, шесть оленивъ и фунта три бѣлаго и краснаго бисеру».

Странствованія г. Загоскина продолжались до 13 августа 1843 года. Въ это время, онъ обозрѣлъ страну, орошаемую рѣкою Квихпакомъ и изучилъ бытъ и промышленность туземцевъ, проживающихъ въ бассейнѣ этой рѣки. Вотъ результаты его наблюденій:

«Квихпакъ на всемъ протяженіи, слишкомъ двѣсти двадцать миль, судоходенъ для большаго ранга рѣчныхъ судовъ. Правый берегъ вообще прислужбый, и болѣею частию способный для бичевника, даетъ способы къ подъему противу теченія, простирающагося съ среднею скоростью три съ четвертью мили въ часъ. Не измѣря постоянно глубину фарватера, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка течетъ въ одномъ руслѣ и вблизи утесовъ, мы не доставали дна двѣнадцатисаженнымъ линеемъ. Въ другихъ, на обходѣ косъ, въ разстояніи отъ нихъ около двадцати-пяти сажень, мы проходили по глубинѣ осьмнадцати и двѣнадцати футъ. Рѣка до Анплухтакпака вездѣ болѣе миль въ берегахъ, но болѣею частию разбита островами на многіе протоки. Къ низу отъ этого селенія, по пріятіи водъ Иннокъ, островки находятся только при концѣ плесы и рѣка суживается въ руслѣ отъ сорока до двухъ сотъ сажень. Причину необыкновенной ширины рѣки съ утвердительною можно относить къ быстротѣ и огромности водной массы, стремящейся въ весенніи водополи отъ верховыхъ ея притоковъ: при чемъ воды эти, не вмѣщаясь въ руслѣ, размываютъ и промываютъ берега, отдѣляя отъ нихъ множество острововъ, которое мы усматриваемъ на пространствѣ отъ Нулато до Вачичагата. Но отъ послѣдняго мѣста Квихпакъ представляеть намъ другую замѣчательную особенность: эта рѣка, при отдѣленіи отъ себя протока Цецяка и другихъ, болѣею половиною своихъ водъ вливается въ Иннокъ, образуя нѣсколько значительныхъ низменныхъ острововъ, усѣянныхъ внутри рыбными озерами. Всѣ эти острова состоятъ изъ наноснаго ила и покрыты тальниковыми и ольховыми кустарниками.

«Хребетъ, отдѣляющій Квихпакъ отъ Норгонова залива, тянется отъ Нулато до Тугата вдоль берега непрерывными утесами и ярами, отъ пяти до осьми-сотъ футъ высоты, покрытыми вообще до вершинъ словымъ лѣсомъ; береза, тополь и

осина, видны по склонамъ или въ падахъ. Отдѣльныя и внутреннія сопки этого хребта обнажены отъ всякой растительности. Къ низу отъ Ттутаго нагорный хребетъ, не теряя возвышенности въ материкѣ, подъ берегомъ склоняется ярами футъ въ триста высоты. Отъ Анилухтакпака эти горы еще понижаются, подходятъ къ рѣкѣ только мѣстами, но подъ Иког-мютомъ представляютъ замѣчательную островершинную группу Иливить съ сопкою Чиникликъ. Разщелившіяся пикообразныя вершины этой группы заставляютъ относить горнокаменное ея сложеніе къ плутоническимъ породамъ. Туземцы сказываютъ, что встарь изъ горъ Иливить добывали мѣдь, изъ которой выковывали браслеты и другія украшенія, но я не могъ достать ничего изъ такихъ издѣлій.

«Лѣвая сторона Квихпака луговая, или вѣриѣ, тундренная. Горы, отдѣляющія систему этой рѣки отъ протоковъ Иннокъ, виднѣются по протяженію берега, миляхъ въ пятнадцать и двадцати, отдѣльными холмами, поросшими мелкимъ чавыжникомъ. Высота этой цѣпи отъ такаляксанскихъ горъ, постепенно понижаясь при устьѣ Ццеяка, не превышаетъ триста футъ; остальной берегъ Квихпака, отъ устья Иннокъ до Иког-мюта, не выше трехъ саженъ. Хребетъ, отдѣляющій воды Кускоквима, виднѣется отдѣльными группами въ двадцати-пяти и тридцати миляхъ.

«Стрессовой лѣсъ, окаймляющій лѣвую сторону рѣки, не простирается внутрь материка далѣе осьми или десяти миль отъ берега. За нимъ тундра и озера, и только кой-гдѣ по буграмъ пропарастаетъ тонкая лиственъ, а по берегамъ вытекающихъ потоковъ, низкій тальникъ и ольховникъ.

«Достоинно замѣчанія, что ни въ Нулато, ни по всему протяженію Квихпака, отъ этого селенія къ Иког-мюту, посѣщая нѣсколько разъ горы, углубляясь въ лѣса, мы не видали такихъ крупныхъ деревьевъ, какія растутъ въ осмотренномъ нами краѣ отъ Нулато къ верховью. Тамъ мы находили ели въ три обхвата, березы и топольники въ два съ половиною фута въ діаметрѣ; здѣсь не встрѣчали ели толще двадцати дюймовъ въ отрубѣ, а березу рѣдко прямую и прямослойную съ берестой, которой хрупкость не позволяетъ употреблять въ дѣло при построеніи туземныхъ лодочекъ, иначе, какъ небольшими полосами.

«Извѣстно, чѣмъ ближе къ устью рѣки, тѣмъ мѣста изобильнѣе рыбою; но на Квихнакѣ ходъ рыбы имѣетъ свою осо-

бенность. Не упоминая о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, преимущественно предъ другими, ловится тотъ или другой родъ рыбы, замѣчаемъ, что въ низовыхъ частяхъ Квихпака вовсе не ловится хайка, вмѣсто котораго исключительно идетъ красная рыба «нерка», кижучъ и чавыча. На Анвикѣ ловится и хайка и прочіе означенные мною виды рыбъ. Отъ Важичагаты до устья Юнна-ка красная рыба и чавыча считается рѣкостью, и попадаетъ по одиночкѣ, а кижуча никогда не видно. Далѣе отъ рѣчки Минхотлятно, вторично ловятся всѣ виды рыбы этой лососиной породы. Должно полагать, что хайка по низовью рѣки проходитъ серединой и начинаетъ подходить къ берегамъ только тамъ, гдѣ они приглубѣе и каменистѣе; прочіе виды, выметавъ икру близъ илистыхъ береговъ, отдѣляются къ срединѣ, и уже вверху, по мелкости рѣки, попадаютъ холостыя или яловыя.

«Со времени основанія Михайловскаго редута и заселеній, учрежденныхъ по Квихпаку, физическій бытъ туземцевъ осмотрѣнныхъ нами мѣстъ видимо улучшился. Не упоминая о предметахъ роскоши, къ которымъ можно причислить и табакъ, употребленію котораго они научились, съ сѣвера-отъ Чукока, а съ юга отъ нашихъ поселеній при берегахъ Великаго Океана, мы приведемъ, что не прошло еще десяти лѣтъ, какъ туземцы оставили каменные топоры, каменные ножицы или пеколки, палочки для доставанія огня, костяныя иглы и многіе другіе предметы, замѣнивъ ихъ европейскими. Нѣкоторые, убѣжденные опытомъ въ удобности нашихъ матерій и одежды, гдѣ видятъ умѣренность цѣнъ, охотно берутъ рубахи, брюки, шапки, одѣяла и прочее. При такихъ благоприятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, усилилась ли промышленность дорогихъ звѣрей? Нѣтъ. Только источникъ сбыта пушныхъ мѣховъ и цѣны измѣнились. Что прежде исключительно переходило къ Чукамъ, то въ настоящее время большею частію поступаетъ къ намъ; что прежде стоило три листа табаку, за то нынче мы платимъ фунтъ. Впрочемъ, какъ у насъ на Руси оригинальные вяземскіе пряники готовятся только въ Вязьмѣ или калужское тѣсто только въ Калугѣ, такъ и на Квихнакѣ, тѣ туземцы, которые до основанія редута занимались переторжкой, и нынѣ занимаются тѣмъ же промысломъ, тѣ селенія, въ которыхъ гнули калуги «ыани» и готовили другую какую деревянную посуду, и до нынѣ не оставляютъ своихъ занятій. Это что-то въ родѣ древнихъ египетскихъ цеховъ.

«Племя Ттынайцевъ, извѣстное намъ подь собственнымъ именемъ Инкилковъ и расселившееся отъ Нулато до Ттутаго, проживая на путяхъ сообщенія Квихпака съ приморьемъ, занимается почти исключительно перекупкою промысловъ у туземцевъ, проживающихъ по рѣкамъ Юнна-ка и Иттегѣ. Выухоль, водящаяся въ многочисленныхъ озерахъ лѣвой стороны рѣки и еврашки, добываемая въ близъ-лежащихъ горахъ, снабжаютъ жителей лѣтней одеждою. Зимнюю, то-есть изъ оленьихъ шкуръ, они получаютъ отъ Малейг-мютъ чрезъ Уналакликъ и Тшахтоль. Олений промыселъ въ горахъ Такаяска и въ вершинахъ рѣчки Хутьльккакатъ маловаженъ и составляетъ единственно забаву молодежи.

«Занятія жителей Иког-мюта состоятъ, сверхъ запасеній рыбы на собственное продовольствіе и продажу на Кускоквимъ, въ приготовленіи изъ дерева различной домашней посуды, а главнѣйшее въ перекупкѣ пушныхъ промысловъ отъ Агульмютъ, на лавтаки и жиры, которые нарочно для того привозятся изъ Паштоля. Бобровою промышленностію занимаются всего двое. Мѣха, скупаемые туземцами Иког-мюта, вполне могутъ переходить къ намъ только тогда, когда, независимо отъ европейскихъ товаровъ, управляющій артелью получить средства во всякое время имѣть достаточные запасы туземныхъ произведеній, и заселеніе въ Икогмютъ изъ временнаго преобразуется въ постоянное.

«Соболи и норки къ низу отъ Нулато не многочисленны, со всѣмъ тѣмъ, туземецъ, посвятившій зиму рачительному осмотру соболиныхъ ловушекъ, нерѣдко пріобрѣтаетъ болѣе двухъ десятковъ соболей. Выухоль въ нынѣшныя годы ловится въ столь великомъ множествѣ въ озерахъ, находящихся между Квихпакомъ, Иттеге и Кускоквимъ, что за внутреннимъ потребленіемъ, въ Иког-мютъ было скупаемо до трехъ-тысячъ шкурокъ. Нынѣ четвертый годъ, какъ промыселъ ихъ весьма оскудѣлъ.

«На добычу лисецъ и рысей туземцы, проживающіе между Иког-мютомъ и Нулато, обращаютъ еще менѣе вниманія, нежели на промыселъ бобровъ. Нельзя относить этого къ ихъ беззаботности: они весьма хорошо понимаютъ свои пользы, но по роду жизни, который привыкли вести, правильный лисій промыселъ, то-есть частый осмотръ ловушекъ, ихъ постановка, очистка отъ снѣгу и прочая, для нихъ тягостенъ.

«Къ низу отъ Анвика, непривычному страшно выйти на бе-

регъ. Повсюду встрѣчаешь слѣды и пробитыя тропы, слѣданыя медвѣдями, которые, переплывая на острова, гоняются за птицей, а въ узкихъ протокахъ искусно ловятъ рыбу. Туземцу удастся добыть медвѣжью шкуру тогда только, когда тотъ при глубокихъ снѣгахъ не легъ еще, или вышелъ рано изъ берлога. Введеніе настоящей промышленности этого звѣря принесло бы огромныя пользы компаніи, по извѣстности высокаго достоинства шкуръ американскихъ черныхъ медвѣдей.»

Основавъ въ поселеніи Икогъ-Мютъ, на рѣкѣ Квихпакъ, главную квартиру, г. Загоскинъ предпринялъ обзоръ бассейна рѣки Кускоквима. Онъ отправился въ путь 23 ноября, и чрезъ горы, лѣса, и рѣчки, достигъ 30 числа до береговъ Кускоквима. Русло этой рѣки мѣстами имѣетъ до 250 сажень въ ширину, а мѣстами не шире 100 с. Правый берегъ ея гористый; лѣвый покрытъ лѣсомъ, но въ двадцати миляхъ отъ него тянется параллельно рѣкѣ горный хребетъ, до двухъ тысячъ футъ вышиною. На лѣвомъ берегу Кускоквима устроены редуты Колмакова, въ которомъ живутъ пятнадцать человѣкъ служащихъ. Въ свою бытность въ этомъ редутѣ, г. Загоскинъ собиралъ свѣдѣнія о бытѣ туземцевъ, занимающихъ низовья бассейновъ рѣкъ Квихпака и Кускоквима. Общественный и домашній бытъ Квихпахцевъ и Кускоквимцевъ, въ общихъ чертахъ, одинаковъ съ бытомъ прибрежныхъ жителей Нортонова залива, но разнится отъ послѣдняго въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Женщины здѣсь въ отвѣртіе полъ нижней губой вдѣваютъ запонку, на которой горизонтально держится костяная палочка дюйма въ два дюйма, обвѣшенная голубымъ бисеромъ, раковинами или другими подобными украшеніями. Зимнія жилища здѣсь обширнѣе поморскихъ; кажими нѣкоторыхъ селеній могутъ вмѣщать въ себѣ до 500 человѣкъ. Такъ какъ Кускоквимъ не такъ богатъ рыбою, то прибрежные жители усерднѣе занимаются ловлею оленей, бобровъ, выдръ и другихъ пушныхъ звѣрей, доставляющихъ имъ пищу, одежду и мѣнновой товаръ. Остановимся на ловлѣ бобровъ, какъ на одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашей сѣверо-американской промышленности:

«Бобровъ промышленяютъ трояко: 1) Лукомъ и стрѣлами; въ этомъ случаѣ бьютъ бобра гуляющаго, то-есть такого, который по вскрытіи рѣчекъ, въ первыхъ числахъ апрѣля оставляетъ свою баробору и, спустившись въ большія рѣки, до осени

не имѣть постоянного на одномъ мѣстѣ пребыванія. 2) Бобръ не въ состояніи наготовить себѣ запаса на всю зиму и потому всегда оставляетъ не тронутымъ вблизи растущій тальникъ. Въ оттепели онъ выходитъ и тогда скраденный или подкарауленный убивается просто палкой. 3) Промышленники осенью замѣчаютъ жилища бобровыя бараборы и съ наступленіемъ хорошихъ зимнихъ дней, отправляются доставать ихъ, какъ называютъ въ колоніяхъ, изъ-подъ льда: бобръ зимою пушистѣе и ось на немъ гуще. Операція промысла весьма простая: передъ бобровыми выходами выше и ниже его жилища прорубаютъ ледъ и опускаютъ ременные сѣти, въ которыя пугаются бобры, желая пробраться къ своему обыкновенному выходу. Если такихъ выходовъ не замѣтно во льду, то отыскиваютъ отнорки или продушины изъ боковыхъ корридоровъ и передъ нимъ ставятъ ловушку. Бобръ, избавившійся какимъ-либо случаемъ отъ ловушки, становится остороженъ: замѣтя западню, толкаетъ въ нее полѣно и когда ту захлопнетъ, то перелѣзаетъ черезъ нее безпрепятственно.

«Сверхъ этихъ туземныхъ способовъ бобровой промышленности проникъ на Кукоквимъ и, къ несчастію, перенимается Квихпакцами способъ, конечно вначалѣ введенный русскими промышленниками частныхъ компаній, и который по своей истребительности можно назвать вѣрнѣйшимъ для конечнаго перевода этого животнаго. Въ доказательство тому служатъ берега Аляскы въ окрестностяхъ Катман и округи релутовъ Александровскаго въ Нушагахъ и Николаевскаго въ Кенайскомъ заливѣ. Способъ этотъ состоитъ въ разореніи бобровыхъ жилищъ; производство слѣдующее: въ зимнее время, ранней весною или въ глубокою осень, отыскавъ бобровую барабору, спускаютъ плотину или затыкаютъ всѣ отнорки и выходы изъ подземныхъ корридоровъ, въ которыя прячутся бобры почувъ опасность, ломаютъ верхъ бараборы и въ отверстіе опускаютъ толстый желѣзный крюкъ насаженный на палку; ощутивъ бобра зацѣпляють за него крюкомъ и такимъ образомъ вытаскиваютъ одного за другимъ и до послѣдняго. Бобры щелятся въ исходѣ апрѣля и началѣ мая; ходятъ въ августѣ и сентябрѣ; самцы рубятъ и таскаютъ лѣсъ и запасы; самки носятъ землю, прудятъ и убиваютъ плотину и на дальнее разстояніе, за исключеніемъ молодыхъ, отъ своей бараборы не отлучаются, и потому почти одѣвъ онѣ при разломкѣ бараборовъ становятся жертвами; съ ними

безъ пользы теряются отъ двухъ до пяти щенковъ, готовыхъ произойти на свѣтъ.»

Взглянемъ теперь на домашнюю жизнь Квихпакцевъ и Кукоквимцевъ, которую г. Загоскинъ изображаетъ въ очеркѣ однихъ сутокъ.

«Въ зимнее время, утро у туземцевъ начинается близъ восьми часовъ. Кто равнѣ всталъ, или кому нужно, тотъ зажигаетъ жирникъ, если что осталось въ немъ отъ вчерашняго вечера, въ противномъ случаѣ приноситъ жиру изъ своего зимника. Кажимъ какъ общественное званіе принадлежитъ всѣмъ; не смотря на то, что нѣкоторые старики или строители считаются въ немъ хозяевами, въ кажимъ отъ общества берутся топоры для колотья дровъ, каменные жирники, слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, занавѣсы на дверь, на свѣтлый люкъ и прочее, но ни хозяинъ, никто другой не обязывается освѣщать его или наблюдать за чистотою и исправностію.»

«Съ разсвѣтомъ, послѣ обыкновеннаго завтрака, мужчины отправляются къ осмотру заповоръ на какую-либо добычу, или за чѣмъ-либо по своему хозяйству, не вмѣстѣ, но кто куда и какъ вздумалъ; жены помогаютъ мужьямъ запрягать собакъ и въ свою очередь идутъ собирать сухія дрова, или принимаются за домашнія работы, — шьютъ парки, камлеи, плетутъ рогожки, чулки, и прочая. Мальчики и дѣвочки расходятся къ осмотру разставляемыхъ оцѣповъ на кроликовъ или пленокъ и куропадокъ. Къ часу за полдень усиленный бѣловатый дымокъ изъ зимниковъ означаетъ возвращеніе и обѣдъ дѣтей; затѣмъ собираются старшіе. Жена снимаетъ съ мужа налимью камлею, отпрягаетъ собакъ, ставитъ на вѣшала парту, съ заботливостію откладываетъ въ особый уголь кормовой бараборы привезенную добычу, опасаясь, что не будетъ счастья въ уловѣ или промыслѣ, если она забывшись продастъ что или издержитъ изъ свѣжаго въ теченіе трехъ сутокъ со дня ея привоза. Кажимъ полагаются: мужчины вносятъ въ него свои пѣшни, состоящія изъ оленьяго рога, насаженнаго на палку. Они доселѣ вѣрують, что въ прорубь, вырубленную топоромъ или пробитую желѣзною пѣшней, не пойдетъ рыбы сколько бы слѣдовало; развѣшиваются для обсушки рыбы черпаки, и вотъ наступаетъ пора высиаго наслажденія туземцевъ — баня. Одни бойкіе промышленники, избѣгая этого извѣживающаго удовольствія, отпра-

вляются на рѣку бѣгать на лапкахъ въ запуски, или вести какую-нибудь пную игру.

«Пока одинъ изъ претендетовъ на баню оленьимъ клиномъ колетъ на мелко дрова, а другой складываетъ ихъ клѣткою, футъ четырехъ въ квадратѣ, остальные убираютъ развѣшанные парки, приносятъ или достаютъ съ верхнихъ лавокъ все пуживыя принадлежности паренья: чашку извѣстной жидкости, травяную мочалку, изъ мелкихъ стружекъ неплотно связанныя затычки (не знаю другаго равносильнаго слова); наконецъ изготовились; принесена, раздута и подложена головня, огонь быстро обхватываетъ костеръ, дымъ какъ густой туманъ застилаетъ кажимъ отъ полу до потолка, не находя достаточнаго выхода въ верхнемъ люкѣ, искры словыхъ дровъ съ трескомъ разбрасываются по все стороны, парилщички обѣла огнище и, чтобъ не задохнуться, вооружили свои рты поименованными затычками; операція началась и вмѣстѣ съ тѣмъ оглушительный вой и плачь понеслись изъ кажима: это мы знаемъ, туземцы оплакиваютъ умершихъ, вспоминаютъ славныя дѣянія предковъ и невозвратные дни своей молодости; мы знаемъ, что нѣкоторые прожаренные у огня безъ памяти вытаскиваются на свѣгъ братьями; знаемъ, что съ окончаніемъ бани, вся остающаяся жидкость выливается на угли и распространяется удушающей запахомъ, по крайности на полчаса, и потому это время проведемъ съ молодежью.

«Одинъ извѣстный ходокъ трижды опередилъ своихъ товарищей; принялись за другаго рода забаву: наломавъ до десяти штукъ таловыхъ вѣтвей, разложили ихъ одну отъ другой въ разстояніи шести футовъ; каждому участнику слѣдовало перескочить чрезъ пространство между вѣтвями безостановочно, такъ, чтобъ во время бѣга становиться ногами по этимъ мѣткамъ и не сдвигать ихъ съ мѣста: чрезъ шести-футовые разстоянія перескочили все участвующіе; раздвинули вѣтви на семи-футовые: нѣкоторые спутались; прибавили разстоянія еще на футъ и малая только часть совершила скачку съ успѣхомъ; наконецъ, чрезъ девять девятифутовыхъ разстояній могъ скакать, не переводя духу, только нашъ малорослый стрѣлецъ Никитинъ. Собравшіяся на угорѣ женщины не оставались праздыми зрительницами; вооруженныя нарочно для приготовляемыми ножками, изъ мамонтовой и моржевой кости, онѣ весьма искусно выводили по свѣгу различныя узоры; одна изъ нихъ случайно

упала, вскочивъ, тотчасъ начинаетъ бросать на себѣ свѣгъ, оплевываясь, смѣяться: кто пренебрежетъ этими предосторожностями, тотъ рискуетъ занемочь и даже умереть.

«Баня кончилась, свѣтлый люкъ накрыли; но молодежь расположилась веселиться. Положили на славу: кто скорѣе другаго пролобитъ ледъ, толщиною четырехъ футовъ; отправились въ кажимъ за пѣшнями; тамъ парилщички оканчивали обѣдъ и большая часть изъ нихъ приняла участіе въ этой забавѣ. Двое стариковъ избраны старшинами: одинъ для подаванія сигналовъ послѣдовать на рѣку вмѣстѣ съ состязателями, другой, свидѣтельствующій о побѣдѣ, остался въ кажимѣ: остальное народонаселеніе, отъ стараго до малаго, высыпало на берегъ. Состязатели выстроились въ линію, футахъ въ пяти другъ отъ друга; старшина кинулъ вверхъ шапку и въ тотъ моментъ, какъ она достигнуть высшаго предѣла своего полета, обратилась кънизу, все пѣшни разомъ возлились въ ледъ. Мы удивлялись ловкости нѣкоторыхъ туземцевъ; казалось, они менѣе другихъ прилагали усилія и вовсе не торопились, но дѣло у нихъ шло скорѣе. По мѣрѣ накопленія осколковъ, ихъ выгребали ногами и руками; черезъ семь съ половиною минутъ у одного выступила вода; онъ погрузилъ пѣшню въ слѣбланное отверстие по самую рукоятку, въ знакъ убѣжденія зрителей, и потомъ стремглавъ бросился въ кажимъ для представленія ея оставленному тамъ судьбѣ. Общее шумное одобреніе сопутствовало побѣдѣ.

«Смеркалось; народъ расходился; снизу рѣки показались двѣ парты; нѣсколько дѣтей остались на берегу изъ любопытства взглянуть на подходящихъ; вскорѣ они поднялись къ селенію и остановились у одного зимника: то была семья, состоящая изъ мужа, жены, взрослой дочери и мальчика-подростка. Никто ихъ не встрѣтилъ; со всею тѣмъ, пріѣзжіе располагались какъ дома; привязали собакъ къ столбамъ кормовой бараборы, сложили въ нее привезенный скарбъ и товаръ, подняли парты на вѣшла; потомъ женщины и мальчикъ спустились въ зимникъ, мужчина пошелъ въ кажимъ. Здравствуй, прощай, спасибо,—этихъ словъ не существуетъ въ туземномъ словарѣ. Воследній отряхнувшись, сколотилъ свѣгъ съ торбасовъ, снялъ и повѣсилъ для

просушки камлею, или верхнюю парку и, вытащивъ руки изъ рукавовъ той парки, въ которой остался, что вообще дѣлается ради большаго тепла и выраженія бездѣлья,—молвилъ тому у кого онъ остановился: «Я къ тебѣ.» Тотъ отвѣтилъ обычнымъ «Тавай-хвай», которое въ этомъ случаѣ всего ближе выражается нарѣчіями «ладно», «хорошо.» Тѣмъ привѣтствія кончились.

«Отогрѣвшись, понюхавъ или покуривъ табуку, пріѣзжіи заводятъ рѣчь, не обращая ее собственно ни къ кому, о томъ, что новаго произошло въ его сторонѣ, рассказываетъ видѣнное и слышанное во всѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, но изъясняется всегда слогомъ повѣствовательнымъ, въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ иныхъ случаяхъ иносказательно, такъ напримѣръ: на такомъ-то селеніи, говорятъ, касяги (т. е. козаки, или Русскіе) ходятъ и дарятъ табакомъ; это значитъ, что онъ видѣлъ Русскихъ, получилъ подарокъ, но не утверждаетъ положительно, чтобъ Русскіе одаривали и въ другихъ селеніяхъ; или такой-то, одѣтый въ новую парку, лежитъ въ кажимѣ головою къ стѣнѣ, это означаетъ умершаго; надъ такимъ-то шаманятъ, — знакъ болѣзни; тамъ-то много жиру или чего другаго,—свидѣтельство изобилія промысла или улова, и тому подобное. Кто умеръ, кто и чѣмъ боленъ, кто и что добылъ, объясняется по особеннымъ вопросамъ впоследствии; во время же повѣствованія всѣ слушаютъ, только изрѣдка восклицая: «А! кика», то есть «такъ, такъ».

«Гость пріѣхалъ не къ кому-либо исключительно, но желаетъ своему товару найти покупателя за необходимые для него предметы; удовлетворивъ себя и другихъ рассказомъ, онъ вноситъ въ кажимъ все привезенное для промѣна и объявляетъ, что за то и то, желательно имѣть это и это. Каждый разсматриваетъ, и если кто находитъ промѣнъ для себя выгоднымъ или полезнымъ, то съ своей стороны, не говоря ни слова, приноситъ требуемое, чтобъ всѣ видѣли доброту и качество поступающихъ на обмѣнъ вещей; если цѣны привезенныхъ предметовъ дорожа, то однѣ молча отходятъ прочь, другіе торгуются. Но вотъ пріѣзжіи подаютъ одному изъ туземцевъ вещь, которую вымѣнялъ отъ него назадъ тому около года: «Это, говоритъ онъ ему, не годится для меня!» и тотъ, оглядѣвъ вещь и признавъ ее дѣй-

ствительно за свою, возвращаетъ то что получилъ, безъ всякаго возраженія. Изъ прибывшихъ женщинъ, у молодой мужъ остался на своемъ селеніи: войдите въ зимникъ, вы увидите у нея другаго; это второй, не *половинчикъ*, какъ то бывало въ старину у Алеутовъ и Кадьякцевъ, но кукла, которую она и раздѣваетъ и кормитъ и спитъ съ нею. Мужья, любящіе или имѣющіе женъ малолѣтныхъ, такимъ же порядкомъ обращаются съ своими нарѣченными.

«Насталъ вечеръ. Въ кажимѣ долго и темно и пусто; большая часть мужчинъ ужинаетъ въ зимникахъ; наконецъ мало-помалу собираются, щедрые или достаточные приносятъ жиръ; иные принимаются за различныя работы; другіе, сядя на лавкахъ и покачиваясь взадъ и впередъ, слушаютъ рассказы пріѣзжаго или домашняго краснбая; по временамъ, нюхаютъ или курятъ до одурѣнія: вдругъ изъ одного зимника раздаются звуки бубенъ и завыванія шамана: это леченіе больнаго. Какъ не посмотреть! пойдемте: намъ сопутствуютъ не многіе.

«Въ одномъ изъ угловъ зимника сидитъ больной: онъ страдаетъ простудой и въ-особенности ломотой поясницы; передъ нимъ горятъ два жирника; задъ парки поднять ему на голову; два шамана, по той и другой его сторонѣ, по временамъ поютъ и бьютъ въ бубны; за нимъ видѣтся растрепанная голова старухи: она каркаетъ по-вороньи, клюетъ носомъ въ спину больнаго, съ кѣмъ-то переговаривается и встрѣчая или препятствія или видя неуспѣхъ, перемѣняетъ голосъ, щекочетъ по-сорочьи, лаетъ по-собачьи; вотъ, наконецъ завыва волкомъ, начала кидаться на больнаго, какъ-будто грызетъ ему спину, срываетъ съ него что-то, показываетъ видъ, что бросаетъ на воздухъ; въ бубны забили сильнѣе; старуха, вскочивъ сдернула парку съ пациента, принялась ее вытряхивать; потомъ, схватя вѣникъ, начала махать имъ во всѣ стороны, выметать изъ-подъ наръ, какъ-бы кого выгоняя; открыли верхній люкъ; четыре другихъ тунгаковъ на крышѣ зимника ударили въ бубны, закричали: «Побѣжалъ, побѣжалъ! у! у!» старуха притворилась или точно обезпамятѣла. Это былъ третій духъ, выгнанный ею изъ больнаго; сколько еще ихъ въ немъ осталось, никто не зналъ. Если то былъ послѣдній, больной въ скоромъ времени долженство-

валъ поправиться, въ противномъ случаѣ шаманство продолжится, разумѣется, по волю больного, потому—что онъ за это платитъ и иногда довольно дорого. Тунгаки утверждаютъ, что вся сила ихъ искусства состоитъ въ отысканіи, который духъ вселился въ больного; выгнать его они не считаютъ важнымъ.

«Время склоняется къ полуночи, туземцы располагаются спать и когда все стихнетъ, мужья дезертируютъ къ своимъ дражайшимъ половинкамъ.

«Пляски туземцевъ Квихпака и Кускоквима вовсе различаются отъ поморскихъ въ духѣ и дѣйствіяхъ. Пляски первыхъ—собственно передача въ мимическихъ представленіяхъ, явленій духовъ тунгакамъ при какихъ-нибудь случаяхъ частной ихъ жизни; и какъ духъ является въ образѣ звѣря, птицы, челоуѣка или въ другомъ-какомъ фантастическомъ видѣ, то вмѣстѣ съ пляской тунгакъ представляетъ и его личину или маску. Слова пѣсни—описание въ извѣстномъ размѣрѣ явленія или бесѣды тунгака съ духомъ. Каждую пляску въ первый разъ исполняютъ въ кажимѣ сочинитель, а потомъ она переходитъ вмѣстѣ съ личиной въ общее достояніе. Пѣсни поются тѣми, которые даютъ вечеринку; напѣвъ одинаковъ съ приморскимъ.

«Представленія выполняются мужчинами нагишомъ, потому—что все искусство ихъ пляски состоитъ въ выказаніи проворства, легкости и быстроты; по одной или по парѣ женщинъ съ каждой стороны плясуна окаймляютъ картину; движенія послѣднихъ всегда плавны, исключая обыкновенныхъ частныхъ вечеринокъ, въ которыхъ старушки позволяютъ себѣ различныя вольности. Пляшущія женщины одѣты и обвѣшаны бисерами, колокольчиками, мѣдными обрѣзками и тому подобными украшеніями; на парадныхъ представленіяхъ, то-есть тѣхъ, на которыхъ съѣзжаются гости съ окрестныхъ селеній, женщины одѣваются въ прозрачныя каменн, въ руки берутъ различныхъ видовъ рѣзавья изъ дерева фигуры, украшенныя перьями или длинною оленьей шерстью: эти фигуры служатъ имъ для приданія большаго эффекта и соразмѣренія своихъ движеній.

«Сколько бы ни было дѣйствующихъ лицъ, всѣ они бываютъ

въ маскахъ; впрочемъ воображеніе тунгаковъ не создаетъ представленій болѣе какъ изъ трехъ персонъ. Если даютъ вечеринку женщины, то одѣваются въ мужское платье и тогда пляшутъ въ маскахъ. У Квихпацевъ и Кускоквимцевъ есть своего рода паяцы или шуты. Въ интермедіяхъ между представленіями, они отшучаютъ разныя шуточки, подсмѣиваются надъ плясунами, зрителями и часто довольно неблагопрістойно, по у каждого народа свои понятія о любезности.

«Для яснѣйшаго ознакомленія читателей съ туземной пляской, расскажемъ содержаніе нѣкоторыхъ ихъ представленій.

«Въ кажимѣ, десять сажень въ квадратѣ, по всѣмъ тремъ ярусамъ лавокъ и по полу, исключая передней стороны, оставленной для дѣйствующихъ лицъ, сидитъ народъ. Мужчины одинъ совершенно наги, другіе безъ парокъ занимаютъ лавки, женщины скупчились на полу; со многими изъ нихъ грудныя дѣти. Жарко и душно. Два жирника на авансценѣ, то-есть по угламъ передней стороны ямы огнища, и четыре въ разныхъ мѣстахъ кажима, тускло разливаютъ свѣтъ на шеструю толпу зрителей; съ нижней лавки передней стороны спущены травяныя рогожки, отдающія гардеробную актеровъ. Четверо тунгаковъ сидятъ на этой лавкѣ, держа въ рукахъ бубны въ два съ половиною фута въ діаметрѣ; два старика въ оборванныхъ паркахъ съ замаранными лицами, повременамъ появляются на сценѣ, дразнятъ другъ друга и подсмѣиваются надъ зрителями, что тѣ понапрасну собрались смотрѣть новую пляску, которую они старики украли у сочинителя. Это вмѣсто увертюры. Но вотъ открылся свѣтлый люкъ и по ремню спустился быстро, можно сказать мгновенно, плясунъ, легкимъ скачкомъ онъ очутился на сценѣ; двѣ пары женщинъ обстали его по сторонамъ; на немъ личина, изображающая фантастическую голову ворона; вотъ онъ заскакалъ по сценѣ, закричалъ по-вороньи, бубны забили свой мѣрный тактъ; пѣвцы затянули пѣсню. Плясунъ представляетъ то ворона, присѣдая и скача по-птичьему, то извѣстныя дѣйствія челоуѣка, которому во всемъ неудача. Содержаніе пляски выражается словами пѣсни, которыхъ сущность

заключается въ слѣдующемъ: «Жилъ тунгакъ на своей займкѣ и голодовалъ, и примѣтилъ онъ, что куда бы онъ ни пошелъ, вездѣ сопутствуетъ ему и становится помѣхою воронъ; пойдешь ли на добычу за оленями, воронъ откуда ни возьмется закаркаетъ, встревожитъ оленей и не допуститъ скрасть ихъ въ мѣру полета стрѣлки; поставитъ ли петли на ушкановъ или куро-патокъ, воронъ спутаешь, сорветъ ихъ; опуститъ ли въ озеро морду на рыбу пмагнать, и тутъ воронъ находитъ способы повредить ему. Кто ты, наконецъ восклицаетъ тунгакъ. Духъ въ образѣ ворона усмѣхаясь отвѣчаетъ: «Горькая твоя доля.» Такимъ образомъ въ этой пляскѣ представляется въ мимикѣ, охота за оленями, ловля ушкановъ, куро-патокъ, рыбы и бесѣда тунгака съ ворономъ. За пляской слѣдуетъ антрактъ: семья плясува въ память своихъ родныхъ одариваетъ гостей различными запасеніями или какими-либо вещами; въ послѣднемъ случаѣ наблюдается, чтобъ число раздаваемыхъ вещей было или двадцать или дважды двадцать, мы считаемъ по туземному, и такъ далѣе; притомъ раздаватель до самаго момента дѣлежа, старается сколько возможно скрыть отъ всѣхъ присутствующихъ то, чѣмъ онъ намѣренъ дарить. Положимъ, что мужчина расположился одарить своихъ гостей подошвами; передъ глаза зрителей онъ представляетъ байдарку, вырѣзываетъ изъ нея двадцать, сорокъ или шестьдесятъ паръ подошвъ, и въ тоже время рассказываетъ какимъ образомъ байдарка была приобретена, долго ли на ней ѣздили, благополучно ли производилъ ловлю, выхваляетъ доброту лавтака и прочая. Если одариваетъ женщина, напримѣръ мѣшками изъ рыбьихъ шкуръ, тоже число двадцать или сорокъ она шиваетъ между собою, растагиваетъ ихъ во всю ширину кажима, объясняетъ труды и время употребленные ею, на выморозку шкуръ, на шитье, на приобретение различныхъ украшеній, наконецъ на тайну производства своей работы. Если раздаются провизіи, то всего чаще передаютъ ихъ изъ рукъ въ руки. Въ обыкновенныхъ игрушкахъ раздача подарковъ зависитъ отъ воли раздавателя, и предпочтеніемъ никто не обижается. Обратимся снова къ представленіямъ. Вотъ три человѣка выскочили изъ-подъ лавки; одинъ изъ

нихъ съ собачьимъ рыломъ, на четверенькахъ, съ загнутою рукою вмѣсто хвоста, какъ будто тянетъ парту; второй въ весьма правильной маскѣ человѣка показываетъ, что толкаетъ парту назадъ; третій въ личинѣ слишкомъ трехъ футъ величины, изображающей уродливое человѣческое лицо на лягушечьемъ рылѣ, окруженное ореоломъ изъ орлиныхъ перьевъ, представляетъ духа. Содержание пляски и пѣсни слѣдующія. Идетъ тунгакъ съ своей одиночки на зимники; собака его тяглая, кормленная, вдругъ чего-то пугается, поджимаетъ подъ себя хвостъ, визжитъ; тунгакъ осматриваетъ ее, не запозила ли она ногу, не третъ ли ей гдѣ алыкъ: напрасно; собака не трогается съ мѣста, нечаянно поднимаетъ онъ голову и видитъ духа. Что тебѣ, вопрошаетъ тунгакъ? Не ходи, отвѣчаетъ духъ, на твою жебѣ, повальная болѣзнь, люди умираютъ скоростипжно. Чтожь, возражаетъ тунгакъ, если мнѣ умереть этой болѣзнію, то я умру, гдѣ бы я ни былъ, а на жилѣ у меня жена, дѣти и прахъ моихъ родственниковъ....»

И если бы этотъ тунгакъ умеръ, то его похоронили бы слѣдующимъ образомъ:

«Квихпакцы и Кускоквимцы покойниковъ своихъ кладутъ пригнувши ноги къ животу въ сколоченные изъ досокъ ящики, обертываютъ берестой и накрѣпко забиваютъ крышкою. Гробы эти ставятъ на четыре столба футъ пяти высоты и къ лицевой сторонѣ прибиваютъ стоймя особый щитъ отъ четырехъ до шести футъ въ квадратъ, на которомъ маюютъ профессію покойнаго, какъ-то байдару, если онъ былъ торговецъ; оленя или бобра, если былъ промышленникъ и прочая. Передъ могилами втыкаютъ колья, весла, вѣшаютъ луки, стрѣлы, котлы, кладутъ цѣлыи байдары и прочее.»

Дѣйствія экспедиціи кончились 21 іюня 1844 года; въ этотъ день экспедиція возвратилась въ редутъ Св. Михаила; она находилась въ отсутствіи годъ, шесть мѣсяцевъ и шестнадцать дней; въ продолженіе этого времени г. Загоскинъ и его проводатые прошли пѣшкомъ и на кожаныхъ лыжахъ около пяти

тысячъ верстѣ! 5 августа, они оставили редутъ и, на бригѣ Охотскѣ, прибыли 26 сентября въ Новоархангельскѣ.

Г. Загоскинъ, какъ мы показали при обзорѣ его странствованій, не только исполнилъ порученіе колониальнаго начальства, но обогатилъ также науку своими изслѣдованіями этого отдаленнаго и малодоступнаго края. Потому его *Пшеходная Опись* книга, столько же занимательная для обыкновенныхъ читателей, сколько полезная для ученыхъ.

Емтсь.

КАРДАНЪ ДВОЕЖЕНЕЦЪ. *Повесть Мері.* Передъ тулонскимъ рейдомъ, на западномъ скатѣ того хребта горъ, который соединяетъ пикъ Кудонъ съ Оліульскими ущеліями, встрѣчаются на каждомъ уступѣ красивые деревенскіе домики, какіе можно найти только въ Провансѣ; передъ каждымъ изъ нихъ одинъ и тотъ же видъ: море, рейдъ, корабли,—картина самая смѣющаяся и разнообразная. По вечерамъ, въ хорошее время года, на террасахъ этихъ маленькихъ дачъ собираются семейства и отдыхаютъ отъ утомительнаго жара, вдыхая свѣжесть, которая распространяется отъ моря, при приближеніи ночи.

Наканунѣ праздника Св. Іоанна въ 183... году, едва первыя звѣзды зажглись надъ сѣрымъ и обнаженнымъ хребтомъ Кудона, вдругъ, среди сельской тишины, раздался пушечный выстрѣлъ и эхо, замирая, прокатилось отъ холма Ламальгъ въ глубину оліульской долины. Электрическое движеніе ужаса пробѣжало вмѣстѣ съ эхомъ и встревожило тишину прекрасной лѣтней ночи.

Повсюду на террасахъ, гдѣ молодыя женщины разговаривали съ молодыми людьми, послышался крикъ: «это галерный повольникъ убѣжалъ!» и казалось, что посреди каждаго отдаленнаго семейства явился вдругъ тигръ съ человѣческимъ лицомъ, убѣжавшій изъ звѣринца тулонскаго арсенала.

Если бы какой-нибудь наблюдатель могъ изслѣдовать на лету этотъ ужасъ, какъ онъ пробѣжалъ по всѣмъ лицамъ въ ночь наканунѣ Иванова дня, то замѣтилъ бы съ удивленіемъ,

спокойствіе одного только семейства, сидѣвшаго въ бесѣдкѣ между рейдомъ и горою Си-фуръ. Это спокойствіе нѣсколькихъ лицъ, посреди всеобщаго ужаса, легко было, однако, объяснить. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, г-жа Мелланъ и дочь ея Анна прибыли изъ Нью-Йорка въ Тулонъ, для окончанія важнаго семейнаго дѣла, и наняли деревенскій домикъ, недалеко отъ моря и большой дороги. Старый слуга и двѣ горничныя креолки сидѣли, вмѣстѣ съ обѣими дамами, на террасѣ, когда раздался пушечный выстрѣлъ. Какъ никто не могъ объяснить тогда двумъ иностранкамъ значенія этого сигнала тревоги, то онѣ смотрѣли на него, какъ на вещь очень обыкновенную въ военномъ городѣ и не прервали даже своего разговора.

Слѣпой случай направилъ шаги убѣжавшаго галерника къ дому г-жи Мелланъ. Это былъ человѣкъ, оставившій по себѣ имя, славное въ пандемоніумѣ преступленій; это былъ извѣстный Карданъ, заклеянный и осужденный на галеры за двоеженство и другія преступленія. Онъ употребилъ почти два мѣсяца, чтобы перешлиять желѣзное кольцо, соединявшее его съ товарищемъ, и, однажды, когда тотъ спалъ на мурлыонской верфи, Карданъ переломилъ послѣднюю пластинку кольца и убѣжалъ. Товарищъ его, послѣ короткаго сна, утаеннаго отъ бдительности сторожа, виля себя одного, спрятался въ пещеру за бревна и доски, чтобы, въ свою очередь, убѣжать, при первомъ удобномъ случаѣ; но его нашли на другой же день. Только при наступленіи ночи замѣтили бѣство Кардана.

Этотъ извѣстный каторжникъ былъ тогда тридцати лѣтъ отъ роду, изъ которыхъ четыре года онъ провелъ на галерахъ. Онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ; его изящныя манеры, блѣдое и гордое лицо показывали, что онъ принадлежалъ къ хорошему обществу, прежде чѣмъ красная куртка, которая уравниваетъ всѣ состоянія, скрыла порядочнаго человѣка подъ оболочкой галерника. Въ эту ночь на немъ не было куртки: онъ забросилъ ее въ кранину. Карданъ былъ ловокъ и силенъ; бѣгъ его походилъ скорѣе на полетъ птицы или скачекъ пантеры, нежели на скорую походку человѣка. Пробравшись между большими деревьями къ дому г-жи Мелланъ, онъ осмотрѣлся съ тѣмъ тонкимъ инстинктомъ, который природа вложила въ хищныхъ звѣрей, и, цѣпляясь, какъ обезьяна по бревну, приставленному къ задней стѣнѣ дома, вошелъ въ комнату перваго этажа, и не болѣе какъ въ пять минутъ все ощушалъ и осмотрѣлъ въ потьмахъ, какъ будто ему свѣтили его рыжіе волосы или пламень его глазъ.

Если бы такого рода люди употребляли на добро сильныя способности, которыя они источаютъ на зло, родъ человѣческой скоро бы возродился.

Карданъ нашелъ въ одной конторкѣ нѣсколько свертковъ экио, завернулъ ихъ въ первые, попавшіеся ему подъ руку, листы бумаги. Онъ удовольствовался этой небольшою суммой, достаточной для первыхъ необходимыхъ нуждъ, и однимъ скачкомъ выпрыгнулъ чрезъ окно въ садъ.

При первыхъ лучахъ утренней зари, онъ достигъ вулканической вершины горы Эвеносъ, погасшая лава которой смѣшивается съ облаками. Тамъ онъ купилъ у пастуха одежду и нѣсколькихъ овецъ, и тропинками, по которымъ пробіраются козы, спустился, съ палкой въ рукѣ, въ долину Боссетъ.

Зная, что большая дорога ведетъ всегда къ большому городу, Карданъ слѣдовалъ по направленною дороги, которая идетъ, извинаясь, отъ часовни Св. Анны въ долину Кюфъ. По дорогѣ, онъ кланялся жандармамъ, которые вели преступниковъ, оставленнымъ морякамъ, солдатамъ, возвращавшимся изъ Африки, канатнымъ ялысунамъ и шарманщикамъ, всѣмъ этимъ любопытнымъ пѣшеходамъ, населяющимъ дорогу изъ Тулона въ Марсель.

Бросивъ своихъ овецъ, онъ вошелъ ночью въ Марсель и занялъ скромную комнатку въ улицѣ Бенуаръ, въ гостиницѣ, гдѣ останавливаются пѣшеходы и проѣзжіе, но особенно пѣшеходы.

Развернувъ при свѣчѣ своя экио, онъ увидѣлъ что они были завернуты въ два письма; отъ нечего дѣлать, онъ сталъ читать ихъ. Сначала Карданъ читалъ равнодушно, но скоро мускулы лица его сжались и придали ему страшное выраженіе. Онъ всталъ съ потупленной головой, неподвижными глазами и сжатыми кулаками, какъ бандитъ, привыкшій ко всѣмъ преступленіямъ, который подлѣмъ наитіемъ какого-то неожиданнаго вдохновенія, видитъ возможность совершить новое преступленіе. У злодѣевъ бываютъ иногда свои минуты вдохновенія и въ ихъ, всегда дѣятельномъ, мозгу, мгновенно является какой-нибудь адскій планъ со всѣми своими черными подробностями.

Оба письма были очень длинны; одно съ острова Бурбона, другое съ мыса Доброй Надежды. Они заняли бы здѣсь слишкомъ много мѣста; а потому мы разберемъ ихъ въ нѣсколькихъ словахъ и представимъ сущность ихъ содержанія. Изложеніе это будетъ коротко.

Г-жа Мелланъ, за полтора года предъ тѣмъ овдовѣвъ, оставила Нью-Йоркъ, гдѣ умеръ ея мужъ, и возвратилась въ Европу послѣ двадцатилѣтняго отсутствія. Желаніе увидѣть отечество не было главной побудительной къ тому причиной. Г. Мелланъ, бретанскій уроженецъ былъ одолженъ огромнымъ своимъ состояніемъ другу своему, г. де-Кербріану, дворянину, разоренному революціей, отъ которой не получивъ, обратно ничего изъ потеряннаго. Г. де-Кербріанъ имѣлъ единственнаго сына по имени Альберта. Этотъ молодой человѣкъ, не надѣясь получить ничего въ наслѣдство, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ пошелъ служить во флотъ; но, къ несчастію, не имѣлъ того крѣпкаго здоровья, какого требуетъ морская служба. Г. Мелланъ на смертномъ одрѣ сдѣлалъ торжественное распоряженіе, по которому дочь его должна была вступить въ бракъ съ сыномъ его благодѣтеля, на условіяхъ самыхъ великодушныхъ, которыя нѣкоторымъ образомъ уплачивали долгъ благодарности. Вдова его, г-жа Мелланъ, слѣпо покорилась послѣдней волѣ своего мужа; она завела переписку съ Альбертомъ де-Кербріаномъ и нашла въ немъ, очень естественную, готовность исполнить завѣщаніе отца Анны. Положено было обѣимъ семействамъ съѣхаться въ Тулонъ къ июлю мѣсяцу, когда Альбертъ де-Кербріанъ прибудетъ на военномъ кораблѣ изъ Пондшери, и тогда немедленно отпраздновать бракосочетаніе молодого человѣка съ дочерью г-жи Мелланъ. Онъ первый прибыли на мѣсто свиданія, назначенное за океаномъ.

Маленькій билетикъ, приложенный къ одному изъ этихъ писемъ, извѣщалъ о смерти г. де-Кербріана. Билетикъ этотъ былъ писанъ не рукою сына его Альберта, и на немъ было клеймо города Нанта.

Послѣ долгаго размышленія, Кардану пришла въ голову одна изъ тѣхъ безумныхъ идей, исполненію которыхъ можетъ помогать только духъ зла съ помощію адскихъ соображеній. Во-первыхъ, онъ не оставилъ вдругъ своей простой одежды, опасаясь, слишкомъ быстрой перемѣной, повредить себѣ въ глазахъ содержателя гостинницы; онъ переодѣвался мало-помалу, покупая и надѣвая новый костюмъ по частямъ; потомъ онъ помѣстился въ другой, лучшей гостинницѣ, принявъ предосторожность измѣнить не только цвѣтъ волосъ и лица, но даже ростъ, походку и голосъ. Вполнѣ увѣренный, что обманетъ бдительность полицейскихъ сыщиковъ, онъ пустился отыскивать себѣ достойнаго друга въ одной изъ тѣхъ тавернъ, которые въ большихъ городахъ скрываются въ тѣни самыхъ отвратительныхъ кварталовъ.

Лафатеръ и Галль просто дѣти перелѣ каторжникомъ, убѣжавшимъ изъ Тулона. Для узнанія себѣ подобныхъ, каторжникъ одаренъ шестымъ чувствомъ, которое можно назвать обоняніемъ преступленія. Въ одной изъ тавернъ стараго Марсея, Карданъ замѣтилъ молодого человѣка дѣтъ двадцати-пяти или тридцати, блѣднаго и первическаго, съ глазами зеленого матоваго цвѣта. Въ небрежности его пріемовъ были всѣ признаки отвращенія къ труду, а въ глазахъ отблескъ дурныхъ страстей. Костюмъ этого человѣка, не смотря на то, что былъ изношенъ, показывалъ прежнее его достоинство. Каждая часть его одежды, во времена давно забытыя журналомъ модъ, красовалась, вѣроятно, на вѣшалкѣ какаго-нибудь извѣстнаго портнаго.

Нѣсколько рюмокъ водки скоро сблизили Кардана съ этимъ человѣкомъ; онъ нашелъ, что новый другъ его одинъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ сдѣлаться полезными только отъ вліянія на нихъ посторонней сильной воли. Не смотря на это, опытный галерникъ, въ продолженіе многихъ дней, испытывалъ избраннаго имъ человѣка, прежде чѣмъ возвысилъ его въ достоинство своего сообщника, и когда, по его расчетамъ, настало уже время откритыя, то подаривъ ему предварительно нѣсколько пяти-франковыхъ эку, онъ развернулъ предъ нимъ свои планы. Съ этой минуты одинъ изъ этихъ презрѣнныхъ сдѣлался покорнымъ рабомъ, а другой полновластнымъ господаиномъ.

Чтобы успѣть въ своемъ предпріятіи, Кардану не доставало суммы денегъ болѣе значительной, нежели та, которую онъ укралъ изъ копторки г-жи Мелланъ, и которую уже почти всю истратилъ. Препятствіе это вскорѣ было побѣждено. Марсельскіе мѣнялы не такъ осторожны, какъ ихъ парижскія собратья; они раскладываютъ, слишкомъ небрежно и всегда на протяженіи руки искуснаго мошенника, свои двойные наполеондоры и псанскіе піастры. Карданъ, который, въ случаѣ нужды, дѣлалъ свои пальцы продавцовъ золота, стянулъ два свертка монетаго изъ этихъ продавцовъ золота, стянулъ два свертка монеты такъ искусно, какъ настоящій фокусникъ или индійскій жонглеръ. Съ этимъ металлическимъ подкрѣпленіемъ, онъ чувствовалъ себя въ сплахъ завоевать Перу.

Сообщникъ, избранный Карданомъ, назывался Валентиномъ Прогеромъ. Онъ принялъ это имя, сдѣлавшись камердинеромъ Кардана, который самъ превратился въ г. Альберта де-Кербріана. Данное ему порученіе было чрезвычайно трудно исполнить, не смотря на ясныя наставленія, полученныя имъ отъ своего повелителя. Ему сдѣдало отпраться впередъ на

дачу г-жи Мелланъ и искусно развѣдать всѣ обстоятельства, чтобы безопасно начать предпріятіе.

Прогеръ, въ одеждѣ довѣреннаго слуги хорошаго дома, отправился въ Тулонъ; прибывъ въ этотъ городъ, онъ подѣхалъ на маленькой лодкѣ къ дачѣ г-жи Мелланъ и вышелъ на берегъ не задолго до захожденія солнца. Превосходно играя свою роль, онъ объявилъ обимъ дамамъ, что г. Альбертъ де-Кербрианъ прибылъ въ Нантъ на купеческомъ кораблѣ, съ мыса Доброй Надежды; что труды, потерпѣнные имъ на морѣ, заставили его выйти въ отставку ранѣе, нежели онъ хотѣлъ и что онъ возвратился изъ Индіи простымъ гражданниномъ, не завидящимъ отъ военной службы, и рѣшился поселяться въ томъ мѣстѣ, какое угодно будетъ выбрать г-жѣ Мелланъ.

Во время разговора, Прогеръ стоялъ на террасѣ, готовый въ три скачка очутиться въ полѣ, при малѣйшей тѣни недовѣрчивости, которая бы показалась на лицахъ дамъ. Предосторожность эта была бесполезна. Г-жа Мелланъ, женщина добрая, проведшая всю жизнь мирно, вполнѣ повѣрила всему, что рассказывалъ ей посланникъ ея будущаго зятя, и, въ упоеніи радости, нѣжно поцѣловала дочь свою, чрезвычайно тронутую при мысли о близкомъ замужествѣ.

На другой день, въ три часа пополудня, громкій стукъ колесъ и хлопанье бича почталіона возвѣстили прибытіе почтового экипажа въ большую аллею дачи.

— Это г. де-Кербрианъ, мой господинъ, сказалъ Прогеръ; я узналъ его экипажъ.

Молодой человѣкъ, одѣтый въ черное платье, съ изящными манерами, ловко выскочилъ изъ коляски, взбѣжалъ на террасу, и, какъ будто задушаемый радостными слезами, бросился цѣловать руки г-жи Мелланъ. Карданъ былъ такъ хорошо переодѣтъ, что Прогеръ, на минуто, смѣшался, не узнавъ его.

Убѣжавшій каторжникъ поклонился Аннѣ Мелланъ и сказалъ ей фразу, приготовленную имъ въ продолженіе четырнадцати миль пути.

— Благословляю память отца вашего, этого великодушнаго человѣка, избравшаго меня своимъ зятемъ; я очень счастливъ и долженъ вамъ сказать, сударыня, что, объѣхавъ вокругъ всего свѣта, я избралъ бы только васъ подругою жизни.

За этими словами послѣдовало глубокое молчаніе, наступающее всегда послѣ сильныхъ и глубокихъ ощущеній; нѣсколько времени посвящено было печальнымъ воспоминаніямъ и нѣмой горести; а потомъ, разговоръ не замѣтно, принялъ характеръ живой и веселый, особенно во время обѣда. Карданъ пока-

заялъ при дамахъ чрезвычайную деликатность, говоря, обо всемъ, кромѣ своего брака. Онъ рассказалъ подробно свое путешествіе, которое изучилъ наканунѣ по географической картѣ, вмѣшавъ въ разсказъ всѣ техническіе морскіе термины, отысканные имъ въ книгахъ. Наконецъ, принявъ приличное положеніе, онъ сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Я проѣхалъ пять тысячъ миль, посѣтилъ пять частей свѣта, видѣлъ всѣ народы и узналъ по опыту, что счастье, если оно существуетъ, можно найти только въ кругу семейныхъ обязанностей и въ скромномъ семействѣ, между родными и друзьями.

Г-жа Мелланъ пожала Кардану руку, и движеніе ея выразило все счастье, которое она чувствовала, слыша отъ зятя выраженіе такихъ прекрасныхъ чувствъ.

Очень искуснымъ переходомъ, Карданъ заставилъ свою будущую тещу принять намѣреніе, чрезвычайно для него важное. Онъ разсказалъ о мнимой ссорѣ своей въ Нантъ съ молодыми офицерами, прежними его товарищами, которые за его отставку, называемую ими бѣгствомъ, упрекали его въ выраженіяхъ довольно колкихъ для того, чтобы быть причиною дуэли.

— Я не боюсь подобныхъ встрѣчъ, прибавилъ онъ, это извѣстно; но все же непріятно скрестить шпагу съ старыми друзьями, которые такъ несправедливо судятъ о моей отставкѣ. Я хочу лучше дать имъ время размыслить о своихъ словахъ. Когда начальникъ мой, который хорошо меня знаетъ, возвратится въ одинъ изъ портовъ Франціи, онъ оправдаетъ меня лучше, нежели я самъ. Поэтому я рѣшился не показываться въ Тулонъ и избѣгать непріятностей, которыя могутъ имѣть важныя и плачевныя послѣдствія. Если вы согласны, то мы совершимъ маленькое путешествіе во внутренность здѣшней страны, или въ Италію, или въ Испанію, куда вамъ будетъ угодно; и когда мы возвратимся во Францію, поведеніе мое будетъ уже оправдано товарищами моими, и несправедливые друзья должны будутъ извиниться передо мной.

Все это было сказано тономъ простымъ и естественнымъ, который могъ обмануть людей самыхъ проникательныхъ. Добрая и простая г-жа Мелланъ такъ встревожилась, особенно за дочь свою, при мысли объ этихъ ссорахъ, что первая предложила оставить городъ, въ которомъ зять ея имѣлъ слишкомъ много сношеній, для того чтобы не встрѣтиться съ врагами и не имѣть дуэли. Даже самая дача, на которой жила она, казалась для ея материнскаго безпокойства мѣстомъ не довольно безопаснымъ, потому-что на всѣхъ сосѣднихъ дачахъ жили семей-

ства моряковъ, посѣщавшія другъ друга въ прекрасные лѣтніе вечера.

Карданъ не показалъ ни малѣйшаго желанія оставить немедленно тулонскую дачу; но это искусно разыгранное спокойствіе удвоило только страхъ г-жи Мелланъ, которая почла обязанности принудить будущаго своего зятя рѣшиться предпринять путешествіе. Отведя галерника въ сторону, она сказала ему, показывая на Анну:

— Она, бѣдняжка, очень застѣнчива: она не смѣетъ взглянуть на васъ прямо; намъ надобно непременно путешествовать нѣсколько времени вмѣстѣ, чтобъ ободрить ее. Ничто не укрѣпляетъ такъ связей, какъ путешествіе; въ дорогѣ, по прошествіи мѣсяца, дѣлаются уже старыми друзьями. Мы не отъ кого независимы, я и вы, не такъ ли? Вы можете жениться на моей дочери въ Испаніи, въ Италіи, также точно, какъ во Франціи. И такъ будемъ спокойны и отправимся.

Карданъ поклонился съ видомъ чловѣка, который на все согласенъ, и сказалъ:

— Не хочу отказать вамъ въ первой услугѣ, которую вы отъ меня требуете: поѣдемте.

Въ числѣ распоряженій къ отъѣзду, которыя слѣзаны были Карданомъ и доброю вдовою, было положено, что Прогеръ, мнимый камердинеръ, останется на дачѣ, чтобы смотрѣть за вещами и оставленнымъ хозяйствомъ, и что ему дана будетъ извѣстная сумма денегъ, для предвидимыхъ и непредвидимыхъ издержекъ.

На другой день до зари, г-жа Мелланъ съ дочерью и галерникомъ отправилась въ Марсель. Карданъ досталъ себѣ въ этомъ городѣ паспортъ на проѣздъ въ Испанію и чрезъ нѣсколько дней вышелъ на берегъ въ Барселонѣ съ обѣими дамами, своими жертвами, и остановился въ Астурійской гостиницѣ.

Лѣтописи преступленій представляютъ мало примѣровъ подобныхъ происшествіямъ, гдѣ бы невѣроятное играло такую значительную роль. Впрочемъ, если бы происшествіе это не было необыкновенно, мы не рассказали бы объ немъ.

Недѣли двѣ спустя послѣ отъѣзда г-жи Мелланъ, молодой Альбертъ де-Кербрианъ вышелъ на берегъ въ Тулонѣ, передъ ратушей и, не перемѣнивъ даже платья, въ которомъ онъ пріѣхалъ изъ Индіи, отправился отыскивать г-жу Мелланъ. Въ почтовой конторѣ ему указали ея дачу и морякъ нашъ, вскочивъ на первую наемную лошадь, помчался туда галономъ.

Пріѣхать изъ Индіи, имѣя въ виду пріятную перспективу бо-

гатой жептѣбы, выйти на землю, увидѣть домъ, въ которомъ живетъ молодая дѣвушка незнакомая, но обожаемая, все это случается только разъ на этомъ свѣтѣ, и потому, я думаю, нѣтъ ничего пріятнѣе этого. Молодой Альбертъ вздрогнулъ при видѣ итальянской бесѣдки, сквозь вѣтви которой видны были бѣлые кисейныя платья: тамъ было его будущее семейство; его счастье, богатство и будущность. Онъ соскочилъ съ лошади въ концѣ аллеи и, взойдя на террасу въ необыкновенномъ волненіи, произнесъ имя г-жи Мелланъ и свое. Толпа дамъ и молодыхъ людей молча встала при этомъ возгласѣ, и удивленные взгляды всѣхъ вопросительно обратились къ новопрішедшему, котораго никто не зналъ.

На минуту приведенный въ замѣшательство такимъ страннымъ пріемомъ, Альбертъ де-Кербрианъ подумалъ, что онъ ошибся и вошелъ не въ тотъ домъ.

— Извините, сказалъ онъ, здѣсь, за городомъ, гдѣ нѣтъ ни улицъ, ни номеровъ, такъ много дачъ, что я принялъ, можетъ-быть, эту за другую; однако жъ мнѣ дали самыя точныя указанія.

Одна пожилая дама отвѣчала моряку:

— Можетъ-быть вы и не ошиблись, сударь; мы живемъ на этой дачѣ только съ прошедшей недѣли: передъ нами здѣсь точно жила г-жа Мелланъ; мы это узнали отъ фермеровъ; она вамъ скажетъ тоже, что и я.

— Поэтому г-жа Мелланъ возвратилась въ городъ? спросилъ молодой чловѣкъ, тревожимый мрачнымъ предчувствіемъ.

— Нѣтъ, она отправилась въ почтовомъ экипажѣ съ дочерью и зятемъ.

— Съ зятемъ! вскричалъ страшнымъ голосомъ морякъ.

— Не знаю, съ зятемъ ли, по крайней мѣрѣ, съ молодымъ чловѣкомъ, который долженъ жениться на ея дочери Аннѣ.

Альбертъ де-Кербрианъ призвалъ на помощь всю свою моральную силу и стылся, что выказалъ волненіе при посто-роннихъ, вдругъ принявъ спокойное лицо, голосъ и осанку, и сказалъ:

— Извините, сударыня, если я вхожу въ подробности, которыя могутъ показаться вамъ нескромными; но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ: не слыхали ли вы, какъ зовутъ ея зятя, то-есть, того молодого чловѣка, который долженъ жениться на дѣвицѣ Аннѣ Мелланъ?

— О, его очень хорошо знаютъ здѣсь, въ этомъ домѣ; горничныя часто говорили объ немъ сосѣднимъ фермерамъ и ихъ женамъ: дѣвица Анна Мелланъ выходитъ за мужъ за г. Альберта де-Кербриана.

— Такъ, я это зналъ!... вскричалъ настоящій Альбертъ.

— И такъ вы видите, сударь, что намъ все это хорошо извѣстно. Теперь она, вѣроятно, уже вышла замужъ.

— За Кербриана! сказалъ молодой человѣкъ такимъ ужаснымъ голосомъ, который заставилъ вздрогнуть всѣхъ присутствовавшихъ.

Всѣ головы наклонились въ знакъ подтвержденія.

— За Кербриана! повторилъ несчастный Альбертъ тѣмъ же отчаяннымъ голосомъ: это невозможно!... Я самъ Альбертъ де-Кербрианъ, ... я женюсь на дѣвицѣ Аннѣ Мелланъ. Тутъ какая-то адская тайна. Какой-нибудь разбойникъ перехватилъ, вѣроятно, мои письма и принялъ мое имя. Какое ужасное открытіе!

И онъ тяжело опустился на скамейку, отирая холодный потъ съ своего лица.

Новый припадокъ гнѣва заставилъ его гордо подняться на ноги; онъ понималъ, что весь его разсудокъ, все спокойствіе моряка, все хладнокровіе человѣка, были ему необходимы, чтобы обнаружить и наказать безчестный поступокъ, безпримѣрній въ обществѣ. Онъ простился съ дамами, извиняясь, что обезпокоилъ ихъ, и поспѣшилъ собрать нужныя свѣдѣнія отъ окрестныхъ фермеровъ. Когда онъ узналъ навѣрно часъ и день отъѣзда, направленіе пути, то, не теряя мгновенія, бросился по слѣдамъ похитителя.

Въ Марсели онъ обошелъ всѣ лучшія гостиницы, и изъ первыхъ вопросовъ, которые онъ сдѣлалъ въ одной изъ нихъ, догадливый и расторопный хозяинъ понималъ какіе это были двѣ путешественницы и путешественникъ; онъ сказалъ Альберту де-Кербриану, что три особы, такъ его интересовавшія, провели въ этомъ домѣ два дня, а потомъ отправились водою въ Барселону. Хозяинъ гостиницы назвалъ даже ему банкира, къ которому самъ проводилъ ложнаго Альберта де-Кербриана и прибавилъ, что тотъ взялъ переводный вексель въ пятнадцать тысячъ франковъ на имя своей тещи, отъ которой онъ имѣлъ довѣренность. Молодой морякъ бросился къ указанному ему нотаріусу и банкиру. Не только все сказанное хозяиномъ гостиницы было справедливо, но Альбертъ узналъ даже у банкира свои собственную подпись, поддѣланную съ необыкновеннымъ искусствомъ. Альбертъ понималъ тогда все. Онъ взялъ почтовыхъ лошадей и мѣнѣе чѣмъ черезъ пять часовъ былъ уже въ Тулонъ, у галернаго комиссара, который разсказалъ ему о бѣгствѣ Кардана и далъ описаніе примѣтъ его. Альбертъ, снабженный разными наста-

вленіями и письмомъ къ французскому консулу, въ тотъ же вечеръ отправился въ Барселону.

Надо было дѣйствовать быстро; одна потерянная минута могла сдѣлать неисправимое зло. Немедленно, по прибытіи въ Барселону, Альбертъ де-Кербрианъ побѣжалъ къ консулу. Наступала ночь; пробило десять часовъ.

Консуль былъ въ итальянскомъ театрѣ. Альбертъ отправился туда. Ему показали ложу представителя Франціи; онъ вошелъ, извинился, что беспокоитъ своимъ посѣщеніемъ, и представилъ рекомендательное письмо, въ которомъ все было объяснено.

Консуль отвелъ молодаго де-Кербриана въ сторону, чтобы поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Вотъ ужасное открытіе, которое онъ сдѣлалъ Альберту.

— Какой-то иностранецъ неопредѣленныхъ лѣтъ, сказалъ консуль, явился ко мнѣ, ведѣли три тому назадъ, подъ именемъ Альберта де-Кербриана. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ въ Испанію съ будущей своей тещей и невестой, и что въ скоромъ времени, по окончаніи траура, онъ долженъ жениться. Пріемы этого человѣка показались мнѣ очень странными: въ нихъ было что-то натянута благородное и вмѣстѣ съ тѣмъ пошлое. Онъ хотѣлъ казаться спокойнымъ, но ему измѣняли безирестанныя нервическія потрясенія. Онъ говорилъ, что пришелъ ко мнѣ засвидѣтельствовать почтеніе и узнать какія формальности соблюдаются здѣсь, при заключеніи браковъ. Я объяснилъ ему все, что онъ желалъ знать, и послѣ того видѣлся съ нимъ еще два раза; вы можете теперь же видѣть его, если хотите; онъ сидитъ съ дамами въ ложѣ, почти прямо противъ насъ. Описанія вами примѣты—поразительно сходны, съ тою только разницею, что волосы у него не бѣлокुरые и короткіе, а черные и длинныя; но, конечно, они фальшивыя, въ чемъ очень легко убѣдиться.

Альбертъ де-Кербрианъ просилъ консула дать ему мѣсто въ своей ложѣ и черезъ минуту дѣлалъ уже наблюденія.

Съ перваго взгляда онъ понималъ этого человѣка, который, не зная что за нимъ наблюдаютъ, сохранялъ мрачную неподвижность и, казалось, не принадлежалъ душою къ этому обществу энтузіастовъ, рукоплескавшихъ какому-то итальянскому дуэту. Карданъ, ослѣпшій весь въ черномъ, съ лицомъ, покрытымъ мертвенною блѣдностью, съ неподвижнымъ взоромъ, наморщеннымъ лбомъ, казался сверхъ-естественнымъ существомъ, обдумывающимъ какой-нибудь адскій планъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла съ безпечной радостью молодой дѣвушки Анна де-Мелланъ; она казалась невинной голубкой, сидящей на одной вѣтви съ коршуномъ. Во вре-

мя первого антракта Альбертъ всталъ и отправился къ ложѣ, въ которой сидѣлъ галерникъ.

Онъ постучалъ слегка въ дверь, и когда она отворилась, онъ спросилъ г. Альберта де-Кербриана.

— Это я, милостивый государь, отвѣчалъ Карданъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами на-единѣ; сказалъ Альбертъ.

Карданъ всталъ съ нѣкоторымъ волненіемъ и вышелъ въ корридоръ.

— Такъ я имѣю честь говорить съ г. Альбертомъ де-Кербрианомъ? сказалъ Альбертъ.

— Точно такъ, милостивый государь, отвѣчалъ галерникъ не твердымъ голосомъ.

— Вы точно г. де-Кербианъ?

— Вотъ странный вопросъ! сказалъ Карданъ, мрачно усмѣхнувшись.

Альбертъ вдругъ сорвалъ накладные волосы Кардана и бритая голова галерника обнажилась.

— Ты бандитъ съ тулонскихъ галеръ!

Карданъ глухо застоналъ и, выхвативъ кинжалъ, рѣшился освободить себя отъ ужаснаго незнакомца; но Альбертъ, предвидя этотъ ударъ, ловко схватилъ галерника за руку и за галстукъ, и, призывая на помощь, притиснулъ его къ стѣнѣ. На этотъ крикъ, сбѣжались все бывшіе въ сосѣднихъ лежахъ. Карданъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, былъ схваченъ полиціею; въ то же время, Альбертъ, ухвативъ незнакомца за воротникъ, съ одного раза разорвалъ на немъ платье и обнажилъ плечо Кардана, на которомъ было клеймо съ двумя буквами. Со всѣхъ сторонъ раздался ропотъ негодованія; Альберту некогда было рассказывать исторію преступника, потому-что онъ долженъ былъ исполнить болѣе важную обязанность.

Госпожа Мелланъ и дочь ея, съ безпокойствомъ, прислушивались къ шуму, происходившему въ корридорѣ, но не смѣли выйти изъ ложи. Вдругъ, французскій консулъ, въ сопровожденіи незнакомца, на которомъ былъ мундиръ моряка, вошелъ въ ихъ ложу и сказалъ имъ:

— Не угодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ, то-есть къ вамъ, потому-что мой домъ принадлежитъ всѣмъ Французамъ.

Госпожа Мелланъ и дочь ея, не понимая, что все это значитъ, послабдовали за консуломъ. Вдова шла рядомъ съ Альбертомъ, а дочь ея съ консуломъ.

При ясномъ свѣтѣ лампъ у театральнаго подъѣзда, онъ уви-

дѣли человѣка, блѣднаго, безъ волосъ, съ обнаженными плечами, увлекаемаго полиціею и осмѣиваемаго толпою.

— Боже мой! вскричала госпожа де-Мелланъ, это Альбертъ!

— Нѣтъ, сударыня, сказалъ консулъ, это не Альбертъ, это колдунникъ, который сыгралъ съ вами и дочерью вашею ужасную драму. Это преступникъ, убѣжаній съ тулонскихъ галеръ: у него на плечѣ клеймо. Вы сами можете убѣдиться въ этомъ, если только мы будемъ имѣть возможность пробраться сквозь толпу.

Тренетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ госпожи Мелланъ и отнялъ у нея, на нѣсколько минутъ, способность говорить.

Только въ домѣ консула объяснилось все подробнѣе. Все права, похищенныя этимъ преступникомъ, были возвращены настоящему Альберту де-Кербриану.

Волненіе, въ которомъ находились обѣ женщины, не позволило имъ принять Альберта въ тотъ вечеръ; но на другой день, госпожа Мелланъ и дочь ея не находили словъ, чтобъ выразить благодарность свою молодому и прекрасному избавителю. Въ тотъ же день, за столомъ у консула, было рѣшено, что бракъ Анны и Альберта, будетъ совершенъ въ церкви Св. Луdivика, въ Тулонѣ.

ГОРОДЪ ПАРА И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ. (*Отрывокъ изъ путешествія по Бразиліи*). Городъ Пара находится на рѣкѣ того же имени. Рассказываютъ, что въ 1615 году португальскій мореходецъ Кальсейра, войдя нечаянно въ главный рукавъ Амазонской рѣки, доплылъ до того мѣста, куда впадаютъ рѣки: Гуанъ, Акара и Мою, и основалъ здѣсь городъ, посвятивъ его Виолемской Божіей Матери, отчего первоначально этотъ городъ и назывался Виолемомъ; впоследствии же, а именно въ XVIII столѣтіи, принялъ названіе рѣки, на которой находится.

Такъ какъ исторія этого города представляетъ мало замѣчательнаго, то мы объ ней умолчимъ, а обратимъ лучше вниманіе наше на богатыя произведенія этой страны и на прекрасное положеніе самого города и его окрестностей. Мѣста, по которымъ протекаетъ Амазонская рѣка, чрезвычайно низменны, такъ что городъ Пара, во время полноводія, стоитъ надъ уровнемъ воды не болѣе, какъ на нѣсколько футовъ. Не смотря, однако же, на такое невыгодное положеніе страны, дарство прозябаемое является здѣсь во всей своей роскоши и изобиліи. Но эта необыкновенная производительная сила земли, служащая, для болѣе части тропическихъ странъ, источникомъ болѣзней и нерѣдко даже смерти, здѣсь нисколько не вредитъ

человѣку, а напротив доставляетъ ему всѣ блага, которыми онъ только можетъ воспользоваться въ скоротечной жизни своей. Хотя въ осеннее время, въ теченіе цѣлыхъ недѣль, идутъ здѣсь ежедневно дожди, но, не смотря на это, поверхность земли никогда не покрывается водою, потому—что почва до того песчана, что сырость мгновенно исчезаетъ при первомъ появленіи солнечныхъ лучей изъ-за облаковъ. Въ продолженіе такъ называемаго сухаго времени, отъ іюня до декабря, перепадаютъ здѣсь болѣе или менѣе дожди, отчего листья растеній не лишаются никогда своей зелени; кромѣ того пассатные вѣтры, дующіе безпрестанно съ востока, умѣряютъ палачій солнечный жаръ, нанося свѣжій морской воздухъ, и чрезъ это не производятъ въ человѣкѣ утомленія и упадка силъ, столь свойственныхъ страцамъ, находящимся подъ экваторомъ. Климатъ города Пары почитается обыкновенно нездоровымъ; между-тѣмъ новѣйшія, достовѣрные наблюденія опровергаютъ это мнѣніе и доказываютъ напротивъ, что страна эта, для ведущихъ умѣренную и правильную жизнь, и въ особенности для жителей сѣвера, принадлежитъ къ самымъ благоприятнымъ для здоровья.

Хотя въ этомъ городѣ не болѣе 15,000 жителей, но, состоя изъ множества кварталовъ, довольно оригинально расположенныхъ, онъ кажется несравненно многочисленнѣе и обширнѣе. Въ торговой части его, по близости рѣки, дома расположены правильно и образуютъ прямыя улицы; въ другихъ же частяхъ города находится въ каждомъ кварталѣ не болѣе одного дома, такъ что владѣтель его можетъ по справедливости сказать, что пользуется всѣми удобствами городской и сельской жизни. Дома эти состоятъ болѣею частью изъ одного этажа и содержатъ множество высокихъ и просторныхъ комнатъ. Въ разводимыхъ вокругъ домовъ садахъ, растутъ, посреди прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, всѣ возможные роды деревьевъ, такъ что, войдя въ эти сады, невольно подумаешь, что находишься въ настоящемъ земномъ раѣ.

Въ торговой части города дома имѣютъ иногда до четырехъ этажей, наружность же ихъ почти вездѣ одинакова; окрашенные желтою или бѣлою краскою, они имѣютъ надъ окнами и надъ дверями красивую рѣзбу. Для постройки этихъ домовъ употребляется камень, скрѣпляемый особеннаго рода смазкою; прочность такихъ построекъ доказывается уже тѣмъ, что не оконченныя стѣны домовъ, подвергавшіяся иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вліянію стихій, не обнаруживаютъ и малѣйшаго слѣда поврежденія, или разрушенія. Очень естественно,

что прохладный воздухъ составляетъ здѣсь одну изъ главнѣйшихъ потребностей жизни, а потому и оставляется нарочно посреди дома открытое мѣсто, безпрестанно подвергающееся сквозному вѣтру. Нижній этажъ домовъ служитъ обыкновенно складочнымъ мѣстомъ товаровъ, въ верхнихъ же этажахъ помѣщается самъ хозяинъ и его семейство. Передъ окнами, выходящими на улицу, приделываются желѣзные балконы, на которыхъ, въ прохладные часы дня, любятъ въ особенности проводить время женщины, критикуя всѣхъ проходящихъ по улицѣ или кокетничая съ сосѣдями. Довольно странно, что никому не приходитъ мысль устроить крытые балконы, которые хоть сколько-нибудь защищали бы отъ солнечныхъ лучей; ихъ нигдѣ нѣтъ, а потому полуденный жаръ дѣлается нестерпимымъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникаетъ освѣжительный морской воздухъ. Ни въ одной изъ улицъ нѣтъ тротуаровъ; а всѣ онѣ худо вымощены камнями, неправильной формы, которые не мало затрудняютъ ходьбу и дѣлаютъ даже верхнюю часть опасною. Въ городѣ находится нѣсколько площадей; значительнѣйшія изъ нихъ: дворцовая, пороховая и казарменная. Первая изъ нихъ очень пространна и могла бы служить украшеніемъ не только дворцу, передъ которымъ находится, но и самому городу; въ настоящее же время она не что иное, какъ грязный лугъ, не отбѣляемый ни однимъ деревомъ и покрывающійся, въ ненастное время, большими лужами, такъ что по дороге, ведущей черезъ площадь къ дворцу, нужно даже днемъ проходить съ крайнею осторожностью; передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ приступлено было однако къ устройству болѣе приличнаго вѣзда къ этому мѣсту жительства здѣшняго губернатора. Пороховая площадь получила свое названіе отъ пороховыхъ магазиновъ, подлѣ нее находившихся и впоследствии перенесенныхъ за городъ. По повелѣнію одного изъ губернаторовъ, площадь эта была нѣкогда обсажена деревьями, изъ которыхъ большая часть уже не существуетъ. Не въ дальнемъ отсюда разстояніи находятся фонтаны, снабжающіе городъ водою, у которыхъ увидите во всякое время толпы негритянокъ, занимающихся мытьемъ бѣлья.

Общественныя знанія въ Парѣ, числомъ и величиною, далеко превосходятъ настоящія потребности города. Въ 1685 году, когда народонаселеніе не превышало 500 человекъ, находились уже здѣсь: соборная церковь, іезуитскій коллегіумъ, два францисканскіе и одинъ кармелитскій монастыри, двѣ церкви, одна часовня и одинъ госпиталь (*misericoirdio*). Впоследствии, коллегіумъ іезуитовъ обращенъ въ духовную семинарію, а кар-

мелитскій и францисканскіе монастыри употребляются нынѣ для разныхъ свѣтскихъ цѣлей; въ первомъ изъ нихъ собирается законодательное собраніе, а во вторыхъ помѣщается таможенное управленіе и арсеналь.

Дворецъ, построенный въ половинѣ прошедшаго столѣтія, въ то время, когда Португалія еще мечтала о будущемъ своемъ владычествѣ на берегахъ Амазонской рѣки, вполне изображаетъ прежнее могущество этой державы, хотя архитектурный стиль его принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ и не можетъ быть названъ ни изящнымъ, ни величественнымъ. За дворцомъ находится не достроенный театръ, поросшій кустарникомъ и виноградными лозами и составляющій въ такомъ видѣ истинное украшеніе города, которымъ едва ли бы онъ былъ, если бъ его окончили. Въ недалекомъ отсюда разстояніи возвышается соборная церковь, одно изъ обширнѣйшихъ зданій этого рода въ цѣлой Бразиліи; съ двухъ ея башенъ раздается никогда почти не умолкающій звонъ колоколовъ.

Самый городъ и окрестности его не представляютъ недостатка въ мѣстахъ для прогулки. Къ лучшимъ изъ нихъ безспорно принадлежатъ двѣ длинныя аллеи, одна другую пересекающія и обсаженныя рядами деревьевъ, называемыхъ Mangabeira, отъ чего и самое мѣсто прогулки получило названіе Rua Mangabeiras. Эти деревья замѣчательны необыкновеннымъ объемомъ, и весьма не многія, изъ встрѣчаемыхъ въ лѣсахъ Бразиліи деревьевъ, украшаются столь величественною вершиною. Кора ихъ, ровная и гладкая какъ зеркало, представляетъ рѣдкую игру красокъ, переходящихъ изъ зеленыхъ въ сѣрыя. Плоды ихъ величиною съ кокосовый орѣхъ, и состоятъ изъ огромныхъ краснаго цвѣта стручьевъ, содержащихъ желтое, шелковистое вещество, похожее на хлопчатую бумагу. Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, при отцвѣтаніи этихъ деревьевъ, листья спадаютъ и на голыхъ сучьяхъ остаются только плоды и цвѣты, изъ которыхъ въ скоромъ времени произрастаетъ столь роскошная и густая зелень, что даже при палящихъ лучахъ солнца можно всегда найти подъ ними тѣнь и прохладу. На этихъ деревьяхъ любятъ пріютиться болтливые попугаи, находящіе себѣ вкусную пищу въ сѣменахъ плодовъ, и множество другихъ птицъ, очаровывающихъ пѣніемъ своимъ мимо проходящихъ, и нерѣдко только-что прибывшій сюда Европейецъ, пораженный такимъ пѣніемъ, начинаетъ думать, что слышитъ звонкія трели варякушки, веселое пѣнье ренолова и вѣбный тихій свистъ иволги; хотя это и заблужденіе, но все-таки знакомые родные звуки столь же сладко и пріятно раздаются въ

ушахъ его, какъ если бы онъ находился въ лѣсахъ и рощахъ отдаленной его отчизны. Изъ всего этого можно заключить, что Rua Mangabeiras, по всей справедливости составляетъ любимое мѣсто прогулки здѣшняго общества; а потому, съ раннего уже утра до самаго захоженія солнца, всегда можно встрѣтить здѣсь толпы гуляющихъ. Другую же прогулку, въ особенности для верховой ѣзды, представляетъ дорога въ Nazaré, отстоящая почти на одну англійскую милю отъ города. Это мѣсто близъ часовни, посвященной пресвятой дѣвѣ Назаретской, считаеваемой защитницею всѣхъ трудящихся, обремененныхъ скорбію и больными. При входѣ въ четырехъ-угольную площадь, на которой возвышается часовня, находится рядъ скамеекъ, призывающихъ усталыхъ къ отдохновенію.

Но болѣе всего любили мы проводить время въ самомъ городѣ, у одного изъ нашихъ знакомыхъ, владѣльца лучшаго и прекраснѣйшаго изъ всей округности дома. Такъ какъ этотъ знакомый жилъ недалеко отъ насъ, то мы весьма часто его посѣщали и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ наслаждались тѣнію чудесныхъ деревъ его сада, посреди котораго находились кофейныя плантаціи. Кофейный кустарникъ имѣетъ бѣлыя, весьма пріятныя для глазъ цвѣтки; листья его длиною почти въ шесть дюймовъ, широки и темновато-зеленаго цвѣта. Плоды, сначала зеленые, по совершенномъ созрѣніи, принимаютъ темно-красный цвѣтъ; каждый изъ нихъ содержитъ два сѣмлячка, окруженныхъ тонкою, сладковатаго вкуса оболочкою. Сначала сушатъ плоды на солнцѣ, а потомъ отдѣляютъ отъ нихъ сѣмена или, лучше сказать, зерна, которыя въ такомъ видѣ идутъ въ торговлю. Кофейный кустарникъ приноситъ плоды на второй, или на третій годъ. Въ прежнее время разводилось въ окрестностяхъ Пары множество плантацій, такъ что кофе составлялъ тогда не маловажную статью вывоза; теперь же эта отрасль промышленности пала до того, что кофе привозится сюда даже изъ другихъ странъ; бѣлая же часть прежнихъ кофейныхъ плантаторовъ занялась разведеніемъ болѣе выгодныхъ продуктовъ, или обратила все свое стараніе на собираиіе каучука.

Еще заслуживали въ этомъ саду особеннаго нашего вниманія: просторныя ананасовыя плантаціи, плоды которыхъ были необыкновенной величины. Такъ наприимѣръ: въ скоромъ времени послѣ нашего пріѣзда, подали за обѣдомъ у британскаго консула сорванный въ этомъ саду ананасъ, вѣсившій 19 фунтовъ.

Апельсинныя деревья производили на меня всегда пріятное

впечатлѣніе, потому-что во всякое время года и во всякой степени своего развитія они покрываются цвѣтами и плодами въ одно и то же время. Освѣжительное свойство этихъ плодовъ содѣлываетъ ихъ почти необходимою пищею для здѣшнихъ жителей, и можно даже съ достовѣрностью сказать, что въ этой жаркой сторонѣ они составляютъ превосходное лекарство противъ многихъ болѣзней. Здѣсь ихъ кушаютъ сколько душъ угодно, безъ всякаго вреда для здоровья, такъ что многіе уничтожаютъ ихъ за завтракомъ по нѣсколько десятковъ. Встрѣчалось намъ также видѣть, въ окрестностяхъ города Пары, лимонныя деревья, походящія почти во всемъ на апельсинныя. Сокъ плодовъ ихъ замѣняетъ здѣсь укусъ, которому приписываютъ вредное дѣйствіе, при употребленіи его въ пищу. Мѣстные жители изготовляютъ также изъ лимоновъ разные напитки и варятъ превосходное варенье.

Но лучшее и прекраснѣйшее изъ всѣхъ деревьевъ этой страны есть *Mangifera Indica*. Его узкія и длинныя листья, блестящаго темно-зеленаго цвѣта, въ продолженіе своего развитія, мѣняютъ безпрестанно цвѣта свои, такъ что изъ бѣлаго переходятъ въ желтый, оранжевый и даже яркій пунсовый, и тѣмъ самымъ пріятно разнообразятъ темную зелень лѣсовъ. Плодъ этого дерева зеленаго цвѣта и величиною съ лимонъ. Во время нашего пребыванія въ Парѣ, простой народъ не употреблялъ его однако въ пищу, потому-что приписывалъ ему появленіе разныхъ кожныхъ болѣзней, похожихъ на проказу.

Не менѣ замѣчательное, но только не по красотѣ своей, есть дерево *Jugã*. Оно имѣетъ множество бѣленькихъ цвѣтковъ, чрезвычайной душистости, и тѣмъ самымъ привлекающихъ коллѣбри. Какъ только что цвѣты эти начнутъ распускаться, то залетаетъ на нихъ такое множество этихъ птичекъ, что дерево кажется какъ будто обсыпаннымъ цвѣтами всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. Плодъ *Jugã* есть стручекъ, имѣющій одинъ футъ длины и дюймъ въ поперечникъ и заключающій въ себѣ продолговатая сѣмена, до которыхъ весьма лакомы маленькіе попугаи.

Намъ понравилось еще дерево *Mangaba*, доставляющее здѣшнимъ жителямъ овощъ, извѣстную у насъ въ Европѣ подъ названіемъ аллигаторской груши. Эта груша имѣетъ въ срединѣ большое ядро, окруженное мягкимъ и сочнымъ бѣловатымъ веществомъ, котораго обыкновенно кушаютъ съ виномъ и сахаромъ. Должно еще замѣтить, что это есть единственный плодъ, котораго бѣдятъ кошки, и до котораго они даже весьма лакомы.

Но ни одно дерево не имѣетъ, можетъ-быть, такихъ вкусныхъ плодовъ, какъ растеніе *Migaba*. Плоды его не болѣе какъ съ кокосовый орѣхъ и имѣютъ тонкую, сѣровато-зеленаго цвѣта оболочку, усыпанную чешуйчатыми наростами. Оболочку сдираютъ и потомъ бѣдятъ ложками его бѣлую, вѣжкую сердцевину, которая бываетъ кислватаго вкуса и походить на сметану, перемѣшанную съ виномъ.

Никогда не изгладится во мнѣ впечатлѣніе, произведенное богатствомъ и разнообразіемъ растительнаго царства этой страны. Мы находили здѣсь множество деревьевъ и кустарниковъ, видѣвъ нами не видѣнныхъ, или только намъ извѣстныхъ по жалкимъ образцамъ, находимымъ въ нашихъ оранжереяхъ. Большею же частію мы встрѣчали здѣсь деревья, названіе которыхъ мы вовсе не знали, такъ что намъ оставалось только ими удивляться.

Народонаселеніе города Пары состоитъ изъ природныхъ Бразилійцевъ и изъ Португальцевъ. Вообще жители оцарены хитрыми умственными способностями; многіе изъ нихъ образованы и всѣ вообще учтивы и общежительны. Между нисшими классами народонаселенія находится множество жидовъ, занимающихся судоходствомъ по рѣкѣ, или перевозкою товаровъ, въ чемъ они оказываютъ рѣдкую смѣтливость и проворство. Ремесленный же классъ состоитъ болѣею частію изъ Португальцевъ, отличающихся характеристическимъ прилежаніемъ своей націи, — въ чемъ мы по неволѣ удостоверились, такъ какъ противъ насъ жила башмачникъ, не переставшій даже по ночамъ стучать своимъ молоткомъ, и тѣмъ насъ крайне беспокоилъ. По утру совершаются въ городѣ Парѣ всѣ дневныя работы, во время же полуденнаго жара всякой идетъ заснуть въ своей койкѣ, и тогда, какъ говорятъ Бразилійцы, въ встрѣтите на улицѣ развѣ только Англичанъ, да собакъ. Съ наступленіемъ вечера, выходятъ всѣ изъ домовъ своихъ и веселятся до самой ночи; тогда по всему городу раздаются вездѣ веселые звуки пѣсней и гитаръ.

Но болѣе всего удивляетъ здѣсь всякаго иностранца способъ переноски тяжестей; лошади и телеги для того никогда не употребляются, а всѣ тяжести переносятъ негры на головахъ. Тяжелыя и легкія вещи доставляются ими съ одинаковою исправностію съ одного мѣста на другое; для выгрузки же кораблей, составлены здѣсь изъ черныхъ невольниковъ двѣ компаніи.

По утру вездѣ вамъ попадаются на улицахъ молодыя негрятки, несущія огромные лотки съ вареньями, издѣлія своихъ господъ. Утверждаютъ, что самыя знатныя дамы въ Парѣ не

стыдятся заниматься такою торговлею, и многіе примѣры доказываютъ, что этимъ способомъ можно себѣ нажить значительное состояніе. На подобныхъ же лоткахъ носятъ женщины овощи и фрукты.

Принятый здѣсь обычай, носить всѣ возможные тяжести на головѣ, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ стройнаго роста, замѣчаемаго въ тѣлосложеніи негровъ и Индѣйцевъ. Горбатыхъ, или другимъ образомъ изувѣченныхъ, встрѣтите между ними очень рѣдко, что конечно происходитъ также и отъ образа воспитанія дѣтей, которыхъ туземцы предоставляютъ совершенно собственному произволу. Повсюду увидите вы на улицахъ толпы мальчишекъ и дѣвочекъ, безъ всякой одежды, играющихъ съ козами и собаками и валяющихся съ ними въ грязи. Эта не стѣсненная жизнь придаетъ ихъ мускуламъ крѣпость и не мало способствуетъ къ правильному развитію тѣла. Только въ самомъ городѣ высшіе классы заботятся нѣсколько болѣе объ одеждѣ дѣтей, но въ деревнѣ вообще господствуетъ обыкновеніе вовсе ихъ не одѣвать: такъ напр., когда представляемъ намъ былъ, на границѣ Рио-Негро, сынъ начальника этой страны, то весь костюмъ его состоялъ изъ пары башмаковъ.

Пища высшихъ классовъ народонаселенія состоитъ болѣею частью изъ рыбы и кушаньевъ, приготовленныхъ изъ муки. Рыбу ловятъ въ Амазонской рѣкѣ и потомъ ее солятъ и сушатъ. Мука добывается изъ корня растенія, называемаго Маніокъ. Листья этого растенія походятъ на руки человѣскія, а длинный тонкій стебель его раздѣляется на короткія вѣтви, изъ которыхъ каждая пускаетъ корень въ землю и потомъ уже снова вырастаетъ какъ отдѣльное растеніе. Съ растущихъ на немъ шишекъ снимаютъ сперва толстую кору и потомъ растираютъ ихъ на камнѣ; получаемое отъ этого вещество кладется въ сдѣланный изъ пальмовой коры мѣшокъ, къ которому, съ одного конца, прикрѣпляютъ большой камень, а за другой привѣшиваютъ къ гвоздю, — и такимъ образомъ выжимаютъ изъ этого вещества сокъ, имѣющій, какъ многіе утверждаютъ, ядовитое свойство и испаряющійся весьма скоро на открытомъ воздухѣ. Оставшуюся въ мѣшкѣ массу выкладываютъ на большую сковороду и потомъ сушатъ. Получаемая отъ этого мука имѣетъ бѣлый или коричневыи цвѣтъ, смотря по большому или меньшему старанію, приложенному при ея изготовленіи. Совершенно готовая, она сохраняется въ открытыхъ корзинахъ, выложенныхъ пальмовыми листьями. Эта мука замѣняетъ въ Бразиліи хлѣбъ и картофель, для Индѣйцевъ же и негровъ составляетъ почти исключительную пищу. Изъ расте-

нія Маніокъ добывается также крахмалъ, составляющій въ Бразиліи довольно важную отрасль промышленности.

Хотя здѣшнія рѣки и изобилуютъ рыбою, но высшій классъ общества въ Парѣ не находитъ ее довольно вкусною и потому мало ее употребляетъ. Въ извѣстное время года привозится съ морскаго берега въ городъ Пару множество устрицъ, и въ особенности раковъ, отличающихся величиною и вкусомъ своимъ, между-тѣмъ какъ устрицы ни въ какомъ отношеніи не могутъ сравняться съ ловимыми у насъ въ Европѣ.

Мясо составляетъ на рынкахъ этого города главный предметъ торговли. Въ Мараіо и въ близъ лежащихъ островахъ находится огромныя стада быковъ, откуда ихъ перевозятъ въ большихъ лодкахъ. Эти быки не отличаются ни мясомъ своимъ, ни ростомъ, и такъ какъ перевозка ихъ съ острововъ въ городъ продолжается иногда цѣлую недѣлю, и въ это время они мало пьютъ и вовсе ничего не ѣдятъ, то весьма понятно, что, будучи убиты въ такомъ состояніи, они не могутъ доставить вкуснаго, хорошаго мяса, которое ктому же здѣсь совсѣмъ не умѣютъ готовить: его всегда разрѣзываютъ какъ стейкъ, а потомъ болѣею частью только развариваютъ; о рост-бифѣ же и бифштексѣ не имѣютъ въ Парѣ и малѣйшаго понятія.

Городъ Пара славится, въ особенности, плодами своими, изъ которыхъ многіе свойственны только климату Бразиліи. Изъ плодовъ всего болѣе замѣчательны бананы; дерево, на которомъ они растутъ, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ изъ рода пальмъ; листья его, обвиваясь въ видѣ короны вокругъ ствола, имѣютъ шесть футовъ длины и два въ ширину, а плоды, образуя большія кисти, на подобіе виноградныхъ, держатся на стеблѣ, ниспадающемъ съ вершины дерева. Эти плоды срѣзываются съ стебля, пока еще зелены, и потомъ уже оставляются для созрѣванія въ тѣни. Бананы разрѣзываются обыкновенно продолговатыми кусочками и потомъ жарятся въ маслѣ; испеченныя въ золѣ, имѣютъ очень пріятный вкусъ, напоминающій вкусъ печенаго яблока. Употребляемые въ пищу сырые, они столь же вкусны, какъ и питательны. Деревья, на которыхъ они растутъ, разсаживаются безъ особеннаго старанія, а потому во множествѣ украшаютъ сады плантаторовъ и болѣе скромныя жилища Индѣйцевъ.

Кокосовыя деревья растутъ также въ большомъ изобиліи въ окрестностяхъ Пары и узнаются издали по широкимъ листьямъ своимъ и пучкамъ орѣховъ, украшающихъ ихъ вершину. Эти

орѣхи употребляются въ пищу пока еще молоды и пока ядро не сдѣлалось вязкимъ.

Между растущими здѣсь пальмовыми деревьями, плоды которыхъ идутъ на изготовленіе множества кушаньевъ, замѣчательна въ особенности пальма, извѣстная здѣсь подъ названіемъ Assai. У этой пальмы листья походятъ на узкія, длинныя ленты, а стволъ имѣетъ два, а иногда три стебля, окруженныхъ одною общою корою. Какъ только что эта послѣдняя спадетъ, то появляется вокругъ стеблей множество зеленыхъ ягодъ, которыя при созрѣваніи дѣлаются ярко-краснаго цвѣта, и тогда стаи попугаевъ и другихъ птицъ съ жадностію бросаются на нихъ и постребляютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Такъ какъ эти ягоды покрыты бываютъ толстою кожицею, то при употребленіи ихъ въ пищу, сперва обливаютъ горячею водою и потомъ растираютъ въ большомъ сосудѣ, чтобъ отдѣлить эту кожицу; послѣ этого выжимаютъ изъ нихъ сокъ и прибавляютъ, для сгущенія оставшагося пурпуроваго цвѣта вещества, сахаръ и муку. Приготовленное такимъ образомъ кушанье кажется иностранцу, съ перваго разу, не совсемъ вкуснымъ и пріятнымъ, но впоследствии онъ къ нему до того привыкаетъ, что можетъ его употреблять наравнѣ съ необходимѣйшими жизненными потребностями.

Цѣлью первой нашей прогулки, по окрестностямъ Пары, было осмотрѣніе рисовыхъ мельницъ, находившихся въ Магоари, въ 12 англійскихъ миляхъ отъ города. Такъ какъ сухопутная ѣзда была въ то время неудобна во многихъ отношеніяхъ, то мы рѣшились ѣхать туда водою, а потому и наняли одну изъ большихъ лодокъ, находящихся всегда въ готовности для подобныхъ путешествій. Это было хорошенькое судно, съ просторною, крытою каютою, управляемое двумя бѣлыми и однимъ негромъ. Мы выѣхали вечеромъ изъ города и при наступленіи ночи достигли уже того ручья, по которому должны были плыть до самыхъ рисовыхъ мельницъ; но здѣсь случилось съ нами непредвидѣнное обстоятельство: наши гребцы, не успѣвъ, по лѣности своей, воспользоваться приливомъ воды, для того, чтобы подняться вверхъ по ручью, бросили якорь и объявили намъ, чтобы приготовлялись провести ночь на лодкѣ. Такъ какъ мы не могли объясняться на томъ языкѣ, на которомъ они говорили, то всѣ наши упреки и увѣщанія остались тщетными. Не обращая на насъ никакого вниманія, они легли очень равнодушно на лавки и затянули лямку пѣсны.

Ночь была прекрасная; эхо повторяло дикіе звуки пѣсней; издали слышались плескъ волнъ морскихъ, и вѣтеръ тихо

шепелятъ въ листьяхъ деревьевъ, растущихъ на берегу ручья, такъ что въ скоромъ времени мы позабыли случившееся съ нами непріятное обстоятельство и были даже нѣкоторымъ образомъ признательны гребцамъ, за ихъ лѣность, побудившую насъ остановиться ночью на ручьѣ. Небо было совершенно ясно, ни одно облачко не застлало блестящихъ звѣздъ, замѣняющихъ въ лѣтнемъ климатѣ лунный свѣтъ, и которыя въ ту ночь во всей своей мирной, тихой красотѣ, сіяли надъ нашими головами. Такъ какъ рукавъ рѣки, въ которомъ мы бросили якорь, былъ очень узокъ, то высокія деревья склонились въ иныхъ мѣстахъ надъ водою. Огромныя летучія мыши разбѣкали по временамъ воздухъ; изъ чаши лѣсовъ слышались крики хищныхъ птицъ, и было видно, при свѣтѣ звѣздъ, какъ рыбы иногда выскакивали изъ воды; кваканье лягушекъ раздавалось изъ сосяннихъ болотъ, и громкій плескъ воды обнаруживалъ присутствіе всѣхъ возможныхъ ночныхъ чудовищъ. Въ первый разъ случилось намъ проводить такимъ образомъ ночь; гребцы наши уже перестали пѣть и погрузились въ глубокій сонъ, но мы все еще находились подъ влияніемъ впечатлѣній, произведеннаго на насъ этой сценой. Наконецъ усталость взяла верхъ, и мы также заснули. На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, при поворотѣ рѣки, представилась намъ издали рисовая мельница; за часъ до приближенія къ ней, мы уже слышали шумъ, производимый ея колесами. Это есть высокое каменное строеніе, представляющее въ пустынѣ настоящимъ феодальнымъ замкомъ.

Владѣтель ея былъ заранѣе уведомленъ о нашемъ прибытіи, и мы съ радостію узнали въ немъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ. Положеніе самой мельницы прелестно. Передъ лицевою стороною этого зданія течетъ ручей, дѣлающійся при полномъ широкую рѣкою; при солнечномъ же жарѣ, онъ обращается въ маленькій ручеекъ, и, протекая по низкому лугу, теряется въ густой рощѣ. По другую сторону этого луга, на которомъ паслось тучное стадо быковъ, видѣлся мрачный лѣсъ. За мельницею шла большая дорога къ городу, и двѣ тропинки вели къ маленькимъ озерамъ, снабжающимъ мельницу водою. Всѣ окрестныя мѣста вокругъ мельницы прежде обрабатывались, но въ настоящее время заросли травой. Около мли позади мельницы, дорога ведетъ черезъ мостикъ, брошенный надъ маленькой рѣчкочкой, вытекающей изъ лѣсу. Вода этой послѣдней, какъ и нѣкоторыхъ другихъ близъ текущихъ рѣчекъ, хотя и имѣетъ красноватый цвѣтъ, происходящій вѣроятно отъ разложенія растительныхъ веществъ, но очень

прозрачна, взобилуеть рыбою и угрями. Перебѣхавъ мостыкъ, вступаега въ настоящій первобытнѣйшій лѣсъ, съ деревьями невычайнаго объема и высоты, такъ что вы бы тщетно старались застрѣлить нашимъ ружьемъ птицу, сидящую на вершинѣ какого-нибудь дерева. Стволы этихъ послѣднихъ имѣютъ всѣ возможные формы: то они округлены, то угловаты, иногда же имѣютъ по всѣмъ направленіямъ скважины, пропускающія свѣтъ. Лѣсъ, повсюду, какъ бы перевязанъ вьющимся вокругъ стволовъ и сучьевъ, растеніями, отличающимися прелестнѣйшими цвѣтами. Нѣкоторыя изъ лѣанъ пускаютъ длинныя побочныя вѣтви, качающіяся на воздухѣ, пока не упрутся въ землю, куда пускаютъ корень, и потомъ снова поднимаются къ верху, обвиваясь вокругъ главной ветви, которая въ такомъ состояніи дѣлается сама подпорою другимъ вьющимся около нея лѣанамъ. Такимъ образомъ весь лѣсъ какъ бы переплетенъ растеніями, и одно срубленное дерево увлекаетъ въ паденіи своемъ нѣсколько другихъ. Самое обыкновенное изъ вьющихся растеній, называемое здѣсь *Sipar*, имѣетъ гибкость и упругость каната, и даже часто замѣняетъ его. Лѣаны придаютъ особенно величественный видъ лѣсамъ; при ихъ помощи составляются настоящія крыши изъ сучьевъ и вершинъ деревьевъ, съ которыхъ они ниспадаютъ фестонами. Всѣ они, безъ исключенія, имѣютъ чудеснѣйшіе цвѣты, всѣхъ возможныхъ формъ и видовъ. Иногда случается видѣть отъ десяти до двѣнадцати подобныхъ растеній, вьющихся около одного дерева и между собою такъ переплетенныхъ, что только съ трудомъ можно отличить, къ которой изъ нихъ принадлежатъ цвѣты. Ничего не можетъ быть поразительнѣе и прекраснѣе дерева, украшеннаго и, такъ сказать, населеннаго всѣми возможными породами птицъ, маленькихъ четвероногихъ и различныхъ гадюкъ, находимыхъ во множествѣ въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ. Въ такомъ лѣсу, съ громкими криками, обезьяны всѣхъ породъ гоняются одни за другими по вершинамъ деревьевъ; проворно перекакиваютъ бѣлки съ сучка на сучекъ; веселые, воодушевляющее всѣхъ, заражаетъ также и тихихода, который скорѣе сползаетъ съ сучковъ—поискать себѣ мѣстечка, чтобы спокойно отдохнуть. Иногда проглядываетъ изъ-за листьевъ маленькій олень, ростомъ съ ягненка, боязливо озирается и потомъ весело ускользаетъ, зная, что ему нечего опасаться встрѣчи съ врагомъ. Птицы въ самой пестрой одеждѣ порхаютъ между деревьями. Кукушки напоминаютъ о своемъ присутствіи, а съ вершинъ деревьевъ слышится стукъ, производимый дровосѣчкомъ; красныя птички, въ одеждѣ самыхъ яркихъ цвѣтовъ,

прерываютъ иногда свой скорый полетъ, садятся на сучья деревьевъ и съ любопытствомъ осматриваютъ незнакомаго пришельца; громко раздаются пѣніе сѣрыхъ дроздовъ и слышится болтовня попугаятъ; испуганные же чѣмъ-нибудь голуби поднимаются къ небесамъ. Но прекраснѣе ихъ всѣхъ маленькія колибри, эти живые драгоценные камни, уступающіе блескомъ и красотой красокъ однимъ только алмазамъ; они повсюду видны, то суеятцимися вокругъ душистаго цвѣтка, то гоняющимися цѣлыми стаями за какимъ-нибудь шмелемъ. Бабочки, величшно съ человѣческую руку и небесно-голубаго цвѣта, порхаютъ подъ деревьями, гдѣ мириады насѣкомыхъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и видовъ всегда жужжатъ, кружась между цвѣтами. Изъ песчаной своей норы выползаетъ безмятежная лицегрица, въ своемъ чешуйчатомъ панцирѣ, боязливо озирается и поспѣшно убѣгаетъ при малѣйшемъ шумѣ. Маленькіе холмы и пригорки служатъ убѣжищемъ цѣлымъ роємъ трудолюбивыхъ муравьевъ.

Но въ ночную пору лѣсъ представляется въ другомъ видѣ. Цвѣты, развернушіеся при дневномъ свѣтѣ, сомкнули теперь свои чашечки. Другіе, напротивъ, только что раскрываются и наполняютъ воздухъ умоительнѣйшимъ ароматомъ и тѣмъ самымъ привлекаютъ къ себѣ разныхъ насѣкомыхъ. Но вотъ издали приближается, подобно метеору, полуса свѣта; она сверкаетъ, шевелится, и тамъ, гдѣ останавливается, въ одно мгновеніе освѣщается все пространство, и капли росы на листьяхъ отражаютъ ея лучи; это значитъ, что приближается насѣкомое, называемое свѣтоноскою, которое, съ помощью собственного своего свѣта, отправляется искать себѣ пищи. Воздухъ, разсѣкаемый ночными птицами, летающими надъ вашими головами, и пронзительные крики, раздающіеся въ тишинѣ ночной, заставляютъ васъ невольно вздрагивать. Таковъ видъ лѣса въ хорошую, тихую ночь, но въ бурю—онъ несравненно поразительнѣе и величественнѣе. Густыя тучи вдругъ набѣгаютъ съ востока; имъ предшествуетъ какъ бы тихій, боязливый говоръ, производимый каплями дождя, падающими на лиственный покровъ. Глухой свистъ вѣтра пробѣгаетъ по лѣсу, сначала тихо, потомъ все громче и громче, и превращается наконецъ въ ужасный ревъ. Ураганы случаются довольно часто въ этихъ лѣсахъ, и одинъ изъ нихъ, бывшій во время пребыванія нашего на мельницѣ, никогда не изгладится изъ памяти моей. Съ разрушительною яростью пробѣжалъ онъ по лѣсу, низвергая все, что ему ни встрѣчалось на пути. Но всего болѣе насъ удивило при

этомъ ураганѣ то, что мы не замѣтили ни грома, ни молніи; ужасны были, однако же, дожди, послѣдовавшіе за нимъ и продолжавшіеся почти въ теченіе цѣлаго дня, до самаго захожденія солнца.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Осенніе, модные костюмы еще не появились у насъ въ столицѣ. Вездѣ на гуляньяхъ видишь изящныя соломенные шляпки, украшенныя цвѣтами или пучками страусовыхъ перьевъ. Бархатныя *pardessus*, вышитыя сутажемъ, составляютъ пре-восходный нарядъ, но уже не новый: мы любовались имъ въ наше холодное лѣто.—О платьяхъ можемъ сообщить нѣсколько новостей. Легкія, прозрачныя, также и барежевыя платья отдѣ-лываются складками или зубчатыми воланами. Иногда дѣлаютъ складокъ очень много; начиная съ широкой, доходятъ посте-пенно до самой узкой. Или же дѣлаютъ двѣ очень широкія складки, которыя почти занимаютъ всю юбку. Мы видѣли та-кое бѣлое платье, съ двумя широкими складками; сверхъ каждой складки была вышита гирлянда пунсоваго цвѣта двухъ тѣней. Воланы на платьяхъ также дѣлаютъ или два очень широкихъ, или нѣсколько узкихъ т. е. суживая кверху. На вечерахъ талии носятъ открытыя съ округленнымъ шнуромъ и ко-роткими рукавами. Высокія талии дѣлаются сборчатыми. Те-перь еще носятъ талии полувысокія съ отворотами, которые начинаются отъ самаго шнурка и, разширяясь, доходятъ до плечъ. Съ этимъ фасономъ платья, носятъ вышитыя шемизетки, которыя идутъ подъ самое горло и оканчиваются рюшемъ или гофрированнымъ кружевомъ. Эти талии дѣлаются гладкими и съ округленнымъ шнуромъ. Рукава дѣлаютъ различнымъ образомъ: для барежевыхъ платьевъ—довольно широкіе, не совсѣмъ длин-ные, изъ-подъ которыхъ выходятъ бѣлые, вышитыя или съ бу-фами рукавички. Для платьевъ изъ плотной матеріи предочи-тають рукава гладкіе съ отворотами *à la mousquetaire*, или же довольно широкіе съ обшивками внизу. Бѣлое платье мы ви-

дѣля съ полукрытою таліей, распашною юбкой и греческими рукавами. Мы уже сообщали нашимъ читательницамъ, что теперь платья дѣлаются короче, особенно спереди, но ширина ихъ остается неизмѣнною. Домашнія платья изъ одноцвѣтнаго муслинъ-де-ленъ на подкладкѣ флорансъ, подъ цвѣтъ платья или другаго подходящаго къ нему цвѣта, считаются теперь въ большой модѣ. Такія платья дѣлаются распашными, и ихъ обшиваютъ широкой шелковой тесьмой или узенькимъ бархатомъ въ нѣсколько рядовъ. Особенное вниманіе обращено на бѣлыя юбки, которыя украшаются складками, воланами или вышивками. Кстати о вышивкахъ. Батистовыя платки, употребляемые дома, украшаются только вышитымъ вензелемъ; для утреннихъ визитовъ и для прогулокъ, — широкимъ рубцомъ и узкою кругомъ вышивкою; для вечеровъ — богатою вышивкой и широкими валасьянскими кружевами. Широкія, черныя кружева составляютъ украшеніе шелковыхъ и бархатныхъ мантилій. Легкія, кисейныя мантиліи фасона *à la Antoinette*, то есть съ завязанными назадъ концами, составляютъ превосходное украшеніе на платьяхъ съ открытыми таліями и короткими рукавами. Эти мантиліи вышиваютъ въ тамбуръ и украшаютъ кружевами. Мантиліи этого фасона дѣлаются также изъ плотныхъ матерій и въ особенности для дѣтей. Еще сообщимъ новость: нынче носятъ черныя филейныя перчатки.

У НИГГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостиномъ дворѣ по Суконной линіи подъ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣна на серебро).

ХРИСТІАНСКІЯ БЕСѢДЫ ИСТОРИЧЕСКІЯ И НРАВСТВЕННЫЯ.

Соч. А. С. Стурдзы. Съ франц. перевела М. М. П. Одесса. 1848. Ц. 1 р. 25 коп. вѣс. за 2 ф.

О ВЛІЯНІИ ХРИСТІАНСТВА НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Соч. Бусегаева. М. 1848. Ц. 1 р. 50 к. вѣсов. за 2 ф.

ПОУЧЕНІЯ ПРИ СВЯТЫХЪ МОЩАХЪ

Святителя и Чудотворца Митрофана Воронежскаго. Издано въ пользу монастыря Св. Митрофана, съ изображеніемъ Св. Митрофанія. Спб. 1848. Ц. 1 р. 20 коп. вѣс. за 2 ф.

ПРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ БОГОСЛУЖЕНІЯ

Православной Церкви. Дебольскаго. Спб. 1848. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

Древнихъ Славянъ. И. Срезневскаго. Спб. 1842. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВІЕ.

Соч. Архимандрита Макарія, инспектора и профессора Богословскихъ наукъ въ с.-петербургской духовной академіи. Спб. 1847. Ц. 3 р. съ перес. 4 р.

О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ.

Составлено Бакалавромъ с.-петербургской духовной академіи Е. Бенескриптовымъ. Спб. 1847. Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ИКОНЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОВОРОДИЦЫ

въ православной церкви прославляемыхъ, съ присовокупленіемъ умилительныхъ моленій къ Божіей Матери. М. 1848. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

ЖИЗНЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО,

Келаря Палпычина и Гражданина Минина. Соч. П. Чичагова. Спб. 1848. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

РУССКІЕ БОГАТЫРИ.

Завѣтная книжка ратныхъ людей и народа русскаго, изъ походныхъ записокъ старослуживаго солдата. Спб. 1848. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ КРАТКАЯ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ

и свѣдѣнія объ устройствѣ воздушныхъ шаровъ, съ 5 картинками. Спб. 1848. Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

Его полководцы и министры, съ 23 портретами, съ присовокупленіемъ о жизни ихъ описаній. М. 1848. Ц. 2 р. съ перес. 2. 50 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

для офицеровъ въ полѣ. Съ рисунками. Спб. 1848. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ НА 1847 и 1848 ГОДЫ.

Выпускаетъ первый, въ пользу воспитанниковъ Никольской школы. Съ особымъ музыкальнымъ прибавленіемъ. Спб. 1847. Ц. 2 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ ЛОМОНОСО— (Михаила Никитича). 2 т. Ц. 3 р. 50 к. вѣс. за 4 ф.
 СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. 2 т. Ц. 3 р. вѣс. за 2 ф.
 СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА. 2 т. Съ объясненіями на нѣкоторыя его сочиненія. Спб. 1847. Ц. 2 р. вѣс. за 3 ф.
 СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА. Изд. 2. Ц. 1 р. вѣс. за 2 ф.
 СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА. Спб. 1847. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.
 СОЧИНЕНІЯ КАНТЕМИРА и ХЕМНИЦЕРА, въ 1 томѣ 1847. Ц. 1 р. за пер. за 1 ф.
 СОЧИНЕНІЯ МУРАВЬЕВА. (Михаила Никитича). 2 т. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. за 2 ф.
 СОЧИНЕНІЯ БОГДАНОВИЧА. 2 т. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. за 2 ф.
 СОЧИНЕНІЯ КНЯЖНИНА. (Якова Борисовича). 2 т. Ц. 2 р. вѣс. за 2 ф.
 СОЧИНЕНІЯ ДАВЫДОВА. (Дениса Васильевича). Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.
 СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА. 3 тома (кромѣ исторіи). Ц. 3 р. вѣс. за 4 ф.

ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ

Казака Луганскаго. 4 т. Ц. 5 р. съ перес. 6 р.

ИСТОРИЯ СМУТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ ВЪ РОССИИ

Бутурлина, 3 т. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. Особливо томъ 3-й 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О ВИНОКУРЕНІИ

по привилегированной методѣ новѣйшаго изобрѣтенія, соч. Д. Ермалаева. Съ рисунками. Спб. 1847. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ сочиненію общественныхъ писемъ и къ составленію дѣловыхъ бумагъ, съ приведеніемъ узаконеній, относящихся къ каждому роду означенныхъ бумагъ, и образцовъ или примѣровъ различныхъ писемъ, въ 4 час. 1848. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. за 4 ф.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ СЕКРЕТНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ,

(какъ средство предотвращать несчастныя послѣдствія) пер. съ нѣмец. В. Зейберлингъ. 1848. Ц. 60 к. съ пер. 85 к.

НѢТЬ БОЛѢ ГЕМОРОЯ.

Изслѣдованіе настоящей, доселѣ неизвѣстной сущности и причины геморoidalной болѣзни, съ показаніемъ единственнаго средства самымъ вѣрнымъ, совершенно безвреднымъ и скорымъ способомъ излечиться и предохранять себя отъ появленія гемороя. Доктора Макензи, перев. съ послѣдняго изданія. Ц. 30 к. съ перес. 50 к.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военно-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

- Grellet-Dumanzeau.* Traité de la difformité, de l'injure et de l'outrage. 2 vol in 8. Paris. 1847. 3 r. 80 c.
- Gougeon.* Cours du droit public. 2. vol. 8. Paris 1847. 4 r. 60 c.
- Helie (Faustin)* Traité de l'instruction criminelle, tome 3-e, Paris. 1848. 2 r. 60 c.
- Wheaton.* Elements du droit international. 2. vol. 8. 4 r. 35 c.
- Plutarque.* Traité de morale; trad. de Ricard, revue et corrigée par M. Pierron. 2 vol. 12. Paris 1847. 1 r. 80 c.
- Grimm.* Contes de la famille, trad. de l'allemand par Martin et Chevalier. 2 vol. Paris. 1847. 1 r. 20 c.
- Foa.* Les soirées du vieux chateau. Un vol. 8. illustré de gravures sur bois et de 14 lithographies. Paris. 1848. 2 r. 30 c.
- Querard.* Conseils pratiques aux agriculteurs, etc. in 8. Paris. 1848. 40 c.
- Denis Rouard.* Traité complet de l'horticulture pour les grands et les petits jardins, précédé de la botanique simplifiée. Un vol in 8. orné de gravures. Paris. 1848. 2 r. 30 c.
- Rubens.* Traité des maladies des arbres fruitiers et des moyens de les prévenir et de les guerir. trad par Male. 40 c.

- Vidal*. Des Hernies ombilicales et épigastriques. 1 vol. in 8. Paris. 1848. 75 c.
- Des opérations en plusieurs tems. 1 vol. 8. Paris. 1848. 25 c.
- Bos*. Traité spécial de la malignité dans les maladies. 1 vol. in 8. Paris. 1848. 1 r. 45 c.
- Jaumes*. Traité de pharmacologie spéciale, ou histoire médicale des espèces médicamenteuses.
- Baldou*. Instruction pratique de l'hydrothérapie. 2e édition. Paris. 1847. 1 vol. in 8. 2 r. 5 c.
- Cambay de Cambrai*. Traité des maladies des pays chauds. 1e partie. La Dysenterie et des maladies du foi. Paris. 1847. 1 vol. 8. 2 r. 30 c.
- Rodet*. Essai sur les accidents qui peuvent resulter de l'emploi de l'iodure de potassium. 1 vol. 8. Paris. 45 c.
- Régnauld*. Cours élémentaire de chimie à l'usage des facultés, des établissements d'enseignement secondaire, des écoles normales et des écoles industrielles. 2 vol. in 12. 4. 45 c.
- Lhéritier*. Eléments populaires de chimie agricole ou résumé élémentaire des connaissances chimiques dans leur application à l'agriculture. Paris. 1847. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Saccé*. (F. D.-r.) Précis élémentaire de chimie agricole. Paris. 1848. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Lagrange*. Théorie des fonctions analytiques. nouv. edit. revue par *Serret*. Un vol. in 4. Paris. 1846. 5 r. 20 c.
- Sonnet*. Algèbre élémentaire avec de nombreuses applications à la géométrie et aux questions les plus simples de physique, de mécanique etc. Un vol. in 8. Paris. 1848. 1 r. 75 c.
- Czynsky*. Kopernik et ses travaux. Un vol. in 8. Paris. 1846. 1 vol. 1 r. 75 c.
- Pontécoulant*. Théorie analytique du système du monde. 4 vol. in 8. et supplement. 20 r. 75 c.
- Plisson*. Les mondes, ou essai philosophique sur les conditions d'existence des êtres organisés dans notre système planétaire. Un vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Jurién de La Gravière*. Guerre maritime sous la république et l'empire. 2 vol. in 12. 1 r. 80 c.
- Krantz*. Etudes sur l'application de l'armée aux travaux d'utilité publique. Un vol. in 8. Paris. 1847. 60 c.
- Instructions* pour l'enseignement de la gymnastique dans les

- corps des troupes et les établissements militaires. Un vol. in 8. avec atlas. Paris. 1847. 1 r. 25 c.
- Moduit*. Les derniers jours de la grande armée, ou souvenirs, documents et correspondance inédite de Napoleon en 1814 et 1815 t. 1. in 8. Paris 1847. 2 r. 20 c.
- Chatelain*. Traité des reconnaissances militaires. T. 1e partie théorique. 1 vol. 8. Paris 1847. 2 r. 60 c.
- Damont*. Des travaux publics dans leurs rapports avec l'agriculture. 1 vol. in 8. Paris. 1847. 1 r. 75 c.
- Teisserence*. Etudes sur les voies de communication perfectionnées et sur les lois économiques de la production du transport etc, 2 vol in 8. Paris. 1847. 4 r. 10 c.
- Valerio et Brouville*. Documents officiels sur le matériel des chemins de fer. Paris. 1847 1e liv in 4. avec atlas g-d. in fol. 3 r. 50 c.
- Sageret*. Almanach et annuaire des batiments des travaux publics et de l'industrie pour 1848. 1 vol. in 12. Paris 1848. 1 r. 30 c.
- Guinot*. Les bords du Rhin. Un magnifique vol in 8. orné de 11 vignettes et carte. Paris. 1848. 2 r. 90 c.
- Le même ouvrage riche reliure t. d. 4*
- Lefranc*. Manuel des aspirants au baccalauréat et lettres. Un gros volume in 18. Paris. 1848. 60 c.
- Leclerc*. (Jos. Vict.) Nouvelle rhétorique extraite des meilleurs écrivains anciens et modernes, suivie d'observations sur les matières de composition dans les classes de Rhétorique, 40e edit. Paris. 1848. 1 r. 5 c.
- Polybe*. Histoire générale, trad. nouvelle par *Felix Bouchot*. 3 vol in 12. 2 r. 70 c.
- Histoire générale* de la marine, comprenant les naufrages célèbres, les voyages autour du monde, guerres et batailles navales publiée sous la direction de *M. Van Tessac*. 4 vol. in 8. 11 r.
- Lacroix*. Introduction à la géographie mathématique et critique et à la géographie physique, nouv. edit. 1 vol. in 8 avec pl. et cartes. 2 r. 90 c.
- Richard et Guetin*. Manuel complet du voyageur en Allemagne, comprenant l'indication officielle des chemins de fer, bateaux à vapeur, messageries, hotels etc. Un vol. in 18 avec carte routière. Paris. 1847. 2 r. 55 c.

ОПЫТЪ ОПРАВДАНИЯ ШЕСЫ:

ПАМЯТЬ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ.

Вновь вышедшая книга. Цѣна 15 коп. сер.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, надписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

Печатать дозволяется, 28 іюля 1848 г. Старшій цензоръ *Рочфортъ*.

=

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ СЫНА ОТЕЧЕСТВА

НА 1849 ГОДЪ.

Журналъ *Сынъ Отечества* будетъ издаваемъ и въ будущемъ 1849 году, безъ всякой перемѣны въ нынѣшнемъ его планѣ, съ нѣкоторыми улучшеніями, о которыхъ будетъ нами объявлено въ особой, подробной программѣ.

Цѣна остается прежняя: *пятнадцать рублей* серебромъ за годовое изданіе. Съ пересылкою къ господамъ иногороднымъ, или съ доставкою въ С. Петербургъ на домъ: *шестнадцать рублей 50 копеекъ* серебромъ.

Подписка принимается исключительно: 1) Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; 2) въ конторѣ *Сына Отечества*, въ книжномъ магазинѣ *Василья Петровича Полякова*, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиного двора, подъ № 17, въ С. Петербургѣ.

Предъ всѣми господами подписавшимися въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, редакторъ и издатель принимаютъ на себя отвѣтственность въ исправной и своевременной доставкѣ журнала, къ чему будутъ ими приняты всѣ возможныя мѣры.

1 сентября 1848.

Редакторъ *Константинъ Масальскій*.
Издатель *Константинъ Жеряковъ*.